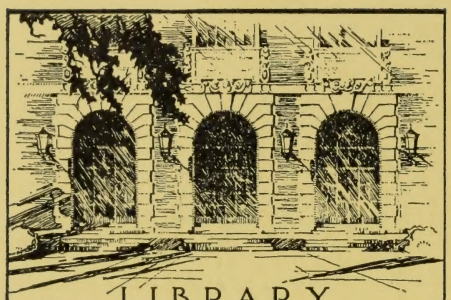


LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

947.05
El4WwRg

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUN 25 1982

AUG 4 1982

APR 12 1994

MAY 23 1994

OCT 13 2000

SEP 20 2000

L161—O-1096

К. ВАЛИШЕВСКІЙ.
ДОЧЬ ПЕТРА.
(ИМПЕРАТРІЦА ЕЛИЗАВЕТА)
1741—1762.
ПОЛНЫЙ ПЕРЕВ. СЪ ФРАНЦ. А. ГРЕТМАНЪ.
СНАБЖЕННЫЙ ПОДЛИННЫМИ ПИСЬМАМИ
И
ДОПОЛНЕНІЯМИ ИЗЪ АРХИВНЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ.
ОБЛОЖКА, ВИНЬЕТКИ и ЗАСТАВКИ
ХУДОЖНИКА ПЕТРА АФАНАСЬЕВА.
К-ИЗД. СФИНКСЪ
ПЕТРЪ АФАНАСЬЕВЪ

Типографія Торг. Дома „Мысль“, Москва, Петровка, 17.

947.05
El4WwRg

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ.

Прежде всего одно слово о заглавіи этой книги. Въ немъ—она вся. Я выбралъ его потому, что оно соотвѣтствуетъ факту, имѣющему первостепенное значеніе не только въ исторіи царствованія Елизаветы и исторіи Россіи, но также въ исторіи всего европейскаго сѣверо-востока восемнадцатаго вѣка.

Во второй половинѣ этого столѣтія въ домѣ Романовыхъ, со смертью внука преобразователя, Петра II Алексѣевича, въ 1730 г. пресѣклось прямое мужское потомство, и престолъ перешелъ въ побочную линію—не къ прямымъ наслѣдникамъ Петра. Только съ воцареніемъ Елизаветы мы снова видимъ во главѣ правленія дочь великаго царя. И ею Елизавета была не только по происхожденію, но, главное, она является прямой преемницей Петра по духу своего царствованія, чисто національному.

Мнѣ могутъ возразить, что именно съ царствованіемъ Петра въ государственный строй

Россіи вторгается иностранный элементъ. Но, какъ я уже старался доказать *), при Петрѣ этотъ элементъ игралъ роль служебную и только при преемникахъ его, особенно при Аннѣ Іоанновнѣ выдвинулся на первый планъ. Елизавета вернула его въ рамки подчиненія.

Вотъ что авторъ желалъ выразить заглавіемъ своей книги и что придаетъ ей главный интересъ.

Россія, которую онъ пытался возсоздать въ своей книгѣ,—страна, стоящая на рубежѣ, обозначающемъ конецъ цѣлой системы правленія, во многомъ разнящейся отъ эпохи послѣдующей,—является на его взглядъ гораздо болѣе оригинальной и даже болѣе симпатичной.

Также и личность самой Елизаветы, хотя не столь величественная, какъ фигура ея знаменитой преемницы, не лишена привлекательности. Въ той рамкѣ, гдѣ ее слѣдуетъ помѣстить, она въ нѣкоторомъ родѣ даже интереснѣе, потому что находится тутъ какъ разъ на своемъ мѣстѣ. Это русскій типъ и чрезвычайно своеобразный. Рамка также. Вначалѣ пятнадцатилѣтній миръ внѣшній и внутренній, между грозными переворотами прошлаго и бурями будущаго, даетъ намъ возможность наблюдать черты всей обста-

*) Валишевскій. Петръ Великій.

новки въ состояніи относительнаго покоя и подъ угломъ, сразу дѣлающимъ все обаятельнымъ, придающимъ всему праздничный видъ, дающимъ впечатлѣніе отдыха, наслажденія, испытываемаго и сообщаемаго другимъ — всего, чего не зналъ вѣкъ Ивана Грознаго и чего долго мы не видимъ также въ будущемъ. Къ этому присоединяется пробужденіе умственной дѣятельности, художественныхъ вкусовъ, утонченности въ общественныхъ отношеніяхъ; а привившаяся дипломатическая дѣятельность доставляетъ странѣ возможность совершенно новымъ способомъ заглянуть въ интимную жизнь европейскихъ дворовъ и канцелярій. И, наконецъ, передъ нами развертывается картина Семилѣтней войны—блестящей военной эпопеи, показавшей уже не однимъ туркамъ и шведамъ, но всей Европѣ военную доблесть народа; побѣдоносной борьбы между первой въ мірѣ арміей и величайшимъ полководцемъ; передъ нами проходятъ Гроссъ-Егерсдорфъ и Кюнерсдорфъ, Фридрихъ, доведенный до крайности, еще не оперившійся императорскій орелъ Гогенцоллерновъ, чуть-было не задушенный „сорвавшимся съ цѣпи медвѣдемъ“,—торжество, какого Россіи не выпало на долю испытать вторично.

Конечно, это торжество стоило дорого, и мы

увидимъ цѣной какихъ бѣдствій, страданій и даже позора внутри страны пріобрѣтенъ этотъ внѣшній блескъ. Но и эта сторона картины не менѣе достойна нашего вниманія.

Внутренняя исторія этого царствованія еще не написана, даже въ Россіи. Одинъ англійскій историкъ недавно утверждалъ, что ее вовсе не было. Я надѣюсь доказать ему противное, впрочемъ, не воображая себѣ, что вполнѣ пополню пробѣлъ. Внѣшнюю исторію этого періода часто затрогивали въ связи съ исторіей всѣхъ европейскихъ государствъ. Мнѣ кажется, я, съ своей стороны, могу прибавить нѣсколько штриховъ. Мои занятія въ французскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ позволили мнѣ открыть нѣкоторые документы, ускользнувшіе отъ вниманія моихъ предшественниковъ и способные, какъ мнѣ кажется, пролить новый свѣтъ на нѣкоторые эпизоды того времени, а именно на первыя попытки сближенія между Франціей и Россіей и на роль, которую въ нихъ сыграла секретная дипломатія. Въ секретныхъ архивахъ Берлина моя добыча была еще обильнѣе. Политическая переписка Фридриха, съ которой мнѣ удалось познакомиться отчасти въ оригиналахъ, позволила мнѣ замѣтить, къ моему удивленію, что ученые издатели этой пе-

переписки *) слишкомъ смѣло утверждали, будто ихъ трудъ не упустилъ изъ виду ни одного важнаго документа. Предоставляю моимъ читателямъ судить самимъ. Секретные архивы Вѣны, хотя и обслѣдованные относительно этой эпохи Арнетомъ и другими историками, которыхъ я вполнѣ цѣню, тоже доставили мнѣ много еще неизвѣстныхъ данныхъ.

Оканчивая настоящей книгой рядъ моихъ работъ по исторіи Россіи восемнадцатаго вѣка, я еще хочу сказать нѣсколько словъ по поводу того, что одинъ изъ моихъ критиковъ, вообще благосклонный, назвалъ „моими бросаніями изъ стороны въ сторону по этой эпохѣ". Въ предисловіи къ одной изъ предшествовавшихъ книгъ я уже указалъ на причины, побудившія меня представить публикѣ картину, конечно, неполную, царствованія Екатерины II. Не намѣреваясь дѣлать сравненія, которое могло бы показаться смѣшнымъ, позволю себѣ только замѣтить, что причины, повидимому, подобныя руководили двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ довольно авторитетнымъ историкомъ. Звали его Тацитомъ, и онъ началъ съ царствованія Гальбы, а потомъ уже перешелъ къ Нерону.

---

*) Politische Correspondenz Friedrich des Grossen (редактированная Дройзеномъ, Дункеромъ, Зибелемъ).

Но я обязанъ дать моимъ читателямъ еще нѣкоторыя объясненія. Несмотря на благосклонный пріемъ, оказанный моему труду, все же не обошлось безъ возраженій и довольно серьезныхъ нападокъ. Обвинивъ меня за нѣкоторыя мѣста въ недоброжелательномъ отношеніи къ Россіи даже въ клеветѣ на нее, меня за другія мѣста включили въ число низкопоклонныхъ царедворцевъ. Но эти мелочи не удивили меня и не лишили бодрости. Я ожидалъ подобнаго отношенія, смѣю даже сказать, надѣялся на него. Мнѣ кажется, оно показало мнѣ, что я, если не достигъ, то, по крайней мѣрѣ, приблизился къ тому идеалу исторической безпристрастности, къ которому мы всѣ стремимся, какъ къ вершинѣ, достигнуть которой составляетъ предметъ нашихъ усилій. Скаты ея усѣяны терніемъ, и я не жалуюсь на уколы, выпавшіе на мою долю по пути. Но мнѣ кажется, что нѣкоторыя изъ возраженій на мои изысканія въ значительной степени зависятъ отъ невѣрнаго пониманія цѣли, которую я себѣ поставилъ, и даже естественнаго предмета всякаго историческаго изслѣдованія. Вѣдь вообразилъ же одинъ русскій критикъ, что, взявъ на себя роль посредника между двумя различными мірами, я непремѣнно долженъ былъ пожертвовать однимъ изъ нихъ и именно говорящимъ на языкѣ Пушкина.

Но ради чего же непремѣнно такая обязательная жертва? Истина не есть богиня, требующая жертвъ на свой алтарь. Она требуетъ только справедливости и чистосердечія.

Какъ ни строгими могутъ показаться въ глазахъ моихъ русскихъ читателей нѣкоторые изъ моихъ взглядовъ о мѣстѣ, занимаемомъ ихъ страной въ исторіи европейской цивилизаціи, однако ничто не доказываетъ лучше мою правоту, какъ именно ѣдкость вызванныхъ мною протестовъ. Ничѣмъ не оправдыемая гордость, легко дающееся самодовольство, наивное чувство превосходства надъ окружающимъ міромъ,—все это вѣрные признаки культуры, еще зачаточной, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ смыслѣ. Взгляните на напыщенный Китай и сравните его съ скромной Японіей.

Однако въ этомъ отношеніи сдѣланъ успѣхъ. Полвѣка тому назадъ Чаадаевъ рисковалъ поплатиться вѣчнымъ заключеніемъ за то, что сказалъ своимъ землякамъ нѣсколько жестокихъ истинъ, въ справедливости которыхъ многіе изъ нихъ убѣдились впослѣдствіи. Меня никто не намѣревался засадить въ тюрьму. Даже, судя по многимъ русскимъ отзывамъ, за послѣднее время нетерпимость въ моемъ трудѣ приписали только моему происхожденію, въ силу выраженія знаменитаго поэта, которымъ Россія гордится по спра-

ведливости: „Я съ головы до ногъ презираю свою страну, но я не люблю, когда чужой раздѣляетъ со мной это чувство“.

Мнѣ непріятно касаться здѣсь лично вопроса; ему, къ несчастью, отводилось слишкомъ много мѣста въ критикѣ моихъ книгъ, такъ что я не могу, несмотря на все свое желаніе, оставитъ его безъ вниманія. Развѣ я чужестранецъ? Хотя и будучи полякомъ, пишущимъ по-французски главы русской исторіи, развѣ я не имѣю исторической общности, которая еще нѣкоторое время тому назадъ могла бы казаться парадоксальной, но которую событія превратили въ живую дѣйствительность? А чтобы жить вмѣстѣ, развѣ не надо знать другъ друга?

Именно, руководствуясь этимъ соображеніемъ и не имѣя другой мысли и цѣли, я предпринялъ изслѣдованіе о прошломъ одного изъ членовъ этой общей семьи, куда внесъ полную независимость взглядовъ, подкрѣпляемую постояннымъ стремленіемъ къ искренности. И если ошибки, свойственныя всякой человѣческой работѣ, заставили меня отклониться отъ этого предначертаннаго пути, то мое происхожденіе тутъ ни при чемъ. Я искалъ одной только истины. Но, не скрою, я искалъ ее, насколько возможно, во всей ея полнотѣ и желалъ показать ее такою же, не урѣзы-

вая и не набрасывая на нее покрывала, какъ то дѣлаетъ легенда и первообразы пластическаго искусства. И именно въ этомъ пунктѣ, разрушая вкоренившіеся взгляды и принятыя привычки, я разошелся съ большинствомъ изъ противорѣчившихъ мнѣ. Именно, въ Россіи подобный взглядъ на роль историка можетъ возстановить многихъ. Исторія здѣсь еще представляетъ изъ себя орудіе битвы въ рукахъ партій. Въ видѣ примѣра можно припомнить нѣсколько страницъ изъ капитальнаго сочиненія, составленнаго выдающимися спеціалистами военнаго дѣла, гдѣ они утверждаютъ, что русская армія современная Фридриху II, была единственной, способной перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное и что, давъ повернуть себя, отрѣзать себѣ линію отступленія и атаковать себя съ тылу, она подтвердила свое превосходство! *). Пока подобныя заблужденія не уступятъ болѣе вѣрнымъ и болѣе здоровымъ взглядамъ, я понимаю, что послѣдователямъ этихъ заблужденій мой трудъ не можетъ нравиться.

Подождемъ.

---

*) *Обзоръ войнъ Россіи со временъ Петра Великаго,* — книга, составленная подъ редакціей генерала Леера, генералами Дубровинымъ, Куропаткинымъ, Гудимъ-Левковичемъ, Пузыревскимъ и Сухотинымъ. СПБ. 1898 г.

Дальнѣйшее умственное движеніе должно также,—я говоря такъ, надѣюсь на это,—освободить мой трудъ отъ нѣкоторыхъ упрековъ болѣе общаго свойства. Мнѣ указывали на злоупотребленія съ моей стороны при изображеніи русской жизни XVIII вѣка элементомъ анекдотическимъ и живописнымъ. Я уже пытался указать на ошибочность такого взгляда. Если и есть такой элементъ, то отвѣтственность за его содержаніе падаетъ не на меня. Вотъ пирожникъ, дѣлающійся правителемъ могущественной имперіи и готовящійся выдать свою дочь за императора; вотъ императрица—бывшая прачка и маркитантка; вотъ другая, захватывающая власть, проникая ночью во дворецъ въ сопровожденіи гренадеровъ, несущихъ ее на рукахъ; третья—раздѣляющая радости и тяготы правленія съ многими фаворитами, наканунѣ еще простыми солдатами, а сегодня генералами, маршалами, графами, свѣтлѣйшими князьями... Конечно, это—анекдоты и даже совсѣмъ некрасивые, но мнѣ было бы стыдно, если бы я ихъ придумалъ. Они не сочинены мною. Каковы они нина-есть, они составляли существенную часть жизни великаго народа въ эпоху его исторіи, и этихъ подробностей нельзя миновать, не рискуя не понять всего остального.

Мнѣ кажется, что въ рамкѣ, выбранной мною,

какъ наиболѣе отвѣчающей не только моимъ вкусамъ и способностямъ, но также вкусамъ и потребностямъ публики, для которой я писалъ, я не упустилъ изъ виду въ намѣченныхъ мною границахъ ни одного изъ пріемовъ серьезнаго изслѣдованія. Только, собирая и излагая этотъ матеріалъ, я, сознаюсь, старался избѣгнуть той скуки, которая кажется неразрывно связанной со многими современными научными изслѣдованіями.

Находитъ ли себѣ оправданіе подобный порядокъ вещей? Согласуется ли онъ съ наиболѣе знаменитыми традиціями въ этой области? У меня снова является искушеніе обратиться къ Светонію, если не къ Тациту. Но помимо этихъ болѣе древнихъ образцовъ, большая часть моихъ собратій съ нѣкотораго времени, подъ вліяніемъ возникшаго новаго стремленія къ строгому подражанію точнымъ наукамъ, стала относиться неодобрительно также и къ трудамъ современнымъ. Если бы, по крайней мѣрѣ цѣль такихъ стремленій достигалась! Но какое тутъ заблужденіе! Какое смѣшеніе между различными областями, не имѣющими между собой общаго! Взгляните на берлинское или лейпцигское изданіе собранія сочиненій математика или химика, и я увѣренъ, вы увидите, что въ немъ не пропущено ни одной запятой.

А посмотрите, сколько пропусковъ въ перепискѣ Фридриха, изданной тамъ же. И кому нужна такая наука? Далеко тѣ времена, когда читатели *Constitutionel* увлекались *Исторіей революціи* Тьера. Если бы *Constitutionel* существовалъ еще, его читатели искали бы тѣхъ же впечатлѣній въ какомъ-нибудь романѣ приключеній. Такимъ образомъ исторія сдѣлалась достояніемъ все болѣе и болѣе суживающагося кружка посвященныхъ. Но не отклоняется ли она такимъ образомъ отъ своего истиннаго назначенія? Развѣ она не должна быть учительницей жизни? И кто же создаетъ нашу современную умственную, экономическую, политическую жизнь? Ученые? Вы сами знаете, что не они. Въ созданіи ея принимаетъ участіе всякій комиссіонеръ, стоящій на углу, если онъ—избиратель. Она—созданіе всѣхъ. Слѣдовательно, и поучать надо всѣхъ; надо сдѣлать доступнымъ всѣмъ великій свѣтъ уроковъ, которые мы стараемся заимствовать у прошлаго. А вы хотите запереть эту науку въ академію!

Одинъ русскій историкъ, который могъ бы сдѣлать лучшее употребленіе изъ своего времени,—онъ, я думаю, въ этомъ сознается, если окажетъ мнѣ честь и впредь читать мои книги,—назвалъ мои очерки *романами*. Я почти готовъ видѣть въ этой характеристикѣ комплиментъ. Да, предлагая

большинству своихъ читателей хотя бы сущность дипломатическихъ документовъ, я старался придать имъ интересность фельетона. Это возможно подъ условіемъ исключенія всего, что не имѣетъ дѣйствительнаго интереса, и введеніемъ того, что составляетъ привлекательность всего мірского— жизни! Если я не достигъ своей цѣли, то это по недостатку таланта, но также потому, что широкая публика утратила нѣкоторыя умственныя привычки. Ее надо пріучить къ этимъ пріемамъ или напомнить ей ихъ. Во Франціи нѣкоторыми писателями уже дѣлаются попытки въ этомъ направленіи, и хотя я не могу сравняться съ этими авторами по искусству, но они даютъ мнѣ оправданіе, ободряютъ меня, вселяютъ надежду.

Въ этомъ направленіи можно натолкнуться на много препятствій; могутъ встрѣтиться и подводные камни. Смѣшеніе родовъ, указанное нѣкогда серьезнымъ критикомъ, можетъ быть однимъ изъ нихъ. Я сказалъ однажды, что по-моему, исторія ближе къ искусству, чѣмъ къ наукѣ; но этимъ я не хотѣлъ отрицать ея научнаго элемента. Ограничивать не значитъ исключать. Однако беру на себя смѣлость думать, что мой трудъ, по причинѣ такихъ естественныхъ границъ, а также своего особеннаго назначенія, не походитъ на работу математика или химика. Хотя

за отсутствіемъ прямого наблюденія образы, выступающіе на фонѣ нѣсколько потускнѣвшаго зеркала съ стекломъ, разбитымъ во многихъ мѣстахъ, не могутъ претендовать на совершенную точность, но все же мой трудъ принесетъ пользу, а польза, которую я могу ожидать отъ него, можетъ заключаться въ томъ, что, благодаря ему, масса яснѣе уразумѣетъ настоящее и постигнетъ будущее, озаренныя отблескомъ прошедшаго, которое я провожу передъ ея глазами. Претензія на непогрѣшимость—только самомнѣніе и обманъ; написать же такую книгу, которая не будетъ доступна всѣмъ, значитъ—понести безплодный трудъ. Чтобы построить мостъ, устроить электрическую станцію, привести въ движеніе паровозъ, достаточно одного инженера и нѣсколькихъ рабочихъ; чтобы создать одинъ только часъ человѣческой жизни, нуженъ цѣлый народъ.

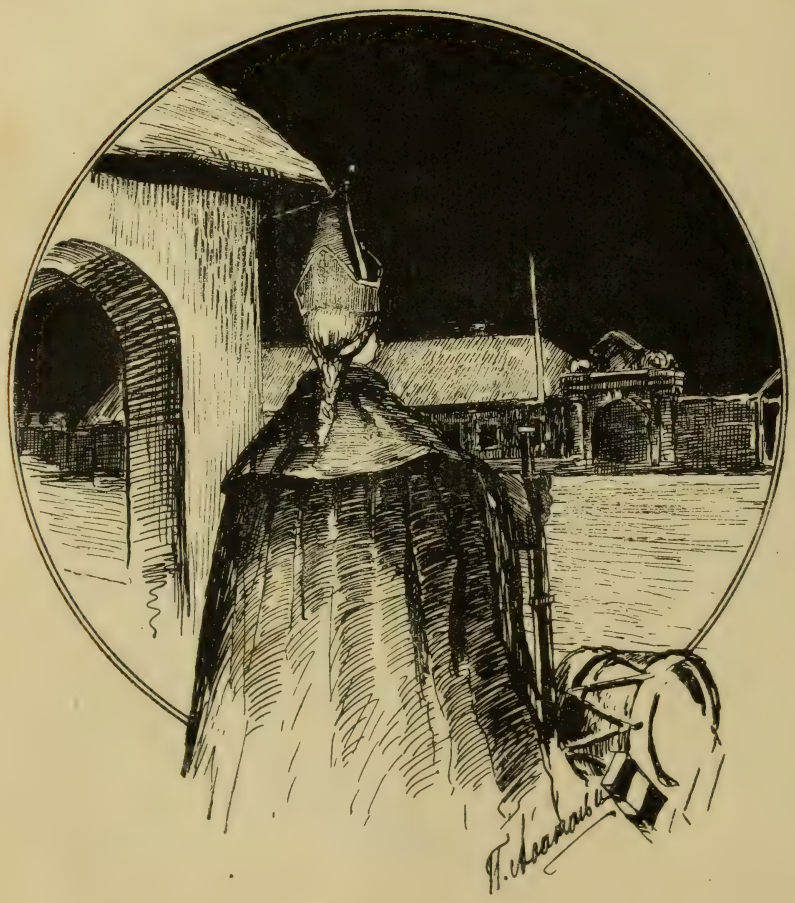
Заканчиваю, выражая свою глубокую благодарность всѣмъ облегчившимъ мою задачу, сдѣлавъ мнѣ доступными какъ общественныя, такъ и частныя сокровищницы, гдѣ я могъ почерпнуть необходимые мнѣ документы и источники.

ОТЪ РЕДАКЦІИ:

Приступая къ изданію этого труда Валишевскаго, мы, точно такъ же, какъ при изданіи предыдущихъ трудовъ того же автора, не ограничивались переводомъ текста, касающагося русскихъ документовъ, но старались привести его въ подлинникѣ, а мѣстами дополняли нѣкоторые документы, на которые авторъ ссылается только вскользь. Намъ казалось, что отъ такого пріема интересъ книги долженъ еще болѣе выиграть. Нѣкоторые изъ подобныхъ документовъ мы не сочли нужнымъ приводить вторично, такъ какъ они уже приведены въ изданныхъ нами раньше сочиненіяхъ Валишевскаго: „Вокругъ Трона“, „Царство женщинъ“, „Петръ Великій“, и ограничились лишь ссылками.

Π.Αθ.
911

ДОЧЬ ПЕТРА.



Восшествіе на престолъ.

I. Ночь съ 25-го на 26-е ноября.—Пробужденіе князя Шаховского.—Во дворцѣ новой императрицы.—Cedat toga armis!—Манифесты.—Права Елизаветы—II. Бывшій императоръ.—Семейство герцога Брауншвейгскаго.—Этапы ссылки.—Въ Холмогорахъ.—Смерть Іоанна III.—Оставшіеся въ живыхъ.—Освобожденіе.—Въ Даніи.—III. Другія жертвы переворота.—Возвѣщенныя казни.—Остерманъ на эшафотѣ.—Полупомилованіе.—Бывшій канцлеръ въ Березовѣ.—Минихъ въ Пелыми.—Торжественное возвращеніе.— Манштейнъ-Лёвенвольдъ.—Головкинъ.—Женскій элементъ.—IV.Новый штатъ.—Упраздненіе кабинета.—Возстановленіе Сената въ его прежнихъ правахъ.—*Какъ при Петрѣ Великомъ.*—Возвращенные изъ изгнанія.—Долгорукіе.—Красавецъ Шубинъ.—*Лейбъ-кампанія.*—Торжество и чрезмѣрность милитаризма.— Столкновеніе.—Націонализмъ и нѣмецкій элементъ.—V. Коронація.—Прибытіе герцога Голштинскаго.—Путешествіе въ Москву.—Церемоніи и празднества.—Объявленіе герцога неслѣдникомъ.—Нѣмецъ или русскій?—Роковая судьба творенія Петра Великаго.—*Прорубленное окно.*—Германія въ Россіи.—Будущее.

I

Темная ночь; Невскій проспектъ, молчаливый и пустынный, подъ толстымъ покровомъ снѣга, въ морозномъ воздухѣ сѣверной зимы. Изъ темнаго переулка выходитъ отрядъ солдатъ въ сопровожденіи молодой красивой женщины...

Опять анекдотъ!..

Трудно его избѣжать. Привести относительно этой исторической ночи съ 25—26 ноября 1741 г. офиціальное сообщеніе манифестовъ, извѣщавшихъ Россію и Европу о воцареніи дочери Петра Великаго? Безъ сомнѣнія, это было бы менѣе живописно, хотя болѣе *строго*, къ удовольствію нѣкоторыхъ изъ читателей, и... безусловно невѣрно. Единственная, неопровержимая истина—именно въ этомъ ночномъ путешествіи, легкомысленномъ и сомнительномъ по внѣшности; въ этой женщинѣ въ обществѣ нѣсколькихъ гренадеръ; въ часовыхъ, убитыхъ передъ входомъ во дворецъ; въ другой женщинѣ, поднятой съ постели; въ ребенкѣ, выхваченномъ изъ колыбели... Въ общемъ, для сверженія правительницы Анны Брауншвейгской, низложенія маленькаго Іоанна III и воцаренія Елизаветы—почти буквальное повтореніе драмы, закончившейся въ предыдущемъ году паденіемъ Бирона.

Дворцовыя драмы, черпающія свой источникъ въ казармахъ; ссоры женщинъ и временщиковъ; поединки между авантюристами и чужестранными династіями; заговоры, революціи, убійства, въ которыхъ почти цѣлое столѣтіе протекала жизнь Россіи, какъ въ обрывистомъ и тѣнистомъ руслѣ потока,—какъ вычеркнуть ихъ изъ страницъ исторіи?

Послѣднее событіе ведетъ насъ къ промежутку не столь богатому осложненіями, но какимъ тернистымъ путемъ! Въ предыдущемъ сочиненіи [1]) я уже описывалъ первыя фазы государственнаго переворота, наскоро составленный заговоръ, захватъ Зимняго дворца и не встрѣтившее затрудненій плѣненіе его обитателей. Современникъ-очевидецъ оставилъ намъ разсказъ о послѣдующихъ часахъ.

Приверженецъ Бирона въ царствованіе Анны Іоанновны,

---

[1]) *Наслѣдіе Петра Великаго (Царство женщинъ).*

затѣмъ сторонникъ Волынскаго, когда звѣзда временщика ему показалась близкой къ закату,—князь Яковъ Шаховской былъ ловкій человѣкъ. Биронъ, сдѣлавшійся регентомъ послѣ смерти Анны, не преслѣдовалъ его за отступничество и вскорѣ настолько смягчился новыми доказательствами преданности, что вручилъ своему недавнему сопернику постъ начальника полиціи. Регентство закончилось извѣстной катастрофой, и Шаховской принялъ, не сморгнувъ, смѣщеніе на должность помощника. Вскорѣ, вмѣшательство могучаго родственника Головкина доставило ему мѣсто въ Сенатѣ, въ ожиданіи лучшаго. Онъ надѣялся, что ему не придется долго ждать. Судьбы были такъ перемѣнчивы въ то время въ Россіи! 25-го ноября 1741 г. онъ обѣдалъ у Головкина, праздновавшаго свои именины. Присутствовало болѣе ста человѣкъ гостей обоего пола; танцы послѣ обѣда и ужинъ послѣ танцевъ. Вернувшись домой въ часъ ночи, сенаторъ уснулъ крѣпкимъ сномъ и погрузился въ сладкія грезы, когда его неожиданно разбудили громкіе крики и стукъ кулакомъ, потрясавшій ставни комнаты. Онъ узналъ голосъ сенатскаго служащаго.

— Что надо?

— Яковъ Петровичъ, вставайте!

— Зачѣмъ?

— Чтобы принести присягу цесаревнѣ Елизаветѣ, вступившей на престолъ.

Снова переворотъ, снова перемѣна, начинаніе сызнова всей карьеры!

Карета Якова Петровича не могла очистить себѣ путь среди толпы, собравшейся уже передъ дворцомъ. Несмотря на сильный морозъ, горожане и солдаты, грѣясь у костровъ, сложенныхъ изъ разломаннаго забора, и осушая чарки водки, заполняли площадь. Шаховскому пришлось выйти и, утопая

въ снѣгу, работая локтями, пробиться до входа въ императорскій дворецъ, куда въ то же время пробирался Алексѣй Дмитріевичъ Голицынъ.

— Какъ это сдѣлалось?

— Не знаю.

Только въ третьемъ залѣ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, одинъ изъ героевъ этой ночи, наскоро сообщилъ имъ о происшедшемъ и познакомилъ съ нѣкоторыми подробностями. Но сейчасъ же изъ сосѣдней группы офицеровъ раздался голосъ, насмѣшливый и презрительный, голосъ Салтыкова, нерасположеннаго къ Шаховскому.

— Вотъ сенаторы стоятъ. Что теперь скажете, сенаторы? [1]).

Это былъ лозунгъ новаго царствованія. Cedat toga armis!— тога уступила мѣсто оружію. Вдали, окруженная также толпой офицеровъ и солдатъ, недоступная, сіяла Елизавета, сливая свой звонкій голосъ и радостный смѣхъ съ бряцаніемъ сабель и звономъ шпоръ...

Она захватила власть, но подъ какимъ титуломъ? Никому это еще не было извѣстно. Не знала она и сама. Послѣ принесенія присяги въ церквѣ Зимняго дворца, уступая требованіямъ толпы, кричавшей и умолявшей показаться, она вышла на балконъ съ ребенкомъ на рукахъ. То былъ опять-таки маленькій Іоаннъ. Императоръ? Казалось, былъ положенъ конецъ только правительству Анны Брауншвейгской, а тетка заступила мѣсто матери до совершеннолѣтія государя. Манифестъ, изданный на первыхъ порахъ, не разсѣялъ двусмысленности положенія. Елизавета заявляла въ немъ, что по причинѣ смутъ, происходившихъ *благодаря малолѣтству* Іоанна, всѣ вѣрноподданные, духовенство и міряне, а главнымъ образомъ гвардейскіе полки обратились къ ней

---

[1]) Записки Якова Шаховского, 1810 г.

съ единодушной просьбой взойти на престолъ [1]). Она не возбуждала никакого спора относительно взаимныхъ правъ, не произносила имени императрицы. Но гвардейскіе солдаты провозглашали его громко въ стѣнахъ дворца, а на площади безсознательная толпа вторила имъ. Дѣлая видъ, что повинуется гласу народному, Елизавета, безъ сомнѣнія, почерпнула въ томъ необходимое ободреніе. Въ десять часовъ утра она объявила Ле Шетарди, что провозглашена *подъ этимъ титуломъ*. Въ то же время, подъ видомъ просьбы о совѣтѣ, она разрѣшила страшный вопросъ:

„Что дѣлать съ *герцогомъ* Брауншвейгскимъ?“

Императора болѣе не существовало.

Ла Шетарди не колебался: „Не слѣдуетъ упускать никакихъ средствъ,—отвѣчалъ онъ,—чтобы изгладить самый слѣдъ царствованія Іоанна III.“

Въ два часа новое посланіе: „Какія предосторожности принять относительно заграницы?“ Отвѣтъ: „Задержать всѣхъ курьеровъ, пока ваши курьеры успѣютъ возвѣстить о событіи“.

---

[1]) „Какъ то всѣмъ уже черезъ выданный въ прошломъ 1740 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ 5 числа манифестъ извѣстно есть, что блаж. памяти отъ великія государыни императрицы Анны Іоановны при кончинѣ ея наслѣдникомъ всероссійскаго престола учиненъ внукъ ея величества, которому тогда еще отъ рожденія нѣсколько мѣсяцевъ только было, и для такого его младенчества правленіе государственное черезъ разныя персоны и разнымъ образомъ происходило, отчего ужъ какъ внѣшніе, такъ и внутрь государства безпокойства и непорядки и, слѣдовательно, не малое же разореніе всему государству послѣдовало бъ: того ради всѣ наши какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чиновъ вѣрные подданные, а особливо лейбъ-гвардіи нашего полка, всеподданнѣйше и единогласно насъ просили, дабы мы, для пресѣченія всѣхъ тѣхъ происшедшихъ и впредь опасаемыхъ безпокойствъ и непорядковъ, яко по крови ближняя, отеческій нашъ престолъ воспріять соизволила и т. д. (Полн. Собр. Законовъ.)

Не осмѣливавшійся вступить въ игру, пока карты не были открыты, французскій дипломатъ проявлялъ теперь тѣмъ большую рѣшительность. И, однако, до самой спальни новой императрицы былъ разставленъ караулъ гренадеровъ, съ заряженными ружьями, бдительно прислушивавшихся. Развѣ нельзя было ожидать контръ-революціи?

Только 28 ноября новый манифестъ разсѣялъ недоумѣніе общества. Въ немъ были, наконецъ, указаны *права* Елизаветы, основанныя на завѣщаніи Екатерины I послѣ Петра II. За отсутствіемъ дѣтей, рожденныхъ отъ него, оно указывало, какъ на законную наслѣдницу, на царевну Анну Петровну, старшую сестру Елизаветы, съ ея потомствомъ, затѣмъ на Елизавету съ ея потомствомъ. Но какъ же? Развѣ Анна Петровна, скончавшаяся въ 1728 г., не оставила дѣтей? Оставила сына, родившагося отъ брака ея съ герцогомъ Брауншвейгскимъ и находившагося въ живыхъ. Развѣ не онъ долженъ былъ царствовать? Нѣтъ, такъ какъ, воспитанный въ Килѣ въ протестантской религіи, онъ подводился подъ статью, имѣвшуюся въ завѣщаніи и отстранявшую отъ престолонаслѣдія лицъ не православнаго вѣроисповѣданія. Вызвавъ его впослѣдствіи въ Петербургъ и назначивъ его, въ свою очередь, своимъ преемникомъ, Елизавета прежде всего предложила ему вступить въ лоно греческой церкви. Но по совершеніи этого, не должна ли была она уступить ему свое мѣсто? Одинъ историкъ утверждаетъ, что подобная мысль у нея была, и съ этой цѣлью она подготовила себѣ убѣжище въ стѣнахъ Воскресенскаго монастыря, нарочно для того воздвигнутаго на берегахъ Невы [1]).

---

[1]) Büsching, Gründlich ersuchte Ursachen der Regierungsverändenrungen in dem Hause Romanov, 1767 г.

Оставляю на его совѣсти отвѣтственность за подобное увѣреніе.

Манифестъ возвѣщалъ также, что *герцогъ* Іоаннъ и его родители будутъ отправлены въ Германію съ подобающимъ ихъ сану почестями [1]). Дочь Петра Великаго, кажется, дѣйствительно имѣла такое намѣреніе. Я укажу впослѣдствіи, чьему вліянію она поддалась, отказавшись отъ него, ознаменовавъ присвоеніе себѣ власти ненужными гоненіями и жестокостями, добавивъ къ мрачнымъ главамъ исторіи своей родины одну изъ наиболѣе прискорбныхъ страницъ.

---

[1]) „И, хотя она, принцесса Анна, и сынъ ея принцъ Іоаннъ и ихъ дочь, принцесса Екатерина, ни малѣйшей претензіи и права къ наслѣдію Всероссійскаго престола ни почему не имѣютъ, однако въ разсужденіе ихъ къ императору Петру II по матерямъ свойствъ, и изъ особенной нашей природной къ нимъ императорской милости, не хотя никакихъ имъ причинить огорченій, съ надлежащею имъ честію и достойнымъ удовольствіемъ, предавъ всѣ ихъ вышеписанные къ намъ разные предосудительные поступки крайнему забытію, всѣхъ ихъ въ ихъ отечество всемилостивѣйше отправить повелѣли“.

II.

Семейство герцога Брауншвейгскаго.

Семейство это, какъ извѣстно, вело свое происхожденіе отъ брака одной изъ внучекъ Іоанна V, старшаго брата Петра Великаго [1]) съ однимъ изъ герцоговъ изъ этой фамиліи и состояло въ это время изъ низвергнутаго императора, его младшей сестры Екатерины и его отца съ матерью, герцога Антона Ульриха-Брауншвейгскаго и принцессы Анны Леопольдовны Мекленбургской, бывшей правительницы. Первоначальное рѣшеніе Елизаветы относительно него было милостивымъ. Изгнанники должны были получить 30000 руб. на путевыя издержки и ежегодную ренту въ 50000 руб. Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, которому поручено было сопровождать ихъ до границы, получилъ приказъ не терять времени и избѣгать остановокъ въ городахъ. Увы! моимъ читателямъ уже знакомы всегдашнія перипетіи въ Россіи такихъ опальныхъ путешествій; неизмѣнная посылка вслѣдъ уѣхавшимъ отмѣны прежняго приказанія, слѣдовавшаго непрерывной чередой по пути къ изгна-

[1]) Напоминаю читателямъ, что государя этого звали такъ, какъ пятаго *царя*, носившаго такое имя, а сына Анны Леопольдовны называли Іоанномъ III, какъ третьяго *императора*, носившаго одинаковое имя.

нію, усиливая его горечь и ужасъ. На первой остановкѣ Салтыкова догналъ курьеръ съ приказаніемъ больше не торопиться и на нѣсколько дней останавливаться въ каждомъ городѣ, вплоть до Риги. Елизавета уже раскаивалась въ своемъ первоначальномъ рѣшеніи и хотѣла дать себѣ время на размышленіе. Въ Ригѣ снова неожиданность: приказъ остановиться впредь до послѣдующихъ распоряженій. Предполагалось соотношеніе послѣдствія съ причиной между этими перемѣнами и этапами другого путешествія, начатаго будущимъ наслѣдникомъ—„Кильскимъ чертенкомъ", какъ его называла Анна Іоанновна,—въ обратномъ направленіи, чтобы прибыть къ теткѣ. Елизавета опасалась, какъ бы нѣмецкіе родственники изгнанной семьи не вздумали задержать этого новаго похитителя престола, и принимала мѣры предосторожности. Расчетъ, если онъ существовалъ, долженъ былъ осложниться еще другими соображеніями. Бывшій императоръ и его родители были дѣйствительно не только задержаны въ Ригѣ, но и арестованы. А вскорѣ мысль объ отправкѣ ихъ на родину была, повидимому, совершенно оставлена.

Говорятъ, Лестокъ, довѣренный лѣкарь Елизаветы, имѣлъ нѣкоторое отношеніе къ этому событію. Но мы видимъ слѣды иныхъ совѣтовъ, кромѣ его, преподанныхъ Елизаветѣ въ этомъ затруднительномъ обстоятельствѣ и клонившихся вообще къ тому, чтобы доказать ей, что, упуская изъ своей власти свергнутаго императора, она рисковала почувствовать шаткость своего положенія на тронѣ. Особенное усердіе въ этомъ случаѣ проявлялъ Фридрихъ II. Женатый на принцессѣ Брауншвейгской и выставлявшій это на видъ при предшествовавшемъ царствованіи, хотя ненавидѣлъ и жену, и ея родню, онъ проявлялъ теперь тѣмъ болѣе стараній, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣ-

ніе въ сочувствіи юному свергнутому государю, приходившемуся ему племянникомъ. Въ свою очередь, Салтыковъ, порядочный человѣкъ, былъ окруженъ подчиненными, стремившимися выдвинуться. Онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы увеличить безпокойство Елизаветы. Она узнала такимъ образомъ, что Анна Леопольдовна презрительно обходилась съ начальникомъ сопровождавшаго ее конвоя. Слуги спросили малютку герцога: „Кому, батюшка, отрубишь ты голову, когда вернешь себѣ престолъ?..“ И ребенокъ отвѣчалъ: „Василію Ѳедоровичу“.

Салтыковъ тщетно отрицалъ: „Маленькій герцогъ почти еще ничего не говоритъ“, утверждалъ онъ. Елизавета болѣе не вѣрила ему. Всю жизнь ей предстояло провести подъ угрозой соперника, имѣвшаго права на захваченный его престолъ. Поочередно Австрія, Швеція, даже сама Пруссія казались ей готовыми вмѣшаться и принять сторону свергнутаго государя. Впослѣдствіи, чтобы избавиться отъ навязчивой мысли, она даже подумывала—по нѣкоторымъ сообщеніямъ—сочетаться бракомъ съ грознымъ призракомъ [1]). Пока же, задержавъ семейство въ Ригѣ, совѣтовалась со всѣми, даже съ Бирономъ, котораго вернула изъ ссылки въ Сибирь, поселивъ, однако, въ Ярославлѣ и запретивъ ему доступъ ко двору и въѣздъ въ столицу. Возможно, что бывшій регентъ подсказалъ ей окончательное рѣшеніе [2]). 13 декабря 1742 г. семья была въ глубочайшей тайнѣ перевезена въ крѣпость Дюнамюнде, затѣмъ въ 1744 г. переправлена въ Ораніенбургъ, современный Ранненбургъ Рязанской губерніи. Тѣмъ временемъ она увеличилась еще

---

[1]) П. Сумароковъ. *Обзоръ царствованія Екатерины II.* Воронцовскій архивъ.

[2]) Hohenholz à Ulfeld. Петербургъ, 22 января 1743 г. Государственный Вѣнскій Архивъ.

однимъ членомъ: принцессой Елизаветой, родившейся въ тюрьмѣ и обреченной прожить въ заточеніи сорокъ лѣтъ. Узниковъ по ошибкѣ чуть не завезли за Уралъ, въ Оренбургъ. Въ это время д'Алліонъ, представлявшій интересы Франціи въ Петербургѣ, посылалъ въ Версаль необходимыя разъясненія.

„Высокопоставленныхъ узниковъ лишили всѣхъ иностранныхъ слугъ, за исключеніемъ Геймбурга, двухъ лакеевъ, фрейлейнъ Юліи (Менгденъ) и ея сестры. Первая, попрежнему обожаемый кумиръ принцессы Анны, уноситъ съ собой очевидныя доказательства, что любовный пылъ можетъ возгораться среди величайшихъ несчастій. Сержантъ гвардіи изображалъ Адониса".

Въ іюлѣ 1744 г.—новая перемѣна, объясненная на этотъ разъ предполагаемымъ заговоромъ, съ которымъ годъ тому назадъ было связано имя маркиза Ботта, посланника Маріи Терезіи въ Россіи. Фридрихъ поспѣшилъ сейчасъ же смыть съ себя всякое подозрѣніе въ соучастіи, посовѣтовавъ Елизаветѣ отправить дальше, какъ можно дальше, неудобнаго племянника [1]). Императрица потратила восемь мѣсяцевъ на обсужденіе этого вопроса. Мы увидимъ, что она всегда отличалась медленностью рѣшеній. Но совѣтъ все-таки не пропалъ даромъ. И въ іюлѣ майоръ Миллеръ получилъ приказъ отвезти изъ Ораніенбурга въ Архангельскъ, оттуда въ Соловецкій монастырь на Бѣломъ морѣ, четырехлѣтняго мальчика, который будетъ ему переданъ подъ именемъ Григорія.

То былъ бывшій императоръ.

Анна Леопольдовна снова оказалась беременной. Ея разлучили съ мужемъ, и она думала, что имъ болѣе не

[1]) *Донесеніе графа Чернышова, русскаго посланника въ Берлинѣ, 22 ноября 1743 г.* „Русскій Архивъ", 1866 г.

суждено увидаться. Отняли у нея также Юлію Менгденъ, что было, безъ сомнѣнія, еще болѣе чувствительной немилостью. Изгнанникамъ не было извѣстно новое мѣсто заключенія. Только на берегахъ Бѣлаго моря всѣ члены семьи снова встрѣтились между собой. Наступила зима, ледъ отрѣзалъ доступъ въ Соловки, пришлось ожидать весны въ Холмогорахъ. Камергеръ Николай Корфъ, заступившій теперь мѣсто Салтыкова, посовѣтовалъ оставить тутъ узниковъ, и совѣтъ былъ признанъ удачнымъ.

Въ ста двѣнадцати верстахъ отъ устья Двина образуетъ нѣсколько острововъ. На одномъ изъ нихъ расположенъ городъ Холмогоры—уѣздный городъ Архангельской губерніи. Около полутораста домовъ, раскинутыхъ на протяженія двухъ верстъ вдоль единственной извилистой улицы, вотъ его внѣшній видъ, съ тѣхъ поръ мало измѣнившійся. Однако этотъ городъ былъ однимъ изъ самыхъ древнихъ и славныхъ городовъ Россіи, сыгравъ большую роль въ исторіи сѣверо-восточныхъ областей. Пока правленіе не перешло въ руки царей московскихъ, онъ представлялъ изъ себя административный и торговый центръ большой важности. Позднѣе его затмилъ Архангельскъ. Но еще при Петрѣ Великомъ Преображенскій соборъ, построенный изъ тесанаго камня въ византійскомъ стилѣ, считался самымъ красивымъ во всемъ государствѣ. Въ трехъ верстахъ отъ города находится деревушка, носящая офиціальное названіе Денисовки и прозванная мужиками *Болото*—родина великаго Ломоносова.

Подыскивая тюрьму, чтобы поселить въ ней новыхъ пришельцевъ, Корфъ остановилъ свой выборъ на домѣ архіерея, которому пришлось оттуда выѣхать. Высокій деревянный заборъ, охраняемый часовымъ, окончательно отрѣзалъ отъ міра Анну Леопольдовну и ея товарищей по несчастью. Жители

Холмогоръ не должны были знать объ имени и санѣ узниковъ. Десять-пятнадцать тысячъ были предоставлены въ распоряженіе мѣстнаго губернатора на содержаніе семьи, но отчета въ ихъ израсходованіи никогда не спрашивалось, и случалось, что принцъ Антонъ, имѣвшій привычку пить кофе три раза въ день, бывалъ лишенъ его въ теченіе цѣлыхъ недѣль.

Юлія Менгденъ по неизвѣстнымъ намъ причинамъ была замѣщена своей сестрой Биной (Якобиной), причинявшей лишнія мученія тѣмъ, чью участь должна была раздѣлять и облегчать. Ужасная особа! Ссоры съ караульными офицерами и солдатами, бурныя сцены съ принцемъ Антономъ, шумныя любовныя похожденія съ домашнимъ докторомъ Ножевчиковымъ, постоянные скандалы, служившіе неизсякаемымъ источникомъ донесеній, посылаемыхъ въ Петербургъ. Наконецъ, ее помѣстили въ отдѣльную тюрьму, но она била тамъ солдатъ, приносившихъ ей пищу, и выливала имъ на голову супъ.

Среди этихъ испытаній Анна Леопольдовна родила въ Холмогорахъ еще двухъ сыновей, Петра и Алексѣя, и умерла въ 1746 г. Толстый, полнокровный, подверженный апоплексіи, мужъ пережилъ ее, однако, на тридцать лѣтъ. Дѣти выросли, но болѣзненными, рахитичными, уродливыми и полу-идіотами. Въ 1756 г. принцъ Іоаннъ, бывшій императоръ, былъ похищенъ ночью сержантомъ гвардіи и опять-таки въ глубочайшей тайнѣ перевезенъ въ Шлиссельбургъ. Казематъ захлопнулъ за нимъ свои окованныя желѣзомъ двери. Цѣлые годы ему не суждено было видѣть человѣческаго лица. Къ нему въ камеру входили только послѣ предупрежденія, приглашавшаго его спрятаться за ширмы. Никогда онъ не узналъ мѣста своего заключенія. Донесенія, относящіяся къ 1759 г., изображаютъ его, впрочемъ, не вполнѣ въ здравомъ

умѣ. Но его тюремщикъ предполагалъ, что можетъ быть, онъ только представляется безумнымъ. Во всякомъ случаѣ, онъ, повидимому, сохранилъ сознаніе относительно своей личности. Шуваловъ задалъ ему вопросъ черезъ одного офицера: „Кто ты?“ Онъ отвѣчалъ: „Очень высокопоставленная особа, государь! Мое имя измѣнили“. А другой разъ онъ сурово оборвалъ того же офицера: „Какъ смѣешь ты со мной такъ обращаться? Я—твой государь!..“ За подобныя выходки его будто бы лишили чая и теплыхъ носковъ, чтобы сломать его гордыню. Но это—легенды, подобно разсказу о бѣгствѣ, будто бы приведшемъ Іоанна въ Смоленскъ въ обществѣ монаха. Единственный разъ, по свѣдѣніямъ, почти удостовѣреннымъ онъ былъ изъятъ изъ своего мѣста заключенія и доставленъ въ наглухо закрытой каретѣ въ Петербургъ, гдѣ Елизавета, движимая любопытствомъ, дважды навѣщала его, не открывая своего имени.

Я уже разсказывалъ [1]) о трагической развязкѣ этого долгаго мученичества, о попыткѣ освобожденія, на этотъ разъ дѣйствительно существовавшей, въ которой, однако, узникъ не принималъ, повидимому, сознательнаго участія послѣ двадцати пяти лѣтъ заключенія,—это происходило въ 1763 г.—и о мрачномъ убійствѣ, котораго никто не хотѣлъ принять на свою совѣсть.

Екатерина II, царствовавшая въ это время, рѣшительнымъ образомъ отвергла свое въ томъ участіе, но до 1780 г. ничего не сдѣлала для облегченія участи двухъ братьевъ и сестеръ жертвы. Отецъ ихъ умеръ въ 1775 г. Лишь около этого времени Екатерина нашла возможнымъ уступить настояніямъ королевы датской, другой теткѣ заключенныхъ. У нихъ было знатное родство. Архангельскій губернаторъ Мельгуновъ от-

---

[1]) *Романъ императрицы.*

правился въ Холмогоры, чтобы объявить несчастнымъ добрую вѣсть. Предполагалось отправить ихъ въ Данію, гдѣ они будутъ пользоваться свободой и соотвѣтствующей рентой. Вмѣсто ожидаемыхъ взрывовъ радости, Мельгуновъ встрѣтилъ только удивленіе и испугъ. Принцесса Елизавета такъ выразила общія чувства:

— Мы долго и страстно желали свободы, на что она намъ теперь? Мы не умѣемъ жить съ людьми. Пусть императрица соизволитъ разрѣшить намъ выходить изъ дома и гулять по полямъ. Говорятъ, тамъ растутъ цвѣты. Желали бы также получить позволеніе видѣться съ женами охраняющихъ насъ офицеровъ. Намъ прислали изъ Петербурга разную одежду, корсеты, чепчики, токи. Мы не знаемъ, что съ ними дѣлать. Если императрица непремѣнно желаетъ, чтобы мы носили эти вещи, то всепокорнѣйше просимъ прислать намъ также кого-нибудь, кто бы насъ научилъ обращенію съ ними.

— Больше у васъ нѣтъ желаній?

— Есть; на дворѣ выстроили баню, примыкающую къ нашимъ комнатамъ. Всѣ постройки деревянныя, поэтому мы боимся сгорѣть и просимъ избавить насъ отъ такого сосѣдства. Вотъ и все.

Мельгуновъ не могъ ничего больше добиться отъ прочихъ членовъ семьи. Вообще принцессы говорили съ трудомъ. Старшая изъ нихъ, Екатерина, оглохла на восьмомъ году и объяснялась съ окружающими только знаками. Услыхавъ имя императрицы, остальные дрожа повалились на землю.

Губернаторъ все-таки долженъ былъ исполнить полученное приказаніе. Семья была перевезена въ городъ Хорзенъ въ Ютландіи, получивъ пенсію по восьми тысячъ рублей на человѣка. Принцесса Екатерина пережила своихъ братьевъ

и сестру и скончалась въ 1807 г. [1]). Могилу ея и ея сестры до сихъ поръ показываютъ путешественникамъ въ церкви маленькаго датскаго городка.

Такъ закончилась непримиримая вражда двухъ иностранныхъ отпрысковъ, дома Брауншвейгскаго и Голштинскаго, привитыхъ къ русскому стволу Романовыхъ предпріимчивой политикой Петра и его преемниковъ. Но государственный переворотъ 1741 г. повлекъ за собой еще нѣсколько жертвъ, заслуживающихъ краткаго упоминанія. Чтобы не возвращаться болѣе къ этому вопросу, я здѣсь же разскажу о ихъ судьбѣ.

---

[1]) См. относительно этого эпизода у Семевскаго *Біографія Іоанна IV* (Іоанна III); Büsching, Geschichte des russischen Kaisers Johann des dritten, 1771 г.; Соловьевъ, *Исторія Россіи*; Бильбасовъ, *Исторія Екатерины*; Полѣновъ, *Отъѣздъ изъ Россіи Брауншвейгскаго семейства*, „Русская Старина“ 1874 г., и очеркъ, напечатанный въ томъ же журналѣ, 1873 г., по Кунику.

III.

Остальныя жертвы переворота.

Перемѣна царствованія влекла за собой, въ силу уже освященной традиціи, массовые аресты, великую тоню, улавливавшую извѣстныхъ или подозрѣваемыхъ сторонниковъ прежняго царствованія. Фельдмаршалъ Леси счастливо избѣгнулъ этой роковой судьбы. Разбуженный среди той исторической ночи и спрошенный врасплохъ: „За какое правительство вы стоите?“ онъ отвѣчалъ безъ смущенія. „За то, что находится у власти!“ Менѣе счастливые, Минихъ, Лёвенвольдъ, Остерманъ и Головкинъ встрѣтились въ казематахъ Петропавловской крѣпости съ безчисленнымъ множествомъ дѣятелей второстепенныхъ: Менгденомъ, Темиряземъ, Яковлевымъ. Комиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкого приступила къ допросу и суду надъ обвиняемыми. Хотя среди нихъ были и русскіе, общество и сами судьи, повидимому, съ этимъ не считались. То былъ процессъ противъ Германіи, возбужденный Россіей. Судопроизводство краткое, судьи несвѣдущіе, глупые, отвратительные. Миниха, напр., укоряли въ томъ, что онъ не защищалъ завѣщанія Екатерины I противъ Бирона, хотя онъ первый палъ жертвой времен-

щика. Легенда передаетъ, что его допросъ окончился быстро. На первый вопросъ Трубецкого: „Признаете ли себя виновнымъ?“ послѣдовалъ отвѣтъ: „Да, въ томъ, что не приказалъ васъ повѣсить“.

Читатели помнятъ, что этотъ самый Трубецкой былъ подчиненнымъ фельдъ-маршала во время войны съ Турціей въ царствованіе Анны Іоановны и, завѣдуя продовольствіемъ войскъ, дважды едва не послужилъ причиной гибели арміи, находившейся подъ начальствомъ Миниха.

Спрятавшись за драпировкой, Елизавета присутствовала при допросѣ. Изъ женскаго любопытства или безпокойства государыни, еще не укрѣпившейся на тронѣ, она желала лично прослѣдить за процессомъ съ начала до конца. Она слышала вопросъ и отвѣтъ и приказала сейчасъ же прекратить допросъ.

Я передаю разсказъ какъ онъ есть, но нельзя сказать, чтобы онъ заслуживалъ большого довѣрія: слишкомъ мало онъ согласуется съ протоколами засѣданій, какъ тѣ ни подозрительны сами по себѣ. Обвиняемый въ нихъ представляется вовсе не такимъ героемъ, оспаривающимъ слово за слово факты, поставленные ему въ вину, очень тонко, иногда немного наивно [1]). Приговоръ былъ предрѣшенъ заранѣе, Минихъ долженъ былъ знать объ этомъ: смерть для большинства подсудимыхъ. Но какая смерть? Большинство судей, повидимому, склонялось къ простому отсѣченію головы. Одинъ голосъ возсталъ противъ такой чрезмѣрной снисходительности, требуя колесованія Остермана. Чудомъ избѣгнувшій казни, постигшей столькихъ изъ его близкихъ, только что возвратившійся изъ ссылки и превратившійся, въ свою очередь, въ судью, Василій Владимировичъ Долгорукій помы-

[1]) „Русскій Архивъ“ 1864 г. *Документы, относящіеся къ 1742 г.* Соловьевъ, *Исторія Россіи.*

шлялъ теперь лишь о томъ, какъ бы создать побольше работы палачамъ. Жестокія правленія создаютъ неумолимыхъ людей. И всѣ члены судилища вскорѣ прониклись его духомъ. Елизавета неотступно присутствовала здѣсь же, и было слишкомъ опасно навлечь на себя подозрѣніе въ потворствѣ осужденнымъ. Итакъ, Остерману было назначено колесованіе, Миниху—четвертованіе. На долю остальной мелюзги—топоръ.

18-го января 1742 г. толпа, жаждавшая тѣмъ сильнѣе кровавыхъ зрѣлищъ, чѣмъ больше ихъ передъ ней расточали, собралась на Васильевскомъ островѣ передъ эшафотомъ, сколоченнымъ изъ простыхъ досокъ. Ни черныхъ драпировокъ, ни красныхъ ковровъ: смерть и мученія при самой простой обстановкѣ. Императрица отбыла наканунѣ въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ. Это обратилось у нея въ привычку при подобныхъ обстоятельствамъ: то былъ способъ высказывать чувствительность и не препятствовать жестокости, отвернувшись. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы она воздерживалась отъ всякаго вмѣшательства. Въ сущности она соглашалась на суровыя наказанія лишь для того, чтобы создать поле для проявленія милосердія, какимъ она кичилась.

Лишенный, благодаря подагрѣ, возможности двигаться, бывшій канцлеръ Остерманъ былъ привезенъ на саняхъ къ мѣсту казни. Онъ появился въ своемъ легендарномъ костюмѣ, уже десять лѣтъ знакомомъ всему дипломатическому міру Европы,—въ старой лисьей шубѣ, короткомъ парикѣ и черной бархатной шапочкѣ. Выслушалъ чтеніе со свойственнымъ ему видомъ сосредоточеннаго вниманія, качая головой при нѣкоторыхъ словахъ, или возводя глаза къ небу. На эшафотѣ ему объявили, что императрица милостиво избавляетъ его отъ колесованія. Ему будетъ просто отрублена голова. Безъ сопротивленія отдался онъ въ руки

палача, покорно повинуясь всѣмъ приказаніямъ, заложивъ за спину, какъ ему велѣли, руки, которыя до того держалъ вытянутыми впередъ. У него сняли съ головы парикъ, разорвали воротъ рубашки, топоръ уже былъ вынутъ изъ чехла медвѣжьей шкуры... Вдругъ новый театральный эффектъ, новое полу-помилованіе: смертная казнь замѣнена пожизненной ссылкой.

Можетъ быть, несчастный ожидалъ этого. Вращаясь долго около царственныхъ женщинъ, можетъ быть, онъ предугадалъ эту театральную сцену, по-женски коварную и жестокую. Помощникъ палача пинкомъ ноги посадилъ его, онъ спокойно потребовалъ обратно свой парикъ, старательно запахнулъ шубу и ждалъ, чтобы съ нимъ поступили согласно распоряженію ея величества. Въ толпѣ поднялся ропотъ. Зрѣлище не состоялось; предвидѣлись и дальнѣйшія разочарованія въ томъ же духѣ. И дѣйствительно, кровь пролита не была. Однако понадобилось вмѣшательство стражи, чтобы помѣшать зрителямъ самимъ устроить себѣ зрѣлище.

Остерманъ былъ осужденъ на ссылку въ Березовъ, страшное мѣсто въ Сибири, уже знакомое читателямъ. Жена пожелала сопровождать его, и въ 1747 г. привезла оттуда его тѣло. Елизавета лишилась такимъ образомъ добровольно слуги, замѣстителя которому найти не могла. Государственный мужъ не являлъ изъ себя образца совершенства. Биронъ насмѣшливо охарактеризовалъ вѣрными словами его обычные пріемы: „Онъ всегда боленъ, когда дѣло, повидимому, принимаетъ плохой оборотъ. Въ случаѣ успѣха онъ выздоравливаетъ и готовъ всю заслугу приписать себѣ [1]).

Но съ этими уловками сочетались одинъ изъ наиболѣе

---

[1]) *Письмо Кейзерлингу.* „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества“.

выдающихся умовъ и нравственное благородство, совершенно исключительное, принимая во вниманіе ту эпоху и среду. Почти самодержавный распорядитель судебъ внѣшней русской политики, бывшій канцлеръ проявилъ въ ней удивительно ясное пониманіе русскихъ интересовъ, неутомимое рвеніе на служеніе имъ и покинулъ власть почти бѣднякомъ. Въ 1741 г., послѣ подписанія договора съ Англіей, онъ даже отказался отъ обычнаго подарка въ пятнадцать тысячъ фунтовъ, выразивъ желаніе получить лучше перстень или какое-либо произведеніе искусства, тогда какъ его коллеги, во главѣ съ Черкасскимъ, обладавшіе несмѣтными богатствами, настаивали на полученіи денегъ [1]). Показавъ его у кормила правленія во времена царствованія Анны, мнѣ предстоитъ обрисовать, насколько отразилось его отсутствіе на царствованіи Елизаветы.

Минихъ былъ нѣмцемъ совершенно иного типа. Никакого подобія почти преувеличенной простоты Остермана; наоборотъ,—театральная рисовка въ героизмѣ, примѣры чему чаще встрѣчаются среди представителей его національности, чѣмъ это принято думать. Гладко выбритый, тогда какъ его товарищи по несчастью обросли въ тюрьмѣ бородой; одѣтый въ парадный мундиръ, въ пурпуровой мантіи торжественныхъ дней на плечахъ, онъ взошелъ на эшафотъ съ улыбкой на устахъ, окинувъ высокомѣрнымъ взглядомъ враждебную толпу и привѣтливо здороваясь съ солдатами, которыхъ узналъ. Онъ былъ сосланъ въ Пелымь, откуда въ этотъ же часъ указомъ Елизаветы былъ возвращенъ Биронъ. На одной изъ остановокъ, въ окрестностяхъ Казани, оба противника, кажется, встрѣтились и другъ другу поклонились, не обмѣнявшись ни словомъ.

---

[1]) Сборникъ.

Пелымь, *городъ* въ Сибири, въ трехъ тысячахъ верстахъ отъ Петербурга, насчитывалъ въ то время около двадцати деревянныхъ избъ. Минихъ былъ помѣщенъ въ домѣ, обнесенномъ частоколомъ наподобіе того, какъ были заключены холмогорскіе узники. Кругомъ разстилалась тундра, замерзавшая зимой, а лѣтомъ служившая разсадникомъ комаровъ, кишѣвшихъ въ воздухѣ въ такомъ количествѣ, что невозможно становилось дышать и приходилось закрывать лицо. Три мѣсяца лѣта и солнца, затѣмъ холодъ и мракъ. Съѣстные припасы привозились изъ Тобольска, находящагося на разстояніи семисотъ верстъ. А на расходы бывшему фельдмаршалу полагалось всего два рубля въ день. Подражая женѣ Остермана, жена Миниха также послѣдовала за нимъ. Кромѣ довольно многочисленныхъ слугъ, онъ пожелалъ имѣть около себя пастора. Можно себѣ представить, какія лишенія ему приходилось переносить. Героя, про котораго Екатерина II должна была сказать, что если онъ не былъ сыномъ Россіи, то былъ ея отцомъ, Россія, въ лицѣ дочери ея, самаго великаго мужа подвергла двадцати годамъ подобной жизни. Но не надо забывать, что то была эпоха Бинга, Дюплена и Ла-Бурдоннэ.

Минихъ перенесъ испытаніе съ мужествомъ, достойнымъ удивленія. У насъ имѣются нѣкоторыя изъ его писемъ, адресованныхъ брату, оставшемуся въ Петербургѣ. Напрасно было бы искать въ нихъ жалобъ. Безъ сомнѣнія, изгнанникъ не забывалъ, что его переписка можетъ попасть въ иныя руки, кромѣ адресата. Онъ заявлялъ, что вполнѣ доволенъ своей судьбой, и благодарилъ императрицу за ея благодѣянія! Онъ разсказывалъ, что всегда за обѣдомъ имѣлъ привычку пить за здоровье государыни медъ, такъ какъ французское вино стоило слишкомъ дорого. Вставки эти предназначались, очевидно, для *перлюстраторовъ* чернаго

кабинета. А вотъ что предназначалось для историка. Занимаясь зимой починкой сѣтей и сооруженіемъ клѣтокъ для цыплятъ, лѣтомъ побѣдитель подъ Ставучанами превращался въ земледѣльца. Повидимому, частокольный режимъ допускалъ нѣкоторыя послабленія. Минихъ снималъ окрестныя тощія луга, собиралъ рабочихъ послѣ сѣнокоса и пировалъ вмѣстѣ съ ними. Онъ сохранялъ крѣпкое здоровье и неистощимо-бодрое настроеніе духа. Даже жена его, дѣятельная хозяйка, собственными руками обшивавшая весь домъ, забывала о всей горести своего положенія при видѣ его такимъ здоровымъ и веселымъ. Въ мѣстныхъ преданіяхъ она оставила лучезарный слѣдъ, воспоминаніе объ образѣ, вѣчно улыбающемся и кроткомъ.

Безусловно, ея мужъ проявлялъ менѣе чистосердечія въ своемъ смиреніи. Выдержка у него была замѣчательная; но это была только выдержка. Въ началѣ ссылки ему было запрещено пользоваться чернилами и бумагой. Онъ заявилъ, что имѣетъ сдѣлать императрицѣ сообщеніе чрезвычайной важности, получилъ разрѣшеніе писать и завалилъ сейчасъ же работой канцелярію государыни. Онъ загрузилъ ее кипами бумагъ, отсылая проектъ за проектомъ, касаясь администраціи, области военной, общественныхъ работъ и политики, обнаруживая необыкновенную плодовитость въ своей изобрѣтательности и отважность замысла. Не предполагалъ ли онъ соединить эстляндскій берегъ съ Швеціей, перекинувъ мостъ черезъ Балтійское море? Но если его проекты блистали остроуміемъ, письма, адресованныя Елизаветѣ, какими онъ сопровождалъ ихъ, доказываютъ, что ему не сладко жилось въ Пелыми, и онъ не щадилъ никакихъ средствъ, чтобы оттуда выбраться. Онъ пытался затронуть въ сердцѣ государыни всѣ струны, способныя склонить ее въ его пользу,— честолюбіе и дочернюю любовь, любопытство и любовь къ

роскоши. Если она желаетъ отъ Кронштадта до Петербурга, на разстояніи пятидесяти верстъ, имѣть непрерывный рядъ загородныхъ дворцовъ, садовъ, фонтановъ и каскадовъ, бассейновъ и водоемовъ, парковъ и аллей, все, *слѣдуя прекрасному завѣту Петра Великаго*, ей стоитъ сказать одно слово,—слово, которое вернуло бы Миниха на берега Невы. Онъ могъ все это устроить и еще многое другое. Могъ превзойти Версаль и удивить весь міръ, осуществивъ нѣкоторыя предположенія великаго царя, извѣстныя ему одному. Онъ не просилъ себѣ за то ни чиновъ, ни оклада и, впадая въ лиризмъ, соглашался служить дворникомъ у ея величества, лишь бы она даровала ему милость умереть у ея ногъ.

„Не слышите ли вы, всеавгустѣйшая императрица, всемилостивѣйшая и всерачительнѣйшая мать отечества, не слышите ли вы, какъ столько работъ, столько славныхъ предначертаній Петра Великаго ежечасно склоняютъ васъ въ мою пользу и вопіютъ: „Почему, Елизавета Петровна, не слушаете вы Миниха?..“ Протянете руку милости скорбящему, чтобы утѣшить его въ его горести, и Спаситель Васъ встрѣтитъ съ распростертыми объятіями, когда вы передъ нимъ предстанете [1])...“

Елизавета оставалась непреклонной, наконецъ прекратила переписку, лишивъ изгнанника права, которымъ онъ злоупотреблялъ. Часъ освобожденія пробилъ для него, когда ему исполнилось восемьдесятъ лѣтъ, въ ту минуту, когда ссора съ караульнымъ офицеромъ грозила ему допросомъ, вѣроятно, съ примѣненіемъ пытки. Курьеръ, присланный изъ Петербурга, предупредилъ катастрофу. Елизавета скончалась, а Петръ III призывалъ къ себѣ славнаго солдата. Минихъ

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1865 г. Письма эти написаны по-французски.

стоялъ на молитвѣ, когда пришла радостная вѣсть, и жена его задержала курьера, пока мужъ не кончилъ. Мѣсяцъ спустя онъ подъѣзжалъ къ воротамъ Петербурга въ жалкой почтовой кибиткѣ, въ заплатанномъ тулупчикѣ, замѣнявшемъ на его плечахъ пурпуровую мантію былыхъ дней. А все-таки это было торжественное возвращеніе; всѣ его прежніе соратники поспѣшили навстрѣчу воскресшему герою, сопровождая его до роскошно меблированнаго дома, гдѣ его ожидалъ заслуженный покой. Но онъ не хотѣлъ успокоиться, и сейчасъ же проявилъ желаніе вмѣшиваться во все, руководить всѣми и всѣмъ, начиная съ императора. Онъ не могъ его удержать въ стремленіи къ своей погибели, но пытался защищать до конца, и Екатерина встрѣтила такимъ образомъ въ немъ противника. Она простила старца, но осторожно его отстранила, назначивъ на постъ завѣдующаго гаванями, гдѣ онъ и умеръ въ 1767 г. Еще въ 1764 г., восьмидесяти одного года, онъ писалъ красавицѣ графинѣ Строгоновой записки въ родѣ нижеслѣдующей:

„Становлюсь передъ вами на колѣна, и нѣтъ ни одной частички вашего очаровательнаго тѣла... которую бы я, имѣ восторгаясь, не покрывалъ самыми сладкими поцѣлуями...“

Подписывался: „Обожающій старикъ...“ [1]).

Это былъ авантюристъ восемнадцатаго вѣка, сильно отмѣченный печатью своего времени и происхожденія, честолюбивый, тщеславный, не знавшій угрызеній совѣсти, проявлявшій на войнѣ инстинкты кровожаднаго звѣря, а въ частной жизни чрезмѣрную чувственность, но въ странномъ сочетаніи съ самыми семейными добродѣтелями и нѣкоторыми чертами дѣйствительнаго величія. Онъ жестоко обращался съ солдатами, а солдаты его обожали. Онъ говорилъ имъ,

---

[1]) Воронцовскій Архивъ, т. II, стр. 508.

что они—первые солдаты въ мірѣ, а они называли его „нашъ ясный соколъ“. Въ Россіи у него нѣтъ другого памятника, кромѣ лютеранской церкви въ Петербургѣ, гдѣ онъ похороненъ и гдѣ находится прекрасный портретъ его, исполненный соотечественникомъ незадолго до его смерти.

Адъютантъ Миниха и его первый пособникъ въ ночномъ государственномъ переворотѣ, свергнувшемъ Бирона, Манштейнъ, авторъ столь извѣстныхъ мемуаровъ, отдѣлался потерей полка. Ему пришлось отправиться въ гарнизонъ на границѣ Сибири. Въ 1745 г. онъ получилъ разрѣшеніе путешествовать, чѣмъ воспользовался, чтобы перейти, не подавая въ отставку, на службу Пруссіи, и былъ убитъ въ 1757 г. въ стычкѣ съ отрядомъ кроатовъ. Оцѣнивъ его неустрашимость, Фридрихъ написалъ для него слѣдующую эпитафію. „Знаменитъ тѣмъ, что принялъ битву при Прагѣ и послужилъ причиной пораженія при Коллинѣ“ [2]).

Германія восемнадцатаго вѣка дала Россіи нѣчто лучшее, чѣмъ этотъ отчаянный рубака, но также и худшее. Назначенный сопровождать до мѣстъ ссылки осужденныхъ 1742 г., князь Шаховской содрогнулся, увидавъ передъ собой въ тюрьмѣ выпрямившуюся во весь ростъ высокую фигуру Миниха со сверкающими глазами и услыхавъ въ то же время, какъ бывшій фельдмаршалъ его окликнулъ начальническимъ голосомъ. На минуту его охватило ощущеніе, что роль перемѣнилась. Угрюмый, исхудалый, неряшливо одѣтый, съ лицомъ, искаженнымъ ужасомъ, красавецъ Лёвенвольдъ, бывшій оберъ-гофмаршалъ, законодатель модъ при дворѣ Анны Іоанновны, напротивъ, изображалъ изъ себя въ своемъ ка-

---

1) См. его біографію. Halem, Lebensbeschreibung des Grafen von Minnich. Hempel, Leben, Thaten и т. д. 1742 г. Büschings Magazin; Шубинскій *„Записки Миниха“*.

2) Oeuvres posthumes.

зематѣ какое-то человѣческое отрепье, внушавшее въ одинаковой степени отвращеніе и жалость. Онъ былъ сосланъ въ Соликамскъ Пермской губерніи, главнымъ образомъ осужденный за то, что на какомъ-то банкетѣ помѣстилъ на плохомъ мѣстѣ приборъ цесаревны Елизаветы.

Въ общемъ, ограничивавшіяся далекими ссылками, наказанія, какими Елизавета ознаменовала начало своего царствованія, обозначали прогрессъ. Дала ли она или нѣтъ обѣтъ отмѣнить смертную казнь [1]), она, повидимому, оправдывала легенду, уже сложившуюся по этому поводу. Даже пытка не была примѣнена во время допроса. Вскорѣ—увы! къ ней возвратились. При поспѣшности судебной расправы получился нѣкоторый безпорядокъ. Такъ, приговоръ, произнесенный надъ вице-канцлеромъ Головкинымъ, гласилъ о его ссылкѣ въ *Германгъ*. Такого мѣста не обозначено ни на одной картѣ. Начальникъ конвоя Бергъ долго разыскивалъ его въ окрестностяхъ Якутска и Иркутска, передвигаясь наудачу, словно на развѣдочной экспедиціи. До сихъ поръ точно неизвѣстно, гдѣ, собственно, пришлось отбывать свое наказаніе осужденному, котораго также сопровождала жена. Онъ умеръ въ 1755 г. Графиня Головкина, урожденная Романовская, привезла тѣло мужа въ Россію и, оплакивая свою горестную потерю, являла собой въ продолженіе всей еще довольно долгой жизни зрѣлище достоинства и постоянства, превращающихъ ее въ одинъ изъ наиболѣе симпатичныхъ образовъ современности [2]).

Женскій элементъ, исторгнутый Петромъ Великимъ изъ униженнаго состоянія, такимъ образомъ, давалъ его дочери благородные примѣры, которымъ она не всегда умѣла слѣдовать.

---

[1]) См. Наслѣдіе Петра Великаго. (Царство женщинъ.)

[2]) Хмыровъ. *Графиня Головкина.*

LIBRARY
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

Получилась также неравномѣрность въ распредѣленіи наказаній. Новая императрица не хотѣла или не смѣла обрушиться на архіепископа Новгородскаго Амвросія Юшкевича, принадлежавшаго, однако, къ числу самыхъ преданныхъ сторонниковъ бывшей правительницы. Впрочемъ, тотъ самъ поспѣшилъ принести публичное покаяніе въ проповѣди, побудившей Елизавету вернуться къ рѣшенію, принятому Анной Іоанновной, запретившей *длинныя поученія*.

И здѣсь, какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, царствованіе Елизаветы вначалѣ было не блестяще вдохновляемо и обслуживаемо новымъ штатомъ, призваннымъ имъ къ власти, и нелегко было выдѣлить изъ среды его избранниковъ.

IV.

Новый Штатъ.

Штатъ этотъ образовался и пополнялся почти наудачу. Елизавета не могла разсчитывать, что будетъ въ состояніи править государствомъ при помощи кучки гренадеровъ, на рукахъ донесшихъ ее до Зимняго дворца. Пока происходили аресты высшихъ сановниковъ бывшаго царствованія, Воронцовъ и Лестокъ занимались отборомъ наименѣе скомпрометированныхъ изъ числа военныхъ и гражданскихъ должностныхъ лицъ, ему служившихъ. До восхода солнца, такимъ образомъ, прибыли генералъ-прокуроръ Трубецкой, адмиралъ Головинъ, начальникъ секретной канцеляріи Ушаковъ, нѣсколько нѣмцевъ, въ томъ числѣ Бревернъ, бывшій секретарь кабинета и, наконецъ, послали за княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, личностью декоративной, и великимъ государственнымъ мужемъ близкаго будущаго — Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ. Съ послѣднимъ Лестокъ всегда поддерживалъ хорошія отношенія. Не колеблясь, онъ указалъ на него, какъ на замѣстителя Остермана, и перу Бестужева принадлежатъ оба манифеста, которыми Елизавета возвѣщала свое вступленіе на престолъ. Временно Бестужевъ былъ назначенъ директоромъ почтъ. Братъ его

Михаилъ замѣнилъ Лёвенвольда въ качествѣ оберъ-гофмаршала. Вокругъ него съ грѣхомъ пополамъ собрали удовлетворительный штатъ, по поводу чего Мардефельдъ писалъ Фридриху:

„Наряды, платье, чулки и чудесное бѣлье графа Лёвенвольда были раздѣлены между камергерами императрицы, которые были голы, какъ соколы. Изъ четырехъ только что назначенныхъ камеръ-юнкеровъ два были раньше лакеями, а третій служилъ конюхомъ“ [1]).

Въ декабрѣ кабинетъ министровъ былъ упраздненъ, и первое мѣсто занялъ сенатъ, *„какъ при Петрѣ Великомъ“* Собраніе насчитывало четырнадцать членовъ, изъ нихъ были исключены только пятеро, обязанныхъ своимъ назначеніемъ Аннѣ Леопольдовнѣ. Злопамятство Елизаветы не пошло дальше этого. Одновременно фельдмаршалы Михаилъ и Василій Долгорукіе, долго содержавшіеся при Аннѣ Іоанновнѣ въ заключеніи, сначала въ Шлиссельбургѣ, затѣмъ въ Соловкахъ, были возстановлены въ своихъ чинахъ. Вся семья столько перестрадавшая въ теченіе предшествовавшихъ царствованій, заняла свое прежнее положеніе. При дворѣ появился Николай Долгорукій, оставившій языкъ въ рукахъ палача, и Александръ Долгорукій, вернувшійся съ Камчатки, и княжна Екатерина, бывшая невѣста Петра II [2]). Митрополиту кіевскому, пробывшему десять лѣтъ въ заточеніи въ Бѣлозерскомъ монастырѣ за то, что забылъ о днѣ рожденія Анны Іоанновны, была возвращена свобода и каѳедра митрополита. Понадобился начальникъ полиціи. Вспомнили о Девьерѣ, сосланномъ Меншиковымъ въ Охотскъ въ 1727 г. Вмѣстѣ съ Бреверномъ, другіе нѣмцы, — Сиверсъ,

---

[1]) Петербургъ, 27-го февраля 1742 г. Секретный архивъ Берлина.

[2]) См. *„Царство женщинъ“*.

Флюкъ,— вслѣдъ за португальцемъ заняли мѣста въ канцеляріяхъ, которыя предстояло заполнить. Во всѣ эпохи націонализмъ допускалъ соглашенія.

Съ любопытствомъ ждали возвращенія Алексѣя Ивановича Шубина, красавца-сержанта гвардіи, не безъ основанія заподозрѣннаго Анной Іоанновной въ проявленіи относительно ея племянницы иныхъ чувствъ, кромѣ уваженія, и также сосланнаго въ Сибирь. Елизавета уже получила указъ отъ Бирона, затѣмъ второй отъ Анны Леопольдовны объ его освобожденіи. Но, благодаря обычаю измѣнять имена ссыльныхъ подобной категоріи, Шубинъ долго оставался неразысканнымъ. Наконецъ, слѣды его были найдены на Камчаткѣ. Но ему предстояло пятнадцать тысячъ верстъ пути. По прибытіи онъ узналъ, что его цесаревна сдѣлалась императрицей, а возвращеніе его уже не ожидалось съ прежнимъ страстнымъ нетерпѣніемъ. У Елизаветы было широкое сердце, но въ данное время Румянцевъ занималъ тамъ слишкомъ большое мѣсто, чтобы допустить себѣ еще соперника. Да и на красотѣ Шубина отразилось пребываніе въ Камчаткѣ. Онъ получилъ чинъ майора въ Семеновскомъ полку, генерала въ арміи, орденскую ленту Александра Невскаго и помѣстье въ Нижегородской губерніи, куда удалился съ своимъ разочарованіемъ [1]).

Появилась также знаменитая Іоганна Петровна, г-жа Іоганна, какъ ее обыкновенно называли,— m-lle Шмидтъ въ дѣйствительности [2]),— одаренная Екатериной I, въ награду за конфидеціальныя услуги, домомъ и пенсіей, приставленная затѣмъ къ цесаревнѣ Елизаветѣ, допрошенная въ 1735 г. въ тайной канцеляріи по поводу „оскорбительныхъ словъ,

---

[1]) Helbig „Russische Günstlinge".

[2]) См. *„Царство женщинъ"* Имя это мнѣ не удалось провѣрить въ своихъ изслѣдованіяхъ.

сказанныхъ по адресу Бирона въ его присутствіи", приговоренная къ смерти, но отдѣлавшаяся только наказаніемъ палками и продолжительнымъ заточеніемъ въ сибирскомъ монастырѣ.

Въ январѣ 1742 г. дѣтямъ несчастнаго Волынскаго, казненнаго при Аннѣ Іоанновнѣ, были возвращены конфискованныя имѣнія отца, и въ то же время вернулся изъ ссылки бывшій регентъ Биронъ, а также его братья и неразлучный спутникъ генералъ Бисмаркъ. Бироны поселились въ Ярославлѣ, а Бисмаркъ поступилъ опять въ армію.

Но пособники переворота требовали также себѣ достойнаго вознагражденія. Согласно сообщенію, которое можетъ показаться подозрительнымъ, Лестокъ добивался почетной отставки. Увидавъ вблизи, какъ совершаются революціи, онъ благоразумно желалъ избѣжать повторенія подобнаго опыта. Благоразуміе въ такомъ отважномъ авантюристѣ представляется сомнительнымъ. Елизавета, впрочемъ, сумѣла искусными доводами заставить его отказаться отъ такого рѣшенія, если допустить, что оно существовало. Съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званіемъ перваго лейбъ-медика, онъ былъ назначенъ директоромъ медицинской коллегіи, т.-е. получилъ дискреціонную власть раздавать свидѣтельства на право врачебной практики. И онъ выдалъ ихъ не мало.

Воронцовъ былъ произведенъ въ чинъ поручика въ ротѣ преображенскихъ гренадеръ, той самой, которая сопровождала цесаревну въ ночь съ 25-го на 26-е ноября. Эта рота, капитаномъ которой была назначена Елизавета, получила наименованіе *лейбъ-кампаніи*. Нѣчто подобное существовало уже при правительницѣ Софьѣ, не пожелавшей только прибѣгнуть къ нѣмецкому названію. При ней такой отрядъ носилъ имя *пѣхоты надворной*. Штабсъ-капитанъ лейбъ-кампаніи

состоялъ въ чинѣ генерала, и мѣсто это опять-таки занялъ нѣмецъ, принцъ Гессенъ-Гомбургскій. Другимъ генералъ-поручикомъ былъ назначенъ Разумовскій, получившій одновременно званіе камергера, а братьямъ Шуваловымъ, будущимъ героямъ царствованія, пришлось удовольствоваться чиномъ подпоручика. Простые сержанты этой роты считались подполковниками. Всѣ—офицеры, унтеръ-офицеры, простые солдаты—получили свою долю при раздачѣ земельныхъ угодій, составлявшихъ конфискованное имущество жертвъ переворота. Прежній ювелиръ, еврей Грюнштейнъ, былъ награжденъ 927 христіанскими душами, къ которымъ Елизавета добавила еще двѣ тысячи, по случаю его свадьбы, на которой сама присутствовала. Онъ сдѣлался дворяниномъ, такъ какъ потомственное дворянство было пожаловано всѣмъ лейбъ-кампанцамъ, его не имѣвшимъ. Простой солдатъ Илларіонъ Спиридоновичъ Волковъ, произведенный въ капралы, получилъ гербъ въ видѣ трехъ пламенѣющихъ бомбъ на черномъ полѣ [1]).

Но всѣ три гвардейскіе полка считали себя въ правѣ требовать общей награды, такъ же, какъ полки Ингерманландскій и Астраханскій, первые, присягнувшіе въ вѣрности новому правительству. Имъ были розданы подарки, и все-таки они не признавали себя удовлетворенными, тогда какъ гвардейцы, стоявшіе на караулѣ въ аппартаментахъ государыни, получали по десяти рублей въ день.

Чѣмъ болѣе раздавалось наградъ, тѣмъ большія предъявлялись требованія. Вскорѣ Петербургъ наполнился слухомъ о всевозможныхъ невоздержностяхъ, какимъ пре-

---

[1]) Портфель Малиновскаго въ Московскомъ Архивѣ. Выдержки были напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1842 г.; П. Щукинъ, *Собраніе документовъ*; *Восемнадцатый вѣкъ*; *Сборникъ*.

давались герои дня. Донесенія прусскаго посланника Мардефельда, подтвержденныя другими свидѣтельствами, сообщаютъ намъ объ ихъ раздорахъ съ Черкасскимъ, назначеннымъ великимъ канцлеромъ, плохо защищавшимся противъ ихъ притязаній и дерзостей. Тщетно старались имъ объяснить, съ какой знатной особой они осмѣливались ссориться.

„Знатная особа, пока мы на то согласны“!

Говоря въ частности о солдатахъ лейбъ-кампаніи, которыхъ называли „гренадерами-создателями“ или „взрослыми дѣтьми Елизаветы“, корреспондентъ Фридриха добавляетъ слѣдующія подробности:

„Они отказываются удалиться изъ дворца; пользуются здѣсь прекраснымъ помѣщеніемъ, пищей, разгуливаютъ по галлереѣ, гдѣ ея величество производитъ пріемы, смѣшиваясь тамъ съ особами самаго знатнаго положенія... дѣлаютъ ставки въ фараонъ за тѣмъ же столомъ, гдѣ играетъ Императрица, и ея благосклонность къ нимъ заходитъ такъ далеко, что ею уже подписанъ указъ о чеканкѣ рублей съ изображеніемъ гренадера на обратной сторонѣ... Я слышалъ, что одинъ гренадеръ хотѣлъ купить глиняный горшокъ за три копейки, торговецъ же отказывался уступить дешевле шести копеекъ; тогда гренадеръ схватилъ ружье и убилъ торговца наповалъ“ [1]).

Англійскій посланникъ Финчъ разсказываетъ, въ свою очередь, какъ одинъ изъ солдатъ былъ подвергнутъ наказанію принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ за выходку особенно безобразную, и всѣ его товарищи рѣшили не показываться при дворѣ. Елизавета заволновалась:

— Я не вижу больше своихъ дѣтей!

---

[1]) Королю, 12-го и 19-го декабря 1741 г. Берлинскій секретный архивъ. Семевскій, *„Елизавета Петровна“*, по источникамъ архива Измайловскаго полка.

Узнавъ въ чемъ дѣло, она отмѣнила наказаніе [1]), послѣдствія чего легко себѣ представить. Всѣми способами она старалась вкоренить въ лейбъ-кампанцахъ убѣжденіе, что новое правительство, созданное при ихъ содѣйствіи путемъ насилія, нуждалось въ нихъ и въ продолженіи насилія для своей поддержки. Много позднѣе, прогуливаясь по саду лѣтняго дворца, она встрѣтила солдата, который при видѣ ея залился слезами.

— О чемъ ты плачешь?

— Намъ сказали, матушка, что ты хочешь уступить свой престолъ племяннику.

— Это—ложь, и я обѣщаю тебѣ убить всякаго, кто осмѣлится повторить ее въ твоемъ присутствіи, будь то хоть главнокомандующій [2]).

Встрѣчая такое поощреніе, лейбъ-кампанцы считали для себя все дозволеннымъ. Донесеніе полиціи сообщаетъ намъ о похищеніи однимъ изъ нихъ изъ лавки среди бѣлаго дня молодого парня и продажѣ его архимандриту за три рубля [3]). Говорятъ, что нѣмецъ, кумъ Грюнштейна, Шварцъ, былъ убитъ вилами крестьянкой, которой хотѣлъ доказать, что лейбъ-компанцу ни въ чемъ не можетъ быть отказа.

Однако между Елизаветой и этими *создателями* ея удачи съ первой же минуты возникло разногласіе, которому предстояло все сильнѣе разрастаться. Несмотря на то, что новое правительство поневолѣ не могло отдалиться и отстранить чужеземный элементъ, націонализмъ составлялъ его лозунгъ, и борьба съ иностранцами являлась неотъемлемой частью его программы. Вдохновляясь такой мыслью

---

[1]) Гарингтону, 22-го декабря 1741 г. *Сборникъ.*

[2]) Соловьевъ. *Исторія Россіи.*

[3]) *Восемнадцатый вѣкъ.*

и думая вмѣнить ее себѣ въ заслугу, архіепископъ Амвросій Юшкевичъ гремѣлъ съ каѳедры противъ вторженія еретиковъ, а въ Москвѣ архимандритъ Кириллъ Флоринскій, перечисляя по именамъ, клеймилъ ихъ названіемъ „человѣкояды птицы со своимъ стадищемъ“ [1]). Рѣчь шла объ Остерманѣ и Минихѣ. Въ памфлетѣ изображались два солдата Яковъ и Семенъ, бесѣдующіе о Биронѣ. „Когда я услыхалъ, что онъ будетъ регентомъ,—говоритъ Яковъ,—съ меня словно медвѣдь сталъ шкуру сдирать“. Если не существовало больше Бирона, во главѣ лейбъ-кампанцевъ остался принцъ Гессенъ-Гомбургскій. Если Минихъ былъ сосланъ въ Пелымъ, братъ его получилъ послѣ Салтыкова званіе оберъ-гофмейстера. Генералъ Любра оспаривалъ у Голицына постъ посланника на конгрессѣ въ Або и взялъ верхъ. Вскорѣ, вслѣдъ за герцогомъ Голштинскимъ, начался усиленный притокъ нѣмецкаго элемента, а гофъ-маршалъ ея величества Брюммеръ, вмѣстѣ съ Лестокомъ, опять полунѣмцемъ—пользовался благосклонностью Елизаветы и всемогуществомъ власти. Рѣчь заходила даже о возвращеніи Остермана и Лёвенвольда [2]).

Того требовала логика вещей. Дочь Петра Великаго и предполагаемая продолжательница его творенія, какой она

---

[1]) „И кое жъ большее можетъ быть великодушіе, какъ сіе: забыть деликатнаго своего полу, пойти въ малой компаніи на очевидное здравія своего опасеніе, не жалѣть за цѣлость вѣры и отечества послѣдней капли крови, быть вождемъ и кавалеромъ воинства, собравъ вѣрное солдатство; заводить шеренги, итти грудью противъ непріятеля, и сидящихъ въ гнѣздѣ орла Россійскаго нощныхъ совъ и нетопырей, мыслящихъ злое государству, прочь вынуждать, коварныхъ разорителей связать, побороть и наслѣдіе Петра Великаго изъ рукъ чужихъ вырвать и сыновъ россійскихъ изъ неволи высвободить и до перваго привести благополучія—нѣсть ли убо сіе всему свѣту удивительно“.

[2]) *Сборникъ.*

себя объявила, домогаясь верховнаго титула, Елизавета не могла противостоять послѣдствіямъ „окна, прорубленнаго въ Европу“. Окно осталось, предоставляя доступъ Лестокамъ и Брюммерамъ. Въ мысли преобразователя, система эта, какъ извѣстно, имѣла сторону, ее уравновѣшивавшую: пользоваться услугами иностранцевъ, держа ихъ на заднемъ планѣ. Для умовъ непросвѣщенныхъ, какими была окружена Елизавета, и среди революціоннаго кризиса, куда они устремились вслѣдъ за ней, идея была черезчуръ тонка.

Въ апрѣлѣ 1743 г. на нѣмецкихъ офицеровъ, игравшихъ на билліардѣ въ билліардномъ домѣ, набросились русскіе солдаты. „Велѣли вашу шведскую каналью всѣхъ уходить; вы, шведскіе канальи, здѣсь не отсидитесь; у насъ указъ есть, чтобъ всѣхъ васъ перерубить; надобно всѣхъ васъ, иностранцевъ, прибить до смерти; васъ, нѣмецкихъ собакъ, всѣхъ сегодня перевѣшаютъ!“ [1]) Пришлось прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ, и наиболѣе виновные были приговорены къ колесованію. Елизавета снова вмѣшалась, чтобы смягчить наказаніе до послѣдней возможности, замѣнивъ его просто перемѣной гарнизона, тогда какъ сами оскорбленные офицеры были подвергнуты аресту. Духъ возмущенія оттого лишь сильнѣе укрѣплялся и нѣсколько мѣсяцевъ спустя подъ Выборгомъ угрожалъ перейти въ настоящій бунтъ среди гвардейскихъ полковъ, выступившихъ въ походъ противъ Швеціи. Однако мятежъ былъ счастливо подавленъ, благодаря хладнокровію генерала Кейта и настроенію армейскихъ полковъ. Но, пріостановленное въ этомъ направленіи, движеніе повернуло въ другую сторону, измѣнивъ характеръ. Ивинскій, сержантъ роты лейбъ-кампанцевъ, былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся героевъ

---

[1]) Изъ показанія офицеровъ.

ноября 1741 г. Онъ разбудилъ и поднялъ съ постели Анну Леопольдовну. Въ мартѣ 1743 г. мы застаемъ его въ тюрьмѣ, какъ зачинщика заговора, въ который онъ старался вовлечь г-жу Грюнштейнъ, обѣщая жениться на ней, когда будетъ убитъ ея мужъ и всѣ иностранцы, пользующіеся покровительствомъ Елизаветы [1]).

Все-таки лейбъ-кампанцы сохранили свое привилегированное положеніе. Въ 1748 г. Петръ Шуваловъ отвѣчалъ на просьбу скорѣе закончить нѣкоторыя военныя дѣла: „Первымъ дѣломъ мнѣ надо заняться лейбъ-кампаніей. Лейбъ-кампанцы прежде всего. Приказъ императрицы!“ Съ другой стороны, попытки возмущенія или контръ-революціи въ направленіи ультра-національномъ не могли увѣнчаться успѣхомъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, современная Россія, созданная Петромъ Великимъ, не могла болѣе обходиться безъ иностранцевъ: они составляли неотъемлемую часть системы; а, кромѣ того, дочь преобразователя не имѣла серьезныхъ соперниковъ. Приходилось выбрать между ней и ничѣмъ. Потому что малютка герцогъ Брауншвейгскій, рожденный отъ принцессы Мекленбургской, превращенный капризомъ Анны Іоанновны въ русскаго императора, было безспорное ничто, несмотря на весь ужасъ, какой онъ внушалъ той, которой стоило такъ мало труда свергнуть его съ престола. Для воплощенія этого призрака необходимо было вмѣшательство извнѣ, но его не послѣдовало. Елизавета отправилась короноваться въ Москву, и ни одно коронованное чело не нахмурилось во всей Европѣ.

---

[1]) Мардефельдъ королю 12 и 16 марта, 6 и 13 апрѣля 1743 г. Берлинскій секретный архивъ.

V.

Коронація.

Иностранныя державы уже привыкли къ политическимъ переворотамъ, казалось, принявшимъ въ Россіи характеръ періодическихъ явленій. Хотя Франція какъ-будто содѣйствовала перевороту, или, можетъ-быть, именно вслѣдствіе этого, одинъ только ея странный и причудливый союзникъ, Пруссія, могъ внушать нѣкоторыя опасенія. Но поведеніе Фридриха мы уже видѣли. Мардефельдъ не раздѣлялъ симпатіи Ла Шетарди къ Елизаветѣ, но онъ не былъ человѣкомъ, поддающимся внушенію чувствъ. Онъ выражалъ ихъ иногда шутками, отвѣчая настроенію, угаданному въ своемъ повелителѣ, но съ добавленіемъ слѣдующаго заключенія: „Я никоимъ образомъ не намѣреваюсь этими замѣчаніями оспаривать права прекрасной царствующей императрицы. Чувствую свой здравый разсудокъ въ плѣну, благодаря чему нахожу ихъ неопровержимыми, и вполнѣ убѣжденъ, что дѣло, поддерживаемое преторіянской охраной,—наилучше защищаемое и самое справедливое во всей вселенной“ [1]). Фридрихъ, въ свою очередь, выражаетъ сильное удивленіе, что его заподозрѣли въ Петербургѣ въ желаніи принять сторону

[1]) 19 декабря 1741 г. Берлинскій секретный архивъ.

бывшей правительницы или въ намѣреніи задержать при его проѣздѣ молодого герцога Голштинскаго. „Очевидно, меня считаютъ за весьма плохого политика!“ [1]). Союзникъ Франціи, онъ опасался лишь одного, какъ бы событіе не дало „большого перевѣса“ дипломатіи этой державы, и поспѣшилъ отправить въ Версаль, не предупредивъ барона де Шамбріэ, своего министра при этомъ дворѣ, другого агента—Сума, со спеціальнымъ порученіемъ „смѣшать тамъ карты“ (2). Это былъ второй „секретъ короля“. Современная дипломатія ими изобилуетъ.

Однако на политическихъ намѣреніяхъ и предположеніяхъ монарха этотъ неожиданный переворотъ отразился чувствительнымъ образомъ. Онъ уже готовился войти въ соглашеніе съ Австріей черезъ посредничество лорда Хиндфорда безъ вѣдома о томъ Франціи. Совпавъ съ взятіемъ Праги (26 ноября 1741 г.), сдавшейся Морицу Саксонскому, и Франкфуртскимъ избраніемъ, поставившимъ во главѣ государства ставленника Всехристіаннѣйшаго короля, восшествіе на престолъ Елизаветы мѣняло положеніе. По сообщенію Мардефельда, „гренадеры-создатели“ цѣловали руки Ла Шетарди, величая его своимъ избавителемъ и отцомъ. Нельзя было предвидѣть скорой немилости, какою должно было завершиться это внѣшнее торжество французской политики, основанное на двусмысленности, очистивъ путь совершенно иной системѣ внѣшней политики, центромъ которой суждено было сдѣлаться Вѣнѣ, а не Версалю. Фридрихъ быстро перемѣнилъ тонъ, и Елизавету съ этой стороны ожидали только успокоительныя рѣчи и одобреніе.

Посланный въ Киль, чтобы привезти оттуда будущаго наслѣдника, баронъ Корфъ возвратился 5 февраля 1742 г.,

---

[1]) См. „*Царство женщинъ*“.

не встрѣтивъ ни малѣйшаго противодѣйствія. Императрица сейчасъ же возложила на племянника орденъ Андрея Первозваннаго, поручила Симеону Тодорскому подготовить принца къ переходу въ православіе, отпраздновала съ большой торжественностью день его рожденія — ему исполнилось четырнадцать лѣтъ—и повезла съ собой въ Москву.

Путешествіе совершалось въ линеѣ, экипажѣ безъ рессоръ, въ данномъ случаѣ достигавшемъ колоссальныхъ размѣровъ, превращавшихъ экипажъ въ настоящій домъ на колесахъ. Внутри находился столъ, окруженный сидѣньями. Дорога была обсажена молодыми елками, образовавшими непрерывнуы аллею съ бесѣдками изъ зелени на остановкахъ. При проѣздѣ черезъ города и села елки замѣнялись двойной живою цѣпью, мужчинъ съ одной стороны, женщинъ съ другой, распростертыхъ ницъ на землѣ. Колокола звонили, изъ монастырей выносили навстрѣчу всѣ иконы. Съ наступленіемъ темноты на извѣстномъ разстояніи зажигались смоляныя бочки [1]).

Въ Москвѣ Мардефельдъ отмѣчаетъ зловѣщія предзнаменованія: обрушившаяся тріумфальная арка, жемчужное ожерелье, потерянное во время одного празднества, неудавшаяся иллюминація и, наконецъ, пожаръ въ Преображенскомъ дворцѣ, мѣстѣ рожденія императрицы, наканунѣ того дня, когда тамъ предполагался балъ. Россія вплоть до нашихъ дней переживала времена много худшія, и повидимому, подобныя катастрофы для нея не имѣютъ значенія дурного предвѣщанія. Впрочемъ, коронованіе, происходившее 25-го апрѣля 1742 г., обошлось безъ дальнѣйшихъ прискорбныхъ случаевъ. И честь этого, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ

---

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1742 г. № 20; „Московскій Арсеналъ“.

приписать искусству руководителя церемоніала, француза Рошамбо. Елизавета воспользовалась случаемъ, чтобы излить свои милости на часть своихъ приближенныхъ, до сихъ поръ остававшуюся въ тѣни. Она вспомнила, или сочла своевременнымъ напомнить обществу, что у нея были еще другіе родственники, помимо этого племянника, вывезеннаго ею изъ далекихъ краевъ. Такъ же близки ей по крови была родня со стороны матери, Скавронскіе, Гендриковы, Ефимовскіе,—простые крестьяне. Она пожаловала имъ графское достоинство и камергерство, но не въ состояніи была ни новыми титулами, ни нарядами уничтожить въ нихъ слѣды происхожденія и воспитанія.

Чтобы никого не забыть, она наградила Румянцева званіемъ оберъ-егермейстера и орденомъ Андрея Первозваннаго, а чтобы не принести окончательно прошлое въ жертву настоящему, пожаловала генеральскій чинъ и малороссійское губернаторство, вдобавокъ, Бутурлину. Малороссія должна была чувствовать себя весьма польщенной, такъ какъ этотъ другъ минувшихъ дней оставался очень красивымъ мужчиной. Впрочемъ, попрежнему за нимъ числилось только это достоинство.

Покончивъ съ „дѣлами", новая императрица предалась удовольствіямъ и закружилась въ нескончаемомъ вихрѣ ихъ. Москва, гдѣ она провела свои юные годы, всегда оставалась ея излюбленнымъ мѣстопребываніемъ. Тамъ она чувствовала себя свободнѣе и прекрасно обошлась безъ сгорѣвшаго дворца. Въ странѣ, гдѣ на постройку дворца полагалось шесть недѣль, ей нетрудно было устроиться. Въ домѣ, находившемся на берегу рѣки Яузы, въ Покровскомъ, балы и маскарады, гдѣ собиралось до девятисотъ человѣкъ приглашенныхъ, шли непрерывной чередой.

7-го ноября 1742 г. они были прерваны манифестомъ

относительно герцога Голштинскаго, гласившимъ, что Тодорскій закончилъ свою задачу, и возвѣщавшимъ титулы, присвоенные герцогу теперь, какъ великому князю, наслѣднику престола и императорскому высочеству подъ именемъ Петра Ѳедоровича. Такимъ образомъ Елизавета подтверждала свое намѣреніе не выходить замужъ, что было съ ея стороны безусловно наиболѣе разумнымъ рѣшеніемъ. Вступить въ бракъ она могла бы только съ иностраннымъ принцемъ, а духъ новаго царствованія и настроеніе лейбъ-кампанцевъ этому положительно противорѣчили. Лейбъ-кампанцы желали видѣть Елизавету на престолѣ такою, какою на него возвели, связанной только съ нимъ памятью Петра Великаго, свободной, по крайней мѣрѣ, по внѣшности отъ всякихъ обязательствъ. Она сохранитъ вѣрность *имъ*, останется „царь-дѣвицей", чудо-дѣвицей русскихъ сказокъ.

Возможно, что воспоминаніе о другой Елизаветѣ, сравненіе съ которой ей льстило,—Вольтеръ сумѣлъ это подмѣтить,—осталось не безъ вліянія на рѣшеніе царицы.

Конечно, бывшій принцъ Голштинскій—тоже иностранный государь. Но онъ еще былъ такъ молодъ и что въ немъ, вернувшемся въ семью, на родину, къ вѣрѣ своей матери, можно было надѣяться быстро изгладить всякій слѣдъ прошлаго. Правда, онъ сохранилъ свое герцогство и вывезъ изъ него въ Россію главное ядро, вмѣстѣ съ Брюммерами, составлявшимъ его свиту. Но что представляла изъ себя эта временная уступка и эта горсточка изголодавшихся чиновниковъ и сановниковъ на лонѣ великой, могущественной Россіи!

Дѣйствительно это были бы пустяки, если бы въ наслѣдіи Петра Великаго, предоставленномъ этому онѣмеченному отпрыску неокрѣпшей рассы, не оказался принципъ, прямо противоположный дѣлу ассимиляціи, долженствовавшей те-

перь произойти, чтобы внукъ великаго дѣда превратился въ достойнаго наслѣдника. По мысли Петра, „прорубленное окно“ служило прежде всего „*выходомъ*“. Европа, германская Европа въ особенности, усмотрѣла въ немъ прежде всего *входъ*. Она водворилась на берегахъ Невы и заняла тамъ первенствующее мѣсто. На Невскомъ проспектѣ среди двойного ряда нѣмецкихъ магазиновъ, ганзейскихъ конторъ и лютеранскихъ кирокъ, молодой герцогъ Голштинскій не вернулся къ материнскому очагу. Его маленькій нѣмецкій дворъ встрѣтилъ тамъ естественное продолженіе, цѣлый обособленный народъ, говорившій на томъ же языкѣ, питавшій въ сердцѣ одинаковыя чувства.

Имѣла ли Елизавета возможность отдѣлить племянника отъ этой среды? Какимъ образомъ? Куда его помѣстить? Въ общество гренадеровъ лейбъ-кампаніи, Разумовскихъ, Бекетовыхъ, Шуваловыхъ, ее окружавшихъ? То былъ кругъ близкихъ ей людей. Но она должна была понять, что сыну сестры тутъ не мѣсто. Этимъ она заставляла его угадывать или подсматривать сквозь замочныя скважины и дырки, коварно просверленныя въ перегородкахъ, тайны своей интимной жизни. И, не имѣя возможности ввести его въ эту интимность, ей приходилось поставить его въ обстановку, менѣе всего соотвѣтствовавшую его будущему призванію. Фатально, неотразимо его захватывалъ другой кругъ—кругъ завѣтовъ отцовскихъ, къ которому, кромѣ того, его естественно влекло очевидное преобладаніе наслѣдственности. Въ этомъ кругу онъ утвердился, укоренился, выросъ чужестраннымъ дичкомъ, непреодолимо враждебнымъ ко всякой привычкѣ русскаго духа, склоннымъ смотрѣть какъ на изгнаніе на эту пересадку на землю, которую никогда не считалъ своей, хотя она и сулила ему корону. Не питая къ своей новой родинѣ ничего, кромѣ презрѣнія и ненависти, и благодаря

обостренію этихъ чувствъ среди постояннаго столкновенія между офиціальнымъ положеніемъ и душевными склонностями, онъ сдѣлался больше нѣмцемъ, чѣмъ всѣ принцы Священной имперіи.

Тому способствовали и случайныя обстоятельства. Съ прибытіемъ нѣмецкой принцессы, предназначенной ему въ супруги, дочери генерала на прусской службѣ, предусмотрительно выбранной, искусно указанной Елизаветѣ Фридрихомъ, великокняжескій дворъ сильнѣе, чѣмъ раньше, долженъ былъ сдѣлаться доступнымъ для внѣшнихъ вліяній. „Молодой дворъ“ представлялъ одно изъ наиболѣе интересныхъ явленій экстериторіальности, существующихъ въ исторіи. Онъ сдѣлался открытымъ средоточіемъ всякихъ интригъ и развращающаго вліянія извнѣ, наконецъ, штабомъ шпіонства на службѣ иностраннаго государя, находившагося во враждѣ съ дочерью Петра Великаго!

Такимъ образомъ, вслѣдствіе злого рока, связаннаго съ наслѣдіемъ великаго мужа, съ его твореніемъ, исполинскимъ, несовершенно необезпеченнымъ въ своей будущности,—царствованіе, начатое Елизаветой въ такой рискованной обстановкѣ, привело къ риску гораздо большему: судьбы Россіи очутились въ рукахъ государя, ее ненавидѣвшаго.

Теперь я постараюсь освѣтить личность молодой и прекрасной государыни.

П.А.
1916

ГЛАВА II.

Женщина и императрица.

I. Нравственный обликъ.—Дѣтство.—Два типа воспитанія.—Образованіе и характеръ.—Умъ и темпераментъ—Любовь къ нарядамъ.—Пятнадцать тысячъ платьевъ.—Переодѣванья.—Доброта Елизаветы.—Великодушныя наклонности и жестокіе порывы.—Нравственная эволюція современной Россіи.—Вспыльчивость.—Умственная лѣнь.—Набожность и суевѣріе.—Общеніе съ духовенствомъ.—Благочестіе.—Древняя и новая Россія. — Смѣшенія и компромиссы. — Популярность Елизаветы. — II. Дворъ и тѣсный кружокъ.—Приближенные цесаревны.—Домъ императрицы.—Новая ассамблея.—Попытка разрыва съ византійскими завѣтами.—Быстрые успѣхи съ точки зрѣнія роскоши и щегольства.—Менуэтъ въ С.-Петербургѣ.—Столъ императрицы.—Игра.—Опера.—Новая Астрея.—Препятствія и сопротивленіе.—Свидѣтельства современниковъ.—Д'Эонъ въ Лѣтнемъ дворцѣ.—Самокаты Царскаго Села.—Въ Москвѣ.—Переѣзды Елизаветы.—Продолженіе кочевой жизни.—Женскій элементъ.—Его общественная неудовлетворительность.—Личное участіе государыни.—Ея заслуги.—Тѣсный кружокъ.—Сельскіе вкусы.—Ночныя бдѣнія.—Чесальщицы.—III. Интимные нравы.—Первыя связи.—Бутурлинъ.— Нарышкинъ.—Шубинъ.—Случай Разумовскаго.—„Ночной императоръ".—Предполагаемый бракъ.—Характеръ фаворита.—Легенда о дѣтяхъ, прижитыхъ имъ съ Елизаветой.—Княжна Тараканова. — Семья фаворита.—Кириллъ Разумовскій.—Соперники.—Шуваловъ.—Траги-комическое приключеніе Бекетова.—Женщина и императрица.—IV. Политическая роль Елизаветы.—Способность съ достоинствомъ ее поддерживать.—Лукавство.—Скрытность.—Сознаніе долга.—Любовь къ Россіи.—Небрежность.—Безпечность и разсѣянность.—Постепенное прекращеніе всякой дѣятельности.—Безпорядочная жизнь.—Послѣдствія.—Непрерывное развитіе страны и проявленіе силы.—Причины феномена.

I.

Обликъ нравственный.

Я не скрываю отъ себя трудности поставленной мною задачи. Возстановить психологически на разстояніи одного или двухъ столѣтій обликъ Петра Великаго или Екатерины II — дѣло не легкое, почти дерзновенное. Но тамъ существуютъ источники. Оба оставили не только относительно своей внѣшности и дѣятельности въ мірѣ, но даже интимной жизни свидѣтельства выразительныя и достовѣрныя. Иногда они исповѣдывались въ письмахъ, не предназначенныхъ для гласности: раскрывали тайну своей души множествомъ не обдуманныхъ словъ, несдержанныхъ движеній, подмѣченныхъ бдительным взо-

ромъ и чуткимъ слухомъ и сообщенныхъ нашей любознательности.

Но Елизавета?

Она не оставила мемуаровъ. Письма? Нѣсколько безсодержательныхъ записокъ, гдѣ неправильность формы соперничаетъ съ бѣдностью мысли. Сообщенія ея приближенныхъ? Разумовскій былъ скрытенъ, и по причинѣ основательной: онъ не умѣлъ писать.

А между тѣмъ мимо пройти невозможно. Судьба этой женщины не была связана въ теченіе двадцати лѣтъ съ судьбой всего народа игрой простого случая или прихотью распущенныхъ солдатъ. Дочь Петра Великаго пользовалась популярностью. Въ народныхъ преданіяхъ сохранился ея плѣнительный образъ, и даже на европейскомъ горизонтѣ у нея, затемненной своей знаменитой преемницей, былъ свой часъ блеска и далекаго сіянія.

Въ 1744 г. въ Москвѣ обратило на себя вниманіе появленіе иностранки, повидимому, знатнаго происхожденія. „Худая, съ красивыми черными глазами, тридцати или тридцати пяти лѣтъ отъ роду“, — сообщаетъ полицейское донесеніе,—„путешествуетъ съ дворецкимъ, горничной и лакеемъ. Прекрасный гардеробъ“. Освѣдомившись ближе, узнали, что она—француженка, г-жа д'Аквилль, урожденная де-Монтмарэнъ, жена руанскаго совѣтника и сестра бригадира на службѣ въ королевскихъ войскахъ. Зачѣмъ пріѣхала она въ Москву? Узнавъ о переворотѣ, возведшемъ Елизавету на престолъ, „она была охвачена чувствомъ восторга и любви“. Такъ, по крайней мѣрѣ, она выразилась въ разговорѣ съ Ла-Шетарди. Она писала канцлеру Черкасскому, Воронцову, самой Елизаветѣ, не получая отвѣта. Помѣстивъ дѣтей въ коллегіумъ, написавъ послѣднее письмо, на этотъ разъ прощальное, мужу, она пустилась въ путь. Все ея стре-

мленіе было „только увидать новую государыню“. „Отъ этого зависѣло счастье ея жизни“. И она получила это удовлетвореніе. На обѣдѣ у Воронцова ее представили Елизаветѣ, согласившейся, какъ бы случайно, заѣхать къ своему другу. Послѣ чего довольная француженка отправилась домой. Г. д'Аквиль отказался раздѣлить эту радость. Въ своемъ неудовольствіи онъ былъ готовъ повѣрить разсказамъ о „дорожномъ оруженосцѣ“, приписываемомъ прекрасной путешественницѣ. Мужъ началъ надоѣдать самому д'Аржансону, который довольно грубо приказалъ чиновнику выпроводить „этого злополучнаго рогоносца“ [1]). Конецъ приключенія неизвѣстенъ; но не осталась бы въ нашихъ глазахъ не вполнѣ ясной эпоха, когда оно происходило, если бы Сѣверная героиня, внушавшая такое непреодолимое любопытство, сохранила передъ историкомъ свою маску полувосточной государыни, обращенной въ кумира среди тайнъ гиникея?

Елизаветѣ, родившейся 19-го декабря 1709 г. нов. ст., было тридцать два года ко времени ея восшествія на престолъ. Я уже сообщилъ [2]) то немногое, что извѣстно о годахъ ея юности, и воздалъ должное ея красотѣ. Воспитаніе ея происходило въ новомъ духѣ, введенномъ въ Россію реформой Петра Великаго. Въ селѣ Измайловѣ, гдѣ цесаревна проживала по сосѣдству со своими двоюродными сестрами, Екатериной и Анной Іоанновными, столкнулись лицомъ къ лицу двѣ Россіи. Домострой Сильвестра полновластно царилъ въ домѣ царицы Прасковьи, строгой и благочестивой вдовы царя Іоанна. Тамъ изучалось только Священное Писаніе. На другомъ концѣ села къ Елизаветѣ была представлена гувернантка-француженка, г-жа Латуръ, величавшая себя

---

[1]) Иностр. дѣла: переписка 1744; Воронцовскій Архивъ.

[2]) Валишевскій. *Царство женщинъ* (Наслѣдіе Петра Великаго).

также графиней де-Лоней, по возвращеніи во Францію поселившаяся въ Вилльжюифѣ и слывшая тамъ за законную подругу кавалера де-Марвиль.[1]) Можетъ-быть, она не всегда показывала своей воспитанницѣ наставленія и примѣры наиболѣе назидательные. Ее замѣнили многочисленные учителя, въ томъ числѣ опять-таки французъ Рамбуръ. Къ сожалѣнію, всѣ ихъ усилія разбивались о непреодолимую лѣнь. По внѣшности походя на отца, дочь Петра Великаго по духу была ближе къ матери. Читать для нея всегда было скукой, а писать наказаніемъ.

Въ довершеніе всего, новое воспитаніе на европейскій ладъ, какъ его понимали въ то время въ Россіи, не сообщало много знаній. Весьма поверхностное, оно сводилось къ изученію языковъ. Елизавета говорила довольно хорошо по-французски, сносно по-нѣмецки и, заучивъ еще нѣсколько словъ на итальянскомъ и англійскомъ языкахъ, начинавшихъ входить въ моду, слыла очень образованной. Такъ какъ тогда знакомство съ французской литературой считалось немыслимымъ безъ сочиненія стиховъ, то писала ихъ и она. У насъ имѣются нѣсколько образчиковъ ея музы, между прочимъ, элегія на отъѣздъ въ Сибирь друга, имѣвшаго впослѣдствіи неловкость вернуться оттуда не вовремя. Но она умерла въ убѣжденіи, что въ Англію можно попасть сухимъ путемъ[2]). Добавивъ къ пріобрѣтеннымъ такимъ образомъ познаніямъ основательное знакомство съ французскими модами,—и въ этомъ отношеніи ее никакъ нельзя упрекнуть въ небрежности,—она вездѣ, даже

---

[1]) Воронцовскій Архивъ.

[2]) Воронцовскій Архивъ; Бантышъ-Каменскій, *Словарь знаменитыхъ дѣятелей*; Семевскій, *Елизавета Петровна*; Михневичъ, *Русская женщина восемнадцатаго вѣка.*

и за предѣлами Россіи, могла олицетворять собой образецъ государыни совершенной, хотя съ извѣстнымъ мѣстнымъ отпечаткомъ. Если она находила удовольствіе въ бесѣдахъ съ маркизомъ Ла-Шетарди, угадывая въ немъ послѣднюю утонченность французскаго ума, то все-таки предпочитала этимъ бесѣдамъ разговоры съ приближенными кумушками, а мадригаламъ молодого дипломата—шутки своего истопника. Была ли она умна? Да, по-своему. „Хотя она обладаетъ только такъ-называемымъ женскимъ умомъ, однако, одарена имъ въ сильной степени", писалъ въ 1747 г., д'Алліонъ свидѣтель, не навлекающій на себя подозрѣнія въ пристрастіи, потому что она его терпѣть не могла, и онъ ей платилъ той же монетой. Умъ мѣткій, веселый, граціозный. Державинъ сравнивалъ ее съ „спокойною весною". Спокойная—лишнее слово. Она безъ сожалѣнія покидала балъ, спѣшила къ заутрени, съ охоты отправлялась на богомолье; но вовремя хожденія по святымъ мѣстамъ набожность уживалась съ обстоятельствами далеко не умиротворяющаго свойства. Елизавета ухитрялась обращать эти благочестивыя странствованія въ пикники. Я пользуюсь самымъ скромнымъ выраженіемъ. До самаго конца, до послѣдняго часа ея жизни, удовольствіе составляло ея преобладающую заботу, и, въ постоянныхъ поискахъ за нимъ, она жила какъ въ водоворотѣ.

Въ 1760 г. спрошенный Шуазелемъ относительно здоровья государыни, одинъ изъ преемниковъ Ла-Шетарди, маркизъ де-Бретейль отвѣчалъ: „Невозможно чувствовать себя лучше и соединять въ ея годы больше наружной свѣжести съ жизнью, наиболѣе созданной для ея разрушенія, такъ какъ обыкновенно она ужинаетъ въ два, а ложится въ семь часовъ утра". Эта „наружная свѣжесть" въ дѣйствительности въ то время представляла собою одну иллюзію,

достигавшуюся цѣной не малыхъ усилій. „Четыре-пять часовъ и все русское искусство“,—добавляетъ маркизъ,—„едва справляются ежедневно съ задачей водворить всѣ прелести по мѣстамъ“.

Извѣстно значеніе, какое имѣли наряды въ ту эпоху въ жизни женщины на Западѣ, извѣстна общественная, даже политическая роль уборной въ исторіи восемнадцатаго вѣка, долгіе часы, проводившіеся современными красавицами передъ зеркаломъ, въ обществѣ горничныхъ, парикмахеровъ, портныхъ, утреннихъ посѣтителей и неизбѣжнаго аббата. А перейдя за границу, всѣ моды обладаютъ свойствомъ впадать въ преувеличеніе. У Елизаветы пристрастіе къ нарядамъ и заботы о красотѣ граничили съ маніей. Принужденная долго въ этомъ отношеніи подвергаться лишеніямъ въ виду денежныхъ затрудненій, послѣ восшествія на престолъ она ни одного платья не надѣла больше разу. Танцуя до изнеможенія и сильно потѣя отъ преждевременной полноты, она иногда переодѣвалась трижды въ теченіе бала. Въ 1753 г. во время пожара одного изъ московскихъ дворцовъ у нея сгорѣло четыре тысячи платьевъ, а все-таки послѣ ея смерти осталось еще пятнадцать тысячъ, наполнявшихъ шкафы, два сундука, набитыхъ шелковыми чулками, тысячи паръ башмаковъ и туфель и болѣе ста отрѣзовъ французскихъ матерій. Она слѣдила за прибытіемъ французскихъ кораблей въ петербургскій рейдъ и сейчасъ же приказывала отбирать все по части привезенныхъ новостей, *раньше чѣмъ ихъ успѣлъ увидать кто-либо другой.* Англійскій посланникъ лордъ Хиндфордъ самъ заботился о выборѣ для императрицы наиболѣе красивыхъ матерій. Она предпочитала свѣтлыя или бѣлыя съ золотыми или серебряными цвѣтами. Прибывшій въ Парижъ въ 1760 г. въ качествѣ представителя возобновившихся дипломатическихъ

сношеній между обоими дворами Бехтѣевъ добросовѣстно употреблялъ свое время, выбирая шелковые чулки послѣдняго фасона и ведя переговоры о приглашеніи къ Разумовскому знаменитаго артиста кулинарнаго искусства Баридо [1]).

Гардеробъ государыни содержалъ тоже извѣстное количество мужского платья. Она унаслѣдовала отъ отца любовь къ переодѣваніямъ. За три мѣсяца послѣ своего пріѣзда въ Москву она уже успѣла, по свидѣтельству Ботты, нарядиться во всѣ костюмы всѣхъ странъ міра. Впослѣдствіи, при дворѣ аккуратно бывали маскарады два раза въ недѣлю, и обыкновенно Елизавета на нихъ появлялась въ мужскомъ костюмѣ — французскимъ мушкетеромъ, казацкимъ гетманомъ, голландскимъ матросомъ. У нея были красивыя ноги. Или по крайней мѣрѣ въ томъ ее убѣдили. Она замѣтила, что переодѣваніе въ мужской костюмъ было менѣе благопріятно для ея соперницъ по красотѣ, и придумала маскарады, гдѣ, по приказу, всѣ дамы должны были являться въ мужскихъ нарядахъ, по французской модѣ, а всѣ мужчины въ юбкахъ съ панье [2]).

Приписываемая ей любовь къ театру, повидимому, тоже зависѣла отъ этой преобладающей страсти. Ей нравилось исполнять обязанности костюмерши. Такъ какъ во время представленій, происходившихъ при дворѣ съ участіемъ воспитанниковъ Кадетскаго корпуса, женскія роли изображались молодыми людьми, то ея фантазія находила въ томъ новую привлекательность. Въ 1750 г. она одѣвала такимъ

---

[1]) Документы, напечатанные въ „Чтеніяхъ Московскаго Историческаго Общества“; „Русскій Архивъ“ 1878 г.; Трефелевъ, *Императрица Елизавета, какъ щеголиха.*

[2]) Екатерина II, *Записки.*

образомъ собственноручно кадета Свистунова, игравшаго роль Омельды въ трагедіи Сумарокова, а немного позднѣе милости, выпавшія на долю Бекетова, начались съ подобнаго же случая [1]).

Императрица строго наблюдала, чтобы модели платья или прически, ею принятыя, оставались ея исключительнымъ достояніемъ, пока она ихъ не броситъ; но такъ какъ она ихъ мѣняла ежедневно, чуть не ежечасно, то ея придворнымъ дамамъ не приходилось испытывать затрудненія. По дерзости или глупости, г-жа Лопухина, извѣстная своей красотой и поэтому возбуждавшая чувство ревности Елизаветы, осмѣлилась явиться на балъ съ розой въ волосахъ, когда у государыни также была приколота роза. Въ самый разгаръ бала Елизавета приказала ослушницѣ стать на колѣни, спросила ножницы, отрѣзала преступную розу вмѣстѣ съ прядью волосъ, гдѣ она красовалась, наградила виновную парой увѣсистыхъ пощечинъ и продолжала танцовать. Ей доложили, что несчастная упала въ обморокъ. Она пожала плечами.

— Ништо ей, дурѣ!

И съ этого дня надъ Лопухиной тяготѣла рука палача, которой ей не удалось избѣжать. Аннѣ Васильевнѣ Салтыковой, отецъ которой, однако, принималъ дѣятельное участіе въ переворотѣ 1741 г., пришлось испытать на себѣ такое же обхожденіе изъ-за прически à la coque [2]).

Здѣсь слѣдуетъ воздержаться отъ сравненій, заимствованныхъ у сосѣдей изъ міра, современнаго Елизаветѣ: съ кроткой Маріей Лещинской и даже властной Маріей-Терезіей. Отцомъ Елизаветы не былъ добрый король Станиславъ, а Россія восемнадцатаго вѣка не была ни Франціей, ни Австріей. Съ

[1]) Барсуковъ, *Біографія графовъ Орловыхъ*, „Русскій Архивъ“ 1873 г.
[2]) Долгоруковъ *„Записки“*.

точки зрѣнія нравственнаго воспитанія, чувствъ и инстинктовъ, обусловливаемыхъ его развитіемъ, она болѣе чѣмъ на цѣлое столѣтіе отстала еще отъ Западной Европы, несмотря на реформу. Эти черты, проявлявшіяся неоднократно, доказываютъ, однако, насколько легенда, снисходительная къ своимъ любимцамъ, польстила дочери Петра Великаго, приписывая ей доброту и кротость, совершенно несвойственныя той средѣ, гдѣ она жила. Елизавета была способна на извѣстные великодушные порывы, вплоть до случайнаго участія въ великихъ гуманитарныхъ вѣяніяхъ этой эпохи. Въ 1755 г., узнавъ о землетрясеніи въ Лиссабонѣ, она выразила намѣреніе выстроить на свой счетъ цѣлый кварталъ города, и большого труда стоило ее убѣдить, что положеніе финансовъ не позволяетъ такого расхода. Она отказалась подписать проектъ уголовнаго уложенія, въ которомъ законодатели требовали черезчуръ жестокихъ наказаній. „Это написано кровью!“ воскликнула она. Анна Іоанновна не знала ни такихъ порывовъ, ни такой щепетильности. Но въ 1743 г. Ушаковъ и его сотоварищи, занятые разслѣдованіемъ дѣла Ботта, тщетно обращали вниманіе государыни на положеніе одной изъ обвиняемыхъ, Анны Лиліенфельдъ, которую не рѣшались допрашивать въ застѣнкѣ и которая въ общемъ обвинялась только въ томъ, что не донесла о злонамѣренныхъ рѣчахъ, смысла которыхъ могла не понять. Несчастная оказалась беременной. „Коли она государево здоровье пренебрегла“,—отвѣчала Елизавета,—„то плутофъ и наипаче жалѣть не для чего, лучше, чтобъ и вѣкъ ихъ не слыхать, нежели еще отъ нихъ плодофъ ждать“. [1]) По поводу этого процесса, служившаго, однако, интересамъ его повелителя, Мардефельдъ съ негодованіемъ

[1]) Соловьевъ „Русская исторія“, Государств. Архивъ „Лопухинское дѣло“.

передалъ слѣдующія подробности, вѣрность которыхъ, повидимому, подтверждаетъ гласная развязка драмы:

„Офицеры, несущіе караулъ при узникахъ, заключенныхъ въ крѣпость, разсказывали мнѣ, что невозможно себѣ представить, какимъ истязаніямъ тамъ подвергаются заключенные. Ходятъ даже слухи, что Бестужева умерла подъ кнутомъ. Императрица часто присутствуетъ лично инкогнито при допросахъ, когда не бываетъ пытокъ. Послѣзавтра она отправляется въ Царскую Мызу, и предполагаютъ, что во время ея отсутствія будутъ произведены казни".

Дѣйствительно, казни начались вскорѣ послѣ отъѣзда государыни и отличались своей жестокостью, какъ мною будетъ ниже указано.

Во всѣхъ проявленіяхъ царскаго милосердія, какъ я уже упоминалъ, заключалась, можетъ-быть, безсознательно, извѣстная доля лицемѣрія, нѣкоторая доля набожности, а главнымъ образомъ отвращеніе изящной женщины отъ кровавыхъ зрѣлищъ и тяжелыхъ впечатлѣній, слѣдовательно, проблескъ женскаго духа современной эпохи среди восточныхъ обычаевъ. Во время Семилѣтней войны приходилось скрывать отъ императрицы количество убитыхъ, которыми ея генералы усѣивали поля брани, и она не могла переносить вида раненыхъ, поэтому они не показывались ей на глаза [1]). Это была *чувствительность* на версальскій ладъ".

Вмѣстѣ съ окружающей средой Елизавета переживала эволюцію, медленно возносившую Россію на умственный и нравственный уровень Европы. Но она оставалась дочерью Петра Великаго, вспыльчивой, своенравной и энергичной, несмотря на свою лѣнь,—энергіей исключительно физической, нисколько не затрогивавшей умъ. Она строила дворцы въ нѣсколько дней, въ сорокъ восемь часовъ перелетала изъ

[1]) Королю, 27 августа 1743 г. Берлинскій секретный архивъ.

Петербурга въ Москву, уплачивая за каждую павшую лошадь, и била своихъ горничныхъ; ругалась взапуски съ Лестокомъ, который постоянно смѣшивалъ и исчерпывалъ въ этомъ отношеніи самый отчаянный лексиконъ нѣмецкаго конюха и русскаго мужика. Достаточно вспомнить разсказъ Екатерины II, какъ въ Софьинѣ, въ окрестностяхъ Москвы, куда Елизавета отправилась охотиться въ 1750 г., она съ бранью накидывалась на управляющаго, не найдя зайцевъ. „Изливъ досаду на управляющаго, она обрушилась на новую жертву. Человѣкъ этотъ испортилъ ей охоту, ничего не понимая въ дѣлахъ управленія. Ей самой приходилось вести свои дѣла, когда императрица Анна держала ее въ черномъ тѣлѣ! Съ ничтожными средствами она, однако, умѣла поддерживать свой санъ. Но зато она знала цѣну вещамъ“ .И она устремила свой раздраженный взоръ на сопровождавшую ее Екатерину. „Она постепенно клонила къ этому, и рѣчь ея текла безъ умолку“. „Поэтому она никогда не рѣшилась бы надѣть на охоту дорогое и непрочное платье“. И яростнымъ взглядомъ она окинула лиловое платье, отдѣланное серебромъ, въ которомъ его обладательница собиралась преслѣдовать зайцевъ [1]).

Чтобы положить конецъ этой сценѣ, придворный дуракъ Аксаковъ, кажется, послѣдній представитель этой профессіи въ Россіи, поднесъ ей въ шапкѣ пойманнаго имъ ежа. Она пронзительно вскрикнула, увѣряя, что звѣрокъ похожъ на мышь, убѣжала со всѣхъ ногъ къ себѣ въ палатку, надувшись, пообѣдала въ одиночествѣ и,—подробность, которую Екатерина упустила, передавая эту сцену,—на другой день Аксаковъ былъ переданъ секретной канцеляріи, т.-е. пыткамъ „за то, что испугалъ ея величество“ [2]).

---

1) Гречъ, *Записки,* Русскій Архивъ.

2) Екатерина, *Записки;* Воронцовскій Архивъ.

Добавьте еще слѣдующую черту:

„Очень часто случалось, что ея императорское величество, когда желала браниться, бранила не за то, за что могла бы бранить, но выискивала такой предлогъ, относительно котораго никакъ нельзя было предвидѣть, что она обрушится за него съ бранью“ [1]).

Умственная лѣность перешла къ ней также по косвенной наслѣдственности. Въ этомъ отношеніи она была племянницей Іоанна V и Прасковьи Салтыковой. Также и по своей набожности. Хотя она и захватывала съ собой въ Троицу любовниковъ, когда отправлялась туда на богомолье [2]), но соединяла съ этой привычкой самую назидательную добросовѣстность. Совершая весь путь пѣшкомъ, она употребляла недѣли и даже мѣсяцы на то, чтобы пройти шестьдесятъ верстъ, отдѣляющія знаменитый монастырь отъ Москвы. Случалось, что, утомившись, она не въ силахъ была дойти до слѣдующей остановки на разстояніи трехъ или четырехъ верстъ, гдѣ были ею построены дома, и гдѣ обыкновенно она по нѣсколько дней отдыхала. Тогда она садилась въ карету, но на слѣдующій день приказывала привезти себя какъ разъ на то мѣсто, гдѣ наканунѣ прервала свой пѣшеходный путь. Въ 1748 г. на богомолье ушло почти все лѣто [3]).

Елизавета не переносила рыбы, и, постничая не только безъ мяса, но и безъ яицъ и молочнаго, питаясь въ такихъ случаяхъ исключительно вареньемъ, запивая его квасомъ, она въ концѣ-концовъ заболѣвала. Въ мартѣ 1760 г. ея здоровье внушало серьезное безпокойство доктору-французу Пуассонье, приходившему въ то же время въ отчаяніе отъ

---

[1]) Екатерина, *Записки.*

[2]) *Царство женщинъ.*

[3]) Васильчиковъ, *Семья Разумовскихъ.*

поста, вступившаго въ борьбу съ его приказаніями у изголовья княгини Бѣлозерской. „Она предпочитаетъ умереть отъ угрожающей ей грудной водянки, чѣмъ съѣсть бульона“, писалъ онъ. Проводя долгіе часы въ церкви на богослуженіяхъ, часто стоя на колѣняхъ, случалось, что императрица падала безъ чувствъ, какъ въ декабрѣ 1757 г., когда уже думали, что она скончалась. Въ 1752 г. въ Кронштадтѣ, куда должны были прибыть къ ней на яхтѣ великій князь и великая княгиня, вдругъ поднялась буря, и Елизавета провела цѣлую ночь у окна въ молитвѣ. Вспомнивъ между двухъ молитвенныхъ обращеній къ св. Сергію, что ангелы, окружающіе изображеніе святого въ одной изъ церквей, слишкомъ напоминаютъ купидоновъ, она сейчасъ же приказала прокурору Святѣйшаго Синода принять надлежащія мѣры [1]).

Относительно Святѣйшаго Синода и духовенства она всегда проявляла благосклонность, заставлявшую ее нарушать въ этомъ отношеніи принципы Петра Великаго. Но въ данномъ случаѣ она также подчинялась соглашенію о взаимномъ снисхожденіи, поддерживаемому общими усиліями ея друга Разумовскаго и духовника Дубинскаго. Дубинскій вмѣшивался въ политику и покровительствовалъ запорожцамъ, за что ему часто присылалась соленая рыба. Въ 1743 г. мать фаворита потребовала и получила приходъ для лакея, своей услужливостью снискавшаго себѣ ея расположеніе [2]). Архимандритъ, застигнутый въ преступной бесѣдѣ съ дѣвушкой, крестьянами его обругавшими, добился строгаго наказанія обидчиковъ [3]).

Духовенство находило также въ государынѣ постоянную и энергичную поддержку въ своихъ попыткахъ прозелитизма.

---

[1]) Матюшкинъ, *Біографія князя Шаховского.*

[2]) Знаменскій, *Приходское духовенство.*

[3]) Шаховской, *Записки.*

Обращенія въ православную вѣру составляли предметъ сообщеній Офиціальной газеты. Такъ, въ 1746 г. тамъ было объявлено о возвращеніи въ лоно православія княгини Ирины Долгорукой, перешедшей въ католичество. Мужъ ея, князь Сергѣй, обвиненный въ неумѣніи оберечь вѣру своей жены, присужденъ былъ искупить свою небрежность въ монастырѣ, а дѣвица Бере, воспитательница-француженка, заподозрѣнная въ преподаваніи катехизиса вмѣсто грамматики, оставалась подъ надзоромъ Святѣйшаго Синода до 1751 г. [1]).

Однако, въ проявленіи такого усердія не все была только одна суетность; на юго-восточныхъ границахъ имперіи это усердіе вылилось въ видѣ серьезной пропаганды, оказавшей дѣлу колонизаціи этихъ странъ немаловажную услугу, непризнаніемъ которой Екатерина совершила ошибку.

Такимъ образомъ при внѣшности щеголихи и нѣкоторыхъ чертахъ, заимствованныхъ у нравственнаго типа европейской женщины восемнадцатаго столѣтія, Елизавета оказывается все-таки весьма близкой къ совершенно иному типу современной ей русской женщины, полу-восточное обличіе которой Петръ льстилъ себя надеждой передѣлать. Безпорядочная, взбалмошная, безъ опредѣленнаго времени для вставанія, отхода ко сну и ѣды; ненавидѣвшая всякое серьезное занятіе; то снисходительная до крайности, то сердившаяся на всякіе пустяки; иногда ругавшая своихъ придворныхъ самыми грубыми словами, но обыкновенно привѣтливая; широко и просто гостепріимная; не брезгавшая, по примѣру матери, пройтись сама на кухню, чтобы приготовить для гостей какое-нибудь особенное кушанье; всегда окруженная толпой паразитовъ женскаго пола — нелѣпыхъ разсказчицъ сказокъ, сплетницъ, интриганокъ или *чесальщицъ*,

---

[1]) Соловьевъ. *Исторія Россіи.*

на обязанности которыхъ лежало чесать ей подошвы въ часы отдыха [1]),—Елизавета, подобно Аннѣ Іоанновнѣ, оставалась помѣщицей стараго закала при меньшей грубости и большей привлекательности. И причину ея популярности слѣдуетъ искать именно здѣсь, въ этомъ смѣшеніи и компромиссѣ, куда вслѣдъ за ней устремилась вся современная ей Россія, находя тутъ одновременно и удовлетвореніе своихъ старинныхъ наклонностей и новыхъ потребностей и отдыхъ послѣ жестокихъ испытаній преобразованія. Дворъ Петра Великаго, поскольку онъ существовалъ, представлялъ изъ себя только продолженіе смирительнаго дома, гдѣ всѣ были обречены на работу. На ассамблеяхъ, походившихъ на военные парады, умирали отъ скуки. При Аннѣ I на нихъ дрожали отъ ужаса. И вотъ привѣтливая государыня пожелала, чтобы на нихъ веселились, усваивая себѣ извѣстную утонченность новаго общественнаго строя, но не отставая вполнѣ отъ старыхъ привычекъ. Получился взрывъ общей радости и благодарности. На это царствованіе стали смотрѣть, какъ на праздникъ, послѣдовавшій послѣ пережитыхъ дней тяжелой работы. Удовольствія забили ключомъ, и общественная жизнь той эпохи носитъ на себѣ отпечатокъ трепета радости, духа веселья, лихорадки движенія, жажды наслажденія, до сихъ поръ ей невѣдомыхъ.

Созданная Елизаветой и часто поглощавшая ее до полнаго забвенія главныхъ обязанностей, какъ государыни, эта жизнь, веселая и легкомысленная, составляетъ часть облика этой государыни, поэтому я долженъ здѣсь возстановить картину этого времени.

---

[1]) Chantereau, Voyage en Russie 1794 г.; La Messelière, Memoires 1803 г.

II.

Дворъ и тѣсный кружокъ.

Еще будучи цесаревной, несмотря на скромныя средства и привычку къ бережливости, чѣмъ она любила впослѣдствіи похвалиться, дочь Петра Великаго уже обладала значительнымъ штатомъ прислуги; у нея было два фурьера, камеръ-юнкеръ, четыре камердинера, девять флейлинъ, четыре гувернантки или *„мадамы“*—изъ нихъ одна для надзора за фрейлинами, два кафешенка, девять музыкантовъ, двѣнадцать пѣвцовъ или бандуристовъ и множество лакеевъ. Прислуга составляла величайшую роскошь той эпохи, даже и за предѣлами Россіи. Документъ, относящійся къ первымъ годамъ царствованія Анны Іоанновны, роспись выдачи вина, водки и пива, полагавшихся этимъ служащимъ, даетъ намъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя любопытныя указанія. Алексѣй Разумовскій, не смѣшиваясь вполнѣ съ толпой остальныхъ музыкантовъ, къ числу которыхъ номинально принадлежалъ, получалъ еще на ежедневную порцію только водку и пиво. Значился онъ камердинеромъ. Одинъ изъ его соперниковъ, красавецъ Ляснинъ, состоялъ фурьеромъ. Шубинъ былъ пажемъ. Одинъ изъ кафешенковъ—будущій гофъмаршалъ. Имя его Сиверсъ. Будущій фаворитъ Иванъ Ива-

новичъ Шуваловъ не значится въ этомъ спискѣ. Онъ только еще недавно родился (1727). Но двоюродный братъ его Александръ занимаетъ тамъ первое мѣсто: онъ камеръ-юнкеръ. И пьетъ вино [1]).

Сдѣлавшись императрицей, Елизавета назначила состоять при себѣ пяти или шести такихъ камеръ-юнкерамъ и семи или восьми камергерамъ. Ея оберъ-церемоніймейстеромъ былъ Франсуа де Санти, пьемонскій дворянинъ, прибывшій издалека. Замѣшанный въ Парижѣ въ заговорѣ Селламаре, онъ искалъ убѣжища при маленькомъ дворѣ гессенъ-гомбургскомъ и послѣдовалъ въ Россію за однимъ изъ представителей этого рода, намѣченнымъ Петромъ Великимъ себѣ въ зятья. Въ Россіи Санти занялъ сначала мѣсто церемоніймейстера при дворѣ Екатерины I, затѣмъ, испытавъ на себѣ обычную превратность судьбы того времени, совершилъ прогулку въ Якутскъ, закованный въ кандалы по рукамъ и по ногамъ. При Аннѣ I онъ получилъ разрѣшеніе проживать въ Иркутскѣ, на разстояніи всего шести тысячъ верстъ отъ Петербурга вмѣсто прежнихъ девяти тысячъ—великая милость!—и женился тамъ на дочери чиновника, когда приказомъ Бирона былъ сосланъ въ поселокъ Уствилюйскъ, еще дальше чѣмъ Якутскъ. Тамъ провелъ онъ нѣсколько лѣтъ въ избѣ безъ печи, прикованный цѣпью, питаясь мукой, разведенной въ водѣ [2]). Странно, что при подобныхъ воспоминаніяхъ Елизавета выбрала его въ запѣвалы веселаго, затѣяннаго ею хоровода. Но, пожалуй, ей трудно было бы найти человѣка, на судьбѣ котораго не отразилась бы желѣзная рука и кровавая тѣнь недавняго прошлаго.

---

1) Архивъ Воронцова.

2) Долгоруковъ, *Записки*.

Какъ обойти молчаніемъ это прошлое, полное ужаса и мукъ, здѣсь, на этихъ страницахъ, когда съ каждымъ новымъ лицомъ оно встаетъ передъ нами, зловѣщее и мрачное?

Ассамблеи, введенныя Петромъ, были заброшены при его непосредственныхъ преемникахъ. Елизавета возобновила ихъ вмѣстѣ съ другими завѣтами наслѣдія великаго отца; но только имя сохранилось отъ прежнихъ собраній, гдѣ московское отшельничество, нѣмецкая тяжеловѣсность и грубыя или грозныя манеры хозяина поддерживали настроеніе невыносимой принужденности. Теперь законодателями сдѣлались французскіе образцы и французскія манеры. „Безъ французовъ", признается впослѣдствіи *Кошелекъ* (въ 1784 г.), „мы не умѣли бы ни входить, ни кланяться, ни душиться, ни брать шляпу и при помощи нея выражать различныя состоянія души... Придя въ женское собраніе, о чемъ завели бы мы разговоръ раньше? О курахъ и цыплятахъ? Франція сообщила намъ умѣнье поддерживать разговоръ"... И сейчасъ же послѣ государственнаго переворота наступила другая революція, руководителями и законодателями которой явились модистки, *мадамы* и учителя танцевъ, насаждая западную цивилизацію, насколько Елизавета и ея окружающіе были въ состояніи ее воспріять и не выходившую за предѣлы рамки, какую могли создать такіе цивилизаторы. Но рамка получалась чрезвычайно блестящая.

Петръ насадилъ у насъ науки,
Дочь его насадила вкусъ...—

говоритъ современный поэтъ. Въ особенности вкусъ къ удовольствіямъ и надо добавить, чтобы быть вполнѣ справедливымъ,—къ удовольствіямъ изысканнымъ. Въ теченіе зимы

съ 1745—1746 года, несмотря на политическія осложненія внѣшнія и внутреннія, сановникамъ первыхъ двухъ классовъ было предложенно поочередно устраивать у себя маскарады. Собирались къ шести часамъ. Танцовали или играли въ карты до десляи. Въ это время императрица въ обществѣ великаго князя, великой княгини и нѣсколькихъ избранниковъ садилась ужинать. Остальные гости ужинали стоя. Затѣмъ танцы возобновлялись до часу или до двухъ часовъ ночи. Полное отсутствіе этикета. Хозяева дома никого не встрѣчали и не провожали, даже государыню. Когда она входила въ залу, сидящимъ запрещено было вставать. Часто Елизавета безъ церемоніи заявляла, что пріѣдетъ ужинать къ кому-либо изъ своихъ вельможъ или посланниковъ. Нерѣдко также являлась она невзначай на празднества. Екатерина II въ своихъ знаменитыхъ вечерахъ въ Эрмитажѣ только слѣдовала этимъ примѣрамъ, въ чемъ сказывалось стремленіе вывести дворъ и общество изъ византійскаго уклада, гдѣ они еще коснѣли и прозябали.

Успѣхи, достигнутые въ этомъ направленіи, оказались очень быстрыми, по крайней мѣрѣ въ одномъ смыслѣ. Французскій балетмейстеръ Ландэ вскорѣ утверждалъ, что нигдѣ не танцуютъ менуэтъ съ такимъ выраженіемъ и скромностью [1]). Всѣ виды щегольства и роскоши привились очень скоро. Елизавета изгнала навсегда изъ дворца грубыя оргіи, въ которыхъ ея отецъ еще находилъ удовольствіе. Она желала имѣть хорошій столъ. Ея главный поваръ Фуксъ получилъ вмѣстѣ съ чиномъ бригадира жалованье въ восемьсотъ рублей, что по тѣмъ временамъ казалось громаднымъ, такъ какъ повара относились къ числу низшихъ служащихъ. Онъ былъ родоначальникомъ знаменитой семьи, которой

---

[1]) Забѣлинъ. *„Очерки русской исторіи и старины“*.

вскорѣ могла гордиться Россія. При дворѣ шла также крупная игра, и маркизъ де л'Опиталь, французскій посланникъ, жаловался на расходы, вызываемые *кадрилями* (игра въ родѣ ломбера), происходившими обязательно каждую недѣлю. Первый опытъ ему обошелся въ сто двадцать червонцевъ, хотя нельзя сказать, чтобы его преслѣдовало особенное несчастье.

По случаю своего коронованія Елизавета приказала выстроить въ Москвѣ оперный театръ, вмѣщавшій до пяти тысячъ зрителей. Для открытія былъ поставленъ „Титъ" знаменитаго Гасса, съ музыкальнымъ прологомъ Доминико Даллогліо, итальянскаго композитора и капельмейстера, поселившагося въ Россіи. Его произведеніе называлось: „Россія, угнетенная и утѣшившаяся". Оперныя представленія, гдѣ на ряду съ итальянскими пѣвцами фигурировали придворные молодые, обучавшіеся въ Сухаревой башнѣ, мѣстной консерваторіи, чередовались впослѣдствіи съ интермедіями и аллегорическими балетами, созданіями вдохновенія Ландэ: „Золотое яблоко на пиру боговъ", „Радость рускаго народа при появленіи его Астреи". Спектакли подобно рода настолько понравились, что при Академіи наукъ существовала нѣкоторое время даже особая каѳедра аллегоріи. И русскій народъ, по крайней мѣрѣ та часть его, которая посѣщала театръ, дѣйствительно, склонялась къ мысли, что въ ноябрьскую ночь 1741 г., на его горизонтѣ появилась Астрея.

Раскрываемъ „Придворныя вѣдомости" за 1743г. и находимъ тамъ назначеннымъ на 5-е сентября большой балъ въ Лѣтнемъ дворцѣ. На слѣдующій день комедія и большая иллюминація садовъ. 15-го—снова большое торжество по случаю мира съ Швеціей. 7-е октября обѣдъ, ужинъ, различныя увеселенія на дачѣ гофъ-маршала Д. А. Шепіеле. Съ 8-го по 10-е—большая охота въ Царскомъ селѣ. 11-го—

празднество въ новомъ дворцѣ, выстроенномъ между Царскимъ и Петербургомъ. И такъ изо дня въ день.

Однако Астреѣ предстояла не легкая задача, даже въ этомъ сравнительно ограниченномъ кругѣ, пріучить и приспособить своихъ окружающихъ къ новымъ привычкамъ и, смягчивъ нравы, распространить формы общественности, болѣе разнообразныя и пріятныя. Въ своихъ настоящихъ мемуарахъ, не принадлежащихъ перу Галльярдэ и до сихъ поръ неизданныхъ [1]), д'Эонъ обрисовалъ дворъ Россіи въ 1759 г. въ картинѣ, совсѣмъ не привлекательной. Много роскоши, но мало вкуса, и еще меньше граціи. Дѣйствительное великолѣпіе „присуще только семи или десяти лицамъ". Женщины по большей части были хорошо одѣты, съ изобиліемъ брилліантовъ, однако, что-то въ ихъ нарядѣ шокировало взоръ француза. И восхищаться въ нихъ можно было только ихъ драгоцѣнностями и красотой, если онѣ ею обладали. Въ обширной залѣ, „не такой большой, какъ версальская галерея, но значительно болѣе широкой, выложенной фанерами, выкрашенной въ зеленый цвѣтъ съ красивой позолотой, убранной прекрасными зеркалами и освѣщенной множествомъ люстръ и жирандолей", среди потоковъ золота, серебра и свѣта, дамы, точно въ церкви, занимаютъ одну сторону, кавалеры находятся на другой; дѣлаютъ глубокіе реверансы и не разговариваютъ даже другъ съ другомъ. „Настоящіе идолы. Во время пріемовъ слушаютъ прекрасную музыку, или артисты, извѣстные Парижу, Каристини, Салетти, Компасси, услаждаютъ общество своими талантами". Но частое и всегда однообразное повтореніе этого удовольствія становится довольно скучнымъ. Никакого умѣнья разнообразить развлеченія. Никакого пониманія сущности увеселе-

---

[1]) Иностранныя дѣла. *Мемуары и документы,* Россія.

нія общества. За предѣлами императорскаго дворца слишкомъ мало домовъ, „куда былъ бы открытый и свободный доступъ, гдѣ чувствовалась бы простота обхожденія и царилъ бы дружескій тонъ. Почти вездѣ господствуетъ церемонность“.

Описанный такимъ образомъ дворецъ, былъ Лѣтній дворецъ. Постройка Зимняго еще не была закончена. Д'Эонъ нашелъ тамъ уголокъ болѣе привлекательный: среди общества дамъ, блестящій кружокъ молодыхъ дѣвицъ „самаго знатнаго происхожденія, похожихъ на нимфъ и вполнѣ достойныхъ вниманія и взглядовъ иностранца“. Ихъ называли *фрейлинами*. Приставленныя къ особѣ императрицы, онѣ жили всѣ вмѣстѣ въ большомъ строеніи, примыкающемъ къ дворцу. Но и онѣ не представляли особой пищи для любопытства [1]).

Впечатлѣнія маркиза л'Опиталь соотвѣтствуютъ этому описанію. Сообщая Шуазелю о различныхъ непріятностяхъ, сопровождающихъ его пребываніе при сѣверномъ дворѣ, онъ добавляетъ: „Не говорю вамъ ничего о скукѣ; она невыразима“ [2]). Что касается графа Цинцендорфа, посланника Маріи-Терезіи, онъ, повидимому, вынесъ изъ большой залы Лѣтняго дворца лишь одно воспоминаніе, довольно непріятное. Полюбопытствовавъ узнать, вслѣдствіе желанія, выраженнаго Кауницомъ, какимъ образомъ отапливалось это помѣщеніе, онъ засталъ тамъ, заглянувъ въ него въ маѣ мѣсяцѣ, „смертельный холодъ“. Однако, его увѣряли, что „когда здѣсь собирается много народа и горитъ много свѣчей, такъ бываетъ хорошо“.

Относительно Царскаго Села мы имѣемъ отзывъ кавалера Дугласа, предшественника маркиза де Л'Опиталь. Его свидѣтельство преисполнено похвалами, но съ точки зрѣнія

[1]) См. также переписку д'Эона съ Терсье.

[2]) 3-го февраля 1759 г. Иностранныя дѣла.

исключительно внѣшней. Всѣ виды утонченной роскоши сочетались въ этой пригородной резиденціи. Подъемныя машины поднимали посѣтителей во второй этажъ на мягкихъ сидѣньяхъ двухъ отличныхъ дивановъ; обѣды сервировались на магическомъ столѣ, гдѣ, безъ видимаго участія слугъ, немедленно появлялись всѣ требуемыя кушанья; автоматическія лодки и экипажи [1]). Эти чудеса не наводятъ ли насъ на мысль, что, пожалуй, мы придаемъ слишкомъ много значенія извѣстному прогрессу въ томъ же родѣ, приписываемому себѣ нашей эпохой? Подъемныя машины и самокаты этого далекаго прошлаго, правда, приводились въ движеніе пружинами; но зато, вѣроятно, не давили столько народа.

Несмотря на пышную внѣшность, какою дворъ Елизаветы старался блеснуть передъ иностранцами, даже въ этомъ отношеніи онъ все-таки еще далеко отставалъ отъ западныхъ образцовъ, служившихъ для него предметами подражанія. Цинцендорфъ, приглашенный также въ Царское, не желалъ болѣе повторять своего посѣщенія... по причинѣ зрѣлища и запаха лошадиныхъ труповъ, валявшихся вдоль дороги. Со своей позолотой и остроумно устроенными столовыми, петербургскій дворецъ и окрестные загородные дворцы все еще напоминали отчасти палатки Золотой орды. Въ нихъ скорѣе кочевали, чѣмъ проживали [2]). Въ декабрѣ 1752 г., отправляясь въ Москву, Елизавета пожелала остановиться въ Кремлѣ. Произошло ужасное смятеніе и затрудненіе! Входы въ царское жилище уже давно служили помойными ямами. Груды нечистотъ преграждали путь фурьерамъ. Приказано было произвести очистку „не черезъ переписку“. Но самые апартаменты оказались въ необитае-

[1]) Дугласъ къ Терсье, 21-го и 22-го іюня 1756 г. Иностран. дѣла. Россія.

[2]) Кауницу. 13 іюля 1755 г. Вѣнскій архивъ.

момъ видѣ. Русскіе архитекторы, Ухтомскій и Евлашевъ, объявили, что дворецъ слѣдуетъ перестроить съ крыши до основанія, и архитекторъ-итальянецъ Растрелли присоединился къ ихъ мнѣнію. Въ отчаяніи, Елизавета остановила свой выборъ на *Головинскомъ дворцѣ*, къ которому наспѣхъ пристроили деревянный флигель для великаго князя и великой княгини. Читателямъ „Романа императрицы" извѣстно, какъ понравилось Екатеринѣ это жилище. Елизавета же настолько хорошо чувствовала себя здѣсь, что собиралась провести тутъ всю слѣдующую зиму. Но вначалѣ ея дворецъ со всѣми службами, на три версты въ окружности, сгорѣли, менѣе чѣмъ въ три часа. Императрицѣ пришлось искать убѣжища въ домѣ на Покровкѣ, а молодой дворъ помѣстился отдѣльно въ Нѣмецкой слободѣ въ деревянномъ баракѣ, гдѣ свободно гулялъ вѣтеръ, гдѣ стѣны кишѣли тараканами и самыми убійственными клопами. Но уже начались работы по возстановленію сгорѣвшаго дворца. Надъ постройкой трудились пятьсотъ плотниковъ. Назначивъ имъ самую высокую плату—отъ двадцати пяти до тридцати копеекъ въ день, имъ было обѣщано въ объявленіяхъ, что расчетъ будетъ выдаваться „не черезъ переписку", также въ концѣ каждой недѣли; и 10-го декабря 1753 г. Елизавета переѣхала въ новый дворецъ. Прежній сгорѣлъ 1-го ноября, менѣе чѣмъ шесть недѣль тому назадъ. И новый дворецъ заключалъ въ себѣ не менѣе шестидесяти комнатъ и залъ [1]). Однако, тамъ удалось размѣстить только часть обстановки ея величества. Остальное, съ золотыми и серебряными сервизами и царской казной, осталось въ Лефортовскомъ дворцѣ подъ охраной лейбъ-кампанцевъ, державшихъ тамъ караулъ: около трехъ тысячъ человѣкъ, считая жен-

---

[1]) Нащокинъ, *Записки*. Русскій архивъ, 1883 г.

щинъ и слугъ. Въ февралѣ 1754 г. весь этотъ народъ остался безъ крова: Лефортовскій дворецъ сгорѣлъ въ свою очередь.

Я уже имѣлъ случай указывать на кочевой характеръ, сохраненный жилищами того времени въ Россіи, чему, вѣроятно, способствовали отчасти періодическія повторенія подобныхъ катастрофъ. Вскорѣ послѣ этого, Кириллъ Разумовскій, братъ фаворита, очутился обладателемъ въ Кіевѣ громаднаго дома, состоявшаго изъ семи зданій, выстроенныхъ изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ. Въ 1754 г., при введеніи налога на жилую недвижимость, къ нему явился сборщикъ податей. Гнѣвъ Румянцева. Приказъ разобрать домъ и перенести его на другое мѣсто на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ. Приказаніе было исполнено въ двое сутокъ [1]).

Самыя путешествія Елизаветы напоминали стихійныя бѣдствія. Если она отправлялась изъ Москвы въ Петербургъ на нѣсколько мѣсяцевъ, переѣздъ этотъ переворачивалъ обѣ столицы вверхъ дномъ. Петербургъ пустѣлъ на девять десятыхъ своихъ жителей. Сенатъ, Синодъ, коллегія иностранныхъ дѣлъ, военная коллегія, финансовое управленіе, придворная канцелярія, почтовое управленіе, всѣ служащіе при дворѣ и конюшняхъ должны были слѣдовать за государыней: восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, требовавшихъ девятнадцати тысячъ лошадей для своего передвиженія [2]). Одна карета императрицы требовала многихъ коней. Елизавета любила путешествовать быстро. Лошади, предназначенныя для нея, подвергались особой тренировкѣ; запрягались по двѣнадцати въ линею или сани, снабженныя приспособленіемъ для отопленія, и неслись во весь духъ. Если лошадь падала, сейчасъ же она замѣнялась другой, такъ какъ за

[1]) Васильчиковъ, *Семья Разумовскихъ.*

[2]) Herrmann, Geschichte Russlands.

экипажемъ слѣдовала полная подстава. Такимъ образомъ, въ сутки дѣлали до ста верстъ. Въ 1744 г., для путешествія Елизаветы въ Кіевъ, старшина предполагалъ, что обставилъ дѣло очень широко, собравъ четыре тысячи лошадей. Разумовскій воскликнулъ: „Надо въ пять разъ больше!“ Брату фаворита, отправлявшемуся на Украйну, чтобы принять гетманство, понадобилось двѣсти почтовыхъ экипажей на каждой остановкѣ [1]).

Роскошь усваивается легче всего. Но существуютъ различные виды ея, а окружающимъ Елизаветы еще трудно было сдѣлать благоразумный выборъ. Въ 1747 г. Хиндфордъ съ презрѣніемъ отзывался о странѣ, гдѣ здравый смыслъ, если онъ имѣется, состоитъ въ объѣданьѣ, питьѣ и выѣздахъ [2]). И въ какомъ объѣданьѣ!... Д'Эонъ считалъ гетмана Разумовскаго въ числѣ четырехъ вельможъ, у которыхъ пользовался дѣйствительно пріятнымъ гостепріимствомъ. Однако, пообѣдавъ два дня подъ-рядъ за столомъ у этого амфитріона, гдѣ Фуксъ не завѣдывалъ кухней, секретарь саксонскаго посольства Функъ жаловался, что „разстроилъ свое слабое здоровье“ и увѣрялъ, что „заслужилъ царствіе небесное“, глотая приправы изъ прогорклаго масла и прочія невыразимыя гадости“ [3]).

Даже въ этой сферѣ физическаго наслажденія и свѣтской общественности, наиболѣе доступной ея вліянію, западная цивилизація встрѣчала препятствія. Въ своихъ изображеніяхъ современнаго русскаго общества ни д'Эонъ, ни другіе иностранцы не упоминаютъ хотя бы объ отдаленномъ

---

[1]) Сенатскія вѣдомости, 26-го февраля 1751 г., Соловьевъ, *Исторія Россіи,* Шерреръ, *Анекдоты,* 1792 г.

[2]) Графу Штейнбергу, 10-го января 1747 г.; Borkowsky, Die englische Friedensvermittelung.

[3]) Барону Претлакъ, 31-го марта 1755 г. *Вѣнскій архивъ.*

сходствѣ какой-нибудь женщины съ супругой маршала Люксембургскаго, или какого-нибудь салона съ салономъ принцессы Тальеннъ или г-жи дю-Деффанъ. И ужины, на которые Елизавета приглашала лицъ къ себѣ приближенныхъ, не имѣли ничего общаго, кромѣ хорошаго стола, съ ужинами президента Гено. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ было еще слишкомъ свѣжо воспоминаніе о недостойныхъ попойкахъ, грубомъ скоморошествѣ, оставившихъ живой отзвукъ варварскаго разгула, чтобы устойчивость нѣкоторыхъ чертъ народнаго характера не находила себѣ въ томъ естественной пищи. И, полюбовавшись приличностью и „скромностью“ менуэтовъ подъ руководствомъ Ландэ, важный Хиндфордъ подскочилъ отъ изумленія, увидавъ генералъ-прокурора, прыгающаго, какъ „Гансъ Вурстъ“, во главѣ одной процессіи [1]).

Однако, лично йзаслуги Елизаветы въ этой области нельзя ни отрицать, ни умалять, тѣмъ болѣе, что, сохраняя нѣкоторыя привычки, болѣе или менѣе оскорбляющія хорошій вкусъ и даже нравственность, она поддерживала болѣе законнымъ образомъ въ современномъ обществѣ традиціи, вполнѣ достойныя уваженія, имѣющія свое значеніе и обаятельность, соотвѣтствовавшія дѣйствительнымъ качествамъ, даже добродѣтелямъ народнымъ, такъ что ихъ постепенное исчезновеніе подъ уравнивающимъ вліяніемъ современной жизни вызываетъ скорѣе сожалѣніе, чѣмъ похвалу. Дочь Петра Великаго, можетъ-быть, дѣйствительно сохранила или пріобрѣла не вполнѣ совершенныя понятія о хорошемъ тонѣ и свѣтскихъ манерахъ. Чтобы ей понравиться, ла Шетарди, имѣвшій наклонности мистификатора, вздумалъ въѣхать во дворъ императорскаго дворца въ каретѣ, запряженной шестеркой

---

[1]) Штейнбергу, 21-го ноября, 1747 г. Borkowsky.

лошадей, и тамъ описывалъ круги. При третьемъ или четвертомъ поворотѣ Елизавета, открывъ форточку, сдѣлала дипломату знакъ рукой и послала милостивую улыбку. Не выходя изъ экипажа, онъ разсыпался въ глубочайшихъ поклонахъ, и она сіяла. „Что за любезный народъ французы! Вотъ настоящая французская вѣжливость!“ Но прочтемъ нижеслѣдующія строки въ автобіографической замѣткѣ, гдѣ уже знакомый намъ племянникъ Воронцова разсказываетъ о своемъ выступленіи при дворѣ Елизаветы:

„Она (императрица) позволяла намъ являться ко двору, хотя мы были дѣтьми, во дни собраній, устраивая во внутреннихъ апартаментахъ балы для дѣтей обоего пола своихъ придворныхъ. Я помню одинъ изъ такихъ баловъ, гдѣ собралось отъ шестидесяти до восьмидесяти дѣтей. Для насъ былъ поданъ общій ужинъ, а гувернеры и гувернантки, насъ сопровождавшіе, ужинали за отдѣльнымъ столомъ. Императрица распоряжалась нашими танцами и ужинала вмѣстѣ съ отцами и матерями [1].“

Добрая Марія Лещинская можетъ-быть всей душой хотѣла бы поступать такъ же, но величіе Версаля этого не допускало, и, пожалуй, тутъ не съ чѣмъ поздравить традиціи великаго короля.

Впрочемъ, я долженъ прибавить, что главное личное удовольствіе Елизавета находила не при дворѣ въ собственномъ смыслѣ слова, не на лонѣ чистыхъ радостей, которыя умѣла такимъ образомъ создавать въ тѣсномъ кружкѣ, не среди офиціальныхъ пріемовъ, гдѣ маркизъ Л'Опиталь испытывалъ такую скуку, но въ патріархальной, и не въ искусственно напыщенной обстановкѣ. Она лишь на короткое время появлялась въ Лѣтнемъ дворцѣ, и даже Царское

---

[1]) *Воронцовскій архивъ.*

видало ее рѣдко. Она предпочитала загородные дворцы Разумовскаго—Горенки подъ Москвой, а въ окрестностяхъ Петербурга—Мужинку, Славянку, Приморскій дворъ, а въ особенности Гостилицы, прежнюю резиденцію Миниха. Въ Гостилицахъ она захватывала иногда и зиму, по вечерамъ слушая поперемѣнно, то нѣжныя мелодіи итальянскихъ пѣвцовъ, то простонародные напѣвы крестьянокъ. Въ Гостилицахъ или въ своемъ прежнемъ мѣстопребываніи, когда Елизавета была еще цесаревной, *Царевниномъ дворцѣ*, затѣмъ собственности Разумовскаго, позднѣе въ Аничковомъ[1]) дворцѣ, выстроенномъ для фаворита, танцовали, несмотря на постъ и набожныя привычки четы, 17-го марта, въ день именинъ фаворита. Подъ конецъ царствованія наступилъ чередъ Ивана Шувалова, и въ 1754 г., по случаю рожденія великаго князя Павла, императрица присутствовала у своего новаго друга на маскарадѣ, длившемся двое сутокъ [2]).

Всегда также она любила чистый воздухъ, просторъ, движеніе, напоминая опять-таки Петра Великаго своей чрезвычайной подвижностью. Только ея передвиженіями руководила иная цѣль. Такъ, 4-го мая 1745 г. мы застаемъ ее въ Петергофѣ, 7-го—она уже въ Кронштадтѣ, 8-го—отправляется въ Царское, гдѣ обѣдаетъ въ палаткѣ; 11-го—возвращается въ Петербургъ; 23-го—снова прибываетъ въ Петергофъ, но 29-го—уѣзжаетъ въ Стрѣльну [3]). Въ свободное время между двумя поѣздками верхомъ или охотами она собирала своихъ фрейлинъ и горничныхъ на лужайкѣ въ паркѣ, водила хороводы и пѣла вмѣстѣ съ ними; въ Але-

---

[1]) Названный такимъ образомъ потому, что построенъ на мѣстѣ бывшихъ казармъ, гдѣ расположенъ былъ полкъ, находившійся подъ командой полковника Аничкова.

[2]) *Воронцовскій архивъ.*

[3]) *Придворныя Вѣдомости.* Семевскій.

ксандровѣ каталась на лодкѣ по прудамъ, гдѣ Іоаннъ Грозный имѣлъ обыкновеніе топить своихъ жертвъ. Почувствовавъ усталость, она приказывала разстелить въ тѣни коверъ, устланный шалями, ложилась на него и засыпала подъ охраной одной изъ фрейлинъ, вѣеромъ отмахивавшей отъ нея мухъ. Остальныя должны были соблюдать строжайшую тишину, иначе пробужденіе было не къ добру! Башмакъ ея величества, запущенный сильной рукой, летѣлъ въ щеку провинившейся. Онъ съ успѣхомъ замѣнялъ желѣзный посохъ Іоанна и знаменитую дубинку, которую Петръ пускалъ въ ходъ въ подобныхъ случаяхъ.

Зимой государыня любила другія народныя развлеченія: посидѣлки, подблюдныя пѣсни, святочныя игры; на масленицѣ съ удовольствіемъ съѣдала по двѣ дюжины блиновъ и приводила въ отчаяніе Фукса нескрываемымъ предпочтеніемъ ко щамъ, буженинѣ, кулебякѣ и гречневой кашѣ. Пріучивъ ее къ малороссійской кухнѣ, такой жирной и питательной, Разумовскій—увы!—посягнулъ на красоту своей возлюбленной.

Прелести Елизаветы отъ этого отяжелѣли. На ежегодномъ праздникѣ лейбъ-кампаніи она появлялась въ мундирѣ капитана и подавала сигналъ къ возліяніямъ, осушая чарку водки. Но я нигдѣ не нахожу никакихъ слѣдовъ невоздержности, ей приписываемой. Напротивъ, въ этомъ отношеніи свидѣтельства всѣхъ современниковъ, въ томъ числѣ и самыхъ недоброжелательныхъ, во главѣ съ Мардефельдомъ, единодушно и единогласно утверждаютъ противное. „Она не отказываетъ себѣ ни въ чемъ, подобно матери своей, Екатеринѣ,—пишетъ въ 1742 г. посланникъ Фридриха,—кромѣ приверженности Бахусу“ [1]). И Маркизъ де Л'Опиталь

[1]) Королю, 30-го марта 1742 г., *Берлинскій Архивъ*.

въ 1758 г.: „Она ѣстъ мало и любитъ только свѣжее мясо; пьетъ обыкновенно пиво и венгерское вино. Въ общемъ она воздержна“ [1]). Зложелательство здѣсь воспользовалось чертой, появившейся лишь незадолго до смерти государыни, среди истерическихъ припадковъ, которыми она въ это время страдала.

Подобнаго рода излишества отозвались бы на ея цвѣтѣ лица, а цвѣтомъ лица она дорожила больше, чѣмъ стройностью таліи. Какъ всюду на Востокѣ, полнота формъ, даже, чрезмѣрная, не считалась въ Россіи безобразіемъ. Красота и здоровье Елизаветы въ особенности страдали отъ постоянныхъ ночныхъ бдѣній. Однако, она рѣдко ложилась спать до разсвѣта, и то, даже лежа въ постели, старалась не засыпать. И это было не только дѣломъ привычки или удовольствія: она знала, что ночь, проведенная во снѣ, грозила непріятными сюрпризами въ ея санѣ. И въ тѣ часы, когда Бирону и Аннѣ Леопольдовнѣ пришлось испытать ужасное пробужденіе, окруженная въ альковѣ женщинами, разговаривавшими вполголоса и чесавшими ей потихоньку подошвы, Елизавета походила на восточную царицу изъ Тысячи одной ночи, чутко и внимательно прислушиваясь къ подозрительному шуму до самой зари.

Чесальщицы составляли особую категорію придворныхъ, куда доступъ цѣнился очень высоко, потому что, пользуясь ночными бесѣдами, имъ представлялся удобный случай шепнуть на ушко государынѣ словечко, не пропадавшее даромъ, и такимъ образомъ оказывать услуги, щедро вознаграждаемыя. Подъ конецъ царствованія мы застаемъ въ этой должности родную сестру фаворита Шувалова, Елизавету Ивановну. И ея вліяніе было настолько велико, что одинъ изъ современниковъ

---

[1]) Шуазелю, 10-го августа 1758 г. *Иностр. Дѣла.*

называетъ ее „настоящимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ“ [1]). Въ 1760 г. маркизъ де Л'Опиталь безпокоился о роли, какую играла другая чесальщица, слывшая за очень жадную къ деньгамъ, будто бы получавшая ихъ отъ Кейта, англійскаго посланника. То была сама г-жа Воронцова, супруга великаго канцлера [2]). Такимъ образомъ, дипломатическому корпусу приходилось послѣдовательно опасаться враждебности или заискивать расположенія жены Петра Шувалова, Мавры Егоровны, урожденной Шепелевой, о „тонкомъ и насмѣшливомъ умѣ и корыстолюбіи“ которой сообщалъ Мардефельдъ, или г-жи Головиной, Маріи Богдановны, вдовы адмирала Ивана Михайловича, чью злобность засвидѣтельствовала сама Елизавета, прозвавъ ее „Хлопъ-бабой“.

Но за всѣми ними, въ самомъ разгарѣ ихъ злословія и интригъ, всегда наблюдалъ строгій контролеръ, часто ихъ опровергавшій, въ лицѣ прежняго истопника Василія Ѳедоровича Чулкова, возведеннаго въ званіе камергера и исполнителя обязанностей особо конфиденціальнаго свойства. Человѣкъ испытанной вѣрности, онъ состоялъ офиціальнымъ охранителемъ царскаго алькова. Каждый вечеръ являлся онъ съ матрацемъ и двумя подушками и проводилъ ночь у постели, гдѣ почивала Елизавета. Подъ конецъ царствованія онъ былъ награжденъ орденомъ Александра Невскаго, получилъ чинъ генералъ - поручика и женился на княжнѣ Мещерской, не оставляя своей должности. Неподкупной честности, онъ часто останавливалъ сплетницъ: „Лжете. Неправда!“ На зарѣ чесальщицы удалялись, уступая мѣсто Разумовскому, Шувалову или другому временному избраннику, но Чулковъ оставался. Въ полдень Ели-

---

[1]) *Ср. Воронцовскій архивъ.*

[2]) Шуазель Л'Опиталю, 2 ноября 1760 г.

завета просыпалась и, случалось, заставала своего охранителя погруженнымъ въ глубокій сонъ. Тогда она забавлялась тѣмъ, что вытаскивала у него изъ-подъ головы подушки, щекотала его подъ-мышками, а онъ, вскочивъ, попросту цѣловалъ государыню въ плечо и называлъ „своей дорогой лебедью“ [1]). Такъ, по крайней мѣрѣ, передаетъ легенда, за подлинность которой не ручаюсь.

Здѣсь я перехожу къ той области интимной жизни, гдѣ опытъ прошлаго заставляетъ меня приступить къ раздѣленію своихъ читателей. Пусть тѣ, чью скромность я имѣлъ несчастье оскорбить въ предыдущихъ сочиненіяхъ, остановятся на этомъ мѣстѣ, чтобы возобновить чтеніе на слѣдующей главѣ. Однако, я долженъ предупредить, что такимъ образомъ будетъ упущена ими изъ вида одна изъ типичныхъ сторонъ царствованія, изученіемъ которой я предполагаю здѣсь заняться, и сдѣлаются неясными остальныя, какъ неясными и непонятными сдѣлались бы нѣкоторыя, притомъ наиболѣе интересныя, подробности если бы кому вздумалось вычеркнуть изъ нихъ г-жу де Помпадуръ. И все-таки ни г-жа де Помпадуръ, ни одна изъ ея соперницъ не занимали положенія, подобнаго тому, какое выпало въ Россіи на долю крупныхъ фаворитовъ восемнадцатаго вѣка. Какъ я уже пытался объяснить, фаворитизмъ здѣсь не былъ соблазномъ; онъ превратился въ установленіе, потерявшее, благодаря гласности, пріобрѣтенной прочности и власти, характеръ двусмысленности и поднявшееся на уровень прочихъ составныхъ элементовъ двора, общества, государства. Когда Елизавета заболѣвала, никому въ голову не приходило, что она должна, по примѣру Людовика XV, разлучиться съ Разумовскимъ или Шуваловымъ, чтобы приготовиться пред-

---

1) *Русская Старина.*

стать передъ Господомъ,—настолько вѣрноподданные ея величества освоились съ положеніемъ. По причинѣ этой и остальнымъ, которыя выяснятся въ теченіе дальнѣйшаго разсказа, біографія такихъ фаворитовъ не представляетъ изъ себя главу любовной хроники; это глава исторіи Россіи, и съ ней слѣдуетъ ознакомиться,—хотя бы рискуя натолкнуться на Чулкова,—такъ же какъ для того, чтобы проникнуть въ интимную жизнь „*возлюбленнаго*“ короля, приходилось рисковать встрѣчей съ г-жей де Поссэ. Не спорю, что Чулковъ со своими подушками, матрацемъ и всѣмъ остальнымъ можетъ смутить сильнѣе, но въ томъ не моя вина. Читатели щепетильные имѣютъ возможность оставаться въ невѣдѣніи прошлаго страны, гдѣ жили Шуваловы и Разумовскіе; я же не могу обойти ихъ молчаніемъ. Кромѣ того, если присмотрѣться къ дѣлу поближе, то тотъ, кто носилъ названіе „Ночного императора“, т.-е. Разумовскій, которымъ я предполагаю, главнымъ образомъ, заняться на послѣдующихъ страницахъ, не представляетъ изъ себя мужской эквивалентъ г-жи де Помпадуръ, но скорѣе можетъ послужить къ успокоенію извѣстной щепетильности, будучи двойникомъ г-жи де Ментенонъ, конечно, съ большими несовершенствами. Онъ не основалъ Сенъ-Сира. Но я опять-таки тутъ ни при чемъ.

III.

Интимные нравы. Ночной императоръ.

Среди тѣхъ, кому Елизавета съ ранней молодости удѣлила большое мѣсто въ своей жизни, прежде чѣмъ предоставить его въ жизни всего народа, Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, повидимому, игралъ роль однимъ изъ первыхъ. Въ 1727 г., въ письмѣ къ цесаревнѣ, г-жа Шувалова посылала свой привѣтъ Александру Борисовичу [1]. Два года спустя, въ порывѣ дурного настроенія духа, въ чемъ, можетъ-быть, отчасти была замѣшана и ревность, Петръ II отправилъ молодого человѣка на Украйну. Оберъ-гофмейстеръ государя Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ вступилъ въ права наслѣдства, мирное пользованіе которыми ему тоже не было дозволено. Онъ слылъ женихомъ, даже супругомъ цесаревны. Въ 1739 г. въ европейскихъ канцеляріяхъ открыто говорили объ этомъ бракѣ [2], и въ такой легендѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Семенъ Кирилловичъ и Елизавета были двоюродными братьями. Давно ужъ поднятъ былъ вопросъ о ея бракѣ съ другимъ Нарышкинымъ, Александромъ Львовичемъ. Родившійся въ 1710 г.,

1) *Русская Старина,* 1870 г.

2) *Сборникъ* Русскій Архивъ 1871 г.

слѣдовательно, по годамъ вполнѣ пара цесаревнѣ, Семенъ пользовался репутаціей замѣчательнаго красавца, къ чему присоединялъ внѣшность блестящаго вельможи, чрезвычайное изящество и княжеское великолѣпіе. То былъ русскій Лозенъ своего времени. Къ сожалѣнію, Петръ II опять вмѣшался, и преемникъ Бутурлина получилъ приказъ отправиться въ путешествіе. Онъ долго проживалъ въ Парижѣ подъ именемъ Тенкина и вернулся въ Россію тогда, когда самъ Шубинъ оказался уже лишнимъ вблизи Елизаветы. Ему пришлось утѣшиться званіемъ оберъ-егермейстера и изумленіемъ, въ какое повергала населеніе Москвы и Петербурга его роскошь подлиннаго парижскаго происхожденія. На бракосочетаніи великаго князя, онъ поразилъ всѣхъ каретой, гдѣ въ колесахъ были вставлены зеркала.

Шубинъ, простой гвардейскій солдатъ, вошелъ въ близость съ Елизаветой вскорѣ послѣ отъѣзда жениха - неудачника. При восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, онъ обнаружилъ неблагоразумное рвеніе относительно охраны правъ своей повелительницы, и былъ обвиненъ въ заговорѣ, болѣе или менѣе подлинномъ, въ ея пользу. Послѣ заключенія въ *каменномъ мѣшкѣ*, знаменитой тюрьмѣ того времени, гдѣ нельзя было ни стоять, ни лежать, и многочисленныхъ допросовъ въ застѣнкѣ, онъ былъ сосланъ въ Камчатку, а Елизавета, по преданію, впрочемъ требующему подтвержденія, намѣревалась постричься въ монастырь и слагала горестные стихи, заслуживающіе полнаго нашего снисхожденія.

Относительно того, какимъ образомъ цесаревна утѣшилась въ своей скорби и какъ возникла новая связь, которой суждена была судьба не столь кратковременная, маркизъ-де Ла-Шетарди узналъ, въ 1742 г., слѣдующія подробности:

„Нѣкая Нарышкина, вышедшая впослѣдствіи замужъ [1]); женщина съ очень пылкимъ темпераментомъ и наперсница цесаревны Елизаветы, была поражена (событіе относится къ 1732 г.) наружностію случайно встрѣтившагося ей Разумовскаго. Дѣйствительно, онъ былъ красивъ: брюнетъ съ окладистой черной бородой и чертами лица, хотя рѣзкими, но имѣвшими всю прелесть, свойственную лицу нѣжному. Тѣлосложеніе обличало въ немъ силу. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечій, съ гибкими членами, и если въ немъ еще видны были слѣды неловкости, выдававшіе его происхожденіе и воспитаніе, то заботы, принимаемыя царицей, чтобы его вышколить и научить, несмотря на тридцатидвухлѣтній возрастъ, танцамъ, которые преподавалъ ему всегда, въ ея присутствіи, французъ, завѣдывавшій придворнымъ балетомъ, постепенно изгладили эту неловкость. Нарышкина не признавала промедленій между желаніемъ и его удовлетвореніемъ. Она приняла сейчасъ же такія дѣятельныя мѣры, что Разумовскій отъ нея не ускользнулъ. Состояніе изнеможенія, въ которомъ она вернулась домой, встревожило нѣжность Елизаветы и возбудило ея любопытство. Та открылась ей во всѣхъ подробностяхъ. Сейчасъ же было принято рѣшеніе привязать къ себѣ этого жестокаго красавца, недоступнаго чувству состраданія. Съ этой цѣлью цесаревна нѣсколько разъ отправлялась на богослуженіе въ церковь къ царицѣ [2]).

Какъ читатель видитъ, эти подробности почерпнуты мною изъ свидѣтельства современной дипломатіи, и да будетъ мнѣ позволено дополнить ихъ данными, заимствованными изъ классическихъ источниковъ, какъ „Русскій Архивъ“ и трудъ Васильчикова.

---

1) Настасья Михайловна Измайлова.

2) Къ Амело, 12 іюля 1742 г. Иностр. дѣла.

Разумовскій числился съ 1731 г. въ составѣ императорской пѣвческой капеллы. Полковникъ Ѳедоръ Степановичъ Вишневскій, проѣзжая по Украйнѣ, на возвратномъ пути изъ Венгріи, гдѣ производилъ закупки вина для погреба Анны Іоановны, и остановившись въ селѣ Лемехи, былъ пораженъ басомъ, потрясавшимъ стѣны маленькой сельской церкви. Оказалось, что голосъ этотъ принадлежалъ молодому крестьянскому парню, всей душой стремившемуся вырваться изъ своего села. Отецъ его, казакъ и записной пьяница, часто его билъ и даже разъ чуть не убилъ, замахнувшись ему по головѣ топоромъ. Изверга-отца звали Григорій Яковлевичъ, по прозвищу Розумъ, потому что, выпивъ, онъ имѣлъ привычку приговаривать о себѣ: „Ну что за голова! Что за розумъ!“ Сынъ былъ пастухомъ и часто бросалъ стадо на произволъ судьбы, а самъ убѣгалъ къ дьячку, учившему его читать и пѣть псалмы. Хорошіе пѣвчіе тогда, какъ и теперь въ Россіи, цѣнились очень высоко. Пѣвчіе императорской Капеллы почти поголовно набирались въ Малороссіи, и даже недалеко отъ Лемеховъ, въ Глуховѣ, существовала особая школа для обученія этихъ артистовъ, число которыхъ простиралось до двадцати четырехъ [1]). Вишневскій увезъ съ собой молодого пастуха, за что впослѣдствіи былъ награжденъ чиномъ генералъ-майора и должностью при дворѣ Елизаветы. Послѣдней, добившейся уступки себѣ пѣвчаго, недолго пришлось наслаждаться его, прекраснымъ голосомъ, потому что Алексѣй Григорьевичъ, впослѣдствіи названный Разумовскимъ, лишился его очень скоро. Тогда она превратила его въ *бандуриста*, и онъ сумѣлъ проявить въ этой новой должности такія достоинства,

---

[1]) *Внутренняя жизнь Русскаго государства въ 1740 и 1741 гг.* Карповичъ, *Историческіе разсказы.*

что вскорѣ былъ назначенъ управителемъ одного изъ помѣстій, а потомъ и всего царскаго дома.

Старый Розумъ тѣмъ временемъ умеръ, но у Алексѣя оставалась въ Лемехахъ многочисленная родня: мать, Наталья Демьяновна, старшій братъ Данила, умершій въ 1741 г., младшій братъ Кириллъ, котораго ожидала блестящая судьба, и нѣсколько сестеръ. Онъ позаботился объ ихъ участи, и, овдовѣвъ, Наталья Демидовна могла при его помощи открыть кабачокъ и жить въ извѣстномъ довольствѣ. Такое занятіе совершенно не считалось въ это время унизительнымъ. Хата, гдѣ она жила, существовала еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, бережно охраняемая ея собственникомъ, Галаганомъ, потомкомъ кабатчицы по женской линіи.

Алексѣй Григорьевичъ не принималъ никакого участія въ переворотѣ 1741 г. Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ политики, смотрѣлъ за домомъ цесаревны и позднѣе, во время ея коронованія, несъ шлейфъ императорской мантіи и исполнялъ обязанность мундшенка. Мы уже видѣли, какъ быстро онъ возвысился въ чинахъ послѣ коронаціи, получивъ въ то же время изъ имущества, конфискованнаго у Миниха помѣстье Рождественно-Порѣчье и еще другія вотчины. Елизавета пожелала, чтобы родня фаворита раздѣлила съ нимъ почести и богатство, и Наталья Даниловна была вызвана въ Москву. Можно себѣ представить смятенье, охватившее село при появленіи блестящаго экипажа, остановившагося у скромной хаты Розумихи. Старуха разложила на землѣ присланную ей соболью шубу, осушила съ сосѣдками чарку водки, чтобы „погладить дорожку, щобъ ровно було“, и усѣлась въ карету вмѣстѣ съ дочерьми. Она колебалась признать сына въ блестящемъ сановникѣ выѣхавшемъ ей навстрѣчу, такъ что Алексѣю Григорьевичу пришлось ей показать хорошо зна-

комую ей татуировку. Одѣтая по послѣдней модѣ, напудренная, причесанная, нарумяненная, для представленія ко двору, она упала на колѣни передъ первымъ зеркаломъ, гдѣ, увидавъ свое такъ сильно измѣнившееся изображеніе, вообразила, что передъ ней императрица. Елизавета оказала ей самый нѣжный пріемъ: „Благословенъ плодъ чрева твоего!“ вырвалось у нея восторженное восклицаніе. Но произведенная въ придворныя дамы и помѣщенная во дворцѣ, Розумиха упорно носила свое крестьянское платье и сожалѣла о Лемехахъ. Ея портретъ, помѣщенный у Васильчикова [1]), изображаетъ ее въ такомъ сельскомъ нарядѣ, съ чертами лица пріятными и кроткими. Узнавъ, что дворъ покидаетъ Москву и переѣзжаетъ въ Петербургъ, она болѣе не выдержала и обратилась съ просьбой отпустить ее на родину. На берегахъ Невы она появилась снова только въ 1756 г., по случаю бракосочетанія Великаго князя, на этотъ разъ въ блестящей обстановкѣ, съ многочисленной свитой.

Но передъ своимъ первымъ возвращеніемъ въ Лемехи, говорятъ, ей пришлось присутствовать при событіи, которое, несмотря на все пережитое изумленіе, должно было ей показаться сномъ. Бракъ Елизаветы съ Разумовскимъ, состоявшійся тайнымъ образомъ, въ концѣ 1742 г., въ церкви подмосковнаго села Перова, теперь считается почти удостовѣреннымъ. Спорными остаются лишь побужденія, какими руководствовалась въ данномъ случаѣ дочь Петра Великаго. Предполагается соглашеніе между Бестужевымъ и духовникомъ ея величества. Назначенный вице-канцлеромъ и находившійся на пути къ всемогуществу, ставленникъ Лестока опирался на Разумовскаго, чтобы уравновѣшивать соперни-

[1]) „Семья Разумовскихъ“.

чающее вліяніе своего покровителя. Немилость фаворита могла погубить его шансы въ этой борьбѣ. Вскорѣ послѣ коронованія, прибытіе въ Москву Морица Саксонскаго [1]) снова подняло вопросъ о женихахъ, льстившихъ себя надеждой получить руку государыни. Выйдя замужъ за иностранца, Елизавета ускользала отъ своихъ первоначальныхъ друзей и слугъ, и русскую партію, которую олицетворялъ Бестужевъ въ своихъ антиноземныхъ стремленіяхъ, ждало вѣрное пораженіе. Дубянскій, съ своей стороны, придерживался того же мнѣнія, подъ вліяніемъ Стефана Яворскаго, и его приверженцевъ, видѣвшихъ при Аннѣ Іоанновнѣ грозу, надвигавшуюся на церковь, благодаря западническимъ стремленіямъ Феофана Прокоповича и его покушеніямъ на преобразованія. По своему происхожденію, простотѣ ума и искренней набожности, Разумовскій самъ близко подходилъ къ этому кружку, гдѣ преобладали малороссы. Поэтому весьма возможно предположеніе объ интригѣ, воспользовавшейся въ этомъ смыслѣ религіозными сомнѣніями Елизаветы. Подъ внѣшностью полнаго простодушія Дубянскій, повидимому, былъ ловкимъ царедворцемъ.

Но положительныхъ доказательствъ не имѣется.

Несомнѣнно только одно, что съ нѣкотораго времени, очень возможно, совпавшаго съ посѣщеніемъ совмѣстно съ императрицей церкви въ Перовѣ [2]), скромнаго храма, объ

---

[1]) *„Наслѣдіе Петра Великаго“ (Царство женщинъ).*

[2]) По другой версіи бракосочетаніе происходило на Покровкѣ, въ небольшой церкви Воскресенія въ Борашахъ, рядомъ съ которой Разумовскій выстроилъ впослѣдствіи знаменитый „домъ-комодъ“, занятый теперь 4-ой мужской гимназіей и прозванный такъ по своему сходству съ комодомъ. Увидавъ у англійскаго посланника комодъ съ многочисленными отдѣленіями, фаворитъ задался мыслью воспроизвести его такимъ образомъ.

украшеніи котораго Елизавета потомъ проявила большую заботливость, убирая его предметами богослуженія, ею собственноручно расшитыми жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, Разумовскій занялъ положеніе, не похожее на прежнее, какъ блестяще оно ни было. Помѣстившись во дворцѣ, въ апартаментахъ, прилегающихъ къ апартаментамъ государыни, онъ превратился не только въ „ночного императора", но въ выставляемаго на показъ спутника всѣхъ удовольствій, всѣхъ переѣздовъ ея величества, при всей внѣшней обстановкѣ равноправнаго государя. Такъ, по причинѣ нездоровья, постигшаго Алексѣя Григорьевича, разстроилось въ послѣднюю минуту путешествіе ея величества, когда великій князь и великая княгиня заняли уже мѣста въ своей каретѣ. При выходѣ четы изъ театра въ сильный морозъ, императрица спѣшила запахнуть шубу и поправить шапку фавориту. Въ оперѣ, итальянскіе пѣвцы чередовались съ малороссами, таланты которыхъ приходились больше по вкусу Алексѣю Григорьевичу. Малороссійскія блюда значились даже въ меню офиціальныхъ банкетовъ, гдѣ мѣсто Разумовскаго находилось рядомъ съ государыней. И эти подробности болѣе многозначительны, чѣмъ зрѣлище интимнаго ужина, какимъ наслаждался великій князь, просверливъ дырку въ двери, и гдѣ онъ увидалъ фаворита, сидящаго противъ императрицы запросто, въ халатѣ. Но повторяю, насколько мнѣ извѣстно, не существуетъ безусловныхъ подтвержденій этихъ указаній. Капралъ кадетскаго корпуса и дворцовый служитель были наказаны розгами за повтореніе разсказа о томъ, что видѣлъ великій князь [1]), и, понятно, что подобный примѣръ наложилъ печать молчанія на уста современниковъ. Въ 1747 г., вслѣдствіе предписанія изъ

---

[1]) Секретная канцелярія при Елизаветѣ, *Русская Старина,* 1875 г

Версаля собрать точныя свѣдѣнія, д'Алліонъ извѣщалъ, что бракъ считается достовѣрнымъ, и существуетъ предположеніе, что г-жа Шувалова и Лестокъ присутствовали при этомъ событіи. Онъ даже допускалъ мысль, что Елизавета можетъ въ одинъ прекрасный день громогласно объявить о своемъ союзѣ и раздѣлить престолъ съ супругомъ [1]). Но предположеніе это не осуществилось, г-жа Шувалова и Лестокъ хранили молчаніе. Приглашенный при восшествіи на престолъ Екатерины II выдать документы, находившіеся, по предположенію, у него, часть приближенныхъ новой императрицы предполагала опереться на нихъ, чтобы выдать ее замужъ за Орлова Разумовскій, будто бы, согласно разсказу, который я привожу въ другомъ мѣстѣ, сжегъ содержимое таинственной шкатулки [2]). И загадка осталась неразгаданной.

Я даже не считаю ее положительно удостовѣренной общей сложностью показаній, собранныхъ въ 1744 г. въ теченіе одного изъ безчисленныхъ политическихъ процессовъ того времени, какъ-будто устанавливающихъ, что сейчасъ же послѣ восшествія на престолъ Елизаветы и даже ея коронованія, бракосочетаніе ея было дѣйствительно совершено Кирилломъ Флоринскимъ, назначеннымъ, вслѣдствіе этого, архимандритомъ Троицкой Лавры и членомъ Синода. Но среди лицъ, дававшихъ эти показанія, не было ни одного свидѣтеля-очевидца. Всѣ повторяли только ходившіе слухи.

Съ другой стороны, Биронъ и Анна Іоановна, Потемкинъ и Екатерина, раньше и послѣ четы насъ здѣсь интересующей, являли въ интимной жизни и на глазахъ общества подобное же зрѣлище, породившее такую же легенду.

---

1) Къ Пюизье, 26 октября и 16 декабря. Иностр. дѣла.

2) *Вокругъ трона. 1-й томъ полн. собр. К. Валишевскаго Ц. 3 р.*

Право Разумовскаго на особое мѣсто среди этихъ царскихъ прихотей мнѣ кажется болѣе всего основаннымъ на величайшей простотѣ, какую онъ обнаруживалъ въ теченіе всей своей изумительной судьбы. Ни малѣйшаго старанія забыть или заставить позабыть о своемъ незнатномъ происхожденіи. Пожалованный въ 1744 г. въ графы Св. Имперіи грамотой Карла VII, производившей его въ потомки княжескаго рода, онъ первый обратилъ въ шутку такую фантастическую генеалогію. Нисколько не стыдился онъ своихъ родственниковъ, какъ ни мало въ нихъ было представительности, но также совершенно не стремился выдвигать ихъ впередъ. Одну ихъ сестеръ, Авдотью, онъ сдѣлалъ фрейлиной, а брата Кирилла, отправленнаго за границу, получившаго тамъ особенно тщательное воспитаніе, естественнымъ образомъ выдвинулъ на путь ко всевозможнымъ почестямъ. Но въ 1744 г., во время двухнедѣльнаго пребыванія Елизаветы въ Козельцѣ, по сосѣдству съ Лемехами, онъ позаботился о томъ, чтобы Улазы, Ефимы и Лемешки изъ его родни не надоѣдали государынѣ. Онъ назначалъ имъ свиданія въ домѣ, выстроенномъ имъ на мѣстѣ своего рожденія, и тамъ снисходительно отдавался семейнымъ изліяніямъ. Не забылъ Разумовскій также своего перваго учителя, дьячка изъ Лемёхъ, хотя надо сознаться, честолюбіе послѣдняго было нелегко удовлетворить. Привезенный въ Петербургъ и побывавъ въ оперѣ, чудакъ пожелалъ занять мѣсто капельмейстера въ этомъ учрежденіи, вѣроятно, вслѣдствіи теоріи пропарціональнаго возвышенія сложившейся въ его недалекомъ умѣ.

Во время посѣщенія дома бывшаго гофъ-маршала Левенвольда, Елизавета была ни мало удивлена при видѣ фаворита, бросившагося на шею вышедшему навстрѣчу дворецкому и радостно съ нимъ расцѣловавшагося.

— Что за глупости ты творишь?

— Это, мой старый другъ [1]).

Произведенный въ 1767 г. въ фельдъ-маршалы, Разумовскій поблагодарилъ государыню словами: „Лиза, можешь дѣлать со мной, что угодно, только смотри, чтобъ никто не считалъ меня и вправду, хотя бы простымъ поручикомъ“.

Онъ обладалъ умомъ насмѣшливымъ, но безъ тѣни злобности, и собственной философіей, очень широкой, основанной на снисходительности и иронической беззаботности. Не любя игру и равнодушный къ выигрышу при окружавшей его роскоши, онъ металъ банкъ для удовольствія своихъ гостей и допускалъ, чтобы его обманывали безъ зазрѣнія совѣсти, плутуя или даже набивая карманы золотомъ, раскиданнымъ имъ по столамъ. Порошинъ увѣряетъ въ своихъ запискахъ, что видѣлъ князя Ивана Васильевича Одоевскаго, наполнившаго такимъ образомъ свою шляпу и передавшаго ее лакею, ожидавшему въ передней. Дамы въ особенности проявляли жадность въ этомъ отношеніи, и одной изъ наиболѣе беззастѣнчивыхъ была Настасья Михайловна Измайлова, урожденная Нарышкина, бывшая подруга Елизаветы, упомянутая выше.

Алексѣй Григорьевичъ былъ бы образцомъ фаворитовъ, если бы не злоупотребленіе спиртными напитками, къ которымъ онъ продолжалъ сохранять неумѣренное пристрастіе. Въ особенности предавался онъ своему пороку на охотѣ, и забывая свою природную доброту, слѣдовалъ по отцовскимъ стопамъ. Когда графу Петру Шувалову, приглашенному на подобныя охотничьи пирушки, не удавалось подъ какимъ-нибудь предлогомъ отказаться, жена ставила свѣчи и служила молебны, если пикникъ оканчивался безъ побоевъ

---

[1]) Мардефельдъ королю, 27-го февраля 1742 г. Берлинскій Архивъ.

палкой. Салтыковъ, будущій побѣдитель Фридриха II, испыталъ ихъ на себѣ и пріобрѣлъ незаслуженную репутацію трусости за то, что не отплатилъ обидчику. Но какъ могъ онъ разсчитаться? Фаворитъ былъ недосягаемъ.

Никогда Алексѣй Григорьевичъ прямо не вмѣшивался въ политику. Однако, съ 1742 по 1757 его присутствіе около Елизаветы было чрезвычайно важно даже въ этой области: онъ поддерживалъ Бестужева и старался также при случаѣ при посредствѣ Дубянскаго защищать интересы церкви. Благодаря злому року, связаному съ его положеніемъ, онъ оказывался кромѣ того замѣшеннымъ въ борьбу существовавшихъ политическихъ партій. Такимъ образомъ, имя его постоянно встрѣчается въ кровавыхъ допросахъ и слѣдствіяхъ того времени. Предполагаемый супругъ Елизаветы не могъ не привлекать къ себѣ подозрительныхъ взоровъ наслѣдниковъ императрицы и ихъ приверженцевъ. Когда домъ, въ которомъ проживали въ Гостилицахъ великій князь и великая княгиня, обрушился по винѣ строившаго его архитектора, собственникъ Гостилицъ былъ обвиненъ въ замышленіи заговора. Въ народѣ распространились оскорбительные и компрометирующіе слухи, заставившіе судей и палачей приняться за работу.

Одинъ изъ такихъ процессовъ, возбужденный въ 1753 г., наводитъ насъ на слѣдъ довольно страннаго приключенія. Нѣкая Авдотья Никоновна, крѣпостная помѣщика по имени Бачманова давала показанія по поводу проживавшей въ Тихвинскомъ монастырѣ женщины, по имени Лукерьи Михайловны, объявлявшей себя дочерью персидскаго шаха и женой Алексѣя Разумовскаго. Она будто бы была насильно выдана замужъ за фаворита самой Елизаветой, потому что на ней хотѣлъ жениться великій князь; а въ подтвержденіе своихъ увѣреній, Авдотья показывала подлинныя письма, полученныя

ею отъ своего мужа и племянника императрицы. Разсказы еще болѣе странные и безусловно фантастическіе плодились въ ту эпоху въ безконечномъ количествѣ, и приведенный нами не заслуживалъ бы никакого вниманія, не будь удивительнаго факта, что Лукерья Михайловна была признана невинной, а Никоновна наказана кнутомъ и сослана неизвѣстно куда[1]). Очевидно, обвиненія, возведенныя ею на свою пріятельницу, не были вымышленными во всѣхъ отношеніяхъ. Они имѣютъ связь съ исторіей знаменитой княжны Таракановой, предполагаемой дочери Елизаветы и Разумовскаго, о необычайныхъ приключеніяхъ которой я уже разсказывалъ. Она появилась впервые въ Европѣ подъ видомъ *персидской* царевны.

Безъ сомнѣнія, эти приключенія, какъ они изображаются въ легендѣ и многочисленныхъ попыткахъ возстановленія исторической правды, около нея создавшихся, не выдерживаютъ никакой критики. Прежде всего, села Тараканова, откуда производили названіе загадочной княжны, не существуетъ ни въ Черниговской губерніи, куда его относили, и ни въ какомъ-либо изъ другихъ владѣній, пожалованныхъ Елизаветой фавориту. Самое слово тараканъ чуждо малороссійскому языку. Напротивъ, въ это время въ Великороссіи существовала довольно извѣстная фамилія Таракановыхъ. Генералъ Таракановъ отличился при Аннѣ Іоанновнѣ. Остальныя подробности біографіи, распространившіяся такимъ образомъ, въ обществѣ, имѣютъ подъ собой не болѣе почвы. Въ двухъ различныхъ мѣстахъ [1]) Снегиревъ, упоминаетъ о монахинѣ Досифеѣ, сосланной въ 1785 г. секретнымъ указомъ Екатерины II въ Ивановскій монастырь и умершей тамъ, окруженной тайной, въ 1810 г., согласно надписи на ея могилѣ,

---

[1]) „Русская старина“ и „Достопамятники“.

или въ 1808 г., согласно легендѣ, а также о портретѣ, сохранявшемся въ монастырѣ и снабженномъ надписью: „Княжна Августа Тараканова, въ монашествѣ сестра Досифея". Портретъ этотъ, къ сожалѣнію, исчезъ, а что касается могилы и преданій, собранныхъ Снегиревымъ по этому поводу, то рускіе монастыри ихъ насчитываютъ сотнями. Въ семьѣ Разумовскихъ сохранилось другое преданіе о двухъ княжнахъ Таракановыхъ, воспитывавшихся въ Италіи подъ надзоромъ нѣкой г-жи Лопухиной и предательски увезенныхъ изъ Ливорно Алексѣемъ Орловымъ. Здѣсь мы переходимъ къ даннымъ, наиболѣе общепризнаннымъ. Одна изъ этихъ несчастныхъ утонула во время переѣзда изъ Ливорно въ Петербургъ, а другая, спасенная матросомъ, сначала нашла убѣжище у своей бывшей воспитательницы, вернувшейся въ Россію, потомъ въ Никитскомъ монастырѣ и всегда носила при себѣ бумаги, сожженныя ею передъ смертью. Но существуетъ еще безконечное множество подобныхъ воплощеній загадочной княжны. Въ Пучежѣ, Костромской губерніи, въ Казани и въ другихъ мѣстахъ, они появляются въ самыхъ разнообразныхъ видахъ.

Повидимому, общее происхожденіе всѣхъ этихъ лицъ слѣдуетъ искать въ автобіографической подробности историка Шлецера [1]). Послѣдній, бывшій сначала воспитателемъ дѣтей Кирилла Разумовскаго, разсказываетъ, какъ въ Женевѣ, гдѣ онъ находился со своими питомцами, четыре сына Елизаветы, путешествовавшіе подъ именемъ графовъ Т...выхъ, обѣдали въ его обществѣ вмѣстѣ съ нѣкіимъ Д—лемъ, состоявшимъ при нихъ въ качествѣ ментора и воспитавшимъ изъ нихъ, кажется, только большихъ шелопаевъ. Ключъ къ тайнѣ даетъ намъ письмо, помѣченное Женевой, 10-го ноября 1761 г., и адресованное графу Алексѣю Разумовскому четырьмя пле-

---

[1]) Васильчиковъ, *Семья Разумовскихъ*.

мянниками, подписавшимися: Андрей Закревскій, Кириллъ Стрѣшневъ, Иванъ Дараганъ, Григорій Закревскій и жаловавшимися на своего воспитателя Дитцеля Имена эти принадлежатъ фамиліямъ, существующимъ въ Россіи и ведущимъ свое подлинное происхожденіе отъ браковъ, заключенныхъ съ сестрами фаворита. Кромѣ того, придворныя вѣдомости сообщаютъ намъ, что въ царствованіе Елизаветы, имя Дараганъ, для благозвучія было обращено въ Дараганова. Вѣроятно, подъ этой фамиліей значились племянники Разумовскаго, а нѣмецкое произношеніе дополнило остальное. Дитцель, чтобы придать себѣ больше важности, могъ съ другой стороны выдавать своихъ воспитанниковъ за дѣтей Елизаветы.

Изслѣдованіе относительно ложной княжны, напечатанное въ „Чтеніяхъ" Общества изслѣдованія исторіи и древностей [1]) и переведенное на нѣмецкій языкъ графомъ Бреверномъ [2]), могло бы казаться окончательнымъ, какъ руководившееся свѣдѣніями, собранными по приказу Александра I въ то время, когда величайшая забота объ искренности вдохновляла изысканія подобнаго рода. Однако, русское и нѣмецкое изданіе не вполнѣ совпадаютъ. Версія, напечатанная въ Берлинѣ, содержитъ подробности, обойденныя молчаніемъ въ Москвѣ и опять-таки представляетъ пропуски. Общее впечатлѣніе отъ данныхъ, собранныхъ здѣсь и въ иныхъ мѣстахъ повидимому говоритъ за то, что княжна Елизавета Алексѣевна Тараканова, была просто авантюристка [3]).

[1]) 1867 г.

[2]) Берлинъ 1867 г.

[3]) Редакторъ „Чтеній" Бодянскій, напечаталъ короткую біографію княжны, къ которой можно съ пользой обращаться за свѣдѣніями. Въ разсказѣ, напечатанномъ въ „Revue des Deux Mondes". Шалмель Лакуръ недостаточно пользовался Бреверномъ, а слишкомъ много позаимствовалъ у Кастера и Гельбига. Романъ князя Любомірскаго „Un

Не было ли другихъ дѣтей у Елизаветы и Разумовскаго? Въ 1743 г. д'Алльонъ думалъ, что напалъ въ этомъ отношеніи на вѣрный слѣдъ: „Я узналъ", писалъ онъ Амело, „о маленькой дѣвочкѣ, которую царица воспитываетъ очень заботливо. Ей лѣтъ девять, десять и она слыветъ за близкую родственницу государыни". Немного позднѣе онъ высказывалъ уже полную увѣренность: маленькая дѣвочка была навѣрное дочерью Елизаветы, и государыня предполагала выдать ее замужъ за племянника[2]). Послѣдняго указанія достаточно, чтобы сдѣлать подозрительными всѣ остальныя. Кромѣ того, отцемъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ д'Алльономъ былъ не Разумовскій, а Шубинъ. Порученная сначала заботамъ m-lle Шмидтъ, потомъ, послѣ ея изгнанія, греческому купцу, дѣвочка была привезена имъ въ Москву, за что Елизавета наградила его 6,000 руб. Одновременно д'Алльонъ узналъ, что она была назначена фрейлиной при императрицѣ. И сразу становится яснымъ: въ 1748 году m-lle Шмидтъ упоминается въ придворномъ вѣстникѣ какъ воспитательница *племянницъ* Разумовскаго, а намъ извѣстно, что одна изъ племянницъ фаворита, Авдотья, состояла фрейлиной съ 1743 г.

---

drame sous Catherine не болѣе какъ романъ. Произведеніе А. Олинда „Die Prinzessin Tarakanov" 1879 г., еще болѣе фантастично. Заставляя знаменитую княжну замышлять заговоръ противъ Екатерины, Julius Conard (Catherina II, die Semiramis von Norden отнесъ свой трудъ къ той же области. Высказывая претензію на историческую вѣрность M-me de R. (Mm-e de Rome, урожденная Marné по Quèrard), издавъ въ 1813 г. два тома, освѣдомлена не лучше относительно Анны Петровны (?) дочери Елизаветы. Въ Даніи Minona; въ Испаніи анонимный авторъ артиллерійскій офицеръ, въ Италіи Cuciniello полны заблужденій по этому поводу. Въ итальянскомъ сочиненіи княжна дочь Елизаветы и князя Собѣсскаго!

[2]) 5-го марта и 14-го мая 1743 г. Иностр. дѣла.

Изъ всѣхъ этихъ неясностей слѣдуетъ лишь одинъ положительный выводъ: ни одинъ подлинный ребенокъ фаворита никогда не появлялся ни при дворѣ, ни въ домѣ своего предполагаемаго отца. А сынъ Розумихи достаточно доказалъ на дѣлѣ, что не былъ человѣкомъ, способнымъ принести въ жертву своему положенію чувства и обязанности подобнаго рода. Принудила ли его къ тому Елизавета? Почему бы явилось въ этомъ отношеніи подобное желаніе у нея, такъ мало вообще заботившейся о приличіяхъ? Екатерина II, гораздо болѣе выдержанная, не признавала подобныхъ стѣсненій, и происхожденіе Бобринскихъ не окружалось никакой тайной. Въ 1743 г. Елизавета почувствовала себя дурно на балу, что было сочтено за признакъ беременности [1]), но послѣдствій не было. Позднѣе въ своихъ анекдотическихъ мемуарахъ Карабановъ указывалъ какъ на дочерей государыни, на Марѳу Филипповну Бехтѣеву и Ольгу Петровну Супаеву, очень похожихъ на мать. Отцовскія права на послѣднюю онъ приписывалъ бѣдному дворянину по имени Григорьеву, который, принимая участіе въ постройкѣ дворца въ Царскомъ Селѣ, нашелъ случай сблизиться съ императрицей [2]). Въ неизданныхъ мемуарахъ о Россіи секретарь французскаго посольства въ Петербургѣ д'Обиньи [3]) насчитывалъ до восьми дѣтей царицы, принятыхъ на свой счетъ безконечно обязательной Іоганной Петровной. Повидимому, онъ былъ жертвой галлюцинацій, часто вызываемыхъ порокомъ въ средѣ, столь мутной въ нравственномъ отношеніи. И, такъ какъ никто изъ этихъ дѣтей, дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ, не появлялся въ исторіи, а добродѣтель Елизаветы не подверга-

---

1) Д'Алльонъ къ Амело, 14-го марта 1743 г.

2) „Русская Старина".

3) Россія, *Мемуары и документы.*

лась сомнѣнію, то загадка и связанныя съ нею легенды представляютъ интересъ только въ смыслѣ того, что я называю „внѣшней нравственностью“ черезчуръ доступной государыни, служа отраженіемъ ея нравовъ и приключеній въ современномъ обществѣ.

Елизавета жила по-супружески съ Разумовскимъ и нисколько не стѣснялась выставлять напоказъ эту интимную сторону своей жизни. Но никогда она не появлялась въ столь же нѣжной обстановкѣ материнства.

Что касается фаворита, онъ высказывалъ относительно своего младшаго брата заботливость столь отеческую, что повидимому, она не находила себѣ иного примѣненія и не допускала раздѣленія. Въ 1746 г., годъ спустя послѣ своего возвращенія изъ-за границы, гдѣ онъ посѣщалъ университеты гёттингенскій и берлинскій, побывавъ во Франціи и въ Италіи, молодой человѣкъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Наукъ и привѣствуемъ въ этомъ званіи восторженными рѣчами своихъ коллегъ, русскихъ, нѣмцевъ и французовъ, Тредьяковскаго, Шумахера и Делиля. Учрежденіе, ввѣренное его управленію, ожидалъ расцвѣтъ и блестящая судьба. Президенту было восемнадцать лѣтъ; онъ привезъ съ собой изъ-за границы секретаря француза, изгнаннаго изъ своей родины за ошибки молодости и жившаго въ Россіи подъ вымышленнымъ именемъ Шанмелэ — настоящее его имя осталось неизвѣстнымъ до 1758 г., когда онъ переселился въ Польшу [1]). Имъ обоимъ предстояла трудная задача осуществить лестныя предсказанія членовъ академіи. Осужденная со временъ царствованія Анны Іоанновны играть роль совершенно иную, чѣмъ предназначаемая ей Петромъ Великимъ, поглощенная въ литературномъ отдѣлѣ обязательнымъ сочиненіемъ поэмъ

---

[1]) Л'Опиталь, 30-го августа, 1758 г. Иностр. дѣла.

на случаи, а въ научномъ отдѣлѣ изготовленіемъ фейерверковъ для придворныхъ празднествъ, академія эта въ глазахъ общества обратилась въ учрежденіе, обязанное заботиться только о развлеченіяхъ. Нѣкоторые изъ ея членовъ страдали отъ этого, и Кириллъ выражалъ намѣреніе удовлетворить ихъ стремленія, давъ возможность подняться изъ такого униженія. Къ сожалѣнію, его поглотили иныя занятія, къ которымъ наклонности и воспитаніе сильнѣе его предрасполагали. Мы знаемъ, что во время его пребыванія за границей приставленные къ нему воспитатели ссорились изъ-за выигрышей, достававшихся на ихъ долю отъ игры въ карты со своимъ ученикомъ, а вскорѣ по своемъ возвращеніи послѣдній уже заслужилъ прозвище „игрока въ карты—дневного, а на бильярдѣ—ночного", оставшееся за нимъ на всю жизнь [1]).

Повинуясь также желанію Елизаветы, онъ женился, отчасти противъ воли, на двоюродной внучкѣ государыни, Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной, принесшей ему въ приданое сорокъ четыре тысячи крестьянъ. Ея состояніе исчислялось въ шестистахъ тысячахъ рублей дохода. Три года спустя, когда малороссы пожелали имѣть гетмана, Кириллъ оказался также предназначеннымъ составить ихъ счастье, какъ ранѣе способнымъ удовлетворить Делиля и его коллегъ. Онъ не совсѣмъ охотно разстался съ Петербургомъ, потомъ утѣшился въ своемъ пышномъ изгнаніи, изображая государя въ своей области. Онъ издавалъ указы, составленные въ такомъ же повелительномъ духѣ, какъ указы императрицы: „Мы сочли за благо"... „Повелѣваемъ"... Онъ имѣлъ собственный конвой, и въ резиденціи своей, Батуринѣ,—теперь обратившемся въ развалины, но гдѣ еще недавно искали кладъ, по преданію

---

1) Пекарскій, *Исторія Академіи Наукъ*; Васильчиковъ.

тамъ зарытый [1]),—позволялъ себѣ роскошь итальянской оперы и французской комедіи. Разумовскій мечталъ даже основать тамъ университетъ, но удовольствовался тѣмъ, что устроилъ въ Петербургѣ, куда совершалъ частые наѣзды, нѣчто весьма похожее на домъ свиданій. По просьбѣ Екатерины онъ согласился уступить одно крыло своего дворца для секретныхъ вечеровъ, гдѣ великій князь пользовался запретными удовольствіями и ихъ же искала въ свою очередь великая княгиня. Такъ какъ у Разумовскихъ пріемы и карточная игра происходили каждый вечеръ, то часто подъ однимъ кровомъ бывало два собранія. А вскорѣ число ихъ увеличилось до трехъ, когда Екатерина сообразила, что гостепріимное и радушное жилище могло бы отлично служить убѣжищемъ для ея личныхъ свиданій, и получила для этой цѣли въ свое распоряженіе нѣсколько комнатъ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ образовался ея первый эрмитажъ, о сосѣдствѣ котораго великій князь не подозрѣвалъ.

Что касается Малороссіи, то, поскольку трудныя обязанности хозяина дома, гостепріимнаго съ трехъ сторонъ, оставляли ему досуга, Кириллъ проявилъ благія намѣренія, испытывая тамъ свои силы въ качествѣ администратора. Онъ даже заботился о проведеніи реформъ въ духѣ справедливости и кротости, соотвѣтствовавшихъ его благодушному нраву. Однако, страна не извлекла изъ того никакой пользы. Кириллъ былъ добръ, но поддавался вліянію развращенныхъ окружающихъ и жадной родни [2]).

---

[1]) Очеркъ Герасимова въ „Историческомъ вѣстникѣ", февраля 1898 г.

[2]) Лазаревскій, „Очерки изъ исторіи Малороссіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ „Русскій Архивъ" 1873 г.,

Я уже разсказывалъ [1]) о послѣдующихъ перипетіяхъ и окончаніи его карьеры, относящихся къ царствованію Екатерины II. Имени и состоянію человѣка, вознесеннаго такимъ образомъ на вершину человѣческаго благоденствія, не суждено было долговременное пребываніе въ Россіи. Еще обогатившійся послѣ смерти брата, Кириллъ оставилъ въ 1803 г. одиннадцать человѣкъ пережившихъ его дѣтей, но теперь у послѣднихъ представителей этой фамиліи, извлеченной прихотью Елизаветы изъ ничтожества, проживающихъ въ Саксоніи или Австріи, не осталось никакихъ связей съ родиной.

Милости, какими пользовался Алексѣй Григорьевичъ, длились въ теченіе всей жизни его повелительницы, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, не нарушавшими однако никогда согласія четы. Со свойственнымъ ему духомъ смиренія, старшій Разумовскій никогда не предъявлялъ своихъ правъ, освященныхъ церковью, не противорѣчилъ вкусамъ Елизаветы и не стѣснялъ ея свободу. Повидимому, онъ даже положительно содѣйствовалъ возвышенію И. И. Шувалова, хотя не могъ питать никакихъ иллюзій относительно предстоящихъ послѣдствій. По внѣшности положеніе его оставалось неизмѣннымъ. Елизавета продолжала проводить ежегодно по два, по три дня въ Гостилицахъ и праздновать именины Алексѣя Григорьевича въ Аничковскомъ дворцѣ. Но уже въ 1751 г. разнеслась поразительная вѣсть, что украинскій управитель и правая рука Алексѣя Григорьевича арестованъ и находится въ несогласіяхъ съ тайной канцеляріей.

Всѣ поняли сразу, что создался новый порядокъ вещей и миновали времена, когда Салтыковы безропотно переносили побои фаворита.

До и послѣ случая—какъ тогда говорилось—Ивана Шувалова у Алексѣя Григорьевича были многочисленные сопер-

[1]) *Вокругъ трона.*

ники. Въ 1742 г. Мардефельдъ указывалъ на Ивинскаго; годъ спустя д'Алльонъ сообщалъ о Панинѣ, коверкая имя, въ то время мало извѣстное; Долгоруковъ въ своихъ запискахъ услужливо перечисляетъ Петра Шувалова, Романа и Михаила Воронцовыхъ, Сиверса, Лялина, Войчинскаго, Мусина-Пушкина,—цѣлый батальонъ. Карлъ Сиверсъ, принадлежавшій къ семьѣ родомъ изъ Голштиніи, одинъ изъ членовъ которой поступилъ на службу въ Россію при Петрѣ Великомъ, былъ сначала оцѣненъ камеръ-фрейлинами Елизаветы, еще цесаревны, собиравшимися танцовать у одного нѣмца, содержателя кабачка. Молодой человѣкъ тамъ игралъ на скрипкѣ. Будущая императрица приняла его къ себѣ на службу въ качествѣ почтальона, затѣмъ заставляла его исполнять различныя обязанности и послѣ своего восшествія на престолъ вознаградила званіемъ камеръ-юнкера. Онъ отправился въ Берлинъ въ качествѣ таковаго, чтобы посмотрѣть на принцессу Ангальтъ-Цербтскую, сдѣлалъ благопріятное донесеніе относительно будущей Екатерины II и тѣмъ открылъ себѣ путь къ блестящей карьерѣ. Лялину удалось обратить на себя вниманіе на одной изъ лодокъ, служившихъ цесаревнѣ для прогулокъ. Матросскій костюмъ къ нему шелъ, и гребъ онъ сильно. Умеръ онъ въ 1754 г. въ званіи камергера кавалеромъ ордена Александра Невскаго. Сынъ кучера, служившаго Екатеринѣ I, и удостоившійся чести быть кучеромъ ея дочери Войчинскій обнаружилъ неизвѣстно какіе таланты, чтобы получить возможность сойти съ козелъ и также занять придворную должность. Если вѣрить скандальной хроникѣ той эпохи,— а я заимствую у нея только свѣдѣнія, подтвержденныя многочисленными и единогласными свидѣтельствами,— Мусинъ-Пушкинъ былъ въ дѣйствительности двоюроднымъ братомъ Елизаветы, отъ которой,—если опять-таки вѣрить Долгорукому, свидѣтелю сомнительному,—онъ имѣлъ сына,

сначала называвшагося Федоровымъ, а потомъ превратившагося въ Турчанинова, послѣ женитьбы, по приказу, на дочери дворянина, носившаго такую фамилію [1]). Мардефельдъ испещрялъ свою переписку съ Фридрихомъ множествомъ анекдотовъ подобнаго рода и передавалъ со всѣми подробностями исторію безконечнаго ряда кратковременныхъ связей, начинавшихся и кончавшихся во время безпрестанныхъ переѣздовъ, въ которыхъ Елизавета находила исходъ своей подвижности и искала развлеченія отъ скуки, и гдѣ, отдыхая въ палаткѣ, ничего не имѣла противъ нарушителя своего сна, „воображая, что самъ богъ садовъ являлся за ней поухаживать" [2]). Мардефельдъ, можетъ быть, допускалъ преувеличенія; но слишкомъ много народа поддерживало его, чтобъ историкъ пропустилъ его свидѣтельство безъ вниманія.

Кромѣ того, нѣкоторые изъ такихъ анекдотовъ имѣли офиціальные отголоски. Такъ напр., приключеніе 1751 г. чуть не погубило начинавшуюся карьеру Шувалова. Воспитанники кадетскаго корпуса играли въ этомъ году трагедію Сумарокова. Главная роль исполнялась молодымъ Н. Н. Бекетовымъ. Онъ появился въ великолѣпномъ нарядѣ, сначала игралъ довольно хорошо, потомъ сталъ путать, забывать роль и, наконецъ, уснулъ на сценѣ глубокимъ сномъ.

Занавѣсъ сталъ опускаться; по знаку императрицы его снова подняли, музыканты заиграли нѣжную мелодію, и Елизавета улыбающаяся, съ глазами блестящими и влажными любовалась задремавшимъ актеромъ. Сейчасъ же по залѣ разнесся шопотъ: „Она его одѣвала!.." На слѣдующій день не

[1]) Долгоруковъ, Записки, d'Aubigny; вышеупомянутые неизданные мемуары; Мардефельдъ королю, 12-го февраля 1742 г. Берлинскій Архивъ.

[2]) Текстъ невозможный для передачи „строго секретной", депеши королю отъ 25-го декабря 1742 г., а также депеши отъ 12-го февраля, 9-го марта и 13-го апрѣля 1743 г. Берлинскій Архивъ.

оставалось больше сомнѣній при извѣстіи, что спящій красавецъ произведенъ въ сержанты. Нѣсколько дней спустя, покинувъ кадетскій корпусъ, онъ получилъ чинъ майора. Либреттистамъ „Герцогини Герольштейнской“ не пришлось прибѣгать къ вымыслу. Черезъ мѣсяцъ по просьбѣ Бестужева, Алексѣй Разумовскій, котораго Екатерина въ это время уже называла „бывшимъ фаворитомъ“, взялъ юношу къ себѣ адъютантомъ, а жена другого его адъютанта, г-жа Елагина, позаботилась о томъ, чтобы одѣть его въ тонкое бѣлье и кружева. На Бекетовѣ появились драгоцѣнные перстни, бриліантовыя пуговицы, великолѣпные часы, и такъ какъ онъ былъ изъ бѣдной семьи, общественное мнѣніе безъ колебаній приписало такое быстрое повышеніе въ чинахъ и такую роскошь новому случаю. Однако, оно отчасти ошибалось. Дѣйствительно, Елизавета одѣвала исполнителя сумароковской трагедіи, но дальнѣйшія попеченія объ его гардеробѣ принадлежали не ей. Такую заботливость проявилъ Бестужевъ, который, столкнувшись съ Шуваловымъ на почвѣ политической, рѣшилъ найти ему соперника.

Хитрость вначалѣ повидимому удалась. Произведенный въ маѣ 1751 г. въ полковники, Бекетовъ получилъ квартиру во дворцѣ, а Шуваловъ покинулъ Петербургъ. Дачной жизни въ Петергофѣ суждено было, казалось, завершить удачу новаго фаворита. Однако, она его погубила, разбивъ надежды канцлера. Бекетовъ, любитель музыки и поэзіи, почувствовалъ себя вдохновленнымъ чистымъ сельскимъ воздухомъ и красотой видовъ. Ему доставляло удовольствіе слышать исполненіе романсовъ своего сочиненія молодыми людьми, которыхъ онъ уводилъ для спѣвокъ въ паркъ. Частое повтореніе такихъ прогулокъ навлекло на него обвиненіе въ порочныхъ нравахъ, распространенное родственниками и друзьями Шувалова, и покрыло его веснушками, чѣмъ вздумалъ воспользо-

ваться Петръ Шуваловъ, чтобы погубить неосторожнаго артиста. Онъ смутилъ Бекетова замѣчаніемъ относительно цвѣта лица, свѣжесть котораго такъ цѣнила Елизавета, и посовѣтовалъ ему мазь собственнаго изготовленія, усѣявшую прыщами лицо Адониса. Въ то же время Елизавета была предупреждена относительно опасности, угрожавшей ея здоровью. Испуганная, она покинула Петергофъ, запретивъ Бекетову слѣдовать за собой. Онъ схватилъ горячку и словами, вырвавшимися у него въ бреду, испортилъ окончательно свое уже пошатнувшееся положеніе. По выздоровленіи ему предложили оставить дворъ „за неприличное поведеніе". Онъ сохранилъ чинъ полковника и при Цорндорфѣ командовалъ четвертымъ гренадерскимъ полкомъ; при Петрѣ III былъ произведенъ въ генералы, а при Екатеринѣ II назначенъ астраханскимъ губернаторомъ. Хорошій администраторъ, онъ покровительствовалъ разведенію виноградниковъ, шелководству, рыбной ловли и развитію торговли съ Персіей. Выйдя въ отставку, въ 1780 г., жилъ уединенно, но роскошно въ помѣстьѣ Отрада, близъ Царицына, полученномъ въ подарокъ отъ Елизаветы, утѣшаясь въ грусти, никогда его не покидавшей, литературными занятіями, плоды которыхъ до насъ не дошли. Считаютъ, что рукопись „Эдипа" его сочиненія была уничтожена пожаромъ. Онъ не былъ женатъ и оставилъ состояніе, исчислявшееся въ сто тысячъ дохода, незаконнымъ дочерямъ. Елизавета не останавливалась на половинѣ, даже когда встрѣчала противорѣчіе своимъ природнымъ склонностямъ [1]).

---

[1]) Портретъ Бекетова сохраняется въ галереѣ П. Щукина въ Москвѣ и былъ помѣщенъ съ монографіей П. Щукина въ „Библіографическихъ замѣткахъ" 1879 г. См. также Бантышъ-Каменскаго „Біографіи русскихъ генералиссимусовъ и фельдмаршаловъ", и *Записки* Екатерины.

Послѣ траги-комической развязки этого приключенія И. Шуваловъ не замедлилъ снова появиться при дворѣ и занять свое прежнее мѣсто. Но біографія этого фаворита не помѣстилась бы въ этой главѣ. Мнѣ приходится отложить ее до слѣдующей, гдѣ можно будетъ ярче освѣтить его политическую роль. Здѣсь же я намѣреваюсь исключительно придерживаться обстоятельствъ, вырисовывающихъ въ различныхъ видахъ обликъ непостоянной, но въ то же время вѣрной государыни, чьи милости служили предметомъ такой борьбы.

До сихъ поръ я старался разоблачить всѣ ея женскія стороны; но подъ женщиной очаровательной или приводящей въ смущеніе, вызывающей восхищеніе или осужденіе, всегда привѣтливой и привлекательной, была ли императрица? Постараюсь въ этомъ разобраться.

IV.

Способности и политическая роль.

Прежде всего, въ ней была дочь Петра Великаго, преисполненная заботы, въ особенности вначалѣ, сдѣлать честь имени, которое она носила, и наслѣдію, которое себѣ потребовала. Преклоненіе ея передъ своимъ славнымъ отцомъ доходило до пустяковъ, заставляло ее подписываться „Михайлова" подъ нѣкоторыми изъ своихъ писемъ, на томъ основаніи, что Петръ,—какъ читатели помнятъ,—принялъ этотъ псевдонимъ, путешествуя за границей. Чтобы расширить область такого страстнаго подражанія и распространить его на дѣла болѣе важныя, Елизаветѣ недоставало одного только генія. Взамѣнъ генія она обладала здравымъ смысломъ, хитростью, нѣкоторыми дарами еще болѣе тонкими, напр. искусствомъ — въ которомъ Екатерина достигла совершенства —устанавли-

вать границу, твердо начерченную, зорко соблюдаемую между своими чувствами, даже страстями и интересами. Способъ, какого она придерживалась съ Ла Шетарди, расточая этому другу тяжелаго времени проявленія пріязни и благодарности даже черезмѣрной, сохраняя за нимъ въ обществѣ и въ интимной жизни положеніе обособленное, а въ области политики предавая его злѣйшимъ врагамъ, бывшимъ у него и у Франціи въ Россіи, можетъ служить образцомъ искусства такого рода. Мнѣ предстоитъ еще къ нему вернуться.

Елизавета обладала большимъ умѣньемъ лицемѣрить. Было замѣчено, что она обнаруживала особенную любезность къ человѣку именно въ ту минуту, когда замышляла обречь его немилости или погибели. Но это ужъ общеженская черта.

У Елизаветы было весьма высокое представленіе о своемъ санѣ. Павелъ I словами, сказанными имъ впослѣдствіи: „Нѣтъ въ Россіи важнаго человѣка, кромѣ того, съ которымъ я говорю, пока я съ нимъ говорю", повторялъ лишь старый урокъ. У Елизаветы часто вырывались подобныя выраженія. Такъ, напримѣръ, по поводу великаго канцлера, титулъ котораго назвали въ ея присутствіи, она заявила: „*Великаго* въ моемъ государствѣ только моя особа и великій князь. Да и тотъ еще только *тѣнь*" [1]). И это чувство, вполнѣ искреннее, было у нея менѣе личнымъ, чѣмъ у Петра I. Она отожествляла себя въ немъ со своимъ народомъ, видя въ немъ нѣчто высшее надъ всѣми соизмѣримыми величинами и смотря на себя, какъ на его олицетвореніе въ глазахъ міра. Но она понимала, что такое отожествленіе было лишь случайнымъ и кратковременнымъ, и не проявляла относительно будущаго высокомѣрнаго равнодушія своего отца. Мысль о престолонаслѣдіи ее постоянно

---

1) Русскій дворъ въ 1761 г. „Русская Старина".

безпокоила, и невозможность его лучше обезпечить приводила въ отчаянье. При меньшей гордости у нея было болѣе вѣрное сознаніе своей роли и своихъ обязанностей, и болѣе дѣйствительная любовь къ родинѣ. Она ее любила, ею гордилась и, среди испытаній наиболѣе жестокихъ, не была способна измѣнить ея интересамъ.

Въ 1746 г., въ то время, когда д'Альонъ не могъ похвалиться отношеніемъ къ себѣ государыни, онъ замѣтилъ справедливо, съ извѣстнымъ недоброжелательсвомъ, придающимъ его словамъ еще больше убѣдительности, эти незыблемыя точки опоры склада умственнаго и нравственнаго, подверженнаго въ глазахъ менѣе внимательнаго наблюдателя всевозможнымъ прихотямъ и случайностямъ: „Императрица, все такъ же прекрасная, безконечно привѣтливая, соединяетъ всѣ вообразимыя прелести съ видомъ необыкновенной важности и величія. Обладая свѣтлымъ умомъ и проницательностью, она могла бы безъ затрудненій составить счастье своего народа... если бы умѣла согласовать свою любовь къ удовольствіямъ съ обязанностями государыни. Рожденная подъ этими широтами, она въ силу необходимости должна быть скрытной и подозрительной. Всѣ ея дѣйствія проникнуты необычайной гордостью. Франція испытала на себѣ, что чувство благодарности невѣдомо императрицѣ. Она не обнаруживаетъ предпочтенія ни къ одной иностранной націи; очень любитъ свой народъ и еще болѣе его боится".

Пятнадцать лѣтъ спустя французскій авторъ мемуаровъ, появившихся до сихъ поръ только по-русски [1]), пришелъ къ такому убѣжденію. Разсказавъ о внѣшнихъ привычкахъ, присущихъ Елизаветѣ, ея пристрастіи къ французскимъ модамъ и изяществу и о заключеніи, какое отсюда можно вывести

---

[1]) „Русская Старина".

относительно ея чувствъ, онъ добавляетъ: „Въ дѣйствительности она любитъ только русскій народъ и любитъ его почти фанатично, считая его величіе связаннымъ со своимъ собственнымъ“.

Фанатично! Слово это слѣдуетъ запомнить, потому что въ немъ, по моему мнѣнію, заключается единственное возможное объясненіе необыкновеннаго явленія, неподдающагося никакому иному историческому толкованію. Я говорю о политическомъ величіи Россіи, сохранившемся и даже усилившемся среди обстоятельствъ, по внѣшности неизбѣжно клонившихся къ его разрушенію. Здѣсь является неисчерпаемый источникъ энергіи и стойкости, и, благодаря имъ, несмотря на внѣшній безпорядокъ, видимое неустройство, предполагаемое ничтожество, когда при государынѣ, подобной Елизаветѣ разбивались, разрушались и распадались существеннѣйшіе органы всего правительства, не только поддерживалась жизнь въ организмѣ, созданномъ Петромъ Великимъ, и продолжалось развитіе этого организма, но его сила окрѣпла настолько, что сдѣлала его способнымъ наносить мощные удары, потрясавшіе всю Европу.

Безпечность Елизаветы и беззаботное отношеніе къ дѣламъ послѣ восшествія на престолъ постепенно принимали все большіе размѣры. Выше я говорилъ о преисполнявшемъ ее сознаніи своихъ обязанностей. Прошу не обвинять меня въ противорѣчіи въ данномъ случаѣ. Сознаніе и исполненіе не отожествляются даже въ примѣненіи къ одному и тому же предмету, а въ исторіи, неизмѣнной женственности *„video meliora proboque deteriora sequor“* Медеи отвѣдено вѣчное мѣсто. Кромѣ того, біографы дочери Петра Великаго, изображавшіе ее всецѣло предоставившей заботы о дѣлахъ министрамъ и фаворитамъ, грѣшили противъ истины. Такого

безусловнаго отреченія никогда не существовало. Возможное, даже при самодержавномъ образѣ правленія, въ извѣстныхъ зачаточныхъ фазахъ, переходныхъ стадіяхъ своего существованія,—что доказалъ Петръ II,—подобное обезличенье было уже немыслимо послѣ Анны Іоанновны, при правительствѣ установившемся, превратившемся въ организмъ законченный, живой и дѣятельный. Такого рода организмы не могутъ обходиться безъ двигающаго центра, а при самодержавномъ образѣ правленія такимъ центромъ является государь. Онъ составляетъ существенный принципъ жизни и органъ движенія.

Въ началѣ царствованія Елизавета проявила даже усиленную дѣятельность. Правда, съ 1741 г. по 1742 г. она всего семь разъ присутствовала на засѣданіяхъ Сената; но, пріѣзжая въ одиннадцать, а иногда и въ девять часовъ утра, слѣдила за преніями до обѣда. Съ 1742 г. по 1743 г. журналъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ указываетъ на ея постоянное вмѣшательство въ обсуждавшіяся тамъ дѣла. Ей посылались почти ежедневныя донесенія. Она дѣлала на нихъ помѣтки, читала также черновики депешъ, отсылаемыхъ ея заграничнымъ агентамъ, и писала на нихъ замѣчанія, отдавала свои приказанія. Еще въ 1748 г. мы находимъ ея собственную надпись на поляхъ донесенія, поданнаго ей Бестужевымъ. Рѣчь шла о предлагаемомъ бракѣ между принцемъ Августомъ Голштинскимъ и принцессой Луизой Датской, сестрой короля. Канцлеръ высказывался въ благопріятномъ смыслѣ. Принцъ такимъ образомъ скорѣе получитъ епископство Любекское, страстно желаемое Пруссіей, а Данія вынуждена будетъ дѣйствовать сообща съ Россіей противъ Швеціи. Елизавета высказала противоположное мнѣніе: „Слѣдуетъ обдумать. Мы знаемъ этого принца, котораго можно повернуть во всѣ стороны. Нѣтъ ли тутъ, наоборотъ, прусской

или французской интриги, чтобы поссорить насъ съ Даніей? Приходите, мы объ этомъ потолкуемъ [1])". Слѣдовательно, она не подчинялась взглядамъ своихъ министровъ и свои рѣшенія не высказывала необдуманно. У нея были собственныя мнѣнія, и она умѣла на нихъ настоять, когда находила ихъ правильными: предположеніе о бракѣ было оставлено.

Однако, уже въ 1742 г. тотъ же самый Бестужевъ горько жаловался саксонскому посланнику Пецольду на беззаботность и разсѣянность ея величества. „Она хочетъ быть въ курсѣ всѣхъ дѣлъ: требуетъ даже, чтобы ничего не рѣшалось безъ ея вѣдома. Затруднительно только устраивать серьезныя пренія, въ которыхъ она желаетъ принимать участіе, среди легкомысленныхъ занятій, какимъ предается. Донесенія ждутъ ея замѣчаній, распоряженія... подписей; начатые переговоры требуютъ ея вмѣшательства; ее умоляютъ о просмотрѣ, ожидаемой подписи, рѣшительномъ словѣ, безъ чего нельзя обойтись, и ничего не могутъ отъ нея добиться; переписки скопляются, запозданія присоединяются къ осложненіямъ, и возобновленіе договора съ Пруссіей, не терпящее отлагательствъ, договоръ съ Англіей, грозящій разстроиться, постоянно откладываемый отвѣтъ на десять *„промеморій"* австрійскаго посланника, грозящихъ разрывомъ, — все въ застоѣ [2])".

Тутъ мы напали на слѣдъ истинной причины, мѣшавшей дочери Петра Великаго согласовать свои поступки съ чувствами: ей некогда. Не имѣя необходимости подобно отцу все дѣлать самостоятельно, надъ всѣмъ трудиться собственными руками, она могла бы ограничиться нѣсколькими часами въ день, чтобы поставить въ печь или вынуть оттуда хлѣбъ, за-

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1863 г. Воронцовскій архивъ.

[2]) „Сборникъ".

мѣшанный другими съ большимъ или меньшимъ искусствомъ и ловкостью. Но откуда взять эти часы? Она то на балу, то на охотѣ, то за туалетомъ, то въ церкви; хлопочетъ, суетится, бѣгаетъ, тратитъ силы въ непрерывной оргіи движенія и удовольствія. Она неуловима. У нея не хватало времени, а также возможности напрячь и сосредоточить свое вниманіе среди вихря, увлекавшаго ея жизнь. Въ январѣ 1743 г. д'Альонъ справился у нея о судьбѣ важнаго документа, касавшагося ея личной безопасности, который она пожелала сама препроводить въ Швецію.

— Что отвѣчали изъ Стокгольма?

— Ахъ! вѣдь я забыла его отослать.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ французскій посланникъ подошелъ къ государынѣ на костюмированномъ балу, чтобы побесѣдовать съ ней о дѣлѣ, повидимому ее сильно заинтересовавшемъ.

Сначала она его слушала, но вскорѣ онъ замѣтилъ, что ея мысли далеко. „Ее зоветъ домино". И она исчезла [1])

Въ вопросахъ жизни внутренней —такое же стремленіе все знать, входить во всѣ, даже въ самыя мельчайшія подробности, разбивающееся о тѣ же препятствія. Въ продолженіи всего 1746 г., каждый разъ, встрѣчаясь съ прокуроромъ Св. Синода Шаховскимъ,—а видала она его по нѣсколько разъ въ недѣлю,—она извинялась: „Простите! я забыла о вашемъ дѣлѣ!.." [2]) А между тѣмъ дѣла Синода она принимала особенно близко къ сердцу.

Въ мартѣ 1742 г., покидая Петербургъ въ первый разъ послѣ восшествія на престолъ, она безпокоилась, ее охватывали тревожныя сомнѣнія; она даже плакала, садясь въ сани.

---

[1]) Д'Альонъ, 19-го января, 26-го февраля 1743 г. Иностр. дѣла.

[2]) Соловьевъ, „Исторія Россіи", т. XXII, стр. 112.

Какъ вернется она въ свою столицу? И сможетъ ли вернуться? И все-таки уѣхала, потому что въ Царскомъ ее ожидалъ балъ, и вечеромъ она безъ памяти танцовала [1]).

Если Сенату или коллегіи иностранныхъ дѣлъ удавалось завладѣть среди безпрерывныхъ странствованій ею и ея умомъ, напоминавшимъ блуждающій огонекъ, она ускользала какимъ-нибудь непредвидѣннымъ путемъ, уклонялась въ сторону. Какъ Синодъ въ области внутреннихъ дѣлъ, такъ въ области внѣшнихъ дѣлъ ей дорога была Голштинія, и разговоромъ на эту тему можно было навѣрное разсчитывать возбудить въ ней интересъ. Но сейчасъ же она вспоминала о бриллiантахъ, данныхъ въ приданое за ея сестрой, покойной герцогиней Голштинской. Они исчезли, и она требовала, чтобы ихъ разыскали. Рѣчь шла о заявленіи притязаній на шведскій престолъ для герцога Голштинскаго. „Прежде всего бриллiанты! Она желаетъ знать, куда они дѣвались“ [2]).

Впрочемъ, коллегія иностранныхъ дѣлъ ухитрялась какимъ-то образомъ заниматься покупкой бриллiантовъ для государыни, а канцеляріей Сената принимались мѣры для воспитанія двухъ медвѣжатъ, предназначенныхъ для забавы ея величества. Ихъ учили ходить на заднихъ лапахъ и прыгать черезъ палку. Другіе указы, тамъ же составленные тайнымъ совѣтникомъ барономъ Черкасовымъ, касались провизіи и лакомствъ для стола ея величества: персики, апельсины и устрицы привозились изъ Кронштадта, раки ловились на Украйнѣ, и для ихъ быстрой доставки устроенъ былъ почтовый трактъ между Батуринымъ и Петербургомъ [3]).

А пока раки доставлялись, поднимался общій хоръ жалобъ въ канцеляріи Сената, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ

---

[1]) Мардефельдъ королю, 10-го марта 1742 г. Берлинскій Архивъ

[2]) Протоколы коллегіи иностр. дѣлъ. Воронцовскій Архивъ.

[3]) П. Щукинъ, „Документы“.

и посольствъ и все разростался до самого конца царствованія. Кромѣ Шаховского, воспроизведшаго слабые отголоски его въ своихъ запискахъ, коллеги барона Черкасова не повѣдали потомству тайну своего нетерпѣнія и досады; но коллеги д'Алльона проявили меньшую скромность, и мнѣ такимъ образомъ удалось собрать рядъ уликъ, положительно убійственныхъ для памяти черезчуръ легкомысленной государыни.

„Она ненавидитъ работу, и *цѣлая опера* (подлинное выраженіе), заставить ее, всецѣло поглощенную удовольствіями, подписать какой-либо приказъ или письмо", пишетъ Мардефельдъ въ мартѣ 1742 г. „Во всемъ царитъ полный хаосъ, ни одно дѣло не закончено и не отправлено"...

Въ то же время посланникъ Маріи-Терезіи, Гогенхольцъ, приходилъ въ отчаянье, что не могъ добиться аудіенціи. Императрица переѣзжала изъ одного загороднаго дворца въ другой, и не было возможности ее догнать.

„У насъ нѣтъ никакой заботливости о дѣлахъ; балы, маскарады и опера поглощаютъ всѣ наши мысли", жаловался англичанинъ Тироули въ 1844 г.

Въ ноябрѣ 1747 г. ждали заключенія договора съ Австріей, т.-е. подписи государыни на документѣ, всѣ статьи котораго уже давно ею одобрены. Оставалось всего начертать нѣсколько буквъ. Но ея величество поглощено было празднествами, устраиваемыми ею по случаю свадьбы ея двоюродной сестры Гендриковой съ Соймоновымъ, человѣкомъ ничтожнымъ, возведеннымъ по этому случаю въ званіе камеръ-юнкера и получившимъ чинъ бригадира. Расчитывали на постъ, который прекратитъ балы и маскарады. Катастрофа и разочарованіе! Едва женившись, Соймоновъ билъ жену, затѣмъ добрался до дѣвицы Шмидтъ, которую обвинялъ въ томъ, что она не сумѣла уберечь добродѣтель своей бывшей воспитательницы. Гнѣвъ

Елизаветы, арестъ виновнаго и новая потеря времени [1]). Въ 1750 г., бесѣдуя съ другимъ посланникомъ Маріи-Терезіи, графомъ Бернесомъ, которому тоже не удалось представиться государынѣ, Бестужевъ не могъ удержать накопившуюся въ немъ горечь. „Вы находите, что въ моемъ вѣдомствѣ дѣла идутъ плохо?—говорилъ онъ.—Если бы вы видѣли, что творится въ другихъ! Довѣріе, какимъ облекла меня государыня, съ этой стороны еще отчасти помогаетъ горю. Во всемъ остальномъ полное разрушеніе государства. Если бы ея величество удѣляла управленію своей имперіи сотую часть того времени, которое посвящаетъ дѣламъ ваша государыня, я былъ бы счастливѣйшимъ изъ людей. Но при такомъ положеніи мое терпѣніе подходитъ къ концу, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я окончательно рѣшилъ подать въ отставку“ [2]).

Положимъ, что послѣднее признаніе дѣлаетъ подозрительнымъ всѣ предыдущія. И преемнику графа Бернеса, барону Претлакъ, истина отношеній, создавшихся между Елизаветой и ея первымъ министромъ, представлялась въ совсѣмъ иномъ свѣтѣ. Ему казалось, что въ дѣйствительности общая небрежность была слѣдствіемъ собственной лѣности канцлера и снисходительности, съ какой онъ поощрялъ страсть государыни къ развлеченіямъ, вполнѣ соотвѣтствовавшую его личнымъ привычкамъ къ разгулу. Но, послѣ двухлѣтняго опыта, ему пришлось все-таки убѣдиться, что императрица не посвящала въ день и четверти часа на дѣла [3]).

---

[1]) Хиндфордъ Штейнбергу, Петербургъ, 21-го ноября 1747 г. Borkovsky.

[2]) Бернесъ Улефельду, 30-го сентября 1750 г. Вѣнскій Архивъ.

[3]) Ему же Претлакъ, 16-го декабря 1651 г.; Маріи Терезіи 4-го февраля 1753 г. Вѣнскій Архивъ.

Въ 1758 г., послѣ удаленія Бестужева, его соперникъ и счастливый замѣститель, Воронцовъ, говорилъ съ маркизомъ Л'Опиталемъ почти въ томъ же духѣ: „Вы не можете себѣ представить, какія затрудненія я испытываю, благодаря нерѣшительности и медленности ея величества императрицы... Хотя я думаю, что въ тотъ вечеръ, когда васъ вижу, дѣло кончено, но не рѣшаюсь вамъ объ этомъ сказать, зная изъ опыта, что на слѣдующій день все мѣняется" [1]).

Съ годами къ внѣшнимъ причинамъ, отдалявшимъ государыню отъ всякихъ серьезныхъ занятій, безпрестаннымъ переѣздамъ и постоянному расточенію дѣятельности на разные пустяки прибавилась внутренняя причина, существовавшая уже ранѣе, но теперь постепенно усиливавшаяся, благодаря развитію извѣстныхъ задатковъ характера, указанныхъ выше: лѣности, нерѣшительности, наклонности къ суевѣрію и заботы, доходящей до крайности, до болѣзненности, о красотѣ и здоровьи, все болѣе увядающихъ. По свидѣтельству Воронцова, благодаря безпечности и колебаніямъ, Елизавета чуть не упустила случая овладѣть престоломъ. Приключеніе съ осой, усѣвшейся на перо императрицы въ ту минуту, когда она подписала первыя буквы своего имени подъ договоромъ 1746 г., заключеннымъ съ Австріей, что заставило отложить окончаніе подписи на шесть недѣль, общеизвѣстно—и типично, допустивъ даже, что его выдумалъ маркизъ де-Бретейль [2]). Къ концу царствованія анекдоты подобнаго рода умножаются до безконечности въ современныхъ легендахъ. Болѣзнь ума, на которую они указываютъ, очевидно усиливается. „Она (Елизавета) рождена лѣнивой, нерѣшительной и непригодной для великихъ дѣлъ", писалъ въ это время

---

[1]) Л'Опиталь Бернесу 30-го ноября 1758 г.

[2]) Шуазелю, 21-го августа 1760 г. Иностр. дѣла.

Л'Опиталь. „Она не вѣдаетъ дѣйствительныхъ интересовъ своего государства и живетъ изо-дня въ день, поглощенная своимъ здоровьемъ и красотой, съ каждой минутой отъ нея ускользающей... Она начинаетъ приходить въ отчаяніе отъ своего состоянія. Ожидаетъ каждую минуту, какъ бы не случилось съ ней чего дурного. Предается порывамъ набожности, все сильнѣе погружающимъ ее въ уныніе... Ее стараются развлечь, но она отказывается отъ всего и предпочитаетъ оставаться у себя. Полна сомнѣній и ханжества. Сегодня очередь одного святого, а завтра другого. Окружена мощами и образами. Стоитъ передъ какимъ-нибудь изъ нихъ по цѣлымъ часамъ... съ нимъ разговариваетъ, съ нимъ совѣтуется. Пріѣзжаетъ въ оперу въ одиннадцать часовъ вечера, ужинаетъ въ часъ, ложится въ пять и предоставляетъ бразды правленія на волю случая... Всѣ дѣла брошены на произволъ судьбы. Окруженная льстецами и невѣждами, постоянно воскуряющими ей ѳиміамъ, она никакъ не можетъ привыкнуть къ мысли, что теряетъ мало-по-малу красоту, которую поддерживаетъ всѣми силами, всѣми средствами и ухищреніями искусства. На это занятіе она тратитъ безконечное время; доступъ къ ней открывается лишь послѣ того, какъ ея туалетъ и уборъ заслужили одобреніе ея дамъ и зеркала“ [1]).

Начиная съ 1758 г., здоровье Елизаветы являлось предметомъ безпокойства для нея, для окружающихъ, для всего европейскаго міра. „Малѣйшая дурнота ей кажется ударомъ“, опять замѣчаетъ Л'Опиталь. „У нея ячмень на глазу, и все дипломатическое движеніе континента замираетъ. У нея истерическій припадокъ, и исчезаетъ надежда заинтересовать ее вопросами, ожидающими отъ нея разрѣшенія, потому что „все сдѣлалось

---

[1]) Бернесу, 10-го августа, 14-го октября и 30-го ноября 1758 г., 6-го января 1759 г., 5-го сентября 1760 г. Иностр. дѣла.

для нея почти безразличнымъ“ [1]) Она оставила безъ отвѣта два собственноручныхъ письма Людовика XV; послѣ опалы Бестужева и процесса, явившагося ея неизбѣжнымъ слѣдствіемъ, обвиняемые, осужденные и оправданные содержатся въ тюрьмѣ цѣлые мѣсяцы, ожидая рѣшенія своей судьбы. Воронцовъ, остававшійся всегда, въ счастливые и тяжелые дни, другомъ и самымъ довѣреннымъ лицомъ государыни, самъ Воронцовъ, сдѣлавшись канцлеромъ, потерялъ къ ней доступъ. Онъ сталъ бы говорить съ ней о дѣлахъ [2]). Если удается завести о нихъ разговоръ, пытаясь открыть ей глаза на всевозможные безпорядки, какіе создаетъ ея небрежность во всѣхъ отрасляхъ управленія, она вздыхаетъ: „Боже мой, какъ меня обманываютъ!“ и возвращается къ туалетному столу, къ бесѣдѣ со святыми или къ своему оцѣпенѣнію.

Но что сталось съ государствомъ при такой государынѣ? Читатели знаютъ, и еще лучше ознакомятся съ этимъ на слѣдующихъ страницахъ. Оно развивало элементы силы, обратившіе его въ настоящее время въ одну изъ могущественнѣйшихъ державъ на земномъ шарѣ; продолжало медленное, но безостановочное движеніе, указанное ему Петромъ по пути цивилизаціи. „Въ Россіи заискивала Англія, за ней ухаживала Австрія и Франція, оно устремило въ Германію войско, пошатнувшее положеніе Фридриха. Какимъ образомъ? Какимъ чудомъ? Я уже указывалъ. Силой источника жизненной энергіи, общаго государынѣ и ея подданнымъ, вознаграждавшаго за безпечность съ той и другой стороны и собиравшаго вокругъ трона людей ума, энергіи и воли, способныхъ поддержать существенный принципъ власти и дѣятельности. Неистощимая сила зиждилась въ прошломъ, полномъ преданій, будущемъ, полномъ обѣщаній, охватывала молодой, крѣпкій

---

[1]) Бретейль Шуазелю, 7-го ноября.

[2]) Эстергази Кауницу, 8-го октября 1758 г. Вѣнскій архивъ.

и склонный къ мистицизму народъ атмосферой героизма, поддерживая наиболѣе слабыхъ, порочныхъ и низкихъ и, несмотря на всѣ недочеты, прорѣхи и предательства, вознося на должную высоту служеніе, преклоненіе, фанатичное почитаніе общаго идеала.

Изучая эпоху, непосредственно предшествовавшую мною здѣсь описываемой, я уже имѣлъ случай указывать на это объясненіе. Его сочли за метафизику. Названіе для меня безразлично, о правильности его предоставляю судить философамъ. Мои же собственныя соображенія въ этомъ отношеніи лишь не допускаютъ возможности существованія факта безъ причины. Фридрихъ, не бывшій метафизикомъ и принимавшій въ расчетъ только вещи осязаемыя, былъ увѣренъ, что тридцать или сорокъ тысячъ пруссаковъ, подъ начальствомъ такого полководца, какъ онъ, должны разбить, хотя двойное количество русскихъ подъ командой Салтыкова. Онъ ошибся и умеръ, не понимая, какъ и почему машина, такъ плохо обслуживаемая, какъ государство Елизаветы, могла одержать побѣду надъ столь усовершенствованнымъ могущественнымъ механизмомъ, какъ Пруссія. Историку наиболѣе скромному дозволено расширить точку зрѣнія хотя бы и великаго мужа, если онъ завѣдомо былъ близорукъ и имѣлъ ограниченное поле зрѣнія.

Кромѣ того, исторія Россіи въ фазисахъ, съ которыми я уже познакомилъ читателя, доказала намъ тотъ фактъ, что на практикѣ самодержавный образъ правленія и единоличная власть не синонимы. Даже въ рукахъ лицъ выдающихся, какъ Іоаннъ Грозный, Петръ Великій, Екатерина II и въ другомъ смыслѣ, Павелъ I, такой режимъ допускаетъ уступки, приводящія на дѣлѣ къ раздѣленію полновластія. Такъ, около Петра I былъ Меншиковъ, около Екатерины II будетъ Потемкинъ. Но на протяженіи двухъ вѣковъ, съ восшествіемъ на престолъ

сына Алексѣя, самодержавіе въ такой смягченной формѣ насчитываетъ только шестьдесятъ три года существованія, считая его осуществленнымъ царствованіями самого Петра, правильно организованной іерархіей власти, потомъ вслѣдствіе Екатерины и Павла. Остальное время, сначала за отсутствіемъ произвольнаго переустройства этихъ органовъ, взамѣнъ прихотей фаворитизма, Россія представляла изъ себя страну, гдѣ личная иниціатива государя чувствовалась менѣе всего, хотя номинальнс все должно было бы зависѣть отъ нея и въ дѣйствительности, даже за отсутствіемъ иниціативы, участіе государя оставалось неизбѣжнымъ въ малѣйшихъ дѣйствіяхъ правительства.

При Елизаветѣ, вначалѣ пріостановленное энергичными наклонностями государыни, такое раздвоеніе самодержавія, въ указанныхъ мною границахъ, быстро упрочилось снова. Къ сожалѣнію, съ одной стороны власть выпала на долю личностей, вообще мало пригодныхъ для роли, какую имъ пришлось играть, а съ другой, она вызвала страстное и жгучее соревнованіе. Вознесенная къ власти горстью людей, во главѣ которыхъ по даровитости и образованности стоялъ Лестокъ, заурядный авантюристъ, ограниченнаго ума и незавидной нравственности, дочь Петра Великаго не имѣла ни средствъ сдѣлать лучшій выборъ, ни возможности подавить соперничество, нарождавшееся вокругъ. Исторія внѣшняя и внутренняя царствованія Елизаветы связана съ этой непрерывной борьбой такъ тѣсно, и главное бойцы, принимавшіе въ ней участіе, такъ неузнаваемо измѣнены создавшейся вокругъ нихъ легендой, что мнѣ кажется необходимымъ возстановить здѣсь ихъ обликъ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію событій, къ которымъ они причастны. Это послужитъ какъ бы эскизомъ, въ сокращенномъ видѣ, всего царствованія. Картина, которую я затѣмъ постараюсь нарисовать, выиграетъ отъ того въ ясности.

ГЛАВА III.

Приближенные государыни.—Дѣятели государственные и военные.

I. Элементъ иностранный и націонализмъ.—Изгнаніе или добровольное удаленіе дѣятелей, заимствованныхъ у сосѣдей.—Нѣкоторыя исключенія.—II. Лестокъ.—Его роль и пріемы.—Лѣкарь и государственный мужъ.—Хорошо оплаченная работа ланцета.—Отношенія къ Елизаветѣ.—Борьба противъ Бестужева.—Грубое обхожденіе съ Елизаветой.—Начало немилости.—Арестъ.—На дыбѣ.—III. Бестужевъ.—Происхожденіе.—Трудные первые шаги.—На службѣ у Англіи.—При дворѣ Анны Іон-а новны.—Въ Копенгагенѣ.—Научныя занятія.—Tinctura inerv Bestuchevi.—Возвышеніе на постъ канцлера.—Характеръ.—Дарованія.—Сотрудники.—Жизнь общественная и частная.—Бестужевъ и Вальполь.—Продажность.—Внѣшность и дѣйствительность.—Власть надъ Елизаветой.—Причины.—Борьба съ Шуваловымъ.—Пораженіе.—Арестъ и процессъ.—Впечатлѣніе въ Европѣ.—Оптическій обманъ.—*Россія на ходуляхъ.*—Послѣдствія катастрофы.—Видимое уменьшеніе могущества.—IV. Шуваловы.—Основаніе общаго возвышенія.—Мавра Егоровна.—Петръ Шуваловъ.—Разносторонняя освѣдомленность.—Государственный мужъ и воинъ.—Національная особенность.—Труды въ области экономической и военной.—Таинственная гаубица.—Нравственность.—Спекуляціи и хищеніе.—Роль общественная.—Александръ Шуваловъ.—Тайная канцелярія.—Иванъ Шуваловъ.—Происхожденіе милости къ нему.—Любовь и набожность.—Обликъ фаворита.—Недостатки и достоинства.—V. Лица второстепенныя.—Дѣятели политическіе.—Канцлеръ Воронцовъ.—Прокуроръ Трубецкой.—Ссора прачекъ.—Ди-

пломаты.—Чернышевъ.—Олсуфьевъ.—Военоначальники.—Поиски генерала.—*Инвалиды и дураки.*—Любезный воинъ.—Апраксинъ.—*Между измѣнникомъ и идіотомъ.*—Ферморъ и Салтыковъ.—Бутурлинъ.—Дѣйствительные герои Семилѣтней войны.

I.

Иностранный элементъ.

Національизмъ, до сихъ поръ признаваемый нѣкоторыми историками главнымъ факторомъ, вознесшимъ Елизавету къ власти, былъ ложью и безсмыслицей. Государыня, такимъ образомъ овладѣвшая престоломъ, прикрывалась именемъ и политикой человѣка, ни въ какомъ случаѣ не бывшаго врагомъ иностранцевъ; а пособники, доставившіе ей корону, назывались Лестокомъ, Шварцемъ, Грюнштейномъ. Но знамя было водружено, приходилось согласовать новое царствованіе съ его цвѣтомъ. И въ первую минуту въ жертву принесли нѣмцевъ, хотя въ скоромъ времени пришлось сожалѣть объ ихъ отсутствіи, а выбрать для нихъ замѣстителей оказалось задачей очень трудной. Достаточно предупрежденные о рискѣ службы въ странѣ, гдѣ Минихи и Остерманы, стяжавшіе славу героевъ, кончали какъ злодѣи, иностранцы отказывались отъ приглашеній. На предложеніе остаться въ Россіи, д'Эонъ отвѣчалъ:—„Благодарю васъ; у меня принципъ держаться подальше отъ Сибири". Почувствовался даже недостатокъ въ академикахъ. И среди офицеровъ многіе изъ тѣхъ, которыми дорожили, послѣдовали примѣру Манштейна. Вмѣстѣ съ нимъ ушелъ и остался въ Пруссіи фельдмаршалъ Кейтъ, убитый впослѣдствіи при Гохкирхенѣ. На долю Австріи достался герой Гохкирхена и Лоозитца, Леси, сынъ графа Петра, покрывшаго себя славой, сражаясь за Россію во время

войны изъ-за польскаго престолонаслѣдія и съ Турціей, а Франція завладѣла будущимъ побѣдителемъ при Бергъ-опъ-Цоомѣ, Левендалемъ [1]). Елизаветѣ удалось заискиваніемъ удержать нѣкоторыхъ у себя. „Развѣ ты меня ненавидишь? Почему же ты хочешь меня покинуть“?—спрашивала она генерала Ливена. „Проси у меня какой-нибудь милости. Ты не получишь отказа“. Онъ остался, и примѣръ его ободрилъ остальныхъ. Два англичанина, генералъ Броунъ и полковникъ Фуллертонъ, принимали участіе въ 1757 г. въ битвѣ, при Гросъ-Егерсдорфѣ и, по нѣмецкимъ источникамъ, рѣшили ея исходъ, что является вопросомъ спорнымъ [2]). При осадѣ Кольберга въ слѣдующемъ году русская артиллерія находилась подъ начальствомъ полковника Фолькерзама, инженерныя войска—подъ начальствомъ полковника Эттингера, пѣхота—бригадира фонъ-Берга, кавалерія—майора Вермилена. Осадными работами руководилъ полковникъ Пёйтлингъ и полковникъ баронъ Лабади. Главнокомандующимъ былъ генералъ Пальменбахъ. Такъ какъ осада крѣпости не увѣнчалась успѣхомъ, несмотря на прибывшаго съ подкрѣпленіемъ полковника Штоффельна, генералиссимусъ Ферморъ, англичанинъ, отдалъ приказъ отступить (8-го октября 1758 г.), сообщенный капитаномъ Шеллингомъ, нѣмцемъ [3]). Ни одного русского имени во всемъ плеядѣ!

Въ области высшаго правительства, царствованіе Елизаветы можетъ быть раздѣлено на три періода, образующихъ, такъ-сказать, три обособленныхъ царствованія. Первый, простирающійся приблизительно до 1745 г., принадлежитъ, преобладающему вліянію Лестока. Второй, продолжающійся до 1751 г., представляетъ изъ себя господство диктатуры въ

---

1) Мардефельдъ королю, 1-е декабря 1743 г. Берлинскій Архивъ
2) Hupels, Neue Miscellaneen, Донесеніе генерала Веймарна
3) Blum, Biographie de Sievers.

лицѣ Бестужева. За нимъ слѣдуетъ побѣдоносная гегемонія Шуваловыхъ. Самъ Бестужевъ былъ иностраннаго происхожденія, и помимо нѣсколькихъ избранныхъ имъ тайныхъ сотрудниковъ, носившихъ имена Санти, Функа и Праса,—итальянца и двухъ нѣмцевъ,—онъ имѣлъ еще офиціальнаго помощника, какимъ самъ состоялъ при Остерманѣ, въ лицѣ Бреверна, опять таки нѣмца. Что касается Лестока, находившагося въ сферѣ политической, подъ вліяніемъ Мардефельда и Ла Шетарди, его замѣстителями или преемниками въ области медицины были Канъ, Бергавъ, Крузе, Бахерахтъ, Гортеры, отецъ и сынъ, Маунсей, Фюссадье и Пуассонье [1]).

Французско-нѣмецкій авантюристъ, скрываемый за кулисами власти, въ самомъ дѣлѣ обозначаетъ возвратъ къ программѣ Петра Великаго, такъ же, какъ возвышеніе Шуваловыхъ знаменуетъ прогрессъ дѣйствительной эволюціи, въ духѣ націонализма. Таково свойство человѣка, доставляющее ему возможность путемъ внушенія создавать изъ фикціи дѣйствительность. Но я долженъ былъ указать точку отправленія и движеніе явленія.

II.

Лестокъ.

Въ руководствѣ русской исторіи, теперь позабытомъ [2]), находится грубая и наивная гравюра. Комната съ голыми стѣнами, лишенная всякой обстановки, кромѣ стола, на которомъ красуется зеркало, гребень и шкатулка съ драгоцѣнностями, изображаетъ уборную цесаревны Елизаветы, въ ту пору очаровательной, прозваной восемнадцатымъ вѣкомъ: „современной юностью". Будущую императрицу, въ дезабилье, далеко неизящномъ, съ голыми ногами, обутыми въ туфли, приче-

---

[1]) Brückner, Die Europacisirung Russlands.

[2]) Storia del Imperio russo, compilata dal cav. Compagnoni, въ Compendio delle Storie universale.

сываетъ камеристка. Вдругъ распахивается дверь, раскрытая очевидно неожиданной и нетерпѣливой рукой страннаго посѣтителя съ громадными усами, въ исполинскихъ сапогахъ, съ огромнѣйшими эполетами на непомѣрно-длинномъ мундирѣ. Посѣтитель держитъ развернутый легендарный рисунокъ [1]), изображающій дочь Петра Великаго въ двухъ различныхъ видахъ: съ одной стороны—государыней съ короной на головѣ, съ другой—монахиней подъ густымъ покрываломъ. Подъ гравюрой виднѣется надпись: „Lestocq fa risolvere Elisabeth a farsi proclamare Imperatrice". (Лестокъ побуждалъ Елизавету рѣшиться провозгласить себя императрицей).

Смѣлый рисовальщикъ, которому Елизавета въ значительной степени обязана своимъ торжествомъ въ ноябрьскую ночь 1741 г., уже знакомъ моимъ читателямъ. Роль, какую ему суждено было играть послѣ великаго событія, пріемы, имъ усвоенные, и средства, имъ выработанныя, удивительно охарактеризованы слѣдующимъ мѣстомъ депеши Мардефельда Фридриху отъ 14-го сентября 1743 г.:

„Г-нъ Лестокъ мнѣ показался очень внимательнымъ къ моимъ намекамъ, что Ваше Величество отплатитъ звонкимъ образомъ за оказанныя услуги. На это онъ отвѣчалъ, что Англія ему предлагала значительное вознагражденіе, и императрица его упрекнула, зачѣмъ онъ отказался: послѣ этого онъ выразилъ свое согласіе, но не сдѣлался сторонникомъ лондонскаго двора, обнаруживъ его двуличность. Онъ сознался, что помѣшалъ подписанію императрицей Бреславскаго договора, исключительно потому, что предложеніе исходило отъ Вича, и ,если бы сторонники Англіи не воспользовались его отъѣздомъ въ Ярославль, никогда договоръ съ названной дер-

---

[1]) Царство женщинъ. (Наслѣдіе Петра Великаго). Полное собраніе соч. К. Валишевскаго Т. II изд. „Сфинксъ" ц. 3 руб.

жавой не былъ бы заключенъ. Онъ говоритъ, что питаетъ расположеніе къ Франціи изъ чувства благодарности за одолженные 300,000 червонцевъ для осуществленія задуманнаго императрицей намѣренія вернуть принадлежащій ей по праву престолъ, чего бы ей не удалось бы безъ такой крупной поддержки; что это, однако, не помѣшало ему сразиться съ Ла-Шетарди, въ присутствіи самой императрицы, когда тотъ осмѣлился предъявить требованія, невыгодныя для Россіи; что король польскій намѣревался дать ему орденъ, отъ принятія котораго онъ уклонился...—Здѣсь, я его прервалъ словами, что болѣе лестно заслужить орденъ отъ своего государя: я опасался, какъ бы онъ не попросилъ его у Вашего Высочества. — Онъ продолжалъ признаніемъ, что всецѣло преданъ Вашему Величеству, въ виду общности интересовъ съ императрицей. Я поймалъ мячъ на лету и попросилъ его склонить императрицу къ строгой гарантіи Силезіи, взамѣнъ взаимныхъ обязательствъ Вашего Величества, относительно новыхъ русскихъ пріобрѣтеній въ Финляндіи. Онъ обѣщалъ" [1])...

Такимъ образомъ, лѣкарь вмѣшивался въ наиболѣе важныя государственныя дѣла, въ самые секретные и щекотливые переговоры, заставляя считаться съ желаніемъ своимъ или вѣрнѣе тѣхъ, кто ему платилъ. А можетъ быть онъ не столько дѣлалъ, сколько говорилъ, потому что онъ лгунъ и хвастунъ. Ему отлично было извѣстно, что Франція не давала Елизаветѣ ни 300,000 червонцевъ, ни 3,000; но онъ желалъ увѣрить въ томъ прусскаго короля, чтобы усилить его щедрость. Фридрихъ и его посланникъ относились къ нему съ такимъ презрѣніемъ, что не хотѣли дать ему ордена,—хотя Карлъ VII, менѣе брезгливый, въ ближайшемъ будущемъ (1744 г.), пожаловалъ ему графскій титулъ,—но оба очень расчетливые, не задумываясь, осыпали его щедротами,— вѣрное доказательство дѣйствитель-

[1]) Берлинскій Архивъ.

ности его вліянія. Какъ онъ его добился? Ему принадлежала исключительная привилегія пускать кровь ея величеству, что, кромѣ вознагражденія въ 2,000 руб. за каждый разъ работы ланцетомъ, открывало ему свободный доступъ къ государынѣ. Кровопусканія были въ то время очень приняты въ русской терапіи и гигіенѣ. Современные календари обязательно посвящали цѣлый отдѣлъ *рудомету,* съ обозначеніемъ благопріятныхъ для того дней. Существовали также счастливые дни для пріема лѣкарствъ, стрижки волосъ, и академическій календарь на 1741 г., указываетъ двадцать дней для нуждающихся въ кровопусканіи. Такимъ образомъ, кровопускатель ея величества представлялъ изъ себя важную особу, и его вторая жена, ужасная и грязная Анна Мюллеръ, становилась на придворныхъ балахъ предметомъ соискательства самыхъ блестящихъ танцоровъ [1]).

Въ Россіи, какъ вездѣ, фаворитизмъ принималъ самые разнообразные виды, хотя наиболѣе общимъ оставалась форма его, вознесшая на вершину успѣха Разумовскаго. Повидимому, въ отношеніяхъ Елизаветы къ Лестоку не осталось ничего изъ привилегій, превращавшихъ его когда-то въ соперника или предшественника бывшаго пѣвчаго. Однако у него сохранились привычки пріобрѣтенной близости, съ вліяніемъ, присвоеннымъ въ трагическіе часы, когда онъ, такъ-сказать, толкнулъ молодую женщину на путь ко дворцу, восторжествовавъ суровостью надъ ея колебаніями и отважностью преодолѣвъ парализовавшій ее ужасъ.

Онъ этимъ пользовался, принимая властный тонъ, который она долго переносила съ любопытнымъ смѣшеніемъ тройной подчиненности женщины чувственной, слабой здоровьемъ и недалекой умомъ, мужчинѣ, доктору и руководителю. Не

---

[1]) Хмыровъ, *Біографія Лестока.*

ограничиваясь вознагражденіемъ почестями и подарками, она осыпала его проявленіями довѣрія и уваженія, граничившими съ почтительностью. Ему она поручила вмѣстѣ съ Тодорскимъ религіозное воспитаніе великаго князя, и въ день обращенія послѣдняго въ православіе (20-го ноября 1742 г.), присутствовала на балу, которымъ Лестокъ праздновалъ это событіе и собственное водвореніе въ новомъ домѣ въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ еще недавно существовалъ переулокъ, носившій его имя.

Однако уже въ это время такому блестящему положенію грозила опасность, и Лестокъ это сознавалъ. Онъ повѣрялъ саксонскому посланнику Пецольду свое намѣреніе удалиться отъ дѣлъ и подготовлялъ переходъ брата на службу въ ганноверскую армію [1]). Бестужевъ, призванный руководить внѣшней политикой, и желавшій быть въ ней полновластнымъ хозяиномъ, дѣйствительно начиналъ осуществлять предсказаніе, будто бы сдѣланное императрицей Лестоку, когда послѣдній предложилъ этого кандидата въ замѣстители Головкину: „Ты готовишь для себя пучекъ розогъ!“ [2]). Далѣе я разскажу о перепитіяхъ этой борьбы, тѣсно связанной съ исторіей дипломатіи и политики той этохи. Громадное количество интригъ было пущено въ ходъ съ обѣихъ сторонъ, и, обнаружена одинаковая энергія, хотя пользовавшаяся различными средствами. По прежнему властный и суровый Лестокъ осыпалъ Елизавету упреками все болѣе горькими, примѣшивая къ нимъ мрачныя предсказанія. Онъ передалъ ей запечатанный конвертъ, раскрыть который она должна была только черезъ мѣсяцъ: тогда она увидитъ, былъ ли онъ правъ, предупреждая о козняхъ Бестужева. Громогласно обвинялъ онъ канцлера въ продажности. Послѣдній, болѣе изво-

---

[1]) Сборникъ; Воронцовскій Архивъ.

[2]) Spada, Ephémérides russes.

ротливый и смиренный, не имѣвшій къ тому же такого свободнаго доступа къ государынѣ, дѣйствовалъ путемъ осторожныхъ намековъ, сообщая государынѣ искусно подобранныя выдержки изъ перехваченной переписки Ла-Шетарди или Мардефельда и подчеркивая компрометирующія мѣста тонко составленными отмѣтками на поляхъ. Въ концѣ 1743 г. онъ разсчитывалъ на полный успѣхъ, а Картерэ въ Лондонѣ торжествовалъ побѣду, узнавъ, что нѣкоторыя депеши Фридриха доведены до свѣдѣнія Елизаветы. Рѣчь въ нихъ шла о 10,000 руб., недавно „брошенныхъ" лѣкарю съ обѣщаніемъ ежегоднаго вознагражденія въ 4,000 руб. Но Мардефельдъ не дремалъ. Онъ послалъ къ императрицѣ Брюммера и черезъ его посредничество получилъ вполнѣ успокоительный отвѣтъ: „Картерэ съ ума сошелъ, воображая, что въ угоду вице-канцлеру, который не болѣе какъ плутъ, я снесу голову вамъ и Лестоку, людямъ, которыхъ цѣню больше всѣхъ остальныхъ... Богу извѣстно, что я одинаково не терплю англичанъ и датчанъ" [1]).

Передавая эти слова, Брюммеръ, можетъ быть, отчасти преувеличилъ ихъ смыслъ и выраженіе, но сущность оставалась безусловно вѣрной. Елизавета не любила англичанъ и всегда питала относительно Бестужева чувство, повидимому проистекавшее изъ физическаго и нравственнаго отвращенія. Она всегда избѣгала его общества. Онъ ее оскорблялъ, ей надоѣдалъ и раздражалъ, въ то же время подчиняя ее себѣ знаніями, которыя она долго считала необыкновенными, и пріемами, казавшимися ей неизбѣжными, пока ее не пріучили обходиться безъ нихъ. Кромѣ того, она всегда высказывала большую снисходительность къ проступкамъ въ родѣ того, какимъ расчитывалъ воспользоваться канцлеръ въ видѣ оружія

---

[1]) Мардефельдъ королю 31-го октября и 1-го декабря 1743 Берлинскій Архивъ.

противъ Лестока. Немного наивно она считала, что иностранныя деньги никогда не слѣдуетъ упускать, какимъ бы способомъ они не доставались. Но уже въ лестныхъ словахъ по адресу лѣкаря проглядывала нѣкоторая сдержанность. Она находила его черезчуръ рѣзкимъ, слишкомъ часто, допускающимъ неумѣстный тонъ. Брюммеръ и Мардефельдъ рѣшили предостеречь въ этомъ отношеніи своего единомышленника.

— Вы слишкомъ грубо съ ней обращаетесь!

Но онъ не согласился съ ихъ доводами.

— Вы ее не знаете. Иначе съ ней ничего не подѣлаешь.

И Мардефельдъ долженъ былъ прійти къ заключенію: „Мнѣ кажется, онъ отчасти правъ, русскимъ государынямъ нравится грубое обхожденіе съ ними любовниковъ. Однако, такъ какъ онъ болѣе не въ случаѣ, то съ его стороны было бы благоразумнѣе держаться поосторожнѣе“

Лестоку удалось, не мѣняя своего обхожденія, удержаться въ сѣдлѣ до 1748 г. Не теряя равновѣсія, онъ перенесъ въ 1747 г. ужасный ударъ немилости, постигшей Ла-Шетарди, сопровождавшійся возвышеніемъ Бестужева на постъ великаго канцлера. Но вскорѣ, послѣднему удалось лишить Лестока самаго драгоцѣннаго изъ преимуществъ. На замѣчаніе Елизаветы, что англійскія, французскія или прусскія деньги, получаемыя Лестокомъ, не могутъ имѣть никакого значенія, такъ какъ дѣлами руководилъ только онъ, Бестужевъ, и за нихъ отвѣчаетъ:

— Я не ручаюсь за здоровье вашего величества!—возразилъ канцлеръ.

Государыня задумалась на нѣсколько минутъ, наконецъ, отвѣтила:

— Это вѣрно; я приму мѣры.

И, получивъ 5,000 руб., за послѣднюю работу ланцетомъ,

Лестокъ былъ впредь отстраненъ отъ кровопусканій. Однако, онъ сопровождалъ императрицу въ Кіевъ, въ 1744 г., а въ 1747 г., при вступленіи его въ третій бракъ съ Менгденъ, надѣявшейся такимъ образомъ улучшить судьбу своей семьи, Елизавета сама причесывала невѣсту и украсила ее собственными брилліантами. Трудно императрицѣ было рѣшиться удовлетворить желанію Бестужева, обрушившись на человѣка, которому столькимъ была обязана. Кромѣ того она спасалась энергіи и смѣлости, испытанныхъ ею на дѣлѣ.

Наконецъ, онъ самъ себя выдалъ. Въ маѣ 1748 г., одно мѣсто въ депешѣ Финкенштейна, пріемника Мардефельда, было истолковано Бестужевымъ въ смыслѣ указанія на заговоръ, замышляемый при соучастіи Лестока; но такъ какъ имени лѣкаря тамъ не значилось, то императрица ограничилась установленіемъ надъ Лестокомъ наблюденія, и дѣло не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій до конца года. Но, въ ноябрѣ, обѣдая съ прусскимъ и шведскимъ посланникомъ у одного нѣмецкаго купца, Лестокъ замѣтилъ около дома человѣка, повидимому, выслѣживавшаго его; задержанный и настойчиво допрошенный, послѣдній сознался, что дѣйствительно такое порученіе дано ему офицеромъ гвардіи. Лѣкарь устремился во дворецъ, гдѣ происходилъ пріемъ. Увидавъ его, великая княгиня подошла къ нему съ привѣтливой улыбкой. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ поддерживалъ дружескія отношенія съ молодымъ дворомъ, чѣмъ возбуждалъ неудовольствіе въ Елизаветѣ. Онъ остановилъ молодую женщину жестомъ:

— Не подходите ко мнѣ. Я человѣкъ подозрительный!

Она приняла его слова за шутку, но онъ продолжалъ настаивать.

— Я вамъ совершенно серьезно повторяю, не подходите ко мнѣ, я человѣкъ подозрительный, отъ котораго надо бѣжать.

Онъ былъ очень красенъ, и руки у него дрожали. Екате-

рина вообразила наконецъ, что онъ пьянъ и отошла отъ него. Онъ направился къ императрицѣ, грубо обратился къ ней и, послѣ бурнаго объясненія, добился обѣщанія блестящаго удовлетворенія. Но Финкенштейнъ не успокоился: „Надо не знать государыню", писалъ онъ Фридриху, „чтобы этому довѣриться". Дѣйствительно, подъ предлогомъ насилія, учиненнаго надъ человѣкомъ, котораго Лестокъ обвинялъ въ шпіонствѣ за собой, она приказа арестовать, француза, секретаря лѣкаря, Шапюзо, и троихъ слугъ. Бѣдняга на слѣдующій день поспѣшилъ во дворецъ, но не былъ принятъ. Три дня спустя, видя, что онъ бездѣйствуетъ и, убѣдившись наконецъ, что ей нечего бояться, Елизавета предоставила Бестужеву полную свободу дѣйствій. Шестьдесятъ гвардейцевъ подъ начальствомъ Апраксина, близкаго друга опальнаго, окружили домъ, гдѣ такъ часто государыня навѣщала совѣтчика тяжелыхъ дней. Вечеромъ, при дворѣ, праздновалась свадьба одной изъ фрейлинъ императрицы. Лестокъ долженъ былъ присутствовать въ качествѣ свидѣтеля. Никто, повидимому, не замѣтилъ его отсутствія, и среди общаго оживленія и веселья, въ которомъ Елизавета отъ души принимала участіе, наиболѣе радостныя лица были у друзей отсутствующаго.

Одиннадцать дней отказываясь отъ пищи, поддерживая силы только минеральной водой, Лестокъ отвѣчалъ упорнымъ молчаніемъ на обращенный къ нему запросъ въ количествѣ двадцати съ чѣмъ-то пунктовъ [1]).

По приказу Елизаветы онъ былъ вздернутъ на дыбу, не проронивъ ни звука, и снятый съ нея, не принялъ ничьей помощи, чтобы вернуться въ тюрьму. Тщетно жена старалась его склонить на путь признаній, обѣщая ему царское мило-

---

[1]) Воронцовскій Архивъ.

сердіе. Онъ показалъ свои руки, искалѣченныя пыткой и отвѣчалъ:

— У меня нѣтъ больше ничего общаго съ императрицей; она предала меня палачамъ.

Такъ какъ, за отсутвіемъ признаній, ему можно было поставить въ вину только корыстныя отношенія къ иностраннымъ державамъ, къ чему Елизавета проявляла такую снисходительную терпимость, — если не поощряла прямо, — его просто сослали въ Угличъ, недалеко отъ Ярославля, потомъ немного подальше, въ Великій-Устюгъ, гдѣ онъ встрѣтился съ бывшимъ товарищемъ Грюнштейномъ, тоже сосланнымъ послѣ наказанія кнутомъ.—Изъ Устюга Лестокъ въ 1759 г., писалъ И. И. Шувалову, сохранившему къ нему отчасти дружеское расположеніе, и просилъ прислать шубу для жены, страдавшей отъ холода. Возвращаясь въ Петербургъ, при восшествіи на престолъ Петра III, ему пришлось снова просить о присылкѣ денегъ на дорогу, плаща и рубашекъ. Но, въ столицѣ, онъ появился полный жизни и энергіи, несмотря на свои семьдесятъ четыре года, изъ которыхъ четырнадцать были проведены въ ссылкѣ. Дожилъ онъ до воцаренія Екатерины II и первыхъ лѣтъ ея царствованія,—девятаго по счету, съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ Россіи,— и умеръ въ 1767 г. [1]).

Лестокъ принадлежалъ къ числу героевъ-авантюристовъ той эпохи, людей безнравственныхъ, съ умомъ хитрымъ и храбростью поразительной, память которыхъ Россія восемнадцаго столѣтія завѣщала презрѣнію, но также и удивленію, граничащему съ преклоненіемъ потомства. Счастливый соперникъ Лестока, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, представлялъ среди этихъ авантюристовъ типъ нѣсколько иной, не чисто-русскій,

---

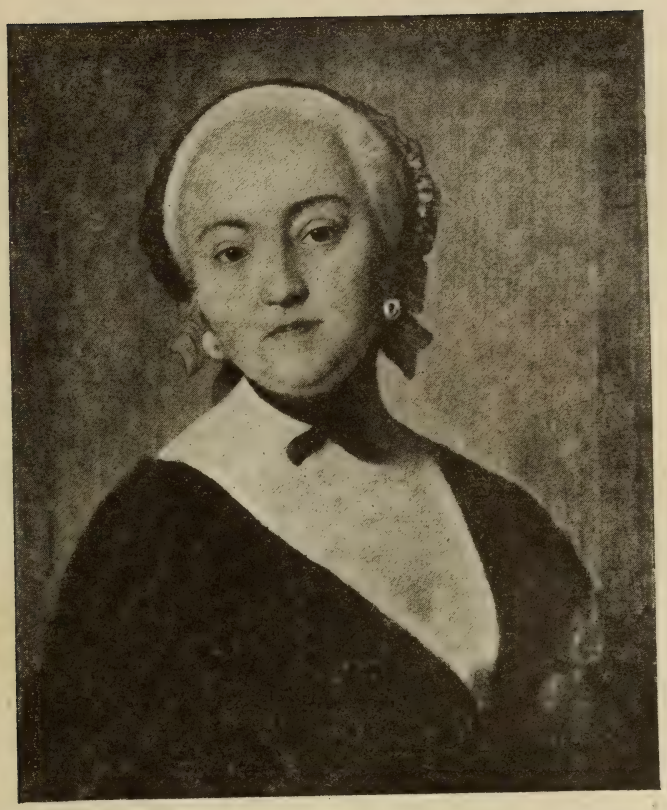
[1]) Хмыровъ, *Біографія Лестока* „Отечественныя записки“ 1866 г. Воронцовскій Архивъ, также переписка Мардефельда въ Берлинскомъ Архивѣ. Нѣкоторыя подробности въ *Московитянинѣ* 1845 г.

несмотря на свое измѣненное имя, носящій болѣе замѣтный отпечатокъ иноземной цивилизаціи и развращенности, съ которыми имѣлъ долгое общеніе, и слѣдъ измѣненій, накладываемыхъ ими на народный умъ и характеръ въ этотъ переходный періодъ.

III.

Бестужевъ.

Родомъ изъ графства Кентскаго, въ Англіи, какъ я уже имѣлъ случай указывать, русская вѣтвь этой фамиліи, происходила отъ нѣкоего Гавріила Беста, поселившогося въ Россіи, въ 1413 г. Сынъ Беста, Ріума, былъ пожалованъ въ бояре великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ. Отсюда, впослѣдствіи образовалась фамилія Бестужева-Рюмина, принятая канцлеромъ. Но такая генеалогія возбуждаетъ сомнѣнія. Второй сынъ Петра Михайловича Бестужева, бывшаго гофмейстеромъ при дворѣ Анны Іоанновны, въ Митавѣ, Алексѣй Петровичъ родился въ Москвѣ въ 1693 г. Посланный Петромъ Великимъ за границу учиться, онъ сопровождалъ русское посольство на Утрехтскомъ конгрессѣ (1712 г.), поступилъ на службу къ ганноверскому двору и появился въ Россіи, въ качествѣ англійскаго посланника (1714 г.). Повидимому, этотъ первый опытъ дипломатической карьеры закончился неудачей, потому что въ 1718 г. мы видимъ Бестужева вынужденнымъ искать пристанища у маленькаго курляндскаго двора, гдѣ онъ домогался, подъ родительскимъ покровительствомъ Анны, скромнаго званія камергера. Въ 1720 г., онъ добился наконецъ назначенія въ Копенгагенъ, на этотъ разъ, состоя на русской службѣ; но Анна Іоанновна, питавшая въ то время къ отцу его чувства болѣе чѣмъ нѣжныя, и, еще въ 1725 г., горячо рекомендовавшая сына вниманію Остер-



Императрица ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА (1709—1741—1761).
Портретъ гр. Ротари, въ Петергофскомъ Дворцѣ.

мана, измѣнила свое отношеніе въ 1723 г. настолько, что величала своего горфмейстера воромъ [1]). И на бывшемъ камергерѣ это отразилось, когда бывшая герцогиня курляндская, превратилась въ императрицу. Онъ былъ удаленъ въ Гамбургъ. Чтобы добиться улучшенія своего положенія, Бестужевъ занимался тамъ ремесломъ доносчика [2]), достигъ возвращенія въ Копенгагенъ, гдѣ, пользуясь досугами, представляемыми ему дипломатіей, трудился съ химикомъ Ламбке надъ открытіемъ знаменитой *tinctura inervi Bestuchevi,* впервые познакомившей Европу съ его именемъ. Такъ какъ остальные досуги, предназначенные ему впослѣдствіи въ Россіи, не дали никакого новаго проявленія его научныхъ склонностей и вкусовъ, то тайна сотрудничества остается неразгаданной. Знаменитыя капли въ свое время были пущены въ обращеніе Екатериной II, подъ названіемъ *золотого элексира* или *элексира Ламотта.*

Въ 1740 г. Биронъ призвалъ Бестужева въ Петербургъ, чтобы помѣстить его въ кабинетъ, откуда онъ изгналъ Волынскаго, и гдѣ желалъ имѣть вѣрнаго человѣка. Послѣ паденія регента, его ставленника вновь постигла немилость и ссылка, но всего на нѣсколько мѣсяцевъ. Анна Леопольдовна не была злопамятной. Онъ не отплатилъ ей за это благодарностью. Бестужевъ обладалъ мстительнымъ умомъ и тонкимъ чутьемъ. Извѣстныя связи существовали между нимъ и Елизаветой. Его жена, урожденія Бёттигеръ, была прежде гувернанткой цесаревны и дочерью бывшаго русскаго резидента въ округѣ Нижней-Саксоніи, частыми гостями котораго бывали Петръ и Екатерина I, во время своихъ заграничныхъ

---

[1]) Переписка русскихъ государей.

[2]) См. „Царство женщинъ". К. Валишевскій полное собр. соч. Т. II ц. 3 руб.

путешествій. Бестужевъ направился въ эту сторону и вошелъ въ дружбу съ Лестокомъ и Воронцовымъ [1]).

При восшествіи на престолъ Елизаветы, ссылка Остермана оставила внѣшнія дѣла безъ руководителя. Великій канцлеръ Черкасскій былъ поглащенъ заботами, опасаясь грозившаго ему удара, вскорѣ сведшаго его въ могилу, и волнуясь изъ-за любовной интриги, затѣянной его дочерью съ Петромъ Шуваловымъ, что повело къ ссорѣ между обѣими семьями. Назначенный вице-канцлеромъ, Бестужевъ воспользовался ревностью жены Шувалова, какъ намъ извѣстно, находившейся въ большой милости у Елизаветы, чтобы выдвинуться и завладѣть наслѣдіемъ Черкасскаго. Ему пришлось ждать до 1744 г., но уже съ 1742 г.,—времени смерти великаго канцлера,—при помощи Бреверна онъ руководилъ внѣшней политикой, поскольку Лестокъ не вмѣшивался въ его предположенія. Впослѣдствіи у него были еще другіе тайные сотрудники, среди которыхъ, если вѣрить мемуарамъ барона Фридриха фонъ-Тренка, первое мѣсто принадлежало его женѣ. Считаясь примѣрной супругой, она дала самому Тренку полное основаніе считать такую репутацію незаслуженной и была вся поглощена любовными приключеніями, которыя вела съ большой осмотрительностью, и болѣе открыто—интригами. Она не любила русскихъ и покровительствовала Пруссіи, пока прусскій посланникъ не совершилъ неловкости, выдавъ Тренкъ ея мужу, возбудивъ противъ него подозрѣніе и указавъ на него, какъ на шпіона и на счастливаго ухаживателя. Но Тренкъ не заслуживаетъ довѣрія. Роль, какую играли при канцлерѣ Функъ, Прассъ и Санти, гораздо болѣе достовѣрна. До 1754 г. первый состоялъ не только совѣтчикомъ, но дѣйствительнымъ вдохновителемъ и исполнителемъ работы.

---

[1]) Соловьевъ.

Онъ былъ необходимымъ alter ego человѣка, взявшагося за трудъ совершенно непосильный для его дарованій,—умомъ все обдумывавшимъ, рукой, исполнявшей все болѣе важное. Позднѣе преемникъ Функа при саксонскомъ посольствѣ, Прассъ, проявлялъ такое же усердіе, но при меньшихъ способностяхъ. Санти предназначался главнымъ образомъ для внѣшности и наружнаго благоприличія, подсказывая, какъ слѣдуетъ держаться. Поэтому, когда въ 1754 г. французской дипломатіи удалось удалить Функа, Бестужевъ остался тѣломъ безъ души, увлекаемымъ по волѣ теченія въ роковую бездну [1]).

Безспорно онъ обладалъ извѣстными личными качествами, именно такими, какія создаютъ карьеру крупнаго авантюриста: тонкой хитростью и большой наглостью, невозмутимымъ апломбомъ и замѣчательнымъ инстинктомъ декоративности, правдоподобности обмана, видомъ величія, которое умѣлъ сохранять при самыхъ унизительныхъ обстоятельствахъ и которымъ умѣлъ вводить въ заблужденіе не только Елизавету, но и всю Европу. Онъ выторговывалъ субсидіи для Россіи тономъ приказаній и домогался прибавокъ съ видомъ раздающаго милостыню; былъ всегда находчивъ на слова. Его отвѣтъ священнослужителямъ собора Казанской Божьей Матери въ Петербургѣ, требовавшимъ присоединенія сосѣдняго протестантскаго храма, очень типиченъ въ этомъ отношеніи. „Имъ было видѣніе Богородицы, жаловавшейся въ слезахъ на такое оскорбительное сосѣдство“. Бестужевъ велѣлъ имъ придти черезъ три дня и объявилъ съ самымъ серьезнымъ видомъ, что и ему было видѣніе Богородицы. Богородица измѣнила свое рѣшеніе и отказывается отъ протестантскаго

---

[1]) Koser, Preussen und Russland.

храма, въ виду его неправильнаго расположенія съ сѣвера на югъ, а не съ востока на западъ, какъ полагается [1]).

Съ Елизаветой его неизмѣнная система заключалась въ постоянныхъ ссылкахъ на Петра Великаго: „Это не моя политика, а вашего славнаго отца“, повторялъ онъ. Кромѣ того онъ вліялъ и подчинялъ себѣ государыню, утомляя и ошеломляя ее. По поводу самаго пустого дѣла выкладывалъ онъ ей цѣлую груду мемуаровъ, записокъ, протоколовъ. Она испуганно глядѣла: „Такъ вотъ какова политика!“ и конечно къ нимъ никогда не прикасалась, только требовала краткаго донесенія, а Бестужевъ его представлялъ такимъ запутаннымъ, что она отказывалась что-либо понять и, придя въ отчаянье, въ особенности въ послѣдніе годы, чаще всего говорила: „Дѣлайте, какъ знаете“, одобряя и подписывая все—съ вышеупомянутыми оттяжками—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло касалось объявленія войны или смертнаго приговора. Въ первомъ случаѣ она откладывала свое согласіе, а во второмъ—отказывала въ немъ.

Я не нашелъ никакихъ указаній на извѣстныя привычки и уловки, приписываемыя легендой канцлеру, въ родѣ притворной зѣвоты въ разговорахъ съ иностранными министрами, или распоряженія, отданнаго канцеляріи, писать бумаги такъ неразборчиво, что всегда представлялась возможность измѣнить текстъ. Мардефельдъ только отмѣчалъ, что „канцлеръ часто ссылается на забывчивость, обладая прекрасной памятью, чтобы получить письменное подтвержденіе извѣстныхъ *устныхъ* заявленій, а что ему надо осушить не малое количество стакановъ, чтобы придать себѣ видъ увѣренности, потому что въ трезвомъ состояніи онъ „естественнѣйшій трусъ“.

---

[1]) Büsching, Lebensbeschreibung d. A. Bestuschef.

Относительно его дарованій, какъ государственнаго мужа, легенда, по крайней мѣрѣ въ Россіи, находится въ положительномъ противорѣчіи съ общимъ впечатлѣніемъ, получаемымъ отъ документальныхъ свидѣтельствъ настолько единогласныхъ, что у историка не можетъ оставаться сомнѣній. На основаніи этихъ документовъ по другимъ причинамъ, которыя сейчасъ же сдѣлаются ясными читателю, мнѣ отъ души хотѣлось бы убѣдить нѣкоторыхъ изъ своихъ русскихъ собратьевъ, чтобы они развѣнчали этого кумира прошлаго, хотя вообще мало достойнаго нашего уваженія, но все же могущаго предложить нѣчто лучшее, болѣе заслуживающее патріотическаго почитанія. Для исполнителей первыхъ ролей въ человѣческой комедіи существуетъ, какъ мнѣ небезызвѣстно, особая оговорка, имѣющая послѣдствіемъ полное отпущеніе грѣховъ. Но все же для примѣненія такого преимущества необходимо установить извѣстное равновѣсіе между недостатками или пороками и вознаграждающими ихъ достоинствами или добродѣтелями. Здѣсь одна изъ чашъ, которую я могъ бы еще сильнѣе нагрузить, не выноситъ, такъ сказать, противовѣса, и для исторіи, безпристрастной и освѣдомленной въ этомъ ложно-великомъ человѣкѣ, нѣтъ ничего, кромѣ успѣха,—а послѣдній находитъ себѣ достаточно объясненій во внѣшнихъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его карьеру,—что позволяло бы ему красоваться въ первыхъ рядахъ, не иначе, какъ подъ вывѣской большого мошенника.

Въ 1742 г. Мардефельдъ называетъ его „притворщикомъ, не умѣющимъ притворяться, честолюбивымъ сочинителемъ проектовъ, лишеннымъ глазомѣра и послѣдовательности“. Д'Алльонъ пишетъ въ 1746 г.: „Онъ былъ выдвинутъ случаемъ и поддерживался гораздо болѣе интригой, чѣмъ способностями“. Но это были политическіе сторонники, и я также готовъ подвергнуть сомнѣнію свидѣтельство Ла Шетарди,

обвинявшаго канцлера въ поддѣлкѣ векселей въ Гамбургѣ. Но въ 1745 г. Хиндфордъ, англійскій посланникъ, былъ другомъ и единомышленникомъ канцлера. И вотъ онъ утверждаетъ, что до сихъ поръ въ Россіи еще нѣтъ ни одного министра „достойнаго и мужественнаго“ и добавляетъ еще болѣе многозначительно, что „у Императрицы гораздо больше мужества и *дарованій*, чѣмъ у всѣхъ ея министровъ вмѣстѣ взятыхъ“. Перехожу къ свидѣтелямъ наиболѣе снисходительнымъ,—представителямъ Австріи: личныя связи канцлера главнымъ образомъ тяготѣли въ этомъ направленіи; баронъ Претлакъ и графъ Бернесъ составляли его интимный кружокъ. Послушайте перваго: онъ вамъ скажетъ „о недалекомъ умѣ, присущемъ этому министру“. Спросите второго: онъ вамъ отвѣтитъ, что, „желая все дѣлать одинъ, канцлеръ не хочетъ въ то же время упускать никакихъ развлеченій, съ нѣкоторыхъ поръ предавшись, кромѣ пристрастія къ хорошему столу, игрѣ, чему посвящаетъ часто цѣлые дни и ночи“.

Здѣсь естественно приходитъ на умъ имя и роль Вальполя. Но если про великаго вождя виговъ говорили, что онъ дѣлитъ свои страсти между политикой и развратомъ, указывали на оргіи въ Хугтонѣ и даже набрасывали тѣнь на честность англійскаго министра, то по крайней мѣрѣ его ловкость и трудоспособность никогда не оспаривалась даже наиболѣе злостными хулителями. Вы не найдете въ его исторіи эпизода, подобнаго ссорѣ, дошедшей до насъ въ обстоятельныхъ донесеніяхъ министра Елизаветы съ роднымъ сыномъ, намѣревавшимся покинуть родительскій домъ, обратившійся въ притонъ разврата. Графъ Бернесъ пытался примирить стороны, жена Бестужева вступилась за сына.

„На мои слова, сказанныя съ цѣлью ее успокоить, что ей слѣдуетъ войти въ положеніе мужа и понять, что зава-

ленный дѣлами и съ трудомъ добиваясь резолюцій Ея Величества, неудивительно, если онъ иногда ищетъ себѣ развлеченій, она отвѣчала, что въ застоѣ всѣхъ дѣлъ онъ виноватъ больше, чѣмъ государыня, потому что проводитъ дни въ пьянствѣ, а ночи за картами, которыми увлекается настолько, что недавно проигралъ за недѣлю 10000 рублей". И ссора разгорѣлась, сопровождаясь бурными объясненіями и побоями, потребовавшими вмѣшательства государыни [1]).

Чтобы проигрывать по 10000 руб. въ недѣлю, какими источниками пользовался канцлеръ? Великій англійскій парламентскій дѣятель, называемый противниками „барышникомъ совѣстей", тратилъ милліоны секретныхъ фондовъ и всетаки обвиненія въ хищеніи, которыя его не могли миновать, никогда не имѣли подъ собой никакой почвы. Онъ покупалъ много совѣстей, но, кажется, никогда не продавалъ своей. Историческое положеніе его русскаго соревнователя совершенно иное. При жизни онъ прослылъ завѣдомо продажнымъ, а послѣ смерти, въ Россіи и даже недавно за границей, были сдѣланы многочисленныя попытки реабилитаціи его памяти. Онѣ дошли въ этомъ отношеніи до заявленій, что онъ стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній [2]). Какъ для внѣшней, такъ и для внутренней исторіи Россіи споръ этотъ, какъ онъ ни непріятенъ, представляетъ слишкомъ большую важность, чтобы его можно было обойти молчаніемъ, и онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которые при свѣтѣ неопровержимыхъ фактовъ утрачиваютъ всякій поводъ къ разногласіямъ.

До 1752 г., не сохраняя безусловную неподкупность, Бестужевъ старался соблюдать внѣшность. Несмотря на не-

---

[1]) Бернесъ Улефельду, 25-го іюня 1750 г. Вѣнскій Архивъ, по-французски.

[2]) Nisbet Bain „The daughter of Peter the Great"; „Историческій Вѣстникъ" Сент. 1900 г., очеркъ Тимирязева.

однократныя утвержденія Фридриха и его историковъ, онъ отказывался отъ денегъ прусскихъ и французскихъ и принималъ лишь золото Англіи со стыдливыми минами и благородными жестами. Жена его взяла въ 1745 г. отъ д'Алльона тысячу червонцевъ, истраченныхъ, по мнѣнію д'Аржансона, совершенно неумѣстно [1]). Но мужъ могъ о томъ и не знать. Въ 1742 г., передавая министру обычное вознагражденіе за договоръ оборонительнаго союза, заключеннаго съ Англіей, Вичъ намекнулъ, что добавочный подарокъ, офиціальный или секретный—по желанію- можетъ быть ему выданъ изъ щедротъ его величества короля Британіи.

— Я не могу ничего принять секретнымъ образомъ,— сухо отвѣчалъ вице-канцлеръ. И дѣло дальше не пошло.

Замѣститель Вича Хиндфордъ былъ поэтому не мало удивленъ, четыре года спустя, услыхавъ отъ такого щепетильнаго человѣка разсказъ о домѣ, превратившемся для него въ источникъ непомѣрныхъ расходовъ, хотя онъ былъ полученъ въ подарокъ отъ Елизаветы. „Домъ этотъ находился въ состояніи такого разоренія, что для приведенія его въ порядокъ, владѣльцу обязательно нужно было десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которые должны быть ему переданы немедленно, подъ строжайшимъ секретомъ". Хиндфордъ изумился значительности требуемой суммы, а Бестужевъ поспѣшилъ принять свой величавый видъ: онъ не просилъ подарка, а просто ссуды на десять лѣтъ, безъ процентовъ. Всетаки въ Лондонѣ сочли, даже допуская, что ссуда будетъ возвращена, „цифру слишкомъ высокой", и до конца слѣдующаго года просьба оставалась безъ удовлетворенія. Вообще такса подкупа той эпохи была сильно преувеличена въ воображеніи потомства. Развѣ не говоритъ историкъ, вообще

---

[1]) Д'Аржансонъ д'Алльону, 9-е декабря 1745 г.

хорошо освѣдомленный, о двухъ милліонахъ съ половиной фунтовъ стерлинговъ, полученныхъ въ видѣ вознагражденія министромъ страны, весь ежегодный бюджетъ которой не достигалъ такой сумы! [1]) Чтобы получить для своего друга двадцать пятую ея часть, Хиндфорду пришлось ссылаться на соображенія весьма рискованныя. По его словамъ супруга, выбранная императрицей для сына канцлера, Авдотья Разумовская, была въ дѣйствительности родной дочерью ея величества. Елизавета открыла тайну свекру „обѣщая ему вмѣстѣ съ тѣмъ свое полное довѣріе и защиту отъ всякихъ враговъ во все время своего царствованія". — „Такъ что", добавляетъ Хиндфордъ „теперь она обращается съ нимъ скорѣе какъ съ сватомъ, чѣмъ съ канцлеромъ". Въ то же время Бестужевъ увѣрилъ англійскаго посланника, что его жена была кузиной императрицы [2]).

Послѣ долгихъ и трудныхъ переговоровъ, благодаря настойчивости Хиндфорда, представлявшаго, какая опасность грозитъ англійскимъ интересамъ вслѣдствіе отказа канцлеру, десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ были выданы въ видѣ закладной, сдѣланной открыто у англійскаго банкира Вольфа на знаменитый домъ, требовавшій такихъ расходовъ. Дѣйствительное существованіе такой чисто фиктивной сдѣлки было подтверждено и приводилось какъ доказательство неподкупности Бестужева [3]). Вотъ факты. Они дѣлаютъ честь изобрѣтательности министра, если не его добродѣтели. Условіе, заключенное между нимъ и Хиндфордомъ, гласило, что онъ будетъ пользоваться десятью тысячами фунтовъ стерлинговъ въ теченіе десяти лѣтъ безъ процентовъ, послѣ

---

[1]) Rambaud „Russes et Prussiens".
[2]) Хиндфордъ Штейнбергу, 28-го марта 1747 г.
[3]) Бильбасовъ, Исторія Екатерины II.

чего уплативъ долгъ Вольфу, удержитъ за счетъ англійскаго правительства истекшіе проценты, пять тысячъ фунтовъ и оставитъ ихъ себѣ въ видѣ подарка. Все это дѣлалось съ цѣлью скрыть истинный характеръ операціи, а также, чтобы облегчить другую мошенническую продѣлку, предварительно условленную съ Разумовскимъ. На банкетѣ, которымъ предполагалось праздноваться новоселье канцлера, Елизавета по обычаю предложитъ тостъ за здоровье хозяина дома; фаворитъ вмѣшается и въ шутку начнетъ оспаривать такое названіе у Бестужева, разсказавъ о займѣ у Вольфа, Императрица поспѣшитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, уплатить долгъ, а канцлеръ такимъ образомъ получитъ деньги дважды [1]).

Послѣдній, впрочемъ, обнаружилъ удивительную выдержку среди всѣхъ этихъ плутней. Послѣ подписанія договора и выдачи денегъ, Хиндфордъ думалъ воспользоваться случаемъ, чтобы добиться уступки; Бестужевъ принялъ самый высокомѣрный тонъ.

— Не собираетесь ли вы торговаться со мной?

Для торговли у него былъ Финкъ, съ которымъ онъ говорилъ на чистоту, и онъ отвѣчалъ тѣмъ же. Такъ, въ ноябрѣ 1750 г. по поводу присоединенія Англіи въ 1746 г. къ австрійско-русскому союзу, Бестужевъ вздумалъ потребовать отъ обѣихъ державъ подарковъ въ тысячу двѣсти фунтовъ стерлинговъ.

— Но,—возразилъ Беренсъ тономъ, которымъ говорятъ нищему, „тебѣ уже подавали“— оба императорскіе двора уже обмѣнялись подарками. Въ 1746 г. Финкъ, „приготовившій все, до перьевъ включительно, для подписи“ и ожидавшій, что и на его долю кое-что *выпадетъ, не смутился и*

---

[1]) Подробности, сообщаемыя англійскимъ посланникомъ, исключаютъ всякое сомнѣніе.

трижды возобновлялъ попытку, пока, наконецъ, при помощи просьбъ и угрозъ не добился желаемаго. [1]).

Въ 1752 г. мы видимъ его снова выступающимъ въ роли частнаго комиссіонера; но Бестужевъ утратилъ свою надменность. Вызывающій и угрожающій тонъ онъ перемѣнилъ на умоляющій. Благодаря игрѣ и всѣмъ видамъ разгула, его денежныя затрудненія разрослись до крайнихъ предѣловъ. Онъ доходитъ до исповѣди Претлаку, что находится въ отчаянномъ положеніи. Изъ фондовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и департамента почтъ онъ сдѣлалъ тайныя позаимствованія, грозящія обнаружиться. Чтобы сопровождать императрицу въ Москву, пришлось заложить бриллiанты и платья жены, даже часы и все-таки не удалось выпутаться изъ бѣды; для этого требуется не менѣе двадцати тысячъ червонцевъ. Вслѣдствіе такого заявленія поднялась большая передряга между посольствами Австріи, Англіи и Саксоніи. Лондонскій дворъ далъ понять, что только что одолжилъ канцлеру десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ; дрезденскій дворъ очень желалъ бы сдѣлать для Бестужева что-нибудь, но обладаетъ ограниченными средствами, а вѣнскій дворъ предложилъ ему не два съ половиной милльона фунтовъ и не тысячную долю этой суммы, а такую, что Бестужевъ покраснѣлъ отъ гнѣва, услыхавъ о ея размѣрѣ.

— Они воображаютъ, что для меня этого теперь достаточно?

И гнѣвъ его отразился сейчасъ же на общихъ интересахъ такимъ чувствительнымъ и пагубнымъ образомъ, что необходимость войти съ нимъ въ соглашеніе сдѣлалась очевидной, и въ концѣ концовъ Англія согласилась уплатить кон-

---

[1]) Бернесъ Илефельду, 16 ноября 1750 г. Вѣнскій архивъ, по французски.

трибуцію. Въ апрѣлѣ 1753 г. Вольфъ получилъ уплату долгового обязательства, даннаго имъ своему правительству взамѣнъ закладной, сдѣланной отъ его имени на домъ канцлера за новую ссуду въ 25,000 руб., подлежащую выдачѣ владѣльцу [1]). Однако, въ іюлѣ, чтобы добиться ратификаціи „строго секретнаго“ пункта новаго договора, заключаемаго съ Россіей, Претлаку пришлось, въ свою очередь, пожертвовать восемью тысячами червонцевъ [2]). И съ тѣхъ поръ началось со стороны канцлера постоянное попрошайничество, всегда до извѣстной степени анонимное, прикрывавшееся именемъ Функа, обставленное по внѣшности видомъ гордости и независимости, но все болѣе назойливое и постыдное. Въ 1754 г., послѣ неудачи, постигшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ планъ, задуманный вмѣстѣ съ Разумовскимъ, въ концѣ концовъ Бестужевъ все-таки получилъ отъ Елизаветы пятьдесять тысячъ рублей, „необходимыхъ для уплаты Вольфу“, но этотъ не увидалъ изъ нихъ ни копѣйки. Несмотря на это, въ слѣдующемъ году, Функъ разсыпался въ краснорѣчіи передъ Претлакомъ, объясняя ему, что „нельзя называть пьяницей человѣка, просящаго пить, только когда его томитъ жажда! Жажда у канцлера была невѣроятная, но рѣчь, впрочемъ, не шла о полномъ ея утоленіи, такъ какъ „болѣзнь эта принадлежитъ къ числу возвращающихся у страдающихъ сухой печенью и обильнымъ потѣніемъ“. Достаточно было бы нѣсколькихъ глотковъ, да вдобавокъ, чарки, предложенной посреднику—„небольшаго знака вниманія, оказавшагося бы какъ нельзя болѣе кстати для человѣка, обя-

---

[1]) Гюи Дикенсъ Претлаку, Москва, 12 апрѣля 1753 г. Вѣнскій архивъ; Воронцовскій архивъ, Herrman Der russische Hof unter Elisabeth I.

[2]) Претлакъ Улефельду, 1-го іюля 1753 г. Вѣнскій архивъ по нѣмецки.

заннаго жить извѣстнымъ образомъ, и при такой суетѣ вынужденнаго биться какъ рыба объ ледъ, чтобы себя поддерживать, доставляя удовольствіе другимъ и жертвуя своимъ“ [1]). Представитель Маріи-Терезіи согласился уплатить двѣ тысячи червонцевъ. Но это должно было составлять лишь выдачу взачетъ. Черезъ годъ, когда былъ возбужденъ вопросъ о дѣйствіяхъ сообща противъ Фридриха, приходилось разстаться уже съ двѣнадцатью тысячами червонцевъ, такъ какъ преемникъ Претлака, Эстергази, далъ понять, что канцлеру предстоитъ отказаться отъ десяти тысячъ рублей, получаемыхъ отъ Англіи. Все-таки Бестужевъ нашелъ сдѣлку черезчуръ невыгодной, и въ виду того, что Англія поторопилась внести Вольфу соблазнительную приманку, онъ возсталъ всѣми силами противъ новой системы. Эстергази даже потерялъ надежду склонить его на свою сторону, но, чтобы хотя отчасти ослабить противодѣйствіе, предложилъ ему четыре тысячи червонцевъ, и онъ ихъ принялъ [2]).

Читатели извинятъ меня за эти некрасивыя подробности. Онѣ кажутся мнѣ необходимыми, чтобы освободить внѣшнюю политику царствованія Елизаветы, руководимую Бестужевымъ въ теченіе почти шестнадцати лѣтъ, отъ фантастическихъ толкованій, лишь обратившихъ ее въ одну изъ наиболѣе таинственныхъ загадокъ исторіи. Въ Россіи пытались видѣть въ ней руководящую нить, являвшую изъ себя будто бы „національную идею“, глубокое чувство и вѣрное пониманіе истинныхъ интересовъ и природныхъ предназначеній страны“. Сообщенные мною факты достаточно обнаруживаютъ несостоятельность такого тезиса, никоимъ образомъ не выдерживающаго критики.

---

[1]) Функъ Претлаку. Петербургъ, 30 марта 1755 г. Вѣнскій архивъ (по французски). Претлакъ находился въ данную минуту въ Вѣнѣ..

[2]) Эстергази Кауницу, 22 октября 1756 г.

Потребовавъ въ 1742 году пріобщенія Пруссіи къ англійской системѣ, бывшей его собственной, какимъ образомъ могъ канцлеръ въ 1744 г. дойти до мысли о томъ, чтобы отнять у Фридриха восточную Пруссію и передать ее Польшѣ, взамѣнъ округленія границъ со стороны Смоленска, объявляя въ то же время, что при подобномъ королѣ, сосѣдство въ этой самой Пруссіи составляетъ величайшую опасность для Россіи, и затѣмъ въ 1756 г., по первому призыву Англіи, превратиться въ добраго пруссака [1]? Онъ всегда придерживался англійской системы, а кстати, и австрійской, по причинамъ, такъ живописно выставленнымъ Функомъ.

Болѣе трудно, съ перваго взгляда, поддается объясненію вліяніе, какое сохранялъ Бестужевъ на Елизавету, несмотря на такія политическія колебанія, смыслъ которыхъ былъ ей вполнѣ понятенъ, и такую нравственную неустойчивость, которая внушала государынѣ нескрываемое отвращеніе. Она знала его за человѣка низкаго и продажнаго и часто высказывала на то свое неудовольствіе; терпѣть не могла въ немъ искусственно-напыщеннаго политика, подвергавшаго испытанію ея терпѣніе, и человѣка съ манерами приторно-вѣжливыми, но неловкими, шокировавшаго ея привычки обхожденія, и грубаго развратника, возмущавшаго ея претензіи на хорошій тонъ и изящество. Благодаря сцѣпленію обстоятельствъ, даже своей политикой онъ постоянно оскорблялъ ее во всѣхъ остальныхъ чувствахъ. Однако, въ теченіе шестнадцати лѣтъ она держалась его и разсталась съ нимъ съ большимъ трудомъ. Повинуясь ему, она согласилась порвать не только съ Франціей, для чего не требовалось съ ея стороны большой жертвы, но съ Ла-Шетарди, что, безъ сомнѣ-

[1]) Raumer, „Beiträge zur neuern Geschichte", 1736 г. Martens, „Recueil des traités".

нія, послужило испытаніемъ для ея природныхъ склонностей. Повинуясь ему, она сдѣлалась сторонницей Австріи, не только несмотря на Ботту, котораго обвиняла въ злоумышленіи на свою особу, но даже на Марію-Терезію, въ которой видѣла соперницу, если не по красотѣ, то по сану и по репутаціи. И, наконецъ, и въ особенности, повинуясь ему, послѣ долгаго сопротивленія и возмущенія при мысли о паденіи, она, дочь Петра Великаго, въ положеніи царицы государства, обложеннаго данью,—„ein Zinsstaat", по выраженію, подсказанному ей Фридрихомъ,—она соглашалась принимать и выпрашивать субсидіи у Англіи, Голландіи, даже у Австріи! „Онъ (Бестужевъ) могъ бы составить заговоръ противъ царицы,—писалъ прусскій король въ 1748 году,—она могла бы объ этомъ знать и все-таки поддерживала бы его" [1]).

Причина такого страннаго явленія, по моему, кроется въ томъ же порядкѣ вещей, который возвелъ и помогъ самой Елисаветѣ удержаться на престолѣ, чего не обезпечивали ей ни права, ни дарованія, ни добродѣтели. За Бестужева говорило то, что онъ былъ или казался русскимъ въ ту минуту, когда естественная реакція вооружила народное чувство противъ иностранцевъ; считался ученикомъ великаго мужа, традиціямъ котораго намѣревалось слѣдовать новое царствованіе, а главное, отсутствіе серьезнаго соперника и возможнаго преемника. Когда въ 1758 г. Воронцовъ занялъ его мѣсто, онъ служилъ лишь прикрытіемъ для И. И. Шувалова. А И. И. Шуваловъ, никогда не представлявшій изъ себя ничего выдающагося, былъ до 1758 г. только подросткомъ. Наоборотъ, канцлеръ, пока около него былъ Функъ, изображалъ изъ себя довольно внушительную фигу-

---

[1]) Politische Correspondenz.

ру въ должности, гдѣ, послѣ его паденія, почувствовалась сильная пустота: такъ величественно и увлекательно онъ умѣлъ выставлять себя напоказъ. Иллюзія эта сохранилась вплоть до настоящаго времени. Она существуетъ и понынѣ, и я не увѣренъ, что мнѣ удастся ее уничтожить.

Цинично развратный, продажный подъ внѣшностью невозмутимаго и безупречнаго достоинства, канцлеръ хотя не пользовался личнымъ расположеніемъ Елизаветы, но пріобрѣлъ симпатіи общества, гдѣ подъ вывѣской націонализма, режимъ терпимости благопріятствовалъ разрушенію извѣстныхъ недостатковъ, до сихъ поръ считающихся специфически національными, хотя, въ сущности, представляющихъ изъ себя только историческій продуктъ разнороднаго смѣшенія пороковъ. Управляющій кабинетомъ двора ея величества, баронъ Черкасовъ, человѣкъ общепризнанной честности, считался, и справедливо, однимъ изъ лучшихъ друзей этого взяточника. Ихъ соединила общая черта: лѣнь, на этотъ разъ дѣйствительно специфически національная. Приказы, подписанные Черкасскимъ, значили то же, что царскіе указы, а послѣ его смерти, у него въ кабинетѣ оказалось 570 нераспечатанныхъ пакетовъ! Впрочемъ, этотъ сановникъ былъ также человѣкомъ совершенно незначительнымъ, креатурой новаго режима. И по той же причинѣ Чоглоковъ, женатый на одной изъ племянницъ Екатерины I, и пользовавшійся также большимъ вліяніемъ, охотно предоставлялъ его къ услугамъ своего однокашника. Между выскочками и авантюристами существовала взаимная поддержка. Шуваловы принадлежали къ ихъ товариществу до 1749 г., когда произошла ссора по поводу опеки надъ наслѣдствомъ умершаго купца. Въ то же время смерть Авдотьи Разумовской, сдѣлавшейся снохой канцлера, ослабила узы, связывавшіе его съ фаворитомъ.

Какъ я уже разсказывалъ, Бестужевъ старался воспрепятствовать случаю, выпавшему на долю Ивана Шувалова, но потерпѣлъ неудачу. Въ 1754 г., убѣдивъ Елизавету принять свой проектъ упраздненія внутреннихъ таможенъ и пріобрѣтя тѣмъ большую популярность, Петръ Шуваловъ достигъ апогея власти. Бестужевъ вынужденъ былъ сблизиться съ великой княгиней, находившейся также въ ссорѣ съ Шуваловыми и Воронцовыми, и охотно пошедшей ему навстрѣчу. Но уже давнишнія несогласія съ братомъ Михаиломъ, отъ котораго канцлеръ надѣялся избавиться, назначивъ его посланникомъ сначала въ Дрезденъ, потомъ въ Вѣну, еще ухудшили его положеніе, какъ разъ въ то время, когда, благодаря отъѣзду Функа, онъ лишался своей лучшей поддержки. Замѣшанному въ дѣлѣ Ботта, Михаилу удалось выпутаться, пожертвовавъ женой, послѣ застѣнка и и наказанія на площади кнутомъ, сосланной въ далекую Сибирь, гдѣ ей суждено было окончить жизнь. Не дожидаясь ея смерти, мужъ, имѣя уже пятьдесятъ восемь лѣтъ отъ роду, въ Дрезденѣ посватался и получилъ руку красивой вдовы, графини Хогвицъ, урожденной Карловицъ. Вначалѣ ему не удавалось добиться согласія Елизаветы на этотъ бракъ, а слѣдовательно и возможности его признанія заграницей. Тщетно приводилъ онъ тотъ аргументъ, что его первая жена была приговорена къ смерти, и монаршее милосердіе, замѣнившее казнь ссылкой, не могло послужить въ ущербъ мужу! Офиціально онъ оставался двоеженцемъ, пребывавшемъ въ незаконномъ сожительствѣ, и находя, что такое состояніе создавало ему невозможное положеніе при дворѣ, при которомъ онъ былъ акредитованъ, и гдѣ, вообще, творилъ тысячу безразсудствъ, но считая, что и въ Петербургѣ ему не мѣсто, канцлеръ отнесся къ своему неудобному брату, какъ къ врагу. Между тѣмъ, въ 1752 г.,

слѣдуя совѣту Шуваловыхъ, императрица, признавъ второй бракъ докучнаго дипломата, вздумала вернуть его въ Россію, чтобы приставить къ великому князю! Легко себѣ представить гнѣвъ и возмущеніе канцлера. Михаилъ возвѣщалъ громогласно, что возвращается только для того, чтобы подставить ногу Алексѣю. Началась ужасная борьба интригъ [1]), но Шуваловымъ суждено было взять верхъ, и Михаилу сдержать свое слово.

Такимъ образомъ подготовлялась катастрофа 1758 г. Не представляется ни необходимости, ни возможности указать на отдѣльный фактъ, навлекшій на канцлера окончательную опалу, уже давно всѣми предвидѣнную [2]). Достовѣрно извѣстно, несмотря на всѣ увѣренія въ данномъ отношеніи, что никакое иностранное вмѣшательство не играло рѣшительной роли въ этомъ событіи. Марія-Терезія, правда, въ бесѣдахъ съ Стэнвиллемъ, называла Бестужева мошенникомъ; въ инструкціяхъ же, посылаемыхъ Эстергази, она въ то же время указывала на трудность найти ему замѣстителя. Въ январѣ 1758 г. Берни предложилъ союзнымъ дворамъ нѣчто въ родѣ коалиціи, „чтобы или удалить Бестужева, или заставить его принять систему императрицы“; но спрошенный по этому поводу Стэнвиллемъ, Кауницъ заявилъ на-отрѣзъ, что канцлера, „каковъ онъ ни есть, слѣдуетъ держаться“ [3]). И, оставшись безъ поддержки, французская дипломатія была лишена возможности заставить считаться съ своимъ желаніемъ.

---

[1]) Претлакъ Улефельду, Петербургъ, 2 августа 1752 г. Вѣнскій Архивъ, Воронцовскій Архивъ.

[2]) Соловьевъ, *Исторія Россіи*; Арнетъ, Geschichte Maria-Theresia, высказываютъ разнорѣчивыя мнѣнія, опираясь на одинаковыя данныя.

[3]) Бернье Стэнвиллю, январь 1758 г. Иностр. дѣла, „Россія“.

Паденію Бестужева предшествовало и подготовляло его постепенное лишеніе канцлера власти. Изъ года въ годъ, почти изъ мѣсяца въ мѣсяцъ повторялись посягательства на его права, и они передавались образованной вокругъ Елизаветы Шуваловыми камарильѣ, куда канцлеру никогда не удалось получить доступа. Таинственное управленіе дѣлами иностранной политики постепенно вытѣсняло его руководство и, такимъ образомъ, преданный Англіи и благодаря ей, стоявшій за Пруссію, онъ оказался въ 1758 г. первымъ министромъ государства, собиравшагося нарушить добрыя отношенія съ Англіей и захватить прусскую территорію. Война была рѣшена на совѣщаніи министровъ, гдѣ Иванъ Шуваловъ, не обладавшій никакимъ правомъ голоса, высказывалъ мнѣнія, всѣми принимавшіяся за приказанія, и гдѣ вскорѣ канцлеръ потерялъ всякое значеніе.

Тщетно пытался онъ протестовать, отобравъ секретарство въ совѣщаніи у Волкова, ставленника новаго фаворита, и передавъ его своему протеже, Пуговишникову, человѣку способному на всякія дѣла и служившему великому князю посредникомъ въ любовныхъ интригахъ [1]) Шуваловъ отвѣчалъ открытымъ ударомъ: отобраніемъ управленія кабинетомъ ея величества отъ Черкасова и передачей его Олсуфьеву, тайному врагу канцлера. „Такимъ образомъ, — писалъ Л'Опиталь въ декабрѣ 1757 г.,—Олсуфьевъ превращается въ единственнаго хранителя драгоцѣнностей и денегъ ея величества и будетъ завѣдывать всѣми расходами по ея нарядамъ и гардеробу“. Ужасная отплата! Бестужевъ терялъ всякую возможность контроля надъ туалетами Елизаветы. То былъ конецъ.

---

[1]) Эстергази Кауницу, Петербургъ, 9 марта 1757 г. Вѣнскій Архивъ, по-нѣмецки.

Въ данную минуту, среди грохота сраженій, конецъ этотъ прошелъ почти незамѣченнымъ. „Вотъ два министра, впавшіе въ немилость,—Польми въ Версалѣ и Бестужевъ въ Петербургѣ, мнѣ отъ того ни тепло, ни холодно“, писалъ Фридрихъ брату. Маркизъ де Л'Опиталь сообщалъ объ арестѣ канцлера въ post-scriptum'ѣ депеши, помѣченной 25 февраля 1758 г., гдѣ довольно неискусно сознавался въ недостаточности своей освѣдомленности, утверждая, что ничего не дѣлалось безъ Бестужева, уже цѣлый годъ дававшаго своимъ друзьямъ черезчуръ убѣдительныя доказательства тому, что все совершалось помимо его и вопреки ему. Французскій посланникъ тѣмъ не менѣе приписывалъ себѣ впослѣдствіи значительную долю участія въ событіи, тогда какъ Эстергази, столь же мало освѣдомленный, но болѣе скромный, охотно соглашался, что ни онъ, ни его коллега, оба тутъ были непричемъ. [1])

Самое число катастрофы является вопросомъ спорнымъ, настолько слабо она запечатлѣлась въ памяти современниковъ. Однако его можно установить съ точностью. Бестужевъ былъ арестованъ въ субботу 14 (25) февраля 1758 г. По сообщенію придворныхъ вѣдомостей въ этотъ день, вопреки обыкновенію, происходило два засѣданія совѣта министровъ. Канцлеръ, чувствуя собиравшуюся надъ нимъ грозу, воспользовался какимъ-то предлогомъ, чтобы не присутствовать на первомъ. Повинуясь офиціальному приказу Елизаветы, онъ явился на второе, и одинъ изъ Воронцовыхъ оставилъ намъ разсказъ о послѣдующихъ событіяхъ.

„Въ сосѣдней комнатѣ ожидалъ наготовѣ капитанъ гвардіи. Маршалъ, князь Трубецкой, непримиримый врагъ графа Бестужева, безъ сожалѣнія взялся возвѣстить ему

---

1) Улефельду, 5 мая 1759 г. Вѣнскій Архивъ.

опалу и даже проявилъ столько жестокосердія, что собственноручно сорвалъ съ него ленту Андрея Первозваннаго... Затѣмъ Бестужевъ былъ переданъ капитану гвардіи, сопровождавшему его до дому. Отрядъ гвардіи окружалъ его карету, а въ домѣ ожидалъ уже сильный караулъ, приставленный для надзора за нимъ.

Обхожу молчаніемъ перепитіи неизбѣжнаго процесса, послѣдовавшаго за драмой. Въ нихъ не встрѣчается никакихъ интересныхъ особенностей, а моимъ читателямъ и такъ уже слишкомъ часто приходится сталкиваться съ вѣчно однообразными подробностями. Слѣдствіе тянулось болѣе года, не приведя, повидимому, ни къ какому положительному результату, хотя Л'Опиталь и Эстергази старались увѣрить въ обратномъ, а офиціальная нота, сообщенная одному изъ нихъ, гласила о преступномъ сообщничествѣ канцлера и великой княгини въ интригѣ, имѣвшей цѣлью парализовать дѣйствіе русскаго оружія, обращеннаго противъ Фридриха.[1]) Доказательства преступленія, именно письма Екатерины къ генералу Апраксину, указанному въ нотѣ, найти не удалось.

Правда, дѣло не дошло до насъ въ неприкосновенномъ видѣ, побывавъ впослѣдствіи въ распоряженіи Бестужева, что доказываютъ его собственноручныя помѣтки на многихъ бумагахъ. Во всякомъ случаѣ катастрофа не произошла неожиданно и, вѣроятно, тѣ, кому она грозила, поспѣшили уничтожить компрометирующіе документы. Бывшій канцлеръ не былъ даже подвергнутъ пыткѣ, а просто сосланъ на жительство въ одно изъ своихъ подмосковныхъ имѣній, тогда какъ его болѣе или менѣе изобличенные сообщники, секретарь канцлера, директоръ департамента ге-

[1]) Л'Опиталь Берни, 14 мая 1758 г. Иностр. дѣла.

ральдики Ададуровъ, ювелиръ Бернардъ отправились въ мѣста ссылки болѣе отдаленныя, въ Астрахань, въ Казань, въ Сибирь.

Въ своемъ уединеніи, длившемся до восшествія на престолъ Екатерины II, Бестужевъ, изучавшій химію въ Копенгагенѣ, сдѣлался богословомъ, употребляя свои досуги на выборку текстовъ изъ Священнаго Писанія „для утѣшенія безвинно-пострадавшихъ христіанъ".[1]) Впослѣдствіи онъ занималъ при вдовѣ Петра III постъ министра безъ портфеля и довѣреннаго лица, что, не вознося его на прежнюю высоту, откуда онъ былъ свергнутъ, дало ему возможность до самой смерти, послѣдовавшей въ 1766 г. пользоваться извѣстнымъ вліяніемъ и отомстить за пережитыя обиды.

Но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего паденія, онъ былъ свидѣтелемъ отплаты болѣе скорой: наступило положеніе вещей, охарактеризованное Л'Опиталемъ нижеслѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ Берни отъ 14 іюня 1758 года:

„Все идетъ, какъ Богу угодно... Нѣтъ ни основъ, ни принциповъ. Деспотизмъ и варварство крупными шагами завоевываютъ свои прежнія права... Императрица совсѣмъ не работаетъ и ничего не подписываетъ... Вотъ уже три мѣсяца всѣ дѣла лежатъ у нея въ кабинетѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ она смѣстила Бестужева, безспорно всѣ дѣла замерли безъ движенія... Паденіе Бестужева принесетъ большую пользу по крайней мѣрѣ союзникамъ императрицы, показавъ имъ, что политическій пройдоха, великій фокусникъ

---

[1]) Sprüche aus der heiligen Schrift zum Trost eines jeden unschuldig leidenden Christen. Петербургъ, 1763 г. и Стокгольмъ, 1764 г.

Россіи, державшій ее на ходуляхъ, придававшій ей видъ величія и грозности, болѣе не существуетъ... Или я безконечно ошибаюсь, или вы увидите, какъ съ каждымъ годомъ держава эта будетъ слабѣть и падать".

Корреспондентъ Берни ошибся очень сильно. Однако въ одномъ отношеніи онъ оказался правъ. Внѣшній престижъ Россіи померкъ на нѣсколько лѣтъ съ исчезновеніемъ человѣка, „умѣвшаго ставить ее на ходули". Благодаря этому она не пріостанавливалась на своемъ пути и не сбилась съ него, но какъ бы стушевалась на міровой сценѣ какъ разъ въ ту минуту, когда въ борьбѣ съ Пруссіей доказывала свою силу и доблесть. Шуваловъ былъ совершенно несвѣдущъ въ искусствѣ декоративности, чѣмъ такъ блестяще умѣла пользоваться Екатерина II, отчасти умудренная въ этомъ отношеніи уроками Бестужева. Что касается Елизаветы, актрисы всегда безпечной, а теперь на половину скрывшейся за кулисами государыни, все болѣе поглощенной заботами о своемъ слабомъ здоровьи, сожалѣніями объ увядающей красотѣ, страхомъ близкаго конца, ужасами жестокой войны, то она появлялась въ обществѣ и принимала видъ достойный своего сана, только въ рѣдкія минуты, когда, подъ віяніемъ болѣе сильнаго удара, нанесеннаго ея гордости, болѣе страстнаго призыва къ ея мужеству, въ ней словно просыпался духъ Петра Великаго, укрѣпляя тѣло и закаляя душу.[1]) Остальное время политика внѣшняя и политика внутренняя принадлежала безраздѣльно фавориту и его семьѣ.

---

[1]) Наиболѣе полная біографія Бестужева принадлежитъ Прѣснякову во второмъ томѣ „Русскаго біографическаго словаря". См. также очеркъ С. М. Соловьева въ *Русской Рѣчи* 1860 г.

IV.

Шуваловъ.

Семья эта была по происхожденію изъ мелкихъ дворянъ. Неизвѣстная до половины столѣтія, владѣвшая небольшой вотчиной въ Костромской губерніи, она выдвинулась и пріобрѣла значеніе послѣ брака Петра Шувалова съ Маврой Егоровной Шепелевой, о положеніи которой при Елизаветѣ я уже разсказывалъ. Особа весьма непріятная, если вѣрить единогласному свидѣтельству современниковъ, „злая какъ чортъ и такая же корыстолюбивая“,[1]) говоритъ одинъ изъ нихъ, добавляя, что безобразіе ея ни съ чѣмъ несравнимо: „Это настоящая баба-яга“. Шереръ упоминаетъ объ „ея вонючемъ ртѣ“... Я пропускаю остальныя отталкивающія подробности... А Л'Опиталь слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ въ 1757 г. ея секретныя обязанности: „Находясь день и ночь при императрицѣ, она доставляетъ ей удовольствія мимолетныя и тайныя“.[2])

Когда Мавра Егоровна умерла въ 1759 г., всеобщее мнѣніе было за то, что кредитъ ея мужа будетъ немедленно поколебленъ, „отчего“, по словамъ Щербатова, „Россія безконечно много выиграла бы“. Авторъ знаменитаго сочиненія объ испорченности современныхъ нравовъ рисуетъ самый непривлекательный портретъ Петра Ивановича Шувалова и приводитъ убійственный перечень его проступковъ. Злоупотребленіе властью, лихоимство, всевозможныя хищенія, доставившія ему одно время славу самаго богатаго человѣка въ Россіи, тянутся безконечной чередой. То онъ пріобрѣ-

---

[1]) Мемуары, указанные Арнетомъ, въ Geschichte Maria Theresia's.

[2]) Къ Берни, 13 ноября 1757 г. Иностр. дѣла.

талъ за девяносто тысячъ рублей заводы на полномъ ходу на Благодати—и получая съ нихъ двѣсти тысячъ дохода, объявлялъ, что разорился, и устраивался такъ, что продажная цѣна ихъ сократилась до сорока тысячъ рублей, а затѣмъ перепродавалъ ихъ правительству за семьсотъ пятьдесятъ тысячъ. То, настоявъ на учрежденіи банка дешеваго кредита, забиралъ себѣ подъ разными подставными именами всѣ имѣвшіяся въ распоряженіи суммы. Онъ добился отмѣны закона, воспрещавшаго замужнимъ женщинамъ продавать или закладывать свое имущество безъ согласія мужей—чтобы купить за безцѣнокъ землю графини Головкиной, разошедшейся съ мужемъ.

Щербатовъ—писатель, все видѣвшій въ мрачномъ свѣтѣ, въ противуположность „хвалителямъ настоящаго"; но, признавъ даже справедливость всѣхъ обвиненій, нельзя въ нихъ видѣть нѣчто индивидуальное среди эпохи и въ странѣ, гдѣ къ несчастью подобныя черты, кажется, сдѣлались общимъ достояніемъ и распространялись далеко не на одного человѣка и не на одну карьеру. Съ другой стороны, онѣ не помѣшали этому человѣку и этой карьерѣ содѣйствовать выполненію важнаго дѣла, достойнаго похвалы во многихъ отношеніяхъ. Имя Петра Ивановича, какъ законодателя, связано съ попыткой кодификаціи, неудачной, какъ многія предыдущія и послѣдующія, но тѣмъ не менѣе знаменовавшей собой значительный прогрессъ. Какъ администраторъ, починомъ введенія однообразныхъ мѣръ, а главнымъ образомъ упраздненіемъ внутреннихъ таможенъ, отмѣненныхъ благодаря его настояніямъ, онъ обезпечилъ себѣ почетное мѣсто въ экономической исторіи страны.

Но какимъ образомъ онъ могъ имѣть отношеніе къ такому множеству вещей? Это секретъ тайнаго правительства, стремившагося съ 1751 г. замѣнить собой Бестужева, удаляя

одновременно всѣхъ офиціальныхъ и офиціозныхъ сотрудниковъ канцлера. Душой этого правительства былъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ. Безъ титула, безъ портфеля, онъ былъ дѣйствительнымъ министромъ четырехъ или пяти министерствъ. И это отличительная черта его генія—также сдѣлавшаяся общимъ достояніемъ и сохранившаяся до нашего времени въ особомъ складѣ національнаго ума, не поддающагося никакимъ сравненіямъ: удивительная разносторонность способностей и полное отсутствіе сосредоточенности и спеціализаціи въ смыслѣ современнаго движенія. Вслѣдствіе того неизбѣжные погрѣшности и пробѣлы. Испытавъ свои силы въ администраціи, промышленности, финансахъ, Петръ Ивановичъ проявилъ себя въ 1755 г. въ области военнаго искусства. Получивъ назначеніе генералъ-фельдцейхмейстеромъ, онъ не замедлилъ наложить руку на всю постановку военнаго дѣла, вводя преобразованія, нѣкоторыя весьма полезныя (къ нимъ я еще вернусь) и въ то же время возбудивъ вниманіе всей Россіи и Европы слухами о гаубицѣ собственнаго изобрѣтенія. Орудіе это было доставлено на прусскія поля битвы, украшенное гербомъ изобрѣтателя, окутанное фатой, словно невѣста, и окруженное тайной. Къ нему запрещено было приближаться подъ страхомъ смерти. Впослѣдствіи Петръ Ивановичъ согласился сообщить его чертежи въ Вѣну и великодушно предложилъ нѣсколько экземпляровъ Франціи. Но тутъ мнѣнія относительно достоинствъ пушки раздѣлились. Главнокомандующій русской арміей, дѣйствовавшей въ Пруссіи, Апраксинъ, высказалъ свое одобреніе; его преемники, Ферморъ и Салтыковъ, пришли къ обратному заключенію. Такъ что въ 1760 г. генералу Глѣбову было поручено произвести разслѣдованіе, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, не приведшее ни къ какому положительному результату. Согласно нотѣ, сообщенной въ 1759 г. Маркизу Л'Опиталю,

достоинство орудій заключалось въ томъ, „что они расширялись параллельно поверхности земли и образовали вмѣстѣ не кругъ, но эллипсисъ“. Предоставляю разъясненія спеціалистамъ. Но долженъ добавить, что французскіе артиллеристы той эпохи, руководившіеся мнѣніями, полученными изъ С.-Петербурга, отзывались неодобрительно объ изобрѣтеніи Петра Ивановича и отклонили его подношеніе. Самъ Воронцовъ тому содѣйствовалъ, повѣдавъ посланнику всехристіаннѣйшаго короля, что пришлось отказаться отъ примѣненія новой пушки во флотѣ, потому что она давала отдачу въ тридцать два фута [1]).

Однако Шуваловъ обладалъ уже не только пушкой, устроенной на свой ладъ, но—цѣлой арміей. Онъ образовалъ „развѣдочный корпусъ“ въ тридцать тысячъ человѣкъ, который долженъ былъ дѣйствовать самостоятельно подъ начальствомъ генерала Броуна, т.-е. согласно планамъ и указаніямъ непосредственно выработаннымъ самимъ Петромъ Ивановичемъ. Послѣдній такимъ образомъ превратился въ полководца и соперника Фридриха. Но этотъ опытъ привелъ къ такимъ печальнымъ результатамъ, что корпусъ пришлось расформировать [2]).

Шуваловъ въ томъ утѣшился, вознаградивъ себя въ области, всегда и во всѣхъ странахъ представляющей широкое поле дѣйствія для умовъ предпріимчивыхъ, самыхъ разнородныхъ и стоящихъ на самыхъ различныхъ степеняхъ культуры. Задолго до паденія Бестужева Петръ Ивановичъ принялъ на себя руководство внѣшней политикой. Когда знаменитое

---

1) Донесеніе французскаго военнаго атташе Виттингофа, Митава, 26 ноября 1758 г. Иностр. дѣла Эстергази Кауницу, Петерб. 16 марта 1760 г. Письмо Штелина у Васильчикова, *Семья Разумовскихъ*; Болотовъ, *Записки*.

2) Даниловъ, *Записки*.

„распаденіе союзовъ“ привело къ сближенію между Россіей и Франціей, то оно было главнымъ образомъ плодомъ стараній Шувалова. Инстинкты человѣка относительно культурнаго и утонченнаго естественно влекли его въ эту сторону. Къ сожалѣнію, онъ также не умѣлъ обуздывать своихъ страстей, какъ не зналъ границъ своему честолюбію.

Безумная страсть къ роскоши и женщинамъ испортила ему жизнь, поглощая время, состояніе, здоровье. Тщетно соединялъ онъ съ баснословными хищеніями смѣлыя и часто счастливыя спекуляціи. Петръ Ивановичъ былъ барышникомъ до крайнихъ предѣловъ. Въ 1759 г. онъ монополизировалъ торговлю скотомъ и убойнымъ мясомъ, поднявъ цѣны съ копейки до шести копеекъ за фунтъ и получивъ громаднѣйшую прибыль. Все исчезло въ бездонной пропасти, и, обладая доходомъ, исчислявшимся въ 400000 руб., Шуваловъ умеръ въ 1762 г. должникомъ государства болѣе, чѣмъ на милліонъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ въ Россіи, державшихъ открытый домъ съ изящно сервированнымъ столомъ, теплицами, гдѣ выращивались ананасы, и заведшимъ у себя англійскій выѣздъ. Онъ содѣйствовалъ развитію общественной жизни въ новыхъ рамкахъ, чему Елизаветой придавалось такъ много значенія. Но, соперничая также съ Кирилломъ Разумовскимъ въ величинѣ брилліантовыхъ пуговицъ, украшавшихъ ихъ платье *á la francaise*, онъ вмѣстѣ съ нимъ подавалъ примѣръ,—нашедшій себѣ слишкомъ много подражателей,—роскоши, несоразмѣрной со средствами страны. А его офиціальная любовница княгиня Куракина, дочь генерала Апраксина, помогала ему въ распространеніи въ той же средѣ разврата элегантнаго и циничнаго, усвоеннаго въ совершенствѣ русской аристократіей.

Тайное правительство, т.-е. правительство Россіи съ

1751 г. по 1761, подъ властью такого человѣка, было тѣмъ, чѣмъ могло быть при подобномъ руководителѣ. Потому что старшій братъ Петра Ивановича, Александръ, стойкій въ своей роли организатора и завѣдующаго „секретной канцеляріей“, вмѣшивался въ дѣло только какъ палачъ, а Иванъ Ивановичъ,—хотя благополучіе всей семьи зависѣло отъ его удачи,—оставался всегда лишь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Мавры Егоровны и ея мужа.

Иванъ Ивановичъ приходился двоюроднымъ братомъ обоимъ братьямъ, которые до его возвышенія на постъ фаворита, хотя и пользовались расположеніемъ Елизаветы, но не осмѣливались и мечтать о положеніи, какое онъ имъ обезпечилъ. Происхожденіе его *случая* повидимому относится къ пребыванію Елизаветы въ іюлѣ 1749 г. въ Знаменскомъ, резиденціи князя Николая Федоровича Голицына, по пути изъ Москвы въ Савинскій монастырь, куда Елизавета отправлялась на богомолье. Любовь и набожность! Мы видимъ ихъ постоянно причудливо переплетающимися въ судьбѣ необыкновенной государыни. Мавра Егоровна, сопровождавшая путницу, сумѣла ловко воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе ея на красоту юноши, нечаянно или преднамѣренно, находившагося у Голицына, и Елизавета двинулась въ дальнѣйшій путь въ сопровожденіи лишняго пажа. Семья такъ искуссно содѣйствовала упроченію этой нарождающейся благосклонности, что вскорѣ она распустилась пышнымъ цвѣтомъ подъ снисходительнымъ взоромъ самого Разумовскаго и не встрѣчая препятствій со стороны Бестужева [1]). Юноша казался незначительнымъ, и канцлеръ не сумѣлъ предугадать, во что онъ обратится въ рукахъ своего родственника. Три мѣсяца спустя, въ Новомъ Іерусалимѣ, дру-

[1]) Васильчиковъ, Порошинъ, *Записки.*

гомъ излюбленномъ мѣстѣ богомолья въ окрестностяхъ Москвы, Елизавета возвела пажа въ званіе камеръ-юнкера.

Это уже былъ нескрываемый фаворъ. Ивану Ивановичу шелъ двадцать второй годъ.

Онъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Съ начала до конца онъ оставался самымъ любящимъ, самымъ заботливымъ родственникомъ. Въ 1751 г. выданнаго Елизаветѣ Воронцовымъ по случаю особенно дерзкаго хищенія Петра Ивановича Шувалова постигла полная немилость. Даже Маврѣ Егоровнѣ пришлось покинуть дворъ и удалиться къ мужу, гдѣ ей нечего было дѣлать. Вмѣшательство Ивана Ивановича укротило бурю, а крупный желѣзный заводъ, уступленный провинившимся камергеру Воронцову, брату вице-канцлера, даже содѣйствовалъ примиренію обоихъ семействъ [1]). Послѣ паденія Бестужева, фавориту удалось провести обоихъ братьевъ въ совѣтъ министровъ, гдѣ онъ постоянно поддерживалъ мнѣнія и предложенія одного изъ нихъ. Всѣми признавалось, что его устами говоритъ сама Елизавета, а онъ только послушно повторялъ урокъ Петра Ивановича. Дѣйствительно, у императрицы не было секретовъ отъ фаворита, и когда Людовику XV вздумалось подѣлиться своей тайной съ государыней, онъ получилъ предупрежденіе, что фаворитъ былъ посвященъ въ нее третьимъ [2]).

Фаворитъ не занималъ офиціальнымъ образомъ никакой важной должности. Его называли просто „камергеромъ". Ни само по себѣ, ни потому, какъ Иванъ Ивановичъ себя проявлялъ въ своемъ положеніи, оно не представляло изъ себя ничего славнаго. Однако въ противоположность

---

[1]) Эстергази Кауницу. Петерб. 9-го марта 1757 г. Вѣнскій Архивъ.

[2]) Терсье д'Эону, 8-го окт. 1760 г. Иност. Дѣла, Россія.

обвиненіямъ, взводимымъ на Петра Ивановича, историческая роль этого баловня судьбы была повидимому выше его заслугъ. Хотя Екатерина II всегда видѣла его съ книгой въ рукахъ, хотя онъ побывалъ заграницей, именно въ Италіи, и обнаруживалъ во время путешествій умъ ясный и любознательный, воспитаніе его, повидимому, было вполнѣ поверхностнымъ и падало на почву совсѣмъ неблагодарную. Съ другой стороны происхожденіе, воспитаніе, дѣтскіе годы, проведенные въ деревнѣ подъ Москвой, вся общая сложность наслѣдственности и вліянія окружающей среды располагали его къ лѣни, вялости и взбалмошности полу-варварскаго вельможи. Послѣ смерти Елизаветы онъ проигралъ въ карты большую часть своего несмѣтнаго богатства [1]). Но именно благодаря этому онъ великолѣпно освоился со вкусами и склонностями Елизаветы, а такъ же ея приближенныхъ. Благодаря этому онъ былъ прекраснымъ представителемъ культурнаго русскаго быта той эпохи, яркимъ воплощеніемъ неустойчивости и неуравновѣшенности этого типа и всей окружающей обстановки. Никакихъ свойствъ государственнаго мужа, ни по внутреннимъ качествамъ, ни по внѣшности, несмотря на всѣ усилія, прилагавшіяся для достиженія такой иллюзіи. „Онъ ничего не понимаетъ въ дѣлахъ“, писалъ Эстергази въ 1760 г.; а Бретейль немного позднѣе, послѣ первой бесѣды, ожидавшейся имъ съ любопытствомъ: „По моему мнѣнію камергеръ совершенно не обнаружилъ въ разговорѣ такого ума, про который мнѣ разсказывали. Я нашелъ его легкомысленнымъ, въ сущности мало образованнымъ, хотя и стремящимся таковымъ казаться“. И, наконецъ, преемникъ Эстергази, Мерси д'Аржанто въ 1761 г. говоритъ: „Онъ представляетъ изъ себя полную посредственность и единственный талантъ его заключается въ умѣньи скрывать

---

1) Михневичъ, *Исторія игры въ Россіи.* Историческій Вѣстникъ.

свои недостатки подъ внѣшностью усердія, дѣятельности и любви къ своему народу, о которомъ у него до смѣшного высокое представленіе". Пропускаю эпитеты „человѣка не признающаго ни законовъ, ни нравственности", „раба лукаваго и порочнаго", „выскочки надменнаго, взбалмошнаго и злого", „сочинителя проектовъ, никогда не приводящихся въ исполненіе", постоянно потворяемые тѣми же свидѣтелями. Хотя принадлежащіе отзыву друзей, а не политическихъ соперниковъ, они мнѣ кажутся преувеличенными.

Иванъ Ивановичъ покровительствовалъ Ломоносову, и въ этомъ уже его крупная заслуга. Онъ былъ иниціаторомъ основанія въ 1755 г. Московскаго Университета, кураторомъ котораго состоялъ, а въ 1758 г. учредителемъ Академіи художествъ въ Петербургѣ, всегда служившей предметомъ его попеченій; покровителемъ народнаго театра, обязаннаго ему въ 1756 г. открытіемъ первой русской сцены; обладателемъ цѣнной библіотеки и коллекціи картинъ и статуй, пожертвованной имъ Академіи художествъ. Такимъ образомъ онъ оказалъ умственному развитію страны безспорныя и громадныя услуги. Помимо меценатства, онъ исполнялъ дѣйствительныя обязанности министра народнаго просвѣщенія. Въ то же время, заступивъ мѣсто Кейта въ роли покровителя русскаго масонства, по духу и преслѣдуемой цѣли совершенно отличнаго отъ прочихъ сообществъ, носившихъ такое названіе въ иныя времена и въ иныхъ странахъ, и служившаго въ Россіи задачѣ умственнаго и политическаго освобожденія, онъ сталъ въ ряды наиболѣе благородныхъ умовъ и великодушныхъ сердецъ той эпохи. Къ нему относились несправедливо, называя его „Помпадуромъ", и придворныя дамы, обративъ его имя въ кличку для пуделей и украшая ихъ бантами свѣтлыхъ цвѣтовъ, къ которымъ онъ питалъ при-

страстіе вмѣстѣ съ Елизаветой, обнаруживали больше и смѣшливости, чѣмъ остроумія.

Меня могутъ спросить, какимъ образомъ я согласую свою оцѣнку, данную его личности съ заслугами, признаваемыми за его дѣятельностью. Мнѣ кажется, что ему помогали обстоятельства. Мы видимъ, какъ въ жизни одного человѣка они поддерживаютъ и возвышаютъ, а другого давятъ. На высотахъ, куда вознесъ его случай, фавориту оставалось только отдаваться теченію, увлекавшему его родину къ горизонтамъ свѣта и относительной свободы, чтобы при блескѣ яркаго дня, открывавшагося на границахъ цивилизованнаго міра, привѣтствовать зарю блѣдную, но многообѣщающую, солнцемъ которой былъ Ломоносовъ.

Современники, въ томъ числѣ также наиболѣе рѣшительные порицатели фаворита, единогласно заявляютъ о его неподкупности. И если Фридрихъ и Вилльямсъ,, англійскій посланникъ, не придавали значенія этой чертѣ:— „Деньги не представляютъ для него цѣны, потому что ихъ у него сколько угодно“, — то все же Иванъ Ивановичъ представилъ и другія доказательства извѣстнаго благородства души. Это не значитъ, чтобы я вполнѣ довѣрялъ его частымъ признаніямъ, когда онъ заявлялъ себя „врагомъ роскоши и почести“, стараясь убѣдить Воронцова по поводу новаго отличія, выпавшаго на его долю, что „это его менѣе удовлетворяетъ, чѣмъ удручаетъ“. Высказывая, что жизнь ему настолько опротивѣла, что онъ думаетъ только о смерти, приходя въ отчаянье отъ своего безполезнаго существованія, „не способнаго оправдать сыпавшіяся на него милости“ и, наконецъ, отказавшись отъ званія вице-канцлера, онъ бросился къ ногамъ Елизаветы съ мольбой „избавить его впредь отъ всякихъ проявленій своей благосклонности“ [1]). Искрен-

[1]) Воронцовскій архивъ, „Русскій Архивъ“ 1867 г.

ность такихъ заявленій основательно вызываетъ сомнѣніе, а изъ депеши Эстергази къ Кауницу можно вывести заключеніе, что у фаворита не было недостатка въ желаніи сдѣлаться коллегой Воронцова по канцлерству [1]). Съ другой стороны мнѣ приходилось отмѣчать у Бирона подобныя же черты усталости и разочарованія, въ чемъ, повидимому, сказывалось одинаково мучительное сознаніе не только унизительности, но нравственной и матеріальной тягости своего положенія, столь блестящаго и полнаго утѣхъ. И хотя другіе замѣстители той же должности, Бекетовъ или Орловъ, могли не знать подобной неудовлетворенности, чувство это, все-таки, не относится къ числу высокостоящихъ на лѣстницѣ нравственности. Но среди потерпѣвшихъ крушеніе въ эту эпоху, менѣе кровавую, чѣмъ предыдущія, однако видѣвшую гибель многихъ, я ищу жертвъ Ивана Ивановича, его честолюбія или мстительности, гнѣва или жестокости, и ихъ не нахожу. Среди приближенныхъ Елизаветы и политическихъ дѣятелей его эпохи онъ, все-таки, является наиболѣе симпатичнымъ.

Остальныя личности, о которыхъ намъ предстоитъ вести бесѣду—второстепенные дѣятели, безъ личнаго значенія и привлекательности, не заслуживали бы знакомства съ ними читателей, если бы самый контрастъ между ихъ ничтожествомъ или низостью и извѣстнымъ внѣшнимъ блескомъ, имъ присвоеннымъ, даже, повидимому, создаваемымъ ими въ продолженіе этого страннаго царствованія, не обрисовывалъ бы еще яснѣе его историческій смыслъ.

---

[1]) 11 апрѣля 1759 г. Вѣнскій архивъ, по-нѣмецки.

V.

Дѣятели второстепенные.

Прежде всего—уже извѣстный намъ Воронцовъ, Михаилъ Ларіоновичъ. Во время переворота онъ стоялъ на запяткахъ саней Елизаветы, вмѣстѣ съ Петромъ Шуваловымъ, три года спустя получилъ званіе вице-канцлера при Бестужевѣ. Повидимому, императрицѣ больше не на комъ было остановить выбора. Тождество этихъ Воронцовыхъ со стариннымъ боярскимъ родомъ, ведущимъ свое происхожденіе изъ временъ сѣдой древности и записаннымъ въ *Бархатную книгу*, было подвергнуто сомнѣнію во время громкаго процесса, въ которомъ участвовалъ въ 1862 г. князь Долгорукій, авторъ знаменитыхъ и часто неблагожелательныхъ записокъ. У меня въ этомъ отношеніи нѣтъ окончательнаго мнѣнія. *Бархатная книга* также не представляетъ изъ себя непогрѣшимости. Она указываетъ, что родъ угасъ въ 1576 г., однако два года спустя мы встрѣчаемъ безспорнаго представителя его, окольничьяго Воронцова подъ Венденомъ, сражающимся съ польскимъ королемъ Баторіемъ [1]). Во всякомъ случаѣ вице-канцлеръ могъ доказать свое происхожденіе отъ нѣкоего Гавріила Воронцова, погибшаго на полѣ чести въ 1678 г. Три внука этого героя, Михаилъ, Романъ и Иванъ очень рано примкнули къ числу приближенныхъ Елизаветы. Романъ, сдѣлавшійся сенаторомъ послѣ восшествія на престолъ цесаревны, имѣлъ больше правъ, чѣмъ другіе братья, на благодарность императрицы. Взявъ за женой большое приданое, онъ, говорятъ, выручалъ Елизавету въ минуты де-

---

[1]) Долгоруковъ, Kleinschmidt, Geschichie des russischen hohen Adels; *Записки* и брошюра того же автора: *Правда о процессѣ князя Петра Долгорукова.* Лондонъ 1862.

нежныхъ затрудненій [1]). Но по свидѣтельству многочисленныхъ современниковъ не за это онъ получилъ прозваніе „большой карманъ“; *карманникъ* было бы болѣе точно по отзыву маркиза де-Брейля [2]). Иванъ не отмѣченъ въ исторіи. До 1744 г. Михаилъ, пользовавшійся наибольшей благосклонностью, женатый на Скавронской, племянницѣ императрицы, принадлежалъ къ числу дѣятелей, поддерживавшихъ подъ прикрытіемъ патріотизма и предлогомъ освобожденія Россіи отъ иноземныхъ вліяній Австрію и Саксонію противъ Франціи и Пруссіи при содѣйствіи морскихъ державъ. Въ этомъ заключалась „національная“ политика того времени, политика Бестужева, относительно котораго Воронцовъ, сильный своими давнишними связями и недавнимъ родствомъ съ семействомъ Елизаветы, игралъ роль покровителя. Возвышеніе покровительствуемаго на постъ великаго канцлера перевернуло ихъ отношенія, и сейчасъ же Михаилъ Ларіоновичъ перешелъ во враждебный лагерь, сблизившись съ Франціей, Пруссіей и Лестокомъ.

Однако борьба была слишкомъ неравной. У перебѣжчика не было ни большихъ пороковъ, ни недостатковъ воспитанія своего противника, однако трудно себѣ представить болѣе сложное сочетаніе всѣхъ слабостей ума и характера. Такой же продажный, Воронцовъ былъ гораздо менѣе способенъ служить платившимъ ему. Уже въ 1746 г. окончательно выведенный изъ строя, онъ испросилъ себѣ отпускъ и отправился удивлять Европу халатомъ, съ отдѣлкой изъ гагачьяго пуха, произведшимъ сенсацію въ Парижѣ, и глупостью, поразившей Венедикта XIV среди переговоровъ, на-

---

1) Воронцовскій архивъ.

2) Приложенномъ къ депешѣ отъ 31 января 1781 г. Иностр. Дѣла. Долгоруковъ.

чатыхъ по поводу возсоединенія церквей [1]). По возвращеніи, до паденія Бестужева, онъ значился въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, какъ „состоящій не у дѣлъ“, согласно выраженію, недавно примѣненному къ одному изъ его преемниковъ. Назначивъ его замѣстителемъ канцлера, Елизавета не обманывалась относительно пользы, какую можно было извлечь изъ его способностей. Но ей больше не нуженъ былъ министръ для руководства политикой. Эту обязанность приняла на себя Шувалова. Воронцовъ предназначался для представительства и поддержанія любезныхъ отношеній съ посланниками. Самые требовательные оставались имъ довольны, и Мерси д'Аржанто ничего не могъ возразить противъ его „учтивости“ и „манеръ“ [2]). Правда, иногда Воронцовъ пытался поддерживать личныя мнѣнія и противупоставлять воинственному и предпріимчивому духу своихъ соперниковъ программу болѣе умѣренную, но всякій разъ сама императрица возвращала его къ дѣйствительности и въ границы отведенной ему роли.

Она извѣстила Воронцова о повышеніи приказомъ о выдачѣ ему 40,000 руб., отданнымъ на имя графа Воронцова, „великаго канцлера“. Онъ получилъ деньги, не взглянувъ на надпись, а императрица забавлялась его невѣдѣніемъ [3]). Къ этому подарку государыня присовокупила заводъ, приносившій большой доходъ, и роскошную обстановку, и канцлеръ погрузился въ радости и удовольствія своего новаго богатства и новаго величія.

Среди высшихъ сановниковъ той эпохи я вижу только одного, производившаго на современниковъ впечатлѣніе человѣка трудолюбиваго,—генералъ-прокурора Сената до 1760 г.,

---

[1]) П. П. Гагаринъ. „Etudes de théologie“, Парижъ.
[2]) Кауницу 25 сентября 1761 г. Вѣнскій архивъ, по-французски.
[3]) Эстергази Кауницу, 5 декабря 1758 г.

Никиту Ивановича Трубецкого, отличавшагося, по словамъ Мардефельда, большимъ искусствомъ въ дѣлѣ „русскаго крючкотворства“, и по его увѣренію „не имѣющаго ничего себѣ подобнаго во всѣхъ остальныхъ странахъ“. Какимъ образомъ, не занимая никакого офиціальнаго поста къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сановникъ, заслужившій такую оцѣнку, имѣлъ какое-то касательство къ вопросамъ международной политики и заставлялъ Мардефельда искать своей дружбы, мнѣ было бы слишкомъ трудно объяснить. Тѣмъ болѣе, что, по словамъ прусскаго посланника, онъ вовсе не отличался выдающимися дарованіями. Жена его была сестрой предшественника Бестужева, великаго канцлера Черкасскаго, а въ царствованіе женщины вліянія подобнаго рода отражались повсюду. Дружба Никиты Ивановича вообще относилась къ разряду тѣхъ, которыя Мардефельдъ прекрасно умѣлъ взвѣшивать и оцѣнять по достоинству. „Онъ корыстолюбивъ до невѣроятія“, писалъ онъ [1]). Однако, я долженъ добавить, что въ этомъ отношеніи Бретейль не раздѣлялъ въ 1761 г. мнѣнія своего коллеги. Но Трубецкой тѣмъ временемъ получилъ назначеніе президента военной коллегіи, гдѣ Петръ Шуваловъ въ смыслѣ возможныхъ вымогательствъ ничего не оставлялъ на долю своихъ сотрудниковъ, поэтому свидѣтельство французскаго посланника представляется сомнительнымъ; Мардефельдъ же неспособенъ былъ ни обманывать свого государя, ни обманываться самъ въ подобныхъ вещахъ.

Дѣйствительно неподкупнымъ человѣкомъ этой эпохи, единственнымъ, беру я на себя смѣлость утверждать, былъ замѣститель Трубецкого въ Сенатѣ, Яковъ Петровичъ Шаховской, тотъ самый, которому восшествіе на престолъ Ели-

---

1) Королю 10 сент. 1742 г. Берлинскій архивъ.

заветы принесло такое непріятное пробужденіе. Это былъ любопытный, чисто-русскій типъ въ своеобразномъ смѣшеніи податливости и стойкости, не покидавшихъ его несмотря не всѣ превратности карьеры весьма бурной. Мы видѣли его склоняющимъ голову передъ Бирономъ и, старый соратникъ Миниха, онъ, не поморщившись, принялъ вовсе не почетную должность полицейскаго. Удаленный изъ Сената послѣ переворота, сдѣлавшись исполнителемъ самыхъ тяжелыхъ порученій, въ родѣ обязанности присутствовать при исполненіи приговоровъ о ссылкѣ, постигшихъ его прежнихъ друзей и покровителей, онъ сумѣлъ, благодаря низкопоклонству, снова устроиться и устроиться хорошо: прокуроромъ Синода. Укрѣпившись тамъ, онъ обнаружилъ замѣчательные таланты администратора и въ то же время недюжинную силу характера, сражаясь съ членами высокаго собранія, чтобы водворить нѣкоторый порядокъ въ ихъ канцеляріяхъ, и не страшась гнѣва Елизаветы вступаясь за ихъ права и интересы.[1]) Они отвѣчали ему не столько чувствомъ благодарности за его мужество, сколько обидами за посягательство на свою лѣнь и небрежность. И императрица удовлетворила ихъ настойчивыя просьбы, вспомнивъ, что бывшій полицейскій былъ раньше солдатомъ, и переведя его въ главный военный комисаріатъ. Тамъ онъ перессорился со всѣми, побѣдоносно отражая соблазны, при чемъ—приходится ему вѣрить на слово,—честность его нѣкоторое время колебалась между выгодой и долгомъ, пока онъ не потерпѣлъ неудачу въ стычкѣ съ Александромъ Шуваловымъ. Случай этотъ настолько характеренъ, что съ нимъ стоитъ познакомиться. Въ 1758 г. въ началѣ семилѣтней войны, Москву наводнили раненые. Размѣстить ихъ въ единствен-

---

[1]) Благовидовъ, *Прокуроръ Синода восемнадцатаго вѣка.*

номъ имѣвшемся госпиталѣ не было возможности, а жители, услыхавъ, что ими разносятся заразныя болѣзни, запирали передъ ними свои двери. Несчастные ютились на улицахъ, безъ крова, безъ помощи. Шаховской отыскалъ въ Кремлѣ старую пивоварню, уже давно стоявшую безъ употребленія, куда рѣшилъ перенести нѣкоторыя службы госпиталя, именно прачечную, чтобы освободить мѣсто. Онъ уже поздравлялъ себя съ удачной выдумкой, когда ему была вручена слѣдующая записка отъ грознаго начальника Тайной канцеляріи: „До свѣдѣнія моего дошло, что вы допустили больныхъ и прачекъ въ помѣщеніе, предназначенное для изготовленія напитковъ къ столу Ея Величества. Если это вѣрно, приказываю, чтобы упомянутыя выше лица были немедленно выселены и помѣщены въ вашемъ собственномъ домѣ, не исключая и спальной“.

Такое отношеніе встрѣтилъ къ себѣ въ самый разгаръ войны главный кригсъ-комиссаръ, доказавшій свою честность и добросовѣстное исполненіе своего долга.

Но Шаховской глазомъ не мигнулъ. Въ его спальнѣ стирали бѣлье, а самъ онъ, переселившись къ пріятелю, первый шутилъ надъ такимъ приключеніемъ. И тѣмъ не менѣе былъ признанъ неуживчивымъ и снятъ смѣщенъ, однако весьма почетнымъ образомъ, благодаря фавориту, Ивану Шувалову, нечуждому, какъ я уже говорилъ, великодушныхъ чувствъ. Трубецкой покинулъ постъ прокурора Сената, и преемникомъ ему былъ назначенъ бывшій кригсъ-комиссаръ. Но въ Сенатѣ безраздѣльно царилъ Петръ Шуваловъ. Новый прокуроръ началъ съ того, что потребовалъ свѣдѣнія объ отчетности, уже давно запущенной. Присвоивъ себѣ, между прочими источниками дохода завѣдываніе Монетнымъ Дворомъ, Петръ Ивановичъ не признавалъ надъ собой никакого контроля. Ссора возгорѣлась предъ лицомъ всего собранія и сопровож-

далась еще болѣе бурнымъ объясненіемъ въ присутствіи фаворита, пытавшагося примирить стороны. Шаховской припомнилъ всѣ обвиненія, взводимыя на лихоимца, и перемѣшивая вымыселъ съ истиной, увлекаясь своей ролью судьи до отрицанія всякаго правосудія, бросилъ всю эту грязь въ лицо своему противнику потокомъ оскорбительныхъ ругательствъ. Исходъ ссоры не подлежалъ сомнѣнію, но наступившая болѣзнь и кончина Елизаветы, передала въ руки Петра III ея развязку; Шаховской принужденъ былъ удалиться въ деревню, гдѣ оставался до 1766 г.: по возвращеніи снова занялъ мѣсто въ Сенатѣ, но уже только сенаторомъ, и умеръ въ 1777 г. [1])

Подъ конецъ царствованія въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ выдѣлился своими дарованіями А. В. Олсуфьевъ, назначенный Елизаветой секретаремъ ея Кабинета и предпочтенный ею двумъ другимъ кандидатамъ, выставленнымъ Воронцовымъ, изъ которыхъ однимъ былъ бывшій предполагаемый женихъ императрицы Нарышкинъ, а другимъ Петръ Чернышевъ, состоявшій посланникомъ въ Берлинѣ, а затѣмъ въ Парижѣ и прославившійся своими депешами, гдѣ согласно офиціальному донесенію, не было „ни слога, ни послѣдовательности, ни понятнаго смысла, никакихъ иныхъ извѣстій, кромѣ описанія придворныхъ баловъ,“ [2]). Эстергази, сообщая объ отъѣздѣ дипломата во Францію, писалъ: „Это идіотъ!“ [3]). Олсуфьевъ несъ на себѣ всю работу департамента до самой смерти императрицы.

---

[1]) Шаховской, *Записки,* упомянутыя выше; Матюшкинъ, *Біографія,* 1810 г.; Соловьевъ, *Исторія Россіи.*

[2]) Александренко, *Дипломатическіе дѣятели Россіи восемнадцатаго вѣка.*

[3]) Кауницу 16 сентября 1760 г. Вѣнскій Архивъ, по нѣмецки.

Если дипломатія Елизаветы и не оставила блестящихъ воспоминаній, ея войска покрыли себя славой, ни съ чѣмъ несравнимой въ военныхъ лѣтописяхъ Россіи. Однако безъ всякаго затрудненія и смущенія я помѣщаю на одномъ уровнѣ съ вышеописанными личностями главныхъ вождей арміи, стяжавшей себѣ такую славу. Изъ этого не слѣдуетъ, что я хочу обойти молчаніемъ истинныхъ героевъ семилѣтней войны. Я думаю и надѣюсь воздать имъ должную справедливость. Только имъ не мѣсто въ этой главѣ. У нихъ нѣтъ имени. Это безличная толпа безвѣстныхъ солдатъ, всегда въ изобиліи находившихся въ Россіи, чтобы своей безпощадно пролитой кровью орошать поля битвъ и являть примѣры самыхъ высокихъ доблестей.

Въ 1746 г. баронъ Претлакъ, посланникъ Маріи Терезіи и генералъ ея войскъ, слѣдующимъ образомъ описывалъ положеніе русской арміи въ отношеніи высшаго командованія: „На службѣ значатся только два маршала; первый—это князь Трубецкой, старецъ восьмидесяти пяти лѣтъ отъ роду, съ 1700 г. больше не служащій, да и служившій только подполковникомъ и въ этомъ чинѣ пробывшій двадцать два года въ Швеціи плѣнникомъ... Другой — Леси, весьма достойный и храбрый человѣкъ, къ сожалѣнію очень дряхлый и почти лишенный возможности двигаться. Первымъ главнокомандующимъ добрякъ Румянцевъ... проводящій во снѣ двадцать часовъ въ сутки и въ питьѣ и ѣдѣ остальные четыре. Кромѣ того, когда онъ бодрствуетъ, онъ черезчуръ твердо помнитъ, что продался Франціи, съ тѣхъ поръ, какъ Ла Шетарди выговорилъ его женѣ вознагражденіе въ 3000 руб... Впрочемъ, онъ никогда не былъ солдатомъ, потому что самой блестящей службой въ его жизни было завѣдываніе госпиталемъ въ Украйнѣ. Второй—Кейтъ, весьма подозрительный, какъ относительно Франціи, такъ и Пруссіи: слѣдова-

тельно ему никакъ не можетъ быть ввѣрено командованіе арміей. Поэтому ему предназначается уже управленіе областью на границахъ Персіи или Татаріи. Третій—князь Репнинъ... Прекрасный человѣкъ, отлично знающій себѣ цѣну и не старающійся выставить себя солдатомъ... Четвертый, собственно только носящій такое званіе, Салтыковъ, старый дуракъ и пустомеля, пробившій себѣ дорогу только потому, что состоялъ шутомъ въ царствованіи императрицы Анны [1]).

Итакъ: два восьмидесятилѣтнихъ инвалида, два прожигателя жизни, не имѣвшіе ничего военнаго, одинъ подозрительный иностранецъ и одинъ историкъ. Не удивительно, что, собираясь выслать армію на берега Рейна, Елизавета выражала желаніе позаимствоваться генераломъ у Австріи. Но у Маріи Терезіи не оказалось лишнихъ, и самъ Претлакъ въ отвѣтъ на сдѣланное предложеніе доказалъ, что раздѣляетъ мнѣніе д'Эона относительно страны, усыновившей Миниховъ и Остермановъ. Четырнадцать лѣтъ спустя, чтобы помѣриться силами съ Фридрихомъ, въ распоряженіи дочери Петра Великаго оказался только „старый дуракъ", о которомъ такъ презрительно отзывался Претлакъ. Остальные умерли или покинули Россію, какъ сынъ Леси, а также Джемсъ Кейтъ. Послѣдній ходатайствовалъ о мѣстѣ для своего брата, знаменитаго милорда-маршала: „У насъ достаточно маршаловъ", отвѣчала Елизавета. И Джемсъ Кейтъ отправился искать счастья въ другихъ краяхъ. Этимъ воспользовался Фридрихъ, принявъ на службу обоихъ братьевъ, и при началѣ войны съ Россіей противникомъ короля выступилъ Степанъ Федоровичъ Апраксинъ, о которомъ Вилльямсъ говорилъ въ 1756 г.: „Онъ никогда не видалъ непріятеля и не имѣетъ ни малѣйшаго желанія съ нимъ встрѣтиться".

---

1) Петербургъ, 29 Августа 1746 г. Вѣнскій Архивъ; по французски.

Въ этомъ было нѣкоторое преувеличеніе. Пользуясь при императрицѣ Аннѣ могущественной поддержкой своей матери Елены Леонтьевны Кокошкиной, бывшей замужемъ вторымъ бракомъ за грознымъ Ушаковымъ, Апраксинъ устроился при Минихѣ въ качествѣ адъютанта и занималъ это мѣсто, несмотря на свое слабоуміе и нерадивость. Впослѣдствіи въ скандальной хроникѣ той эпохи, его біографія украсилась многими непривлекательными чертами, некрасивой исторіей за картами у Кириллы Разумовского, черезчуръ явной снисходительностью къ любовной интригѣ дочери своей, Елены Степановны Куракиной, съ Петромъ Шуваловымъ. Но въ хроникахъ часто столько же вымысла, сколько скандаловъ, поэтому я склоненъ придерживаться сужденія и впечатлѣнія маркиза Л'Опиталя, хорошо принятого русскимъ главнокомандующимъ въ штабъ-квартирѣ въ Ригѣ, пользовавшагося тамъ широкимъ гостепріимствомъ и не принадлежавшаго къ числу свидѣтелей со стороны обвиненія. Онъ одобрительно отзывается о благородной и красивой внѣшности генерала, которую немного портила излишняя полнота, о его открытомъ лицѣ и даже воздержанности, несмотря на пиршества, нѣкогда раздѣляемыя съ польскимъ королемъ. Онъ восхищается его „любезными манерами, великолѣпіемъ, обходительностью съ солдатами и справедливостью ко всѣмъ, хвалитъ намѣреніе оставить въ Ригѣ „значительное количество молодыхъ особъ, составлявшихъ его дворъ", и чтобы ему ни говорили, отказывается допустить въ такомъ пріятномъ человѣкѣ недостатокъ мужества, равный завѣдомому отсутствію военныхъ талантовъ. Въ отношеніи послѣдняго наблюденія надъ арміей и ея вождемъ не оставили у него ни малѣйшаго сомнѣнія [1]).

---

[1]) Шуазелю, 7 іюня 1757 г. Иностр. дѣла.

Таковъ былъ побѣдитель при Гроссъ-Егерсдорфѣ (30 августа 1757 г.), вскорѣ затѣмъ впавшій въ немилость и обвиненный въ отступленіи послѣ побѣды. Онъ умеръ отъ удара во время перваго допроса.

Его преемникъ, графъ Вильямъ Ферморъ, родомъ англичанинъ, повидимому обладалъ большими дарованіями, въ особенности какъ военный инженеръ, хотя не блеснулъ ими при Цориндорфѣ. Но, когда въ свою очередь ему пришлось уступить мѣсто Салтыкову, французскій военный атташе, де Монталамберъ, слѣдующимъ образомъ выразилъ свое удовольствіе: „Хотя Салтыковъ генералъ далеко не искусный, и не предпріимчивый, но мы всетаки предпочитаемъ его Фермору, соединяющему съ такимъ же отсутствіемъ военнаго таланта и знаній, наклонности худшія и даже пользующемуся славой человѣка, вполнѣ преданного нашимъ врагамъ [1])“. Я воздержусь здѣсь отъ собственного мнѣнія, какъ бы обосновано оно ни казалось. Спрошенный мѣсяцъ спустя, кому изъ двухъ генераловъ онъ отдаетъ предпочтеніе, Эстергази сослался на трудность выбора между „предателемъ и дуракомъ“ [2]).

Это не помѣшало Салтыкову нанести Фридриху самое ужасное пораженіе, когда либо постигшее побѣдителя при Росбахѣ. Но воспользоваться плодами его Салтыковъ не сумѣлъ, подобно своему предшественнику, и въ отчаяньи Елизавета обратилась къ своему бывшему возлюбленному, Александру Борисовичу Бутурлину. О немъ Эстергази, не скупившійся на эпитеты, далъ отзывъ, что это „второй идіотъ, безъ всякаго знанія военнаго искусства [3])“. И на этотъ разъ самъ Л'Опиталь поддержалъ его, дружно, вторя: „Бу-

---

[1]) 6 октября 1760 г. Иностр. дѣла.

[2]) Кауницу, 7 ноября 1760 г. Вѣнскій Архивъ; по-нѣмецки.

[3]) Ему же 23 февраля 1760 г. Вѣнскій Архивъ по-нѣмецки.

турлинъ не обладаетъ ни талантами, ни умомъ. Воевалъ только противъ персовъ и татаръ и въ предѣлахъ Россіи. Пьяница и невѣжда“ [1]).

Такая оцѣнка,—въ чемъ я долженъ сознаться своимъ читателямъ, — встрѣчаетъ сильное противорѣчіе со стороны большинства русскихъ военныхъ писателей, въ чьихъ глазахъ всѣ эти генералы, или побѣдители Фридриха, или его противники съ честью выдержавшіе съ нимъ единоборство, сами дали доказательства дарованій достаточныхъ, чтобы помѣриться силами съ великимъ полководцемъ [2]). Если я всетаки склоняюсь не только къ указанію основаній противуположного мнѣнія, но даже къ его признанію, то потому, что помимо общаго голоса свидѣтельствъ, трудно опровержимыхъ, въ пользу такого мнѣнія по моему говорятъ самые факты, на которыхъ мнѣ предстоитъ остановиться болѣе подробно.

Мнѣ кажется, что среди высшаго начальства только одинъ изъ поручиковъ Бутурлина, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ обнаружилъ умъ, храбрость и энергію вождя. И всетаки заслуга удачныхъ дѣйствій, которыми онъ блеснулъ, можетъ быть въ значительной степени принадлежитъ его обычному спутнику, австрійцу Лаудону. Семилѣтняя война, именно битва при Гроссъ-Егерсдорфѣ, повидимому, выдвинула также будущаго „русскаго Тюренна“, по выраженію Карамзина, находившагося тогда еще въ мелкихъ чинахъ, великаго мужа будущаго царствованія и сына старца, дѣ-

---

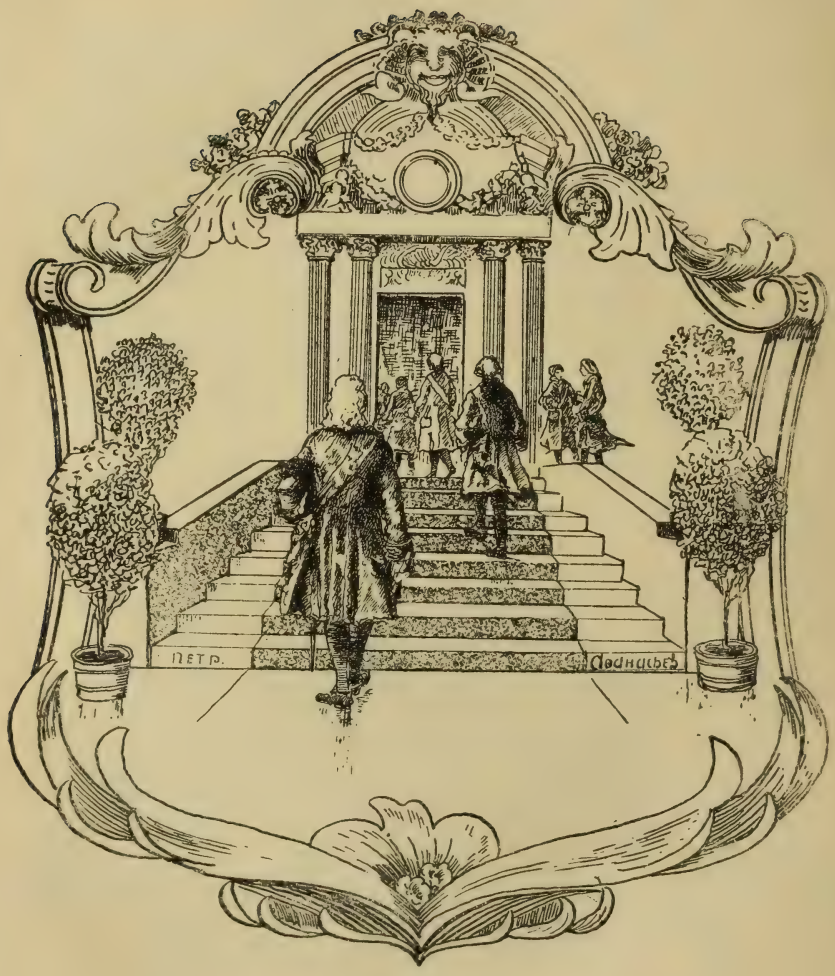
[2]) Шуазелю, 16 февраля 1759 г. Иностр. дѣла.

[3]) См. относительно этого вопроса указанный выше трудъ Rambaud, Russes et Prussiens. Авторъ приводитъ въ немъ многочисленныя выдержки изъ наиболѣе авторитетныхъ русскихъ источниковъ, а именно изъ книги ученаго историка семилѣтней войны, Масловскаго.

лившаго время между сномъ и ѣдой, описаннаго Претлакомъ въ 1746 г.: Петра Алексадровича Румянцева.

Но они были только субалтернъ-офицерами. Фридрихъ ихъ не зналъ. Однако, характеризуя высшее начальство названіями „дураковъ, идіотовъ“, или „предателей“, какъ онъ отозвался о другомъ соратникѣ Чернышевѣ, Тотлебенѣ, побѣжденный при Кюнерсдорфѣ совершалъ капитальную ошибку: вмѣстѣ со всей современной Европой, онъ не понялъ, что скрывалось за ними, такъ же какъ за ихъ политическими содѣятелями Бестужевымъ и Воронцовымъ. Я говорю о мощномъ напорѣ молодого и крѣпкаго народа, восторжествовавшаго силой своей непреодолимой энергіи и безудержнаго порыва какъ на поляхъ брани, избранныхъ мудрой стратегіей грознаго противника, такъ и надъ искусно разставленными ловушками самой искусной дипломатіи.

Перехожу къ краткому обзору внутренней исторіи царствованія.


ПЕТР.
Меншиковъ

ГЛАВА IV.

Политическая эволюція.

I. Политическая организація. — Упраздненіе Кабинета Министровъ.— Возстановленіе Сената въ его прежнихъ правахъ. — Совѣщаніе министровъ. — Преобразованіе коллегій.—Отказъ отъ объединяющей программы Петра Великаго.—Возстановленіе гетманства въ Малороссіи.— Успѣхъ въ обратномъ направленіи. — Конецъ казацкаго самоуправленія.—Колонизація степей.—Устройство Сибири.—II. Администрація.— Система ухищреній.—Продажность должностей и проистекавшія отсюда злоупотребленія.—Безсиліе центральной власти.—Недостатки судебной администраціи. — III. Законодательство.—Изобиліе указовъ.—Попытки кодификаціи.—Реформа уложенія о наказаніяхъ.—Исторія тѣлесныхъ наказаній.—Отмѣна смертной казни.—Либеральныя стремленія, наталкивавшіяся на благочестіе Елизаветы и роковую судьбу ея политическаго положенія. — IV. Тайная полиція и полиція административная.— Тайная канцелярія. — Постоянный заговоръ.—Общественная безопасность.—Неравное отношеніе.—Разбои.—Соучастіе властей административныхъ, арміи, народонаселеніе. — Пожары. — Вліяніе на экономическое положеніе страны. — V. Область экономическая. Монополіи. — Отказъ отъ принциповъ Петра Великаго.—Покровительство промышленности и торговлѣ.—Система руководящаго вмѣшательства государства.—Его ошибки.—Геніальный изобрѣтатель. — Самокаты и автоматическій поверстный счетчикъ Шамшуренкова. — Противорѣчія системы.—Законы противъ роскоши.—Не блестящіе результаты.—Причины.— VI. Финансы.—Нарушеніе равновѣсія.—Ухищренія и задолжалость. — Отсутствіе отчетности. — Общее хищеніе. — Послѣдствія войны.—Неспособность страны выдерживать навязанную ей роль. — VII. Армія и

флотъ. — Сужденія современниковъ о военной организаціи государства.—Недостатки этой организаціи.—Реформы 1755 г.—Нравственный элементъ.—Разрушеніе флота.—Гибель, грозившая созданію Петра Великаго.—Его парадоксальный характеръ.—Послѣдствія.

Эту часть моей задачи, содержаніе этой главы и послѣдующей, я могъ бы свободно обойти молчаніемъ, по мнѣнію послѣднихъ иностранныхъ историковъ, занимавшихся этимъ вопросомъ. Долго спустя послѣ царствованія Елизаветы, вплоть до эпохи великаго національнаго пробужденія, вызваннаго бѣдствіями Крымской кампаніи, русскій народъ—колоссъ, уснувшій вѣковымъ сномъ—за предѣлами своей дипломатіи и оружія не переживалъ, по ихъ словамъ, въ глубинѣ своего затишья ни одного часа, достойнаго быть отмѣченнымъ въ лѣтописяхъ исторіи 1). Достаточно минутнаго размышленія, чтобы оцѣнить по достоинству столь мало научное воззрѣніе. Жизнь народовъ не допускаетъ такихъ раздѣленій между внутреннимъ существованіемъ и внѣшней ролью, и не на дремлющихъ сурковъ наткнулся Наполеонъ въ стѣнахъ Москвы. Но ошибочность сужденія, легко обнаруживается. Она встрѣчается настолько часто въ трудахъ, посвященныхъ изученію прошлаго Россіи, что требуетъ объясненія, въ этомъ отношеніи.

Прежде всего такое заблужденіе зависитъ отъ дѣйствительной двойственности блестящаго и внушительнаго вида съ одной стороны и тусклой, неряшливой изнанки съ другой, долго сохранявшейся въ исторіи страны. Мнѣ предстоитъ обратить на это особое вниманіе. Другая причина кроется въ многообразныхъ трудностяхъ, представляемыхъ изученіемъ этой темной части исторической эволюціи, переживающей свои дальнѣйшія фазы передъ нашими взорами. Внѣш-

1) Nisbet Bain „The daughter of Peter the Great“.

няя исторія Россіи восемнадцатаго вѣка,—это солнце, восходящее на европейскомъ горизонтѣ. Ея внутренняя исторія до сего времени словно подернута завѣсой тумана. Эволюція распространяется на обѣ стороны, вѣрнѣе являющія изъ себя одно цѣлое, тождественныя по своей сущности, повинующіяся единому закону тяготѣнія и давленія въ пространствѣ, только видимыя подъ разными углами съ той точки зрѣнія, гдѣ мы находимся. Намъ извѣстны до мелочей перипетіи битвъ, происходившихъ между Фридрихомъ и генералами Елизаветы, и отъ нашего вниманія не ускользаетъ ни одна подробность переговоровъ, подготовившихъ эти кровавыя столкновенія. Но у насъ весьма смутное представленіе,—если оно вообще имѣется,—о томъ, что представляла изъ себя въ это время внутренняя жизнь деревни,—области громаднаго государства, гдѣ вырабатывались и откуда черпались элементы борьбы, начатой и побѣдоносно выдержанной далеко за ея предѣлами. Нѣтъ документовъ. Весьма небольшое количество ихъ сдѣлалось достояніемъ гласности. Наиболѣе важные остаются недоступными даже для изслѣдователей, не останавливающихся передъ трудной работой разбора архивовъ. Поэтому я не льщу себя надеждой преодолѣть такія препятствія. Но не могу противустоять искушенію, и даже обязанности, рѣшиться на скромную попытку пролить нѣкоторый свѣтъ на эту неизвѣданную область и дать о ней хотя бы поверхностное представленіе. Вершины, понятнымъ образомъ, доступны здѣсь легче всего.

I.

Политическая организація.

Образъ, приданный новому правительству, прежде всего указываетъ рѣшительное возвращеніе на путь Петра Великаго, въ тѣхъ точкахъ, гдѣ во время предыдущихъ царствованій, болѣе на практикѣ, чѣмъ въ теоріи, было допущено стремленіе къ уклоненію. Упраздненіе „Кабинета Министровъ“ возвратило Сенату права административныя, судебныя и законодательныя, постепенно отобранныя у него бывшимъ соперникомъ. Но возстановленіе въ правахъ было лишь кратковременнымъ. Одинаковыя причины привели къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Несоотвѣтствіе коллегіальной формы съ требованіями администраціи обнаружилось снова, и „Совѣтъ Министровъ“, заступилъ мѣсто „Кабинета“, повидимому, преслѣдуя ту же цѣль: поглощенія подъ другимъ именемъ всей власти. Частыя посѣщенія въ первое время Елизаветой засѣданій Сената, безусловно содѣйствовали поддержанію престижа высокаго собранія, а мотивированный династическими соображеніями и порученный его заботамъ пересмотръ указовъ, изданныхъ въ предыдущія царствованія поставилъ его въ области законодательной внѣ всякой конкуренціи. Указомъ 6 августа 1746 г., подвергающимъ на разсмотрѣніе Сената всѣ приговоры, требующіе смертной

казни, утвердило также за нимъ главенство судебной власти. Административныя права его оставались всегда очень обширными и разнообразными. Напр., въ 1746 г. Сенату пришлось опредѣлять качество и цвѣтъ бархата, вырабатываемаго въ Россіи. Матеріи съ разводами—ярко-малиновыми на свѣтломъ фонѣ—были забракованы петербургскими сенаторами, вѣроятно, не безъ вліянія спеціальной компетенціи государыни.

Проявленное такимъ образомъ рвеніе Елизаветы, къ сожалѣнію, вскорѣ, какъ намъ извѣстно, ослабѣло. Вначалѣ она взяла на себя непосредственный контроль надъ правомъ обжалованія, дарованнымъ ея подданнымъ. Были назначены дни для подачи прошеній. Но случалось такъ, что всякій разъ въ установленные дни какія-нибудь другія занятія мѣшали императрицѣ посвятить себя этимъ дѣламъ. То охота, то прогулка, то бесѣда съ модисткой. И въ маѣ 1743 г. пришлось прибѣгнуть къ рѣшенію отослать всѣ прошенія въ спеціальную канцелярію. Для завѣдыванія прочими дѣлами, имѣвшими отношеніе къ особѣ государыни, въ видѣ передаточной инстанціи между ней и правительствомъ, былъ возстановленъ „Кабинетъ“ двора. Опять таки „какъ при Петрѣ Великомъ“.

Само собой разумѣется, коллегіи остались. Однако, въ 1744 г. Елизавета упразднила коллегію, завѣдовавшую имуществами, принадлежащими монастырямъ и епархіямъ и вѣдавшую духовныя тяжбы подъ контролемъ Сената. Обязанности этой гражданской коллегіи были переданы духовной канцеляріи, находившейся въ непосредственной зависимости отъ Синода. То была великая побѣда клерикальныхъ стремленій, пользовавшихся покровительствомъ новаго царствованія.

Среди оставшихся коллегій нѣкоторыя сохраняли лишь

номинальную власть. Напр. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, послѣ возвышенія Бестужева. Съ предвзятымъ намѣреніемъ канцлеръ никогда ни ступалъ туда ни ногой, направляя всѣ дѣла въ свой частный кабинетъ. На замѣчаніе одного изъ членовъ коллегіи, возставшаго противъ такого пренебреженія, высказываемаго къ его сослуживцамъ, Бестужевъ отвѣчалъ, пожимая плечами: „Вамъ самимъ не безызвѣстно, что я прежде часто въ коллегію пріѣзжалъ, но никакой пользы въ дѣлахъ отъ того не видалъ, ибо вы, господа члены, въ такихъ моихъ присутствіяхъ только и дѣлали, что одинъ за другимъ въ круговую читали и никакого предложенія и разъясненія не чинили. А когда я, видя ваше всегдашнее молчаніе, хотя мнѣ этого и ни слѣдовало, и напередъ ваше мнѣніе слышать надлежало о нѣкоторыхъ дѣлахъ свое мнѣніе предлагалъ, въ такихъ случаяхъ одни только критическія разсужденія отъ васъ слышалъ, а какъ бы иначе по вашему мнѣнію дѣло окончить надлежало—того никогда отъ васъ добиться не могъ. Наскучивши такими безплодными сидѣніями въ Коллегіи и жалѣя о времени, что напрасно въ томъ проходило бы, я и пріѣзжать въ Коллегію пересталъ, потому что я гораздо больше у себя дома, нежели сидя въ Коллегіи, нужнѣйшихъ дѣлъ исправлять могу“. *).

Такимъ образомъ теоретическое созданіе преобразователя при примѣненіи терпѣло самопроизвольное крушеніе. Кромѣ того, въ одномъ отношеніи новая органическая реформа,—наиболѣе важная всего царствованія,—привела къ полному разрыву съ наслѣдіемъ великаго мужа, доказывая неспособность преемниковъ поддерживать его въ неприкосно-

*) (Записка разговора въ Госуд. Архивѣ). Соловьевъ, *Исторія Россіи*.

венности, даже при всей выраженной ими къ тому готовности.

При проведеніи программы однообразія, преслѣдовавшей цѣль объединенія различныхъ областей государства, Петръ, какъ намъ извѣстно, упразднилъ самоуправленіе Малороссіи и уничтожилъ гетманство. Послѣ смерти послѣдняго гетмана, Апостола, въ 1734 г., страна управлялась временной комиссіей изъ шести членовъ, наполовину русскихъ, наполовину мѣстныхъ. И эта временность грозила обратиться въ вѣчность; а русскіе комиссары между тѣмъ забирали все болѣе чувствительный перевѣсъ надъ своими коллегами малороссами. Послѣдніе высказывали постоянныя сѣтованія по этому поводу, но до восшествія на престолъ Елизаветы не было никакого основанія придавать значеніе ихъ жалобамъ. Теперь основаніе появилось и называлось—Разумовскимъ. Положеніе сейчасъ же измѣнилось, и цѣлый рядъ мѣръ, возвращавшихъ утраченныя права, возвѣстилъ сынамъ свободной Украйны, что время испытаній для нихъ миновало. Въ 1744 г. императрица прибыла въ Кіевъ и согласилась принять депутацію, испрашивавшую возстановленіе гетманства. Это было почти равносильно обѣщанію. Вторая депутація вскорѣ отправилась въ Петебургъ, чтобы присутствовать при бракосочетаніи великаго князя и вернулась окончательно обнадеженной. Для немедленнаго осуществленія желанія малороссовъ имѣлось только одно препятствіе: личность гетмана. Хотя онъ долженъ быть „выборнымъ“, но заранѣе было обусловлено, что выборъ остановится на братѣ фаворита. Приходилось ожидать: кандидату было всего шестнадцать лѣтъ. Когда ему исполнилось двадцать одинъ годъ, комедія избиранія состоялась съ большой торжественностью въ Глуховѣ, и въ назначенный день 22 февраля 1750 г. Кириллъ Разумовскій былъ избранъ единогласно.

Между тѣмъ употреблялись всѣ усилія для улучшенія положенія области; принимались энергичныя мѣры для борьбы съ пожарами, опустошавшими ее изъ года въ годъ, отпущены были значительныя суммы для частичнаго облегченія ужасныхъ бѣдствій. Отозваніе семи русскихъ полковъ, расквартированныхъ въ Малороссіи, обрадовало населеніе, удовлетворивъ наиболѣе часто высказываемымъ имъ сѣтованіямъ. Смѣшанная комиссія, въ которой видѣли орудіе угнетенія, прекратила свое существованіе. Всѣ русскія должностныя лица были отозваны, и управленіе краемъ, находившееся въ вѣдѣніи Сената, снова перешло въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, въ чемъ не безосновательно видѣли залогъ хотя относительной свободы. Возстановленіе резиденціи гетмана въ Батуринѣ, древнемъ мѣстопребываніи Мазепы, представлявшемъ изъ себя лишь груды развалинъ, также, повидимому, знаменовало ея упроченіе, возвратомъ къ славнымъ преданіямъ прошлаго.

Къ сожалѣнію, гетманъ соскучился въ новомъ дворцѣ, нарочно для него выстроенномъ, и, ссылаясь на слабость здоровья, не замедлилъ испросить позволенія вернуться въ благодатный климатъ Петербурга. Елизавета поддалась чувству жалости, и, покинувъ Батуринъ, Кириллъ передалъ управленіе краемъ на произволъ оставленныхъ тамъ беззастѣнчивыхъ подчиненныхъ и алчной родни. Но даже живя среди нихъ, онъ обнаружилъ полную неспособность ими руководить, или ихъ сдерживать, и съ другой стороны, интересы, представителемъ которыхъ онъ считался, ничего не выигрывали отъ его личной иниціативы, поскольку онъ ею обладалъ. Къ нему былъ приставленъ менторъ, по имени Тепловъ, одинъ замѣнявшій собой всѣхъ трехъ русскихъ членовъ прежней комиссіи. Онъ проявлялъ страстное рвеніе въ сопротивленіи либеральнымъ тенденціямъ новаго

царствованія, подтвержденнымъ въ 1754 г. указомъ, разрѣшавшимъ торговлю хлѣбомъ между Великороссіей и Малороссіей; въ 1754 г. упраздненіемъ ввозныхъ пошлинъ, взимавшихся съ иностранныхъ товаровъ въ пользу метрополіи, затѣмъ постепенной отмѣной большого количества внутреннихъ налоговъ, обременявшихъ мѣстную промышленность. Въ 1766 г. Кириллъ побуждаемый своими совѣтчиками, вступилъ въ борьбу съ Бестужевымъ, и чтобы сдѣлать непріятность канцлеру, потребовалъ передачи дѣлъ своей администраціи снова въ вѣдѣніе Сената. Этимъ онъ подкапывался подъ корень принципа самоуправленія, и развитію ея былъ положенъ непреодолимый предѣлъ. Въ 1761 г. Сенатъ рѣшилъ выдѣлить изъ Малороссіи Кіевъ, обративъ его въ главный городъ округа, непосредственно управляемаго самимъ Сенатомъ, Это было рѣшительнымъ шагомъ и началомъ возвращенія болѣе полнаго—и на этотъ разъ окончательнаго—къ программѣ объединенія, въ чемъ геній Петра Великаго наконецъ восторжествовалъ надъ слабостью своихъ преемниковъ.

Далѣе на югъ, въ необозримыхъ степяхъ, окаймлявшихъ нижнее теченіе Днѣпра, царствованіе Елизаветы подготовило конецъ Запорожскаго коша казаковъ, поселившихся за Днѣпровскими порогами, и начало „Новороссіи". Послѣ разоренія своей Сѣчи въ 1709 г., мотивированнаго сообщничествомъ съ Мазепой, запорожцы сдѣлали попытку возстановленія коша при сліяніи Каменки и Днѣпра. Вытѣсненные оттуда, они отдались подъ власть крымскаго хана и подъ его покровительствомъ засѣли близъ устьевъ Днѣпра, въ урочищѣ Алешки, блюдя завѣты казачества. Они были послѣдними его представителями. Но новое положеніе, поставившее ихъ въ зависимость отъ ихъ исконныхъ враговъ, было весьма плачевнымъ. Пробудилось желаніе сблизиться съ Россіей и ея царемъ. Въ 1728 г. Апостолъ сообщилъ,

что запорожцы стремятся вернуться въ свою старую сѣчь, признавъ надъ собой русскій протекторатъ. Разсѣянность Петра II пріостановила это благопріятное движеніе. Апостолъ получилъ приказъ силой оружія отразить людей, намѣревавшихся перейти въ русское подданство. Анна Іоанновна проявила больше благоразумія. Генералъ Вейсбахъ, приступившій по ея приказанію къ сооруженію въ степяхъ линіи крѣпостей, предполагавшейся между Днѣпромъ и верхнимъ теченіемъ Дона, вошелъ въ сношеніе съ кошемъ. Въ 1733 г. съ согласія императрицы, кошевой Милашевичъ приступилъ къ разбивкѣ новаго коша на русской землѣ, на правомъ берегу Днѣпра, на полуостровѣ, образованномъ небольшой, но глубокой рѣкой Подводной. Съ разрѣшенія Кіевскаго митрополита была выстроена церковь. То былъ послѣдній казачій кошъ. Въ 1734 г. старшины отправились въ Бѣлую церковь, чтобы принести присягу императрицѣ и получить отъ нея грамоту и обѣщаніе жалованья. Прилегающія окрестности были переустроены на казачій ладъ, раздѣлены на *курени*, входившіе въ составъ двухъ *товчей*, или округовъ, управляемыхъ *паланками*, т. е. собраніемъ старшинъ.

Казаки эти сражались подъ русскимъ знаменемъ въ турецкую войну, и Бѣлградскій договоръ (1739 г.) закрѣпилъ присоединеніе Сѣчи къ русскому государству. Добавочное условіе передало ему всѣ владѣнія запорожцевъ, за исключеніемъ рыбной ловли на Бугѣ. Запорожье и Сѣчь находились теперь во власти Россіи, выжидавшей удобной минуты для уничтоженія послѣднихъ остатковъ стараго строя. Однако правительство Елизаветы обнаружило на этомъ пути благоразуміе, терпѣніе и мудрый либерализмъ, имѣвшій слѣдствіемъ многообѣщающій притокъ эмиграціи и колонизаціи. Въ 1750 г. къ Михаилу Бестужеву, бывшему посланникомъ въ Вѣнѣ, обратились сербскіе офицеры съ предложеніемъ

своихъ услугъ для образованія полковъ гусаръ и пандуровъ, взамѣнъ уступки земли въ приднѣпровскихъ степяхъ, Предложеніе было принято въ Петербургѣ, и въ слѣдующемъ году полковникъ Хорватъ появился въ Кіевѣ, въ сопровожденіи 218 спутниковъ обоего пола. Ему былъ пожалованъ генеральскій чинъ и обширныя земли къ сѣверо-западу отъ Запорожья. Колонія эта, распространявшаяся отъ рѣки Кагалика до сліянія Омельника съ Днѣпромъ, получила названіе *Новой Сербіи.* Въ 1753 г, тамъ было приступлено къ закладкѣ крѣпости во имя св. Елизаветы, теперешняго Елисаветграда, на верхнемъ теченіи Ингула. Но запорожцы съ недовѣріемъ глядѣли на эту постройку. Порта заволновалась, и работы пришлось пріостановить. То была лишь временная отсрочка. Разставленныя сѣти готовы были опутать своими постепенно стягивавшимися петлями не только Запорожье, но и самый Крымъ.Принятая современными арміями. Тактика послѣдовательныхъ скачковъ и пріостановокъ передъ линіей наступленія всегда была въ духѣ русскаго народа.

Въ маѣ 1759 г. еще два серба, Шевичъ и Прерадовичъ, получили земли въ сѣверо-восточной части Запорожья, между Донцемъ съ сѣвера и рѣками Бахмутомъ и Ланганьей. Тутъ образовалась Славяно-Сербія. Пространство, раздѣлявшее обѣ колоніи, постепенно заселялось болгарами, молдаванами и валахами,—пестрымъ народонаселеніемъ, изображеннымъ яркими красками Кулишемъ въ его романѣ *Михайло Черниченко.* Въ 1755 г. въ степи насчитывалось до 2,800 человѣкъ жителей, изъ нихъ 1,300 состоявшихъ на военной службѣ. Легко себѣ представить царившій тамъ безпорядокъ. Между населеніемъ задорнымъ, воинственнымъ, жаждавшимъ независимости, и правительствомъ, вынужденнымъ самыми неурядицами усиливать свои деспотическія

стремленія, происходили частыя столкновенія. Въ 1759 г. на просьбу объ указѣ для подтвержденія привилегій колонистовъ, начальникъ крѣпости св. Елизаветы, Муравьевъ, отвѣчалъ: „Указъ—это я!“ Однако до кончины Елизаветы Малороссія, какъ и Запорожье, сохраняли самоуправленіе и демократическое устройство.

Что касается остальныхъ казаковъ, разсѣянныхъ на юго-восточныхъ границахъ Россіи,—казаковъ азовскихъ, астраханскихъ, волжскихъ,—то, за отсутствіемъ крѣпкихъ узъ, связывавшихъ ихъ традиціями казаковъ съ остальными, ихъ поглощеніе обширнымъ государствомъ и раствореніе въ объединенныхъ рамкахъ его организаціи не было такой сложной задачей и не представляло такихъ затрудненій.

Но еще далѣе на востокѣ правительству Елизаветы пришлось взяться за другой колоссальный трудъ: устройство и заселеніе громадныхъ пространствъ, тянувшихся отъ Урала до береговъ Ледовитаго океана. Первый оренбургскій губернаторъ, И. И. Неплюевъ, извѣстный авторъ весьма интересныхъ записокъ, вынесъ на своихъ плечахъ значительную часть этого нелегкаго дѣла въ тѣхъ краяхъ. Оренбургское губернаторство было создано указомъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1744 г. Ранѣе область эта находилась въ вѣдѣніи особой канцеляріи, помѣщавшейся въ столицѣ государства, и обладала народонаселеніемъ, въ которомъ русскій элементъ составлялъ меньшинство приблизительно изъ 200,000 душъ, въ томъ числѣ до 20,000 чиновниковъ. По этому поводу мои читатели могутъ удостовѣриться, что исторія колонизаціи повсюду сопровождалась одинаковыми ошибками. Большую часть населенія составляли выходцы изъ Азіи—бухарцы, хивинцы, даже персы, но, главнымъ образомъ, татары и разноплеменные туземцы: башкиры, киргизы, черемисы, чуваши, вотяки, которымъ приходилось не столько управлять, сколько

ихъ усмирять. Устраивая заводы, необходимо было снабжать ихъ пушками. Чтобы дать столицѣ края лучше обезпеченное стратегическое положеніе, Неплюевъ счелъ нужнымъ ее перенести и основалъ въ двухстахъ верстахъ отъ прежней, на правомъ берегу Урала, новый городъ, теперешній Оренбургъ. Онъ приложилъ также старанія къ тому, чтобы перессорить между собой непокорныя племена и въ то же время, слѣдуя стремленіямъ, проявленнымъ свыше и оцѣненнымъ имъ въ ихъ практическомъ значеніи, принялся за усиленную религіозную пропаганду, скоро давшую весьма значительные результаты, въ особенности среди калмыковъ. Не обнаруживая особой склонности къ признанію благодѣяній христіанской религіи, эти инородцы, среди которыхъ Апраксинъ и остальные будущіе побѣдители Пруссіи черпали для своихъ войскъ самыхъ отъявленныхъ грабителей, проявляли сильную жадность, а обращеніе въ православіе оплачивалось.

Въ 1746 г., черезъ три года послѣ своего основанія, новый Оренбургъ уже насчитывалъ шестьсотъ двадцать восемь домовъ, четыре церкви и сто семьдесятъ пять лавокъ, изъ нихъ около сорока, помѣщавшіяся въ Гостиномъ дворѣ, вели бойкую торговлю. [1]). Къ сожалѣнію, Неплюевъ, отозванный въ 1758 г., не имѣлъ достойныхъ замѣстителей. Его преемниками были чиновники типа общаго этой эпохѣ, когда администрація государства, наскоро скопированная съ европейскихъ образцовъ, на всѣхъ путяхъ и ступеняхъ лишь наслаивала новые элементы порочности на худшія привычки старины.

---

[1]) Неплюевъ. *Записки.*

II.

Администрація.

Самому Петру, вынужденному выискивать средства, пришлось вернуться къ нѣкоторымъ весьма нежелательнымъ пріемамъ старины. Въ 1713 г., вслѣдствіе жалобъ чиновниковъ одной изъ канцелярій, не получавшихъ жалованья, и невозможности ихъ удовлетворить за неимѣніемъ средствъ, указомъ (29 марта 1713 г.) было, какъ мы видѣли, рѣшено имъ уплатить „изъ управленія иностранныхъ дѣлъ и Строгоновскихъ дѣлъ". Строгоновъ былъ милліонеромъ-промышленникомъ, имѣвшимъ дѣла съ государствомъ. Случай съ однимъ изъ наиболѣе выдающихся государственныхъ дѣятелей той эпохи, Татищевымъ, любопытно поучителенъ въ смыслѣ взглядовъ и пріемовъ, еще много позднѣе царившихъ въ этой области. Преданный суду въ 1739 г. за лихоимства, учиненныя на границахъ Сибири, сановникъ этотъ долгіе годы оставался подъ начатымъ по этому поводу слѣдствіемъ, продолжая занимать отвѣтственныя должности. Онъ состоялъ астраханскимъ губернаторомъ, когда въ 1745 г. былъ приговоренъ сенатскимъ указомъ къ уплатѣ по многочисленнымъ искамъ, но всетаки не былъ лишенъ своей должно-

сти [1]). Не трудно себѣ представить отношеніе населенія къ подобному администратору.

Представленіе, какое имѣлъ вообще народъ о лицахъ, облеченныхъ при такомъ положеніи дѣлъ какой-либо властью, наивно выразилось въ одномъ прошеніи, поданномъ Елизаветѣ. Жена прапорщика ходатайствовала о чинѣ коллежскаго ассесора для мужа и предлагала за то государынѣ четырехъ собачекъ, въ томъ числѣ „Жанетту“ и „Маркиза“. (Любопытный признакъ распространенія французскихъ нравовъ) [2]).

Какъ и встарь, всякое мѣсто считалось средствомъ для извлеченія доходовъ, а слѣдовательно предметомъ продажи. Въ 1761 г. новый воевода Мангазеи въ Сибири похвалялся, что купилъ себѣ воеводство за 30,000 руб. [3]). Конечно онъ долженъ былъ стремиться къ пополненію своихъ расходовъ. Однако обратите вниманіе, что въ Россіи не существовало ничего общаго съ должностями и службами старинныхъ порядковъ въ другихъ странахъ,—съ мѣстами и бенефиціями, предоставлявшими въ пользу должностныхъ лицъ извѣстную часть дохода. Здѣсь не было ничего опредѣленнаго, даже открыто разрѣшеннаго. Просто система снисходительности, примѣнявшаяся съ первыхъ до послѣднихъ ступеней административной лѣстницы и дозволявшая администраціи жить на счетъ населенія. Другими словами, разрѣшалось грабительство. Оно производилось вездѣ, вызывая постоянныя сѣтованія, но рѣдко дѣйствительное наказаніе. Такъ бѣлгородскіе купцы жаловались на воеводу Морозова, наказывавшаго кнутомъ и даже отрѣзавшаго уши тѣмъ изъ нихъ, кто не соглашался

---

[1]) Соловьевъ, *Исторія Россіи.*

[2]) „Русскій Архивъ“, 1867 г.

[3]) Карновичъ, *„Замѣчательныя и загадочныя личности восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣка“.*

помогать ему грабить казну, но на ихъ жалобы не обращалось вниманія. Другой воевода, родственникъ Данилова, автора интересныхъ мемуаровъ той эпохи, имѣлъ обыкновеніе передъ Рождествомъ совершать поѣздку и, подражая христославцамъ, собиралъ обильную жатву вынужденныхъ подаяній. Ихъ привычкамъ никто не препятствовалъ. Такимъ образомъ Елизавета сама заявляла Сенату о воронежскомъ губернаторѣ Пушкинѣ, и бѣлгородскомъ губернаторѣ Салтыковѣ, безпощадно грабившихъ народъ; но Сенатъ не принялъ никакихъ мѣръ. 1) Иногда исключительныя обстоятельства вызывали суровыя наказанія въ духѣ Петра I. Въ 1754 г. былъ наказанъ кнутомъ князь Александръ Крапоткинъ и канцелярскій служитель, Иванъ Семеновъ, за самое заурядное взяточничество. Но въ подобныхъ возмездіяхъ такъ очевидна случайность, такъ ясно отсутствіе одинаковаго воздаянія правосудія, что съ точки зрѣнія исправительнаго вліянія, дѣйствія не получалось никакого.

А на окраинахъ, въ далекой Сибири, такое правосудіе. хотя бы хромое и случайное, никогда не карало виновныхъ, Тамъ царило полное, безграничное своеволіе. „На небѣ Богъ, а въ Иркутскѣ Кохъ“, говаривалъ одинъ изъ сатраповъ, свирѣпствовавшій въ этихъ краяхъ. Тамъ простой коллежскій ассесоръ, приказывалъ снять изображеніе Георгія Побѣдоносца, украшавшее гербъ города, чтобы замѣнить его надписью, окруженной лавровымъ вѣнкомъ, въ память своего посѣщенія. Даже въ Астрахани господствовалъ востокъ въ проявленіяхъ всевозможныхъ насилій, и мы узнаемъ, какъ тамъ гарнизоннаго офицера волокли за ноги по улицамъ, предварительно наказавъ плетьми по приказу паши, переодѣтаго въ генеральскій мундиръ.

---

1) Гольцевъ. *Законодательство и нравы Россіи восемнадцатаго вѣка.*

Необходимо добавить, что одной изъ причинъ, препятствовавшихъ правительству Елизаветы приняться болѣе энергичнымъ образомъ за прекращеніе подобныхъ безпорядковъ,—даже самой главной,—было его безсиліе. Оно умѣло только законодательствовать. Полное собраніе законовъ насчитываетъ 3800 указовъ, изданныхъ въ это царствованіе, на 800 больше, чѣмъ при Петрѣ I, не оставлявшаго однако въ забвеніи эту отрасль своихъ самодержавныхъ привилегій. Но одно изъ послѣднихъ произведеній такой законодательной многорѣчивости, указъ 16 августа 1760 г., поразительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ объ отрицательныхъ результатахъ, обнаруживая также одинъ изъ главныхъ недостатковъ современныхъ порядковъ: существовавшую путаницу въ распредѣленіи ролей и обязанностей между законодателями, судьями и администраторами. Упомянутый указъ не законъ, а колкая критика, и не одинъ историкъ не написалъ болѣе ядовитой. Онъ изобличаетъ все сразу: и нарушеніе закона, допускавшееся тѣми, чей долгъ его соблюдать, и безпорядки не уменьшавшіеся, но разроставшіеся въ различныхъ отрасляхъ управленія; суды, обратившіеся въ торжища, гдѣ алчность и небрежность судій изгоняла всякое правосудіе и служили поощреніемъ для всякихъ преступленій; безконечно долгую судебную волокиту, непомѣрно разбогатѣвшихъ представителей правосудія; нерадѣніе объ интересахъ государства тѣхъ, на кого эти обязанности возложены; повсюду распространенное воровство—въ завѣдываніи государственными монополями, въ рекрутскомъ наборѣ, во взиманіи податей. [1])...

Судебная администрація, хромавшая на одну ногу, погрязла другой въ постыднѣйшихъ сдѣлкахъ, плохо исполняя

[1]) Соловьевъ, *Исторія Россіи.*

часть своихъ обязанностей и совсѣмъ запуская остальныя. Въ 1755 г. была окончательно рѣшена участь мелкаго чиновника Юрьева, уличеннаго въ томъ, что, вмѣстѣ съ воеводой Тименевымъ, онъ замучилъ крестьянина жестокими пытками — событіе произошло въ 1739 г. Дѣло затянулось и обвиняемые до сихъ поръ сидѣли въ тюрьмѣ. Одинъ изъ нихъ уже успѣлъ умереть [1]).

Нельзя сказать, чтобы вся отвѣтственность за подобную волокиту, постоянно встрѣчавшуюся въ судебной процедурѣ того времени, ложилась на однихъ судей. 11-го марта 1754 г. на засѣданіи Сената въ видѣ исключенія почтенномъ присутствіемъ императрицы, Петръ Шуваловъ указалъ на другую причину, по его мнѣнію еще болѣе важную: на состояніе законодательства, гдѣ со временъ Петра Великаго указы нагромождались другъ на друга въ невообразимой путаницѣ. Елизавета горячо поддержала это замѣчаніе. „Самъ ангелъ не въ состояніи тутъ разобраться“! заявила она, добавивъ, что многіе изъ законовъ были непонятны, другіе совершенно не соотвѣтствовали ни нравамъ, ни духу времени. Это были слова весьма дѣльныя, и сейчасъ же Сенатъ, получившій надлежащее распоряженіе, рѣшилъ приступить къ изложенію свода законовъ „ясныхъ и понятныхъ“. Однако, такъ какъ дѣло происходило въ Москвѣ, было рѣшено обождать до возвращенія Сената въ Петербургъ, чтобъ тамъ уже приступить къ работѣ, а затѣмъ императрицѣ, поглощенной другими заботами, было не до того, чтобы торопить своихъ сенаторовъ.

---

1) Соловьевъ.

III.

Законодательство.

Лишь годъ спустя, 1-го апрѣля 1755 г., была образована комиссія для кодификаціи, и чтеніе статей новаго свода законовъ поглощало все вниманіе Сената въ теченіе этого года. Щербатовъ даетъ намъ не особенно лестное представленіе о членахъ комиссіи, редактировавшихъ законы. Онъ называетъ одного изъ нихъ, недавно подвергавшагося судебному преслѣдованію судомъ за лихоимство и воровство, другого, ничего не понимающаго въ возложенныхъ на него обязанностяхъ и вдобавокъ корыстолюбиваго; третьяго, прихлѣбателя Петра Шувалова и такого же подкупного, какъ тотъ. Всѣ эти странныя законодатели были русскими. Щербатовъ признаетъ единственными компетентными лицами двухъ нѣмцевъ, Эмме и Струве, „не имѣвшихъ однако возможности“, замѣчаетъ онъ, „примѣнить свои знанія и честность въ обществѣ подобныхъ сотрудниковъ“.

Трудъ соотвѣтствовалъ работникамъ. Уложеніе было переполнено статьями, заимствованными изъ самыхъ разнообразныхъ иностранныхъ законодательствъ по личнымъ фантазіямъ разныхъ членовъ комиссіи, преслѣдовавшихъ цѣль подбора законовъ, благопріятствовавшихъ ихъ частнымъ

интересамъ. Кромѣ того, въ помощь комиссіи были образованы многочисленныя подкомиссіи, занявшіяся пересмотромъ законовъ и регламентовъ, относившихся къ различнымъ административнымъ отдѣламъ, напр., къ Провіантскому комиссаріату, инженерному искусству, артиллеріи, Кадетскому корпусу. Комиссіи и подкомиссіи совсѣмъ запутались во всѣхъ этихъ статьяхъ. Въ области уголовнаго законодательства еще дикіе инстинкты большинства—и въ этомъ отношеніи одинъ изъ нѣмцевъ, самъ Эммъ, не представлялъ исключенія—слились въ желаніи доказать свое усердіе въ возмездіи за проступки, лежавшіе у нѣкоторыхъ изъ нихъ на совѣсти, и въ результатѣ получилось нагроможденіе наказаній, способныхъ поразить воображеніе мандарина. Елизавета возмутилась и пришла въ ужасъ. И неудача этой части уложенія, законченной въ первую очередь, не содѣйствовала успѣху остальныхъ, Почувствовавшая неувѣренность въ собственныхъ силахъ комиссія потребовала на помощь себѣ извѣстное число представителей дворянства и торговаго класса, но Елизавета скончалась, не доживъ до времени ихъ созыва. Дальнѣйшее принадлежитъ исторіи царствованія Екатерины.

Въ царствованіе Елизаветы, несмотря на неудачу и обнаружившіеся пережитки варварства, попытка эта соотвѣтствовала косвеннымъ образомъ значительному прогрессу въ развитіи гуманитарныхъ идей. Тутъ снова передъ нами встаетъ темная сторона народнаго прошлаго, одновременно тяжелая и странная. Въ „Уложеніи“ царя Алексѣя Михайловича тѣлесное наказаніе примѣнялось въ сто сорока случаяхъ. Домострой рекомендовалъ „наказывать и наносить раны съ разборомъ, сообразно винѣ и обстоятельствамъ дѣла“. Заслуги и благодѣянія плетей вдохновили музу Симеона Полоцкаго, одного изъ основателей народнаго образованія, и св. Димитрій Ростовскій (Данило Туптала), знаменитый жиз-

неописатель святыхъ, писалъ ученикамъ своей школы: „Дѣти, дѣти, я слышу о васъ дурныя вещи. Даю вамъ „сеньора“ А. Юрьева, чтобы онъ обращался съ вами строго, какъ цыганъ съ лошадьми... Кто не станетъ повиноваться, будетъ наказанъ плетьми“. Съ пятнадцатаго вѣка до конца восемнадцатаго, при красномъ свѣтѣ застѣнковъ, гдѣ пламенѣли раскаленные угли, при зловѣщемъ обиліи эшафотовъ, безпрерывной чередой выраставшихъ на площадяхъ, мы встрѣчаемъ въ рукахъ палачей всѣ классы общества: прямыхъ потомковъ удѣльныхъ князей, высокихъ сановниковъ, духовныхъ лицъ, женщинъ изъ высшаго круга. Въ 1714 г. кнутъ заклеймилъ двухъ сенаторовъ; въ 1724 г. нѣсколько священниковъ, даже не лишенныхъ своего сана; при Елизаветѣ двухъ аристократокъ, Лопухину и Бестужеву. Только въ 1785 г. изъ этого позорнаго равенства передъ висѣлицей и кнутомъ было изъято дворянство, а въ 1796 г. духовенство, и льгота была тогда же распространена на преступниковъ, не достигшихъ двѣнадцатилѣтняго возраста и перешедшихъ семидесятилѣтній. Но, въ слѣдующемъ году, когда Павелъ I унаслѣдовалъ Екатеринѣ II, привилегіи были отмѣнены, и въ началѣ девятнадцатаго вѣка опять наказывали кнутомъ всѣхъ безъ различія возрастовъ и положеній. Движеніе эмансипаціи затѣмъ снова возобновляетъ свое прерванное теченіе. Въ 1801 г. послѣдовала отмѣна тѣлесныхъ наказаній для дворянства, горожанъ и духовенства; въ 1808 г. для священническихъ женъ; въ 1811 г. для простыхъ монаховъ; въ 1835 г. для дѣтей священниковъ; въ 1841 г. для людей образованныхъ и ихъ женъ; для придворныхъ лакеевъ, носящихъ ливрею—лестное сравненіе!—для вдовъ потомственныхъ дворянъ, взятыхъ изъ крѣпостныхъ; для учениковъ нѣкоторыхъ школъ и нѣкоторыхъ мелкихъ чиновниковъ. Въ 1855 г. былъ составленъ указъ объ освобожденіи отъ тѣлес-

наго наказанія преступниковъ, обладающихъ какимъ-либо удостовѣреннымъ физическимъ недостаткомъ, но изданъ не былъ. Въ 1863 г. уничтоженіе шпицрутеновъ, кошекъ и розогъ, употреблявшихся одинаково въ арміи, во флотѣ и въ гражданской жизни, знаменовало новый прогрессъ. Однако ссыльные оставались изъятыми изъ примѣненія закона. Только въ 1893 г. онъ былъ распространенъ на ссыльныхъ женщинъ или приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ. Но въ деревняхъ волостные суды до сихъ поръ пользуются въ этомъ отношеніи свободой, ограниченной лишь предписаніемъ, возлагающимъ на земскихъ начальниковъ контроль за наказанія розгами.

До царствованія Елизаветы, жестокость наказаній, такимъ образомъ, постепенно смягчавшихся или сокращавшихся, наоборотъ, шла въ восходящей степени. Дочь Петра Великаго прежде всего уничтожила смертную казнь, на дѣлѣ, если ни въ законѣ, такъ что на практикѣ сначала отказались отъ казней, а затѣмъ и отъ примѣненія смертныхъ приговоровъ, за исключеніемъ преступленій политическихъ или религіозныхъ. Но въ царствованіе Елизаветы не было случаевъ казни политическихъ преступниковъ, что зависѣло отъ различія судопроизводства. Въ вопросахъ политическихъ, за отсутствіемъ смягченія наказанія, допускаемаго для проступковъ противъ общественнаго права, Елизавета всегда пользовалась правомъ помилованія. Но она не считала возможнымъ проявлять такое же милосердіе въ случаяхъ посягательства на православную религію. Та же тенденція проявилась постепенно въ отмѣнѣ пытокъ при безчисленныхъ процессахъ, возбуждавшихся по поводу обмановъ или безпрестанныхъ крестьянскихъ возмущеній; въ изъятіи изъ этой мѣры обвиняемыхъ, не достигшихъ семнадцатилѣтняго возраста, одновременно освобожденныхъ отъ при-

мѣненія смертной казни (указъ 23-го августа 1742 г.); въ указѣ 1757 г. отмѣнявшимъ клейменіе и вырываніе ноздрей у женщинъ. Какъ говорится въ указѣ, послѣднія два наказанія преслѣдовали утилитарную цѣль: служили для отмѣтки преступниковъ, не давая имъ возможности бѣжать. Елизавета разсудила, что сосланныя въ Сибирь женщины достаточно обезпечены отъ всякой попытки бѣгства громадностью отдѣляющаго ихъ отъ Россіи пространства. Для мужчинъ вырываніе ноздрей примѣнялось до 1817 г. [1]).

Итакъ на практикѣ, въ виду того, что смертная казнь сохраняла свое законное существованіе, суды Елизаветы продолжали сначала выносить смертные приговоры, каждый разъ представлявшіеся на благоусмотрѣніе императрицы, неизмѣнно ихъ отмѣнявшей. Въ результатѣ въ 1753 г. насчитывалось 3,579 приговоренныхъ къ смертной казни, ожидавшихъ отъ государыни рѣшенія своей участи. Такое громадное количество заключенныхъ создавало ужасныя затрудненія. Часто арестанты бунтовались, осиливали свою стражу и убивали ее, послѣ мучительствъ, что шло прямо въ разрѣзъ съ преслѣдовавшейся цѣлью.

Сенатъ наконецъ рѣшилъ ходатайствовать объ установленіи однообразія наказаній, почтительнѣйше умоляя однако государыню отказаться отъ отступленія, допущеннаго ею въ видѣ исключенія. Рѣчь шла о смертной казни, замѣненной вырываніемъ ноздрей и отрубаніемъ правой руки, что налагало, по замѣчанію сенаторовъ, на государство обязанность кормить этихъ несчастныхъ калѣкъ, неспособныхъ ни на какую работу. Пришли къ соглашенію, устанавливавшему сочетаніе вырыванія ноздрей, клейменія и наказанія кну-

---

[1]) Тимофеевъ, *Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ законодательствѣ.*

томъ съ вѣчными каторжными работами, причемъ по требованію Елизаветы была сдѣлана оговорка, что жены осужденныхъ сохраняли свободу и пользованіе своимъ имуществомъ, получали даже часть изъ конфискованнаго имущества мужей и право вторичнаго выхода замужъ. Какъ видно, императрица умѣла вступаться на защиту своего пола.

Такимъ образомъ топоръ Петра Великаго, столько поработавшій на своемъ вѣку, успокоился въ чехлѣ изъ медвѣжьей шкуры, но кнутъ продолжалъ терзать окровавленныя спины. Я уже имѣлъ случай указывать, что кнутъ замѣнялъ собой орудіе казни, и указъ 2-го ноября 1733 г. содержитъ въ этомъ отношеніи краснорѣчивое свидѣтельство: онъ предписываетъ замѣну кнута плетьми въ нѣкоторыхъ случаяхъ „чтобы виновные оставались пригодными для службы въ войскахъ". Въ 1748 г. графъ Брюсъ, назначенный комендантомъ въ Москву, возсталъ противъ ограниченія числа ударовъ. Пятьдесятъ ударовъ, назначенные за извѣстные проступки, казались ему совершенно недостаточными.

— Вѣдь въ такомъ случаѣ преступника ожидаетъ смерть! возражали ему.

— Такъ что же? Разъ слѣдуетъ замѣнить смертную казнь [1])!

И кнутъ не предназначался только за преступленія большой важности. Въ 1756 г. былъ наказанъ кнутомъ бѣдняга, провинившійся въ томъ, что продалъ фунтъ соли за пять копеекъ, тогда какъ установленная цѣна ей была 4⅝ копейки [2])! Предлагаю этотъ случай на размышленіе нѣкоторымъ изъ нашихъ современныхъ купцовъ.

---

[1]) Лопухинъ, *Записки*, напечатанныя въ „Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей.

[2]) Тимофеевъ.

На отдаленныхъ окраинахъ смертная казнь, впрочемъ еще иногда примѣнялась, напр., для прекращенія разбоевъ. Въ степяхъ Малороссіи въ 1749 г. было повѣшено нѣсколько негодяевъ. Но Сенатъ, увѣдомленный, объ этомъ послалъ строгое порицаніе мѣстнымъ властямъ, и тѣ тщетно жаловались, что ихъ теперь обезоружили. Елизавета съ другой стороны высказывала меньше заботливости въ наблюденіи за примѣненіемъ своихъ желаній или чувствъ въ стѣнахъ тайной канцеляріи, гдѣ Александръ Шуваловъ, внѣ всякаго контроля, поддерживалъ кровавыя традиціи Ромодановскаго и Ушакова. Но и вездѣ, хотя и ограниченныя пытки, пользовались широкимъ распространеніемъ. Сенатъ, спрошенный въ 1753 г., окажется ли своевременнымъ ихъ примѣненія для устрашенія взбунтовавшихся крестьянъ одного помѣщика въ Горянскомъ уѣздѣ, отвѣчалъ требованіемъ донесеній. Однако, въ соображеніяхъ указа 1751, отмѣнявшаго пытку въ дѣлахъ о мошенничествахъ, заключается лучшій аргументъ противъ этого наслѣдія минувшаго прошлаго: забота „воспрепятствовать ложнымъ показаніямъ и обвиненіямъ, вырваннымъ пыткой“.

Наконецъ въ одномъ отношеніи, сама Елизавета, какъ я уже указывалъ, допускала постоянное и явное нарушеніе принциповъ, которые стремилась провести въ законы и нравы своей родины. Въ 1743 г. за отпаденіе отъ православія и глумленіе надъ нимъ, виновный былъ приговоренъ къ сожженію живымъ [1]), и съ начала до конца царствованія расколъ подвергался неумолимому преслѣдованію. Въ дѣлѣ распространенія православія насиліе слишкомъ часто замѣняло убѣжденіе. Вмѣстѣ съ деньгами тутъ не жалѣли ни желѣза, ни огня. Въ этомъ смыслѣ законодательство дочери

---

[1]) Соловьевъ, *Исторія Россіи.*

Петра Великаго проявило меньше терпимости, чѣмъ законодательство отца. Указомъ отъ 2-го декабря 1742 г. повелѣвалось изгнаніе всѣхъ евреевъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые согласятся креститься. Въ слѣдующемъ году Сенатъ замѣтилъ императрицѣ, что торговля сильно пострадала отъ такой мѣры. „Мнѣ не нужна выгода отъ враговъ Спасителя“, отвѣчала императрица. Изгнаніе распространилось даже на знаменитаго португальскаго доктора Санхеца, члена Академіи, которому президентъ ея писалъ по этому поводу: „Ея Величество не изволитъ гнѣваться на васъ... но считаетъ, что совѣсть не позволяетъ ей оставлять у себя въ Академіи человѣка, покинувшаго знамя Іисуса Христа и перешедшаго подъ знамя Моисея и пророковъ Ветхаго Завѣта [1])“. Частный секретарь русскаго посланника въ Вѣнѣ долженъ былъ оставить свой постъ по той же причинѣ. Его звали Симономъ [2]).

Магометанскіе подданные государства не подверглись изгнанію, но побуждались къ перемѣнѣ религіи средствами, ничѣмъ не оправдываемыми. Въ 1748 г., указомъ было воспрещено строить мечети въ мѣстностяхъ, населенныхъ православными и крещенными иновѣрцами. Мѣра эта была отзвукомъ предполагавшагося переноса протестантскихъ храмовъ, оскорблявшихъ набожность императрицы при проѣздахъ по Невскому. Только денежныя затрудненія воспрепятствовали исполненію задуманнаго намѣренія. Стремленіе отдать силу на служеніе религіи возростало у Елизаветы по мѣрѣ того, какъ она старѣлась и слабѣло ея здоровье, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось благочестіе. Уже въ 1749 г., вернувшись къ обычаю Петра Великаго, она приказывала

---

[1]) Русскій архивъ, 1870 г.

[2]) Воронцовскій Архивъ.

сажать на цѣпь своихъ придворныхъ, провинившихся въ томъ, что „разговаривали въ церкви“. Для высокопоставленныхъ сановниковъ цѣпь была позолоченая. Въ 1757 г., царскій указъ вмѣнялъ въ обязанность всѣмъ членамъ судебныхъ учрежденій принимать участіе въ нѣкоторыхъ крестныхъ ходахъ [1]). Елизавета находила вполнѣ естественнымъ такой способъ поощренія набожности своихъ подданныхъ, какъ сочла вполнѣ возможнымъ посадить въ тюрьму француженку модистку, м-lle Тардье, виновную въ томъ, что скрыла отъ любопытства государыни нѣсколько модныхъ новинокъ, предназначенныхъ для другихъ кліентокъ [2]). Понятно, Сами подданные Елизаветыне упускали случая въ предѣлахъ своей власти, проявлять самый ужасный произволъ.

Одинъ изъ нихъ, Болотовъ, повѣдалъ намъ, какъ приказывалъ кормить солеными селедками, не давая пить, одного изъ своихъ мужиковъ, чтобы добиться отъ него желаемаго сознанія [3]).

Елизавета и ея народъ несли отвѣтственность за все прошлое, за цѣлый строй проникнутый насиліемъ и ужасомъ, главныя черты котораго, впрочемъ, сохранялись въ обыкновеніяхъ тайной полиціи, о которой я уже упоминалъ и къ краткому обзору которой считаю своевременнымъ перейти.

---

1) Соловьевъ „Исторія Россіи, Русская старина“ 1871 г.

2) Воронцовскій Архивъ.

3) Записки.

IV.

Тайная полиція и полиція административная.

Возникшее, благодаря перевороту и заговору, правительство роковымъ образомъ видѣло себя окруженнымъ заговорщиками и зачинщиками переворотовъ. Почти непрерывный рядъ заговоровъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ, но всегда сопровождавшихся ужасными репрессіями, тянется съ начала царствованія до конца, оставляя за собой словно кровавую борозду. Съ іюля мѣсяца 1742 г. начинается дѣло о бочкѣ съ порохомъ, помѣщенной подъ опочивальней императрицы двумя унтеръ-офицерами гвардіи при соучастіи камердинера. Нещадная работа кнутомъ [1]). Въ слѣдующемъ году заговоръ Ивинского, затѣмъ Ботты. Императрица избѣгала ложиться въ постель нѣсколько ночей подрядъ, и всегда ей мерещилось неожиданное нападеніе.—Вродѣ того, какое возвело ее на престолъ—грозный призракъ семьи свергнутыхъ ею герцоговъ Брауншвейгскихъ, самый слѣдъ которыхъ она желала бы изгладить со страницъ исторіи, когда указами 15-го октября 1742 г. и 13 февраля 1745 г.

[1]) Соловьевъ, Herrmann. Diplomatische Beiträge, Мардефельдъ королю, 1-го іюля 1742 г. Берлинскій Архивъ.

объявлены было недѣйствительными всѣ законы и распоряженія, изданные въ царствованіе несчастнаго Іоанна III.

И приходилось не только трепетать за цѣлость своей короны, вокругъ которой собственное воображеніе, толки многочисленныхъ доносчиковъ, сама окружающая отмосфера, полная грозныхъ видѣній, создавала безконечный рядъ опасностей, часто нес уществовавшихъ, но еще и охранять особу и положеніе фаворита. Новый источникъ, плодившій дѣла и наполнявшій казематы тайной канцеляріи. Достаточно было одного непочтительнаго слова по адресу бывшаго пастуха, и ужасный механизмъ, приведенный въ дѣйствіе доносчикомъ, всегда на готовѣ, захватывалъ въ свои желѣзныя объятія десятки жертвъ.

Пока же этотъ механизмъ работалъ такимъ образомъ, идя по глубокой, постоянно подновляемой колеѣ Іоанна Грознаго, полиція административной, младшей сестры тайной,—почти не существовала. Массами арестовывались заговорщики дѣйствительные или предполагаемые, а разбойники и грабители усѣивали всѣ дороги и толпами бродили по улицамъ. Для борьбы съ ними не имѣлось никакихъ средствъ, жандармовъ не было, войска, пригодныя для подавленія политическихъ преступленій,—когда сами въ нихъ не были замѣшаны,—были совершенно безсильны передъ преступленіями противъ общаго права. Разбойники и солдаты стояли слишкомъ близко другъ къ другу въ обществѣ, едва выбившемся изъ состоянія варварства, а часто составляли одно и тоже. Въ 1743 г. въ домѣ графа Чернышева, гдѣ помѣщалась военная охрана, дворянинъ малороссъ былъ убитъ охранителями. Нѣсколько недѣль спустя другіе солдаты ворвались въ домъ одного купца, избили его жену и племянницу прикладами и штыками, и все начисто разграбили. Въ представленіи той эпохи, особенно на низахъ общественной лѣстницы, разбойничество

не составляло ничего безчестнаго; разбойники часто пользовались большой популярностью и, случалось, принадлежали къ верхнимъ слоямъ общества. Среди знаменитыхъ атамановъ шаекъ, занимавшихся грабежами и убійствами, фигурировалъ въ тѣ времена дворянинъ по имени Зиновьевъ, ловившій по дорогамъ купцовъ и бравшій за нихъ какой угодно выкупъ, держа ихъ взаперти или на цѣпи въ своей усадьбѣ, подъ благосклонными и даже покровительствующими взорами мѣстныхъ властей. Когда по доносу, сдѣланному въ высшихъ сферахъ, противъ него началось преслѣдованіе, онъ сумѣлъ выйти сухимъ изъ воды и отомстить своимъ обвинителямъ. Около 1750 г. дворянка Екатерина Дирина предводительствовала шайкой, состоявшей изъ родственниковъ и крѣпостныхъ атаманши, нападала на усадьбы окрестныхъ помѣщиковъ, грабя и убивая, То былъ пережитокъ средневѣковья грабителей-помѣщиковъ и легендарной эпохи воинственной „поляницы". Однако, главный составъ такихъ вооруженныхъ шаекъ, разорявшихъ страну набирался изъ крестьянъ. Въ 1749 г. въ Сѣвскомъ уѣздѣ такихъ грабителей насчитывалось до трехъ тысячъ человѣкъ, а когда нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ объявленія войны, были выведены войска, стоявшія въ провинціи, разбойники принялись хозяйничать на Окѣ. Они образовали по военному сформированный отрядъ и имѣли пушки, въ количествѣ шести орудій).

Если мѣстныя власти не поддерживали злодѣевъ и всякихъ нарушителей порядка или воевода не выпускалъ убійцъ, грабителей и поджигателей, переданныхъ въ его распоряженіе,—примѣръ чему мы встрѣчаемъ въ 1748 г. въ окрестно-

---

[1]) Соловьевъ,

стяхъ Калуги [1]),—то толпа, вмѣшиваясь въ столкновенія между полиціей и нарушителями какого-нибудь закона, всегда вступалась противъ полиціи и противъ закона. Въ сентябрѣ 1743 г. она осыпала камнями солдатъ гвардіи, намѣревавшихся разогнать кулачный бой, запрещенный Елизаветой.

Между воеводами и полицейскими, гдѣ они существовали, велась открытая, упорная борьба. Полицейскіе находились въ зависимости отъ центральной власти, а воеводы желали оставаться у себя полновластными хозяевами. Уѣздъ, находившійся въ вѣдѣніи воеводы, гдѣ онъ, можно сказать, царилъ, развѣ не составлялъ его собственности? Онъ имъ жилъ. Въ 1760 г. коломенскій воевода, Иванъ Орловъ, окружилъ полицейское управленіе отрядомъ конницы, ворвался туда съ пистолетомъ въ рукахъ и, увидѣвъ кучку оробѣвшихъ чиновниковъ, сталъ стрѣлять прямо въ толпу [2]).

Никакого успѣха, въ особенности въ провинціальныхъ городахъ, въ смыслѣ безопасности на улицахъ, чистоты и санитарныхъ условій. Мы видѣли, что представлялъ изъ себя московскій кремль, когда Елизавета вздумала тамъ поселиться. Въ Петербургѣ, начиная съ 1751 г. произошли нѣкоторыя улучшенія: рукава Невы были введены въ каналы, очищены и украшены набережными, Васильевскій Островъ и Аптекарскій Островъ соединены съ центромъ столицы мостами, постройку которыхъ запретилъ Петръ Великій въ своей чрезмѣрной маніи мореплаванія. Начатая въ 1755 г. постройка Зимняго Дворца способствовала приданію городу внушительнаго вида, принятаго постепенно нѣкоторыми изъ его кварталовъ. Но чистота и порядокъ оставляли еще много желать. Повторныя распоряженія относительно непомѣрно

---

[1]) Сенатскія вѣдомости, 13 февр. 1748 г.

[2]) Сенатскія вѣдомости, 11, 16 и 17 мая, 13 декабря 1761 г.

быстрой ѣзды, частыхъ дракъ, криковъ, пронзительнаго свиста и стрѣльбы изъ ружей на улицахъ, всевозможныхъ насилій и общаго мытья въ баняхъ мужчинъ и женщинъ, оставались по прежнему голосомъ, вопіющимъ въ пустынѣ. Правительство Елизаветы мечтало вознаградить себя за такіе пережитки старины, запретивъ нищенство; но главную часть нищихъ составляли колодники, пропитаніе которыхъ тюрьма, какъ и раньше, на себя не брала, предоставляя эту заботу общественному великодушію, и выбрасывала ихъ вслѣдствіе того на улицу, зловѣщими вереницами, голодныхъ, прикованныхъ къ цѣпи. Состояніе законодательства, судебной администраціи и финансовъ не позволяло дочери Петра Великаго порвать съ этимъ старозавѣтнымъ обычаемъ, въ достаточной степени дикимъ, но удивительно экономнымъ.

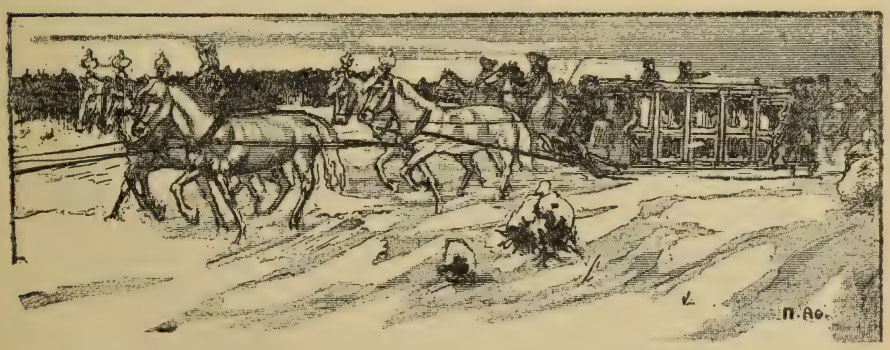
Въ обѣихъ столицахъ, да и повсюду, безсиліе или нерадѣніе властей не могло также искоренить другую печальную особенность современной жизни: пожары. За одинъ только мѣсяцъ май 1748 г. въ Москвѣ и различныхъ провинціальныхъ городахъ,—я дѣлаю подсчетъ по офиціальнымъ даннымъ,—добычей пламени сдѣлались цѣлые кварталы, а въ отдѣльности 1,717 домовъ, 40 церквей, богадѣленъ и школъ, 94 магазина и сгорѣло 36 человѣкъ. Та же исторія повторилась въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Можайскѣ, гдѣ сгорѣло 35 домовъ, и въ Мценскѣ, гдѣ было уничтожено огнемъ 205 домовъ. Дальше идетъ чередъ Ярославля, Бахмута, Орла, Костромы. Въ концѣ года въ огнѣ погибла половина Переяславля и тысяча пятьсотъ домовъ въ Волковѣ [1]). Преобладаніе деревянныхъ построекъ и безпечность жителей не составляли единственной причины этихъ бѣдствій. Извѣстную роль тутъ игралъ злой умыселъ. Поджигатели

---

[1]) Соловьевъ, *Исторія Россіи*.

были извѣстны, иногда ихъ ловили. Но часто и тутъ населеніе вмѣшивалось, требуя или силой добиваясь ихъ освобожденія. Поджигатели дѣйствовали за одно съ грабителями, а въ обществѣ, находившемся еще на пути къ образованію, подчинявшемся стихійнымъ инстинктамъ, не далеко ушедшемъ отъ состоянія неопредѣленной общины, различіе между своимъ и чужимъ не развилось еще окончательно, и всѣ виды насилія сливались со всѣми жизненными явленіями. Отчасти сюда примѣшивалось и суевѣріе. Не такъ давно я видѣлъ собственными глазами, какъ въ деревнѣ, гдѣ бушевалъ зловѣщій красный пѣтухъ, крестьяне-мужики и бабы съ причитаніями бросались на землю, въ отчаяньи ломая руки при видѣ избъ, объятыхъ пламенемъ, но отказывались принести хоть ведро воды. Богъ-ли напустилъ огонь, или дьяволъ, не слѣдовало перечить ни тому, ни другому.

Легко себѣ представить отраженіе подобнаго положенія вещей на экономическомъ состояніи государства.



V.

Экономическое состояніе.

Общимъ лозунгомъ царствованія въ области экономической было опять-таки возвращеніе къ принципамъ Петра Великаго, допускавшее, однако, большія отступленія. Елизавета была непреклонной только въ вопросахъ религіозныхъ. Такъ напр., изъ старинной системы, монополизировавшей въ рукахъ государства почти всю торговлю и промышленность, Петръ Великій удержалъ лишь двѣ отрасли: монополію на смолу и поташъ. Все остальное было „предоставлено народу". Но подобные порядки не могли придтись по вкусу Петру Шувалову, и Елизавета не стѣсняла его свободу дѣйствій. Послѣ монополіи на спиртъ послѣдовалъ откупъ на табакъ. Первымъ откупщикомъ былъ купецъ Матвѣевъ за ежегодную уплату 428 руб. 91 коп. Легко себѣ представить, какіе онъ получалъ барыши и какъ ему приходилось ими дѣлиться. Однако, ему не долго пришлось пользоваться этими выгодами: съ 1753 г. новая передача откупа подняла цѣну до 43,462 руб. дохода съ одного только курительнаго табаку.

Слѣдуя завѣтамъ Петра Великаго было рѣшено приступить къ переводу книги Parfait Négociant Савари,

принятой съ 1675 г. во многихъ государствахъ, какъ коммерческое настольное руководство. Переводчикъ запросилъ за свой трудъ 500 руб. и, уплативъ ему, нашли, что это дорого. Придерживаясь все того же примѣра, Елизавета, т. е. Сенатъ, а вѣрнѣе Петръ Шуваловъ, стремились оставаться вѣрными въ области промышленности и торговли системѣ „руководящаго вмѣшательства государства", недавно снова завоевавшей себѣ права гражданства. Однако, отъ нѣкоторыхъ правилъ принятыхъ этой системой пришлось отказаться, какъ отъ черезчуръ произвольныхъ. Такъ, Петръ Великій запретилъ изготовленіе холста извѣстной мѣры, въ виду того, что заграницу шелъ только довольно широкій холстъ, а главнымъ стремленіемъ Россіи тогда, какъ и теперь, было удовлетвореніе требованіямъ вывоза. Но указъ великаго мужа не создалъ у крестьянъ, работавшихъ на узкихъ бердахъ, болѣе широкихъ станковъ. Въ результатѣ получилась только пріостановка въ производствѣ и недостатокъ холста даже для мѣстнаге потребленія. Мѣра была отмѣнена въ 1745 г.

Правительство Елизаветы проявило такую же заботливость въ покровительствѣ производству суконъ, особенно въ Воронежѣ, гдѣ купецъ Пустоваловъ вмѣстѣ съ различными привилегіями,—даже правомъ суда надъ своими рабочими, за исключеніемъ проступковъ уголовныхъ,—получилъ разрѣшеніе имѣть крѣпостныхъ, т. е., покупать ихъ въ необходимомъ для своихъ нуждъ количествѣ. Пустоваловъ получилъ также позволеніе, не менѣе драгоцѣнное, пользоваться даромъ топливомъ изъ казенныхъ лѣсовъ. Между тѣмъ, со временъ Петра признанная необходимость пріостановить быстрое обезлѣсенье страны составляла предметъ постоянныхъ заботъ правительства, и сама Елизавета была ими настолько проникнута, что прибѣгала къ мѣрамъ крайне рѣшительнымъ, какъ напр. съ 1748 по 1755 г. къ послѣдовательному за-

крытію различныхъ заводовъ, желѣзодѣлательныхъ, стеклянныхъ и винокуренныхъ на разстояніи двухсотъ верстъ въ окружности Москвы, или къ отказу отъ добыванія дегтя, хотя весьма прибыльнаго для государства, за исключеніемъ Малороссіи, гдѣ оно оставалось разрѣшеннымъ въ уѣздахъ Черниговскомъ и Стародубскомъ. Солеварни Балахты и Солигалича было закрыты по той же причинѣ. Но дѣло шло о конкуренціи съ прусскими сукнами, и Пустовавалову были дарованы десять лѣтъ льготы на сырой матеріалъ, привозимый изъ за границы, взамѣнъ простого обязательства поставлять ежегодно на армію, по крайней мѣрѣ, на 30,000 руб. товара своего производства. Владѣя крѣпостными, онъ обязанъ былъ выставлять рекрутовъ, но могъ также возмѣщать это обязательство своимъ сукномъ, и такая привилегія распространялась на всѣхъ его собратій.

Система денежныхъ вспомоществованій промышленности со стороны государства была также принята въ наслѣдіе отъ Петра и получила дальнѣйшее развитіе. Такъ была выдана ссуда въ 40,000 руб. безъ процентовъ на пять лѣтъ Ломоносову, предложившему устроить хрустальный заводъ.

Въ 1753 г. шелковые фабриканты жаловались на недостатокъ сырого матеріала за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ для пріобрѣтенія всего товара, поставляемаго на рынки астраханскими и персидскими купцами. Помочь казалось очень просто. Государство рѣшило заступить мѣсто фабрикантовъ для оптовыхъ закупокъ и купцовъ для продажи въ разницу. У него образовались склады и лавки. Но фабрикантамъ все еще казалось мало. Система вмѣшательства, даже руководящаго,—цѣлое сцѣпленіе зубчатыхъ колесъ.

Начиная съ 1752 г. правительство дѣятельно занялось разведеніемъ въ Россіи, а именно въ Малороссіи и губерніяхъ Астраханской и Оренбургской, шелковичныхъ червей. Астра-

ханскій купецъ, Бирюковъ, уже дѣлалъ опыты подъ Астраханью, и не должно ли было государство принять участіе въ такомъ начинаніи? Итакъ, оно занялось плантаціями, какъ раньше торговлей, и число шелковыхъ фабрикантовъ увеличилось. Владѣлецъ фабрики близъ Кіева, носившій фамилію, которой суждено было получить громкую извѣстность, получилъ почти такія же привилегіи, какъ Пустоваловъ. Звали его Антономъ Гамбетта, и считался онъ французомъ.

Одно время (въ 1749 г.) Елизавета даже рѣшила, что отечественное производство можетъ удовлетворять потребностямъ мѣстнаго потребленія и приготовила указъ, грозившій опасностью ліонской промышленности. Но вслѣдствіе опроса, предпринятаго Сенатомъ, только фабриканты парчи оказались способными удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Фабриканты бархата не могли вырабатывать въ годъ болѣе 6,270 аршинъ бархата, а уже въ 1746 г. ввозъ достигалъ 15,722 арш. Фабриканты шелковыхъ чулокъ изготовляли ежегодно всего „сто паръ", а ввозныя пошлины въ это время взимались уже съ „690 дюжинъ"[1]).

Подобно отцу, дочь Петра Великаго любила итти впередъ быстро, не всегда хорошенько разсчитавъ, можетъ ли страна за ней поспѣвать. А эта нарождающаяся отрасль отечественной промышленности, льстившая личнымъ вкусамъ государыни, была ей особенно дорога; и Елизавета не жалѣла для нея никакихъ поощреній. Она предоставила мѣсто совѣтника въ мануфактуръ-коллегіи шелковому фабриканту, имя котораго — Евреиновъ — повидимому, указываетъ на еврейское происхожденіе, и наградила офицерскимъ званіемъ двухъ простыхъ рабочихъ, Ивкова и Водилова, посланныхъ Петромъ Великимъ въ Италію и Францію, и по возвращеніи основав-

---

[1]) Соловьевъ, *Ист. Рос.*

шихъ въ Москвѣ фабрики бархата и тафты. Ивковъ обучал производству бархата „травчатаго“ (съ рисункомъ) еще неизвѣстному въ Россіи, а Водиловъ—выработкѣ шелковыхъ матерій въ англійскомъ вкусѣ.

Подобное особое покровительство, впрочемъ, также относилось къ завѣтамъ преобразователя, и мы видимъ его распространеннымъ при дочери его и на остальную промышленность. Такъ, возобновившій и пустившій въ ходъ бумажную фабрику, заброшенную вотчимомъ, капитанъ Лакостовъ — вѣроятно, потомокъ португальскаго еврея д'Акоста, бывшаго шутомъ при дворѣ Петра I,—получилъ майорскій чинъ, а сынъ крестьянина Демидыча, Акимъ Демидовъ, развившій металлургическое производство, основанное отцемъ, былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники[1]).

Протекціонизмъ въ такомъ видѣ не накладывалъ на государство никакой отвѣтственности, но въ другихъ формахъ сильно обременялъ его и даже побуждалъ въ обратномъ направленіи,—хотя также указанномъ программой Петра Великаго, заключавшей много противорѣчій,—къ сложенію съ себя нѣкоторыхъ обязанностей, лежавшихъ на немъ въ качествѣ бывшаго перваго купца и перваго промышленника страны при одновременномъ принятіи на себя новыхъ обязательствъ. Государство оставалось при Елизаветѣ крупнымъ промышленникомъ, владѣя различными заводами, преимущественно металлургическими, давнишняго происхожденія и новыми фабриками, недавно возникшими. Но оно стремилось и тѣ и другія передать въ частныя руки. Такъ, въ 1752 г. пользованіе императорской суконной фабрикой, находившейся въ Путивлѣ, городѣ знаменитомъ долгимъ пребываніемъ здѣсь лже-Димитрія, было предоставлено купцу Матвѣеву и его наслѣдникамъ.

---

1) *См. Петръ Великій.*

Во всѣхъ видахъ, въ тысячѣ случаяхъ наслѣдіе великаго мужа ложилось бременемъ на его преемниковъ. И все-таки они возвращались къ нему во всемъ. Снова были возстановлены Горная коллегія и Мануфактуръ - коллегіи, упраздненныя въ 1725 г. Дѣла обоихъ учрежденій тогда перешли въ Торговую коллегію, заваленную, благодаря этому, работой. Однако, возстановить коллегіи не значило вполнѣ возвратить ихъ къ жизни.

Вдохновеніе, оживлявшее эти кратковременныя учрежденія, духъ, руководившій ихъ дѣятельностью, проявились, однако, не скоро. 1749 г. былъ отмѣченъ открытіемъ, ознаменовавшимъ собой эпоху въ промышленности Россіи: было впервые обнаружено мѣсторожденіе нефти на русской территоріи. До сихъ поръ она доставлялась только изъ Персіи. И вотъ одинъ архангельскій купецъ, поселившійся въ Москвѣ, раскольникъ Прядуновъ, нашелъ ее въ Россіи и отправилъ въ Петербургъ и даже Гамбургъ образцы, признанные высокаго достоинства. Способы очистки, придавшіе этому продукту настоящую цѣнность, тогда въ сущности не были извѣстны. Однако нефть давно уже употребляли, какъ топливо и даже отчасти, какъ средство освѣщенія, и Петръ Великій, безъ сомнѣнія, не задумался бы извлечь пользу изъ этого новаго сокровища. При Елизаветѣ открытіе Прядунова привело только къ ссорѣ между бергъ-коллегіей и медицинской конторой по поводу цѣлебныхъ свойствъ минеральнаго вещества, добытаго Прядуновымъ и дѣйствительно примѣнявшагося имъ для леченія. Ссора потребовала вмѣшательства Сената, а послѣднее привело къ заключенію находчика сокровища въ тюрьму и наложенію штрафа на его защитниковъ [1]).

---

[1]) *Журналы и протоколы Сената* 4 апрѣля 1749 г.; Соловьевъ.

Иногда сенаторы Елизаветы обнаруживали больше сообразительности, но во всѣхъ случаяхъ извѣстную узость ума, вообще отличавшую людей той эпохи,—носителей идей, не вмѣщавшихся въ ихъ головахъ. Въ 1751 г. высокому собранію было доложено заявленіе крестьянина Яранскаго уѣзда, Леонтія Шамшуренкова, уже давно сидѣвшаго въ тюрьмѣ въ Москвѣ и сообщившаго объ изобрѣтеніи имъ усовершенствованнаго самоката. Машины эти, какъ видно, имѣли и въ Россіи свою давнишнюю исторію. Экипажъ придуманный Шамшуренковымъ способенъ былъ, по его увѣренію, пробѣгать громадныя пространства и подниматься по самымъ крутымъ уклонамъ. Для управленія имъ достаточно было двухъ человѣкъ. Для достиженія такого результата изобрѣтатель просилъ только свободы, три мѣсяца сроку и 30 рублей.

Прежде всего здѣсь слѣдуетъ отмѣтить любопытную подробность. Читатели найдутъ въ ней выразительную иллюстрацію одной изъ сторонъ царствованія, задѣтой мною лишь мимоходомъ. Въ подтвержденіе своей просьбы, разсмотрѣнной Сенатомъ 1751 г., какъ я уже сказалъ, Шамшуренковъ ссылался на предположенное имъ устройство другого механизма, предназначавшагося для поднятія на большую высоту громаднаго церковнаго колокола. Модель, представленная, по его словамъ, „годъ тому назадъ“, въ 1736 г., была принята Артиллерійской коллегіей. Но пожаръ помѣшалъ исполненію проекта. Слѣдовательно, заявленіе относилось къ 1737 г., и Шамшуренковъ, посаженный въ тюрьму вслѣдствіе своего доноса,—за основательность котораго ручался,—о мошенничествѣ при продажѣ спирта, томился въ заключеніи пятнадцать лѣтъ, въ качествѣ даже не обвиняемаго, а свидѣтеля! Подобно его прошенію, дѣло, въ которомъ онъ былъ замѣшанъ пострадало отъ неуклюжести и тяжеловѣсности

громоздкаго административнаго и судебнаго механизма, нэ похожаго на изобрѣтеніе, о которомъ заявлялъ узникъ.

Шамшуренковъ, повидимому, не хвасталъ. Сенатъ въ концѣ концовъ удовлетворилъ его ходатайство, самокатъ былъ построенъ и пущенъ въ ходъ. Изобрѣтатель получилъ въ награду 50 руб., хотя расходы по постройкѣ превысили смѣту. Исторія смѣтъ остается неизмѣнной во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Самокатъ обошелся въ 73 руб. 5 коп. кромѣ пищевого довольствія, выданнаго Шамшуренкову на 17 руб. 50 к. въ теченіи пяти мѣсяцевъ, пока длилась работа. По окончаніи же ея, Шамшуренкову, вызванному въ Петербургъ и получившему мастерскую при Строительной канцеляріи, пришлось вернуться опять въ московскую тюрьму, откуда онъ снова подалъ прошеніе въ 1753 г.

Возможно, что онъ былъ дѣйствительно геніальнымъ изобрѣтателемъ. Послѣ перваго самоката, поставленнаго на колеса, онъ изобрѣлъ другой на полозьяхъ, снабженный автоматическимъ счетчикомъ или часами, укрѣпленными въ задней стѣнкѣ экипажа, отмѣчавшими разстояніе до тысячи верстъ и отзванивавшими каждую пройденную версту. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шамшуренковъ предполагалъ значительно увеличить скорость своего перваго автомобиля. Самокатъ-сани и счетчикъ должны были стоить вмѣстѣ не дороже пятидесями или восьмидесяти руб. И, справившись объ этой подробности, Сенатъ, новидимому, рѣшилъ субсидировать и второй опытъ. Къ сожалѣнію, дѣло, имѣющееся въ моемъ распоряженіи, на этомъ останавливается, а такъ какъ слава Шамшуренкова таилась въ этомъ документѣ до сего времени, возможно, что несчастному изобрѣтателю такъ и не удалось выбраться изъ тюрьмы [1]). Но его печальная судьба составля-

[1]) Щукинъ, *Документъ*.

етъ страничку мартиролога, одинаково общему всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ, и нельзя возлагать за него всю отвѣтственность на Елизавету и ея сотрудниковъ.

Какъ всѣмъ людямъ, счастливымъ на роду, Елизаветѣ шли на пользу даже ея недостатки. Страсть государыни къ нарядамъ безспорно благопріятствовла возникновенію и развитію нѣкоторыхъ отраслей промышленности, хотя въ еще не выдерживавшей иностранной конкуренціи, однако, составлявшей значительное добавленіе къ отечественному производству. А прихоть Елизаветы, желавшей всегда имѣть за столомъ виноградъ, персики и другіе южные фрукты, привела къ устройству почтоваго тракта между Москвой и Астраханью черезъ Царицынъ, а затѣмъ между Царицыномъ и Кіевомъ. То была „почта для фруктовъ", какъ впослѣдствіи желѣзная дорога соединившая Петербургъ съ однимъ изъ Балтійскихъ портовъ, получила названіе „дороги апельсиновъ". [1]). Такимъ образомъ возникшіе пути сообщенія служили и другимъ цѣлямъ. Правда, что медленность передвиженія въ тѣ времена была большая. Такъ въ 1756 г., по почтовому тракту между Москвой и Саратовымъ—около 1200 верстъ—сенатскій указъ странствовалъ полтора мѣсяца, а другой—еще на двадцать дней дольше [2]).

Поощреніе Елизаветой отечественной промышленности въ данномъ направленіи обнаруживало легкомысленность ея заботъ. Ребячествомъ отзывается желаніе видѣть производство тонкихъ кружевъ въ странѣ, гдѣ рубашечное полотно оставалось предметомъ роскоши; а привилегіи, дарованныя m-lle Терезѣ, искусной брюссельской кружевницѣ, не нахо-

---

1) Хрущевъ, *Исторія русской почты.* Brückner, Russische Postwesen.

2) Соловьевъ.

дятъ себѣ оправданія съ точки зрѣнія принциповъ болѣе мудрыхъ, проводимыхъ въ жизнь Петромъ Великимъ, покровительствовавшимъ прежде всего производству предметовъ первой необходимости. Но геній не передается, и было бы несправедливо судить слишкомъ строго преемниковъ великаго мужа за подобныя заблужденія въ той области, гдѣ въ подобныя ошибки впадаютъ даже теперь наиболѣе просвѣщенные умы.

Направляясь въ потемкахъ и ощупью по пути, тогда еще вполнѣ неизвѣданному, Елизавета и ея сподвижники пришли къ другому противорѣчію, заключавшемуся въ борьбѣ съ развитіемъ роскоши, поощряемой и распространяемой ихъ собственными усиліями. Россія была въ то время, какъ остается и до сихъ поръ въ сравненіи съ Западной Европой, страной дешевой для большинства предметовъ домашняго обихода и весьма дорогой для предметовъ роскоши. Мы знаемъ цѣны на мясо. Въ 1753 г. въ Москвѣ пудъ ржаного хлѣба стоилъ 26 коп., пудъ пшеничной муки—64 к., пудъ масла—2 р. 14 коп., пудъ солонины—12 коп. Людямъ, не владѣвшимъ крѣпостными, служанка обходилась 3 рубля въ годъ.

Вотъ средняя такса экономической жизни.

Вкусы оставались вообще простыми, а потребности ограниченными. Но въ аристократическихъ кругахъ уже начинали пить шампанское, и здѣсь лѣстница цѣнъ, повидимому, перевертывалась. Бутылка шампанскаго стоила 1 р. 30 к., чай, получившій впослѣдствіи распространеніе, составлялъ также предметъ роскоши, потому что фунтъ его стоилъ два рубля, а пудъ сахара—два съ полтиной[1]). Но для высшихъ классовъ, а въ особенности для придворныхъ, страшно разорительна была одежда. Съ введеніемъ французскихъ модъ

---

[1]) Соловьевъ.

и парижскихъ новинокъ траты на наряды сдѣлались для большинства положительно непосильными. Поэтому въ декабрѣ мѣсяцѣ 1742 г., законы противъ роскоши, уже изданные при Аннѣ Іоанновнѣ, снова вошли въ силу и даже въ значительно болѣе широкихъ размѣрахъ. Указомъ была ограничена цѣна шелковыхъ матерій, хотя ношеніе ихъ разрѣшалось. Для первыхъ пяти классныхъ чиновъ стоимость не должна была превышать 4 руб. за аршинъ. Три слѣдующихъ класса должны были довольствоваться болѣе дешевыми матеріалами,—до 3 руб. за арш. Далѣе шли ткани не дороже 2 руб. Помимо классныхъ чиновъ, полное запрещеніе ношенія шелка или бархата, а что касается кружевъ — монополія на нихъ разрѣшалась только первымъ пяти классамъ. Кромѣ того, ширина кружевъ не должна была превышать четырехъ дюймовъ. Также запрещено было золото и серебро, даже для позументовъ на ливреяхъ, за исключеніемъ только для военныхъ и иностранцевъ. Въ особыхъ случаяхъ, въ родѣ большихъ придворныхъ празднествъ, разрѣшалась серебряная и золотая парча, но только для первыхъ четырехъ классовъ (указъ 16 марта 1745 г.). Старыя платья изъ неустановленныхъ матерій позволялось донашивать, но, во избѣжаніе обмана, рѣшено было ставить на нихъ клейма [1]). Въ этомъ же духѣ были запрещены выѣзды четверкой всѣмъ, кромѣ иностранныхъ дипломатовъ и помѣщиковъ, возвращающихся въ свои усадьбы. Не позволялось окрашивать въ черный цвѣтъ дома и экипажи въ случаяхъ траура. Русскіе фабриканты получили приказъ сократить производство золотыхъ и серебряныхъ матерій, а ввозъ тканей дороже 7 р. за аршинъ былъ совершенно запрещенъ. Но тутъ Елизаветѣ

---

[1]) Славатинскій. „Русское дворянство“, 1870 г., Вейдемейеръ. „Царствованіе Елизаветы“, 1834 г.,

стало жаль. Щегольству грозила опасность, и ея портнихи начали жаловаться. Поэтому мѣра эта вскорѣ была отмѣнена. Продавцы заграничныхъ драгоцѣнныхъ матерій должны были лишь заявлять о нихъ завѣдующему царскимъ гардеробомъ, чтобы государыня имѣла возможность изъ каждаго привоза выбирать для себя наиболѣе интересныя новинки. Но уже петербургскія красавицы набросились на „блонды" и другія изысканныя отдѣлки громадной стоимости. Тогда въ 1761-мъ году были приняты мѣры противъ блондъ иностранной выдѣлки.

Какъ и слѣдовало ожидать, результатомъ такой объявленной войны получилось сильное развитіе контрабанды. Пострадали также промышленность и торговля; но развитію послѣднихъ особенно препятствовали двѣ причины совершенно различнаго происхожденія, одна—общественнаго, другая—политическаго свойства. Причина общественная, существующая и понынѣ, заключалась въ отсутствіи рабочихъ рукъ. Современная исторія съ эксплуатаціей солеваренъ представляетъ любопытный примѣръ. Въ 1745 году правительство предложило баронамъ Строгоновымъ неограниченный кредитъ для добычи и поставки количества соли, способнаго удовлетворить спросъ. Отвѣтъ: „Денегъ намъ не надо, дайте руки и возможность доставки". Настоянія правительства; вторичный отказъ со стороны богатыхъ промышленниковъ: „Ни за какую цѣну они не согласны взять на себя такую поставку". Пришлось прибѣгнуть къ способу, примѣнявшемуся въ древней Руси, и на генерала Юшкова было возложено порученіе произвести принудительную вербовку рабочихъ. Однако, мѣра эта не привела къ вполнѣ удовлетворительнымъ результатамъ, и въ 1748 г. указомъ повелѣно было „принудить" Строгоновыхъ и ихъ соперниковъ Демидовыхъ снабдить нужнымъ количествомъ соли петербургскіе

и московскіе склады [1]). Такой недостатокъ рабочихъ рукъ зависѣлъ отъ явленія, къ которому мнѣ еще предстоитъ вернуться: массоваго переселенія крестьянъ, бѣжавшихъ отъ ужасовъ и униженій крѣпостного права.

Политическую причину слѣдуетъ искать въ злоупотребленіяхъ монополіями и привилегіями, исторія которыхъ, какъ уже мной сказано, почти сливалась съ исторіей Петра Шувалова. Въ 1742 г. у барона Шенберга были отобраны большіе заводы, предоставленные ему Петромъ I. Предлогомъ служили якобы допущенныя владѣльцемъ злоупотребленія. Заводы были переданы Шувалову, способному на злоупотребленія гораздо большія. Въ 1748 году всемогущій родственникъ фаворита получилъ въ пользованіе свое, жены и наслѣдниковъ солеварни Архангельска и Колы. Въ 1752 году бѣломорская торговая компанія была почти освобождена отъ оплаты торговыхъ правъ, а эту компанію представлялъ изъ себя Петръ Шуваловъ. Въ томъ же году онъ совершенно монополизировалъ торговлю хлѣбомъ, треской и кожами.

При болѣе близкомъ ознакомленіи оказывается, что большинство мѣропріятій, касавшихся торговли и промышленности въ царствованіе Елизаветы, повидимому, внушены были соображеніями не столько общественнаго характера, сколько частнаго, и обыкновенно совпадали съ интересами Петра Шувалова. Такъ, напр., убѣдившись въ превосходствѣ частной промышленности надъ государственной въ производствѣ мѣди, правительство рѣшило въ 1753 году болѣе не основывать подобныхъ заводовъ въ Оренбургской губерніи. И вдругъ, черезъ годъ съ небольшимъ рѣзкая перемѣна. Приказъ увеличить количество заводовъ, эксплуатируемыхъ

1) Соловьевъ.

государствомъ. Причина? Просто учрежденіе подъ предсѣдательствомъ Шувалова комиссіи для переплавки мѣдныхъ денегъ. Предсѣдательствующій ожидалъ большихъ барышей отъ такой операціи и предпочиталъ имѣть дѣло съ государствомъ, чѣмъ съ частными лицами.

Я уже, однако, отмѣтилъ услуги, оказанныя общественному дѣлу этимъ ненасытнымъ барышникомъ. Наиболѣе цѣнной была отмѣна внутреннихъ таможенныхъ и дорожныхъ пошлинъ. До этой реформы крестьянинъ, привезшій въ Москву возъ дровъ, считалъ себя счастливымъ, если возвращался домой съ половиной полученныхъ денегъ, отъ 15 до 20 коп., заплативъ всѣ сборы, предъявленные ему по пути: сборъ съ воза, сборъ за право проѣзда по мостамъ, сборъ за водопой, за право остановокъ и т. д. Очень часто, пріѣзжая въ городъ съ пустыми карманами, ему приходилось оставлять въ приказѣ взиманія сборовъ шапку, рукавицы или кушакъ и снова платить за выкупъ залога. Нѣкоторые изъ сборовъ не превышали полкопейки, но полушки были рѣдки, и сборщикъ получалъ цѣлую копейку. И въ результатѣ такіе поборы не давали въ годъ даже милліона: въ 1753 г., когда была принята реформа, было получено 903,537 руб. Убытокъ былъ возмѣщенъ поднятіемъ, приблизительно на 10 процентовъ, оплаты ввоза и вывоза внѣшней торговли [1]). Семнадцать внутреннихъ пошлинъ были отмѣнены указомъ отъ 18 декабря 1753 г., и, благодаря большому облегченію экономической жизни страны, дѣло національнаго объединенія сдѣлало крупный шагъ впередъ.

Однако, внутренняя торговля находилась въ состояніи прозябанія. Дѣло въ томъ, что способы, придуманные для ея оживленія, не принадлежали къ числу особенно удач-

---

[1]) Соловьевъ.

ныхъ,—какъ, напр., въ 1755 г. запрещеніе вывоза пеньки, спирта, кожъ и сала. Попрежнему государство присваивало себѣ право руководить и направлять, такимъ образомъ, куда вздумается, русло громадныхъ рѣкъ, грозившихъ гибелью его благосостоянію. Торговля хлѣбомъ также часто подвергалась временнымъ запрещеніямъ и ограниченіямъ, вызваннымъ или неурожаемъ, или какою-либо рискованной операціей. Въ голодные годы то находили необходимымъ пересмотръ запасовъ и заставляли помѣщиковъ продавать ихъ подъ надзоромъ военныхъ властей, то считали полезнымъ ограничивать продажу и образовывать запасы.

По другимъ причинамъ, внѣшней торговлѣ не удавалось привить желательнаго національнаго характера. Она оставалась въ рукахъ иностранцевъ. Въ такомъ состояніи находится она и по сіе время, и русскій торговый флотъ, составлявшій мечту Петра Великаго, еще ожидаетъ своего создателя. Причины эти я указывалъ, описывая творчество преобразователя.

При генеральномъ межеваніи обширной имперіи,—этомъ колоссальномъ трудѣ, предпринятомъ также по настоянію Шувалова—выяснилось вліяніе войны и денежное оскудѣніе, ею вызванное. Въ 1761 г. сенатъ приказалъ закончить работы въ Московской губерніи, а также уѣздахъ Новгородскомъ, Велико-Устюжскомъ и Вятскомъ, а въ остальныхъ мѣстахъ прекратить за неимѣніемъ средствъ.

Обѣдненію казны соотвѣтствовало неудовлетворительное состояніе общественнаго кредита, относящееся также къ числу причинъ препятствовавшихъ развитію богатства страны во всѣхъ направленіяхъ. Надлежало разрѣшить задачу, но, къ несчастію, исходъ найденный въ то время, прекрасный самъ по себѣ, былъ испорченъ примѣненіемъ. Уже Анна Іоанновна учредила при Монетномъ дворѣ ссудную кассу для

общаго кредита безъ различія сословій. Но пользы изъ этого не получилось никакой. Взималось восемь процентовъ, и кредитъ открывался только по взносѣ въ залогъ золота или серебра. Въ 1753 г. указомъ Елизаветы были сразу открыты два банка: одинъ торговый, съ капиталомъ въ 500,000 руб. и другой дворянскій съ капиталомъ въ 750,000 руб. Проценты были понижены до 6 со 100. Несмотря на это торговый банкъ вначалѣ не имѣлъ успѣха, такъ какъ требовалъ залога товаровъ. Только въ концѣ слѣдующаго года, когда эта оговорка была уничтожена по просьбѣ пайщиковъ, цифра ссудъ дошла до 200,000 р. Въ дворянскомъ банкѣ, ссуды, обезпечивавшіяся родомъ закладной на землю, ограничивались 50 руб. за каждую заложенную душу и 1000 руб. на каждаго заемщика. И несмотря на такія чрезвычайныя предосторожности случаи несостоятельности были очень часты. Возраставшее обѣднѣніе дворянъ шло рука объ руку съ достигшимъ крайнихъ предѣловъ раздробленіемъ имѣній. Доказательствомъ служитъ заемщикъ подобной категоріи, получившій ссуду въ 250 руб., все-таки перешедшую установленную границу, принимая во вниманіе залогъ, имѣвшійся въ его распоряженіи. Дворянство подтачивали непомѣрные расходы и привычки всевозможнаго мотовства, примѣръ чему, увы! шелъ свыше.

VI.

Финансы.

Въ началѣ царствованія Елизаветы, намекая образнымъ выраженіемъ на совершенно противоположныя привычки, оставленныя въ народномъ воспоминаніи Петромъ I, одинъ солдатъ[1]) имѣлъ несчастье сказать при свидѣтеляхъ, что „царь изъ за копейки давливался". Бѣднягу поволокли въ тайную канцелярію, гдѣ никто не оказался въ состояніи понять какая похвала преобразователю заключалась въ этихъ словахъ. Дочь великаго мужа въ этомъ отношеніи впала въ противоположную крайность. Какъ даръ радостнаго восшествія на престолъ, она пожелала сократить на 10 к. подушную подать въ 1742 и 1743 г.; но въ то же время расточала приближеннымъ доказательства своей щедрости и стремилась затмить предшественниковъ блескомъ, какимъ окружила свой тронъ. Благодаря этому сейчасъ же получилось нарушеніе финансоваго равновѣсія, поддерживаемаго раньше съ величайшимъ трудомъ, и необходимость прибѣгать къ унизительнымъ ухищреніямъ, которыхъ не могъ избѣжать самъ Петръ. Вычеты изъ жалованья, всевозможныя произ-

---

[1]) Рейтаръ Осоргинъ. Дѣло Тайн. Канцеляріи 1744 г. въ Госуд. архивѣ. Соловьевъ.

водства казенныхъ фабрикъ, заступавшія мѣсто денегъ при уплатѣ всякихъ долговъ, произвольное поднятіе цѣнъ на монополизированные продукты, какъ соль и спиртъ, все пускали въ ходъ, не брезгая ничѣмъ, но не достигая, однако, утѣшительныхъ результатовъ. Въ 1750 г. Сенатъ доложилъ императрицѣ, что средній приходъ пяти послѣднихъ лѣтъ (за исключеніемъ подушной подати и нѣкоторыхъ спеціальныхъ смѣтъ) не превышалъ 3,965,155 р., а средній расходъ достигалъ 4,453,007 р., благодаря чему получался постоянный дефицитъ, грозившій принять опасные размѣры. Въ довершеніе всего, въ воспоминаніе о селѣ Измайловѣ, гдѣ протекли ея юные годы, Елизавета создала новый гвардейскій полкъ, Измайловскій. Полкъ былъ великолѣпный, но содержаніе его обходилось въ 173,573 руб. въ годъ. Расходъ этотъ возлагался на доходы Сибирскаго приказа, но тамъ не было ни одной копейки свободной. До сихъ поръ обходились займами на Монетномъ дворѣ, но тамъ похозяйничалъ Петръ Шуваловъ, оставивъ послѣ себя пустоту [1]).

Иностранные дипломаты взапуски отмѣчали эти затрудненія, выражая свою радость и безпокойство по этому поводу. Мардефельдъ писалъ въ концѣ 1742 г.: „Всѣ средства истощены. Офицеры уже десять мѣсяцевъ не получаютъ жалованія. Адмиралтейству нужны 50,000 руб., а ему не даютъ ни копейки“ [2]). Въ слѣдующемъ году онъ забавлялся приключеніемъ съ купцомъ, торговавшимъ нарядами, долго добивавшимся уплаты 400 руб. за „уборы, поставленныя для Ея Величества“. Увидавъ его въ прихожей, императрица вообразила, что онъ принесъ что-нибудь новенькое. Но вмѣсто ожидаемыхъ перьевъ или кружевъ, онъ предъявилъ счетъ,

---

[1]) Протоколы Сената 21 мая, 6 іюля 1750 г.

[2]) Королю, 8 ноября 1842 г. „Берлинскій Архивъ“.

и завѣдующій гардеробомъ, Чоглоковъ, объявилъ, что у него нѣтъ ни гроша. Тогда Елизавета вернулась въ свои аппартаменты, вынесла оттуда 400 руб., случайно у нея оказавшіеся, и передала ихъ Чоглокову, но со словами: „Отдадите мнѣ черезъ мѣсяцъ на брильянты". Въ то же время посланникъ Фридриха разсказывалъ о нетерпѣніи подполковника Граппа, привезшаго императрицѣ прусскій орденъ Чернаго Орла и теперь тщетно добивавшагося прощальной аудіенціи—потому что не хватало звонкой монеты на установленный ему подарокъ. А вотъ еще случай съ толпой матросовъ, окружившихъ, требуя выдачи себѣ жалованья, карету государыни, отправлявшейся на богомолье. И, наконецъ, затрудненія, часто испытывавшіяся мундкохами ея величества. Нерѣдко не оказывалось пряностей, каперсовъ, оливокъ для потребностей царскаго стола, а вина подавались ужаснѣйшія. „Причиной тому плохая экономія", объяснялъ Мардефельдъ; „одно содержаніе сорока пажей, не считая ихъ одежды, обходится въ 24,000 руб. въ годъ. Начальникъ надъ упомянутыми пажами изъявилъ готовность обходиться 6,000 руб. и былъ удаленъ въ благодарность за свое благое намѣреніе [1])."

Невозможное обращеніе съ деньгами, при чемъ глупость опекаемыхъ состязалась съ ошибками опекуновъ, содѣйствовало ухудшенію положенія. Мардефельдъ писалъ еще въ 1746 г.: „Человѣкъ вполнѣ достойный довѣрія мнѣ передавалъ за истину, что хотя на монетномъ дворѣ вычеканено съ 1712 г. 35 милліоновъ рублей, въ настоящее время всего въ Россіи находится въ обращеніи не больше трехъ милліоновъ". Онъ приписываетъ это отчасти громадному количеству мѣдныхъ пятикопеечныхъ монетъ, тайнымъ образомъ

[1]) Королю 6 и 13 апрѣля 1743 г.; 6 апрѣля 1744 г.; 12 марта 1746 г. Берлинскій Архивъ.

выпускаемыхъ въ обращеніе... а отчасти обыкновенію русскихъ зарывать деньги въ землю[1]).

Наличности въ казнѣ, собственно говоря, не существовало. Финансовая коллегія, функціонировавшая, какъ государственный контроль, только въ 1747 г. добилась свѣдѣній объ окончательной росписи доходовъ и расходовъ за 1742 г. и тутъ обнаружила, что между этой росписью и краткимъ отчетомъ, представленнымъ въ Сенатъ въ 1743 г., существовало разногласіе, распространявшееся на всѣ цифры и создававшее въ одномъ только отдѣлѣ разницу въ 822,258 руб. При сохраненіи спеціальныхъ смѣтъ, пополнявшихся изъ такихъ же спеціальныхъ доходовъ, общее оскудѣніе вызывало постоянныя распри между различными департаментами, оспаривавшими другъ у друга наличные капиталы. Каждый спѣшилъ завладѣть ими первый, и въ этой борьбѣ были счастливцы и опальные, въ зависимости отъ степени важности, приписываемой оказаннымъ услугамъ. Адмиралтейство, любимое дѣтище Петра Великаго, теперь отошло на послѣдній планъ. Такъ какъ флотъ давно уже не приносилъ пользы, то вкоренялось убѣжденіе, что совершенно излишне поддерживать дорогой механизмъ его могущества, и гибель изъ года въ годъ его элементовъ,—разрушеніе судовъ, отсутствіе экипажа, встрѣчалась равнодушно. Кредитами спеціально предназначенными для этого вѣдомства пополняли нехватки, постоянно получавшіяся въ другихъ мѣстахъ. Но въ 1749 г. даже военная коллегія оказалась кредиторомъ государства на сумму болѣе 240,000 руб.

Казна играла роль блуднаго сына, пускавшагося на всякія ухищренія и безнадежно запутывавшагося въ долгахъ. Всего чаще обращались за помощью къ Монетному двору.

---

[1]) Королю, 15 іюня 1746 г.

Но въ 1752 г. это прибѣжище, попеченіе о которомъ взялъ на себя Петръ Шуваловъ, оказалось также истощеннымъ: на Петербургскомъ монетномъ дворѣ оставалось всего 180,473 руб. и 7,118 руб. на монетномъ дворѣ въ Москвѣ. Да и эти суммы уже давно были распредѣлены, а между тѣмъ Елизавета выбрала именно этотъ моментъ для проявленія своей щедрости, сложивъ съ своихъ подданныхъ недоимки подушнаго сбора, образовавшія съ 1727 г. общую сумму въ 2,534,008 руб. Правда, надежда на пополненіе этого недобора была болѣе чѣмъ сомнительная, но манифестъ объяснялъ такую мѣру благосостояніемъ государства, никогда еще не достигавшимъ такой степени. Можетъ быть, великодушная государыня сама въ это вѣрила. Но казна попрежнему была обременена долгами. Къ концу царствованія, въ 1761 г. задолженность простиралась до 8,147,924 руб. Неотложно требовалось 144,897 руб. на содержаніе двора; но казна оказывалась несостоятельной. Дворъ обладалъ спеціальными доходами, именно въ размѣрѣ милліона, получавшагося ежегодно изъ Приказа солеваренъ. Но самъ запутавшійся кругомъ въ долгахъ Приказъ солеваренъ долженъ былъ въ это время 2,115,043 руб., и погребу ея величества не предстояло никакой надежды на улучшеніе. Въ томъ же году казна сообщила Сенату, что для наиболѣе срочныхъ платежей ей необходимо 2,119,135 руб., а съ просроченными 2,686,831 руб. Одной арміи слѣдовало уплатить 306,000 руб.—жалованье за прошлый годъ. Въ наличности же всего имѣлось 50,162 руб.[1]).

Такое положеніе было отчасти послѣдствіемъ войны, обременявшей съ 1756 г. страну расходами, совершенно не соотвѣтствовавшими ея средствамъ, несмотря на субсидіи, вы-

---

[1]) Соловьевъ.

дававшіяся Австріей изъ французскихъ денегъ. Мнѣ уже приходилось объяснять, какимъ образомъ въ мирное время Россія, представлявшая изъ себя по своему скудному бюджету державу третьяго разряда, умудрялась сохранять положеніе въ ряду державъ первоклассныхъ[1]). Въ 1746 г. Мардефельдъ такъ описывалъ секретъ ея совершенно особаго финансоваго механизма: „Рекруты не стоятъ ни гроша императрицѣ и очень дорого странѣ, и Кригсъ-коллегія имѣетъ ежегодные доходы, предназначенные исключительно для содержанія арміи. Лошади для перевозки офицерскихъ вещей нанимаются за ихъ личный счетъ, а для солдатской поклажи по большей части за счетъ обывателей. Такимъ образомъ правительству не доставляетъ никакихъ затрудненій передвиженіе войскъ въ своемъ собственномъ государствѣ“ [2]).

Но теперь приходилось вести кампанію въ чужеземныхъ краяхъ, а между тѣмъ Елизавета нисколько не помышляла изъ-за войны сократить свои удовольствія или роскошь. Она торопила постройкой новаго Зимняго двора, отправляла въ Вѣну посланника, хотя содержаніе одной его прислуги обходилось въ 2,000 руб. ежемѣсячно[3]), и заботилась о правильной выдачѣ окладовъ Петербургской итальянской оперной труппѣ. На послѣдній предметъ въ 1758 г. Сенатскимъ указомъ было приказано Дворянскому банку выдать немедленно 7,000 руб., хотя подобное расходованіе капитала было совершенно не предусмотрѣно уставомъ учрежденія. Только здѣсь, какъ и вездѣ, запасной капиталъ оказался истощеннымъ, и собравъ послѣдніе гроши, банкъ едва натянулъ 3,000 руб.[4]).

---

[1]) *Петръ Великій.*

[2]) Королю, 25 февраля. Берлинскій Архивъ.

[3]) Графъ Чернышевъ „Русскій Архивъ“ 1869 г.

[4]) Соловьевъ.

Въ 1759 г., чтобы отослать 400,000 руб. въ Кенигсбергъ, откуда генеральный комиссаръ находившейся въ походѣ арміи требовалъ 600,000 руб., рѣшили прибѣгнуть къ переплавкѣ мѣдной монеты, предложенной Петромъ Шуваловымъ. Операція необыкновенно простая: слѣдовало уменьшить на половину объемъ монетъ и вдвое увеличить ихъ цѣнность. Шуваловъ расхваливалъ пригодность такого способа, дѣлавшаго мѣдныя деньги болѣе удобными въ обращеніи. Несмотря на это, опустошивъ всѣ вѣдомства и истративъ всѣ запасные капиталы, въ томъ числѣ и госпитальный и самого Монетнаго двора, удалось собрать всего 289,276 руб. Въ порывѣ самопожертвованья, Елизавета, повѣряя свои затрудненія Эстергази, объявила, что готова продать половину своихъ платьевъ и брилльянтовъ, чтобы продолжать войну. Намъ извѣстно, что все-таки у ней осталось бы во что одѣться. Но не доходя до такой крайности, она рѣшила въ 1760 г. снова нарушить принципъ отца, разрѣшивъ лотерею,—способъ, считавшійся Петромъ безнравственнымъ. Ему не придали больше нравственности, заставляя выигравшихъ въ первомъ тиражѣ брать билеты слѣдующаго выпуска[1]).

Неизбѣжно война выдвигала впередъ основной недостатокъ равновѣсія между ролью, какую новый строй налагалъ на преобразованную, Россію и средствами, имѣвшимися для того въ ея распоряженіи. Выдвигаясь самъ и выдвинувъ ее на передній планъ на европейской сценѣ, Петръ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ осторожность сократить до послѣдней возможности свои личные расходы на представительство. Одѣтый

1) Печатное объявленіе объ этой лотереѣ, для которой были учреждены канцеляріи даже въ завоеванныхъ земляхъ, вплоть до Кенигсберга, и первый выпускъ которой состоялъ изъ 50,000 билетовъ по 11 руб., приложенъ къ депешѣ де'Бретейля отъ 11 іюля 1760 г. Иностр. дѣла.

какъ рабочій, онъ жилъ въ маленькомъ домикѣ. Елизавета, вступивъ въ борьбу съ Фридрихомъ, соперничала съ m-me de Помпадуръ. Отрицательные результаты въ первое время славныхъ кампаній, приведшихъ русскія войска къ стѣнамъ Берлина, должны быть настолько же отнесены на счетъ такихъ неправильныхъ взглядовъ и способа веденія дѣлъ, какъ на счетъ неспособности русскихъ генераловъ и недостатковъ существовавшей военной организаціи.

VII.

Армія и флотъ.

Созданный Полтавой военный престижъ Россіи продолжалъ усиливаться въ первую половину восемнадцатаго столѣтія, благодаря побѣдамъ Миниха и появленію, правда пассивному, но тѣмъ не менѣе грозному, армій Анны и Елизаветы въ центрѣ Германіи. Фридрихъ долгое время относился съ осторожностью и даже почти съ суевѣрнымъ ужасомъ къ этой силѣ, ускользавшей отъ точной оцѣнки ея элементовъ и именно, благодаря невозможности основывать на ней какіе-либо опредѣленные разсчеты, отнимавшей у него желаніе помѣриться съ ней. Постепенно донесенія многочисленныхъ агентовъ, доставлявшихъ ему самыя подробныя свѣдѣнія, восторжествовали надъ этимъ чувствомъ, заставивъ короля притти къ противоположному мнѣнію, что составило величайшую ошибку его жизни, за которую ему пришлось очень дорого поплатиться. Въ особенности этому содѣйствовалъ Мардефельдъ. Фридрихъ весьма цѣнилъ мнѣнія этого дипломата, вообще вполнѣ оправдывавшаго такое довѣріе. Итакъ, уже въ 1746 г. Мардефельдъ заявилъ, что совершенно разочаровался въ высокомъ представленіи, составленномъ, по традиціи, о русской державѣ. Теперь онъ

пришелъ къ окончательному убѣжденію, что даже если полки будутъ въ полномъ составѣ, все-таки всѣ силы имперіи съ гарнизонными полками включительно не достигнутъ и 130,000 тысячъ регулярныхъ войскъ.

Съ извѣстной точки зрѣнія тутъ обнаруживалась большая освѣдомленность. Послѣ смерти Елизаветы офиціальныя свѣдѣнія о сухопутныхъ войскахъ, переданныхъ государыней своему наслѣднику, опредѣляли ихъ наличность въ 606,172 человѣка[1]). Но помимо того, что больше трети составляли „иррегулярныя" войска—казаки и калмыки (261,172 человѣка)—армія эта отражала на себѣ общую черту, свойственную всей современной организаціи русскаго государства и всѣмъ функціямъ его учрежденій, получившую спеціальное опредѣленіе въ административной переписке той эпохи. Часть арміи существовала только „на бумагѣ". Въ дѣйствительности наличный составъ, съ которымъ пришлось имѣть дѣло Фридриху, когда злымъ рокомъ ему суждено было бросить перчатку „медвѣжатникамъ", какъ насмѣшливо онъ называлъ своихъ враговъ, прежде казавшихся ему грозными, а теперь внушавшихъ презрѣніе, никогда не превышала 70,000 человѣкъ. Но, собравъ точныя свѣдѣнія о численности и даже качествахъ этой военной силы, Мардефельдъ упустилъ изъ виду одну особенность, впрочемъ, ускользнувшую отъ вниманія всѣхъ современниковъ, вплоть до дней Цорндорфа и Кюнерсдорфа. Всѣ умѣли только исчислять батальоны, опредѣлять дальнобойность ружей и пушекъ, оцѣнять снаряженіе, и съ этой точки зрѣнія всѣ приходили путемъ сравненія къ заключеніямъ весьма успокоительнымъ для Фридриха. По своему внѣшнему виду солдаты и генералы Елизаветы не могли внушать опасеній побѣдителямъ при

---

[1]) Verzeichnis der Russisch-Kaiserlichen Landmacht, Гамбургъ 1769 г.

Росбахѣ. Крѣпко сложенные, но плохо питаемые, солдаты, по мнѣнію самого австрійскаго военнаго атташе, Сентъ-Андрэ, не могли отличаться выносливостью. Генераламъ неизвѣстно было „употребленіе и польза повозокъ съ провіантомъ и походныхъ печей; они не имѣли понятія о распредѣленіи складовъ, о военной полиціи, о дисциплинѣ... и вообще обо всемъ, отличающемъ народы цивилизованные отъ тѣхъ, которые еще прозябаютъ въ ослѣпленіи и обычаяхъ варварства“ [1]). Понадобился опытъ нѣсколькихъ битвъ, чтобы исправить эти данныя, вѣрныя сами по себѣ, но неполныя. Апраксинъ и его подражатели попадались въ ловушки, разставленныя Фридрихомъ и его военачальниками, но очутившись въ положеніи, казавшемся великому полководцу безнадежнымъ, не обнаруживали ни малѣйшаго смятенія, и, смутивъ такимъ настроеніемъ врага, считавшаго побѣду обезпеченной, иногда одолѣвали его своимъ упорствомъ. Подъ огнемъ прусскихъ ружейныхъ залповъ солдаты Фермора и Салтыкова падали тысячами, но свалившись на землю продолжали биться до послѣдняго издыханія. Тутъ весь міръ позналъ, что такое этотъ „русскій духъ“, производившій впечатлѣніе чего-то смутнаго и неяснаго, но безконечно стойкаго.

Съ другой стороны, къ этому времени дипломатическія сношенія между Россіей и Пруссіей уже прекратились нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и свѣдѣнія Мардефельда, какъ и остальныхъ агентовъ Фридриха, не соотвѣтствовали дѣйствительности, относясь къ положенію вещей, уже значительно измѣнившемуся, въ особенности съ 1755 г. До этого времени военная организація Россіи пребывала почти такой, какъ ее оставилъ Минихъ. Кадры ея пополнились въ 1741 и 1745 гг. созданіемъ лейбъ-кампаніи и Измайловскаго полка,

[1]) Донесеніе ноября мѣсяца 1757 г. французскому правительству.

а въ 1750 г. сформированіемъ въ Астрахани кавалерійскаго полка, состоявшаго изъ сыновей туземцевъ, недавно обращенныхъ. Въ 1758 г. рѣшено было усилить составъ, завербовавъ часть безчисленныхъ подданныхъ, занимавшихся бродяжничествомъ, благодаря соціальному и экономическому положенію страны. Но на всемъ по прежнему лежалъ отпечатокъ зачаточности и хаотичности, такъ невыгодно обнаружившійся при Аннѣ Іоанновнѣ. Одѣтые на французскій ладъ, пріученные къ нѣмецкой дисциплинѣ, солдаты Елизаветы казались, во всякомъ случаѣ, способными подъ начальствомъ такого вождя, какъ пылкій побѣдитель подъ Ставучанами, отразить хотя турецкія или татарскія полчища. Но въ 1755 г. предпріимчивый умъ Петра Шувалова осуществилъ цѣлый рядъ реформъ, вызвавшихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ организаціи глубокое измѣненіе, превзойдя даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ успѣхи, одновременно достигнутые во Франціи. Именно была преобразована артиллерія. Шуваловъ создалъ изъ нея спеціальный родъ оружія, придалъ больше легкости орудіямъ и лафетамъ, развилъ пользованіе взрывчатыми снарядами, увеличилъ дальнобойность и силу выстрѣловъ, и въ кампаніяхъ 1758—1761 гг. превосходство артиллеріи дало себя чувствовать на всѣхъ поляхъ битвъ. Одновременно военно-инженерное искусство появилось въ войскахъ въ видѣ самостоятельнаго корпуса съ прочнымъ устройствомъ, а вмѣстѣ съ нимъ научный духъ проникъ во всю массу этого могучаго, но оцѣпенѣвшаго тѣла, чтобы приспособить его къ требованіямъ современной войны. Въ 1757 г. измѣнены были даже основы рекрутскаго набора. Онъ ложился почти всѣмъ своимъ бременемъ на десять губерній Великороссіи, освобождая отъ подати кровью остальныя области государства, т.-е, Балтійскія провинціи, Малороссію, всѣ мѣстности по Яику, Волгѣ и Дону съ ихъ смѣшаннымъ

народонаселеніемъ, германо-финнскимъ, русско-польскимъ, или финнско-тюркскимъ. Не отказываясь отъ системы, сосредоточивавшей военное напряженіе страны въ ея центрѣ, постарались немного расширить его границы. Десять губерній были раздѣлены на пять округовъ, обязанныхъ поочередно пополнять только сухопутныя войска, тогда какъ флотъ набиралъ рекрутовъ въ губерніи Астраханской и уѣздахъ Вологодскомъ, Устюжскомъ и Галичскомъ.

Съ технической точки зрѣнія все это еще не значило, что такимъ образомъ переустроенная русская армія оказалась поставленной вполнѣ на европейскій ладъ и въ уровень со своими западными соперниками. Но въ отличіе отъ этихъ соперниковъ, въ особенности отъ прусской арміи, пополнявшейся преимущественно вербовками, производившимися въ Польшѣ и Саксоніи, столь гостепріимной для дезертировъ и всевозможныхъ авантюристовъ, обращавшихъ ее въ „одежду арлекина", по выраженію Мишлэ,—русская армія была по преимуществу „народной". Вербовки не было, такъ какъ почти не было добровольцевъ, въ особенности въ строю; онъ пополнялся исключительно податью, платимой кровью, возложенной на земельныхъ собственниковъ и уплачиваемой ими—въ видѣ отдачи своихъ крѣпостныхъ. Обязанный поставить рекрута съ извѣстнаго количества душъ, мѣнявшагося сообразно различнымъ условіямъ, помѣщикъ располагалъ крестьянами по своему усмотрѣнію. Онъ имѣлъ также право сдавать въ солдаты, въ видѣ наказанія, пойманнаго бѣглеца. Такое отождествленіе отбыванія воинской повинности съ „наказаніемъ" сохранилось въ традиціяхъ страны и составляетъ даже въ настоящее время одну изъ наиболѣе несимпатичныхъ чертъ. Но подобное положеніе вещей не отражалось деморализующимъ образомъ на духѣ страны, какъ обязательно случилось бы въ другихъ мѣстахъ. Ни въ ка-

кой степени и ни въ какомъ видѣ „наказаніе“ въ Россіи не составляетъ само по себѣ безчестія. Благодаря такой системѣ, въ войска попадало много элемента ничтожнаго, но въ общемъ получалось цѣлое, физически крѣпкое и выносливое, нравственно весьма податливое, желѣзное тѣло, душа терпѣливая, покорная и своеобразно гордая. Позади офицера, за малѣйшее неповиновеніе наказывавшаго подчиненнаго палками, прогоняя сквозь строй, солдатъ видѣлъ священника, причащавшаго его наканунѣ битвы или штурма и „обносившаго передъ фронтомъ, съ пѣніемъ псалмовъ, въ волнахъ ладана, хоругви, кресты, чудотворныя иконы“ [1]). А надъ офицеромъ и священникомъ, страхомъ и благочестіемъ—его стойко поддерживали и вели навстрѣчу смерти—мысль и чувство. Какія? Не то чтобы вполнѣ тонкое сочетаніе представленій, нѣжности и гордости, возникающихъ въ нашихъ сердцахъ и умахъ при словѣ родина, но нѣчто весьма близкое къ тому. Забитый мужикъ, взятый отъ сохи, прекрасно понималъ разницу между тѣмъ, чѣмъ *онъ* чувствовалъ себя подъ знаменемъ, и тѣмъ, что представляли изъ себя, — какъ онъ догадывался, — подъ знаменами „жестокаго короля“ — такъ прозваннаго имъ въ пѣсняхъ—„хваленыя войска Фридриха, навербованныя обманомъ. За неимѣніемъ понятій болѣе сложныхъ, чувствъ болѣе благородныхъ, побуждающихъ на великую жертву современныя рати борцовъ, русскій солдатъ таилъ въ душѣ гордость своимъ именемъ и боготвореніе своего царя. И это создавало подъ огнемъ грозныхъ людей, не умѣвшихъ маневрировать, но представлявшихъ непреодолимую преграду для всѣхъ ухищреній и искусства „жестокаго короля“.

Великій русскій писатель могъ еще недавно, не вызывая возраженій на своей родинѣ, высокомѣрно провозгласить

---

[1]) Rambaud Russes et Prussiens.

ничтожество этого искусства и побѣдоносно противопоставить апатичную беззаботность Кутузова блестящему генію Наполеона. Въ началѣ прошлаго столѣтія тѣмъ же духомъ былъ проникнутъ Суворовъ, когда, дѣйствуя совмѣстно съ австрійскими генералами, являлся на военные совѣты съ чистымъ листомъ бумаги въ рукахъ и заявлялъ: „Вотъ мой планъ". Не обладая достаточной компетенціей, я не берусь оспаривать достоинства теоріи, хочу только показать, какимъ образомъ на практикѣ,—можетъ быть, при помощи особо благопріятныхъ условій, какъ численное и нравственное превосходство,—эта теорія, повидимому, оправдалась въ ужасномъ испытаніи, память о которомъ оставило царствованіе Елизаветы.

Во всякомъ случаѣ „на сушѣ" наслѣдіе могущества и военной славы, созданныхъ Петромъ Великимъ, не пошло на убыль въ рукахъ его дочери.

„На морѣ" балансъ царствованія былъ совершенно иной. Екатерина I и Анна I уже нанесли уронъ этой части народнаго достоянія, пріобрѣтенной цѣной громадныхъ усилій надъ одинаково враждебными силами климата, географическаго и политическаго положенія страны. Въ началѣ царствованія Елизаветы, превосходный численностью русскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Мишукова только сумѣлъ уклониться отъ сраженія, котораго его противникъ подъ шведскимъ флагомъ тоже не особенно искалъ. Въ 1743 г., однако, не удалось уклониться отъ столкновенія, и побѣда осталась за русскимъ флагомъ. Но подъ командованіемъ Кейта флотъ укрывалъ, главнымъ образомъ, сухопутные войска, помѣщавшіеся на его судахъ. Для флота въ буквальномъ смыслѣ слова нужны моряки, а въ Россіи ихъ не было; принципъ же не дозволялъ ихъ вербовку заграницей; поэтому Головинъ, заступившій мѣсто Мишукова, достигъ не болѣе блестящихъ результатовъ, чѣмъ его предшественникъ.

Затѣмъ наступило четырнадцать лѣтъ мирнаго времени, когда постепенное сокращеніе привело даже къ упраздненію ежегодныхъ маневровъ эскадръ. Офицеровъ не было, вскорѣ начали выходить изъ строя и суда. „Флотъ, вооружившійся въ Ревелѣ,“— писалъ д'Алльонъ въ іюлѣ 1746 г.— „состоитъ изъ девятнадцати линейныхъ кораблей отъ шестидесяти до ста орудій, шести фрегатовъ и плавучаго госпиталя. Кромѣ того, въ Ревелѣ, какъ говорятъ, стоятъ еще четыре военныхъ судна, три фрегата и штукъ пятнадцать галеръ; но слѣдуетъ замѣтить, что большинство изъ этихъ судовъ неспособны выдержать ни серьезнаго плаванія, ни сраженія“. А Мардефельдъ доносилъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ: „Флотъ въ такомъ плохомъ видѣ, что передъ императрицей не рѣшились изобразить сраженія на обширномъ рейдѣ Рогервика и удовлетворились выборомъ наилучшихъ судовъ по четыре съ каждой стороны, чтобы произвести маневры въ маленькой Ревельской гавани“. Три года спустя послѣдовало полное упраздненіе морскихъ маневровъ. Чтобы снарядить хотя ограниченное число судовъ, Адмиралтейству требовалось около четырехсотъ тысячъ руб., а въ его распоряженіи имѣлось не больше десяти [1]).

Петръ I и послѣ него Минихъ доказали, что русскихъ солдатъ можно вести впередъ безъ сапогъ на ногахъ и даже безъ куска хлѣба во рту. Корабли же русскіе или англійскіе не сдвинутся съ мѣста безъ оснастки. Поэтому, когда вспыхнула семилѣтняя война, флотъ въ пренебреженіи заброшенный безъ одежды и пропитанія, отказался раздѣлить удаль сухопутныхъ войскъ. Онъ крейсировалъ въ 1758 г. въ Балтійскомъ морѣ, дѣлая видъ, что поджидаетъ англичанъ, не обнаруживавшихъ намѣренія появиться. Затѣмъ

---

[1]) Соловьевъ.

ему пришлось переправлять войска въ Кольбергъ; но изъ двадцати семи транспортовъ одиннадцать, затонули вмѣстѣ съ экипажемъ при переходѣ, а остальные, разсѣянные бурей, только съ великимъ трудомъ вернулись на мѣсто своей стоянки. Въ 1760 г. Мишуковъ соединилъ подъ своимъ командованіемъ обѣ эскадры, Кронштадскую и Ревельскую,—двадцать семь линейныхъ кораблей и фрегатовъ и семнадцать транспортовъ. Присоединилась еще шведская эскадра въ составѣ девяти кораблей, и началась бомбардировка Кольберга, осажденнаго русскими войсками съ суши. Къ сожалѣнію, столь грозное появленіе морскихъ силъ внушало осаждающимъ такъ мало довѣрія, что при появленіи пяти тысячъ пруссаковъ они отступили, и русско-шведской армадѣ оставалось только подбирать бѣглецовъ. Въ слѣдующемъ году мѣсто Мишукова занялъ Полянскій, имѣвшій подъ своимъ начальствомъ Спиридова, будущаго героя Чесмы. Однако, несмотря на нѣсколько подвиговъ, совершенныхъ послѣднимъ, и другимъ капитаномъ корабля, Ирецкимъ, флотъ все-таки ничего не достигъ и предоставилъ сухопутнымъ войскамъ подъ начальствомъ Румянцева честь взятія города.

Нельзя сказать, чтобы судостроительныя верфи окончательно бездѣйствовали въ эту эпоху. Подъ завѣдываніемъ двухъ англичанъ Архангельскія верфи спустили на воду тридцать шесть линейныхъ кораблей и двадцать восемь фрегатовъ, не считая галеръ и прочихъ мелкихъ судовъ. Но качество не соотвѣтствовало количеству. Два иностранныхъ судостроителя, Джэмсъ и Сусерландъ, не хотѣли ради того, чтобы создать чудеса искусства, подвергаться риску, грозившему теперь всѣмъ чужестранцамъ въ Россіи. Также неудовлетворительность экипажа ставила препятствіе всякимъ серьезнымъ попыткамъ въ такомъ родѣ. Составъ нижнихъ чиновъ флота въ случаѣ вооруженія, постоянно пополнялся на по-

ловину изъ сухопутныхъ войскъ, откуда нельзя было набрать матросовъ. Что касается офицерскаго состава, то Адмиралтейство, отмѣчая въ 1749 г., что изъ числа офицеровъ, предусмотрѣнныхъ штатами, не имѣлось на лицо болѣе половины, заявляло, что это обращеніе было „девятымъ“ за пять лѣтъ. Послѣднее имѣло не больше успѣха, чѣмъ предыдущія. Только въ 1752 г. Елизавета согласилась назначить нѣсколько капитановъ и нѣсколько лейтенантовъ [1]).

Около того же времени окончаніе большого Кронштадтскаго канала, начатаго Петромъ I, и основаніе морского кадетскаго корпуса ознаменовали собой эпоху въ морскихъ лѣтописяхъ царствованія.

Нельзя всецѣло возлагать на Елизавету всю отвѣтственность за ихъ жалкую убогость. Какъ я уже указывалъ, созданіе Петра Великаго, въ стремленіи во что бы то ни стало одержать верхъ надъ государственнымъ устройствомъ и природнымъ предназначеніемъ державы исключительно сухопутной, приняло характеръ парадоксальный, который не могъ долго удержаться.

Для достиженія Елизаветой большого успѣха на другихъ путяхъ развитія болѣе естественнаго, гдѣ результаты тоже не всегда соотвѣтствовали возлагавшимся на нихъ надеждамъ и намѣреніямъ, постоянно высказывавшимся, не доставало не однихъ только дарованій. Главнымъ образомъ, не хватало времени и сосредоточенности. Хотя я не собираюсь, вмѣстѣ съ однимъ изъ наиболѣе компетентныхъ историковъ связывать съ „беззаботностью“ общительной государыни происхожденіе современнаго нигилизма [2]), однако, безспорно,

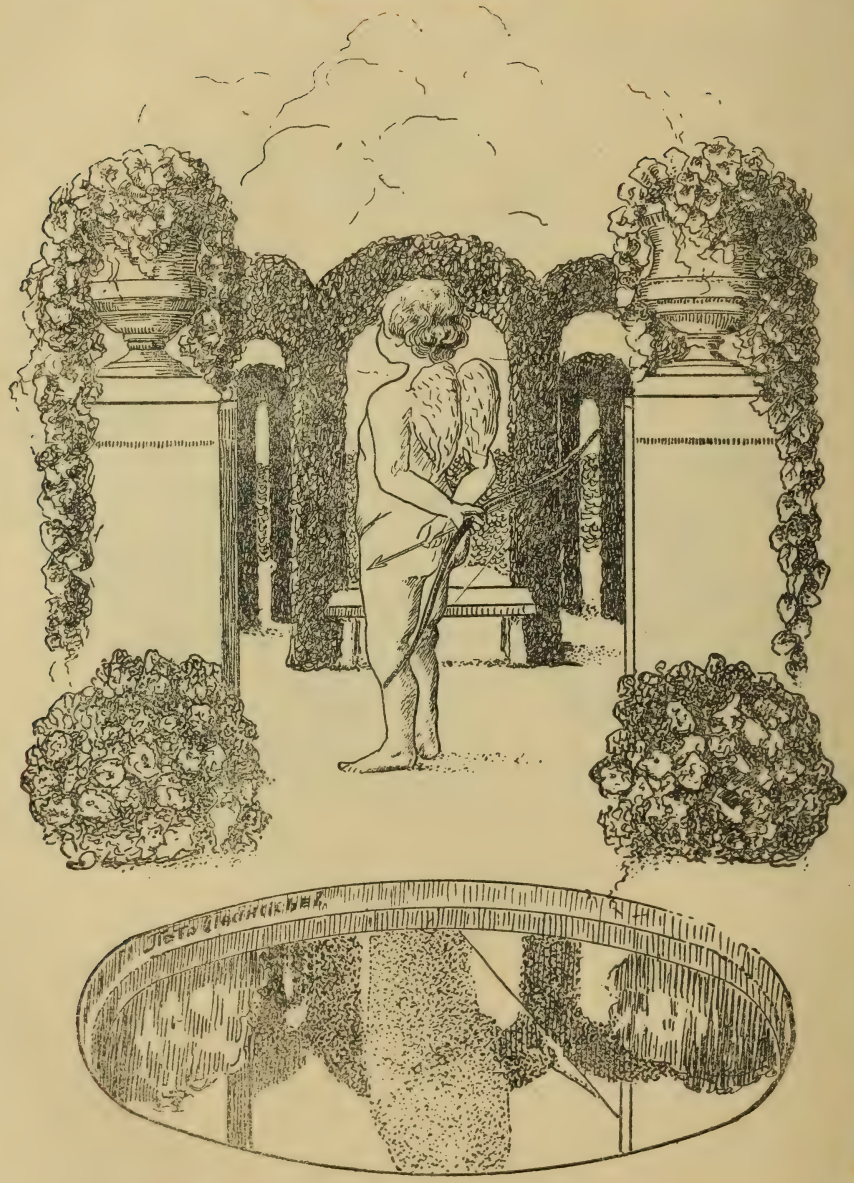
---

[1]) Веселаго, *Исторія русскаго флота.*

[2]) Herrmann, Der Russische Hof unter Kaiserin Elisabeth.

она слишкомъ много веселились, чтобы удѣлять сосредоточенное вниманіе серьезнымъ вопросамъ. „Днемъ спятъ, а затѣмъ танцуютъ до упаду съ вечера до утра“, писалъ въ ноябрѣ 1754 г. саксонецъ Функъ. „Сенатскія засѣданія, отправка бумагъ въ коллегіяхъ,—все пріостановилось“. Я уже говорилъ, что была доля серьезной преднамѣренности, предусмотрительной осторожности въ такомъ безудержномъ потокѣ ночныхъ удовольствій, но мѣра эта увлекала прибѣгавшихъ къ ней за собой по наклонной плоскости, и ихъ бдительность наносила ущербъ ихъ политикѣ.

Переплетая увлеченіе удовольствіями съ набожностью, Елизавета обнаруживала постоянную заботливость только о дѣлахъ церкви; однако, мы сейчасъ увидимъ, что даже въ этомъ направленіи ея усердіе не всегда примѣнялось удачно. Все, что сдѣлано за это странное и непонятное царствованіе; многое, уже отмѣченное или ожидающее истолкователя, ознаменовавшее собой дѣйствительный прогрессъ въ исторіи Россіи политической и экономической, общественной и умственной, сдѣлано, главнымъ образомъ, работой природныхъ силъ, проявлявшихъ свою энергію и самопроизвольно пробивавшихся изъ почвы и народа, отмѣченнаго великимъ будущимъ. Эти силы выбирали себѣ путь, не слѣдуя ничьимъ указаніямъ, внѣ всякаго личнаго направленія и контроля...



ГЛАВА V.

Общественное движеніе.

I. Церковь.—Секуляризація монастырскихъ имуществъ. — Временный разрывъ съ программой Петра I и частичное возвращеніе къ этой программѣ.—Отступленіе отъ нея съ точки зрѣнія духовной.—Воцареніе воинствующаго православія.—Религіозное проповѣдничество и нетерпимость.—Расколъ. Остальныя вѣроотступническія секты.—Преслѣдованіе.—Безуміе добровольнаго самосожженія.—Отрицательные результаты.—Политика Елизаветы въ отношеніи духовенства.—Ея деморализующее вліяніе.—Убогость матеріальная и убогость нравственная.—Развращенность и безпорядки. — Синодъ. — Церковь и религіозная жизнь.—II. Общественное движеніе.—Нравы.—Дворянство.—Измѣненіе его положенія.—Освободительное движеніе, возмѣщенное расширеніемъ крѣпостного права.—Положеніе крѣпостныхъ. — Дворня.—Крѣпостное право и законодательство.—Судебная власть собственниковъ.—Злоупотребленія. — Салтычиха — кровожадная натура.— 138 жертвъ.—Особенно отталкивающій характеръ крѣпостного права въ Россіи.—Причины.—Отсутствіе патріархальнаго принципа.—Сторонники и противники крѣпостного права.—Явленія, указывающія на его недостатки.—Постоянное бѣгство и возмущенія крѣпостныхъ крестьянъ.—Неспособность помѣстнаго дворянства смягчить недостатки системы.—Порочное строеніе этого сословія и элементы испорченности, введенные въ его среду.—Недостаточность умственнаго развитія.—III. Народное образованіе.—Отсутствіе или скудность обученія начальнаго и средняго.—Кадетскій корпусъ.—Воспитатели-иностранцы.—Французъ Лапи.—Преобладаніе французскаго вліянія надъ нѣмецкимъ.—Франкома-

нія.—Крайности.—Птиметры.—Юность Болотова и его воспитатели. Высшее образованіе—Московская академія.—С.-Петербургская академія.—Борьба русскаго элемента съ нѣмецкимъ.—Нартовъ и Шумахеръ.—Научное безплодіе.—Наступленіе періода болѣе плодотворнаго.—Мюллеръ.—Начало научной прессы.—Реформа обученія.—Московскій университетъ.—Гимназіи.—Причины, мѣшавшія независимому развитію въ этомъ направленіи.—Офиціальная наука.—Цензура.—Деспотическія наклонности.—IV. Литературное движеніе.—Ломоносовъ.—Его судьба и заслуги.—V. Художественное пріобщеніе.—Смутныя начинанія.—Убожество пластическихъ искусствъ.—Артисты русскіе и иностранные.—Французскіе художники въ Россіи.—Токэ.—Лагренэ.—Ле Лоррэнъ.—Театръ и балетъ.—Созданіе русскаго театра.—Провинція и столица.—Русская комедія въ Ярославлѣ.—Волковъ и его труппа.—Сумароковъ и его драмы.—Первые плоды новой культуры.—Общій обзоръ.

I.

Жизнь религіозная.—Господствующая церковь.

Французскій дипломатъ, имя котораго часто упоминалось на предыдущихъ страницахъ, д'Алльонъ, писалъ въ 1746 г.: „Императрица Елизавета незадолго до моего возвращенія въ Россію вернула духовенству пользованіе его прежними имуществами, отобранными у него Петромъ Великимъ. Я замѣчаю, что съ каждымъ днемъ она укрѣпляетъ подъ его ногами почву власти, имъ потерянную. И доходитъ уже до такой степени, что страна эта начинаетъ напоминать страну инквизиціи".

Д'Алльонъ касался тутъ довольно поверхностно двухъ различныхъ вопросовъ, гдѣ Елизавета произвела значительное измѣненіе въ нравственномъ и матеріальномъ положе-

ніи духовенства господствующей церкви, но не вполнѣ въ указанномъ смыслѣ. Если дѣйствительно, съ точки зрѣнія экономической и общественной, она сначала пыталась, подъ вліяніемъ своихъ завѣтныхъ чувствъ, пріостановить дѣло секуляризаціи, предпринятое Петромъ Великимъ, однако, подъ давленіемъ потребностей внутреннихъ и внѣшнихъ, ей пришлось вернуться къ прежнему плану и ускорить его завершеніе. Преобразователь, какъ извѣстно, отобралъ у монастырей управленіе обширными владѣніями, имъ принадлежавшими, чтобы передать его мірскому завѣдыванію, называвшемуся сначала Монастырскимъ приказомъ, а затѣмъ „Экономической коллегіей", о чемъ я уже ранѣе говорилъ. Централизованные такимъ образомъ доходы съ имуществъ, въ сущности конфискованныхъ, должны были распредѣляться между монастырями сообразно съ ихъ потребностями, оставляя однако крупную долю на учрежденіе и содержаніе мірскихъ благотворительныхъ учрежденій. Революціонеры всѣхъ странъ одинаковы. А Петръ былъ революціонеромъ. Повсюду также они имѣютъ преемниковъ, наталкивающихся на трудность выполненія положеннаго имъ начала.—Обыкновенно они оставляютъ только начало, а преемники спѣшатъ примѣнить къ дѣлу палліативы и иногда совершенно его уничтожаютъ.

Намъ извѣстна роль, какую играли монастыри въ жизни Елизаветы. Въ ихъ чтимыхъ стѣнахъ она безъ сомнѣнія провела лучшіе часы своей жизни. Въ окрестностяхъ Москвы въ особенности ее привлекала Троица. Въ Петербургѣ она постаралась создать себѣ замѣну этого прелестнаго убѣжища, основавъ Смольный, потомъ Воскресенскій монастырь или Новодѣвичій. Легко себѣ представить, какими настойчивыми сѣтованіями окружали ее тамъ гостепріимные хозяева, понятнымъ образомъ съ трудомъ мирившіеся со своимъ

новымъ положеніемъ,—приниженностью и оскудѣніемъ,—и не упускавшіе случая пожаловаться. Елизавета не могла устоять передъ такими просьбами. Сначала она пошла на мелкія уступки, вродѣ отмѣны нѣкоторыхъ обязательствъ, обременявшихъ черное духовенство, какъ право на постой или несеніе караульной службы у воротъ городовъ. Потому что Петръ, лишивъ монаховъ доходовъ, не позаботился освободить ихъ отъ налагавшихся тѣмъ повинностей. Въ то же время, и на этотъ разъ дѣйствуя совершенно въ разрѣзъ съ духомъ реформы, дочь преобразователя покровительствовала увеличенію духовныхъ имуществъ. Въ рукахъ своихъ новыхъ мірскихъ управителей церковное достояніе не только процвѣтало, но еще разрасталось въ объемѣ. Прежнія пожертвованія, предоставленныя въ пользованіе монастырей, получили утвержденіе, новыя добавлены были самой Императрицей. [1]) Въ 1744 г. она сдѣлала еще шагъ, упразднивъ, какъ я упоминалъ выше, Экономическую Коллегію. Сразу къ церкви вернулось непосредственное владѣніе своей собственностью, и стремленіе свѣтской власти раздѣлять съ ней доходы, имѣвшее раньше видъ довольно призрачный, теперь оказалось положительной химерой. Учрежденіе богоугодныхъ заведеній находилось еще въ состояніи предположенія; теперь оно обратилось въ миѳъ. Подъ разными предлогами монастыри уже отказывались отъ пріема инвалидовъ, малочисленныхъ въ мирное время, присылавшихся въ монастыри за отсутствіемъ спеціальныхъ учрежденій, приспособленныхъ для доставленія имъ убѣжища. Чувствуя теперь сильную поддержку, монахи еще рѣши-

---

[1]) Милютинъ. *Изслѣдованіе о недвижимомъ имуществѣ духовенства въ Россіи.* Завьяловъ. *Вопросъ объ имуществѣ духовенства при Екатеринѣ II.*

тельнѣе захлопнули свои двери, надежно защищенныя благосклоннымъ покровительствомъ набожной и разсѣянной государыни. И съ той, и съ другой стороны потекли счастливые дни.

Такое благоденствіе продолжалось до 1757 г. Тутъ кровопролитная война неожиданно возродила передъ Елизаветой грозную задачу, разрѣшеніе которой, подготовленное Петромъ Великимъ, до сихъ поръ могло казаться излишнимъ. Что дѣлать съ ранеными, тысячами прибывавшими изъ глубины Пруссіи? Мы уже знаемъ ихъ судьбу на улицахъ Москвы. Война самый ужасный деспотъ, и самымъ набожнымъ душамъ иногда приходится подчиняться ея законамъ. Она также революціонерка по своему. Итакъ, въ 1757 г. новый указъ разрушилъ хрупкое зданіе, гдѣ всего тринадцать лѣтъ церковь укрывала вернувшееся къ ней благополучіе. Управленіе монастырскимъ имуществомъ оставалось сосредоточеннымъ въ Синодѣ; но для прямого завѣдыванія ему пришлось уступить часть своихъ правъ свѣтскимъ чиновникамъ,—отставнымъ офицерамъ, обязаннымъ взимать съ доходовъ часть, принадлежавшую государству и ему не выдававшуюся. Избытку непомѣрно разросшихся богатствъ наконецъ суждено было получить употребленіе, давно для него предназначенное. И дѣйствительно, въ слѣдующемъ же году было учреждено въ Казани убѣжище для инвалидовъ, а въ 1760 г. богадѣльни появились въ Казанской, Воронежской и Нижегородской губерніяхъ.

Это было простое и прямое возвращеніе къ программѣ Петра Великаго, и развитіе ея пошло уже безостановочно.

Набожность Елизаветы и приверженность духовенству также привели ее къ разрыву съ руководящими идеями отца, и на этомъ пути, благодаря отсутствію принужденія вродѣ описаннаго выше, — склонившаго ее къ отступле-

нію, — она, не введя въ буквальномъ смыслѣ слова въ Россіи инквизиціи, оставалась вѣрной себѣ до конца. Инквизиціи никогда въ Россіи не существовало, но государыня положила, собственно говоря, начало совершенно новому строю воинствующаго православія. Религіозное проповѣдничество, ничѣмъ не стѣсненное въ выборѣ средствъ; борьба страстная и пламенная противъ ереси пользовались ея поощреніемъ и постепенно вылились во всѣ виды, не исключая наиболѣе насильственныхъ. Нѣсколько разъ осужденное и изъятое изъ обращенія по причинѣ своей дикой непримиримости, знаменитое сочиненіе Яворскаго „Камень вѣры" снова заняло почетное мѣсто, между тѣмъ какъ Синодъ получилъ разрѣшеніе преслѣдовать и конфисковать остальныя религіозно-полемическія сочиненія, написанныя въ духѣ болѣе либеральномъ, и налагать запрещеніе въ Россіи на подобныя произведенія печати, въ большомъ количествѣ издававшіяся за границей. Въ то же время на границахъ Имперіи обращеніе народностей мусульманскихъ или языческихъ, татаръ, чувашей, черемисовъ, самоѣдовъ, поощрялось и подкрѣплялось мѣрами административнаго воздѣйствія, какъ сложеніе съ новообращенныхъ податей,—при чемъ уплата ихъ возлагалась на некрестившихся согласно системѣ, сохранившейся до нашего времени въ цѣляхъ прозелитизма религіознаго и политическаго. Магометанинъ - рабъ получалъ свободу, перейдя въ православіе, а принявшіе крещеніе мурзы получали право владѣть рабами. Переходъ въ православіе даже прекращалъ уголовное преслѣдованіе!

Нравъ епископа Нижегородскаго, Димитрія Сѣченова, на котораго было возложено исполненіе этого дѣла, способствовалъ приданію ему еще болѣе возмутительнаго характера. Слова убѣжденія этотъ священнослужитель, повидимому, охотно за-

мѣнялъ побоями, а окропленіе святой водой насильственными погруженіями въ воду [1]).

Сенатъ, надо признать къ его чести, неоднократно осуждалъ такіе призывы къ насилію, но его вмѣшательство, повидимому, не могло препятствовать ихъ повторенію. Не пострадали только калмыки, благодаря своей покорности. Выдавая отъ одного до пяти рублей за переходъ въ православіе, въ зависимости отъ общественнаго положенія новообращенныхъ, только приходилось успѣвать платить [2]).

Но въ глубинѣ государства воинствующее православіе встрѣчало сопротивленіе болѣе упорное. Помимо раскола, возникшаго благодаря реформѣ Никона, все болѣе распространявшееся вѣроотступническое движеніе порождало изобильное появленіе множества сектъ, количество и страстность которыхъ составляютъ по сіе время одно изъ наиболѣе выдающихся явленій религіозной жизни на родинѣ Сѣченова. Въ 1744 г. княгинѣ Хованской захотѣлось взглянуть на собраніе одного изъ такихъ религіозныхъ сообществъ. Она чуть не умерла отъ испуга. Набожность въ этой средѣ принимала формы самыя непредвидѣнныя, иногда чудовищныя и страшныя. Въ Богословской пустыни, таинственномъ убѣжищѣ въ 60 верстахъ отъ Москвы, куда Хованскую привело неблагоразумное любопытство, она увидала, какъ изъ

---

[1]) Мордва Терюшевской волости, Нижегородской губ. подала Елизаветѣ жалобу, что „епископъ Димитрій насильно принуждаетъ ее къ принятію христіанства: держитъ въ кандалахъ и колодкахъ, бьетъ мучительски, смертно; многихъ и въ купель окунали связанныхъ, и крестъ надѣвали на связанныхъ же, а губернская канцелярія правитъ съ нихъ подушныя доимочныя деньги 7000 рублей, будто за принявшихъ православную вѣру„. *Журналъ Сената 10 іюля 1745 г. Доклады и мнѣнія*;—Соловьева.

[2]) Костомаровъ, *Ист. Россіи.*

толпы мужчинъ и женщинъ, распѣвавшихъ духовныя пѣсни, вдругъ отдѣлился купецъ, охваченный сильнѣйшимъ экстазомъ, и, дрожа всѣмъ тѣломъ, принялся кружиться въ то же время выкрикивая: „Слушайте! Духъ Святой глаголетъ моими устами... Молитесь по ночамъ... Не творите прелюбодѣяній... Не ходите ни на крестины, ни на свадьбы... Не пейте ни водки, ни пива“... Спустя довольно продолжительное время онъ остановился, потребовалъ хлѣба и воды и предложилъ ѣду и питье собравшимся, благословивъ ихъ знаменьемъ креста. Послѣ чего всѣ принялись кружиться по его примѣру, распѣвая, прыгая и нанося себѣ удары палками и даже ножами „для умерщвленія плоти“.

По всѣмъ вѣроятіямъ это были хлысты, отщепенцы, принадлежавшіе къ сектѣ, происхожденіе которой ея послѣдователи относятъ къ царствованію Петра Великаго, а основаніе приписываютъ самому Господу Богу [1]). Конечно, съ такими противниками Синодъ, поддерживаемый Елизаветой, считалъ возможнымъ бороться, прибѣгая къ содѣйствію свѣтской власти. Развѣ прекращеніе подобныхъ радѣній не лежало на обязанности полиціи? Поэтому военнымъ отрядамъ было поручено уничтожить притоны заблудшихъ, хватать прорицателей и разгонять собранія. Но различіе между вѣроотступниками этой категоріи и раскольниками, послѣдователями ученія, не отличавшагося ни странностями, ни дикостями, было нелегко установить. Да объ этомъ и не заботились. Начиная съ 1745 г. появилось стремленіе къ уравненію тѣхъ и другихъ подъ гнетомъ преслѣдованія, все болѣе ожесточеннаго. Противъ раскольниковъ сначала прибѣгали къ фискальнымъ мѣрамъ. Имъ приходилось платить двойныя подати и подвергаться постояннымъ поборамъ.

---

[1]) Leroy Beaulieu L'Empire des tsars.

Казна оттого чувствовала себя хорошо, но вскорѣ и она начала высказывать недовѣріе къ искренности обращеній, совершившихся ей въ ущербъ, и создала новую категорію невольныхъ вѣроотступниковъ. Тутъ началась новая фаза борьбы. Притѣсняемые, разоренные, лишенные всякой возможности улучшить свою судьбу, несчастные толпами покидали свои родные очаги, скрываясь въ лѣсахъ, пустынныхъ мѣстахъ, на негостепріимныхъ берегахъ Ледовитаго океана, гдѣ изгнаніе смѣшивало ихъ съ послѣдователями всевозможныхъ сектъ, доведенныхъ до такой же крайности. И всѣхъ ожидала одинаковая судьба. Ихъ преслѣдовали, травили, какъ дикихъ звѣрей, и тутъ, въ порывѣ понятнаго отчаянія, возродился и принялъ угрожающіе размѣры новый видъ религіознаго безумія: самоубійство, по большей части, добровольное самосожженіе, подъ вліяніемъ двойной увѣренности въ близкомъ концѣ міра и пришествіи антихриста, уже похитившей въ семнадцатомъ вѣкѣ безчисленное множество жертвъ и сохранившей способность вновь распространяться подъ гнетомъ преслѣдованій. Въ воображеніи сектантовъ преслѣдователи были предшественниками или даже видимыми представителями антихриста, а ихъ насилія надъ слугами Божьими являлись вѣрнымъ предзнаменованіемъ близкой кончины міра. Поэтому при вѣсти о приближеніи солдатъ, раскольники запирались у себя въ домахъ или въ своихъ деревянныхъ моленныхъ, гдѣ всегда имѣлся на готовѣ складъ горючихъ веществъ, и поджигали ихъ. Въ окрестностяхъ Каргополя насчитывалось 240, затѣмъ 400 изувѣровъ, погибшихъ въ пламени, а въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода число жертвъ дошло до 600; въ Олонецкомъ уѣздѣ, по нѣкоторымъ донесеніямъ до 3,000. На берегахъ Умбы 30 или 50 сектантовъ сожгли себя сразу вмѣстѣ со своимъ учителемъ, Филиппономъ, основателемъ секты

Филиппонцевъ, не велѣвшимъ молиться за царя. Политическій характеръ толка вызвалъ усиленіе преслѣдованія. Въ результатѣ новыя жертвы насчитывались сотнями[1]).

Подобные результаты встрѣчаются въ исторіи всякихъ гоненій, заразительное могущество мученичества получаетъ постоянныя подтвержденія, и безсиліе грубой силы противъ силы духовной установлено не менѣе прочно аналогичными примѣрами, составляющими одновременно стыдъ и гордость человѣчества.

Духовенство Елизаветы не сумѣло въ этомъ отношеніи примѣнить на служеніе своему апостольству единственнаго орудія, способнаго, быть можетъ, сообщить ему дѣйствительную силу: нравственное воздѣйствіе равное по властности и энергіи физическому, примѣнявшемуся такъ неудачно. Но, отражаясь еще вреднѣе въ этомъ смыслѣ на религіозныхъ интересахъ и совершенно идя въ разрѣзъ съ духомъ Петра Великаго, политика государыни относительно духовенства должна была,—о чемъ не трудно догадаться,—привести къ тому, чтобы лишить его всякой способности къ подобному вліянію и даже уничтожить стремленія къ попыткамъ такого рода. Она дѣйствовала страшно деморализующимъ образомъ. Вмѣсто дисциплины и строгаго контроля, введеннаго преобразователемъ, она установила предвзятость поощрительной благосклонности; и внутреннія причины слабости, такъ мучительно отзывающіяся на русской церкви даже въ наши дни, слѣдуетъ, отчасти, искать въ привычкахъ, привившихси въ эту эпоху, когда церьковь познала всѣ радости, но также и опасности безграничной свободы.

---

[1]) Сапожниковъ, *Добровольныя самосожженія въ русскомъ расколѣ*: Есиповъ, *Жертвы добровольнаго самосожженія*. Костомаровъ.

Было бы несправедливымъ сказать, что Елизавета сознательно поощряла въ этомъ отношеніи распущенность и развращенность. Мнѣ кажется, что ея вѣра была искренней, а набожность истинной. Къ такому плачевному результату пришла она косвеннымъ путемъ. Петръ запретилъ ношеніе иконъ по частнымъ домамъ, гдѣ священники подвергались слишкомъ опаснымъ искушеніямъ. Елизавета отмѣнила запрещеніе, сдѣлавъ лишь ограниченіе, чтобы сопровождавшіе икону не раздѣляли трапезы съ хозяевами и не пили крѣпкихъ напитковъ. Легко себѣ представить, какъ мало обращалось вниманія на подобный запретъ. Избирая съ другой стороны монастыри обычнымъ пріютомъ для пріятнаго времяпровожденія, не трудно себѣ вообразить распространенію какихъ нравовъ содѣйствовала тамъ государыня. Исторія царствованія изобилуетъ скандальными происшествіями, гдѣ самый унизительный разгулъ чередуется у вратъ алтаря съ самымъ возмутительнымъ произволомъ. Причисляя только факты, относящіеся ко второй категоріи, вспомнимъ вятскаго архіерея, Варлаама, давшаго пощечину воеводѣ, избившаго управителя одного монастыря такъ жестоко, что несчастный остался на мѣстѣ безъ сознанія; архангельскаго архіерея Варсонофія, выгнавшаго за незначительную оплошность изъ храма весь причтъ, съ протопопомъ во главѣ, и, заставивъ виновныхъ разуться, продержавшаго ихъ босякомъ на снѣгу всю службу. Онъ билъ священниковъ по всякому поводу, сажалъ ихъ на цѣпь за малѣйшую провинность и требовалъ взятокъ за всякую услугу. Подобно своему вятскому собрату онъ мирно скончался на своей епископской каѳедрѣ [1]).

---

1) Знаменскій, *„Приходское духовенство“*; Шаховской, *„Записки“*

Знаменитая Салтычиха, ужасная графиня Дарья Салтыкова, печальной памяти душегубица, обвиненная въ убійствѣ ста тридцати восьми человѣкъ[1]), была современницей Елизаветы, хотя дѣло ея разбиралось только въ царствованіе Екатерины II. Соучастіе духовенства въ большинствѣ ея преступленій, даже во всей исторіи ея жизни, полной смертоубійствъ, установлено съ очевидностью. Она широко платила за предоставленную ей свободу.

Съ верху до низу духовной іерархіи царила одинаковая нравственная неустойчивость, съ добавленіемъ на низшихъ ступеняхъ униженія болѣе рѣзко выраженнаго, съ потерей всякаго чувства собственнаго достоинства, съ забвеніемъ благопристойности, даже внѣшней. Одно время подвергнутый запрещенію торгъ священнослужителей, предлагавшихъ свои услуги на торговыхъ площадяхъ, снова вошелъ въ повсемѣстное употребленіе, Такой непристойный обычай былъ слѣдствіемъ двухъ родственныхъ явленій въ современномъ положеніи низшаго духовенства: несоразмѣрнаго количества и крайней бѣдности его представителей. Наложивъ руку на часть церковнаго имущества, Петръ постарался сократить сообразно тому штаты, жившіе на счетъ этого имущества. Онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы въ каждомъ приходѣ количество священнослужителей соотвѣтствовало потребностямъ богослуженія, пытался также уменьшить и очистить смѣшанное и черезчуръ многочисленное населеніе монастырей[2]). При Елизаветѣ здѣсь, какъ и вездѣ, восторжествовали безпечность и беззаботность, и равновѣсіе было быстро нарушено. Изъ деревни, гдѣ имъ нечего было ѣсть, священники устремлялись въ Москву, голодными толпами

---

[1]) *„Вокругъ трона“*.

[2]) См. „Петръ Великій“.

собирались у „Спасскаго Креста“ и ожидали нанимателей: благочестиваго купца, который позвалъ бы къ себѣ отслужить обѣдню, молебенъ или еще какую-нибудь службу. Обыкновенно въ рукахъ они держали калачъ, и при колебаніи нанимателя, не соглашавшагося на запрошенную цѣну, дѣлали видъ, что собираются откусить, что лишало ихъ права служить обѣдню. Иногда безчинство достигало слишкомъ большихъ размѣровъ; архіереи посылали ловить недостойныхъ священнослужителей, наказывали ихъ плетьми; затѣмъ все шло опять по старому [1].

Такому убожеству матеріальному и нравственному соотвѣтствовало убожество умственное. Московская Славяно-Греко-Латинская Академія, замѣнившая семинарію, не могла удовлетворять всѣмъ потребностямъ, и уровень преподаванія тамъ стоялъ невысоко, какъ мы скоро увидимъ. Чтобы его поднять, въ нѣкоторыя епархіи приглашались монахи-малороссы для занятія епископскихъ каѳедръ. Но на этихъ полу-чужестранцевъ и на представляемую ими культуру, носившую печать латинизма, остальное духовенство смотрѣло недоброжелательнымъ взоромъ. И въ большинствѣ епархій школа считалась обременительной прихотью. Уже знакомый намъ Архангельскій архіерей отличался такой же ненавистью къ наукамъ, какъ жестокостью.

Впрочемъ недостатокъ средствъ, указываемый большинствомъ изъ его коллегъ, какъ главное препятствіе всякой попытки школьной организаціи, дѣйствительно существовалъ. Въ 1718 и 1729 г. митрополитъ Тобольскій тщетно ходатайствовалъ объ ассигнованіи кредита на учрежденіе семинаріи. Просьба его попала не во время: приходилось расплачиваться за дорого стоившую кампанію, предоставив-

---

[1]) Соловьевъ.

шую Россіи честь вступить въ ряды воинствующихъ державъ Западной Европы, но не обезпечившую ей мѣста на конгрессѣ, закончившемъ войну. А Елизавета мѣняла фаворита, что опять-такъ было сопряжено съ большими расходами. Семинарія была все-таки основана на мѣстныя средства, но влачила жалкое существованіе.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ упадка, добавьте элементъ политическій. Тайная канцелярія пользовалась исповѣдью для своихъ полицейскихъ цѣлей и встрѣчала мало неподатливыхъ совѣстей. Снисходительность, какую духовенство встрѣчало со стороны административныхъ и судебныхъ властей, не соединялось съ уваженіемъ. Она только содѣйствовала порчѣ. Взвѣсьте всѣ подробности слѣдующаго процесса, обратившаго на себя извѣстное вниманіе въ 1751 г. Сельскій священникъ отправился со Св. Дарами къ умирающему. По дорогѣ онъ зашелъ въ знакомый домъ, засидѣлся тамъ на нѣсколько часовъ, а потомъ, вѣроятно, въ состояніи опьяненія, затѣялъ ссору съ какимъ-то мужикомъ. Прибѣжали другіе мужики; исколотили попа; за волосы проволокли его по деревнѣ. Подоспѣлъ мѣстный помѣщикъ, князь. Вмѣсто того, чтобы прекратить безчинство, онъ самъ принялъ въ немъ дѣятельное участіе. Служителя алтаря избили еще сильнѣе. Св. Дары куда-то затерялись... Слѣдствіе и судъ: князь Вяземскій приговоренъ былъ къ пожизненному заключенію въ монастырѣ, крестьяне биты плетьми „нещадно"; что касается попа нерадиваго, пьянаго, вздорнаго, для него дѣло окончилось пустякомъ. Его только на нѣсколько мѣсяцевъ отстранили отъ должности [1]).

Въ великой господствующей церкви, громадномъ тѣлѣ, пораженномъ гангреной, гдѣ Петръ считалъ необходимымъ

---

[1]) Сенатскія вѣдомости 5 ноября 1751 г., 11 августа 1752 г.

прибѣгнуть къ огню и желѣзу, члены нижніе и верхніе раздѣляли состояніе, въ которомъ находилась голова. Головой теперь былъ Синодъ. А тамъ полновластно царили безпорядокъ, неурядица, порокъ. Для замѣщенія должности генералъ-прокурора, по мысли преобразователя представлявшаго собой въ высокомъ собраніи особу и верховную власть государя, Елизавета остановила свой выборъ на бывшемъ воинѣ, служившемъ по полиціи. Назначенный на этотъ постъ Шаховской не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о своихъ обязанностяхъ. Чтобы войти въ курсъ дѣла, онъ пожелалъ ознакомиться съ архивомъ. Ему отвѣтили: „У насъ его нѣтъ". Онъ потребовалъ списокъ текущихъ дѣлъ. Его даже не поняли. Дѣла велись и рѣшались по благоусмотрѣнію членовъ высокаго собранія, состоявшаго изъ архимандритовъ и архіереевъ, замѣнявшихъ собой обыкновенно и стороны, и судей. Такъ какъ управленіе церковнымъ имуществомъ опять перешло въ вѣдѣніе Синода, то Шаховской снова потребовалъ отчетности доходовъ. Ее также не оказалось. Уже нѣсколько лѣтъ высокое собраніе уклонялось отъ составленія точныхъ бюджетныхъ смѣтъ. Видя настойчивыя требованія, оно отложило отвѣтъ до открытаго засѣданія. Засѣданія происходили рѣдко, не приводили ни къ чему и вызывали только новую проволочку. Послѣ замѣщенія Шаховскаго Львовымъ, въ 1751 г., дѣла пошли еще хуже. Новый генералъ-прокуроръ только собиралъ взятки, щедро къ нему притекавшія [1]).

„Нѣтъ ничего болѣе презрѣннаго и презираемаго, чѣмъ русское духовенство", писалъ баронъ де-Бретейль въ 1760 г. Однако, къ этой оцѣнкѣ онъ дѣлаетъ добавленіе, проливаю-

---

[1]) Шаховской, *Записки*; Благовидовъ, *Генералъ-прокуроры Св. Синода.*

щее свѣтъ на отношенія между опустившимся духовенствомъ и паствой, и объясняющее намъ, какимъ образомъ такой упадокъ не вызывалъ среди населенія ослабленія религіозности. Въ исторіи религіозной жизни Россіи это знаменательный фактъ. „Однако“, продолжаетъ де-Бретейль, „всѣ, начиная съ императрицы, цѣлуются съ монахами и священниками всякій разъ, когда встрѣчаются съ ними на пути или тѣ входятъ въ домъ. Такое выраженіе глубокаго уваженія не мѣшаетъ избивать ихъ палками, когда представляется къ тому удобный случай и, лишь бы удары наносились не по головѣ, да борода оставалась въ цѣлости, они не смѣютъ жаловаться. Благодаря такому условію убиваютъ ихъ мало, но бьютъ сильно [1]).

Это поразительное явленіе до сихъ поръ бросается въ глаза тѣмъ, кто изучаетъ обликъ русскаго народа. Оно повторяется въ исторіи всѣхъ народовъ въ извѣстныя эпохи ихъ существованія и соотвѣтствуетъ высокой напряженности религіознаго чувства, выступающаго и торжествующаго въ своемъ сокровенномъ могуществѣ надъ внѣшними поводами упадка, мѣшающими, можетъ быть, его выраженію, но не затрагивающими сущности. Когда вѣра чувствуетъ потребность опереться на внѣшній престижъ религіи, основаніе ея уже сильно расшатано.

Матеріальное, а въ особенности нравственное положеніе духовенства не можетъ, однако, не имѣть извѣстнаго вліянія на представляемые ему духовные вопросы. Поэтому девятнадцатый вѣкъ былъ свидѣтелемъ неоднократныхъ усилій со стороны русскаго правительства къ исправленію въ этомъ отношеніи дѣла рукъ восемнадцатаго столѣтія. Но попытки эти слѣдовало бы поставить въ тѣсную зависимость

---

[1]) Къ Шуазелю. 1 сентября 1760 г. Иностр. дѣла.

отъ общественнаго обновленія, такъ глубоко измѣнившаго съ матеріальной и нравственной стороны внѣшній видъ современной Россіи. Составъ русскаго духовенства также имѣлъ и имѣетъ значительное вліяніе на его положеніе въ обществѣ. Въ этомъ отношеніи приведенный мной дипломатическій документъ содержитъ указаніе, хотя преувеличенное по выраженію, но вѣрное въ сущности. Говоря о поведеніи духовенства и ставя его въ зависимость отъ происхожденія, Бретейль замѣчаетъ: „Сюда идутъ только народные подонки". Благодаря разнообразнымъ причинамъ, при которыхъ самую существенную по моему слѣдуетъ видѣть въ способѣ пополненія рядовъ ея іерархическихъ представителей, русская церковь была всегда дѣйствительно данницей низшихъ классовъ, откуда черпала составъ своихъ служителей. Высшія духовныя должности принадлежали только неженатымъ священникамъ, т.-е. монахамъ; званіе церковно-служителя не составляло карьеры, поэтому аристократическій элементъ никогда сюда не стремился. Что касается монастырей, ихъ чужеземное происхожденіе, не имѣвшее связи съ нравственнымъ развитіемъ страны, ихъ историческая роль, относящаяся скорѣе къ области политической и общественной, чѣмъ къ сферѣ умственныхъ явленій, содѣйствовала превращенію ихъ не столько въ очаги духовной жизни, какъ въ мѣста убѣжищъ. „Почему ты пошелъ въ монастырь?"—спросилъ у вологодскаго монаха посланникъ королевы Елизаветы, Флетчеръ. И монахъ отвѣчалъ: „Чтобы ѣсть спокойно свой хлѣбъ". Запретивъ черному духовенству, подъ угрозой тѣлеснаго наказанія, сочинять книги или составлять выдержки изъ нихъ, держать у себя въ кельѣ чернила и бумагу безъ разрѣшенія настоятеля, Петръ Великій содѣйствовалъ усугубленію такого характера монашества. Въ большинствѣ монасты-

рей существовала только одна общая чернильница, прикрѣпленная цѣпочкой къ одному изъ столовъ трапезной и сведенная къ нелѣпому формализму, подчиненная бюрократическому уставу монастырская жизнь не могла привлекать умы просвѣщенные. Дочь преобразователя внесла туда больше распущенности, но не сняла запрета съ чернильницъ. И въ наше время число представителей правящихъ классовъ, дворянства, либеральныхъ профессій, среди монаховъ весьма незначительно [1]).

Это меня побуждаетъ бросить бѣглый взглядъ на состояніе и соотношеніе классовъ общества, современнаго царствованія Елизаветы.

[1]) Leroy-Beaulieu, L'empire des tsars.

II.

Общественное движеніе.—Нравы.

Дворянство въ западномъ смыслѣ слова, какъ общественный классъ, основанный на наслѣдственности и соединенный какъ бы родомъ договора съ государемъ,—понятіе для Россіи чуждое. *Служилые люди*, стоявшіе на вершинѣ общественной іерархіи при предшественникахъ Петра, образовали сословіе политическое, созданное государемъ для нуждъ государства, существовавшее для потребности государства, не имѣя за предѣлами такого происхожденія и такого предназначенія никакого иного смысла, ни устройства. Этотъ элементъ, не имѣвшій ни связи, ни традицій, ни внутренней организаціи, Петръ превратилъ въ органическую группу по образцамъ европейскимъ. Но, желая, чтобы такое дворянство, созданное по указу, получило феодальную внѣшность: титулы, разукрашенные гербы и все прочее, онъ требовалъ, чтобы самый знатный изъ его князей преклонялся предъ самымъ скромнымъ изъ его офицеровъ, если послѣдній случайно стоялъ выше его въ іерархіи чиновъ. Потому что *чинъ* служилъ выразителемъ службы, а великій мужъ не выпускалъ изъ рукъ—*служилыхъ людей*. Отсюда образовалась странная двойственность; но въ дѣйствительности при непосредствен-

ныхъ преемникахъ преобразователя, его реформа привела только къ возникновенію въ провинціи новаго разряда—*служащихъ*, на которыхъ государство, сохраняя ихъ въ своемъ распоряженіи для нуждъ высшаго порядка въ области военной и гражданской, постаралось возложить большинство изъ своихъ административныхъ функцій низшаго порядка: собираніе податей, опеку надъ крестьянами и т. д. Такимъ образомъ, новое дворянство обратилось въ главное орудіе внутренняго управленія страны и элементъ административной децентрализаціи, не освобождаясь въ то же время, въ принципѣ, отъ обязанностей, налагаемыхъ центральной администраціей. Получалось неудачное совмѣстительство и непримиримая несовмѣстимость. Дворянинъ не могъ одновременно находится на службѣ въ полку, куда его записывали чуть не съ рожденія, и слѣдить у себя въ деревнѣ за поступленіемъ податей. Необходимо было найти какой-нибудь выходъ, и онъ явился сначала въ видѣ отпусковъ, ограниченныхъ или неопредѣленныхъ, затѣмъ въ измѣненіяхъ военнаго закона, имѣвшихъ цѣлью ограниченіе, въ пользу этой категоріи подданныхъ, принципа обязательной службы. То было ни болѣе не менѣе, какъ совершавшееся дѣло освобожденія, подготовлявшее законъ 1762 г., которымъ племянникъ Елизаветы совершенно отказался отъ примѣненія этого принципа, кромѣ случаевъ исключительныхъ. Но въ эту эпоху, преображенныя непрерывной борьбой и отраженіемъ политическихъ переворотовъ, періодически отдававшихъ верховную власть въ руки нѣкоторыхъ изъ представителей дворянства, отношенія послѣдняго къ правительству привели къ положительной перемѣнѣ ролей. Говоря о восшествіи на престолъ Екатерины I, я уже указывалъ какимъ образомъ этотъ государственный переворотъ, сопровождавшійся многими другими, совершенный при содѣйствіи гвардіи, происходившей изъ

среды дворянства, долженъ былъ внушить цѣлому сословію, уже являвшемуся не поддержкой, но главнымъ творцемъ верховной власти, представленіе, что оно составляетъ центръ народнаго существованія, элементъ наиболѣе важный, правящій, господствующій. И дѣйствительно такая роль принадлежала ему при Елизаветѣ, и служивъ раньше правительству, оно начало пользоваться его услугами. Для какой цѣли? Увы! надо сознаться, для того, чтобы освободиться отъ своей подчиненности цѣной еще худшей подчиненности, взваленной на плечи низшаго сословія невыносимымъ бременемъ, безпощаднымъ выжиманіемъ соковъ. Исторія дворянства въ эту эпоху и успѣхи его на пути освобожденія собственнаго сливается болѣе чѣмъ когда либо съ постепеннымъ усиленіемъ закона о крѣпостномъ правѣ, съ порабощеніемъ все болѣ полнымъ и тягостнымъ двухъ третей или около того мѣстнаго народонаселенія ради удовлетворенія нуждъ, страстей, пороковъ этой аристократіи, только что возникнувшей и уже готовой видѣть, на подобіе древняго Рима, въ рабствѣ другихъ выкупъ своей собственной свободы.

Всѣ міровыя сцены обошла эта мрачная драма. Однако, при иныхъ условіяхъ. Странность такого зрѣлища въ Россіи и еще большій ужасъ, внушаемый имъ, зависитъ отъ эпохи, когда оно происходило и гдѣ сталкивалось со всѣми утонченностями современной цивилизаціи. Подчиненіе крестьянъ барщинѣ, совершившееся въ Германіи въ концѣ шестнадцатаго вѣка, а въ Польшѣ въ концѣ пятнадцатаго и началѣ шестнадцатаго, происходитъ въ Россіи только въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Во Франціи, наканунѣ революціи, крѣпостное право, вытѣснявшееся и постепенно подвергавшееся ограниченіямъ, благодаря освободительному движенію, начало котораго относится къ четырнадцатому вѣку, оставалось для большей части страны лишь тяжелымъ

воспоминаніемъ. Остатки его сохранились только отчасти въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ духовенству. Тэнъ не удѣляетъ ему мѣста въ изображеніи прежняго режима. Въ Пруссіи, дѣйствительно, признается, что двѣ трети народонаселенія въ эту же эпоху находилось такъ или иначе въ зависимости отъ земли и ея собственника. Такое же положеніе вещей существовало въ нѣмецкихъ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Россіи въ началѣ восемнадцатаго вѣка. Еще въ 1794 году крѣпостные составляли восемьдесятъ процентовъ всего народонаселенія Эстляндіи и Лифляндіи [1]). Но на нѣмецкой почвѣ поддерживавшіяся такимъ образомъ отношенія носили характеръ патріархальности, совершенно чуждый имъ въ эту эпоху въ Россіи, именно потому что здѣсь они только что устанавливались, и патріархальный строй является слѣдствіемъ долгой переработки. Въ Россіи, крѣпостное право, заключенное прежде въ опредѣленныя рамки, захватывавшее лишь ограниченную категорію крестьянъ, заступало для большинства въ данную минуту мѣсто прежней свободной жизни, и царствованіе Елизаветы наложило тяжелыя цѣпи рабства на большую половину народонаселенія, на 3,444,332 мужчинъ и женщинъ изъ 6.634,021 жителей великорусскихъ губерній по двумъ ревизіямъ 1642 и 1747 года.

Крѣпостные обязаны были относительно господъ барщиной или оброкомъ: отъ одного до трехъ рублей въ годъ. Не надо забывать, что цифра эта соотвѣтствовала обычной таксѣ годового жалованія, платившагося въ ту эпоху. Оброчная система была больше распространена въ мѣстностяхъ съ плохой землей и усложнялась кромѣ того большимъ количествомъ добавочныхъ обязательствъ въ видѣ задѣльныхъ

[1]) Семевскій, *Крестьяне въ царствованіе Екатерины II.*

работъ или доставки разнородныхъ запасовъ. Качество и количество зависѣло въ этомъ отношеніи отъ произвола помѣщика. Единственное ограниченіе, существующее въ уложеніи Алексѣя Михайловича, касается праздничныхъ дней, когда въ принципѣ крѣпостныхъ нельзя было принуждать къ работѣ. Но принципъ въ свою очередь допускалъ уклоненія, а примѣненіе его не поддавалось никакому контролю. Во время лѣтней страды большинство помѣщиковъ съ нимъ не считалось.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ примѣнялась барщина, по обычаю крестьянинъ долженъ былъ отдавать барину лишь половину своей работы, но по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ царствованіе Елизаветы, оказалось, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ на долю крестьянина приходилось всего два дня въ недѣлю. По сообщенію иностранца-путешественника, въ одной изъ деревень Орловской губерніи крестьяне работали на помѣщика черезъ воскресенье.

Извѣстныя монополіи и извѣстныя привилегіи, установленныя въ другихъ странахъ въ пользу землевладѣльца, были неизвѣстны въ Россіи. Никакимъ закономъ не обязывались крестьяне деревни расплескивать воду въ пруду, чтобы не квакали лягушки; но случалось, что вернувшимся съ барщины, изнемогавшимъ отъ усталости крѣпостнымъ приходилось бѣгать по деревнѣ изъ конца въ конецъ, чтобы потѣшить барина и его гостей зрѣлищемъ своей ловкости или неуклюжести, а по окончаніи бѣга поджигать одну изъ своихъ избъ на забаву тѣмъ же зрителямъ[1]). Родственникъ Елизаветы, графъ Скавронскій, заставлялъ свою дворню говорить всегда на распѣвъ, Но это были въ сущности пустяки. Посмотрите у Пассенана, француза, прожившаго долгое время въ Россіи во второй половинѣ

[1]) Семевекій.

восемнадцатаго вѣка, разсказъ о представленіи „Дидоны“ дворней знатнаго вельможи. Среди спектакля хозяинъ бросился на сцену, наградилъ принцессу Тиру увѣсистой пощечиной и объявилъ, что по окончаніи пьесы ей предстоитъ отправиться на конюшню. Тамъ обыкновенно происходили наказанія розгами.

Между тѣмъ, дворня составляла привилегированный разрядъ крѣпостныхъ. Изъ ихъ среды выбирались даже воспитатели для господскихъ дѣтей и самые разнородные артисты. Такъ, неизвѣстнымъ крѣпостнымъ П. М. Волконскаго написана опера на либретто Хераскова. Ни въ какомъ другомъ государствѣ Европы никогда не существовало ничего подобнаго этому особому штату прислуги. Онъ набирался все изъ тѣхъ же крѣпостныхъ, по усмотрѣнію помѣщика. Роспись, составленная графомъ Румянцовымъ для своего помѣстья Чеберино, въ Алатырскомъ уѣздѣ, даетъ намъ представленіе о матеріальныхъ условіяхъ существованія этихъ слугъ. Помимо денежнаго вознагражденія, простиравшагося отъ 50 коп. до 6 руб. въ годъ, дворецкій получалъ 3 четверти ржаной муки, полтора четверика гречневой крупы и 12 фунт. соли на свое ежегодное содержаніе. Одежду изъ шубы и кафтана на два или на три года [1]). За такія щедроты дворецкій находился въ полномъ распоряженіи помѣщика, какое бы назначеніе для него ни придумала барская прихоть; мужчина, одаренный какими-либо талантами, посвящалъ ихъ на служеніе барину; женщина, если была красива, отдавала ему свои прелести. Иногда положеніе дворни становилось тяжелѣе положенія крѣпостныхъ крестянъ. Ближе стояли они къ господамъ. Графиня Н. Н. Салтыкова, жена фельдмаршала, носившая парикъ и не желавшая, чтобы кто-

---

[1]) Семевскій.

нибудь объ этомъ узналъ, имѣла крѣпостного парикмахера, котораго держала у своей постели запертымъ въ клѣтку. Такъ просидѣлъ онъ три года [1]).

Дворовый или нѣтъ, крѣпостной составлялъ собственность помѣщика. Его можно было продавать вмѣстѣ или отдѣльно отъ обрабатываемой имъ земли, вмѣстѣ или отдѣльно отъ всей его семьи. Правда, указъ Петра Великаго обращалъ въ 1721-мъ году вниманіе сената на необходимость отмѣны продажи подобнаго рода; но обычай одержалъ верхъ. Документъ, относящійся къ 1760 г., сообщаетъ о продажѣ двухъ малолѣтнихъ дѣвочекъ за три рубля, а по другому документу мы видимъ, что еще въ 1787 г. помѣщики отправляли молодыхъ дѣвушекъ въ Петербургъ или Москву и извлекали ежегодный доходъ въ двѣсти, триста рублей изъ ремесла, какимъ заставляли ихъ тамъ промышлять. До 1808 года торговля крѣпостными обоего пола совершалась открыто на ярмаркахъ, а при дочери Петра Великаго стоимость „души“ въ среднемъ равнялась тридцати рублямъ [2]).

Въ 1760 г. правительство Елизаветы позаботилось установить права помѣщика на крѣпостныхъ въ области уголовнаго правосудія. Вотъ какимъ образомъ: указъ разрѣшалъ владѣльцу замѣнять ссылкой тѣлесныя наказанія за нѣкоторые проступки. Виновные ссылались въ Сибирь, и за каждаго сосланнаго помѣщику выдавалась рекрутская квитанція. Но ссылаемый не могъ быть старше сорока пяти лѣтъ. Дѣйствительная цѣль такой мѣры очевидна: имѣлось въ виду заселить обширныя пространства, лишь на нашихъ глазахъ переставшія служить мѣстомъ ссылки и мученья. Жена ссыльнаго имѣла право слѣдовать за нимъ, но малолѣтнія дѣти оставались въ распоряженіи помѣщика, если только

---

[1]) Masson, Memoires.

[2]) Болтинъ, *Замѣтки объ исторіи Россіи Леклерка.*

движимый чувствомъ человѣколюбія, онъ не соглашался отпустить ихъ съ родителями переселенцами. Законъ поощрялъ его къ принятію такого рѣшенія, до извѣстной степени возмѣщая убытки: по десяти рублей за каждаго ребенка мужского пола, моложе пяти лѣтъ; двадцать рублей за дѣтей, перешедшихъ этотъ возрастъ, до пятнадцати лѣтъ. Затѣмъ уже въ обмѣнъ на дѣтей выдавались рекрутскія квитанціи. За дѣвочекъ уплачивалось на половину менѣе. Такой способъ наказанія былъ единственный, установленный до 1848 г. законодательнымъ порядкомъ. И указъ 1760 г. имѣлъ слѣдствіемъ лишь предоставленіе помѣщикамъ легкаго способа отдѣлываться отъ обязательства по поставкѣ рекрутовъ, отправляя въ Сибирь народъ хилый и увѣчный.

Эти ссыльные, невольные „поселчики", странствовали обыкновенно цѣлый годъ и больше того, пока не добирались до мѣста своего новаго поселенія, получая по двѣ копейки въ день на путевыя издержки. По прибытіи на мѣсто назначенія имъ уже самимъ приходилось отыскивать средства для пропитанія. Многіе положительно не знали, за что приняться, одни—больные, были неспособны ни на какую работу, другіе—бывшіе дворовые, отвыкли отъ обработки земли.

Конечно, такой способъ наказанія зависѣлъ отъ усмотрѣнія помѣщика и при отсутствіи закона, ограничивавшаго его права судьи, не существовало никакихъ стѣсненій для примѣненія любого способа возмездія, на какомъ ему вздумалось бы остановить свой выборъ. Лишь по обычаю, въ принципѣ, онъ не долженъ былъ прибѣгать къ смертной казни. Но принципъ поддавался весьма широкому истолкованію. Графъ Румянцевъ, любитель издавать законы, составилъ въ 1751 г. уложеніе о наказаніяхъ для своихъ помѣстій. Это поучительный документъ. За кражу предусмотрѣнное наказаніе заключалось въ конфискаціи всего имущества виновнаго

и плетяхъ. Но число ударовъ неограничено. Если былъ обкраденъ крестьянинъ, Румянцевъ указываетъ, что вора слѣдуетъ драть до тѣхъ поръ, пока обиженный не сочтетъ себя удовлетвореннымъ. Такія домашнія уложенія встрѣчаются довольно часто въ ту эпоху, а другіе законодатели, болѣе точные, опредѣляли количество розогъ, въ зависимости отъ провинностей—до семнадцати тысячъ *). Въ дѣйствительности это была смертная казнь, сопровождаемая мучительствомъ,

Помѣщицы, владѣвшія крѣпостными, пользовались такими же правами и при этомъ далеко не служили примѣромъ кротости, а наоборотъ. Въ первые годы царствованія Екатерины II, помимо знаменитаго процесса графини Салтыковой, правосудію пришлось разслѣдовать восемнадцать смертныхъ случаевъ, происшедшихъ вслѣдствіе истязанія крѣпостныхъ. На половину это было дѣло женскихъ рукъ. Массонъ выводитъ въ своихъ мемуарахъ нѣкую княгину Козловскую, приказывающую своимъ женщинамъ стегать по половымъ частямъ провинившагося крѣпостного, раздѣтаго до нага и привязаннаго къ столбу. Обыкновенно къ подобнымъ варварскимъ выходкамъ примѣшивалась сладострастная фантазія съ ярко выраженнымъ отпечаткомъ садизма. Для истязанія дворовыхъ женщинъ княгиня Козловская обыкновенно выбирала палачей мужчинъ. Она приказала одной изъ своихъ служанокъ положить груди на доску и ихъ сѣкла.

Массонъ безъ сомнѣнія не принадлежитъ къ числу безусловно достовѣрныхъ свидѣтелей.—Онъ могъ впадать въ преувеличенья или повторять факты, преувеличенныя леген-

---

*) См. одно изъ такихъ уложеній, помѣщенное Забѣлинымъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1871 г.

дой. Я бы даже отказался отъ заимствованія у него этихъ подробностей, тѣмъ болѣе, что русская критика въ настоящее время относится весьма подозрительно къ уличающимъ свидѣтельствамъ иностранцевъ, обнаруживая склонность приписывать ихъ недоброжелательству. Поэтому еще болѣе чѣмъ раньше, я старался здѣсь придерживаться исключительно мѣстныхъ источниковъ. Но въ данномъ случаѣ обстоятельства сложились такъ, что мнѣ волей неволей пришлось отступить отъ своего правила. Приведенныхъ мною ссылокъ изъ Массона не имѣется во французскомъ изданіи. Мнѣ извѣстны онѣ только изъ русскаго изданія, напечатаннаго съ оригинальной рукописи [1]). Вообще изслѣдованіе народнаго прошлаго, вплоть до его самыхъ послѣднихъ изгибовъ, и путемъ документальнаго анализа, нигдѣ не достигало такихъ размѣровъ, какъ въ Россіи, особенно въ извѣстную эпоху Но помимо того, что такое движеніе исторической искренности съ нѣкоторыхъ поръ находится въ періодѣ застоя, оно всегда носило отпечатокъ враждебнаго отношенія къ заграницѣ. Не хотѣлось выносить сору изъ избы. Вытекающее изъ понятнаго и до извѣстной степени похвальнаго чувства, стремленіе это, къ сожалѣнію, не согласуется съ условіями современной жизни. Стѣны избы раздвинулись, и труды, напечатанные въ Петербургѣ или Москвѣ, находятъ теперь читателей за предѣлами общества исключительно русскаго и сравнительно ограниченнаго, на какое можно было разсчитывать лѣтъ тридцать тому назадъ,

Кромѣ того, преувеличивалъ ли Массонъ? Нѣтъ мемуаровъ, нѣтъ преданія, гдѣ рядомъ съ княгиней Козловской не красовался бы отвратительный и ужасный образъ ея жестокой соревновательницы, уже неоднократно мною

---

[1]) „Русская Старина“ 1874 г.

упомянутой. Салтычиха--сама дѣйствительность, удостовѣренная исторіей. Громкій процессъ можетъ быть оставилъ въ тѣни нѣкоторыя черты ея личности и ея жизни, Но освѣщенныхъ имъ подробностей достаточно, чтобы обрисовать передъ нами картину существованія полнаго незнанія предѣловъ жестокости. Безъ сомнѣнія такое существованіе не представляетъ изъ себя ничего пріемственнаго. Оно относится къ разряду чудовищныхъ исключеній или вѣрнѣе типовъ индивидуальной исключительности, встрѣчающихся во всякой средѣ, гдѣ общественная жизнь не получила большого развитія, И не только тамъ обыкновенно проявляются такія „чудовища", но еще выступаютъ рѣзкими пятнами на общемъ фонѣ, не отличающемся рельефностью; они поражаютъ воображеніе и сохраняются въ памяти. Среди современницъ Салтычихи было не мало прекрасныхъ женщинъ, о которыхъ намъ ничего неизвѣстно, да и никогда мы о нихъ ничего не узнаемъ, хотя онѣ лучше олицетворяютъ собой общій типъ женскаго элемента своей эпохи. Тѣмъ не менѣе Салтычиха тоже весьма типична въ извѣстномъ родѣ, Не приходится ли допустить, что ея существованіе было бы немыслимо среди общества, мысли, чувства и нравы котораго находились бы въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ея ужаснымъ поприщемъ. Въ этомъ смыслѣ, вмѣстѣ съ соучастниками, бывшими къ ея услугамъ, и безнаказанностью, какой она пользовалась, этотъ кровавый разгулъ является памятникомъ изучаемой нами здѣсь эпохи, и невозможно уклониться отъ печальной обязанности на немъ остановиться.

Поприще это занимаетъ промежутокъ сравнительно небольшой,—съ 1756 г, когда, овдовѣвъ, Дарья Николаевна, урожденная Давыдова, дала волю своимъ наклонностямъ, до той минуты, когда въ 1762 г. прошеніе, представленное

Екатериной II крестьяниномъ Ермолаемъ, у котораго ужасная женщина замучила трехъ женъ, одну за другой, наконецъ, навлекло на ея голову запоздалое возмездіе правосудія, проявившаго все-таки большую снисходительность. Утверждали, что шесть лѣтъ достаточно было этой женщинѣ-извергу, чтобы погубить тридцать восемь жертвъ. Одному изъ своихъ дворовыхъ, предварительно собственноручно отодравъ его и продержавъ на морозѣ цѣлую ночь, она ошпарила голову кипяткомъ. Онъ упалъ, а она еще сѣкла его, потомъ велѣла отвезти въ загородный домъ, куда уже доставили только трупъ его. И всѣ эти факты происходили въ древней столицѣ Россіи, на одной изъ самыхъ людныхъ улицъ, Кузнецкой, а загородный домъ Дарьи Николаевны въ Троицкомъ, находился тоже подъ самымъ городомъ. Слѣдствіе обнаружило также истязанія женщины, почувствовавшей родовыя схватки подъ розгами и умершей послѣ наказанія. Оно изобразило намъ Салтычиху, присутствовавшую при другомъ истязаніи въ такомъ же родѣ и кричавшую палачамъ: „До смерти!“ затѣмъ приказавшую положить на трупъ замученной, которую взяли, чтобы вывезти изъ Москвы, новорожденнаго ребенка, по дорогѣ умершаго съ голоду. Въ устахъ легенды такіе случаи разрастались, принимая размѣры неправдоподобные. Толковали, что Дарья Николаевна приказывала жарить для себя женскія груди. Слѣдствіе не обнаружило уликъ, обличавшихъ бы обвиняемую въ случаяхъ людоѣдства, и офиціально зарегистрировало всего тридцать восемь убійствъ, причемъ только три жертвы пришлось на долю мужчинъ. Помимо полиціи и духовенства, всегда готовыхъ ей служить своимъ соучастіемъ, Салтычиха иногда наталкивалась на сопротивленіе. Еще молодая, тридцативосьми лѣтъ отъ роду, при возникновеніи дѣла, она находилась въ любовной связи

съ дворяниномъ, по имени Тютчевымъ. Когда послѣдній рѣшилъ положить конецъ этимъ отношеніямъ женитьбой на молодой дѣвушкѣ, покинутая любовница приказала дворнѣ поджечь домъ измѣнника и убить новобрачныхъ, но не могла добиться себѣ повиновенія. Съ другой стороны неизвѣстно достовѣрно ли всѣ подробности выяснены слѣдственными судьями. Салтычиха отрицала всѣ факты, ставившіеся ей въ вину. Чтобы ее испугать, въ ея присутствіи подвергли пыткѣ преступника; но къ подобнымъ зрѣлищамъ она привыкла, а Екатерина II не пожелала, чтобы угроза была приведена въ исполненіе. Юстицъ-коллегія вынесла смертный приговоръ. Сенатъ замѣнилъ его плетьми и каторжными работами, а императрица нашла, что и этого черезчуръ много за убійство тридцати восьми человѣкъ, бывшихъ только крѣпостными. Простоявъ часъ на показъ народу на эшафотѣ, гдѣ были наказаны кнутомъ дворовыя и священникъ, обвиненные въ соучастіи въ ея преступленіяхъ (первые безъ сомнѣнія невольно и, вѣроятно, по принужденію) Салтычиха была только заключена въ монастырь. Такимъ образомъ явленный примѣръ правосудія, воздающаго по заслугамъ, не менѣе чудовищенъ и возмутителенъ, чѣмъ факты его вызвавшіе. Однако никто имъ не возмутился. Правда, тюрьма главной виновницы представляла мало удобствъ: одиннадцать лѣтъ преступницу продержали въ родѣ ямы въ четыре аршина глубиной, откуда выпускали только на церковныя службы. Но по истеченіи этого срока она получила келью и, говорятъ, воспользовалась этимъ, чтобы затѣять романъ съ караульнымъ солдатомъ 1). Дожила она до 1801 г.

---

1) Процессъ въ Русскомъ Архивѣ; Судейкинъ, *Салтычиха*, „Русская Старина“ 1874 г.

Крѣпостное право, дающее логическимъ образомъ право какъ угодно распоряжаться и злоупотреблять своей собственностью, повсюду влекло за собой послѣдствія, представляющіяся намъ теперь возмутительными. Въ Россіи оно кажется особенно непригляднымъ, благодаря тому, что помимо уже указаннаго совпаденія съ общественнымъ состояніемъ, сдѣлавшимъ большіе успѣхи въ остальныхъ направленіяхъ, право это не основывалось ни на какихъ устояхъ традиціи и наслѣдственности. Въ 1746 г. мы видимъ гренадера Невскаго полка, оспаривающаго свою жену у офицеровъ, похитившихъ ее во время набѣга, совершеннаго въ окрестностяхъ Самары, у профессора, перекупившаго ее у офицеровъ и считавшаго своей законной собственностью. Профессоромъ этимъ былъ Третьяковскій, поэтъ-грамматикъ, которому многимъ обязаны отечественный языкъ и литература [1]). Случай этотъ освѣщаетъ въ ея происхожденіи и первыхъ фазисахъ самую сущность общественнаго явленія, создавшаго княгинь Козловскихъ и графинь Салтыковыхъ. И явленіе это было еще „in fieri“ въ данную минуту.

Правда, нѣкоторые историки увѣряютъ, что отношенія, существовавшія между господами и крѣпостными носили патріархальный характеръ и стараются установить въ этомъ отношеніи разницу между губерніями Великорусскими и Малорусскими, гдѣ польское вліяніе распространило нравы болѣе жестокіе [2]). Принявъ за истину такія убѣжденія остается объяснить двѣ особенности современной жизни, о которыхъ мнѣ приходилось уже неоднократно упоминать,

---

[1]) См. сообщеніе Александровскаго въ *Восемнадцатомъ вѣкѣ*, по документамъ Московскаго Военнаго Архива.

[2]) Чечулинъ, *Провинціальное Общество въ Россіи во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка*; Романовичъ-Славатинскій, *Дворянство въ Россіи*.

настолько видное имъ принадлежитъ мѣсто, а именно: постоянное бѣгство крестьянъ и менѣе частые случаи сопротивленія, оказываемаго ими представителямъ общественной силы, старавшимся вернуть ихъ въ рамки организаціи, объявленной прекрасной и благодѣтельной ея сторонниками. Настолько благодѣтельной, что отмѣна крѣпостного права, послѣдовавшая въ 1861 г. не встрѣтила яко бы одобренія со стороны лицъ въ ней заинтересованныхъ. Памятуя пословицу: „Не станетъ хлѣба, баринъ дастъ", крестьяне яко бы отказались признать преимущества закона, принесшаго освобожденіе. Является сильное сомнѣніе, чтобы эти предполагаемыя чувства выдержали бы повторное испытаніе,—впрочемъ, невозможное:—отмѣну закона и возвратъ къ прошлому. Кромѣ того они должны быть отнесены къ эпохѣ сравнительно недавной, когда въ этой области уже давала себя чувствовать работа болѣе чѣмъ цѣлаго столѣтія, выдвинувъ до извѣстной степени впередъ инстинкты человѣколюбія и жалость, свойственные всѣмъ народамъ. При Елизаветѣ, какъ я уже говорилъ, крѣпостное право находилось еще въ стадіи образованія, и отношеніе къ нему тѣхъ, кому предстояло нести его бремя, не оставляетъ мѣста сомнѣніямъ. Генеральная ревизія 1743 г. обнаружила только въ двухъ губерніяхъ, Бѣлгородской и Воронежской, бѣгство 10,423 крестьянъ, не пожелавшихъ ѣсть господскій хлѣбъ. Куда дѣвались эти бѣдняги? Отвѣтъ, даваемый документами той эпохи, содѣйствуетъ опроверженію тезиса нами оспариваемаго. Онъ указываетъ какъ на обычныя мѣста убѣжищъ: отдаленныя губерніи Пермскую, Оренбургскую, Астраханскую, а такъ же Малороссію и Польшу, пользовавшіяся особеннымъ предпочтеніемъ, вслѣдствіе особыхъ благопріятныхъ условій [1]).

---

[1]) Соловьевъ.

Другая характерная черта: при Петрѣ I необходимость пополнить ряды арміи, опустошенные шведской войной, заставила разрѣшить добровольную вербовку крѣпостныхъ. И многіе тѣмъ воспользовались, хотя извѣстно насколько тяжела была въ ту эпоху военная служба. Принятая только въ видѣ временнаго средства мѣра эта была отмѣнена преемниками побѣдителя при Полтавѣ; но при воцареніи Елизаветы разнесся слухъ, что она опять получила прежнюю силу и отъ желающихъ поступить въ солдаты не было отбоя, такъ что приходилось разгонять ихъ плетьми [1]).

Лишь немногіе помѣщики, владѣвшіе крѣпостными, и немногіе представители традиціи, существовавшей—по причинамъ указаннымъ выше—въ предѣлахъ весьма ограниченныхъ, являли даже въ ту эпоху съ этой стороны общественной жизни зрѣлище не столь тяжелое. Они принадлежали къ группѣ весьма немногочисленной, обнаружившей стремленіе еще болѣе сократиться и разсѣяться подъ вліяніемъ преобразованія и новаго элемента, введеннаго ими въ мѣстную аристократію. Пояснимъ на примѣрѣ эту особенную черту. Такимъ примѣромъ можетъ служить продажа помѣстья въ Обоянскомъ уѣздѣ, купленнаго въ 1751 г. у князя Репнина, Никитой Демидовымъ, разбогатѣвшимъ и получившимъ дворянство промышленникомъ. Здѣсь столкнулось старое и новое дворянство во взаимоотношеніи, созданномъ для нихъ новымъ строемъ, и второе вытѣснило первое. А вотъ послѣдствія: крестьяне князя Репнина, проданные съ землей, отказывались признать новаго владѣльца. Въ недоразумѣніе вмѣшались гражданскія и военныя власти, ихъ встрѣтила полуторатысячная толпа, вооруженная кольями и топорами [2]).

---

[1]) Сенатскія вѣдомости, 25 іюля 1742 г.

[2]) Сенатскія вѣдомости, 28 октября 1751 г., 7 января 1752 г.

Внутренняя исторія страны рисуетъ передъ нами нѣсколько мѣсяцевъ спустя другую картину установившихся такимъ образомъ отношеній. Рѣчь идетъ о крѣпостныхъ, закрѣпленныхъ за фабрикой полотна и бумажныхъ тканей, учрежденной однимъ изъ Гончаровыхъ въ Малоярославскомъ уѣздѣ. Здѣсь произошелъ бунтъ въ самой рѣзкой формѣ. Въ отвѣтъ на увѣщанія, обращенныя къ бунтующимъ офицерами отряда, получившаго порученіе призвать крестьянъ къ благоразумію и работѣ, толпа въ 860 человѣлъ съ оружіемъ въ рукахъ начала продѣлывать военныя упражненія передъ опѣшившими солдатами, послѣ чего, построившись въ боевую колонну, ринулась на солдатъ Елизаветы, отбила у нихъ пушки и обратила ихъ въ бѣгство. Понадобилось три полка и сильная артиллерія, чтобы подавить мятежъ [1]).

Въ общей сложности классъ землевладѣльцевъ недавняго происхожденія, разнороднаго состава, гдѣ первое мѣсто принадлежало авантюристамъ и фаворитамъ, былъ въ Россіи менѣе способенъ, чѣмъ гдѣ-нибудь разрѣшить, хотя относительно удовлетворительнымъ образомъ, задачу, нигдѣ не нашедшую разрѣшенія, согласнаго съ требованіями вѣчной справедливости и человѣколюбія. На благородныхъ отпрыскахъ и на выскочкахъ безусловно отражалось также другое движеніе, шедшее рука-объ-руку съ расширеніемъ и укрѣпленіемъ крѣпостного права и въ обратномъ направленіи вызывавшее въ эпоху Елизаветы общее смягченіе нравовъ. По весьма мѣткому выраженію историка, Панинъ, великій государственный мужъ временъ Екатерины II, не подвергался бы опасности удара, чуть не сразившаго его при чтеніи дѣла Волынскаго—министра, казненнаго при Аннѣ I—если бы между смертью этой государыни и воцареніемъ вдовы

---

[1]) Соловьевъ.

Петра III не протекло царствованіе Елизаветы. Царствованіе это было, относительно, кроткимъ и милостивымъ. Оказывалось покровительство развитію наукъ и искусствъ, болѣе близкимъ сношеніямъ съ Западомъ, путешествіямъ заграницу, занятіямъ молодыхъ людей въ университетахъ Германіи, Франціи и Италіи. Кромѣ того, это царствованіе было довольно долгое время мирнымъ, а война, когда все-таки пришлось на нее рѣшиться, нисколько не напоминала войнъ Анны и Петра Великаго, протекавшихъ обыкновенно или на родной почвѣ, или въ странахъ мало цивилизованныхъ. Пребываніе армій Салтыкова и Фермора въ нѣмецкихъ земляхъ, соприкосновеніе съ войскомъ Фридриха, долгое сосѣдство съ арміей Маріи Терезіи, расквартированіе на нѣсколько лѣтъ въ восточной Пруссіи и въ Кенигсбергѣ, городѣ университетскомъ и просвѣщенномъ, не могло пройти безслѣдно для столько пережившихъ многихъ тысячъ людей. Воспринятое ими вліяніе цивилизаціи черезъ посредство солдатъ проникло въ сердце народное. Но введеніе крѣпостного права, одновременно укрѣпленнаго и расширеннаго, не могло также не пріостановить и не испортить такой прогрессъ среди общества, наиболѣе культурные представители котораго быстро дошли до того, что не могли уже себѣ представить существованія, не имѣющаго подъ собой такой почвы. Нѣсколько лѣтъ спустя, при чтеніи знаменитаго „наказа“, составленнаго Екатериной II для ея законодательной комиссіи, Сумарокову показалось будто бы въ немъ скрывается предположеніе объ отмѣнѣ крѣпостного права и онъ возмутился: „Отлично! А кто-же будетъ намъ служить?“.

Съ другой стороны насаждавшее цивилизацію и гуманность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ царствованіе Елизаветы дѣйствовало также растлѣвающе и развращающе. Правда

подруга Разумовскаго проявляла извѣстную строгость въ области нравственности. Она учредила въ Петербургѣ „строгую комиссію для преслѣдованія внѣбрачныхъ связей“; въ 1745 г. именнымъ указомъ конфисковала имущество вдовы Носовой за „распутное поведеніе“ и въ 1750 г. изумила Фридриха суровостью и энергичностью мѣръ, принятыхъ противъ безнравственной дѣятельности нѣкоей, „Дрезденши“.—Но исторія этой дѣятельности именно рисуетъ состояіе общества, глубоко проникшагося примѣрами развращенности, шедшими, увы! изъ того же источника, откуда исходило гоненіе. „Дрезденша“ была нѣмкой родомъ изъ Дрездена, снимавшая прекрасный домъ въ Петербургѣ на Вознесенской улицѣ, и тамъ устраивавшая „вечеринки“, усердно посѣщавшіяся,—мѣсто удовольствій и любовныхъ свиданій, гдѣ холостяки, искавшіе легкихъ, оплачиваемыхъ побѣдъ встрѣчались съ замужними женщинами, нарушавшими супружескую вѣрность, и съ оступившимися молодыми дѣвушками. Нѣмка была изгнана; высокимъ сановникамъ, важнымъ профессорамъ, уличеннымъ въ преступленіи противъ нравственности, пришлось искупить женитьбой ущербъ, нанесенный ихъ жертвамъ; оскорбленные мужья получили удовлетвореніе, огласки котораго врядъ ли домогались, и крѣпость, Синодъ, полицейское управленіе, даже Зимній дворецъ давалъ пристанище сотнямъ „непотребныхъ женщинъ“, судьбу которыхъ рѣшала особая комиссія подъ предсѣдательствомъ министра кабинета Давыдова. Но Фридрихъ сострилъ довольно удачно,—и это почувствовало общество какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ,—что въ Зимнемъ дворцѣ и въ Аничковомъ существуютъ „непотребности“ болѣе скандальныя [1]).

---

[1]) Даниловъ, „*Записки*“. Воронцовскій архивъ.

Въ этомъ отношеніи жизнь придворная и жизнь провинціальная не походили другъ на друга, и между сторонниками и противниками современнаго общества разногласіе проистекало отчасти изъ различій наблюдаемой среды. Послѣдніе устремляли свое вниманіе преимущественно на столицу. А первые, по моему, не достаточно чутко отнеслись къ міру воззрѣній и привычекъ, царившихъ на лонѣ крѣпостного права. Молодыя дѣвушки, о добродѣтели которыхъ пеклась Елизавета, не были крѣпостными. Въ 1754 г. государынѣ была принесена жалоба на дворянина, при помощи слугъ изнасиловавшаго крестьянку. Указомъ соучастники преступленія были приговорены къ плетямъ, а виновный— къ женитьбѣ. Но по размышленіи наказаніе показалось черезчуръ суровымъ въ части, относившейся къ главному преступнику. Такая строгость не соотвѣтствовала духу времени, и новымъ указомъ, послѣдовавшимъ всего черезъ недѣлю, приговоръ былъ измѣненъ. Слуги были наказаны плетьми, но баринъ отдѣлался 2,000 руб., уплоченными имъ дѣвушкѣ. [1]).

Мы видѣли, что главная тенденція царствованія Елизаветы заключалась въ стремленіи удалить дворянство изъ столицы, создавъ для него въ провинціи новое поле дѣятельности. И эта тенденція содѣйствовала поднятію нравственности, Каковы бы ни были представители дворянскаго класса, все таки они стояли выше воеводъ, свирѣпствовавшихъ въ провинціи до половины столѣтія, и уже обрисованныхъ мною въ своей дѣятельности. Но благодаря связямъ и даже самымъ обязанностямъ, сельская аристократія, бѣсновавшаяся въ своихъ имѣніяхъ, поддерживала отношенія съ дворомъ и подвергалась его тлетворному вліянію. Въ томъ, что касается

---

[1]) См. Гольцева, *Законодательства и нравы въ Росіи восемнадцатаго вѣка.*

семейной жизни, многозначительнымъ признакомъ можетъ служить увеличеніе количества разводовъ и незаконныхъ связей, относящихся къ этой эпохѣ. Законъ не позволялъ князю Никитѣ Ивановичу Репнину вступить въ четвертый бракъ; царь узаконилъ всѣхъ дѣтей любовницы своего фаворита, получившихъ имя Репнинскихъ. Петръ простеръ ту же милость на незаконнаго сына князя И. Юрьевича Трубецкаго. Этотъ ребенокъ былъ будущій знаменитый Бецкій, предполагаемый отецъ Екатерины II. При Елизаветѣ дюжинами насчитывались „Рукины, Лицыны, Ранцовы", о происхожденіи которыхъ не трудно догадаться. У обходительной государыни было двѣ морали, и изъ нихъ одна, относившаяся къ ея особѣ и ея приближеннымъ, шла въ ущербъ другой. Такъ, принявъ по примѣру отца мѣры противъ игры (указъ 1761 г.), Елизавета позаботилась сдѣлать оговорку, что запрещеніе и наложеніе взысканій не относится ко двору.

Въ другомъ отношеніи чрезмѣрная роскошь, поощряемая дочерью преобразователя и проникавшая даже въ провинцію, содѣйствовала развитію порока, до извѣстной степени наслѣдственнаго, превратившагося въ язву общественной жизни въ Россіи. Посланникъ Маріи Терезіи, Мерси д'Аржанто въ своемъ донесеніи на имя Кауница слѣдующимъ образомъ характеризовалъ положеніе вещей: „Все дворянство, разоренное роскошью, для себя непосильной, обременено долгами... Отсюда происходятъ вымогательства и несправедливость, чинимыя относительно подчиненныхъ и купцовъ... черезчуръ поощряемыя отношеніемъ представителей правосудія, первыхъ въ этомъ отношеніи злоупотребляющихъ своей властью [1])

---

[1]). Петербургъ 14-го ноября 1761 г. по франц. Вѣнскій Архивъ.

Неподкупный Шаховской, генералъ-прокуроръ Сената въ данную минуту, также выставляется австрійскимъ дипломатомъ, какъ отъявленный взяточникъ, правда своеобразнаго вида, у котораго взяточничество прекрасно сливается съ внѣшностью безупречной честности, что служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ путаницы, царившей въ соотвѣтствующихъ воззрѣніяхъ и чувствахъ. „Онъ (Шаховской)", писалъ Мерси, „считается величайшимъ ростовщикомъ имперіи, и всѣмъ извѣстно, что, обратившись къ нему за ссудой подъ проценты, можно съ увѣренностью разсчитывать на его благосклонность во всякомъ случаѣ".

Нравственность отдѣльныхъ личностей, какъ общественныхъ группъ, вопросъ воспитанія. Между тѣмъ едва затронутая Петромъ Великимъ задача распространенія образованія была совершенно заброшена его непосредственными преемниками. При Елизаветѣ такимъ образомъ пріостановленное движеніе, не столько вслѣдствіе иниціативы государыни, какъ подъ давленіемъ извѣстнымъ образомъ складывавшихся обстоятельствъ, получило новый толчекъ, характеръ и результаты котораго я постараюсь сейчасъ обрисовать.

III.

Воспитаніе.—Культура

Своей Академіей Наукъ, осуществленіе страннаго замысла которой выпало на долю Екатерины I, Преобразователь направилъ Россію по пути, создающему изъ нея до сихъ поръ съ научной точки зрѣнія, страну парадоксальныхъ контрастовъ, роскоши и нищеты. Крупныя суммы тратятся на содержаніе какой-нибудь ихтіологической станціи на берегахъ Средиземнаго моря, но деревенскіе ребятишки учатся лѣни и воровству въ школѣ бродяжничества, единственной, имѣющейся въ ихъ распоряженіи. Елизавета пошла по торной дорогѣ. Съ точки зрѣнія первоначальнаго средняго обученія передъ ней, при восшествіи на престолъ, открывалось широкое поле дѣятельности. Цыфирныя школы, основанныя Петромъ, прекратили свое существованіе за отсутствіемъ учениковъ. Имѣлось нѣсколько гарнизонныхъ школъ для дѣтей военныхъ изъ дворянъ, но онѣ едва перебивались за недостаткомъ средствъ. Въ школѣ, учрежденной при Сенатѣ для молодыхъ людей, предназначавшихъ себя гражданской службѣ, не было еще ни одного ученика. Должностныя мѣста пріобрѣтались или случаемъ, или благодаря взяткѣ, поэтому не представляло никакого интереса домогаться на-

учнаго званія для ихъ полученія. Въ область первоначальнаго обученія Елизавета внесла мало измѣненія въ такое положеніе вещей. Помимо школъ, основанныхъ съ миссіонерскими цѣлями на окраинахъ имперіи въ губерніи Казанской (1741 г.), въ Новой Сибири (1751 г.), на Украйнѣ (1772 г.), въ Оренбургѣ (1758 г.) и еще нѣкоторыхъ другихъ, кромѣ попытокъ, внушенныхъ тѣми же заботами, въ родѣ указа 1743 г. объ обязательномъ преподаваніи закона Божьяго во всѣхъ приходахъ, кромѣ учрежденія семинаріи въ Тобольскѣ (1748 г.) и иныхъ мѣстахъ, не сдѣлано было почти ничего. Среднее обученіе ограничивалось до 1759 г. исключительно кадетскимъ корпусомъ, основаннымъ въ 1731 г, чтобы служить питомникомъ для сухопутныхъ войскъ, и подобнымъ же заведеніемъ, учрежденнымъ въ 1750 г. для надобностей флота. Приблизительно по триста пятьдесятъ воспитанниковъ въ каждомъ учебномъ заведеніи, это составляло семьсотъ молодыхъ людей, получившихъ образованіе за пять лѣтъ,—время продолжительности курса. Но какое образованіе?

„Я посѣтилъ на этихъ дняхъ кадетъ“, писалъ въ 1755 г. графъ Цинцендорфъ, „и былъ пораженъ успѣхами, сдѣланными этимъ учебнымъ заведеніемъ. Тамъ преподается все, до права включительно... Это разсадникъ превосходныхъ офицеровъ“. Посредственный дипломатъ, посланникъ Маріи Терезіи, былъ плохимъ педагогомъ. Существуетъ нѣсколько способовъ не учить ничему, и одинъ изъ нихъ заключается въ желаніи научить всему. Чрезмѣрно энциклопедическій характеръ школьныхъ программъ составляетъ въ исторіи обученія въ Россіи особенность, отразившую въ себѣ бившій черезъ край, склонный къ преувеличеніямъ геній Петра. Елизавета наложила на эту особенность отпечатокъ склада своего ума. Уже при Аннѣ I кадеты появлялись на придворныхъ балахъ. При

ЕЛИЗАВЕТА I.
(Съ карт. Ванлоо. Петергофскій Дворецъ.)

Елизаветѣ они превратились не только въ постоянныхъ танцоровъ, но и актеровъ ея величества, и въ этомъ учебномъ заведеніи, куда такимъ образомъ проникали всѣ развлеченія, всѣ опьяненія, а также весь развратъ близкаго дворца, практическая сторона ученія постепенно вытѣснялась стороной свѣтской. Послѣ случая съ Бекетовымъ, воображеніе всѣхъ его товарищей унеслось въ мечтахъ о счастьѣ столь-же быстромъ и обаятельномъ. Поэтому заслуженный историкъ имѣлъ полное право сказать, что съ точки зрѣнія европейскаго воспитанія, дѣйствительнымъ наставникомъ Россіи въ ту эпоху былъ Ландэ, знакомый намъ балетмейстеръ. [1])

Кромѣ того еще одна причина препятствовала тому, чтобы армія и флотъ извлекали изъ этихъ учрежденій пользу, казалось, ими сулимую. Если ученики были разсѣяны, профессора были невѣжественны. Даже обратившись за помощью къ заграницѣ, не удалось набрать болѣе образованныхъ. Хотя значительно увеличенный при Аннѣ I, бюджетъ каждаго изъ корпусовъ не достигалъ 60,000 руб., включая содержаніе учениковъ.

И здѣсь находились только избранники. Какіе же другіе средства имѣлись въ распоряженіи молодежи, не исключая и высшихъ классовъ, для полученіи какого-нибудь образованія? Болотовъ знакомитъ насъ съ ними въ своихъ запискахъ, представляя намъ своего перваго учителя, француза Лапи, заставлявшаго его заучивать наизусть отрывки изъ Словаря Французской Академіи. Среди множества воспитателей иностранцевъ, по большей части французовъ, наводнившихъ Россію въ царствованіе Елизаветы, этотъ Лапи всетаки, кажется, являлся личностью выдающейся. Онъ былъ

---

[1]) Забѣлинъ, *Очерки*.

знакомъ съ грамматикой и орѳографіей. Безъ сомнѣнія, съ успѣхомъ выдержалъ бы экзаменъ, придуманный дочерью Петра Великаго для такихъ педагоговъ, по большей части искателей приключеній, принужденныхъ гоняться за ними такъ далеко по причинамъ недоразумѣній съ отечественнымъ правосудіемъ, не знавшихъ ничего, кромѣ родного языка и нанимавшихся по впечатлѣнію, производимому наружностью. На вопросъ „Что такое имя прилагательное?“ одинъ изъ нихъ отвѣчалъ экзаменаторамъ: „Это, вѣроятно, новое изобрѣтеніе нашихъ академиковъ; когда я уѣзжалъ, о немъ еще ничего не было слышно. [1])“ Въ Россіи раздавались сильные протесты противъ подобнаго наплыва чужестраннаго элемента поощряемаго царствованіемъ, повидимому, дѣйствительно, не предназначеннымъ для такого конца. Всѣ подобные Лапи— и я льщу большинству, называя ихъ этимъ именемъ—были настоящими воспитателями нѣсколькихъ поколѣній, блестящимъ представителемъ которыхъ въ этомъ царствованіи и въ послѣдующемъ является Кириллъ Разумовскій, предоставившій впослѣдствіи управленіе страной другимъ французскимъ эмигрантамъ высшаго разряда, но не менѣе сомнительнаго свойства, начиная отъ аристократической принцессы де Тарантъ, до братьевъ Марата и Робеспьера; отъ вольтерьянца Ланжерона, до іезуита Грубера. Приходится въ томъ сознаться. Но система „прорубленнаго окна“, введенная Петромъ, не влекла ли за собой неизбѣжно такихъ послѣдствій? И можно ли было ожидать, что врываясь въ это отверстіе, наружный воздухъ принесетъ въ смыслѣ иностранныхъ элементовъ наиболѣе чистые и наиболѣе здоровые. Елизавета, народница, одно время подумывала закрыть окно,

---

[1]) Schlözer, Oeffentliches und Privatleben, von ihm selbst gechrieben.

но послѣ минутнаго размышленія должна была отказаться отъ такого намѣренія. Образовался постоянный притокъ, не боявшійся никакихъ преградъ. Собственно, дочери Петра Великаго только удалось измѣнить направленіе вѣтра. Не желали больше нѣмцевъ, получили французовъ, и, поступивъ въ школу этихъ новыхъ воспитателей, сдѣлали открытіе, имѣвшее значительное вліяніе въ этой сферѣ на послѣдующее развитіе страны, не смотря на невысокій умственный уровень Лапи и ему подобныхъ. Получилось убѣжденіе, что съ точки зрѣнія научной, литературной, артистической, сама Германія находилась еще въ данное время въ школѣ Франціи. Фридрихъ II не признавалъ ни для разговора, ни для письма иного языка, кромѣ французскаго, и изгнанникъ Вольтеръ былъ королемъ царства съ день ото дня расширявшимися границами. Вскорѣ и Россія составляла часть его. Графъ Александръ Воронцовъ первый прислалъ изъ Берлина француженку воспитательницу, m-lle Рюино, для дѣтей своего брата. Къ двѣнадцатилѣтнему возрасту ученицы m-lle Рюино могли похвастаться основательнымъ знаніемъ Вольтера и Расина, Корнеля и Буало [1]) и направленіе было дано.

Конечно, усвоеніе вошедшей такимъ образомъ въ моду французской культуры грѣшило и путями и средствами. Болотовъ опять таки свидѣтельсвуетъ о своемъ воспитателѣ: „Это былъ человѣкъ, повидимому, ученый, постоянно занятый, чтеніемъ французскихъ книгъ; но онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, какъ передать намъ свои знанія и что именно изъ нихъ слѣдовало намъ передать“. Другіе воспитатели давали въ руки своимъ ученикамъ не Академическій Словарь, и Сумарокову не трудно было высмѣять въ комедіи—„Чу-

[1]) Воронцовскій Архивъ.

довища“ все легкомысліе и испорченность, какую такое воспитаніе на французскій ладъ вкореняло въ среду подготовлявшихся имъ пти-метровъ. Но всякія начинанія подвержены такимъ извращеніямъ. Ученикъ m-lle Рюино указываетъ еще на слѣдующее въ ниже приводимомъ отрывкѣ, написанномъ довольно правильнымъ французскимъ языкомъ: „Можно сказать, что Россія единственная страна, гдѣ пренебрегаютъ изученіемъ родного языка и всего, что относится къ государству—своей родинѣ. Люди считающіеся просвѣщенными въ Москвѣ и Петербургѣ прилагаютъ старанія къ тому, чтобы ихъ дѣти научились французскому языку, окружаютъ ихъ иностранцами, нанимаютъ для нихъ дорого стоящихъ учителей танцевъ и музыки, но не учатъ ихъ родному языку, такъ что это прекрасное воспитаніе, къ тому же весьма дорогое, приводится къ полному невѣжеству относительно своей родины, къ равнодушію, пожалуй, презрѣнію къ странѣ, съ которой мы связаны узами происхожденія, и къ пристрастію ко всему, что заимствовано изъ чужеземныхъ краевъ, и въ особенности изъ Франціи [1]).

Однако, Воронцовъ добавляетъ: „Надо сознаться, что дворянство, живущее въ провинціи, не раздѣляетъ такого непростительнаго извращенія“. Достойный дворянинъ могъ бы добавить, что даже въ столицѣ, даже при дворѣ Елизаветы франкоманія приводила не къ однимъ только подобнымъ результатамъ, безусловно нежелательнымъ. Она встрѣчала противовѣсъ: общую тенденцію царствованія, стремившуюся къ поощренію національнаго элемента на всѣхъ путяхъ, и проявленій національнаго генія во всѣхъ направленіяхъ. Такимъ образомъ, эта чужеземная культура выступала только въ качествѣ оплодотворяющаго принципа, и его

1) *Автобіографическая замѣтка*, Воронцовскій Архивъ.

алготворное вліяніе въ этомъ смыслѣ не можетъ не найти надлежащей оцѣнки. Оно составляетъ лучшее украшеніе въ славѣ Елизаветы. Наиболѣе усерднымъ франкоманомъ той эпохи былъ И. И. Шуваловъ: онъ сочинялъ русскіе стихи и проложилъ дорогу литературной и научной карьерѣ Ломоносова. Въ то время, когда онъ собирался приступить къ реформамъ грамматики, Тредьяковскій закончилъ свои занятія въ Сорбоннѣ.

Вернемся къ Болотову, потому что его дѣтство представляетъ намъ полную картину современнаго воспитанія въ его различныхъ фазахъ. Уроки Лапи знаменовали собой лишь одну изъ нихъ въ умственномъ развитіи юноши. Покинувъ Петербургъ въ отроческомъ возрастѣ, онъ разстался съ этимъ руководителемъ и очутился въ деревнѣ, гдѣ проживали его родители. Тамъ не существовало никакой школы. Библіотека священника состояла изъ двухъ книгъ; одной изъ нихъ было упомянутое сочиненіе Яворскаго, другой четьи-минеи. Ознакомившись съ ихъ содержаніемъ, бывшій воспитанникъ Лапи прослылъ ученымъ на десять верстъ въ окружности. Но онъ обладалъ честолюбіемъ, любознательнымъ умомъ. Послѣ усиленныхъ поисковъ нашелъ онъ у одного изъ своихъ дядей учебникъ геометріи и сейчасъ же началъ срисовывать съ него фигуры, не понимая ихъ смысла. На этотъ разъ его сочли за колдуна, и онъ рисковалъ заслужить такую репутацію, когда при новыхъ поискахъ въ руки ему попали „приключенія Телемака“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ въ состояніи сказать на память съ начала до конца все произведеніе Фенелона, и литература побѣдоносно взяла верхъ надъ математикой. Но Болотову исполнилось восемнадцать лѣтъ и пришла пора вспомнить, что онъ предназначался для военной службы. Происходя изъ семьи дворянской и „образованной“, онъ былъ произведенъ

въ офицеры и, благодаря протекціи, назначенъ въ петербургскій гарнизонъ. Онъ подготовлялся къ своей новой карьерѣ, читая „Приключенія Жиль Блаза“ одновременно съ первымъ томомъ Древней исторіи, только что вышедшей въ переводѣ Тредьяковскаго и, „Арженисъ“ Джона Барклай, тогда гремѣвшимъ, что часто случается съ историческими романами въ различныя эпохи. Выучилъ онъ также наизусть и декламировалъ отрывки изъ перваго драматическаго произведенія Сумарокова,—его знаменитаго „Хорева“, и на томъ успокоился, почувствовавъ себя на высотѣ и въ курсѣ умственной жизни своего времени.

Надъ этимъ общимъ уровнемъ до основанія въ 1755 г. Московскаго Университета современная наука имѣла лишь представителей въ Москвѣ въ лицѣ Славяно-греко-латинской Академіи и въ Петербургѣ въ лицѣ Академіи наукъ. Но первая все болѣе и болѣе подчеркивала свой духовный характеръ, въ томъ смыслѣ, что, несмотря на свою довольно разностороннюю программу, обнаруживала все сильнѣе стремленіе обратиться въ подготовительное учебное заведеніе для священнослужителей. И учрежденіе блекло. Ученики сидѣли до десяти лѣтъ въ классѣ синтаксиса. Ихъ число также уменьшалось: изъ 629 въ 1725 г. оно сократилось до 200 при Елизаветѣ. Причина? Недостаточное питаніе; бѣдность матерьяльныхъ средствъ и неудовлетворительность умственныхъ; ежегодный бюджетъ въ 4,450 руб. выплачиваемый весьма неаккуратно, и преподаваніе, придерживавшееся схоластическихъ методовъ. Въ роли профессоровъ мы видимъ исключительно монаховъ. Свѣтскій преподаватель Худяковъ, обучавшій до 1744 въ низшихъ классахъ былъ въ этомъ году удаленъ Синодомъ. Монахи эти были выходцами изъ монастырей старой Руси и жили какъ будто въ тринадцатомъ вѣкѣ. Въ классѣ богосло-

вія они подвергали обсужденію вопросы въ родѣ слѣдующихъ: „Гдѣ созданы ангелы?.. Какъ обмѣниваются они мыслями“?.. Курсъ философіи, въ отдѣлѣ психологіи содержалъ разсужденія о природѣ волосъ: „Почему выпадаютъ они у стариковъ?.. Почему борода не растетъ на подбородкѣ у женщинъ“?.. Курсъ физики заканчивался знакомствомъ съ уранографіей и разсмотрѣніемъ слѣдующаго вопроса: „Бываетъ ли въ раю роза безъ шиповъ“? Ученики класса реторики обязаны были стараться какъ можно болѣе уклоняться въ своихъ сочиненіяхъ отъ естественной рѣчи, при всякомъ удобномъ случаѣ упоминая Ѳемиду, Беллону, Марса [1]).

Академія наукъ должна была, какъ извѣстно,—по довольно непослѣдовательному плану, составленному Петромъ Великимъ,—совмѣщать три классическихъ формы: нѣмецкой гимназіи, нѣмецкаго университета и французской академіи. Гимназія никогда не функціонировала серьезно. При восшествіи на престолъ Елизаветы она состояла всегда изъ нѣсколькихъ учителей, преподававшихъ латынь въ младшихъ классахъ. Въ 1747 г. новый уставъ, выработанный Академіей, совершенно не упоминалъ о гимназіи, благодаря тому оказавшейся въ еще болѣе заброшенномъ состояніи. Въ 1760 г. мы встрѣчаемъ тамъ преподавателя французскаго языка, давно уже не дававшаго уроковъ, ссылаясь на болѣзнь жены.

Нетрудно себѣ представить отраженіе такого положенія вещей на университетскомъ преподаваніи. У профессоровъ тамъ имѣлись болѣе дѣйствительные предлоги для объясненія своего непоявленія на каѳедрахъ, гдѣ они изображали бы изъ себя пророковъ, проповѣдующихъ въ пустынѣ. „Голова

---

[1]) Смирновъ, *Исторія Московской Славяно-греко-латинской Академіи.*

и верхнія части туловища могутъ ли существовать безъ ногъ? [1])“ спрашивалъ Ломоносовъ. Школьное трехъэтажное зданіе, созданное воображеніемъ Петра Великаго, оказалось въ дѣйствительности гиперболическимъ строеніемъ, вершина котораго криво держалась надъ отсутствующимъ нижнимъ этажемъ. Его исторія съ другой стороны сливается въ эту эпоху съ борьбой, завязавшейся сейчасъ же послѣ воцаренія Елизаветы между элементами русскимъ и нѣмецкимъ. И распря эта относилась скорѣе къ области административной, чѣмъ умственной. Я не стану утомлять слушателей передачей всѣхъ ея перипетій. Борцомъ за Германію былъ уже знакомый намъ Шумахеръ [2]), а его главнымъ противникомъ—Нартовъ, рѣзчикъ по дереву, нѣкогда служившій Петру Великому своимъ ремесломъ, теперь возведенный въ званіе члена академическаго совѣта и предсѣдателя отдѣла механики. За неимѣніемъ знаній и личнаго авторитета, бывшій ремесленникъ опирался на Делиля, французскаго астронома, приглашеннаго Екатериной [3]). То былъ первый франко-русскій союзъ. Нартовъ обвинялъ Шумахера въ злоупотребленіи своими обязанностями секретаря Академіи, чтобы систематически удалять русскихъ профессоровъ, а нѣмецъ отвѣчалъ: „Гдѣ-жъ они?“ Горлицкій похваляется, что „зналъ“ философію, но признается, что теперь ее „какъ-то позабылъ“. Остальные,—Сатановъ, Ильинскій—никогда не проявляли своей способности оказать хотя малѣйшее содѣйствіе работамъ Академіи.

Послѣ воцаренія Елизаветы было, однако, рѣшено, что нѣмецъ неправъ, а русскій правъ. При коронованіи Импе-

---

[1]) Билярскій, *Матерьялъ для біографіи Ломоносова.*

[2]) См. *Царство женщинъ.*

[3]) Іосифъ—Николай, братъ всемірно извѣстнаго географа и историка.

ратрицы Нартовъ получилъ секретарство Шумахера, а послѣдній былъ заключенъ въ тюрьму, потому что въ тѣ времена всѣ споры заканчивались тюрьмой. Къ несчастью, новый секретарь вздумалъ приступить къ взысканію долговъ, накопившихся у Академіи не только за государствомъ, неаккуратно оплачивавшимъ смѣту, но и за многими частными лицами за доставку ими книгъ и иныхъ предметовъ. Потому что въ виду дремотнаго прозябанія наукъ, Шумахеръ ухитрился придать дѣятельности учрежденія промышленный характеръ, грозившій обратить его въ фабрику. И къ несчастью, среди должниковъ оказалось нѣсколько высокопоставленныхъ сановниковъ, какъ разъ получившихъ порученіе разслѣдовать новое дѣло. При современныхъ нравахъ, результатъ можно было предвидѣть заранѣе. Въ заключеніе Шумахеръ оказался бѣлымъ, какъ снѣгъ, а Нартовъ приговоренъ къ плетямъ и ссылкѣ. Однако, Елизавета отказалась утвердить приговоръ. Тѣнь Петра Великаго защитила бывшаго рѣзчика. Кончилось дѣло для обоихъ противниковъ ничѣмъ, и Делиль, принявшій сторону Нартова, хотя выражалъ желаніе отвѣтить на нанесенную обиду подачей прошенія объ отставкѣ, однако, долженъ былъ уступить настояніямъ государыни, согласившись не лишать Академіи единственной европейской знаменитости, имѣвшейся въ ея распоряженіи. Во всякомъ случаѣ, Делиль пожелалъ составить для Академіи новый уставъ, по которому ея предсѣдатель долженъ былъ избираться профессорами изъ своей среды. По этому поводу не пришли къ соглашенію. Президентство, подобно малороссійскому гетманству, въ мысляхъ Елизаветы предназначалось Разумовскому. И какъ Малороссіи, Академіи пришлось дожидаться, пока кандидатъ достигнетъ соотвѣтствующаго возраста. До тѣхъ поръ, при нежеланіи имѣть во главѣ учрежденія нѣмца и за отсутствіемъ кого-либо изъ подходящихъ

русскихъ, способныхъ занять эту должность, послѣдняя оставалась вакантной. Только срокъ былъ сокращенъ и восемнадцати лѣтъ отъ роду Кириллъ принялъ на себя новыя обязанности. Онъ ознаменовалъ свое вступленіе рѣчью, гдѣ указывалъ, что профессора-академики заботятся лишь объ увеличеніи своихъ окладовъ, о пріобрѣтеніи новыхъ почетныхъ титуловъ и подъ предлогомъ, что наука не выноситъ принужденія, предаются полнѣйшей праздности. Такое обвиненіе требовало новаго разслѣдованія, съ неизбѣжными мѣрами воздѣйствія, и въ результатѣ большинство иностранцевъ, Крафтъ, Гейнзіусъ, Вильде, Крузіусъ, Гмелинъ и самъ Делиль удалились окончательно.

Шумахеръ остался и составилъ редакцію устава, принятаго въ слѣдующемъ году и существенно отличавшагося отъ проекта Делиля. Нѣмецъ побѣдоносно провелъ въ немъ свои утилитарныя стремленія, имѣвшія въ виду понудить членовъ астрономическаго и географическаго отдѣла расширить предѣлы государства открытіемъ новыхъ земель, физиковъ—разрабатывать новые рудники, математиковъ—основывать фабрики. Происходило это въ 1747 г. и плоды новой программы что то долго не давали себя чувствовать, потому что исторія ученаго собранія въ теченіе всего года отмѣчена лишь принятіемъ Вольтера въ качествѣ члена корреспондента. Знаменитый писатель добивался этой чести съ прошлаго года. Авторъ „Вѣка Людовика XIV [1])“ въ то же время предложилъ свои услуги къ составленію исторіи Петра Великаго, и предложеніе было принято тѣмъ болѣе охотно, что русскіе коллеги Вольтера трудились исключительно надъ переводами, въ родѣ, напр., сочиненія Вобана объ искусствѣ фортификацій, обошедшагося въ 3,560 руб. и не нашедшаго

[1]) Семевскій, *Елизавета Петровна.*

себѣ покупателей. Торжественныя засѣданія Академіи заполнялись чтеніями, обыкновенно представлявшими изъ себя бесѣды по поводу весьма странно выбранныхъ вопросовъ, въ родѣ окулярнаго клавесина—аббата Кастеля, признаннаго Вольтеромъ и Руссо за сумасшедшаго. Это мнѣніе впослѣдствіи было подтверждено потомствомъ.

Только въ 1749 г. возвращеніе Мюллера, отправленнаго въ Сибирь для научныхъ изслѣдованій Шумахеромъ,—желавшимъ освободиться отъ опаснаго соперника, — и не ожидаемаго обратно раньше, чѣмъ черезъ десять лѣтъ, положило начало болѣе плодотворному періоду въ работахъ академіи. Но сейчасъ же возгорѣлась ожесточенная ссора между ученымъ путешественникомъ и Ломоносовымъ—борьба, поглотившая большую часть нарождавшейся дѣятельности. Получивъ порученіе написать диссертацію ко дню торжественнаго засѣданія 6 сентября 1749 г., Мюллеръ въ ней развилъ тезисъ Банера о скандинавскомъ происхожденіи варяговъ. Ломоносовъ увидалъ въ томъ посягательство на народную славу и даже на авторитетъ церкви. Первая не могла допустить такого иностраннаго происхожденія, а вторая обладала достовѣрными свѣдѣніями о пребываніи св. Андрея среди новогородскихъ славянъ, тогда какъ по Мюллеру—названіе славянъ появилось уже послѣ апостольскихъ временъ. Споръ былъ предоставленъ на разрѣшеніе президента, и Мюллеръ потерялъ должность профессора и ректора университета. Нѣсколько лѣтъ спустя, за отсутствіемъ замѣстителей, ему снова вернули прежнюю каѳедру и покорились необходимости использовать всѣми возможными способами его компетентность, не имѣвшую себѣ соперниковъ. Онъ исполнялъ обязанности секретаря, не нося такого званія, велъ переписку съ иностранными учеными, составлялъ протоколы засѣданій и завѣдывалъ редактированіемъ „Новыхъ Коммен-

таріевъ"—научнаго сборника, обязаннаго своимъ возникновеніемъ главнымъ образомъ его иниціативѣ. Позднѣе къ сборнику присоединилось обозрѣніе научное и литературное, а душой его опять таки былъ Мюллеръ, положившій въ Россіи съ 1728 г. начало подобнаго рода изданіямъ своими „С.-Петербургскими Извѣстіями", появившимися въ то время на свѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ работалъ надъ исторіей Сибири; но тутъ опять Ломоносовъ всталъ ему поперекъ дороги, не дозволивъ выставлять знаменитаго Ермака разбойникомъ, какимъ онъ, повидимому, былъ, когда совершилъ покореніе страны [1]).

Здѣсь намъ бросается въ глаза характерная и общая черта современнаго русскаго ума въ этой сферѣ: непомѣрное пристрастіе къ цензурѣ, умственному деспотизму, офиціальной наукѣ. Свидѣтельствующая о властныхъ инстинктахъ расы столько же, сколько являющаяся послѣдствіемъ вѣковыхъ привычекъ, тенденція эта выступаетъ въ умственномъ движеніи эпохи по мѣрѣ того, какъ русскій элементъ одерживаетъ верхъ, и приводитъ къ страннымъ выходкамъ. Въ 1754 г. Ломоносовъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ спорами, возникшими въ Германіи по поводу его теоріи о воздѣйствіи тепла и холода, и сейчасъ же выразилъ желаніе, чтобы всѣ разногласія подобнаго рода подвергались строгому контролю академическихъ и университетскихъ обществъ. Тредьяковскій возмутился въ свою очередь развязкой, приданной Сумароковымъ своему „Гамлету". Онъ требовалъ, чтобы порокъ оказался наказаннымъ, а добродѣтель вознагражденной, и получилъ удовлетвореніе.

Поглощенная такими заботами академія не открывала ни

---

1) Пятковскій, *Исторія литературнаго и общественнаго развитія въ Россіи.*

новыхъ земель, ни рудниковъ, а ея научныя заслуги оставались довольно незначительными. Въ 1755 г. она потребовала подробнаго описанія монастырей и церквей съ историческими справками; но Синодъ возсталъ противъ такого труда за неимѣніемъ къ тому средствъ. Въ 1760 г. географическіе и археологическіе вопросные пункты, разосланные по указу во всѣ города имперіи, имѣли не больше успѣха. Два простыхъ устюжскихъ купца, Битовъ и Шалавуровъ, лучше справились съ задачей, снарядивъ за собственный счетъ экспедицію, преслѣдовавшую цѣль открытія морского пути между устьемъ Лены и Камчаткой. Какъ научное учрежденіе, Академія продолжала бездѣйствовать или предавалась занятіямъ чаще всего пустымъ, иногда некрасивымъ. Попытка поднять умственный уровень, вернувъ въ ея лоно нѣкоторыхъ иностранцевъ, безразсудно ею изгнанныхъ, не привела ни къ чему. Эйлеръ и братья Бернуильи отклонили всѣ предложенія, Вольтеръ соглашался замѣстить ихъ на нѣкоторое время, но перспектива его прибытія менѣе польстила, чѣмъ испугала возможностью предстать предъ неумолимымъ насмѣшникомъ въ такомъ жалкомъ видѣ, и Кириллъ Разумовскій приложилъ всѣ усилія къ тому, что бы предотвратить опасность [1]). Какъ учрежденіе образовательное, сначала Академія оказалась передъ пустотой: не было учащихся ни въ гимназіи, ни въ университетѣ. Рѣшили набрать ихъ въ семинаріяхъ московской и новогородской. Духовенство возмутилось, а семинаристы перейдя отъ одной системы преподаванія къ другой, растеряли послѣдній небольшой запасъ имѣвшихся у нихъ знаній. Постепенно удалось, однако, привлечь небольшое число учениковъ и слушателей, изъ которыхъ нѣкоторые, Румовскій, Барсовъ, По-

---

[1]) Пекарскій, *Исторія Академіи Наукъ*.

повъ, впослѣдствіи пріобрѣли извѣстность. Но преподаватели часто отсутствовали, постоянно стремясь принести въ жертву преподаваніе въ школѣ личнымъ научнымъ занятіямъ, или стараясь произвести такое впечатлѣніе. Наконецъ, для всѣхъ стала очевидностью необходимость разъединить неудачное сочетаніе Петра, и основаніе Московскаго университета, рѣшенное въ 1754 г. наконецъ закрѣпило принципъ, выяснившійся такимъ долгимъ и тяжелымъ опытомъ.

Изготовленный И. И. Шуваловымъ при содѣйствіи Ломоносова, проектъ новаго учрежденія отличался блестящей полнотой. Онъ заключалъ три факультета: юридическій съ курсами естественнаго права, народнаго, политическаго; медицинскій и философскій. Лекціи должны были читаться по-русски и по-латыни, касаясь всѣхъ отраслей знанія. Въ то же время учрежденіе двухъ гимназій ознаменовало въ древней столицѣ государства первые опредѣленные шаги по пути средняго образованія, а въ слѣдующемъ году открылись въ Казани два однородныхъ учрежденія изъ четырехъ классовъ для изученія русскаго языка, латыни, элементарныхъ наукъ и двухъ иностранныхъ языковъ,—французскаго или нѣмецкаго,—по выбору ученика. Для преподавательскаго состава, за неимѣніемъ блестящихъ знаменитостей, кончили приглашеніемъ изъ заграницы скромныхъ полезностей: Шадено, Дитле, Роста, Керштена, Рейхеля, Эразмуса. Вскорѣ появилась возможность добавить къ нимъ нѣсколько русскихъ сотрудниковъ. Теперь ощутился результатъ плодотворной системы, принятой Петромъ, обратившимся къ содѣйствію заграничныхъ школъ для подготовки будущихъ дѣятелей на нивѣ народнаго образованія. Среди нихъ встрѣчаемъ мы Аѳонина, читавшаго курсъ минералогіи, ботаники и зоологіи по Валеріусу и Линнею; Забѣлина, подражавшаго примѣру Виселова въ преподаваніи анатоміи и Лудвига—въ

преподаванія хирургіи. Ихъ скромныя усилія принесли громадную пользу на служеніи принятому ими на себя дѣлу, и не менѣе цѣнную услугу оказалъ ему также И. И. Шуваловъ доставлявшій профессорамъ слушателей при помощи компромисса, придуманнаго имъ относительно военной службы. Дворянство получило новую категорію отпусковъ, дававшихся молодымъ людямъ по случаю пребыванія въ университетѣ. Знаменитый писатель фонъ-Визинъ обязанъ такой мѣрѣ тѣмъ, что состоялъ съ десятилѣтняго возраста солдатомъ въ Семеновскомъ полку и въ то же время ученикомъ Московскаго университета.

Подобно большинству начинаній, предпринятыхъ въ эту эпоху, и это дѣло страдало отъ недостатка соразмѣрности между намѣченными цѣлями и средствами не только моральными, но и матеріальными, имѣвшимися въ распоряженіи для ихъ достиженія. Бюджетъ новаго университета и двухъ гимназій къ нему подготовлявшихъ былъ опредѣленъ въ 15,000 руб., что не дозволяло позаботиться ни о нужномъ обзаведеніи, ни о надлежащемъ содержаніи. Русскимъ и иностраннымъ профессорамъ пришлось проникнуться духомъ, до сихъ поръ отличающимъ преподаваніе на родинѣ Ломоносова: „офиціальнымъ“ характеромъ, котораго требовалъ для современной науки геніальный противникъ Мюллера, не взвѣшивавшій всѣхъ предстоящихъ отъ того послѣдствій. Послѣдствія же здѣсь заключались въ подчиненіи программъ принципу просвѣщеннаго деспотизма; въ узкомъ догматизмѣ съ примѣсью реалистическаго сенсуализма, проникавшемъ и портившемъ всѣ примѣненія. Шаденъ и Рейхель возвѣщали въ своихъ лекціяхъ, что распространеніе наукъ и искусствъ составляетъ „высшее право властей“, и всякое развитіе независимое отъ народнаго духа преслѣдовалось. Новое и худшее горе!

Цензура, столь излюбленная Ломоносовымъ, дѣятельно работала въ томъ же направленіи при содѣйствіи разнородныхъ властей, соперничавшихъ съ Академіей въ просмотрѣ книгъ, газетъ и журналовъ. Помимо сочиненій религіознаго характера, Синодъ присвоилъ себѣ право контроля надъ всѣми книгами на русскомъ языкѣ иностраннаго происхожденія, на томъ основаніи, что религіозная полемика занимаетъ значительное мѣсто въ литературѣ подобнаго рода. Въ 1750 г. указомъ былъ воспрещенъ ввозъ всѣхъ иностранныхъ книгъ, гдѣ встрѣчаются упоминанія о лицахъ, игравшихъ роль въ предыдущихъ царствованіяхъ, и порученіе слѣдить за тѣмъ было снова возложено на духовное собраніе. Въ дѣйствительности оно пользовалось въ этомъ отношеніи властью почти неограниченной. Въ началѣ царствованія оно уже наложило запретъ на басни Эзопа. [1]). Если оно чаще всего обрушивалось на произведенія иностранной печати, то дѣло въ томъ, что русская печать давала слишкомъ мало пищи. Въ 1749 г. за неимѣніемъ лучшаго оно процензировало „Театрумъ“ или „Историческое зрѣлище“ въ переводѣ съ латинскаго оригинала, изданное въ 1724 г. Гавріиломъ Бужанскимъ!

И всетаки, несмотря на свое убожество умственное и литературное, проглядывающее въ описанномъ случаѣ, эпоха эта дала въ области нами разсматриваемой великое дѣло и великаго человѣка. Великимъ дѣломъ было созданіе русскаго языка, трудолюбивымъ теоретикомъ котораго былъ Тредьяковскій, а вдохновеннымъ примѣнителемъ на практикѣ—Ломоносовъ. Великимъ человѣкомъ былъ все онъ же, чей обликъ я уже обрисовалъ въ иномъ мѣстѣ широкими штрихами [2]); но здѣсь мнѣ снова приходится воскресить его

---

[1]) Семевскій.
[2]) *Русская литература.*

IV.

Движеніе литературное и научное. Ломоносовъ.

Въ исторіи умственнаго развитія Россіи образъ Ломоносова представляется съ перваго взгляда совершенно обособленнымъ явленіемъ. Когда Ломоносовъ умеръ въ 1765 г., наиболѣе образованные изъ его соотечественниковъ видѣли въ немъ лишь поэта и оратора. Его труды въ области естественныхъ наукъ, философіи, даже русской исторіи, оставались неизвѣстными и неоцѣненными. Упавшія въ бездну равнодушія нѣкоторыя изъ его научныхъ мыслей выплыли на свѣтъ Божій лишь гораздо позднѣе, подъ видомъ новинокъ иностраннаго происхожденія. Дѣйствительная оцѣнка его значенія съ этой точки зрѣнія появилась въ Россіи лишь со второй половины девятнадцатаго вѣка, и помимо одинокаго изслѣдователя, Д. М. Перевощикова, уже въ 1731 г. заявлявшаго о томъ, что Ломоносовъ опередилъ Румфорда въ своихъ наблюденіяхъ надъ теплотой [1]), русскіе натуралисты, оцѣнившіе по достоинству его труды и открытія, Щуровскій, Борисякъ, Леваковскій,—наши современники [2]).

---

[1]) Лекція въ Московскомъ Университетѣ 12 января 1731 г.

[2]) Майковъ, *Очерки русской исторіи и литературы.*

Но это лишь видимость, объясненіе которой находится въ медленности соотвѣтствующаго развитія въ Россіи, въ періодахъ бездѣйствія и временнаго затишья имъ пережитыхъ. Эта медленность не допускаетъ слѣдствій безъ причины.

Въ 1731 г. въ суровую зиму, молодой крестьянскій парень семнадцати или восемнадцати лѣтъ,—годъ рожденія знаменитаго мужика точно не установленъ [1]),—подходилъ къ Кремлевскимъ стѣнамъ. Откуда пришелъ онъ? Изъ окрестностей Архангельска—города гдѣ въ первый разъ Петръ Великій учился искусству мореплаванія. Мѣстность та населена закаленнымъ народомъ рыбаковъ. Почему сынъ одного изъ нихъ, помогая отцу закидывать или чинить сѣти, кормившія семью, урывалъ каждую свободную минуту, чтобы научиться читать? Безъ сомнѣнія потому, что здѣсь побывалъ Петръ. Какимъ образомъ мальчикъ раздобылъ послѣ у сосѣднихъ рыбаковъ или у дьячка своего прихода грамматику и ариѳметику, столь необычайныя богатства даже среди выше стоявшихъ классовъ? Какимъ образомъ, наконецъ, исчерпавъ эти мѣстные источники элементарнаго образованія, рѣшился онъ покинуть украдкой отчій домъ и пуститься въ дорогу, стремясь къ большому городу, гдѣ ему сказали, существуютъ школы? Ключъ къ разгадкѣ тайны опять таки слѣдуетъ искать въ созданьи рукъ Петра Великаго. Преобразователь бросилъ здѣсь, мимоходомъ, горсть сѣмянъ цивилизаціи, и этотъ юноша на пути въ Москву—созрѣвающая жатва. Онъ давно жданный, возвѣщенный Петромъ, первый изъ русскихъ работниковъ, грядущихъ замѣнить собой труды иностранцевъ и сдѣлать ихъ присутствіе излишнимъ.

---

[1]) Въ настоящее время новѣйшими изслѣдованіями годъ рожденія опредѣленъ. Ломоносовъ родился 8 ноября 1711 г.

Въ Москвѣ первую ночь Ломоносовъ провелъ на рыбномъ рынкѣ, спрятавшись въ пустыхъ саняхъ. Онъ былъ крѣпокъ и выносливъ. Затѣмъ онъ постучался въ двери Славяно-греко-латинской академіи.—Кто ты такой?—Сынъ священника. Легенда по крайней мѣрѣ утверждаетъ, что для того, чтобы обезпечить себѣ хорошій пріемъ, юноша далъ такой отвѣтъ, бывшій ложью только на половину. Его мать происходила изъ духовной семьи, а въ своей приходской церкви Ломоносовъ исполнялъ нѣкоторое время обязанности псаломщика. Прекрасное знаніе церковно-славянскаго языка и весьма глубокое религіозное чувство сохранилось у него на всю жизнь. Документы о званіи были въ то время вещью незнакомой въ Россіи. Проситель понравился своей внѣшностью, его приняли и оставили, назначивъ на его долю уже извѣстный намъ паекъ: три копейки въ день. На этотъ капиталъ ему предоставлялось питаться, одѣваться и покупать книги. И онъ ихъ покупалъ. Съѣдая на полкопѣйки хлѣба въ день и выпивая на полкопейки квасу, онъ сдѣлался богатыремъ и оказалъ въ наукахъ такіе быстрые успѣхи, что сочли нужнымъ отправить его въ Кіевъ, славившійся въ то время, какъ умственный центръ. А можетъ быть также хотѣли отъ него отдѣлаться. Онъ былъ понятливымъ и прилежнымъ, но неугомоннымъ. Онъ показался черезчуръ пытливымъ также своимъ новымъ наставникамъ, и они поспѣшили отослать его обратно въ Москву, гдѣ онъ уже примирился съ мыслью одѣть священническую рясу безъ видимаго призванія къ этому сану, когда въ 1735 г. изъ Петербурга получился приказъ представить двѣнадцать лучшихъ учениковъ академіи въ гимназію, гдѣ замѣчался недостатокъ въ ученикахъ. Ломоносовъ попалъ въ число избранниковъ и вскорѣ затѣмъ, вновь отличенный выборомъ, былъ отправленъ заграницу, въ германскіе университеты.

Онъ по прежнему держался слѣда, проложеннаго Петромъ для народнаго образованія.

Покровители желали, чтобы онъ посвятилъ себя изученію горнаго дѣла. Но они забыли принять въ расчетъ его геній— геній самого Петра и большинства богато одаренныхъ русскихъ до нашихъ дней, а также большей части выдающихся людей семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтія, одинаково непокорныхъ, даже на западѣ, нашей современной специализаціи. Въ часы прилежныхъ занятій во время пребыванія въ Ней-Рюппенѣ, Фридрихъ Великій подготовлялся къ своимъ обязанностямъ короля, трудясь надъ физическими опытами и сочиняя стихи. Въ Марбургѣ и Фрейбургѣ, слушая лекціи Вольфа и Генкеля, Ломоносовъ писалъ поэмы. Въ 1749 г. онъ прислалъ въ Петербургъ оду на взятіе Хотина, ознаменовавшую собой эпоху въ исторіи русскаго языка и литературы. По формѣ ода представляетъ изъ себя подражаніе Гунтеру, автору поэмы на Пассаровицкій миръ; по содержанію открываетъ взглядъ совершенно новый для той эпохи на русскую исторію.

Два образа Іоанна Грознаго и Петра Великаго предстали тамъ въ символическомъ сочетаніи, до сихъ поръ никѣмъ не подозрѣваемомъ ни въ Россіи, ни заграницей. Преобразователь и его предшественникъ—бойцы своей родины въ ея борьбѣ съ варварской Азіей. Они представители народа, „въ трудъ избраннаго“ суровой и славной судьбой. И это ода не только поэма,— это опытъ реформы. Ломоносовъ пытается здѣсь преобразовать стихосложеніе, элементы котораго едва себѣ усвоилъ, и придать ему складъ болѣе соотвѣтствующій духу языка, еще находящагося на пути образованія. Присоединяя теорію къ практикѣ, онъ добавляетъ къ стихамъ разсужденіе, гдѣ развиваетъ,—прилагая усилія къ тому, чтобы ихъ исправить,—взгляды Тредьяковскаго на необходимость

придать народной поэзіи тоническое основаніе. Но въ эт области, въ теоріи, онъ не силенъ. Хотя, возвысившись въ ней впослѣдствіи до извѣстныхъ воззрѣній оригинальныхъ и сильныхъ, до пониманія удивительно глубокаго именно органической природы языка, онъ на всю жизнь сохранилъ слѣдъ ужасныхъ уроковъ реторики, полученныхъ въ Москвѣ. Сражаясь съ разнородными элементами, введенными въ отечественную литературу исторіей, церковью и преобразованіемъ [1]), онъ не умѣлъ разобраться въ нихъ научнымъ образомъ. Даже еще увѣковѣчилъ раздѣленіе, изобрѣтя странную классификацію рѣчи, на три слога: высшаго, средняго и низшаго порядка, съ выборомъ словъ и оборотовъ рѣчи, примѣнимыхъ въ каждомъ изъ нихъ. Но вдохновеніе парило выше разсужденій. Руководствуясь инстинктомъ, въ первыхъ стихахъ, написанныхъ въ Германіи между лекціей по математикѣ и лекціей по естественнымъ наукамъ, Ломоносовъ почти вышелъ побѣдителемъ изъ такого стихійнаго хаоса. И если въ торжественныхъ привѣтствіяхъ, сочиненныхъ для Елизаветы, онъ оставался вѣрнымъ образцамъ схоластическимъ, то въ иное время, въ часы произвольнаго творчества, въ произведеніяхъ, свободно выливавшихся изъ-подъ его пера, въ нѣкоторыхъ поэмахъ, даже въ нѣкоторыхъ трактатахъ, окрыленный вдохновеніемъ, или увлеченный темой, онъ забывалъ систему и, черпая изо всѣхъ источниковъ, ввергая въ горнило и расплавляя тамъ ихъ дары, совершалъ дѣло творчества. Простой, краткій, сильный, богатый, его языкъ уже близко подходитъ къ языку Пушкина. Вскорѣ получившій распространеніе, благодаря плодотворной музѣ, этотъ языкъ превратился во всѣхъ устахъ, при меньшей прелести и благородствѣ, въ языкъ общенародный

[1]) См. *Петръ Великій; Царство женщинъ, Валишевскій, полное собр. сочинен. томы II и III. Изд. „Сфинксъ.“*

и постепенно вытѣснилъ собой варварское и смѣшанное нарѣчіе предыдущихъ поколѣній. Какъ? Почему? Просто потому, что въ созданіи Ломоносова выразилась въ этомъ отношеніи медленная и безсознательная работа тысячей колебавшихся умовъ и запинавшихся устъ, и оно было лишь отголоскомъ всего народа, собиравшимъ звуки со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта, чтобы гармонично слить ихъ въ благозвучномъ языкѣ.

Въ 1741 г, будущій великій мужъ возвратился въ Россію, гдѣ его опередилъ слухъ о нарождающейся знаменитости и менѣе лестные отзывы о поведеніи этой знаменитости. Расхваливая умъ и прилежаніе, нѣмецкіе наставники представляли Ломоносова изряднымъ гулякой. Съ этой стороны онъ также проникнутъ духомъ Петра Великаго и своего народа. Онъ носилъ въ себѣ избытокъ соковъ, выступающихъ черезъ край и бьющихъ ключемъ во всѣхъ направленіяхъ. Онъ невыдержёнъ и шумливъ. Женившись на дочери маленькаго магдебургскаго портного, онъ въ состояніи опьяненія былъ завербованъ прусскими вербовщиками. Однако, вернувшись въ Петербургъ, Ломоносовъ прекратилъ всѣ свои выходки. Русскій за границей и русскій у себя въ Россіи даже въ наши дни— два существа совершенно различныя во всѣхъ отношеніяхъ. Ломоносовъ не забывалъ своего происхожденія, и его неукротимость богатыря, одареннаго хорошими мускулами, часто шла рука объ руку съ большой гибкостью. Мы видимъ его сначала такимъ скромнымъ, покорнымъ, маленькимъ даже съ нѣмцами академіи. Онъ считалъ своей обязанностью писать Шумахеру, величая его „своимъ единственнымъ покровителемъ“, сочинилъ оду на рожденіе маленькаго императора, Ивана Антоновича; другую на побѣду при Вильманштрандѣ, одержанную надъ Шведами. При восшествіи на престолъ Елизаветы перевелъ торжественную оду Штелина. Пре-

красный царедворецъ, онъ добился наконецъ въ 1742 г. мѣста адъюнктъ профессора. Профессора чего? Химіи, минералогіи, стихосложенія и слога. Удивительное смѣшеніе! Но тутъ началась описанная мною выше борьба между Шумахеромъ и Нартовымъ, и вдругъ природа великаго „мужика“ одержала верхъ. Конечно онъ взялъ сторону соотечественника противъ нѣмца, и давъ волю характеру и разуму, началъ съ того, что принялся дразнить „болваномъ“ садовника Академіи, тоже нѣмца, по имени Штурма. Немного позднѣе въ 1743 г. явившись въ нетрезвомъ состояніи въ конференцъ-залу, онъ оскорбилъ профессоровъ, стоявшихъ за Шумахера, послѣдняго обозвалъ жуликомъ, а его сторонникамъ пригрозилъ, что переломаетъ имъ челюсти. Его посадили въ тюрьму, и надъ его собственными плечами повисла угроза кнута. Но какъ отдать въ руки палача человѣка, чьи стихи вызывали общій восторгъ? Елизавета сама любила повторять тѣ мѣста, гдѣ имъ изображается душа Петра Великаго, ожившая въ дочери. Благодаря ея вмѣшательству, профессоръ стихосложенія отдѣлался только потерей полугодового содержанія.

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ вступленіе Разумовскаго на постъ президента Академіи выгодно измѣнило положеніе Ломоносова. Новый уставъ открывалъ русскимъ доступъ въ высокое собраніе, до сихъ поръ остававшееся для нихъ заповѣднымъ, и Ломоносовъ и Тредьяковскій проложили туда дорогу ботанику Крашенинникову, математику Кобельникову, Попову, Козицкому и другимъ. Отъѣздъ заграницу Гмелина предоставилъ Ломоносову каѳедру химіи, и, начиная съ 1746 г. онъ ввелъ популярный курсъ экспериментальной физики, имѣвшій извѣстный успѣхъ. Въ 1748 г., не покидая этотъ родъ занятій, онъ издалъ трактатъ о реторикѣ, первый появившійся на русскомъ языкѣ. Въ слѣдующемъ году, про-

должая опытъ надъ промышленной окраской стекла, стараясь открыть секретъ изготовленія берлинской лазури и венеціанскаго лака, онъ составилъ русскій словарь. А между тѣмъ поэтическій жаръ его не остывалъ. Всѣ современныя событія находили отзвукъ въ его вдохновеніи, при чемъ иногда онъ пользовался случаемъ, чтобы извлечь какую-либо выгоду для себя, какъ напр. въ 1752 г., сочинивъ оду на отъѣздъ Елизаветы въ Москву, путешествіе посовѣтованное Воронцовымъ и неодобренное Бестужевымъ, снискалъ себѣ благосклонность вице-канцлера и даже самой императрицы, наградившей его 2,000 руб.

Такимъ образомъ сплетавшіяся поэзія и политика сблизили его съ И. И. Шуваловымъ, и фаворитъ указалъ новое направленіе неутомимой дѣятельности Ломоносова: изученія народнаго прошлаго, уже затронутаго имъ, хотя довольно неудачно, въ распряхъ съ Мюллеромъ. Почему же нѣтъ?.. „Онъ мастеръ на всѣ руки“, охотно говорилось про него въ народническомъ кружкѣ; и единственный мастеръ, онъ принялся честно, добросовѣстно за работу, собирая документы, копаясь въ древнихъ лѣтописяхъ. Но сдѣлавшись тѣмъ временемъ учредителемъ завода, изготовлявшаго издѣлья изъ цвѣтного стекла и директоромъ хрустальнаго завода, онъ часто принужденъ былъ отрываться отъ своего новаго труда ради промышленныхъ заботъ, не желая пожертвовать однимъ ради другого. Шуваловъ высказывалъ по этому поводу сильное неудовольствіе, а онъ ему возражалъ. „Почему вы хотите, чтобы ученый былъ бѣднякомъ?“ И приводилъ въ примѣръ Ньютона, жившаго въ довольствѣ, и Вольтера, достигшаго почестей и богатства своими трудами. Нельзя поручиться, чтобы баронство нѣмецкаго ученаго не прельщало его воображенія. Для завода онъ получилъ землю и крѣпостныхъ, и это уже превращало его на три четверти

въ дворянина. Ломоносовъ былъ не лишенъ тщеславія, доказательствомъ чему является случай, когда онъ разорвалъ списокъ профессоровъ, увидавъ тамъ свое имя внесеннымъ въ алфавитномъ порядкѣ. Онъ также старался добиться вице-президентства Академіи [1]). Подобно притязанію на измѣненіе алфавитнаго порядка, онъ, попавъ въ Академію, всѣхъ заставилъ передъ собой посторониться, работая локтями и рѣшительно ставя себя выше всѣхъ, имѣвшихъ уже извѣстное положеніе и авторитетъ. Въ ссорахъ и распряхъ постоянно возникавшихъ по этому поводу, онъ обыкновенно оказывался кругомъ виновнымъ, но искупалъ свою вину то грамматикой, то атласомъ, то новой поэмой, вызывавшей всеобщее рукоплесканіе.

Необыкновенный работникъ, проводившій, по свидѣтельству племяницы, цѣлыя недѣли въ лабораторіи или въ кабинетѣ, питаясь исключительно хлѣбомъ, намазаннымъ масломъ, запивая его глоткомъ пива, онъ напоминалъ своей страстью къ наукѣ западныхъ гуманистовъ шестнадцатаго вѣка, иногда слѣдуя ихъ способу аргументаціи въ борьбѣ, подобно имъ, съ фанатизмомъ и невѣжествомъ. Умъ свѣтлый, методичный, хорошо организованный, одаренный организаторскимъ талантомъ, съ задатками оригинальности и порывами независимости, побѣждаемыми инстинктомъ властолюбія, можетъ быть, онъ иногда и заблуждался, обозрѣвая на лету обширное поле современной науки, но по выраженію своихъ почитателей, начерталъ тамъ пути въ различныхъ направленіяхъ для современниковъ и грядущихъ поколѣній. Въ рѣчи, произнесенной 26 ноября 1753 г., онъ прямо оспаривалъ у Франклина честь открытія теоріи электрической силы. Выводя ее изъ рѣзкаго наступленія большихъ

---

[1]) Воронцовскій Архивъ.

морозовъ,—явленія свойственнаго Россіи—онъ считалъ свое утвержденіе тѣмъ самымъ обоснованнымъ, и русскіе спеціалисты до сихъ поръ допускаютъ, что нѣкоторые наблюденія, сдѣланныя въ этой области, а именно: о проникновеніи верхнихъ слоевъ воздуха въ нижнія и паденіе вслѣдствіе того температуры, предоставили ему матеріалъ для выводовъ совершенно новыхъ. Въ іюлѣ 1756 г., разсуждая о происхожденіи свѣта, доказывая единство природныхъ силъ въ образованіи тепла, свѣта и электричества, объясняя, вопреки Ньютону и Гассанди, разнообразіе этихъ явленій простымъ различіемъ въ молекулярномъ движеніи тѣлъ, онъ, кажется, дѣйствительно первый усвоилъ воззрѣнія, впослѣдствіи развитыя Меллони, Карно, Гровомъ, Фарадеемъ и Гельмгольцемъ.

Впрочемъ, по моему, это не такъ важно. Въ общей сложности научное образованіе Ломоносова не далеко ушло впередъ отъ круга представленій и воззрѣній, свойственныхъ его времени, и когда онъ уклонялся въ сторону отъ своихъ нѣмецкихъ наставниковъ, то по большей части впадалъ въ парадоксы или схоластику. Его общій взглядъ на природу согласовался съ духомъ эпохи и даже съ направленіемъ, свойственнымъ духу его родины т. е. по преимуществу философскимъ или физико-богословскимъ. Нѣмецкіе ученые, между прочимъ Шлецеръ, его упрекали въ томъ, что онъ былъ натуралистомъ въ исторіи и философіи. Его не трудно было бы оправдать отъ подобнаго обвиненія, въ нѣкоторыхъ частяхъ показавшагося бы теперь величайшей похвалой. Нѣкоторыя попытки примѣненія къ исторіи и филологіи аналитическаго метода естественныхъ наукъ, противопоставляя такимъ образомъ полученныя результаты — современному догматизму и знаменитому афоризму: „Наблюденіями доходить до теоріи, теоріей, доходить до исправленія наблюденій“,

дѣйствительно рисуютъ Ломоносова на этомъ пути. Но онъ никогда не былъ реалистомъ сознательнымъ и послѣдовательнымъ, оставаясь для того слишкомъ поэтомъ, слишкомъ врагомъ скептическаго раціонализма Вольтера, возмущавшаго его своими выходками безбожія. [1]).

Онъ былъ сыномъ своего времени—эпохи, когда въ Германіи самъ Эйлеръ заявлялъ себя спиритуалистомъ и вѣрующимъ [2]). Но видя его въ курсѣ современной науки и стоящимъ, если не выше, то въ уровень со своими западными соревнователями, и памятуя его происхожденіе и окружающую среду, нельзя не счесть его вполнѣ достойнымъ памятника, воздвигнутаго ему соотечественниками въ Архангельскѣ. Превосходя умомъ своихъ нѣмецкихъ наставниковъ, онъ стоялъ ниже ихъ по характеру и выдержкѣ, проявляя въ манерахъ и обращеніи не только невоспитанность и шероховатость, но грубость и какое-то дикое неистовство. Чтобы оправдать его до извѣстной степени, слѣдуетъ представить себѣ, что изображала изъ себя та среда, гдѣ онъ жилъ, и на какія дѣйствительно возмутительныя черты приходилось ему тамъ наталкиваться. Развѣ не прослылъ онъ одно время атеистомъ и не подвергался преслѣдованіямъ св. Синода за присоединеніе къ основной мысли сочиненія Фонтенеля о многочисленности міровъ, переведеннаго на русскій языкъ княземъ А. Д. Кантеміромъ и изданнаго въ 1740 г. „Если бы на Марсѣ были жители, кто-же бы ихъ крестилъ?“ возражали члены духовнаго собранія [3]) При

---

1) См. письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 3 октября 1752 г. „*Записки Академіи Наукъ*“.

2) Письмо къ нѣмецкой принцессѣ, Петербургъ 1768 г. Rettung der Offenbarung gegen die Einwürfe der Freigeister 1747 г.

3) Майковъ, *Очерки русской исторіи и литературы.*

извѣстіи о смерти великаго человѣка, будущій императоръ Павелъ, тогда десятилѣтній мальчикъ, воскликнулъ: „А! дуракъ этотъ умеръ; давно пора! онъ стоилъ дорого и ничего не дѣлалъ“. Конечно ребенокъ повторялъ только чужія рѣчи. Весьма цѣнимый, какъ поэтъ, Ломоносовъ былъ совершенно непризнанъ большинствомъ, какъ ученый. Онъ обращался къ обществу, еще туго воспринимавшему теоретическія формы мысли, упорно придерживавшемуся воззрѣнія на міръ поверхностнаго, чувственнаго и суевѣрнаго,—къ обществу, среди котораго благоговѣйно сохранялась легенда о стаканѣ воды, завѣщанномъ Петру Великому графомъ Брюсомъ, ученымъ, еще при жизни прослывшимъ колдуномъ и вселявшимъ ужасъ въ сердца жителей Москвы тревожными огоньками въ своей лабораторіи, помѣщавшейся въ Сухаревой башнѣ. Вспрыснувъ этой водой тѣло умершаго своего друга, Петръ долженъ былъ воскресить его къ жизни. Петръ попробовалъ опытъ, пришелъ въ ужасъ, увидавъ, что чудо совершается, и разбилъ стаканъ не доведя до конца колдовства [1]). Ломоносовъ зналъ, что Брюсъ на десять лѣтъ пережилъ Петра, но наврядъ-ли ему удалось бы въ томъ убѣдить своихъ слушателей и читателей. И читатели его научныхъ трактатовъ никогда не были многочисленны. Одно время возбуждался вопросъ объ удержаніи пяти процентовъ изъ жалованія всѣхъ чиновниковъ на обязательную покупку книгъ. Даже какъ поэту, автору столькихъ популярныхъ стиховъ, переложенныхъ на музыку, постоянно декламировавшихся или распѣвавшихся, приходилось считаться съ атмосферой, на лонѣ которой Тредьяковскій, вынужденный играть роль придворнаго шута и дурака, еще недавно получалъ больше

---

[1]) Пекарскій, *Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ*,

пинковъ, чѣмъ поощреній. Безъ сомнѣнія, отъ Анны Іоанновны до Елизаветы, отъ Волынскаго до П. И. Шувалова умственный и литературный міръ Россіи совершилъ значительные успѣхи по пути нравственнаго подъема, сулившаго ему лучшее будущее. Шуваловъ изображалъ изъ себя мецената уже съ нѣкоторымъ достоинствомъ и благородствомъ, хотя и находилъ удовольствіе стравливать между собой Ломоносова и Сумарокова, при чемъ ссора часто заканчивалась дракой [1]). Но и до настоящаго дня потомство, даже въ Россіи, не воздало должной справедливости,—беру на себя смѣлость это утверждать,—геніальному крестьянину, по заслугамъ не имѣвшему себѣ равнаго на своей родинѣ. Пушкинъ отрицалъ у него поэтическое дарованіе, и я уже выступалъ съ опроверженіемъ такой оцѣнки [2]). Но охотно признаю, что разногласіе особаго интереса не представляетъ. Въ поэзіи, въ литературѣ, въ наукѣ, Ломоносовъ, не соперникъ болѣе или менѣе славный, той или другой русской, или иностранной знаменитости: онъ прежде всего—предвѣстникъ, предтеча, начинатель. Его стихи несравнимы съ пушкинскими, но авторъ „Евгенія Онѣгина" не написалъ бы своего произведенія безъ Ломоносова. Ломоносовъ также и художникъ слова, потому что принадлежалъ своему времени, когда русское искусство еще предстояло создать [3]). У него не достаетъ изящества формы и тонкости чувствъ; но онъ владѣетъ духомъ, мощной полнотой, мужественной силой и

---

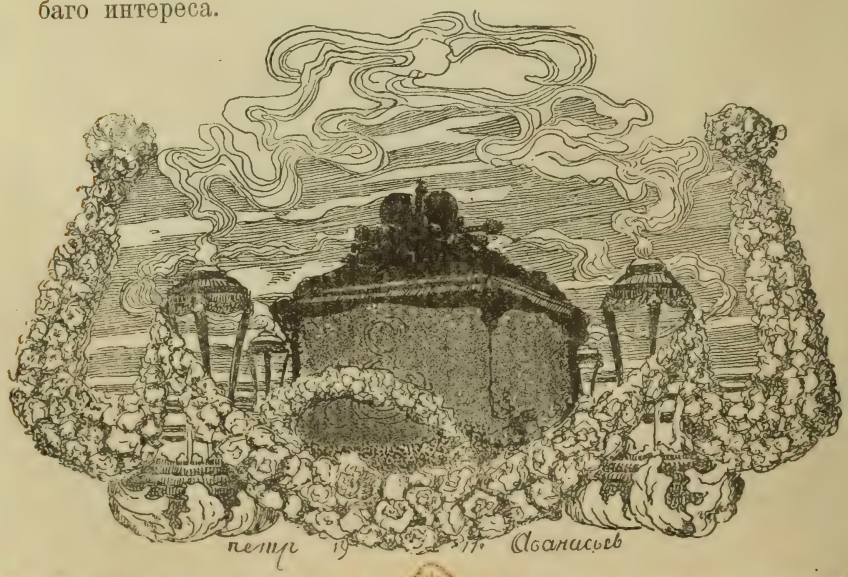
[1]) Ярошъ, *Характеры прошлаго.*

[2]) *"Русская литература"*.

[3]) Пекарскій, *„Исторія Академіи наукъ"*. Сочиненія Ломоносова, изданныя въ 1803 г., ожидаютъ лучшаго изданія. Билярскій собралъ въ 1865 г. матеріалы для его біографіи, представляющіе наилучшій источникъ для справокъ. Пекарскій во второмъ томѣ *„Исторіи Академіи Наукъ"* воспользовался ими для біографическаго очерка.

всей душой великаго прошлаго, въ немъ воплотившагося, и великаго будущаго, имъ возвѣщеннаго. Онъ олицетворяетъ въ себѣ нѣсколько вѣковъ исторіи, гдѣ безъ него царствованіе Елизаветы занимало бы гораздо меньшее мѣсто. Я чуть не забылъ добавить, что онъ былъ также государственнымъ мужемъ, и его трудъ изъ этой области, появившійся въ печати только въ 1819 г., съ выпусками, поражаетъ еще теперь смѣлостью взглядовъ на извѣстные вопросы политическаго и экономическаго порядка, ожидающіе понынѣ своего разрѣшенія.

Я не говорилъ о его трагедіяхъ. Въ этомъ родѣ творчества его превзошелъ Сумароковъ. Однако Сумароковъ не представлялъ бы изъ себя ничего особенно выдающагося, не будь его имя славнымъ образомъ связано съ началомъ русскаго театра. Именно съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ судить всѣхъ представителей эпохи, служившей колыбелью новаго міра. Посредствомъ театра тамъ народилась художественная жизнь, поэтому я долженъ посвятить нѣсколько словъ этому вопросу, не представляющему само по себѣ особаго интереса.



V.

Художественныя начинанія.—Сумароковъ.

Набрасывая картину царствованія Анны Іоанновны [1]) я уже указывалъ на стремленіе франко-итальянскаго элемента вытѣснить нѣмецкій элементъ на придворныхъ представленіяхъ, единственной сценѣ художественной и литературной, имѣвшейся тогда въ Россіи. При Елизаветѣ торжество было достигнуто полное. Итальянская опера съ капельмейстеромъ Аража, обладала уже труппой болѣе многочисленной и первоклассными артистами. Былъ учрежденъ постоянный театръ французской комедіи, и въ 1754 г., во время пребыванія императрицы въ Москвѣ, предпочтеніе общества, явно тяготѣвшее въ эту сторону, рѣшило упраздненіе нѣмецкаго театра, существовавшаго въ древней столицѣ. Играя въ Петербургѣ, французскіе актеры представляли изъ себя въ то время компанію весьма безпокойную и шумную, заставлявшую о себѣ говорить и за предѣлами сцены. Одинъ изъ актеровъ, Морамберъ, имѣлъ связи съ дипломатическимъ міромъ, и его услугами пользовался въ 1757 г. маркизъ Л'Опиталь. Другой, Чуди, сынъ совѣтника изъ департамента Меца, принялъ въ Россіи имя кавалера де Люси и дѣлилъ

[1]) *Царство женщинъ. (К. Валишевскій, полн. собр. сочин. томъ II. Изд. „Сфинксъ" ц. 3 руб.).*

свои досуги между политикой и литературой, состоя поочередно секретаремъ барона Строганова, шпіономъ на жалованьи И. И. Шувалова и редакторомъ „Литературнаго хамелеона“. Съ его личностью мы встрѣчаемся въ исторіи дипломатіи царствованія Елизаветы. Ландэ, въ свою очередь, образовалъ русскій балетъ, вскорѣ возбудившій удивленіе иностранцевъ, посѣщавшихъ Петербургъ, и соперничавшій своими корифеями съ знаменитымъ Фюзани.

Нетрудно объяснить себѣ столь быстрое усвоеніе этого рода искусства. Оно и до настоящаго времени процвѣтаетъ въ Россіи въ несравнимомъ великолѣпіи. Но за его предѣлами, въ области пластики, современная исторія искусства въ Россіи сливается наоборотъ съ именами французскихъ и итальянскихъ художниковъ, въ особенности французскихъ, привлеченныхъ Елизаветой. Петръ Великій набиралъ преимущественно инженеровъ, архитекторовъ, ремесленниковъ; дочь его была поглощена иными заботами и стремленіями, не видя, впрочемъ, въ знаменитостяхъ кисти и рѣзца, какими старалась окружить себя, ничего кромѣ украшенія двора, и не проявляя особыхъ стараній въ этомъ направленіи къ поощренію расцвѣта мѣстныхъ талантовъ. Въ 1756 г. она доставила себѣ удовольствіе заказать свои портреты поочередно кисти француза Токэ и итальянца Ротари, а въ 1758 г. ей удалось привлечь въ Россію Луи-Франсуа Лагренэ, обязавшагося пробыть здѣсь до 1780 г. Чтобы найти ему занятіе и уступая желанію И. И. Шувалова, она содѣйствовала возстановленію Академіи Изящныхъ Искусствъ,—учрежденія, заброшеннаго безъ призора со временъ Петра Великаго. Лагренэ былъ назначенъ директоромъ, а Луи-Жозефъ Ле-Лоррэнъ состоялъ профессоромъ. Но маэстро совершенно не создали русскихъ учениковъ. Петербургскимъ красавицамъ, желавшимъ запечатлѣть свои черты для памяти потомства, при-

ходилось послѣ отъѣзда Токэ обращаться къ кисти Ванлоо, написавшаго вѣроятно по какому-нибудь эскизу или гравюрѣ портретъ, помѣщенный въ началѣ этой книги, такъ какъ мнѣ не извѣстно ничего о посѣщеніи имъ Россіи. Національное искусство прозябало въ школѣ подъ вліяніемъ этихъ чужеземныхъ воздѣйствій, однако таково было могущество общаго движенія, увлекавшаго умы ко всѣмъ видамъ отечественной культуры, что одинъ нѣмецъ, уже раньше упоминавшійся мною, Штелинъ, поселившійся въ Россіи съ 1735 г. и носившій странное званіе „профессора аллегоріи", совершилъ въ это же время, въ данномъ направленіи, дѣло скромнаго, но плодотворнаго почина. Онъ занялся собираніемъ и приведеніемъ въ порядокъ элементовъ художественной оригинальности, всюду имъ разыскиваемыхъ; составилъ коллекцію рѣдкихъ образцовъ народнаго творчества, портретовъ, картинъ и гравюръ, собралъ объемистыя записки для исторіи этихъ темныхъ начинаній [1]). Его усилія не получили надлежащей поддержки. Поощренія и щедроты Елизаветы изливались въ иномъ направленіи. Правда, въ 1743 г. она пожаловала 200 руб. Ивану Вешнякову за свой портретъ, предназначавшійся для Сената; но крупный заказъ этого года, двѣнадцать портретовъ для разсылки русскимъ дипломатическимъ миссіямъ за границей, выпалъ на долю опять таки иностранца, француза Каравака, простого мазилы, по достоинству оплоченнаго—1,200 руб. за дюжину портретовъ. Въ 1747 мы застаемъ Вешнякова, занятаго копированіемъ портрета Екатерины I съ нѣмецкаго оригинала, а среди художниковъ-граверовъ, воспроизводившихъ различные портреты Елизаветы, мы встрѣчаемся также съ однимъ,

---

[1]) Ровинскій, *Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ*.

носившимъ русскую фамилію Иваномъ Соколовымъ. Вотъ и все. Современная исторія русскаго театра болѣе славна.

При окружающихъ условіяхъ единственное объясненіе тому слѣдуетъ искать въ самопроизвольно бьющемъ ключѣ природныхъ силъ, безъ чего становятся совершенно непонятными поразительныя явленія движенія, полнаго неожиданностей. Среди художественныхъ выраженій мысли сценическое изображеніе безусловно наиболѣе доступное. Всѣ мы болѣе или менѣе актеры, По этому совершенно естественно, что стремившееся вылиться наружу художественное чувство народа прежде всего нашло именно такой выходъ. Начало было положено быстро и неожиданно. Въ 1749 г. Сенатъ еще выдалъ привиллегію нѣмцу Гильфердингу на представленіе комедій и оперъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Нарвѣ, Ревелѣ, Ригѣ и Выборгѣ. Признаковъ русскаго театра въ собственномъ смыслѣ слова не имѣлось еще пока ни малѣйшихъ. Русскіе народные спектакли давались въ дни празднествъ въ Петербургѣ и Москвѣ при участіи молодыхъ канцелярскихъ чиновниковъ и не выходили за предѣлы старинныхъ мистерій. Діалоги и драмы воспроизводили на сценѣ картины изъ древней или изъ священной исторіи. Представляли „Мистерію, о рожденіи Іисуса Христа“, но по приказу благочестивой Елизаветы, изображеніе Богородицы было изгнано и замѣнилось иконой, выносившейся на сцену всякій разъ, когда должна была появляться Богоматерь [1]). Высшіе классы относились съ полнѣйшимъ безразличіемъ къ этимъ примитивнымъ зрѣлищамъ, предоставивъ даже самый театръ простонародію, услаждая свои взоры и слухъ исключительно итальянской оперой, французской комедій и балетомъ. Кромѣ того, по

---

[1]) Корвинъ, *Русскій театръ*.

причинамъ политическихъ соображеній, постановка русскихъ спектаклей въ частныхъ домахъ была воспрещена.

Однако уже два года тому назадъ произошло событіе, которому суждено было имѣть значительное вліяніе на будущее народной жизни въ этомъ направленіи. Въ 1747 г. воспитанникъ кадетскаго корпуса, Алексѣй Петровичъ Сумароковъ, поставилъ тамъ русскую трагедію своего сочиненія, „Хоревъ", сюжетъ котораго заимствованъ изъ сказочныхъ преданій старины. Трагедія имѣла блестящій успѣхъ. Ломоносовъ нѣсколько пріучилъ слухъ своихъ соотечественниковъ къ благозвучію національной поэзіи; при дворѣ начали декламировать отрывки изъ Хорева; французская комедія потеряла часть своей привлекательности, а Елизавета, имѣвшая свои личныя побужденія для поощренія спектаклей, происходившихъ въ кадетскомъ корпусѣ, раздѣляла общее увлеченіе. Въ 1750 г. Сумарокову былъ отданъ приказъ выбрать извѣстное количество актеровъ среди воспитанниковъ этого учрежденія и при ихъ участіи наладить правильныя представленія русскихъ трагедій, въ сочиненіи которыхъ Ломоносовъ и Тредьяковскій должны были сотрудничать съ авторомъ „Хорева". Корпусъ превратился въ театръ, и при дворѣ, какъ и въ городѣ, всѣ говорили только александрійскими стихами. Но такимъ образомъ установившіеся спектакли были доступны лишь ограниченному кругу. Указомъ 21-го декабря 1751 г. былъ отмѣненъ приказъ, воспрещавшій домашніе спектакли. Но всетаки это касалось лишь избраннаго общества, а широкой публикѣ приходилось довольствоваться представленіями, дававшимися подъ директорствомъ Гильфердинга, французомъ Саргэ, съ ученой лошадью, приведеной изъ Риги.

Вдругъ въ январѣ 1752 г. въ Петербургѣ разнесся слухъ, что въ Ярославлѣ существуетъ театръ, вмѣщающій

до тысячи зрителей, гдѣ сынъ купца Федоръ Григорьевичъ Волковъ ставитъ пьесы въ стихахъ и въ прозѣ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ природнымъ артистическимъ призваніемъ, пошедшимъ по своему пути безъ всякаго видимаго спеціальнаго дарованія. Волковъ былъ актеромъ столько же, какъ художникомъ. Онъ былъ рожденъ артистомъ. Съ дѣтства рисовалъ, писалъ красками, лѣпилъ. Пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Москвѣ развило въ немъ страсть къ театру, а посѣщеніе петербургской итальянской оперы вскружило голову. Онъ осмотрѣлъ театръ, сдѣлалъ отмѣтки, зарисовалъ планъ и, вернувшись въ Ярославль, ухитрился устроить сцену у себя дома.

Не надо забывать, что то была эпоха, когда во Франціи театроманія и мимоманія захватили все общество. Такія повѣтрія вообще очень заразительны, хотя способъ ихъ распространенія относится къ числу наиболѣе темныхъ явленій духовнаго міра. Никогда не бывшій въ Парижѣ, молодой ярославецъ безусловно чувствовалъ на себѣ вѣяніе представленій, происходившихъ чутъ не ежедневно у принца Конти, герцогини де Виллеруа, герцога де Грамонъ. Весь городъ стремился въ его театръ, такъ что вскорѣ зрителямъ сдѣлалось уже тѣсно и по подпискѣ, собранной между собой, они соорудили болѣе обширную театральную залу, гдѣ Волковъ изображалъ изъ себя архитектора, машиниста, декоратора и главнаго актера. Когда объ этомъ стало извѣстно въ Петербургѣ, мысль побѣды провинціальнаго города надъ столицей показалась нестерпимой, и сенатскимъ указомъ велѣно было артисту, его труппѣ, декораціямъ и костюмамъ прибыть на берега Невы.

Вначалѣ получилось разочарованіе. Ярославскихъ актеровъ пришлось съ азбуки учить ихъ искусству, а Волковъ въ частности усвоилъ себѣ всѣ пріемы вплоть до извѣст-

ныхъ дурныхъ привычекъ итальянскихъ образцовъ, изученныхъ имъ въ оперѣ, примѣненіе которыхъ къ его обычному репертуару давало весьма плачевные результаты. Онъ говорилъ речитативами. Его всетаки оставили и вмѣстѣ съ двумя другими сотоварищами онъ образовалъ ядро новой труппы, наконецъ, выступившей въ 1756 г. въ русскомъ театрѣ, основанномъ въ Петербургѣ. Волковъ игралъ тамъ роли трагическія и комическія съ одинаковымъ успѣхомъ, а одинъ изъ его товарищей, Дмитревскій, былъ отправленъ въ Парижъ и въ Лондонъ для усовершенствованія въ своемъ искусствѣ.

Елизавета простерла свою благосклонность, высказанную къ русскимъ актерамъ, до разрѣшенія носить имъ на боку шпагу,—привиллегія, принадлежавшая въ Россіи, какъ и вездѣ, одному дворянству. Мѣра эта по выраженію указа имѣла въ виду „поднять въ общественномъ мнѣніи ремесло этихъ артистовъ и возбудить въ нихъ духъ благородной гордости“! Не слѣдуетъ забывать, что въ это самое время въ Парижѣ тѣло Адріенны Лекувреръ было брошено безъ погребенія.

Въ 1759 г. въ Москвѣ былъ основанъ другой русскій театръ и побѣдоносно состязался съ знаменитой труппой Локателли, прибывшей туда одновременно, переставъ дѣлать сборы въ Петербургѣ, хотя въ числѣ ея артистовъ находилась красавица пѣвица Мантованина и знаменитый кастратъ Манфредини. Въ 1762 г. Локателли объявилъ себя банкротомъ. Вѣяніе было непреодолимое и самъ Аража сочинялъ музыку на либретто, написанныя Сумароковымъ. Опера „Кефалъ и Прокрида“ возникла именно въ такомъ сотрудничествѣ.

Въ 1760 г. въ новомъ лѣтнемъ дворцѣ, законченномъ въ этомъ году, у Елизаветы была очень хорошенькая зритель-

ная зала для французской комедіи, но по два раза въ недѣлю тамъ давались спектакли русской труппы.

Конечно, было бы ошибочно представлять себѣ такимъ образомъ созданный русскій репертуаръ вполнѣ оригинальнымъ. Въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, главную основу его составляли передѣлки и переводы французскихъ пьесъ. „Скупой“ чередовался съ „Тартюфомъ“ и „Поліэвктъ“ съ „Андромахой“. Весьма плодовитый драматургъ, Сумароковъ, всетаки не успѣвалъ работать на обѣ сцены, и его трагедіи такъ же, какъ комедіи, представляли изъ себя по большей части простыя подражанія, часто весьма грубыя. Примѣромъ тому служитъ его „Гамлетъ“. Такъ какъ вызываніе духовъ не подходило къ мѣстнымъ условіямъ, то тѣнь короля, выведенная Шекспиромъ, была упразднена въ русскомъ воспроизведеніи и замѣнена... кормилицей, дублировавшей собой Офелію. Монологи датскаго принца, черезчуръ тонкіе для пониманія московскихъ слушателей, Сумароковъ нашелъ умѣстнымъ замѣнить тирадами, заимствованными у Вольтера. Тѣмъ не менѣе появленіе въ 1755 г. „Синеуса и Трувора“, трагедіи Сумарокова же было отмѣчено даже въ Парижѣ „Вѣстникомъ Франціи“, какъ литературное событіе, касавшееся драматическаго искусства всѣхъ странъ, а также, какъ произведеніе вдохновенное, ничѣмъ не позаимствовавшееся изъ чужестранныхъ образцовъ. Дѣйствительно, почерпнувъ сюжетъ изъ исторіи Новгородской республики, пьеса изображаетъ событія и лица, съ которыми безусловно не были знакомы ни Корнель, ни Вольтеръ. Однако, нѣкій вѣстникъ несчастья удивительно напоминаетъ Ѳерамена. Посредственный поэтъ, неискусный драматургъ Сумароковъ обнаружилъ необыкновенное умѣніе въ обращеніи съ рекламой, даже въ области международныхъ отношеній.

Но авторъ „Синеуса и Трувора“, сдѣлалъ больше, чѣмъ

подарилъ родинѣ превосходную драму или великолѣпную комедію. Онъ далъ ей сознаніе литературной оригинальности, направивъ народный геній къ стремленію ея обрѣтенія и извлеченія изъ своихъ нѣдръ. Онъ разбудилъ душу народа къ пониманію новаго міра образовъ, мыслей, чувствъ, гдѣ, иногда,—хотя бы и плохо переданное и страшно искаженное,—все же воскресало народное прошлое, захватывая воображеніе толпы и вызывая въ ней желаніе видѣть въ такомъ же художественномъ изображеніи свои современныя переживанія. Сумароковъ также былъ первымъ русскимъ, олицетворившимъ на своей родинѣ подобіе литератора. Кантемиръ былъ дипломатомъ, Тредьяковскій профессоромъ, Ломоносовъ инженеромъ и промышленникомъ. Направивъ русскую сцену, Сумароковъ сдѣлался редакторомъ перваго русскаго литературнаго журнала „*Трудолюбивая пчела*". Онъ заполнялъ его почти одинъ, не только своимъ театромъ, но замѣтками по исторіи, филологіи, и одами, элегіями, эпилогами, сказками, эпиграммами. Когда черезъ годъ *Пчела* прекратила существованіе, онъ перенесъ свою дѣятельность на еженедѣльный сборникъ *Досугъ*, издававшійся въ Кадетскомъ корпусѣ. Сцена поглощала лишь ничтожную часть этой дѣятельности, такой же разнообразной и бьющей черезъ край, какъ у Ломоносова. Отчасти изъ соревнованія съ Ломоносовымъ, отчасти изъ подражанія Вольтеру, Сумароковъ испробовалъ себя во всѣхъ отрасляхъ, и до насъ не дошли всѣ его произведенія въ полномъ составѣ. Изъ народныхъ пѣсенъ, приводившихъ въ восторгъ современную ему молодежь, не сохранилось почти ничего. Онѣ никогда не были изданы. Кромѣ того онъ, кажется, былъ первымъ въ области любовной лирической поэзіи, пріучивъ ею свое поколѣніе къ поэтичному выраженію нѣжныхъ чувствъ.

Общими чертами своего нравственнаго облика Сумароковъ также напоминалъ Ломоносова, однако при большой тонкости дарованія не столь богатаго и при меньшей шероховатости въ характерѣ, носившемъ отпечатокъ происхожденія и круга общенія. Онъ былъ дворяниномъ и поддерживалъ переписку съ Вольтеромъ. Авторъ Кандида не отказался бы отъ нѣкоторыхъ изъ его остротъ, сдѣлавшихся знаменитыми. Напр., услыхавъ у книготорговца требованіе слуги, спрашивавшаго: „Честнаго человѣка и плута“ [1]), онъ ему сказалъ: „Другъ мой, я совѣтую раздѣлить тебѣ свою покупку пополамъ; „Честнаго человѣка“ отнеси къ моему товарищу Евреинову, а „Плута“ къ своему барину. На вопросъ, предложенный въ одномъ собраніи: „Что тяжелѣе, умъ или глупость?“ онъ отвѣчалъ: „Глупость! Вы видите что такой-то ѣздитъ на четверкѣ лошадей, а съ меня достаточно и одной“. Новый складъ ума проглядывалъ въ этихъ остротахъ, такъ-же какъ во всемъ существѣ ихъ автора. Въ его произведеніяхъ и манерахъ сказывалось наступленіе новой культуры, носившей обильный, даже черезчуръ обильный отпечатокъ западнаго вліянія, хотя по прежнему довольно поверхностной, а главное весьма непослѣдовательной. Умъ Сумарокова представлялъ изъ себя хаосъ и сочетаніе противорѣчій. Въ своихъ журнальныхъ статьяхъ ему случалось постоянно выступать съ защитой и опроверженіемъ одного и того-же положенія, а иногда на той же самой страницѣ. Только что покончивъ съ восхваленіемъ дѣла, совершеннаго Петромъ, онъ, не переводя духа, переходилъ къ восторженному описанію стариннаго уклада. Называлъ Александра величайшимъ изъ людей и тутъ же сравнивалъ его съ Катилиной, выражая увѣренность, что лишь успѣхомъ

---

[1]) Комедія Фарэ, переведенная съ французскаго въ 1762 г.

обусловливается различіе въ ихъ судьбѣ. Но литературная журналистика, гдѣ онъ предавался подобнымъ разглагольствованіямъ, не знаменуетъ ли сама по себѣ, своимъ расцвѣтомъ, совпавшимъ съ послѣдними годами царствованія Елизаветы, доказательство значительнаго прогресса? Въ мірѣ умственномъ, какъ въ мірѣ физическомъ, съ періодами образованія неразрывна непослѣдовательность. Отъ Ломоносова до Сумарокова существуетъ неоспоримый прогрессъ, отмѣченный, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ новой ролью, отведенной иноземнымъ элементамъ: они уже не наслаивались, какъ раньше, на природное основаніе, но начавшими проникать въ глубь его, развивая задатки новой жизни. Переживаніе, полное трудностей и опасностей, ввергшее вслѣдъ за тѣмъ русскую литературу въ періодъ рабскаго подражанія, однако, закончившееся, по минованіи всевозможныхъ рифовъ, усвоеніемъ и выработкой, въ болѣе независимой сложности, формъ и мыслей, составляющихъ общее достояніе цивилизованныхъ народовъ.

Съ послѣдней точки зрѣнія царствованіе Елизаветы возвѣстило и подготовило царствованіе Екатерины II, придавъ во всякомъ случаѣ народному уму направленіе, болѣе соотвѣтствующее его генію и традиціямъ.

При свѣтѣ фактовъ, наскоро мною перечисленныхъ на предыдущихъ страницахъ, хотя быть можетъ и утомившихъ вниманіе читателя, дѣло свершившееся во внутренней жизни подъ покровительствомъ дочери Петра Великаго, принимаетъ видъ первостепенной важности. Я указалъ прежде всего здѣсь, въ области политики, рѣшительный возвратъ къ принципамъ преобразованія, въ особенности съ точки зрѣнія сношеній съ внѣшнимъ міромъ и использованія содѣйствія, отсюда проистекавшаго. Не осталось больше нѣмцевъ во главѣ административной іерархіи. Даже для замѣ-

щенія низшихъ должностей, когда предлагали иностранца, Елизавета никогда не упускала случая спросить: „А нѣтъ ли у насъ на это мѣсто русскаго?“ Такая предвзятость влекла за собой временныя неудобства, но въ концѣ концевъ выдвинула государственныхъ мужей и полководцевъ, создавшихъ славу и силу будущаго царствованія,

Въ области экономической, упраздненіемъ внутреннихъ пошлинъ, созданіемъ кредитныхъ банковъ, поощреніемъ къ разработкѣ рудниковъ, развитіемъ торговли съ Азіей, производительныя силы и богатство страны достигли въ теченіе этого царствованія значительнаго успѣха.

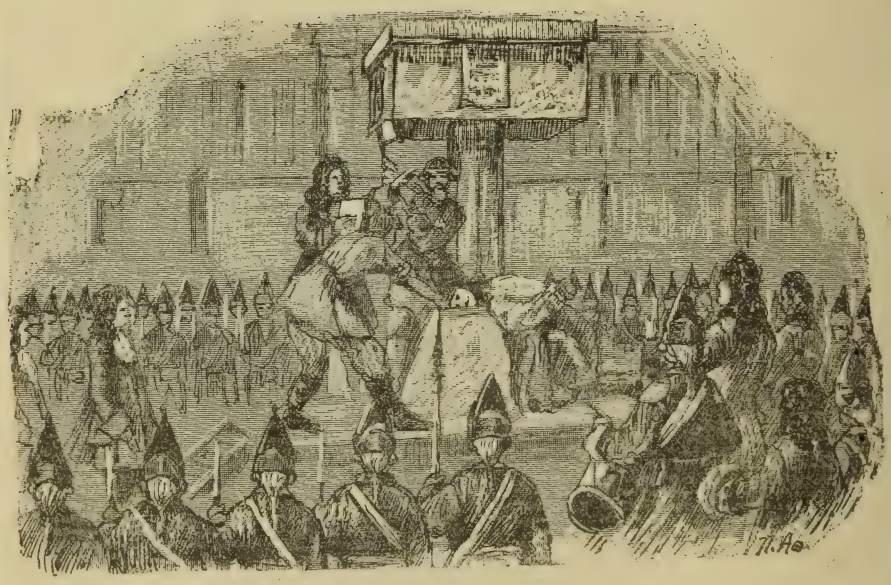
Заселеніе юго-восточныхъ степей, предпринятое при содѣйствіи славянъ, привлеченныхъ изъ заграницы, вопросъ относительно монастырскихъ имуществъ, разсматриваемый въ духѣ, согласномъ съ видами Петра, и его разрѣшеніе, подготовившееся въ тѣсной связи съ возникновеніемъ мірскихъ благотворительныхъ учрежденій, проложили въ двухъ различныхъ направленіяхъ новые пути, далеко еще не пройденные до конца современной Россіей,

Основаніемъ Московскаго университета, организаціей средняго образованія и созданіемъ народнаго театра, въ особенности геніемъ Ломоносова, о которомъ Пушкинъ имѣлъ полное право сказать, „что онъ одинъ былъ первымъ русскимъ университетомъ“, царствованіе это заставило сдѣлать народъ Петра Великаго новый богатырскій шагъ и, не превзойдя своихъ западныхъ соперниковъ, — какъ увѣряли въ скоромъ времени Екатерину западные царедворцы и мѣстные льстецы, такъ же неудачно повторявшіе эти слова столѣтіе спустя,—даже еще съ ними не сравнявшись, этотъ народъ получилъ возможность въ наше время завязать съ сосѣдями плодотворное сношеніе умственнаго и нравственнаго обмѣна.

Наконецъ, въ заключеніе, — царствованіе это подготовило дворъ и общество послѣдующей эпохи, съ ихъ блестящей внѣшностью, но также и пороками, выставленіемъ на показъ въ верхнихъ слояхъ всевозможной роскоши, утонченности и разгула, и сохраненіемъ внизу зіяющей раны крѣпостного права, еще болѣе раскрывшейся и гноившейся. Но періоды быстраго образованія и роста неразлучны съ такими прискорбными заблужденіями. И они бываютъ лишь временными.

Часть вторая.

ИСТОРІЯ ВНѢШНЯЯ.



ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Конецъ Шведской войны.—Романъ маркиза де ла Шетарди.

I Елизавета и европейская дипломатія.—Война изъ-за австрійскаго наслѣдства.—Безпокойство относительно роли, какую пожелаетъ въ ней играть Россія.—С.-Петербургскій дипломатическій корпусъ.—Маркизъ де ла Шетарди.—Его первое свиданіе съ новой императрицей.—Война между Россіей и Швеціей.—Вмѣшательство французскаго дипломата.—Прекращеніе военныхъ дѣйствій.—Протесты Фридриха II.—Успѣхи де ла Шетарди.—Путешествіе въ Москву.—Перемѣна отношеній.—Ея причина.—Елизавета и ея министры.—Бестужевъ.—Призывъ къ чувствамъ императрицы.—II. Романъ де ла Шетарди.—Борьба съ министромъ и нѣжныя отношенія съ государыней.—Любовныя свиданія.—Въ „опочивальнѣ".—Путешествіе на богомолье въ Троицу.—Торжество любви.—Политическое разочарованіе.—Отъѣздъ.—III. Между Версалемъ и Москвой.—Де ла Шетарди въ Берлинѣ.—Обманутыя ожиданія.—Возобновленіе англійскаго вліянія въ Россіи.—Англо-русскій договоръ.—Проектъ женитьбы герцога Голштинскаго на французской принцессѣ.—Неудача.—Преимущества, пріобрѣтенныя Пруссіей.—Де ла Шетарди во Франціи.—Лестокъ приглашаетъ его вернуться въ Россію.—Требованіе, предъявленное Елизаветѣ.—Она должна предвари-

тельно перемѣнить своихъ министровъ.—„Они или я“.—Отказъ.—IV. Миръ въ Або.—Пораженія, понесенныя шведами.—Безсиліе Франціи.—Договоръ, продиктованный Россіей.—Политика сдержанности.—Событіе, заставившее отъ нея отказаться.—V. Дѣло Ботты.—Австрійская дипломатія въ Россіи.—Ея успѣхи и обратная сторона медали.—Ложный заговоръ.—Лестокъ предполагаетъ имъ воспользоваться, чтобы свергнуть Бестужева.—Австрійскій посланникъ скомпрометированъ.—Арестъ Бсетужевой.—Приговоры и казни.—Новое розочарованіе.—Бестужевы выходятъ изъ приключенія невредимыми. — Де ла Шетарди всетаки находитъ случай удобный для ихъ низверженія.—Отъѣздъ его рѣшенъ.—Полученныя имъ инструкціи.—Окончательный планъ.—Рискованное приключеніе.—VI. Возвращеніе въ Россію.—Опасное путешествіе.—Первое свиданіе съ Елизаветой.—Портретъ короля.—Вопросъ объ императорскомъ титулѣ.—Французскій дипломатъ не занимаетъ офиціальнаго положенія.—Завѣдующій дѣлами д'Алльонъ.—Его отношенія къ де ла Шетарди.—Крупная ссора.—Елизавета шутитъ по этому поводу.—Пучекъ розогъ.—Де ла Шетарди и Мардефельдъ.—Прусская дипломатія.—Прибытіе въ Россію принцессы Цербтской съ дочерью.—Заключеніе союза.—Двойная игра Фридриха.—Путешествіе въ Москву.—Новый соперникъ.—Лордъ Тироули.—Соглашеніе между англійскимъ дипломатомъ и Бестужевымъ. — „Мина“.—Ничтожество роли французскаго посланника.—Министры отказываются вступать съ нимъ въ сношенія.—Обманчивая привѣтливость Елизаветы.—Опасное положеніе.—Послѣдняя надежда Лестока.—Пораженія лекаря.—Мина взрывается.—VII. Катастрофа.—Перехваченная переписка.—Слова де ла Шетарди, оскорбительныя для Елизаветы.—Гнѣвъ императрицы.—Бестужевъ ей предлагаетъ разстаться съ дипломатомъ.—Колебаніе.—Вмѣшательство Тироули.—Отъѣздъ императрицы въ Тройцу.—Оцѣпленіе дома де ла Шетарди.—Приказаніе уѣхать въ двадцать четыре часа.—Возвращеніе во Францію.—Конецъ карьеры.

Задача, мнѣ здѣсь предстоящая въ значительной степени облегчается, въ извѣстномъ смыслѣ, обстоятельными и весьма цѣнными трудами, отчасти даже иностранными, касающимися политической исторіи этой эпохи, съ точки зрѣнія внѣшнихъ сношеній Россіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она и усложняется существованіемъ такихъ болѣе раннихъ изслѣ-

дованій. Мнѣ приходится предполагать ихъ извѣстными читающей публики, и въ тоже время у меня нѣтъ въ томъ полной увѣренности. Съ другой стороны мнѣ пришлось отмѣтить въ трудахъ моихъ предшественниковъ нѣкоторыя неясности, пропуски, даже неточности, приводящія по моему мнѣнію въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ положительному искаженію исторической истины. Прошу снисхожденія къ своей скромной попыткѣ къ ея возстановленію и смѣю увѣрить всѣхъ, чьи убѣжденія или сужденія придется мнѣ опровергать, что ни въ какомъ случаѣ моимъ намѣреніемъ не руководило чувство засносчиваго неуваженія. Не считая свое слово послѣднимъ, я точно такъ-же далекъ отъ непризнанія цѣнности предшествующихъ изслѣдованій, предоставившихъ мнѣ возможность приступить къ своему труду. Послѣ меня наступитъ чередъ другихъ, кому удастся еще глубже проникнуть въ истину и придется въ свою очередь пересматривать и сдѣланныя мною открытія, и выведенныя отсюда заключенія, извлекая также, надѣюсь, пользу изъ моей лепты участія, внесеннаго въ общій трудъ.

I.

Елизавета и европейская дипломатія.

Конечно, мнѣ нечего напоминать читателямъ о положеніи Европы при воцареніи Елизаветы. Улаженіе вопроса объ австрійскомъ наслѣдствѣ и грубое нападеніе Фридриха, обрушившееся на наслѣдницу Карла VI, продолжало держать во враждебныхъ отношеніяхъ западныя державы, раздѣлившіяся на два лагеря: Австрію и Англію съ одной стороны, Францію и Пруссію съ другой. Кромѣ того, чтобы предупредить вмѣшательство Россіи въ пользу Австріи, ея союзницы, Франція и Пруссія, дѣйствуя сообща, постарались возбудить противъ Россіи Швецію. И враждебныя дѣйствія начались въ самый разгаръ зимы, причемъ шведской арміей было

выставлено, какъ предлогъ, возвращеніе правъ Елизаветѣ на наслѣдіе Петра Великаго. Новая война изъ за престолонаслѣдія, присоединившаяся къ первой. Положитъ ли конецъ безусловной войнѣ захватъ власти, совершенный цесаревной безъ помощи этихъ иностранныхъ покровителей, терпѣвшихъ, впрочемъ, только пораженія?—Вотъ вопросъ, волновавшій петербургскій дипломатическій корпусъ послѣ ноябрьскаго переворота 1741 г., пока вокругъ него не сплотились тревоги и надежды всѣхъ европейскихъ канцелярій отъ Берлина до Лондона. И вопросъ этотъ усложнялся многими другими. Австрійскій союзъ, которому предшественница Елизаветы, Анна Леопольдовна, оказывала явное предпочтеніе, былъ не единственнымъ, завѣщаннымъ послѣдней теткѣ. Договоры, удивительно непредусмотрительно заключенные, связывали также Россію съ Англіей и Пруссіей, теоретически заставляя ее разрываться между обоими существующими лагерями. Какому выбору послѣдуетъ Елизавета среди такихъ противорѣчивыхъ обязательствъ? А, сдѣлавъ выборъ, рѣшится ли она его поддержать силой оружія?

Отвѣтъ долгое время не выяснялся. Среди радостей и заботъ торжества, нетрудно себѣ представить, что Императрица нѣсколько дней оставалась недоступной подобному любопытству. Представители дипломатическаго корпуса, захваченные въ расплохъ ноябрьскимъ происшествіемъ, почти всѣ подозрѣваемые въ болѣе или менѣе явно выраженномъ тяготѣніи къ предшествующему царствованію, принуждены были ограничиваться проявленіями простой учтивости, выдававшими ихъ смущеніе и безпокойство. Лишь одинъ изъ нихъ чувствовалъ себя хорошо. Маркизъ де Ла Шетарди конечно долженъ былъ извлечь всю пользу изъ исключительнаго положенія, создавшагося для него благодаря давнившимъ отношеніямъ къ Елизаветѣ. И онъ спѣшилъ не

упустить благопріятнаго случая. Тоже озабоченный ролью, сдѣлавшейся для него роковой, уже увлекаемый честолюбивой мыслью объ извѣстныхъ личныхъ успѣхахъ, обезпечивавшихъ, какъ ему казалось, осуществленіе политическихъ комбинацій широкаго размаха, онъ поспѣшилъ отбросить свой дипломатическій характеръ, чтобы устранить препятствія, мѣшавшія его коллегамъ. Ссылаясь на необходимость новой вѣрительной грамоты, уполномочившей бы его передъ новой государыней, онъ испросилъ себѣ милость быть ею принятымъ „какъ простой придворный".

По происхожденію итальянецъ, Іоакимъ-Жакъ Тротти, маркизъ де Ла Шетарди былъ дипломатомъ съ блестящей карьерой. Въ тридцать пять лѣтъ, онъ уже насчитывалъ десять лѣтъ службы въ Берлинѣ. Послѣ себя, по правдѣ говоря, онъ оставилъ только репутацію человѣка остроумнаго и хозяина дома, отличавшагося роскошью. „Маркизъ пріѣзжаетъ на будущей недѣлѣ, мы получимъ конфетку", писалъ Фридрихъ, радуясь прибытію этого гостя среди рейнебергскаго уединенія. Но то былъ Фридрихъ до 1740 г. принцъ-философъ, другъ Вольтера. Поэтому роль, предназначенная этому представителю Франціи, при отправленіи его въ Россію, имѣла больше значеніе пышной внѣшности, чѣмъ дѣйствительной политической важности. Версальскій дворъ все еще придерживался желанія имѣть на берегахъ Невы блестящее представительство, съ точки зрѣнія почти исключительно декоративной. И маркизъ прекрасно выполнилъ свое назначеніе, захвативъ съ собой двѣнадцать аташэ, шесть духовниковъ, пятьдесятъ человѣкъ слугъ, и знаменитаго артиста кулинарнаго искусства, Баридо, пользовавшагося европейской извѣстностью, личная роль котораго въ Россіи не ограничилась посвященіемъ ея жителей въ изощренныя тонкости соусовъ. Нѣкоторое время онъ былъ

руководителемъ изящества въ области гострономіи и исполнялъ даже порученія двора, поставляя различные предметы, сюда относившіеся въ родѣ напр., искусственныхъ цвѣтовъ, употреблявшихся тогда для украшенія столовъ. Говорятъ, онъ нажилъ на этомъ дѣлѣ значительное состояніе [1]). Въ то же время погребъ его хозяина произвелъ также революцію въ Петербургѣ, щелкнувъ пробками своихъ пятидесяти тысячъ бутылокъ шампанскаго и замѣнивъ веселымъ виномъ Франціи венгерское вино, до сихъ поръ служившее для тостовъ. Не относитесь пренебрежительно къ этимъ подробностямъ; они занимаютъ въ исторіи народовъ болѣе мѣста, чѣмъ то принято обыкновенно думать.

Въ событіяхъ, предшествовавшихъ государственному перевороту, возложившему на голову Елизаветы корону, маркизъ оставался вѣрнымъ своей миссіи, поставленной въ такія рамки. И послѣ нѣсколькихъ попытокъ вовлечь его въ затѣвавшееся предпріятіе, цесаревна примирилась съ такой сдержанностью. Она совершила переворотъ безъ него, но дѣлая видъ, что ему принадлежала въ немъ значительная доля участія [2]). Елизавета считала, что онъ не любитъ рискованныхъ приключеній. Но она ошибалась. Подъ внѣшностью живой или пышной, которую версальская школа внушала своимъ ученикамъ, Шетарди, какъ многіе другіе, таилъ думу романическую и мечтательную, способную при случаѣ прорваться. У него было съ кого позаимствоваться примѣромъ. Мать его, m-lle де Монталэ-Виллебрейль, изъ древней, но бѣдной семьи Лангедока, долгое время считалась одной изъ величайшихъ авантюристокъ своей эпохи. „Писаная красавица“ по свидѣтельству Сенъ-Симона „вы-

---

1) Карповичъ. *Историческіе разсказы.*

2) См. *Царство женщинъ, Собран. сочин. К. Валишевскаго т. II. Ц. 3 р. Изданіе „Сфинксъ“.*

сокаго роста, очень красивая, не обладавшая умомъ, но очень изящная, пользовавшаяся незавидной славой, большая мотовка и очень надменная“, она доставляла обильную пищу современной скандальной хроникѣ. Выйдя въ 1703 г. замужъ за маркиза де Ла Шетарди, оставившаго ее вдовой въ 1705 г. беременной сыномъ—будущимъ посланникомъ—затѣмъ—вторымъ бракомъ за баварскаго дворянина, графа де Монастероль, она блистала среди женщинъ, бывшихъ въ модѣ въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV до тѣхъ поръ, пока ея второй супругъ, поразивъ Версаль и Мюнхенъ своей безпорядочностью, разорившись, не застрѣлился [1]). Г-жа де Монастероль очутилась въ бѣдности и дошла до элегантнаго попрошайничества, стучась во всѣ двери, обращаясь къ великодушію даже польскаго короля, которому, въ благодарность за ожидаемую денежную помощь, обѣщала всегда носить въ воспоминаніе о немъ браслетъ—просимый по тому-же случаю [2]). Очевидно у нея не было недостатка въ воображеніи. Сынъ обладалъ имъ въ широкихъ размѣрахъ. Но у него былъ узкій умъ, одинъ изъ умовъ, предрасположенныхъ къ навязчивымъ мыслямъ, не вмѣщая ихъ по нѣсколько заразъ.

Въ программу Елизаветы входило открытое изъявленіе этому посланнику Людовика XV чувства благодарности, имъ незаслуженной и довѣрія, далеко имъ не внушаемаго. Въ первый день своего восшествія на престолъ она посылала къ нему, какъ намъ извѣстно, шесть посланцевъ одного за другимъ. Однако то не была простая демонстрація. Второй передалъ маркизу просьбу принять мѣры къ прекращенію военныхъ дѣйствій Швеціи. Онъ исполнилъ ее, послѣ нѣко-

---

[1]) Сенъ Симонъ, *Мемуары*.

[2]) Пекарскій, *Маркизъ де ла Шетарди въ Россіи*.

тораго колебанія, отправивъ къ главнокомандующему курьера, и Елизавета продолжала забрасывать его записками, не вызванными никакой видимой необходимостью. Онъ ничего не понялъ изъ этихъ хитростей, и у воображенія его сразу отросли крылья. Оно унеслось въ волшебныя страны, гдѣ, королевы выходятъ замужъ за пастуховъ, гдѣ рыцари покоряютъ государства мадригалами. Но что-же? Развѣ дѣйствительность не была близкой къ мечтѣ въ Россіи, и Биронъ не былъ регентомъ послѣ Меншикова? Безъ сомнѣнія такъ думалъ Ла Шетарди, и когда вечеромъ этого знаменательнаго дня отправился къ царицѣ, то находился въ приподнято романическомъ настроеніи.

Онъ засталъ ее „въ вихрѣ"—повторяю слова, какими онъ самъ передавалъ свое впечатлѣніе,—„взволнованную, возбужденную, безудержно разговорчивую.

— Что скажутъ теперь мои добрые друзья англичане? — воскликнула она при видѣ его.—Какъ-то исполнятъ они свою гарантію, данную сыну герцога Брауншвейгскаго.

Такъ называла она маленькаго свергнутаго императора. И сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ:

— Еще одного человѣка мнѣ было бы любопытно увидать: Ботту. Мнѣ думается, онъ чувствуетъ себя немного смущеннымъ. Однако, онъ ошибается, потому что я вполнѣ готова дать ему тридцать тысячъ человѣкъ.

Здѣсь было отчего маркизу сразу очнуться отъ своихъ воздушныхъ замковъ. Развѣ не разрѣшала Елизавета однимъ словомъ задачу своей будущей политики и, въ видѣ привѣтствія, не возвѣщала представителю Франціи, что собирается отослать тридцатитысячную армію на берега Рейна, чтобы тамъ сразиться съ войсками Всехристіанѣйшаго короля? Ботта, какъ извѣстно, представлялъ въ Петербургѣ Марію-Терезію. Но молодой дипломатъ уже потерялъ чувство дѣй-

ствительности. Говоря такимъ образомъ, дочь Петра Великаго улыбалась, и онъ видѣлъ только ея улыбку. Безъ сомнѣнія она сама не отдавала себѣ вполнѣ отчета въ своихъ словахъ. Въ опьянѣніи новой властью, въ непреодолимомъ желаніи ею блеснуть, насладиться и позабавиться, она обращалась съ союзами и арміями, какъ съ игрушками. Безусловно она не испытывала въ эту минуту ни малѣйшей нѣжности къ Маріи-Терезіи. Связи вѣнскаго двора съ брауншвейгскимъ домомъ, могло лишь возбуждать подозрѣнія. Наконецъ, Ла Шетарди пришлось вскорѣ убѣдиться на самомъ себѣ, что хотя дочь Петра Великаго и вступила на царство со вчерашняго дня, но еще далеко не управляетъ имъ. Однако такія рѣчи должны были бы заставить его насторожиться. Онъ предпочелъ не придавать имъ значенія. Елизавета опять заговорила съ нимъ про Швецію, и онъ выразилъ полную готовность служить ея намѣреніямъ. Въ слѣдующіе дни, видя, что главнокомандующій шведской арміей, Левенгауптъ, колеблется исполнить приказаніе, данное ему посланникомъ, къ нему былъ посланъ второй курьеръ. Маркизъ бралъ все „на себя“ и проводилъ аргументы самые доказательные, чтобы убѣдить въ необходимости немедленнаго прекращенія враждебныхъ дѣйствій. „Швецію ждетъ неминуемое пораженіе“ Левенгауптъ ничего не понималъ. „Вы меня увѣряли какъ разъ въ обратномъ недѣлю тому назадъ“, возражалъ онъ. „Выждали, что въ Россіи нѣтъ ни людей, ни денегъ!“ „Обстоятельства измѣнились“, отвѣчалъ маркизъ и разсказывалъ басню о воображаемыхъ сокровищахъ, найденныхъ Елизаветой въ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ Юліи Менгденъ! Наконецъ ему удалось уговорить шведа и онъ воображалъ, что вызоветъ также всеобщее удивленіе, убѣдивъ Елизавету написать Людовику XV, прося его посредничества для окончанія этой войны. Продолжая

улыбаться, кокетливая государыня поставила только одно условіе, а именно: желаніе получить портретъ короля; „единственнаго государя, къ которому съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнитъ, она всегда чувствовала влеченіе [1])“.

Комплиментъ былъ очень тонкій и полный обѣщаній, а между тѣмъ тотъ, кому онъ предназначался, отказался оцѣнить всю его прелесть. Какъ разъ въ это же время получилось въ Версалѣ извѣстіе о перемиріи, предложенномъ Швеціи, и потрясающемъ впечатлѣніи, произведенномъ этимъ событіемъ въ Берлинѣ. Какъ извѣстно, воинственное вмѣшательство Швеціи находилось среди условій, потребованныхъ прусскимъ королемъ для союза съ Франціей. Дѣйствительно союзъ этотъ висѣлъ на волоскѣ. Въ октябрѣ 1741 г., продолжая расточать передъ версальскимъ дворомъ увѣренія въ неизмѣнной дружбѣ, Фридрихъ имѣлъ свиданіе въ Клейнъ-Шнеллендорфѣ съ австрійскимъ маршаломъ Нейпергомъ и пришелъ съ нимъ къ соглашенію относительно основныхъ пунктовъ примиренія, прекратившаго бы его вражду съ Австріей. Затѣмъ долженъ былъ послѣдовать офиціальный договоръ. Но какъ я уже указывалъ воцареніе Елизаветы, увеличившее опасность разрыва съ Россіей, и взятіе Праги (26 ноября 1751 г.), склонившей счастье на сторону французскаго оружія, измѣнили намѣренья непостояннаго монарха. Онъ уже не такъ опасался австрійцевъ и снова почувствовалъ дружбу къ соотечественникамъ Вольтера [2]). Но онъ желалъ также использовать всѣ преимущества, какія могла представить преданность общему дѣлу, внезапно возродившаяся, благодаря такимъ неожиданнымъ обстоятельствамъ. Между тѣмъ изъ Петербурга Мардефельдъ

---

[1]) Ст. „*Царство женщинъ.*“ *Собр, сочин. К. Валишевского т. II.* и Вандаль, *Елизавета и Людовикъ XV. Изд. „Сфинксъ“.*

[2]) Le duc de Broglie, „Frédéric II et Marie-Therese“ т. II стр. 133—118.

ему присылалъ увѣдомленія, совершенно противоположныя тѣмъ, которыми маркизъ де-Ла Шетардъ принудилъ Левенгаупта вложить шпагу въ ножны. По словамъ прусскаго посланника русская гвардія выражала окончательное нежеланіе сражаться со шведами и разсчитывала, что воцареніе Елизаветы избавитъ ее отъ подобнаго испытанія. Она находилась подъ гнетомъ „паническаго страха“ и каждую минуту готова была взбунтоваться, еслибы все-таки вздумала ее двинуть въ походъ. Передавалъ случай съ солдатомъ, совершившимъ убійство и воскликнувшимъ, когда его задержали: „Лучше умереть здѣсь, чѣмъ быть убитымъ тамъ“ [1]).

Между этими двумя источниками свѣдѣній у Фридриха не могло быть колебаній. Его представленія о дѣйствительномъ могуществѣ Россіи были весьма смутными. Въ первой редакціи „Исторіи моего времени“, послѣдовавшей вскорѣ за его восшествіемъ на престолъ, въ соображеніяхъ о современномъ положеніи дипломатическаго корпуса Европы, относящимся къ 1738 г., размѣщая державы сообразно степени ихъ важности, онъ положительно не зналъ, куда помѣстить Россію и вышелъ изъ затрудненія, совершенно выпустивъ ее.[2]) Но умолчаніе съ его стороны въ такомъ вопросѣ граничило съ пренебреженіемъ. И именно на этомъ послѣднемъ чувствѣ онъ остановился, наконецъ, послѣ многихъ превратностей въ своихъ сношеніяхъ съ „медѣжатниками“. Пока еще онъ до этого не дошелъ и считалъ весьма полезной шведскую „диверсію,“ обезпечивавшую ему спокойствіе съ этой стороны, выражалъ склонность вѣрить донесеніямъ, по-

---

1) Мардефельдъ Королю, 13 сентября 1741 г, Берлинскій Архивъ.

2) См. по этому поводу Lavisse, Le grand Frédéric avant l'avénement.

видимому, обѣщавшимъ, подобно Мардефельду. легкій успѣхъ войскамъ Левенгаупта и воспользовался этимъ, чтобы представитъ въ Версалѣ поведеніе де Ла Шетарди, какъ идущее совершенно въ разрѣзъ съ общими интересами.

Людовикъ XV и его совѣтники оказались въ весьма щекотливомъ положеніи. Отказать въ посредничествѣ, предложенномъ Елизаветой, было весьма важнымъ шагомъ; но одобрить политику, забракованную Фридрихомъ, было дѣломъ опаснымъ. Они остановились на двуличности: государственный секретарь Амело отправилъ маркизу депешу, содержавшую формальное неодобреніе, а король написалъ Елизаветѣ весьма любезное письмо, принимая ея предложеніе. Слѣдствіемъ такой переписки явился, конечно, обмѣнъ мнѣній относительно условій мира, доставившій подобіе успѣха версальскому двору, и его представитель въ Петербургѣ воспользовался такой видимостью тѣмъ болѣе широко, что отношеніе къ нему Елизаветы оставалось полнымъ предупредительности, даже уваженія: „Де Ла Шетарди,“ писалъ въ это время англійскій посланникъ Финчъ,—повидимому главный совѣтчикъ, первый министръ, и во всѣхъ отношеніяхъ герцогъ Курляндскій прошлаго царствованія. Финчъ и его коллеги отмѣчали съ понятной досадой, что, измѣнивъ ихъ обществу на офиціальныхъ пріемахъ дипломатическаго корпуса, французъ имѣлъ „свободный доступъ“ ко двору. Въ то же время разнесся слухъ о предполагаемомъ бракѣ, предназначенномъ закрѣпить такую нараждающуюся близость между дворами Россіи и Франціи.

Мардефельдъ разузналъ о портретѣ принца де Конти „красиваго, какъ ангелъ,“ который Ла Шетарди хранилъ у себя въ табакеркѣ и часто показывалъ Елизаветѣ, имъ любовавшейся, а Финчъ будто бы слышалъ, что государыня весьма склонная, по его мнѣнію, повиноваться голосу серд-

ца, а не требованіямъ государственныхъ интересовъ, уже выразила желаніе видѣтъ оригиналъ, Даже гвардія сюда вмѣшалась и, саксонскій агентъ Пецольдъ описывалъ толпу солдатъ, явившихся по случаю новаго года принести свои поздравленія французскому посланнику, „цѣлуя его въ руки и въ лицо“ и умолявшихъ выписать изъ заграницы уже не принца, а принцессу. Принявъ православіе, она вышла бы замужъ за герцога Голштинскаго [1]) Наконецъ положительно враждебный ранѣе франнузскому вліянію и убѣжденный сторонникъ Австріи съ самаго начала Бестужевъ смягчился, сдѣлался болѣе податливымъ и, немного поупрямившись, принялъ вознагражденіе въ пятнадцать тысячъ ливровъ, предложенное счастливымъ маркизомъ де Ла Шетарди.

Продолжая сохранять въ глубинѣ сердца недовѣріе къ представителю двора, самаго пронырливаго на всей вселенной[2]), даже посланникъ Фридриха казался ослѣпленнымъ такой большой удачей. Онъ открыто ссылался на свое званіе представителя союзнаго двора, выражалъ намѣреніе работать заодно, чтобы помѣшать ратификаціи англо-русскаго договора, заключеннаго въ послѣднее царствованіе, и тщеславно наслаждаясь обществомъ самаго любезнаго изъ французовъ, распивая его шампанское, съ искренностью менѣе подозрительной доводилъ выраженіе къ нему своего расположенія до такой степени, что заслужилъ у своихъ недоброжелательныхъ коллегъ прозваніе „пажа“ французскаго посланника[3]).

Среди такихъ блестящихъ перспективъ, въ мартѣ 1742 г. маркизъ послѣдовалъ за Елизаветой въ Москву, гдѣ предстояло ея коронованіе. Неожиданно, сейчасъ же по прибы-

---

[1]) Мардефельдъ королю 31-го дек. 1741 г.

[2]) Мардефельдъ королю 10-го и 20-го фев. 1742 г.

[3]) Сборникъ.

тіи въ древнюю столицу, столь ясный горизонтъ затуманился и затянулся тучами. Прежде всего Бестужевъ, передумавъ, объявилъ, что не можетъ принять вознагражденія— имъ совершенно незаслуженнаго. И точно это было слѣдствіемъ лозунга, полученнаго свыше, ла Шетарди показалось одну минуту, будто сама императрица его избѣгаетъ. Подъ предлогами самыми невѣроятными, „какъ сборы въ баню," или примѣрка платья, она уклонялась отъ тщетно просимаго имъ свиданія. Вскорѣ „свободный доступъ," недавно возбуждавшій столь сильную зависть, въ дѣйствительности прекратился для посланника. Онъ спрашивалъ себя въ недоумѣніи, откуда произошла такая перемѣна, и что она могла означать, когда вице-канцлеръ ему объявилъ, что предполагается немедленно возобновить враждебныя дѣйствія противъ Швеціи. И дѣйствительно, послѣ простого предупрежденія, посланнаго русскимъ главнокомандующимъ шведскому, казаки вторглись въ непріятельскую территорію, всюду производя ужасныя опустошенія, между тѣмъ какъ ошеломленные растерявшіеся солдаты Левенгаупта оказывались положительно не въ состояніи дать отпоръ такому непредвидѣнному нападенію.

Нетрудно себѣ представить впечатлѣніе, произведенное въ Версалѣ извѣстіемъ о такомъ оскорбленіи, нанесенномъ международному праву, и роль посредника, принятую королемъ. Что же получилось, когда узналъ, что предупрежденный о событіи болѣе чѣмъ за недѣлю до его совершенія, маркизъ не потрудился сообщить о томъ шведскому генералу? О чемъ онъ думалъ? Что дѣлалъ въ Москвѣ? Закиданный вопросами, осыпанный упреками, ла Шетарди сумѣлъ найти только одно жалкое оправданіе: „Бестужевъ его увѣрялъ, что возобновленіе враждебныхъ дѣйствій не помѣшаетъ продолженію переговоровъ подъ покровительствомъ

Франціи". Въ дѣйствительности, поглощенный своей мечтой и погружаясь въ нее все далѣе въ преслѣдованіи химерической побѣды, именно въ то время, когда она, повидимому, отъ него ускользала, отважный дипломатъ иногда совершенно забывалъ, что на свѣтѣ существуютъ шведы.

Остается найти объясненіе внезапной перемѣны, поставившей его въ столь неловкое положеніе. Отгадка не трудна. Политика версальскаго двора той эпохи вообще далеко не пользовалась безупречной репутаціей. Иногда мнѣ приходится его защищать отъ обвиненій необоснованныхъ имъ и преувеличенныхъ. Но только не въ данномъ случаѣ. Въ эту минуту она безспорно вела игру, достойную неблагопріятной оцѣнки Мардефельда. Она позволяла своему представителю въ Россіи ухаживать за Елизаветой и разыгрывать роль честнаго маклера въ несогласіяхъ государыни со Швеціей; но въ то же время продолжала содѣйствовать шведамъ всѣми способами, имѣвшимися въ ея распоряженіи, хотя въ ущербъ интересамъ ,наиболѣе существеннымъ, и требованіямъ, наиболѣе законнымъ, представленнымъ Россіей. Въ этомъ отношеніи царила полная очевидность; она вытекала изъ предложеній мира, исходившихъ изъ Версаля, изъ поведенія самого маркиза де ла Шетарди въ переговорахъ, вызванныхъ такимъ предложеніемъ. Побѣдоносная Россія обязывалась уплатить военныя издержки! Развѣ Елизавета не обѣщала шведамъ измѣнить въ ихъ пользу Ништадскій договоръ, и развѣ война не была начата ими для завоеванія короны для дочери Петра Великаго? [1]). И одновременно изъ Вѣны, Константинополя, Парижа, Лондона получались донесенія, единогласно изобличавшія интриги, замышляемыя Франціей, чтобы вооружить противъ Россіи Турцію или

[1]) Рѣчь де-Ла Шетарди на совѣщаніи министровъ, 17-ое марта 1742 г., *протоколъ совѣщанія*, Воронцовскій архивъ.

Данію и такимъ образомъ обезпечить преимущество за шведами [1]). Ошибались ли русскіе агенты, вводили ли ихъ въ заблужденіе невѣрныясв ѣдѣнія илич увство личнаго озлобленія? Депеша д'Амело къ графу де Кастелланъ, посланнику Франціи въ Константинополѣ, отправленная въ это самое время и перехваченная Бестужевымъ, принесла, увы! вице-канцлеру блестящее подтвержденіе полученныхъ увѣдомленій. Министръ Всехристіаннѣйшаго короля выражалъ въ этихъ депешахъ увѣренность, что воцареніе Елизаветы суждено низвести Россію на степень ничтожества, и Порта должна воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы, дѣйствуя за одно со Швеціей, воспользоваться выгодой такого положенія.

Но вѣдь Бестужевъ былъ самымъ продажнымъ изъ людей! Я уже объ этомъ говорилъ. Развѣ не прельстился онъ на приманку французскаго золота, и разъ это золото было имъ принято, нельзя ли было разсчитывать, что онъ сохранитъ про себя обвинительный документъ? Онъ поспѣшилъ познакомить съ нимъ Елизавету. Почему? Потому что, какъ мнѣ придется часто указывать, при столкновеніи съ положеніями, подобными этому, гдѣ въ признаніи жизненныхъ интересовъ страны и въ выборѣ соотвѣтствующаго поведенія для ихъ защиты не представлялось никакихъ сомнѣній и недоумѣній, за отсутствіемъ чувства чести или долга въ его грязной душѣ, человѣкъ этотъ черпалъ изъ иного источника равносильную замѣну, направлявшую его на путь явнаго закона и воспрещавшую явную измѣну. Откуда же? Изъ самаго воздуха, какимъ онъ дышалъ на лонѣ своей новой родины. изъ стихійной силы, выдѣляющейся, подобно лич-

---

[1]) См. *донесенія* Ланчинскаго, Вешнякова, Каніони, Кантеміра, Щербатова, Воронцовскій архивъ, Соловьевъ.

ному инстинкту самосохраненія изъ живучихъ общественныхъ организмовъ. И чтобы избавиться отъ обвиненія, если считать его за таковое, въ примѣшиваніи метафизики къ своимъ предположеніямъ, я безъ малѣйшаго затрудненія могу представить въ дѣйствіи элементы этой силы. Мы видимъ, какими проявленіями признательности осыпали недавно де ла Шетарди гвардейскіе солдаты. Никогда имъ не была повѣдана тайна депешъ между Версалемъ, Константинополемъ, Стокгольмомъ. А все таки скоро у нихъ получилось впечатлѣніе, что Франція дѣйствуетъ относительно Россіи нечестно. И въ томъ же году онъ заявлялъ намѣреніе свернуть шею посланнику короля. Во время остального своего пребыванія въ Москвѣ, послѣднему пришлось привести свой домъ въ оборонительное положеніе, держать на Яузѣ всегда наготовѣ лодку, чтобы имѣть возможность переправиться на другой берегъ и, по примѣру Елизаветы, не ложиться спать иначе, какъ на разсвѣтѣ. Для сохраненія внѣшности, онъ придумалъ замѣнить свои попрежнему изысканные обѣды ужинами, вошедшими въ моду съ его легкой руки [1]). То была его послѣдняя побѣда.

Опасность, противъ которой онъ принималъ такія предосторожности, была навлечена Бестужевымъ. И его поведеніе, подобно всѣмъ рѣшеніямъ, по моему, имѣетъ подъ собой только это основаніе.

Въ заключеніе такое убѣжденіе заставило маркиза Ла Шетарди потерять послѣднее благоразуміе, у него сохранившееся. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ увидаться съ императрицей, онъ наконецъ поймалъ ее на костюмированномъ балу и „грубо обошелся“ съ ней на манеръ Лестока. Доказанная измѣна любовницы не могла бы послу-

---

1) Мардефельдъ королю, 8 ноября 1742 г.

жить достаточнымъ оправданіемъ рѣчи, съ какой онъ къ ней обратился: „Я рисковалъ для васъ жизнью, много разъ подвергался опасности, что мнѣ переломаютъ руки и ноги на вашей службѣ... Вамъ слѣдовало бы иначе отблагодарить меня за это“. Далѣе слѣдовало возвѣщеніе о скоромъ отъѣздѣ, для котораго онъ собирался просить отзывныхъ грамотъ и слѣдующая горячая тирада: „Надѣюсь, что черезъ два мѣсяца вы избавитесь отъ меня, но когда четыре тысячи верстъ будутъ меня отдѣлять отъ вашего величества, по крайней мѣрѣ, поймете,—и это мое единственное утѣшеніе,—что пожертвовали человѣкомъ вамъ преданнымъ, людямъ васъ обманывающимъ [1]).

Онъ считалъ себя принесеннымъ въ жертву Бестужеву и политическимъ сторонникамъ вице-канцлера, и эта мысль впредь сдѣлалась преобладающей и руководящей нитью всей остальной его карьеры въ Россіи. Между нимъ и этими противниками завязалась борьба, въ которой, послѣ самыхъ странныхъ превратностей, онъ могъ считать себя побѣдителемъ до самаго часа катастрофы, слѣпо непредвидѣнной, однако вовсе не неожиданной. Въ данную минуту ему не приходилось особенно хвалиться результатомъ, достигнутымъ такой мелодраматичной сценой, устроенной Елизаветѣ, хотя дѣйствительность ихъ взаимныхъ отношеній избавила ла Шетарди отъ обращенія, безусловно ожидавшаго его, еслибы его права относились къ разряду тѣхъ, за что онъ ихъ выдавалъ. Подобно Екатеринѣ II впослѣдствіи, подруга Разумовскаго никогда не чувствовала себя застигнутой врасплохъ своими любовниками. Она всегда была готова и искусно умѣла отъ нихъ отдѣлываться, когда они начинали ее стѣ-

1) Ла Шетарди къ Амело. 15 мая 1742 г. Рѣчь, несмотря на свою сумасбродность, повторяется въ этой депешѣ.

снять или ей надоѣдать. Тогда съ нея достаточно было одного слова, одного жеста, чтобы вернуться на свой императорскій Олимпъ. Но красивый и увлекательный маркизъ не былъ любовникомъ. Между нимъ и императрицей не было прошлаго, подлежащаго ликвидаціи, и ей хотѣлось поберечь будущее, къ очарованію котораго, хотя и не придавая ему такого значенія, какъ Ла Шетарди, она все-таки была не вполнѣ равнодушна. Поэтому весьма искусно Елизавета постаралась успокоить маркиза, нисколько не ставя себя въ неловкое положеніе. Она выразила увѣренность, что простое недоразумѣніе могло внушить маркизу мысль о перемѣнѣ отношеній съ ея стороны, но уклонилась отъ разъясненія этого недоразумѣнія, чтобы не вступать на костюмированномъ балу въ политическія пререканія.

И онъ не хлопоталъ о своемъ отозваніи. По слову, принятому имъ за поощреніе на устахъ, продолжавшихъ улыбаться, онъ ухватился за надежду все-таки завязать между сражающимися, тѣмъ временемъ обмѣнивавшимися ударами, переговоры, гдѣ опять льстилъ себя мыслью играть роль посредника. Слѣдуя его упорнымъ настояніямъ, стокгольмскій кабинетъ дѣйствительно, повидимому, склонился вступить на этотъ путь, приславъ въ Москву парламентера. То былъ Нолькенъ, старый соучастникъ заговора, затѣяннаго Елизаветой, чтобы добыть себѣ корону, но затѣмъ показавшагося ей слишкомъ опаснымъ и потому ею оставленнаго. Такимъ образомъ Нолькенъ не имѣлъ права разсчитывать здѣсь на особо пріятныя воспоминанія [1]). Выборъ былъ не изъ удачныхъ, да и поведеніе посланца не болѣе того. При первомъ упоминаніи о посредничествѣ Всехристіаннѣйшаго короля, русскіе министры его остановили.

---

[1]) *„Царство женщинъ“.*

— Мы не принимаемъ посредничества.

— Но вы его просили...

— Никогда!

Объясненіе такой перемѣны служитъ на этотъ разъ не къ чести русской дипломатіи, повидимому, пожелавшей послѣдовать примѣру извѣстныхъ пріемовъ, изобличавшихся ею же въ недобросовѣстности. Правда, Елизавета писала Людовику XV, но—случайно или намѣренно, — слово посредничество было замѣнено въ ея письмѣ выраженіемъ „услуга", и Бестужевъ ссылался на это теперь въ Москвѣ, отрицая обязательство, на которомъ основывались съ той и съ другой стороны въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Циркулярная нота, разосланная русскимъ агентамъ въ Гаагѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Копенгагенѣ, Дрезденѣ, Гамбургѣ, Варшавѣ и Данцигѣ громогласно опровергала такое вмѣшательство, предупреждая адресатовъ противъ козней Франціи [1]).

Нолькенъ и Ла Шетарди обратились къ Лестоку, а тотъ запросилъ Елизавету. Она выразила величайшее удивленіе и обѣщала переговорить со своимъ канцлеромъ и вице-канцлеромъ. „Безъ сомнѣнія, тутъ произошла ошибка!" Нѣсколько дней спустя, не безъ чувства насмѣшливаго удовлетворенія, Мардефельдъ слѣдующимъ образомъ извѣщалъ своего государя о результатѣ царскаго вмѣшательства. Доля авторитета, принадлежавшая дочери Петра Великаго въ управленіи своей политикой, обнаруживается здѣсь въ полномъ свѣтѣ: „Въ прошлую субботу, императрица присутствовала утромъ на богослуженіи, откуда безъ вѣдома почти всего двора отправилась къ великому канцлеру, гдѣ обѣдала... Вечеромъ каталась верхомъ вдвоемъ съ Лестокомъ, расто-

---

[1]) Воронцовскій Архивъ.

[2]) Королю, Москва 31 мая 1742 г.

чала ему тысячи любезностей и увѣряла, что была у великаго канцлера только, чтобы съ нимъ переговорить и склонить его на сторону Франціи, въ чемъ и имѣла успѣхъ. Канцлеръ, сіяя отъ радости, спѣшитъ подѣлиться ею съ де Ла Шетарди, и выражаетъ желаніе помириться съ великимъ канцлеромъ, что сопровождается многочисленными поцѣлуями. Въ воскресенье Ея Величество даритъ его всевозможными знаками вниманія. Чѣмъ же кончается дѣло? Въ понедѣльникъ утромъ она заявляетъ, что по весьма вѣскимъ причинамъ не имѣетъ возможности принять посредничества Его Высочества Всехристіаннѣйшаго короля".

Такимъ образомъ почва ускользала изъ-подъ ногъ бѣднаго представителя Франціи и тутъ еще, сильно пошатнувшимяся уже въ Россіи, кредиту и престижу его родины былъ нанесенъ въ Германіи новый и болѣе опасный ударъ. Извѣстно какія событія тамъ неожиданно снова вернули счастье на сторону Маріи Терезіи: благодаря ссорамъ между маршалами де Белль-Иль и де Брольи—неудача французскаго оружія; послѣ бурныхъ преній съ англійскимъ парламентомъ—паденіе Вальполя, обвиненнаго въ недостаточно энергичной поддержкѣ Австріи; и какъ послѣдствіе, въ самый разгаръ кампаніи,—въ іюнѣ 1742 г.,—измѣна Фридриха, перемѣнившаго фронтъ, отказавшагося отъ общества Франціи и примирившагося съ Австріей, безъ указанія иного предлога, кромѣ посредничества въ пользу мира со Швеціей, не признаннаго Россіей, и воображаемаго раздѣла прусскихъ провинцій, будто бы замышлявшагося въ Версалѣ.

На этотъ разъ маркизъ де Ла Шетарди почувствовалъ себя побѣжденнымъ. Враждуя съ русскими министрами, одинокій среди дипломатическаго корпуса, гдѣ въ лицѣ Мардефельда терялъ свою единственную поддержку, онъ считалъ свое положеніе невозможнымъ и ужъ дѣйствительно про-

силъ о своемъ отозваніи, которое ему поспѣшили вручить. Но сейчасъ же новая перемѣна въ поведеніи Елизаветы заставила его пожалѣть о принятомъ рѣшеніи. А между тѣмъ, не будь его ослѣпленія, онъ проникъ бы теперь въ тайну такихъ послѣдовательныхъ измѣненій въ настроеніи и обращеніи и понялъ бы, что съ дипломатической точки зрѣнія тутъ было мало успокоительнаго. Въ глазахъ обходительной государыни въ этомъ французѣ совмѣщалось два лица, къ которымъ она относилась различно,—два человѣка которыхъ она охотно раздѣляла и въ мысляхъ, и въ сердцѣ: царедворецъ изящный и краснорѣчивый ей очень нравился; она была весьма не прочь дать ему въ одинъ прекрасный день тому доказательства. Дипломатъ же ее стѣснялъ и ей надоѣдалъ, не только потому, что держалъ сторону Швеціи—она не придала бы тому большого значенія, немного въ этомъ понимая—но главнымъ образомъ потому, что враждовалъ съ ея министрами и ссорилъ ее съ ними. Мардефельдъ удивительно понималъ смятеніе, царившее въ ея душѣ, столь непривычной, какъ намъ извѣстно, разбираться въ такого рода внутреннихъ недоразумѣніяхъ: „Императрица чувствуетъ склонность къ Франціи“, писалъ онъ, „она желаетъ добра шведскому народу; наоборотъ, терпѣть не можетъ королеву Венгерскую и соглашеніе Вашего Высочества съ названной королевой не доставляетъ въ сущности удовольствія Ея Императорскому Величеству. Кромѣ того она имѣетъ зубъ противъ Англіи за нѣкоторыя обиды, нанесенныя ею Петру Великому и Императрицѣ Екатеринѣ. Однако, я не опасаюсь никакихъ плохихъ послѣдствій, такъ какъ всѣ министры питаютъ противоположныя чувства, а у нихъ больше власти, чѣмъ у Ея Императорскаго Величества“. Посланникъ Фридриха сообщалъ также, что лично посѣтивъ министровъ, чтобы склонить ихъ къ примиренію

со Швеціей, Елизавета потерпѣла неудачу и даже не добилась ордена Андрея Первозваннаго для маркиза де Ла Шетарди, безполезно откладывавшаго свой отъѣздъ въ ожиданіи этого отличія[1]). „Министры дали довольно ясно понять Ея Императорскому Величеству, что признательность, какую она могла чувствовать къ Франціи, какъ цесаревна Елизавета, нельзя смѣшивать съ обязательствами ложившимися на нее, какъ на императрицу“.

Прусскій дипломатъ допускалъ нѣкоторое преувеличеніе въ такомъ пониманіи и изображеніи затрудненій самодержавной государыни, столкнувшейся съ дѣйствительной властью, и въ то же время составилъ себѣ представленіе не вполнѣ вѣрное о характерѣ государыни и ея двуличности. Въ сущности, дѣлая видъ, что споритъ со всѣми министрами и встрѣчаетъ съ ихъ стороны противорѣчіе и даже противодѣйствіе, Елизавета чувствовала хорошо, что они правы, и что она подверглась бы слишкомъ большому риску, положившись на маркиза де ла Шетарди и на Францію для сведенія своихъ счетовъ со Швеціей. Но она находила маркиза де ла Шетарди очаровательнымъ и считала весьма удобнымъ способомъ изгонять изъ своихъ отношеній къ нему всѣ поводы къ разногласію или холодности, взваливая во всемъ вину на Бестужева и остальныхъ его коллегъ. Нѣкоторое время она искусно разыгрывала такую роль. Но роль ея захватила, и по примѣру великихъ актрисъ подъ конецъ она начала вкладывать въ нее естественный пылъ и убѣжденіе. Когда офиціально возвѣщенный отъѣздъ посланника повидимому уничтожилъ между ней и имъ всякое принужденіе политическаго свойства, она всецѣло отдалась

---

[1]) Королю, 16 и 30 іюля, 23 августа и 3 сентября 1742 г.

охватившему ее увлеченію и сейчасъ же почувствовала желаніе продлить это новое удовольствіе.

Опять мнѣ приходится писать точно романъ, и я очень боюсь, что послѣдующія страницы могутъ показаться сценками изъ репертуара Детуша или Мариво. Чтобы оправдаться отъ повторенія ожидаемыхъ мною упрековъ и подозрѣній, въ моемъ распоряженіи имѣется единственное средство: просить читателей обратиться къ тѣмъ источникамъ, откуда я черпаю исключительно всѣ событія своего разсказа, не прикрашивая ихъ ни малѣйшимъ участіемъ воображенія. Вѣдь они были написаны не для театра. А между тѣмъ, дѣйствительно, получается впечатлѣніе пьесы для театра, съ сценической обстановкой, дѣйствующими лицами, ихъ разговорами. Даже ничего другого нельзя вынести изъ всей этой груды бумагъ. Только ихъ слѣдуетъ читать, примѣняя къ нимъ какъ бы фильтръ, задерживающій всѣ документы, представляющіе какой-либо историческій интересъ. Документовъ такихъ, сравнительно— не много, причину чего не трудно понять, если познакомиться съ пріемами, общеупотребительными въ то время во всѣхъ канцеляріяхъ. Вспомните мѣсто изъ „Исповѣди" Жанъ-Жака, гдѣ онъ объясняетъ, какимъ образомъ въ Венеціи отвѣты на депеши, ожидаемыя изъ Франціи, составлялись „заранѣе" каждый четвергъ, чтобы не опоздать къ курьеру, прибывавшему на слѣдующій день и сейчасъ же отправлявшемуся въ обратный путь. Между Вѣной и Петербургомъ дипломатическая переписка, современная царствованію Елизаветы, происходила на нѣмецкомъ языкѣ. Просматривая ее, у меня зародилось большое сомнѣніе, чтобы кто-нибудь изъ посланниковъ Маріи Терезіи, прочелъ когда-либо хотя одно слово изъ депешъ, подписанныхъ ихъ именемъ. Да нѣкоторые изъ нихъ—Ботта, Бернэ, Мерси

д'Аржанто—были ли знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ? Большинство внушаетъ въ этомъ отношеніи сильное подозрѣніе. Они подписывали цѣлые томы депешъ въ тридцать, сорокъ, пятьдесятъ страницъ, изъ которыхъ рѣдко мнѣ приходилось черпать что-либо полезное. Ручаюсь, что то же было и съ тѣми, кому онѣ предзначились. По большей части депеши заполнялись сплошнымъ пустословіемъ, но если случалось какое-либо выдающееся событіе, или какой-нибудь важный вопросъ требовалъ серьезнаго донесенія, тогда самъ посланникъ брался за перо и въ двухъ строкахъ, или на двухъ трехъ страницахъ, на поляхъ депеши или въ частномъ письмѣ, передавалъ все, что имѣлъ сказать, и неизмѣнно, почти безъ исключеній — по-французски. Исключеніе составлялъ только венгерецъ Эстергази, вѣроятно незнавшій хорошо ни французскаго, ни нѣмецкаго языка и жившій—по свидѣтельству своего преемника—въ сторонѣ отъ политики, запершись въ гаремѣ. По восшествіи на престолъ Фридрихъ сейчасъ же ввелъ преобразованіе въ свои дипломатическія сношенія—запретивъ депеши на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ пожелалъ, чтобы всѣ его агенты писали по французски, и зналъ, чего требовалъ. Дипломатическій архивъ, ему современный, отличается сравнительнымъ немногословіемъ и ясностью. А все-таки и онъ не исключаетъ примѣненія моего фильтра. Въ этомъ фильтрѣ заключается вся скромная тайна моего метода использованія извѣстныхъ документовъ. Избавляя такимъ образомъ читателей отъ излишняго утомленія и скуки, я добросовѣстно не пропускаю ни одного серьезнаго источника освѣдомленности, И если теперь мнѣ предстоитъ развернуть передъ вашимъ взоромъ занимательную сценку, это не вслѣдствіе моего желанія позабавить васъ такимъ зрѣлищемъ, а желанія двухъ историческихъ личностей ее разыграть. И зрѣлище—это сама исторія или, по крайней мѣрѣ,

часть исторіи, мною здѣсь изслѣдуемой. И, если мой разсказъ приметъ отъ того видъ вымысла и подвергнется опасности развѣнчанія съ научной точки зрѣнія, я долженъ покориться. То, что научно называется „великая исторія“, обыкновенно составляется изъ громкихъ словъ, относящихся къ незначительнымъ пустякамъ, наполняющимъ дѣйствительность человѣческой жизни, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ.

II.

Романъ маркиза де ла Шетарди.

Въ этой комедіи,—а это была комедія, въ чемъ надѣюсь убѣдить читателей—маркизъ де ла Шетарди продолжалъ добросовѣстно проявлять извѣстную искренность въ приверженности и постоянство въ мечтахъ, имъ уже доказанныя. Изгнавъ его, Елизавета снова стала дорожить его обществомъ: онъ ни минуты не задумался надъ истолкованіемъ такой перемѣны. Императрица чувствовала себя побѣжденной и подчиненной и, безъ сомнѣнія, просила его помощи противъ злыхъ министровъ, ее тиранившихъ, мѣшая ей слѣдовать влеченію ума и склонности сердца. Она представлялась ему въ образѣ сказочной принцессы, охраняемой драконами. Увы! для преодоленія чудовищъ у него не оказывалось оружія, да не было, повидимому, и у нея, несмотря на номинальное всемогущество. Но Лестокъ утѣшалъ друга ободряющими рѣчами. „Она безоружна, потому что не знаетъ ни своей силы, ни способа, какъ ею пользоваться. Она еще не умѣетъ быть государыней, но мы ее научимъ. Только старайтесь, чтобы она была съ вами женщиной. Воспользуйтесь послѣдними минутами пребыванія около нея; будьте обольстительны, какъ вы умѣете быть, сдѣлайтесь неотразимы, и если

не встрѣтите сопротивленія, мы послѣ вашего отъѣзда постараемся очистить помѣщеніе и подготовить вамъ торжественное возвращеніе".

Какъ можно было не послѣдовать такимъ совѣтамъ, когда кокетливая императрица прилагала всѣ видимыя усилія, чтобы ихъ оправдать? Отъѣзжающій дипломатъ получалъ то неожиданное приглашеніе на ужинъ, то на свиданіе въ „опочивальнѣ", гдѣ удостаивался не только доказательствъ личной благосклонности, впредь, казалось, за нимъ обезпеченной, но даже, съ политической точки зрѣнія, словъ, полныхъ обѣщаній. Онъ видѣлъ, какъ краснѣла и блѣднѣла гостепріимная хозяйка, слыша отъ него рѣчи объ отъѣздѣ, и часто даже проговаривалась, что „Бестужевы зашли слишкомъ далеко". Онъ называлъ ихъ „мошенниками" въ ея присутствіи, а она, не возражая, давала понять, что ее можно было бы избавить отъ одного изъ нихъ. Для этого достаточно было бы, чтобы саксонскій дворъ выразилъ желаніе имѣть брата вице-канцлера посланникомъ. Тогда лишенный поддержки и совѣтовъ, получаемыхъ съ этой стороны, изобрѣтатель *tinctura inervi Bestouchevi* натворитъ столько глупостей, что съ нимъ легко будетъ справиться. Императрица указывала на Морица Саксонскаго, какъ на человѣка наиболѣе способнаго устроить это дѣло въ Дрезденѣ. А до тѣхъ поръ „она никогда не допуститъ Францію изгладиться изъ своего сердца". И она доказывала твердость своихъ рѣшеній въ этомъ отношеніи, сейчасъ же вступивъ въ борьбу съ вице-канцлеромъ по поводу договора съ Англіей. Бестужевъ настаивалъ на его ратификаціи, а она ставила условіе: „она не желала, чтобы помощь русскихъ войскъ когда-либо могла обратиться противъ Франціи".

— Но въ такомъ случаѣ договоръ теряетъ всякій смыслъ!

— Все равно; пока я жива, я не сдѣлаюсь врагомъ Франціи. Я ей слишкомъ многимъ обязана!

Это происходило 30 іюля 1742 г. или, по крайней мѣрѣ, Лестокъ, сообщившій извѣстіе о томъ маркизу де ла Шетарди, увѣрялъ, что этого числа состоялся такой обмѣнъ мнѣній [1]). Шесть дней спустя Елизавета выразила желаніе, чтобы посланникъ посвятилъ всецѣло ей послѣдніе дни своего пребыванія въ Россіи. Два дня подрядъ оставляла она его ужинать, потомъ пригласила на охоту. Возвращаясь съ ней верхомъ, она неожиданно и въ первый разъ спросила у него, не можетъ ли онъ отложить свой отъѣздъ до 16 сентября. То былъ день именинъ императрицы.

— Но вчера состоялась моя прощальная аудіенція!

— Правда; я совсѣмъ забыла.

И сейчасъ же, словно опасаясь, какъ бы у него не закралось подозрѣнія относительно такой неправдоподобной забывчивости, разсыпалась въ насмѣшкахъ и издѣвательствахъ надъ вице-канцлеромъ. „Что за фантазія надѣть по такому случаю платье каштановаго цвѣта, до такой степени себѣ не къ лицу! А рѣчь его: цѣлый рядъ глупостей!“ И добавила:

— Навѣстите меня завтра.

Свиданіе происходило въ опочивальнѣ, и, по видимому, отличалось особенной нѣжностью. Елизавета оставила гостя обѣдать, а вечеромъ, собираясь въ Троицу—пригласила его съ собой.

Вамъ извѣстны всегдашнія привычки государыни относительно богомолій. Еслибы могли возникнуть какія-нибудь сомнѣнія по поводу удовольствій, ожидавшихъ на этотъ разъ молодого дипломата, весьма точныя сообщенія, посы-

---

[1]) Де ла Шетарди къ Амело, 30 іюля 1742 г.

лавшіяся Фридриху Мардефельдомъ, должны были бы ихъ разсѣять окончательно. Зная пристрастіе своего государя къ подробностямъ такого рода, да и самъ любитель ими позабавиться, не придавая, однако, тому преувеличеннаго значенія, пруссакъ обзавелся полиціей, обнаруживавшей удивительную освѣдомленность. Само собой разумѣется не дремала она и въ данномъ случаѣ. Богомолье должно было по обыкновенію совершаться пѣшкомъ. Въ путь тронулись послѣ заката солнца, чтобы воспользоваться ночной прохладой, и для начала новый странникъ подвергся жестокому испытанію. У Елизаветы какъ-будто отросли крылья. Она шла, шла, словно увлекаемая радостнымъ опьяненіемъ, заставлявшимъ ее терять сознаніе времени и пространства. Наконецъ, изнемогая отъ усталости, она остановилась только на седьмой верстѣ, и путники оказались тутъ въ чистомъ полѣ. Домики для отдыха еще не были устроены по пути. Молодой четѣ пришлось сѣсть въ экипажъ и вернуться въ Москву, чтобы возобновить на слѣдующій день пѣшеходный путь съ того мѣста, на которомъ онъ былъ наканунѣ прерванъ. Больше уже такъ не торопились, ночуя на постоялыхъ дворахъ или въ палаткѣ и проводя вмѣстѣ восхитительные часы. Разумовскій принималъ участіе въ паломничествѣ, но онъ умѣлъ не мѣшать, а Елизавета была полна заразительнаго веселья и оживленія и становилась все нѣжнѣе по мѣрѣ приближенія ко святымъ мѣстамъ.

Передъ прибытіемъ туда героя этого приключенія, дѣлавшагося такимъ интереснымъ, постигла сильная непріятность. По дорогѣ онъ узналъ, что его спутница получила письмо отъ г-жи де Монастероль, по обыкновенію просившей помощи. Съ нимъ чуть не сдѣлалось дурно. Сынъ нищенки! Но Елизавета быстро его успокоила. Она была слишкомъ счастлива назначить пособіе матери своего друга, да и не могъ же

отвѣчать за своихъ родственниковъ. У нея самой имѣлись такіе же, причинявшіе ей не мало заботъ. И сейчасъ же, чтобы прекратить разговоръ на эту тему и перейти къ болѣе пріятному, она заговорила о своей ненависти къ Бестужевымъ, „этимъ ничтожнымъ людямъ“, и о своей любви къ Франціи. Всегда ее влекла къ этому чувству природная склонность, причину которой поняла она только теперь...

И вотъ передъ ними распахнулись врата монастыря. Она представляла себѣ, какъ будетъ ослѣпленъ ея спутникъ великолѣпіемъ, представившимся его взорамъ, и не ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ. Передъ нимъ открылись пять церквей, залитыхъ золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями; одно только Евангеліе оцѣнивалось въ триста тысячъ; множество монаховъ, размѣщенныхъ въ удобныхъ кельяхъ; для императрицы и ея свиты—великолѣпные аппартаменты; дворецъ въ Виѳаніи—рай. Де ла Шетарди удивлялся, восторгался и былъ счастливъ.

Путники провели нѣсколько дней въ этомъ восхитетельномъ уголкѣ, и своимъ образнымъ языкомъ, уже знакомомъ читателямъ, Мардефельдъ писалъ Фридриху:

„Любезный галлъ, воодушевленный совѣтами Гиппократа, замѣтивъ, что, не считая нѣкоторой показной холодности, ему простили его смѣлость, рискнулъ попытать счастья второй разъ и сразу занялъ весьма завидное мѣсто. Меня увѣряютъ, что это безусловно вѣрно. За то же говоритъ и видимость. Замѣчаютъ постоянно оказываемыя маленькія услуги и нѣжное удовольствіе въ глазахъ, какимъ королева Цитеры награждаетъ только тѣхъ, чей воскуренный фиміамъ ею принятъ [1]).

---

[1]) Королю, 20 августа 1742 г., Берлинскій Архивъ. Относительно исторіи богомолья см. депеши де ла Шетарди отъ 6 и 11 августа

Во всѣхъ слояхъ общества въ Москвѣ царило сильное волненіе. Событіе могло повлечь за собой важныя послѣдствія, такъ какъ, очевидно, счастливый паломникъ не преминетъ имъ воспользоваться противъ своихъ политическихъ враговъ. Онъ дѣйствительно расчитывалъ послѣ всего происшедшаго легко справиться съ „ничтожными людьми“ и передъ отъѣздомъ изъ Троицы хотѣлъ насчетъ этого объясниться съ государыней. Но она остановила его на первомъ словѣ.

— Не здѣсь!

Тутъ она желала всецѣло отдаваться своему молитвенному настроенію. Было ли это опять пораженіе? Нѣтъ, потому что онъ заручился обѣщаніемъ по возвращеніи имѣть особый разговоръ, посвященный вопросамъ противной политики. Въ исходѣ его онъ не сомнѣвался и писалъ въ Версаль: „Какъ только вернемся въ Москву, я приму рѣшительныя мѣры“. Счеты съ Бестужевыми были покончены.

Возвращеніе состоялось только 20 августа. Къ сожалѣнію, явившись во дворецъ на слѣдующій день ла Шетарди засталъ императрицу страшно занятой. Она только что получила новый выборъ драгоцѣнныхъ матерій. На завтра другая помѣха: все вниманіе государыни было поглощено итальянской интермедіей, гдѣ ей хотѣлось передѣлать нѣкоторыя сцены. Всю слѣдующую недѣлю она была неуловима: предстояла свадьба племянницы, Гендриковой, и приготовленія къ этому событію отнимали все время, Но она приказала передать своему спутнику по богомолью, что надѣется видѣть его на свадьбѣ. Онъ настаивалъ, чтобы его приняли.

— Завтра.

1742 г. Иностранныя дѣла и переписку Ботты, именно его депешу отъ 9 августа 1742 г. Вѣнскій архивъ.

Онъ надѣялся, что наконецъ поймалъ ее. Она захлопала въ ладоши, какъ ребенокъ, увидавъ его.

— Скорѣе, столъ, карты! Мы сейчасъ сыграемъ партію,

И цѣлый часъ шла такая страстная игра, лился такой потокъ словъ, царило такое безудержное веселье, что ему не удалось вставить ни одного слова о безпокоившемъ его вопросѣ. Черезъ часъ она привѣтливо съ нимъ простилась.

— А нашъ серьезный разговоръ?

— Простите, забыла. Я была такъ рада васъ видѣть! Прикажу Лестоку себѣ напомнить. До скораго свиданія.

Онъ прождалъ день, два, три. Ничего. Она положительно отъ него ускользала. Не придется ему изобразить второго Тезея, освобождающаго новую Аріадну; не придется пойти по стопамъ Бирона. Герой зауряднаго приключенія, онъ оставался смѣшаннымъ съ толпой темныхъ избранниковъ мимолетной прихоти. Такая дѣйствительность представлялась разсудку. Но ла Шетарди не мирился съ ней. Дождался свадьбы Гендриковой и за ужиномъ проявилъ такую настойчивость, что Елизавета какъ будто сдалась. Но все-таки просила обождать еще немного.

— Не сегодня. Завтра. Я буду обѣдать за городомъ у фельдмаршала Долгорукова, пріѣзжайте туда, и мы побесѣдуемъ.

Онъ явился на свиданіе и еще разъ считалъ себя близкимъ къ побѣдѣ. Она согласилась на разговоръ наединѣ.

Чтобы принять „рѣшительныя мѣры“ столь смѣло возвѣщанныя, заимствуя у самого Бестужева его обычное орудіе, онъ запасся письмомъ отъ маркиза де Ланмари, посланника Франціи въ Стокгольмѣ, гдѣ сообщалось извѣстіе, *сочиненное имъ*, будто король прусскій при содѣйствіи вице-канцлера замышляетъ овладѣть Курляндіей и возвести на престолъ маленькаго Іоанна.

Она посмотрѣла на него встревоженно.

— Есть у васъ доказательства?

У него не было доказательствъ, и онъ сейчасъ же понялъ, что сдѣлалъ ошибку. За мимолетной возлюбленной онъ искалъ императрицу и теперь увидалъ ее внезапно надменную, проронившую сухимъ тономъ слова, звучавшія приговоромъ:

— У насъ не арестовываютъ людей, не доказавъ ихъ вины.

Но это была лишь мгновенная вспышка. Черезъ минуту Елизавета уже какъ-будто испугалась произведеннаго впечатлѣнія, сжалилась надъ уныніемъ, отразившемся на лицѣ собесѣдника, снова смягчилась и продолжала уже ласковѣе:

— Вы хотите итти слишкомъ быстро. Бестужевы чудовища, но чудовища страшныя. Въ особенности въ Москвѣ. Это не въ Петербургѣ, гдѣ при желаніи извѣстно, что кто у себя дѣлаетъ. Подождите, пока я туда вернусь, и дайте мнѣ вздохнуть... нѣкоторое время не выдавать себя.

Ему показалось, что онъ слышитъ отголосокъ рѣчей Лестока. А, можетъ быть, и дѣйствительно она повторяла только выученный урокъ. Но ждать было дѣло не легкое. Подъ какимъ предлогомъ отложить отъѣздъ, какую причину выставить своему двору и д'Юссонъ д'Алліону, получившему назначеніе замѣстить ла Шатарди, какъ повѣренному въ дѣлахъ, и выказывавшему большое нетерпѣніе поскорѣе вступить въ свои обязанности? Маркизъ обратился за совѣтомъ къ лѣкарю и встрѣтилъ съ его стороны прежнее отношеніе.

— Уѣзжайте; она васъ любитъ, достаньтесь ей дорогой цѣною. О васъ будутъ скучать и, ваше отсутствіе лучше чѣмъ присутствіе, сослужитъ службу начатому дѣлу.

Ла Шетарди приказалъ приготовить экипажъ и отправился

проститься съ государыней. Она вручила ему орденъ Андрея Первозваннаго и выразила удовольствіе, какое ей доставило сыграть штуку съ Бестужевыми, наградивъ его этимъ отличіемъ. „Они разозлятся, но ей все равно“. Когда маркизъ разстался съ ней и направился къ герцогу Голштинскому, она его догнала, окликнула и съ лаской въ голосѣ сказала:

— Постойте! Цесаревна Елизавета мнѣ поручила передать вамъ эту вещицу.

То была великолѣпная табакерка съ портретомъ самой прелестной изъ богомолокъ на крышкѣ и драгоцѣннымъ перстнемъ внутри.

Она добавила: „Вы поужинаете со мной“.

Елизавета держала его при себѣ до двухъ часовъ ночи, и ему казалось, что онъ снова въ Троицѣ. Но она простилась съ нимъ... на нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ не имѣлъ утѣшенія, какъ разсказывали, путешествовать въ каретѣ, заказанной по сдѣланному ею чертежу, но нашелъ восемьдесятъ бутылокъ венгерскаго вина въ фургонѣ для провизіи, напоминавшемъ тотъ, что сопровождалъ ихъ,—ее и его,—по пути въ монастырь. гдѣ остались такія пріятныя воспоминанія, сплетавшіяся съ жестокимъ разочарованіемъ [1]).

Отъѣздъ ла Шетарди произвелъ весьма различное впечатлѣніе. Елизавета плакала. Мардефельдъ тоже проливалъ слезы, можетъ быть искреннія. Въ погребѣ маркиза еще оставалось шампанское. „Я люблю и уважаю маркиза,—писалъ прусскій посланникъ Фридриху,—и съ нимъ лишаюсь самаго пріятнаго общества. Онъ то, что называется по-нѣмецки „*in allen Satteln recht*“... Послѣ такого заявленія огорченный сотрапезникъ поспѣшилъ воспользоваться отъѣздомъ радушнаго хозяина, чтобы болѣе энергично подвинуть впередъ

---

[1]) Ла Шетарди, *Переписка,* августа 1742 г.

двойные переговоры, преслѣдовавшія цѣль новаго союзнаго договора съ Россіей и присоединеніе этой державы къ Бреславльскому договору. Англійскій посланникъ Вичъ, отнесся къ событію инымъ образомъ. По общему мнѣнію, маркизъ получилъ деньгами и подарками, по крайней мѣрѣ, полтораста тысячъ. Ему удалось, слѣдовательно, прекрасно устроить свои личныя дѣла, Но для Всехристіаннѣйшаго короля посредничество его оказалось далеко не столь выгоднымъ. Императрица была отъ него безъ ума и умѣло обращалась съ этой благосклонностью; онъ могъ бы занять при ней положеніе Бирона, но онъ только ссорился съ русскими министрами и портилъ свое дѣло, съ презрѣніемъ отзываясь объ ихъ родинѣ.

Въ Версалѣ не знали что и думать, и послѣдствія этого загадочнаго случая еще усилили навѣянное имъ смущеніе.

III.

Между Версалемъ и Москвой.

Маркизъ долженъ былъ остановиться въ Берлинѣ. Такъ было рѣшено во Франціи. Относительно Пруссіи тамъ существовало неопредѣленное положеніе дѣлъ: ни дружба, ни ссора, а Фридрихъ забавлялся продленіемъ неувѣренности и недоумѣнія. Предполагалось, что бывшій посланникъ, не облеченный офиціальнымъ характеромъ, сумѣетъ воспользоваться своей прежней близостью къ королю, чтобы вывѣдать что-либо отъ коварнаго государя и проникнуть въ тайну его намѣреній. Тутъ ждало новое разочарованіе. „Собесѣдникъ-конфетка“ тщетно искалъ наслѣднаго принца, любезнаго и откровеннаго хозяина Рейнсберга. Даже въ Шарлоттенбургѣ на лицо былъ только король, надменный, саркастическій, почти презрительный, съ горечью, говорившій о намѣреніи, приписанномъ имъ Франціи „умиротворить Сѣверъ за его счетъ“ и „доставить удовлетвореніе Швеціи“ раздѣломъ Пруссіи. Истощивъ всѣ доводы, чтобы убѣдить въ неосновательности такого обвиненія, ла Шетарди не нашелъ ничего лучшаго, какъ поддержать предвзятое мнѣніе монарха, слѣдуя собственной маніи. „Да, одно время существовало такое предположеніе, но оно исходило отъ Бесту-

жева". Фридрихъ „закусилъ губы". Отлично, не будемъ больше къ этому возвращаться. И остался хмурымъ [1]).

За то еще курьеръ изъ Версаля привезъ утѣшительную вѣсть въ Берлинъ. Кантеміръ получилъ порученіе намекнуть офиціознымъ образомъ, что государынѣ было бы пріятно снова увидать де ла Шетарди въ Россіи. Вслѣдствіе того маркизу была предоставлена свобода послѣдовать приглашенію и вернуться обратно. Но онъ этого не сдѣлалъ: не могъ на то рѣшиться, пока Бестужевы оставались у власти. Съ согласія Лестока онъ поставилъ Елизаветѣ прямо вопросъ: „Они или я", написалъ лѣкарю, чтобы тотъ объяснился въ соотвѣтствующемъ духѣ съ императрицей, а самъ продолжалъ свой путь. Во Франкфуртѣ его ожидали извѣстія изъ Петербурга. Хорошія и дурныя въ одно и то же время. Елизавета по прежнему скучала по своемъ спутникѣ на богомолье, но Бестужевы оставались хозяевами положенія и руководили внѣшней политикой по своему усмотрѣнію. И прежде всего не успѣлъ еще маркизъ даже уѣхать изъ Москвы, какъ онъ началъ переговоры о возобновленіи оборонительнаго союза съ Англіей. На замѣчаніе Вича, что слѣдовало бы подождать до отъѣзда француза, вице-канцлеръ воскликнулъ: „Зачѣмъ? Императрица прекрасно настроена!" И 6 августа проектъ новаго договора, списанный со стараго, лишь съ незначительными измѣненіями, былъ отправленъ въ Лондонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ англійскій посланникъ постарался склонить въ свою сторону самого Лестока. „Рискуя жизнью и кошелькомъ", онъ провелъ нѣсколько ночей въ обществѣ лѣкаря, оставилъ немалое количество фунтовъ стерлинговъ на зеленомъ полѣ, но вынесъ увѣренность, что его партнеръ приметъ пособіе и постарается его

---

[1]) Король Мардефельду, 30 октября 1742 г.

заслужить. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, этотъ единственный другъ и главный довѣренный, остававшійся въ Москвѣ у де ла Шетарди, написалъ англійскому королю благодарственное письмо и въ залогъ своей искренности примирился съ Бестужевыми [1]).

Съ своей стороны Мардефельдъ увѣдомлялъ короля, что русскіе министры просили его считать оборонительный союзъ съ Пруссіей, какъ бы „уже заключеннымъ.“ И также сообщалъ, что при всемъ пристрастіи къ извѣстному двору, Лестокъ значительно „исправился“ послѣ отъѣзда своего оракула. Такъ какъ одновременно изъ Берлина пришло извѣстіе, что Чернышевъ тамъ дѣлалъ намеки объ отозваніи Мардефельда, послѣдній не могъ себѣ представить, откуда исходилъ ударъ. Подозрѣніе пало на ла Шетарди, и Фридрихъ готовъ было его раздѣлить, передавая впрочемъ, что кардиналъ Флери отъ этого отрекался, какъ отъ убійства, и не допускалъ мысли, чтобы представитель Франціи взялъ на себя поступки, совершенно „противорѣчившіе намѣреніямъ своего двора.“ „Не проговоритесь“, заключалъ король письмо къ своему агенту—„и не подавайте вида, что знаете объ интригахъ да ла Шетарди[2])“ въ Москвѣ послѣдствія этихъ интригъ оставались совершенно незамѣтными. Сама Елизавета относилась къ Мардефельду привѣтливо, и присоединеніе Россіи къ Бреславльскому договору должно было послѣдовать за союзнымъ договоромъ, заключеніе котораго представляло лишь вопросъ нѣсколькихъ дней. Единственное облако на горизонтѣ: кромѣ порученій, повидимому, полученныхъ

---

1) Сборникъ Р. И. О.

2) Мардефельдъ королю, 10-го 13-го сентября 1742 г., Фридрихъ Мардефельду 11 сентября 1742 г. Берлинскій Архивъ. „Politische Correspondenz не содержитъ никакого указанія на этотъ обмѣнъ депешами.

ла Шетарди отъ Елизаветы для передачи Чернышеву, говорили, будто онъ добился словеснаго обѣщанія на бракъ герцога Голштинскаго съ французской принцессой, и Воронцовъ увѣрялъ, что д'Алльонъ получилъ соотвѣтствующія приказанія.

Легко представить себѣ волненія прусскаго посланника и его англійскато коллеги. Но, хотя они напали здѣсь на слѣдъ дѣйствительнаго факта, у нихъ не хватало точной освѣдомленности, и тревога смѣнилась бы радостью, еслибы имъ была извѣстна истина. Ла Шетарди былъ тутъ не причемъ. Замѣшаннымъ оказывался одинъ д'Алльонъ вслѣдствіе предложенія, непосредственно ему сдѣланнаго Елизаветой. Вернувшись къ мысли, поочередно лелѣянной Петромъ I и Екатериной I, императрица выразила желаніе получить для своего племянника руку одной изъ дочерей Людовика XV. И отвѣтъ версальскаго двора прибылъ. Елизавета свободно могла бы предвидѣть его смыслъ и избавить себя отъ неизбѣжнаго оскорбленія. Я указывалъ въ предыдущемъ трудѣ[1]), на какія препятствія наткнулся въ прошломъ проектъ личнаго союза,—сомнѣнія и отвращеніе аналогичныя тѣмъ, какими на той же почвѣ, менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе, отплатила Россія въ отношеніи Наполеона. И время для побѣды надъ такими чувствами было выбрано удивительно неудачно. „Еслибы даже предложеніе не встрѣтило такого неодобренія Его Высочества, какъ я ранѣе высказалъ де ла Шетарди", писалъ д'Амело д'Алльону, „вы должны избѣгать всякихъ разговоровъ по этому поводу. Царица питаетъ разныя мысли, изъ нихъ нѣкоторыя какъ будто благопріятныя для нашихъ интересовъ; но она не умѣетъ совершенно хранить ихъ про себя и все сообщаетъ своимъ министрамъ,

---

[1]) „Царство женщинъ". Собр. сочин. К. Василевскаго, т. II. Изд. „Сфинксъ". Ц. 3 руб.

завѣдомо враждебно относящимся къ Франціи и подготовляющимъ союзъ со всѣми нашими врагами. Мнѣ даже не вѣрится, чтобы она,—какъ подавала надежду,—приказала оговорить въ этихъ договорахъ случай, когда ей пришлось бы оказывать поддержку противъ Франціи. Что убѣждаете вы насъ въ ея добромъ расположеніи! Есть всѣ основанія думать, что она васъ обманываетъ, такъ какъ невозможно допустить, что слабость ея доходитъ до того, чтобы постоянно поступать обратно тому, въ чемъ она васъ увѣряетъ[1])".

Отказъ былъ неизбѣжнымъ. Однако, можетъ быть, его слѣдовало смягчить, подражая примѣру Фридриха. Его дипломатическое искусство недавно подверглось такому же испытанію, и Елизавета обратилась къ д'Алльону только послѣ подобной же попытки, предпринятой относительно Мардефельда. Получивъ сообщеніе о сдѣланномъ предложеніи, прусскій король спросилъ у своего агента, не сошелъ ли онъ съ ума и заявилъ, что не намѣренъ... покупать „цѣной изряднаго куша несчастье любимой сестры" [2]); но офиціально сдѣлалъ видъ, что не понялъ, чтобы сватовство имѣло въ виду принцессу царской крови и, осыпая императрицу изъявленіями нѣжности, преданности и заботливости о будущности ея семейства, сейчасъ же принялся подыскивать другую, подходящую для нея партію, и стараніямъ его суждено было увѣнчаться успѣхомъ [3]).

Результатомъ было торжествующее донесеніе, какое могъ послать въ октябрѣ своему государю Мардефельдъ, переставшій соблюдать внѣшнюю осторожность относительно двора, такъ плохо соблюдавшаго собственные интересы. „Я надлежащимъ образомъ намекнулъ русскимъ министрамъ

[1]) 27-е октября 1742 г.

[2]) Мардефельду, 18 сентября 1842 г.

[3]) Politische Correspondenz.

объ интригахъ Франціи въ Швеціи противъ Россіи. Я замѣтилъ, что, все, что они узнаютъ о недобросовѣстности версальскаго двора или предосудительности его поведенія, доставляетъ имъ безконечное удовольствіе, и, пока будетъ существовать нынѣшнее министерство, нечего опасаться, что французская партія возьметъ верхъ. Маркизъ де ла Шетарди, несмотря на свое искусство, настолько испортилъ дѣла своего двора, что потребуется много времени для ихъ возстановленія, а съ тѣхъ поръ, какъ императрица удостоила почти полнымъ довѣріемъ великаго канцлера и его зятя, генералъ-прокурора, перемѣны министерства нечего бояться"...

Правда, въ ноябрѣ смерть великаго канцлера, князя Черкасскаго, и избраніе герцога Голштинскаго въ наслѣдники шведскаго престола, искусно выставленное маркизомъ де Ланмаръ плодомъ своего вмѣшательства, какъ будто снова подняли на время кредитъ Франціи. Но пособіе, выданное Вичемъ Лестоку, совершило чудеса, и 11 декабря 1742 г. договоръ былъ подписанъ „разрушая всѣ виды версальскаго двора", по мнѣнію англійскаго посланника. Правда, еще обсуждался вопросъ франко-русскаго торговаго договора, „но", замѣчалъ Вичъ, „подготовлявшійся союзъ противъ роскоши, долженъ былъ свести на нѣтъ его результатъ, воспрещая всѣ предметы роскоши французскаго происхожденія. И законъ былъ изданъ. Что касается избранія герцога Голштинскаго, то оно было очевидно толченіемъ воды въ ступѣ. Герцогъ не могъ царствовать въ Швеціи и въ Россіи. По необходимости приходилось его замѣнить дядей, епископомъ Любекскимъ, уже никакъ не представлявшимъ изъ себя француза и готоваго жениться на англійской принцессѣ. Де ла Шетарди могъ теперь вернуться. Его интриги оказались бы безполезными. Впрочемъ, Елизавета не обнаруживала больше никакого стремленія съ нимъ увидаться.

Ее теперь поглащала новая затѣя: она сгорала желаніемъ получить орденъ Подвязки.

Одно время въ Лондонѣ возникли опасенія, какъ бы эта затѣя не нарушила гармонію, такъ хорошо установившуюся между ебоими дворами. Подвязка безъ сомнѣнія красиво дополнила бы туалетъ Императрицы на какомъ нибудь веселомъ маскарадѣ, но честолюбіе Елизаветы въ это время со всѣхъ сторонъ терпѣло неудачи, и Картерэ пришлось отвѣтить, что за исключеніемъ королевы, ни одна женщина не имѣетъ права на ношеніе этого ордена. Однако отъ того не получилось никакихъ дурныхъ послѣдствій. Русской политикой, по увѣренію Вича руководила не императрица, но ея министры, а съ ихъ стороны нельзя было опасаться измѣны: англійское золото ручалось за вѣрность [1]).

Таково было пожеланіе въ Россіи, когда маркизъ де-ла-Шетарди прибылъ во Францію въ началѣ 1743 г. Но ему никоимъ образомъ не приходилось жаловаться, какъ предполагали [2]) на равнодушіе, проявленное дворомъ относительно великой сѣверной державы. Томы дипломатической переписки, относящейся къ этой эпохѣ, въ архивѣ набережной д'Ореэ, „въ русскомъ отдѣлѣ", достаточно опровергаютъ такое предположеніе, и совершенно иное чувство сквозитъ тамъ на каждой страницѣ. Не находили, что Россія не имѣетъ никакого значенія для Франціи; но находили, что она, повидимому, смѣется надъ Франціей и ея представителями, въ томъ числѣ и самимъ маркизомъ де-ла-Шетарди. И послѣдній былъ недалекъ отъ того-же мнѣнія, когда, говоря отъ имени Елизаветы о „героѣ", какъ онъ называлъ его на своемъ таинственномъ языкѣ, Лестокъ убѣждалъ друга вернуться

---

[1]) Сборникъ.

[2]) Вандаль: „Людовикъ XV и Елизавета". Изд. „Сфинксъ". Ц. 2 р. 25 к

въ Россію, но въ тоже время ни подавалъ ни малѣйшей надежды, чтобы императрица рѣшилась разстаться съ своими министрами. По его словамъ, она сердилась на маркиза, что онъ ей въ томъ не помогалъ, устроивъ Михаила Бестужева посланникомъ въ Дрезденѣ! Это называлось безспорно смѣяться надъ человѣкомъ. Д' Альонъ съ своей стороны, повидимому, не отставалъ отъ нея, судя по средствамъ, имѣвшимся, какъ онъ увѣрялъ, въ его распоряженіи, чтобы пошатнуть положеніе вице-канцлера или его брата. То графиня Ягужинская, выйдя замужъ за Михаила Бестужева, обѣщала удалить его изъ Россіи, то княгиня Трубецкая бралась за извѣстное вознагражденіе подорвать вліяніе братьевъ на Елизавету. А между тѣмъ, въ апрѣлѣ 1743 г., въ Версалѣ стало извѣстно о заключеніи русско-прусскаго договора, подписаннаго 23-го прошлаго мѣсяца. Договоръ былъ самъ по себѣ довольно незначительнымъ, только „для обстановки", по мнѣнію Фридриха. Однако послѣдній намѣревался имъ воспользоваться, „чтобы внушить столько же страху Франціи, какъ и Австріи", и поспѣшилъ прислать Елизаветѣ Чернаго орла взамѣнъ Подвязки, посовѣтавъ Мардефельду распустить слухъ, что брилльянты на пряжкѣ оцѣнивались въ 30,000 талеровъ[1]). И Лестокъ въ разговорахъ съ императрицей напрасно дѣлалъ насмѣшливыя замѣчанія о лентѣ ордена: „Если отрѣзать въ ширину полдюйма всякій разъ, когда прусскій король причиняетъ ей огорченія, такъ скоро ничего не останется"[2]). Елизавета не возражала лѣкарю, но отпраздновала полученіе ордена банкетомъ, гдѣ пила за здравіе прусскаго короля, заявляя, что изъ всѣхъ государей, онъ больше всего доказалъ дружбу

---

1) Politische Corresp.
2) „Сборникъ".

и вниманіе со времени его восшествія на престолъ, и обратилась къ Мардефельду съ самыми привѣтливыми рѣчами. „Она знаетъ, что государь его во всякомъ дѣлѣ, взятомъ на себя, достигаетъ совершенства, что вплоть до музыки онъ проявляетъ во всемъ высокое искусство, и никто лучше него не играетъ на нѣмецкой флейтѣ. Но она опасается какъ бы любовь къ этому инструменту не отразилась на легкихъ короля. А если бы это могло случиться, она желала бы чтобы подобнаго не существовало на свѣтѣ[1]). „Затѣмъ она послала свой портретъ замѣчательному флейтисту, и тотъ сейчасъ же выразилъ восторгъ, доставленный ему подаркомъ, „давшимъ ему возможность упиваться чертами самой красивой и совершенной изъ государынь".

Восхищеніе безъ сомнѣнія не отличалось особенной искренностью. Переговоры для заключенія новаго союза дались съ большимъ трудомъ. Фридрихъ желалъ бы возобновить договоръ 1740 г., заключенный при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ; Бестужевъ упорно настаивалъ на образцѣ 1726 г., менѣе выгодномъ для Пруссіи; и пришлось въ этомъ отношеніи пойти на уступки. Фридрихъ хотѣлъ также включить въ новый договоръ гарантію своихъ побѣдъ надъ Австріей. Но наткнулся на рѣшительный отказъ. Тогда кстати предложилъ онъ Россіи принять участіе въ предварительномъ мирѣ, заключенномъ имъ съ Австріей, и взаимную гарантію недавнихъ пріобрѣтеній обѣихъ державъ. Но Елизавета поставила условіемъ своего вступленія въ Бреславльскій договоръ, чтобы такое желаніе было выражено Австріей и Англіей, а по выполненіи этого условія отказалась отъ гарантіи[3]). Но въ общемъ достигнутые результаты

---

[1]) „Сборникъ".

[2]) Мардефельдъ королю, 16 марта 1743 г.

[3]) Соч. Мартенсъ *Сбдраніе договоровъ.*

всетаки могли считаться удовлетворительными. Мардефельдъ увѣрялъ своего государя, что разъ присоедининіе къ Бреславльскому договору совершится,—а оно должно было состояться на дняхъ,—то вмѣстѣ съ новымъ договоромъ оно возмѣститъ желаемую гарантію. А Фридрихъ нашелъ возможность, благодаря понесеннымъ неудачамъ, осуществить значительную экономію. Онъ обѣщалъ 20,000 талеровъ русскимъ министрамъ за подписаніе договора. Теперь, когда Подевильсъ обратился къ нему за распоряженіями о выплатѣ вознагражденія, онъ начерталъ гнѣвной рукой на поляхъ его письма рѣшительный отказъ: „Я не плачу ни за что безъ гарантій и не добившись полнаго исполненія своего желанія“[1]). За то онъ потребовалъ, чтобы Подевильсъ разослалъ всѣмъ своимъ агентамъ приказаніе „подчеркивать тѣсный союзъ съ Россіей“ и постарался добиться отъ петербургскаго двора подобнаго же приказа русскимъ агентамъ. „Получится картина“, говорилъ онъ[2]).

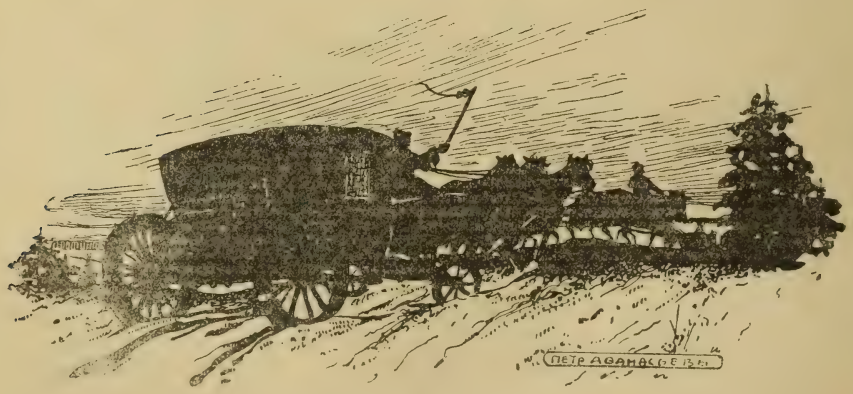
Такая картина не представляла ничего пріятнаго для версальскаго двора. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фридрихъ выразилъ также Марфельду желаніе узнать, какъ поступитъ русскій дворъ, если обстоятельства сложатся такимъ образомъ, что ему, Фридриху, придется встать на сторону Франціи противъ Австріи или напасть на ганноверскія владѣнія? Но это лишь на всякій случай и изъ „любопытства“, Мардефельдъ поспѣшилъ успокоить своего государя въ исходѣ того и другого предположенія. „Сухопутной русской арміи придется плохо“, писалъ онъ, „10,000 солодтъ Вашего Высочества могутъ безъ особаго чуда разбить 25,000 русскихъ. Флоту царицы грозитъ опасность быть поглощеннымъ волнами первой застигшей его бури;

---

1) Подевильсъ королю, 11 января 1743 г. и 20 мая 1743 г.
2) Politische Korrespondenz.

Калмыковъ легко склонитъ за небольшую сумму обратить свое оружіе противъ русскихъ; казаки, не исключая и донскихъ, не способны противустоять прусскимъ драгунамъ, а поляки при первомъ пораженіи Россіи постараются сбросить наложенное ею на нихъ иго[1]). Но собесѣдникъ Фридриха выражалъ увѣренность, что король не помышляетъ въ скоромъ времени предпринять такое испытаніе, и дѣйствительно, продолжая настаивать на полученіи подробныхъ свѣдѣній о возможности завязать сношеніе съ иррегулярными войсками Россіи и ихъ подкупить, Фридрихъ повторялъ своему агенту, что „это лишь на всякій случай, и его твердое намѣреніе—никогда не имѣть столкновеній съ Россіей“,

Шансы Франціи извлечь какую нибудь выгоду изъ этихъ происшествій оставались мало вѣроятными, а конецъ шведской войны ихъ еще уменьшилъ.



---

[1]) Королю, 7 и 14 мая 1743 г.

IV.

Абосскій миръ.

Отъ пораженія къ пораженію шведы дошли въ концѣ 1742 г. до просьбы о мирѣ, и въ январѣ 1743 г. въ Або собрался конгрессъ. Уполномоченнымъ стокгольмскаго двора пришлось тамъ защищать безнадежное дѣло. Въ іюнѣ 1742 г, преслѣдуемый Леси подъ стѣнами Фридрихсгама, Левенгауптъ отступилъ, очистивъ русскимъ Борго, Нейшлотъ и Тавастгузъ. Въ августѣ, когда шведскій генералъ и его коллега Будденброкъ были преданы суду въ Стокгольмѣ и разстрѣляны, ихъ преемникъ, генералъ Бускэ, долженъ былъ сдаться и пожертвовать всей своей артиллеріей. Русскіе заняли Гельсингфорсъ и Або, и чтобы добиться болѣе выгоднаго мира, стокгольмскій дворъ не сумѣлъ придумать ничего лучшаго, какъ избрать герцога Голштинскаго. На принятіе этой мѣры Россіей было мало надежды. Дѣйствительно уловка эта привела лишь къ тому, что Россія предъявила свои условія. Они оказались тяжелыми. С.-Петербургскій дворъ желалъ сохранить всѣ свои завоеванія и соглашался отказаться отъ возмѣщенія военныхъ издержекъ только при замѣнѣ епископомъ Любекскимъ герцога Голштинскаго, какъ и предвидѣлъ англійскій посланникъ. Изъ этого основанія исходили переговоры въ Або, и миръ былъ заключенъ 16 іюня

1743 г. Россія получила восточную часть южной Финляндіи, т. е. область Кименегардъ, съ крѣпостями Фридрихсгамомъ Вильманштрандомъ и Нейшлотомъ[1]).

Франціи оставалось только искусно скрывать свою досаду, Она выказала столь сильное удовольствіе всѣмъ происшедшимъ и такое благодушное настроеніе, что самъ Фридрихъ почувствовалъ себя обезоруженнымъ. Онъ уже журилъ Мардефельда, сохранявшаго настроеніе враждебнаго недовѣрія. „Не вижу", писалъ онъ ему, „на чемъ вы основываете подозрѣнія... будто Франція льститъ себя надеждой за мой счетъ устроить соглашеніе между Испаніей и королевой венгерской. Я допускаю, что дворъ этотъ въ первую минуту досады, вызванной моимъ самостоятельнымъ миромъ съ вѣнскимъ дворомъ, здѣсь и тамъ дѣлалъ намеки мнѣ въ ущербъ; но минута эта прошла или уступила мѣсто неудовольствію, дажо озлобленію противъ Англіи, и мнѣ кажется, я могу себя льстить мыслью, что не на меня Франція сердита болѣе всего[2]).

Такое настроеніе сейчасъ же отразилось въ Парижѣ на маркизѣ де ла Шетарди, изнывавшемъ тамъ, теряя терпѣніе. И постепенно онъ уже началъ сживаться съ мыслью, примирить свою гордость и прежнія заявленія съ возможностью возвращенія въ С.-Петербургъ, не обусловливая его опалой Бестужевыхъ. Единственное, чего онъ желалъ, было, чтобы возвращеніе это все-таки, какимъ-нибудь другимъ образомъ имѣло видъ торжества. Грандіозныя предположенія созрѣвали у него въ умѣ. Они заключались въ образованіи обширной лиги, соединявшей бы, вмѣстѣ съ Франціей и Россіей, тѣсно связанныхъ союзомъ оборонительнымъ

---

[1]) Соловьевъ.

[2]) 12 января 1743 т. Берлинскій Архивъ.

и наступательнымъ, Швецію, Польшу и Порту. Подъ впечатлѣніемъ своего недавняго пребыванія въ Берлинѣ, Пруссію де Ла Шетарди пока оставлялъ въ сторонѣ [1]). Но какъ предполагалъ онъ согласовать такое прекрасное намѣреніе съ обязательствами, только что принятыми Россіей относительно совершенно иныхъ союзниковъ? Тутъ обнаружился его геній. Онъ зналъ эту державу и ея склонность изо дня въ день мѣнять свою политику и переходить отъ одной системы къ другой, при умѣніи воспользоваться средствами, способными привести къ такому результату. А средства эти онъ указывалъ въ запискѣ, поданной Амело. Кардиналъ Флери болѣе не находился у власти. Онъ умеръ 29 января 1743 г., предоставивъ руководство политикой Франціи дѣятелямъ второстепеннымъ. Записка перечисляла какъ условія успѣха, обезпеченнаго заранѣе: присылку портрета короля, „желаемаго царицей вслѣдствіе воспоминанія нѣжнаго и дорогого“, признаніе императорскаго титула, принятаго Елизаветой, обѣщаніе ежегодной субсидіи въ четыреста тысячъ, затѣмъ подарокъ отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ Лестоку, табакерку, усыпанную брильянтами Брюммеру, секретные фонды въ достаточномъ количествѣ, предоставленные въ распоряженіе посланника и, наконецъ, и прежде всего, „красивый въѣздъ“, которымъ посланникъ могъ бы блеснуть въ глазахъ царицы и ея подданныхъ, какъ соотвѣтствующимъ могуществу и великолѣпію государя, имъ представляемаго.

Все ли тутъ? Нѣтъ. Маркизъ де Ла Шетарди обходилъ молчаніемъ въ офиціальномъ документѣ то, чего ожидалъ отъ своихъ личныхъ отношеній къ Елизаветѣ. Но въ кон-

---

[1]) Вандаль. Людовикъ XV и Елизавета. Изд. „Сфинксъ“. Ц. 2 р. 25 к.

фиденціальныхъ разговорахъ съ государственнымъ секретаремъ онъ безусловно не проявлялъ такой сдержанности.

Дю Тейлю, первому секретарю въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, было поручено разсмотрѣть эти предположенія, и онъ добросовѣстно ихъ призналъ романическими и химерическими, не столько по существу, какъ именно благодаря способамъ, какими авторъ предполагалъ обезпечить ихъ успѣхъ. По мнѣнію дю Тейля, крупные расходы съ ними сопряженные, не способны были принести иныхъ плодовъ, кромѣ „удовольствія, испытываемаго посланникомъ, не говоря иногда о денежныхъ выгодахъ, быть тѣмъ, черезъ чьи руки совершается выплата пособій". И онъ пришелъ къ заключенію, навлекшему на него горькіе упреки „Предложеніе союзнаго договора между Франціей, Россіей: Швеціей и Портой болѣе смѣшно, чѣмъ выдумка: сочетать, Венеціанскую республику съ Великимъ Туркомъ".

Было ли тутъ со стороны дю Тейля и его іерархическаго начальства, не поколебавшагося присоединиться къ выраженному мнѣнію, преступное легкомысліе и непониманіе европейскаго положенія? Въ этомъ смыслѣ высказались многіе высокіе авторитеты. Но не заблуждались ли они, представляя себѣ Елизавету въ данную минуту еще стоявшей на перепутьи, передъ тѣмъ какъ дать окончательное направленіе своей внѣшней политикѣ, выжидающей какого-нибудь союза, вполнѣ расположенной искать сближенія съ Франціей, но разочарованной преступнымъ равнодушіемъ преемниковъ кардиналомъ Флери и вынужденной броситься въ объятія Англіи? Ошибка, мною предполагаемая, не вызываетъ разногласія. Она зиждется на невѣрной датѣ со стороны моего предшественника, наиболѣе близко изучавшаго эту фазу внѣшнихъ сношеній Франціи [1]), она заклю-

[1]) Вандаль, Людовикъ XV и Елизавета. Изд. „Сфинксъ" Цѣна 2 р. 25 к.

чалась въ отнесеніи прибытія де Ла Шетарди во Францію къ концу 1742 г. Въ то время англо-русскій договоръ еще не былъ подписанъ. Одно слово изъ Версаля, и онъ канулъ бы въ вѣчность. Допускалась возможность такого магическаго дѣйствія, и я не хочу тому противорѣчить. Слова, страстно просимаго де Ла Шетарди, молимаго съ патріотической прозорливостью, не удалось исторгнуть отъ равнодушныхъ, оцѣпенѣвшихъ версальскихъ политиковъ, и обмѣнъ подписями состоялся въ Москвѣ 24 декабря.

Это ясно, прекрасно придумано, но придумано съ начала до конца и невѣрно, — потому что де Ла Шетарди прибылъ во Францію не въ концѣ 1742 г. Задержавшись сначала въ Франкфуртѣ, благодаря болѣзни, затѣмъ въ Люневилѣ въ обществѣ польскаго короля,—чему его пылъ и патріотическая прозорливость не помѣшали посвятить нѣсколько недѣль, — онъ добрался до Парижа только въ февралѣ 1743 г.—черезъ два мѣсяца послѣ заключенія англо-русскаго договора! И его записка съ изложеннымъ мною выше текстомъ и комментаріемъ относится къ августу мѣсяцу 1743 г., слѣдовательно, написана восемь мѣсяцевъ позднѣе событія, осуществленію котораго она предполагала помѣшать!

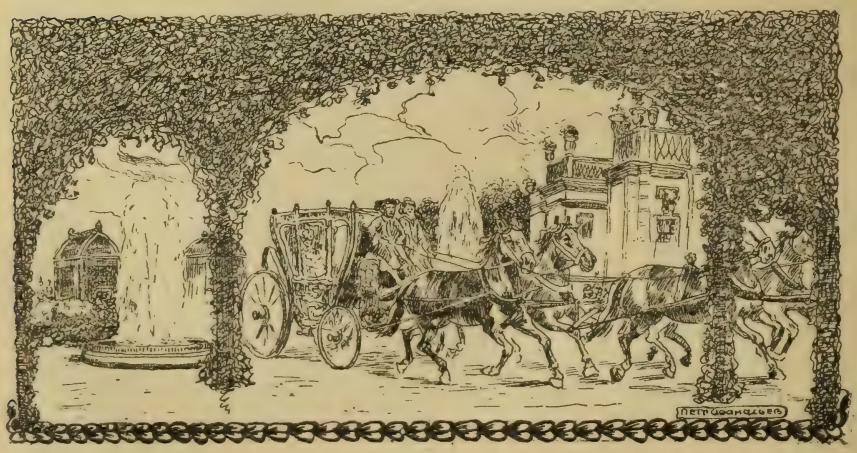
Такъ что дю Тейль оказывался передъ совершившимся фактомъ и не трудно понять, что памятуя о томъ, онъ могъ написать: „Если Франціи стоитъ надъ чѣмъ поработать въ Россіи, такъ только... чтобы помѣшать ей всецѣло перейти на сторону державъ, угрожающихъ Франціи“. „И такимъ образомъ, точно опредѣливъ положеніе согласно календарю и дѣйствительности, подобная политика меланхолической сдержанности, по моему, вовсе не заслуживаетъ осужденія. Въ ближайшемъ будущемъ, при однородныхъ условіяхъ и

по одинаковымъ причинамъ этой же политики держался самъ Фридрихъ.

Уклоненіе отъ нея въ данную минуту единственный упрекъ, по моему мнѣнію, заслуженный преемниками кардинала Флери отъ потомства. Къ несчастью, непредвидѣнный случай заставилъ отъ нея отступить, придавъ романическимъ и химерическимъ видамъ маркиза де ла Шетарди новую привлекательность и толкнувъ самонадѣяннаго дипломата и его довѣрителей на самую жестокую и унизительную неудачу. Записка посланника и справедливыя замѣчанія дю Тейля по этому поводу еще занимали собой вниманіе Амело и его сотрудниковъ, когда въ Версалѣ получилась депеша, отправленная изъ Москвы 10 августа 1743 г. Въ ней заключались слѣдующія строки:

„Наконецъ приближаюсь къ возможности упиться медленными глотками наслажденіемъ гибелью или, по крайней мѣрѣ, опалой Бестужевыхъ“...

Разразилось дѣло Ботта.



V.

Дѣло Ботта.

Заурядная любовная интрига, вызвавшая нѣсколько неосторожныхъ словъ; доносъ по обычаю того времени, послужившій предлогомъ для созданія воображаемаго заговора— вотъ сущоость этого знаменитаго дѣла, повлекшаго пролитіе потоковъ чернилъ, но также и потоковъ крови. Читатель помнитъ бывшаго гофмаршала Левенвольда, сосланнаго теперь въ Соликамскъ. Въ Россіи онъ оставилъ безутѣшную подругу сердца, г-жу Лопухину, соперницу по красотѣ Елизаветы. Офицеръ, родомъ курляндецъ, Бергеръ, получилъ назначеніе начальникомъ отряда, охранявшаго ссыльнаго. Прекрасное занятіе для кирасирскаго поручика! Бергеръ придумывалъ способы отдѣлаться отъ непріятной обязанности, когда Лопухина рѣшила довѣрить ему посланіе къ тому, чье отсутствіе оплакивала. Къ изліяніямъ нѣжности она добавляла слова утѣшенія, всегда встрѣчающіяся при подобныхъ обстоятельствахъ. Времена испытаній, можетъ быть, близились къ концу; подготовлялись событія, которымъ суждено, пожалуй, измѣнить положеніе дѣлъ... Бергеръ подумалъ, что нашелъ то, чего искалъ; основаніе для доноса, за который поспѣшатъ ухватиться, а возникнувшій затѣмъ процессъ, ко-

торый, навѣрное, задержитъ доносчика въ Москвѣ на довольно долгое время и, вѣроятно, доставитъ ему болѣе видное назначеніе. Лопухина была близкой подругой жены Михаила Бестужева. Такимъ образомъ можно было добраться до вице-канцлера, а Лестокъ, навѣрное, будетъ доволенъ, если въ его рукахъ окажется подобное оружіе. Бергеръ отправился къ лѣкарю, подскочившему отъ удовольствія. Принужденный, благодаря соблазну англійскаго золота, сблизиться съ Бестужевыми и за ними ухаживать, онъ отъ этого страдалъ и мечталъ объ отплатѣ. Но необходимо было болѣе подробно выяснить указанія, доставленныя Бергеромъ. У Лопухиной былъ сынъ, бывшій гвардейскій офицеръ, бывшій камеръ-юнкеръ двора Анны Леопольдовны. Лишенный чина и должности, онъ мыкалъ свое горе и обиду по кофейнымъ и, выпивъ лишнее, говорятъ, часто позволялъ себѣ непристойныя рѣчи. Бергеръ получилъ порученіе его отыскать и развязать ему языкъ. Это было дѣло нетрудное. На второй бутылкѣ молодой человѣкъ разболтался: „Онъ вовсе не стремится занять мѣсто при дворѣ, гдѣ пришлось бы сталкиваться съ лакеями, и его родители нисколько не желали, чтобы онъ служилъ правительству, обреченному на скорую погибель. Елизавета черезчуръ любитъ всякій сбродъ и англійское пиво. Она не далеко уйдетъ со своими тремя стами лейбъ-кампанцами. Король прусскій только выжидаетъ удобной минуты, чтобы снова вернуть престолъ императору Іоанну“...

Дѣло складывалось великолѣпно, и на вопросъ Бергера, Иванъ Лопухинъ добавилъ подробность, обѣщавшую богатыя послѣдствія. Передъ отъѣздомъ изъ Россіи маркизъ Ботта увѣрялъ его родителей, что Фридрихъ готовъ поддержать контръ-революцію, и теперь, когда посланникъ этотъ нахо-

дится въ Берлинѣ, не замедлятъ обнаружиться плоды принятыхъ имъ безъ сомнѣнія мѣръ.

Большаго для Лестока не требовалось.

Дипломатъ и солдатъ, бывшій соратникъ принца Евгенія, Антуанетто, маркизъ фонъ-де-Ботта д'Адорно, былъ человѣкомъ въ лѣтахъ, весьма опытнымъ и уважаемымъ. При Аннѣ Леопольдовнѣ, какъ при Елизаветѣ, Маріи Терезіи оставалось лишь благодарить его за услуги. Хотя, пользовавшійся большой близостью и довѣренностью бывшей правительницы, которую тщетно старался предостеречь противъ грозившей опасности, онъ сумѣлъ сохранить спокойную самоувѣренность при восшествіи на престолъ новой императрицы и даже при помощи Бестужева пріобрѣсти при ней извѣстное вліяніе. Это онъ, воспользовавшись бесѣдой наединѣ, подготовленной вице-канцлеромъ, передалъ Елизаветѣ перехваченное письмо отъ Амело къ Кастеллану. Бесѣда длилась цѣлый часъ, и Ботта удалился въ увѣренности, что императрица „только играла въ прятки съ Ла Шетарди". Она его въ томъ увѣряла, добавивъ, что вполнѣ убѣждена въ недобросовѣстности Франціи [1]). Въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ затѣмъ отъѣздъ французскаго дипломата, Ботта, правда, увидалъ поводы, заставившіе его усумниться въ этихъ словахъ, и въ то же время отмѣтилъ убійственное впечатлѣніе, произведенное въ обществѣ паломничествомъ въ Троицу. Просто чудо, что домъ Шетарди не подвергся разгрому въ его отсутствіе, увѣрялъ онъ и высказывалъ опасеніе, что императрица не будетъ въ полной безопасности по возвращеніи въ Петербургъ [2]).

---

[1]) Ботта Улефельду 5 апрѣля 1742 г. Вѣнскій Архивъ.

[2]) „Es ist nicht zu beschreiben was für einen üblen Eindruck bei der Nation gemacht habe das

Вскорѣ у него появился болѣе важный поводъ для безпокойства: именно русско-прусскій договоръ, о заключеніи котораго ему пришлось сообщить въ октябрѣ 1742 г. Но „нація,“ какъ онъ выражался въ своихъ депешахъ, оставалась расположенной къ Австріи, а такъ какъ министры выражали желаніе все-таки сохранить „добрую дружбу и союзъ“ съ этой державой, то можно было не приписывать никакого опаснаго значенія этому событію. Предостеречь отъ этого можетъ особая статья, включенная въ будущее соглашеніе съ Россіей, въ предвидѣніи нового разрыва между королевой венгерской и ея грознымъ противникомъ. Слѣдовало лишь дождаться минуты, когда императрица окажется свободной „von allen Passionen“—(отъ всѣхъ увлеченій). Ожиданіе затянулось дольше, чѣмъ предполагалось, „промеморія,“ врученная посланникомъ въ апрѣлѣ 1742 г. оставалась безъ отвѣта до ноября, а отношенія между Россіей и Пруссіей принимали тѣмъ временемъ все болѣе дружественный характеръ. Марія Терезія сочла умѣстнымъ выразить свое неудовольствіе по этому поводу. Ботта былъ отозванъ, оставивъ въ Россіи простого резидента, Гогенгольца, не соединявшаго съ основательнымъ знакомствомъ со страной, гдѣ состарился, ни талантовъ, ни внѣшности, способныхъ придать ему надлежащее значеніе.

Возможно, что въ это время, въ нѣкоторыхъ русскихъ домахъ, гдѣ онъ бывалъ, какъ напримѣръ у Лопухиныхъ, у посланника вырвалось нѣсколько словъ, выражавшихъ его чувства къ Елизаветѣ, далеко для нея нелестныя, что онъ

---

die Czarin de Chétardie zu der mit der letzterer Post... ervähnten Walhfart mitgenommen habe, welche von den Russen in ihrer Sprache anstatt einer Andacht-Wegnur eine Monstruos-Gesellschaft genannt vird“. Москва, августъ 1742 г. Вѣнск,й Архивъ,

высказалъ неблагопріятное мнѣніе, какое раздѣлялъ съ большинствомъ своихъ современниковъ о достоинствахъ и надеждахъ на устойчивость ея правительства, и сожалѣніе о сверженіи съ престола Іоанна III. Покидая Россію, Ботта собралъ въ Ригѣ и Либавѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о судьбѣ семейства несчастнаго принца и, можетъ быть, проявилъ интересъ, сочтенный неумѣстнымъ и подозрительнымъ. Вотъ повидимому и все[1]).

Но этого было достаточно для цѣли, намѣченной Лестокомъ. Онъ сообщилъ свои планы д'Алльону, и теперь становится понятнымъ смыслъ загадочной депеши, отправленной послѣднимъ въ Версаль. Въ то время, когда онъ ее писалъ, въ первыхъ числахъ августа, по формальному доносу, сдѣланному Бергеромъ въ секретную канцелярію. Лопухина съ сыномъ были арестованы и ихъ первыя показанія позволили запутать въ сѣти вмѣстѣ съ нѣкоторыми незначительными лицами Бестужеву и нѣсколькихъ изъ близкихъ ей людей. Но дѣйствительнаго заговора не оказалось и слѣда, даже послѣ допроса въ застѣнкахъ подъ кнутомъ и надъ раскаленными углями Лопухина и Бестужева; Иванъ Лопухинъ и отецъ его Степанъ повторяли лишь слова болѣе или менѣе компрометирующія, слышанныя отъ Ботты и другихъ лицъ. Но уголовное судопроизводство той эпохи не требовало большихъ уликъ; Елизавета ненавидѣла Лопухину и за красоту, и за воспоминанія дѣтства, съ ней связанныя. Вѣдь она приходилась племянницей Вильяму Монеу, возбудившему ревность Петра Великаго, дочерью Матрены Балкъ, наперсницѣ Екатерины I, потворствующей преступной связи императрицы съ красавцемъ камергеромъ.

---

[1]) Ботта Улефельду, 4-го января 1743 г. по-итальянски. Вѣнскій архивъ. Гогенгольцъ ему же, 17-го августа и 19 октября 1743 г.

Мысль о заговорѣ въ пользу Іоанна III носилась въ воздухѣ, всѣ видѣли повсюду заговорщиковъ, атмосфера была насыщенна нравственнымъ электричестомъ, оставляемымъ за собой крупными политическими переворотами. И, вдыхая воздухъ, зараженный подозрѣніями и интригами, живя въ постоянномъ страхѣ, Елизавета почувствовала, что въ ней пробуждаются жестокія наклонности отца. Наконецъ, и болѣе, чѣмъ Лопухина, Марія Терезія была въ ея глазахъ соперницей, нанести ударъ которой ей доставляло удовольствіе, видя ее, за отсутствіемъ красоты настолько выше себя по рожденію и характеру, положенію и репутаціи. И вотъ эта дочь императоровъ составляла заговоръ противъ дочери Петра Великаго? Убѣдить въ томъ вспыльчивую и мстительную государыню было дѣло нетрудное. Она отдалась чувству ненависти и гнѣва и нѣсколько недѣль не помнила себя отъ раздраженія.

Дыба, кнутъ, всѣ ухищренія пытокъ были пущены въ ходъ во время допросовъ. Я уже разсказывалъ, какъ не дано было пощады даже беременной г-жѣ Лиліенфельдъ, урожденной княжнѣ Одоевской. Послѣ чего особый судъ, включавшій, кромѣ сенаторовъ, трехъ представителей духовенства, приговорилъ къ колесованію, четвертованію, обезглавленію множество преступниковъ и соучастниковъ. По обыкновенію послѣдовало смягченіе наказаній. По представленіи приговора Елизавета дала себѣ нѣсколько дней на размышленіе, потомъ, вернувшись съ бала, объявила помилованіе. Нѣсколько избитыхъ кнутомъ спинъ, да нѣсколько языковъ, вырванныхъ палачами, удовлетворяли и правосудіе, и мстительность вмѣстѣ съ манифестомъ, гдѣ всенародно объявлялось соучастіе маркиза Ботта въ преступленіи, такимъ образомъ наказанномъ.

На „сценѣ“, — какъ называютъ офиціальные документы

эшафотъ, воздвигнутый 31 августа 1743 г. передъ зданіями коллегій,—Бестужева, урожденная Головкина, сестра бывшаго вице-канцлера, невѣстка теперешняго вице-канцлера и вдова по первому мужу одного изъ сподвижниковъ Петра Великаго, знаменитаго Ягужинскаго, выказала удивительное мужество и присутствіе духа. Пока палачъ ее раздѣвалъ, она ухитрилась всунуть ему въ руку крестъ, украшенный брильянтами. Съ профессіональной ловкостью, еще въ недавнее время возведенной его коллегами до степени искусства—смотрите Достоевскаго—палачъ изобразилъ надъ ней простое подобіе казни. Кнутъ чуть задѣлъ плечи осужденной, а ножъ не коснулся ея языка. Нѣмецкій темпераментъ Лопухиной оказалъ ей худшую услугу въ томъ же испытаніи. Когда сорванныя одежды обнажили подъ издѣвательствами и угрозами черни красоту, остававшуюся еще украшеніемъ лучшихъ празднествъ, она обезумѣла, начала отчаянно отбиваться, браниться и укусила палача. Сдавивъ ей рукой горло, тотъ заставилъ ее притихнуть и, минуту спустя, показалъ толпѣ кулакъ, гдѣ трепеталъ кусокъ окровавленнаго мяса.

— Кто желаетъ получить языкъ красавицы Лопухиной? Лакомый кусочекъ, дешево продамъ! За цѣлковый языкъ красавицы Лопухиной!

Привычки той эпохи допускали такія зловѣщія шутки. Палачъ былъ хозяиномъ на своихъ подмосткахъ и столько же ловкостью, сколько юморомъ зарабатывалъ обыкновенно, кромѣ одобренія зрителей, мелкія подачки. Лопухина не слыхала радостныхъ кликовъ, привѣтствовавшихъ ея мученія. Она лежала въ обморокѣ. Кнутъ привелъ ее въ чувство и пьяный палачъ работалъ имъ нещадно. Несчастная женщина однако пережила ужасную пытку и раздѣлила въ глубинѣ Сибири, въ Соликамскѣ, ссылку мужа, также не-

милосердно наказаннаго кнутомъ и умершаго въ 1748 г. Десять лѣтъ спустя она попыталась воздѣйствовать на религіозныя чувства Елизаветы, принявъ православіе, но все-таки ей пришлось ожидать восшествія на престолъ Петра III, чтобы получить помилованіе. Тогда появилась она въ Петербургѣ, но никто больше не узналъ красавицы Натальи. Бестужева была сослана въ Якутскъ, гдѣ до 1761 г. ожидала наступленія медленной смерти, умирая отъ холода и голода, пока дочь ея продолжала блистать при дворѣ, а мужъ занималъ посланническій постъ и сдѣлался прелюбодѣйнымъ супругомъ г-жи Хогвицъ. Слѣдъ остальныхъ осужденныхъ теряется въ тюрьмахъ и далекой каторгѣ [1]).

Но какимъ образомъ Михаилъ Бестужевъ спасся отъ послѣдствій катастрофы, постигшей его жену? Защищенный всемогущимъ покровительствомъ Разумовскаго, какъ онъ, такъ и братъ его, вице-канцлеръ, остались невредимыми. И съ этой стороны Лестокъ не достигъ намѣченной цѣли, разбилась также надежда, какой льстилъ себя французскій повѣренный въ дѣлахъ. Тщетно послѣдній взялъ на себя роль крайне некрасивую, взводя обвиненія самыя невѣроятныя, побуждая къ примѣненію пытокъ самыхъ немилосердныхъ [2]), министерство, дворъ и городъ сохраняли свой прежній видъ. Даже мать - бѣдняжка Лиліенфельдъ, также исчезнувшей въ снѣгахъ Сибири, старая княгиня Одоевская, бывшая щеголиха, не покинула своего довѣреннаго поста около царицы и продолжала наблюдать за туалетомъ ея Величества. И удовлетворенная ужаснымъ зрѣлищемъ, гдѣ была

---

1) См. относительно подробностей драмы статью удивительно документальную въ „Русской Старинѣ“ 1874 г. за подписью редакціи; Соловьевъ, „*Исторія Россіи*“, переписка Пецольда въ „Сборникѣ“. Я пользовался также перепиской Мардефельда въ Берлинскомъ Архивѣ.

2) См. его депеши отъ 10 и 27 августа 1743 г.

выставлена на позорище Лопухина и запятнено имя представителя королевы венгерской, успокоенная отношеніемъ народа, проявлявшаго равнодушіе или непріязнь къ осужденнымъ, Елизавета уже отвлеклась иными заботами и удовольствіями на минуту прерванными.

Велико было разочарованіе во Франціи и смущеніе маркиза де ла Шетарди. Онъ уже приготовился праздновать двойную побѣду: надъ своими противниками въ Москвѣ и возражателями въ Версалѣ. И снова ему пришлось упасть съ облаковъ. Однако онъ ухватился за новую химеру. Перенесетъ ли спокойно Марія Терезія оскорбленіе, нанесенное ей въ лицѣ посланника? При первомъ извѣстіи о событіяхъ, Фридрихъ, также замѣшанный въ невѣроятномъ обвиненіи, возведенномъ на Ботту, поспѣшилъ, не обращая вниманія на обиду, успокоить подозрѣніе или гнѣвъ Елизаветы. Пославъ курьера въ Вѣну съ просьбой о немедленномъ отозваніи скомпрометированнаго дипломата, онъ отправилъ второго въ Москву съ совѣтомъ заточить въ надежное мѣсто и какъ можно дальше малютку Іоанна III и его родителей. Какъ намъ извѣстно, совѣту послѣдовали и семейство герцоговъ Брауншвейгскихъ попало въ число жертвъ вымышленнаго заговора,

Но Марія Терезія не была похожа на Фридриха. Недовольствуясь оскорбленіемъ, нанесеннымъ косвеннымъ образомъ государынѣ манифестомъ, Елизавета, черезъ своего посланника въ Вѣнѣ, Ланчинскаго, потребовала строгаго разслѣдованія и примѣрнаго наказанія виновнаго посланника, Безъ сомнѣнія, ла Шетарди разсчитывалъ, что такимъ образомъ оскорбленная и опозоренная гордая Марія Терезія не снесетъ удара. И политика Бестужевыхъ, въ сущности, главнымъ образомъ, австрійская, безусловно потерпитъ пораженіе. На самомъ канцлерѣ должно непремѣнно отразиться

пережитое имъ потрясеніе, хотя, повидимому, оно не подорвало его вліянія. Новое усиліе, немедленно предпринятое, безспорно повергнетъ его на землю.

Воображеніе ла Шетарди снова унеслось, и къ сожалѣнію въ Версалѣ не нашлось никого, чтобы подрѣзать ему крылья. Впрочемъ, читатель помнитъ, что возвращеніе молодого дипломата въ Россію было уже давно рѣшено и ему самому предоставлено право выбора, подходящаго для того времени. Онъ нашелъ, что часъ пробилъ, ему не возражали. Разумѣется, уже не поднимался вопросъ о честолюбивой программѣ, предложенной недавно маркизомъ. Дю Тейль ее разбилъ, и обстоятельства измѣнились. Де ла Шетарди отправлялся въ Россію не для того, чтобы создать тамъ новую систему союзовъ, но просто, чтобы свергнуть министра, враждебнаго Франціи, воспользовавшись для этой цѣли интригой, неудавшейся, но все-таки поколебавшей, по его мнѣнію, положеніе противника. Опредѣливъ такимъ образомъ назначеніе посольства, оставалось лишь дать инструкціи посланнику. По правиламъ онъ долженъ ихъ получить, а въ то же время невозможно было пристойнымъ образомъ изложить въ нихъ то, что логически слѣдовало сказать. Отважный дю Тейль снова принялъ на себя этотъ трудъ и добросовѣстно заполнилъ пятьдесятъ страницъ—объемъ соотвѣтствовавшей важности документа — словами, почти лишенными смысла. Онъ развивалъ главнымъ образомъ ту мысль, что торговый и морской договоръ лучше всего скрѣпилъ бы, во благо интересамъ обѣихъ странъ, ихъ дружбу и тѣсный союзъ. Къ его великому удивленію де ла Шетарди не пожелалъ удовлетвориться такимъ текстомъ.

— Я отправляюсь туда, чтобы заниматься политикой, а не торговлей,—возразилъ онъ.

— Но политически Россія уже связана съ нашими злѣйшими врагами.

— Развѣ моя миссія не въ томъ, чтобы водворить тамъ порядокъ?

Пришлось исполнить его желаніе. Дю Тейль снова взялся за перо и, хорошенько пораздумавъ, наконецъ нашелъ слѣдующую удивительную комбинацію: союзъ Россіи съ Швеціей, заключенный при содѣйствіи Франціи, не отказывающейся также принять въ немъ участіе. На этотъ разъ вышло превосходно; недоставало лишь одного: знаменитаго „въѣзда", о которомъ не подумали, а между тѣмъ самый честолюбивый изъ посланниковъ только о томъ и мечталъ. Считаясь съ финансовыми затрудненіями своего двора, онъ опредѣлялъ его стоимость всего въ 150,000 ливровъ: 60,000 ливровъ на кареты и берлины; 25,000 ливровъ на сбрую; 11,800 ливровъ на одежду конюшихъ, чиновниковъ и пажей; 42,000 ливровъ на ливреи. Расчетъ былъ сдѣланъ самый точный.

Надѣялись устранить это новое требованіе, приведя примѣръ князя Кантемира, не сдѣлавшаго „въѣзда".

— Ну такъ что же! — возразилъ маркизъ, — онъ его сдѣлаетъ.

— Вы думаете, онъ того желаетъ?

— Не сомнѣваюсь; но я все же удостовѣрюсь.

Спрошенный Кантемиръ запротестовалъ. Уже пораженный болѣзнью, унесшей его въ могилу менѣе, чѣмъ черезъ годъ, осужденный на жизнь уединенную и по состоянію здоровья, и по скудности жалованія, выплачивавшагося весьма неаккуратно, онъ не имѣлъ ни желанія, ни средствъ принимать на себя такіе расходы. Онъ держался далеко отъ двора, питался исключительно молокомъ и почти ограничивалъ свое посланничество покупкой засахаренныхъ фруктовъ и сыровъ для

стола императрицы и портретовъ членовъ королевскаго дома для галлереи ея величества [1]). Видя настойчивость де ла Шетарди, онъ вынулъ изъ кармана бумагу и небрежнымъ тономъ предложилъ собесѣднику слѣдующій вопросъ:

— Ваши ввѣрительныя грамоты величаютъ ли государыню императорскимъ титуломъ?

Какъ извѣстно, маркизъ ставилъ это условіе, но, наткнувшись на рѣшительный отказъ, вынужденъ былъ уступить.

— Очень досадно,—продолжалъ тогда Кантемиръ.—Вамъ не придется въ такомъ случаѣ ни вручить своихъ грамотъ, ни занять офиціальнаго положенія при дворѣ. Такъ что объ „въѣздѣ не можетъ быть и рѣчи. Я только что получилъ рескриптъ, который собираюсь сообщить вашему двору, весьма опредѣленно высказывающійся по этому поводу.

Дѣйствительно, неудобство было ужасное. Черезъ нѣсколько дней, благодаря усиленнымъ мольбамъ, ла Шетарди добился только одного; ему позволили величать лично царицу желательнымъ ей титуломъ, но на дальнѣйшіе шаги пока не послѣдовало согласія. Въ этомъ отношеніи выставлялся довольно вѣскій доводъ. Франція не могла ничего больше предложить Россіи. То былъ фактъ, и самыя искусныя комбинаціи не были въ состояніи его измѣнить. Англія давала деньги; Пруссія и Австрія войска; въ распоряженіи Франціи оставалось только одно. Добровольно согласившись на уступку, которой придавали, повидимому, большое значеніе, она рисковала оказаться съ пустыми руками въ весьма плохомъ положеніи для переговоровъ. Титулъ, желаемый царицей, долженъ былъ служить приманкой или, по выраженію дю Тейля, любителя пустословія, „скрѣпой“ союза, ка-

[1]) Воронцовскій архивъ.

кой можно бы заключить съ государыней, если она согласится нарушить овои теперешнія обязательства.

Въ послѣднюю минуту, въ концѣ сентября, когда Кантемиръ сдѣлалъ возвѣщенное сообщеніе, де ла Шетарди получилъ нѣчто большее, въ видѣ слѣдующей хитроумной выдумки: ему дали „на случай крайней надобности", два письма отъ короля къ Елизаветѣ: въ одномъ содержался титулъ, но то не была ввѣрительная грамота, оно называлось просто „дружескимъ письмомъ"; другое, составленное такъ же и предназначенное замѣнить первое, въ случаѣ, если оно окажется недостаточнымъ, было ввѣрительной грамотой, но въ видѣ „письма отъ руки", а не „письма изъ канцеляріи", что „налагало менѣе обязательствъ" [1]). Кантемиру ничего не было извѣстно объ этихъ придуманныхъ уловкахъ. Когда въ бесѣдѣ съ министрами короля онъ выразилъ безпокойство объ улаженіи щекотливаго вопроса, ему отвѣчали: „Все устроится въ скоромъ времени" [2]).

Но уже посланникъ измѣнилъ свой планъ. Разъ нельзя ему было совершить „въѣзда", достойнаго своего сана, разъ вопросъ этикета могъ создать препятствіе къ простому признанію его дипломатическаго характера, разъ, наконецъ, дѣйствительная цѣль возвращенія въ Россію заключалась въ возобновленіи страшной борьбы съ прежними противниками, онъ соглашался принять всѣ послѣдствія такого исключительнаго положенія. Онъ появится тамъ, какъ частное лицо; не будетъ имѣть никакого отношенія къ министрамъ, обреченнымъ на скорую погибель; помимо ихъ поведетъ переговоры съ самой Елизаветой, и ихъ опалу и отказъ отъ ихъ

---

[1]) Вандаль, *Людовикъ XV и Елизавета.* Подробность имѣла значеніе, какъ будетъ далѣе видно.

[2]) Воронцовскій архивъ.

политики поставитъ условіемъ союза съ Франціей, услажденнаго признаніемъ императорскаго титула. Лестокъ сообщалъ въ своихъ письмахъ, что „герой страстно жаждетъ удовлетворенія въ этомъ отношеніи“. Возбудивъ надлежащимъ образомъ эту страсть и другія чувства съ ней связанныя, ла Шетарди надѣялся достигнуть своей цѣли. Тогда онъ приметъ званіе посланника и совершитъ „въѣздъ“, какого еще не видали въ Россіи, если только... Послѣдній планъ сплетался съ мечтами, хранимыми маркизомъ въ глубинѣ души про себя. Лестокъ уже обращалъ вниманіе своего друга на то, что ни одинъ иностранецъ, занимающій офиціальное положеніе, никогда ни пользовался близостью къ государынѣ, То былъ вопросъ принципа. И троицкій паломникъ вспоминалъ, что получилъ предложеніе сопровождать императрицу на богомолье только послѣ прощальной аудіенціи. Самъ Мардефельдъ отмѣтилъ эту черту въ неотступныхъ наблюденіяхъ надъ нравами и привычками Елизаветы [1]). Она заслуживала размышленія человѣка, уже мечтавшаго въ Россіи объ иной роли, чѣмъ та, какую ему сулила даже счастливо исполненная дипломатическая миссія.

Съ такими намѣреніями представитель Франціи пустился въ путь подъ предлогомъ посольства, въ дѣйствительности не существовавшаго и обращеннаго имъ въ крайне опасное приключеніе.

---

[1]) Королю, 28 декабря 1742 г.

VI.

Возвращеніе де ла Шетарди въ Россію.

Покинувъ Парижъ въ первыхъ числахъ октября 1743 г. ла Шетарди путешествовалъ не торопясь, направляясь черезъ Копенгагенъ и Стокгольмъ, откуда маркизъ де Ланмари поддерживалъ съ д'Алльономъ дѣятельную переписку. Предметъ ея составлялъ по прежнему ожидаемое паденіе Бестужевыхъ. Д'Алльонъ увѣрялъ, что усердно надъ нимъ работаетъ, считалъ себя близкимъ къ цѣли и былъ не мало раздосадованъ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи своего бывшаго начальника. Не задумываясь, онъ рѣшилъ, что ла Шетарди испортитъ ему все дѣло, и не преминулъ написать въ этомъ духѣ въ Версаль. По его словамъ появленіе маркиза „придастъ новыя силы противной партіи" и „препятствія, подготовляемыя этой партіей бывшему посланнику, относились болѣе лично къ нему, чѣмъ къ намѣреніямъ русскаго двора касательно Франціи [1]). Представители остальныхъ державъ не вполнѣ раздѣляли такой взглядъ. Англійскій посланникъ въ особенности высказывалъ сильное волненіе, обезпокоенный поведеніемъ Лестока и, выплачивая

---

[1]) Къ Амело, 7 декабря 1743 г.

лекарю часть назначеннаго ему пособія, спрашивалъ себя: „Не даромъ ли это брошенныя деньги?“ [1]).

Вся эта переписка, конечно, перехватывалась вице-канцлеромъ, сумѣвшимъ сильно возбудить въ этомъ отношеніи любопытство Елизаветы, настолько, что она сама занималась поддѣлываніемъ печатей, употребляемыхъ иностранными послами, чьи депеши подвергались „перлюстраціи“ [2]). Такимъ образомъ министръ оказывался хорошо освѣдомленнымъ и держался на сторожѣ.

Помимо естественнаго желанія подготовиться къ своей миссіи посѣщеніемъ дружественныхъ дворовъ, у де ла Шетарди была другая причина для замедленія путешествія. Остановка была имъ разсчитана такимъ образомъ, чтобы прибыть въ Петербургъ 24 ноября. На слѣдующій день Елизавета праздновала годовщину своего восшествія на престолъ, и, безъ сомнѣнія, она не пожелаетъ въ такой день удалить отъ себя человѣка, „возведшаго ее на престолъ“, какъ она иногда говорила. Поэтому она не станетъ считаться съ этикетомъ. Къ несчастью, расчеты путешественника оказались неправильными. Онъ отнесся слишкомъ довѣрчиво къ шведской почтѣ, русскимъ дорогамъ и къ сѣверной зимѣ. Рискуя поломать себѣ кости въ рытвинахъ, бросивъ дорогой своего секретаря со сломанной рукой и большинство слугъ, онъ добрался до столицы лишь въ ночь съ 24 на 25 ноября. Здѣсь его ожидала новая задержка: предстоялъ еще переѣздъ черезъ Неву, а переправа была запрещена. По рѣкѣ шли громадныя льдины; три офицера погибли наканунѣ. Такимъ образомъ день, на который маркизомъ возлагалось столько упованій, засталъ его въ уединенной хижинѣ,

---

[1]) Сборникъ.

[2]) Воронцовскій Архивъ.

полумертвымъ отъ усталости, холода и голода. Только въ девять часовъ утра офицеръ и сержантъ, высланные ему навстрѣчу, предложили ему свои услуги. Опасный переходъ по доскамъ, переброшеннымъ черезъ рукава рѣки, и путешествіе пѣшкомъ по разбитой дорогѣ привели наконецъ маркиза въ предмѣстье, гдѣ ожидала его придворная карета и записка Лестока. Передавая о сожалѣніяхъ, высказанныхъ императрицей при извѣстіи объ опасностяхъ, какимъ подвергался ла Шетарди, лѣкарь предлагалъ ему свое гостепріимство, такъ какъ аппартаменты, приготовленные для него по распоряженію ея величества оказались слишкомъ сырыми. Плохое начало. Прибывъ къ другу, маркизъ узналъ, что офиціальный пріемъ, гдѣ онъ разсчитывалъ появиться, уже окончился. Однако вечеромъ, посѣтивъ Брюммера, онъ получитъ возможность встрѣтиться съ государыней. Свиданіе и случай дружеской бесѣды: въ крайнемъ случаѣ исходъ казался пріемлемымъ. Но несчастный дипломатъ еще не до дна выпилъ чашу разочарованій. Прибывъ къ камергеру герцога Голштинскаго, онъ засталъ противъ ожиданія многочисленное общество, гдѣ „соглядатаи и ставленники Бестужева“ показались ему въ большомъ количествѣ. Окруженная толпой, императрица оказала путешественнику любезный пріемъ, отзывавшійся однако нѣкоторой принужденностью. Искусными ухищреніями онъ все-таки добился бесѣды наединѣ и хотѣлъ сейчасъ же воспользоваться ею, чтобы приступить къ жгучему вопросу о титулѣ. Но Елизавета уклонилась отъ этого разговора, спросивъ, какъ поживаетъ король. Ла Шетарди опять попытался воспользоваться ея вопросомъ, придавъ первому свиданію дружественный и вкрадчивый оборотъ. Сдѣлавъ намекъ на проектъ брака, отвергнутый Франціей и не оставившій, конечно, пріятныхъ воспоминаній въ сердцѣ той, чье самолюбіе было задѣто, онъ

увѣрялъ, что король не забылъ обстоятельствъ 1725 г. „Они запечатлѣли въ его сердцѣ слѣдъ на вѣки неизгладимый. Поэтому онъ убѣжденъ, что ваше императорское величество“ приметъ его портретъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ онъ его посылаетъ“.

Комплиментъ, приправленный титуломъ, заставилъ Елизавету покраснѣть отъ удовольствія.

— Правда! Вы привезли портретъ...

Ла Шетарди на минуту растерялся. Эту уступку, заявленную имъ въ Версали, постигла судьба остальныхъ. На нее было выражено согласіе при томъ же ограничительномъ условіи:—„Взамѣнъ предварительнаго заключенія союза.“ Онъ постарался выпутаться, какъ умѣлъ. Въ желаніи придать портрету наиболѣе сходства, король, по его словамъ, заказалъ его нарочно, и художникъ еще не закончилъ своей работы. Елизавета покраснѣла еще разъ и подозвавъ жестомъ Брюммера и Лестока, заставила повторить мадригалъ въ ихъ присутствіи [1]).

На этомъ разговоръ закончился. Однако его оказалось достаточнымъ, чтобы возбудить сильное безпокойство противниковъ Франціи. Тѣмъ болѣе, что въ послѣдующіе дни ла Шетарди, повидимому, сумѣлъ склонить на свою сторону своего прежняго дипломатическаго союзника. Въ глазахъ Мардефельда Бестужевъ оставался душой и тѣломъ навѣки преданнымъ Австріи. А послѣднія инструкціи Фридриха какъ-будто указывали, что прусскій король предполагаетъ въ недалекомъ будущемъ возобновить свои распри съ королевой венгерской. Вслѣдствіе того прусскій посланникъ обнаружилъ готовность поддерживать своего французскаго коллегу и воспользоваться услугами, какія послѣдній могъ

---

[1]) Ла Шетарди къ Амело 14 декабря 1743 г.

оказать общему дѣлу. Депеша, отправленная имъ въ Берлинъ на слѣдующій день по прибытіи маркиза, любопытно отмѣчаетъ новое настроеніе духа. Она двойная и обыкновеннымъ языкомъ въ ней написано: „Императрица приказала принцу Гессенскому озаботиться устройствомъ переправы черезъ Неву, такимъ образомъ маркизъ де ла Шетарди прибылъ вчера и имѣлъ честь провести нѣсколько часовъ послѣ пріема въ аппартаментахъ г-на Брюммера въ обществѣ великой государыни, передавшей ему, что охотно принимаетъ его, какъ графа Перузскаго, но что, если ему надо говорить о дѣлахъ, то слѣдуетъ обратиться къ министрамъ". Подъ шифрами: „Это была лишь игра для того, чтобы ввести въ обманъ министровъ. Императрица дала приведенный отвѣтъ де ла Шетарди, намекнувшему ей раньше, что онъ прибылъ не какъ посланникъ, а какъ искренній и преданный слуга, чтобы блюсти ея интересы и открыть ей глаза на мошенничества нѣкоторыхъ министровъ, въ то же время посовѣтовавъ ей придерживаться исключительно дружбы вашего высочества [1])".

Плохо освѣдомленный на этотъ разъ Мардефельдъ, очевидно, повторялъ лишь рѣчи, слышанныя отъ самаго ла Шетарди. Но онъ охотно вѣрилъ своему коллегѣ на слово и нѣсколько дней спустя снова писалъ: „Маркизъ такъ же хорошо принятъ при дворѣ, какъ и раньше". Это была правда, однако, въ сущности, ничего не означавшая. Де ла Шетарди по прежнему пользовался доступомъ во дворецъ и всегда встрѣчалъ тамъ любезный привѣтъ. Онъ присутствовалъ на пріемахъ и празднествахъ. Въ день годовщины основанія ордена Андрея Первозваннаго, онъ явился залитый брилльянтами, о происхожденіи которыхъ шопотомъ

---

[1]) Королю, 7 декабря 1743 г.

передавали другъ другу, а англійскому посланнику пришлось только насмѣшливо замѣтить, что благодаря толкотнѣ, одна изъ звѣздъ, составлявшая часть блестящаго убранства, потеряла одинъ изъ своихъ лучей [1]). Но звѣздоносцу приходилось сознаться, что привѣтливая и любезная какъ раньше, Елизавета старательно избѣгала всякаго разговора о дѣлахъ. Съ другой стороны, если онъ дѣлалъ видъ, что совершенно не признаетъ министровъ царицы, послѣдніе рѣшительно платили ему той-же монетой, подчеркивая, что считаютъ за представителя Франціи только одного д'Алльона, впрочемъ не принимая нотъ и отъ него, за отсутствіемъ въ нихъ императорскаго титула. И въ депешахъ, отправляемыхъ въ Версаль, и въ разговорахъ съ посланникомъ имъ не бывшимъ, д'Алльонъ настаивалъ съ возрастающимъ жаромъ на неудобствахъ такого необыкновеннаго положенія вещей. Благодаря этому, между маркизомъ и его бывшимъ подчиненнымъ образовались довольно натянутыя отношенія, грозившія неизбѣжнымъ столкновеніемъ. Вскорѣ оно дѣйствительно произошло, получивъ довольно непріятную огласку.

Въ архивѣ на набережной д'Орсэ существуютъ, безъ указанія происхожденія, мемуары, озаглавленные: „Подлинная исторія д'Алльона", съ помѣткой на поляхъ неизвѣстной рукой: „Мемуары эти—романъ, исполненный лжи". Д'Алльонъ изображенъ здѣсь сыномъ парикмахера изъ Майнца, принадлежавшимъ раньше къ свитѣ де Бонака, котораго сопровождалъ въ Константинополь, гдѣ натворилъ много сумасбродствъ и былъ отправленъ въ Персію. Привезенный затѣмъ въ Россію маркизомъ де ла Шетарди и заступившій его мѣсто, какъ повѣренный въ дѣлахъ, онъ дозволилъ себѣ будто бы злоупотребленія дипломатическими

---

[1]) „Сборникъ".

льготами, обративъ зданіе посольства въ складъ товаровъ и торговый домъ. По этому поводу произошла ссора между двумя представителями французской дипломатіи. Получивъ въ отвѣтъ на свой упрекъ оскорбительное запирательство, маркизъ ударилъ д'Алльона по лицу. Тотъ схватился за шпагу; отнимая оружіе, маркизъ поранилъ себѣ два пальца и безъ вмѣшательства секретаря недоразумѣніе могло бы имѣть трагическій исходъ.

Фактъ столкновенія, происшедшаго болѣе или менѣе на такой почвѣ и исходъ его не подлежатъ сомнѣнію. Сейчасъ же разнесшаяся молва о случаѣ породила донесенія и толки самые разнообразные. Нѣсколько недѣль спустя, прибывъ въ Россію и встрѣтившись на почтовой станціи съ д'Алльономъ, отозваннымъ въ это время во Францію, преемникъ Вича, лордъ Тираули искалъ подъ парикомъ бывшаго завѣдующаго дѣлами мѣтку отъ бутылки, пущенной ему въ голову де ла Шетарди. „Когда я отправлялся въ Лиссабонъ, писалъ онъ, посланникъ короля, мой предшественникъ побилъ тамъ консула; повидимому въ этомъ отношеніи надъ моими миссіями тяготѣетъ рокъ". Какъ видно, подобныя стычки были не рѣдкостью въ современныхъ дипломатическихъ нравахъ. Тѣмъ или инымъ образомъ де ла Шетарди былъ дѣйствительно раненъ. На пріемѣ во дворцѣ онъ появился съ рукой на перевязи и увѣрялъ, что пострадалъ во время опытовъ съ порохомъ. Елизавета разсмѣялась, услыхавъ отъ него такой разсказъ, объявила, что его стоитъ высѣчь, какъ ребенка, и прислала ему пучекъ розогъ [1]). Ни она, ни ея приближенные не повѣрили объясненію, и происшествіе не содѣйствовало поднятію престижа лицъ къ нему причастныхъ.

---

[1]) Соловьевъ. „Исторія Россіи".

Добившись отозванія д'Алльона, вручивъ Брюммеру портретъ короля и 60,000 ливровъ Лестоку, весьма нахально заявившему, что предпочитаетъ изображеніе его высочества въ такомъ видѣ, маркизъ не достигъ ничего: Елизавета нисколько не измѣнила своего обращенія. Пошутивъ раньше надъ раной, она потомъ дружески фамильярно поздравляла ла Шетарди съ полученнымъ имъ бригадирскимъ чиномъ: „Не знаю, почему я такъ хорошо къ вамъ отношусь, вѣдь скорѣе мнѣ слѣдовало бы досадовать на васъ. Прежде мы были оба полковниками, а теперь мнѣ пришлось обратиться въ вашего подчиненнаго [1])". Это было прелестно, но не вело ни къ чему. Въ Версали сознавали это прекрасно и съ января мѣсяца 1744 г. къ ла Шетарди стали предъявляться настойчивыя требованія, чтобы онъ воспользовался данной ему возможностью урегулировать свое положеніе и приступилъ, наконецъ, къ серьезнымъ переговорамъ. Но онъ продолжалъ оказывать въ этомъ отношеніи упорное неповиновеніе, ссылаясь на всевозможныя извиненія и оговорки: трудно было возбудить вопросъ объ императорскомъ титулѣ съ царицей; онъ отправляется въ Москву, и тамъ онъ надѣется, что ему представится для того случай болѣе благопріятный. Но маркизъ не говорилъ всей правды. Мардефельдъ ее зналъ и повѣдалъ намъ. Ла Шетарди „возбуждалъ вопросъ передъ Елизаветой, предлагая войти въ переговоры по этому поводу съ однимъ изъ министровъ государыни, но не желалъ, чтобы этимъ министромъ былъ Бестужевъ". Подобно Елизаветѣ, прусскій посланникъ находилъ требованіе невыполнимымъ, но представитель Фридриха не старался въ томъ убѣдить своего коллегу [2]).

---

[1]) Ла Шетарди къ Амело, 17 (28) января 1744 г.

[2]) Королю, 11 января 1774 г.

Роль прусской дипломатіи въ этомъ эпизодѣ никогда не была выяснена, что безъ сомнѣнія зависитъ отъ отсутствія документовъ. Относящіеся къ нему въ перепискѣ Фридриха съ Мардефельдомъ не вошли въ изданіе, допустившее и нѣкоторые другіе, указанные мною пробѣлы. Постараюсь ихъ здѣсь заполнить. До возникновенія дѣла Ботты политика французская и прусская, разъединенныя примиреніемъ Фридриха съ Маріей Терезіей, не стремились дѣйствовать сообща, а съ другой стороны прусскій король не придавалъ большого значенія своему союзу съ Россіей. Смыслъ такого союза подрывался въ его глазахъ австрійскими симпатіями Бестужева. Ложный заговоръ, съ вытекающими изъ него международными осложненіями, повидимому, измѣнилъ положеніе. Можно съ увѣренностью сказать, что Фридрихъ раздѣлялъ до извѣстной степени иллюзіи де ла Шетарди относительно послѣдствій событія. Что сейчасъ же отозвалось на приказаніяхъ, посланныхъ имъвъ Москву. „Надо поймать мячъ на лету“, писалъ Фридрихъ онъ Подевильсу, „я не пожалѣю денегъ, чтобы склонить теперь на свою сторону Россію и привлечь ее всецѣло. Сейчасъ для того самая подходящая минута, или намъ это никогда не удастся. Вотъ почему слѣдуетъ расчистить себѣ дорогу, свергнувъ Бестужевыхъ и всѣхъ, кто могъ бы оказать намъ противодѣйствіе. Утвердившись же прочно въ Петербургѣ, мы можемъ посчитаться съ Европой“ [1]). И Мардефельду: Слѣдуетъ ковать желѣзо, пока горячо, наши интересы и интересы императрицы должны нераздѣльно слиться... надо свергнуть Бестужевыхъ, или ихъ подкупить... потому что я увѣренъ, что часъ пробилъ, и Россія дается мнѣ въ руки сейчасъ или никогда [2]).

---

[1]) 21 августа 1743 г.

[2]) 20, 21 и 25 августа 1743 г.

Такимъ образомъ сближеніе обѣихъ дипломатій, прусской и французской, совершалось, такъ сказать механически, безъ всякаго соглашенія, просто благодаря полнѣйшему совпаденію цѣли, преслѣдуемой одновременно и средствъ, выбранныхъ для ея достиженія. Съ той и съ другой стороны царило стремленіе уничтожить въ Россіи австрійское вліяніе и съ этой цѣлью „свергнуть Бестужевыхъ". Въ виду такой задачи Фридрихъ рѣшилъ дать своему посланнику другого союзника, кромѣ ла Шетарди. Вслѣдъ за возвращеніемъ послѣдняго въ Россію, здѣсь произошло событіе великой важности для ея будущаго и для развитія ея международныхъ отношеній: принцесса Цербгская прибыла въ Петербургъ съ дочерью, офиціально предназначенной въ супруги герцогу Голштинскому, и, рекомендуя невѣсту выбору Елизаветы, прусскій король безусловно разсчитывалъ, что мать съ дочерью будутъ служить его интересамъ. Но узнавъ, что имъ предстоитъ встрѣтиться при сѣверномъ дворѣ съ предпріимчивымъ французскимъ дипломатомъ, онъ болѣе не колебался по поводу предстоящихъ отношеній къ этому болѣе или менѣе желательному партнеру: предписалъ принцессѣ Цербтской слѣдовать совѣтамъ Мардефельда. Послѣдній же получилъ приказаніе заключить союзъ со своимъ французскимъ коллегой и оказывать ему поддержку, при чемъ Фридрихъ довѣрилъ своему посланнику „подъ печатью ненарушимой тайны", что намѣревается „снова сблизиться съ Франціей".

Очевидно, король уже задумывалъ новое вооруженное столкновеніе съ Маріей Терезіей и подготовлялъ почву для коалиціи. Итакъ, предоставляя къ услугамъ де ла Шетарди вліяніе свое и принцессы Цербтской, Мардефельдъ долженъ былъ заручиться въ видѣ взаимности помощью маркиза въ подготовленіи тройного союза между Пруссіей, Россіей и

Швеціей. И въ этомъ отношеніи опять существовало совпаденіе между комбинаціями одновременно выработанными въ Версалѣ и въ Берлинѣ, такъ какъ читатель не забылъ въ инструкціяхъ де ла Шетарди тройственнаго союза, изобрѣтеннаго дю Тейлемъ. Происхожденіе прусской комбинаціи относилось нѣкоторыми историками къ другой эпохѣ, позднѣйшей, вслѣдъ за окончательной неудачей французской попытки. Она преслѣдовала цѣль союза между Франціей и Россіей, безъ вѣдома послѣдней—затѣя, разрушенная проницательностью Бестужева. Тутъ существенная ошибка. Предназначенные къ неизбѣжному сліянію въ случаѣ осуществленія, оба тройственные союза проводились одновременно, въ двойной программѣ переговоровъ, не имѣвшей съ одной стороны—стороны французской—собственно никакой надежды на успѣхъ, никогда не послуживъ вопросомъ серьезнаго обсужденія. Послѣ неудачи, постигшей ла Шетарди, осталась на лицо только прусская комбинація, и Бестужевъ высказывалъ готовность ее поддержать. Въ данное время, что касается Франціи, у Фридриха въ Петербургѣ была только одна забота: избѣжать всякой видимости компрометирующаго соглашенія. Соглашеніе предшествовало неудачѣ и ее не пережило, достаточнымъ ручательствомъ за что могли служить привычки Фридриха въ области совмѣстныхъ или дружныхъ дѣйствій.

Но желаемое, даже предписанное имъ до неудачи, франко-прусское соглашеніе не отличалось полной искренностью. Миссія де ла Шетарди, повидимому, вполнѣ благопріятствовавшая намѣреніямъ короля, все-таки внушала ему многочисленныя и разнообразныя опасенія. Прежде всего онъ считалъ ее опасной и страшился риска, грозившаго въ столь ненадежномъ сообществѣ. Кромѣ того, онъ боялся также и еще болѣе чрезмѣрныхъ преимуществъ, какія

могла извлечь Франція изъ предполагаемаго успѣха. Поэтому, не щадя средствъ для сохраненія дружбы маркиза и выражая ему при всякомъ случаѣ полнѣйшее довѣріе, Мардефельдъ долженъ былъ слѣдить съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за поступками своего коллеги и, насколько возможно, не навлекая на себя подозрѣнія, не давать французу черезчуръ завладѣвать императрицей, пріобрѣтая на нее чрезмѣрное вліяніе. Наконецъ, работая сообща надъ паденіемъ вице-канцлера, въ случаѣ неудачи, Мардефельдъ долженъ былъ устроиться такимъ образомъ, „чтобы вся злоба обрушилась на одного де ла Шетарди“ [1]).

Такая двуличная роль, въ которой прусскому дипломату пришлось изощрять всю свою ловкость, не заключала въ себѣ ничего славнаго, и когда произошла предвидѣнная Фридрихомъ неудача, король счелъ умѣстнымъ не выводить на свѣтъ мѣры, принятыя по этому случаю. Издатели его переписки послѣдовали данному имъ примѣру сдержанности.

Читатель видитъ теперь, на какомъ поприщѣ, чреватомъ кознями, подвизался французскій посланникъ и съ какимъ слабымъ оружіемъ онъ началъ борьбу. Чтобы помѣриться силами съ грозными противниками, въ его распоряженіи имѣлся только одинъ сомнительный соратникъ, отъ котораго болѣе приходилось опасаться предательства, чѣмъ ожидать помощи. По прибытіи въ Москву онъ столкнулся съ новымъ, страшнымъ противникомъ. При первомъ извѣстіи объ его отъѣздѣ въ Россію, лондонскій кабинетъ въ свою очередь пришелъ въ волненіе и счелъ нужнымъ замѣнить Вича дипломатомъ высшаго разбора. Выбраннаго съ этой цѣлью лорда Тираули по дорогѣ нагналъ курьеръ, привезшій добавленіе къ инструкціямъ. Франція приготовлялась напасть

---

[1]) Король Мардефельду, 14 и 31 декабря 1743 г.

на Англію, и теперь предстояло уже не только помѣшать возобновленію французскаго вліянія въ Россіи, но также заручиться согласіемъ этой державы выставить на границѣ Лифляндіи вспомогательный двѣнадцатитысячный корпусъ, обѣщанный ею въ послѣднемъ договорѣ. Новый посланникъ поспѣшилъ прибыть къ мѣсту своего назначенія и черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Москву въ свою очередь отправилъ курьера, возвѣщая языкомъ, полнымъ таинственности, что можетъ похвалиться успѣхомъ во всѣхъ отношеніяхъ—съ оговоркой того, что онъ можетъ предпринять для осуществленія „статьи № 6“ своихъ инструкцій.

Эта „статья № 6“ относилась къ возможности добиться отозванія маркиза де ла Шетарди.

„Борьба шла между Англіей и Франціей“, заявлялъ впослѣдствіи лордъ Тираули. Чтобы выйти изъ нея побѣдителемъ, въ распоряженіи англійскаго посланника имѣлось два средства: съ одной стороны онъ вошелъ въ соглашеніе съ Бестужевымъ и отдался въ ихъ распоряженіе, чтобы „помочь подвести мину“ подъ французскаго дипломата; съ другой, представляясь ко двору, предполагалъ затмить соперника роскошью, изяществомъ и любезностью. На первой аудіенціи, цѣлуя руку Елизаветы, онъ опустился на одно колѣно, объявляя, что воздаетъ эту почесть „самой могущественной государынѣ въ Европѣ“. Никогда ла Шетарди не додумался до этого. И сейчасъ же обаяніе, еще облекавшее француза въ глазахъ императрицы, отъ того уменьшилось. Впрочемъ въ Москвѣ такъ же, какъ въ Петербургѣ ему не удавалось исполнить приказаній, безпрестанно получавшихся изъ Версаля. Въ отвѣтъ имъ постоянно повторялась одна отговорка о невозможности „поймать и удержать вниманіе императрицы хотя бы на четверть часа“. „Это положительно то же, что найти философскій камень“,

писалъ онъ, „настолько велика ея разсѣянность, настолько боится она всего, что малѣйшимъ образомъ напоминаетъ серьезный разговоръ“. И разсыпаясь въ подобныхъ жалобахъ, онъ выражалъ увѣренность, что его переписка постоянно перехватывалась и дешифрировалась вице-канцлеромъ; слѣдовательно, по всѣмъ вѣроятіямъ доводилась до свѣдѣнія императрицы. И „миной“, о которой таинственно сообщалъ Тираули, была именно эта переписка, усыпанная все болѣе неблагопріятными отзывами о характерѣ, умѣ и привычкахъ государыни, не упускавшей изъ нихъ, благодаря Бестужеву, ни слова.

Однако она не подавала въ томъ никакого вида. Наоборотъ, удвоивала любезность. Въ апрѣлѣ, встрѣтивъ ла Шетарди у принцессы Цербтской, Елизавета разспрашивала его о подробностяхъ сраженія, только что происшедшаго между англичанами и французами, и выразила надежду, что побѣда останется на сторонѣ послѣднихъ. „Я странная союзница“, добавила она смѣясь... „но я предпочитаю слѣдовать движеніямъ своего сердца [1])“. Увы! Лестокъ могъ бы разъяснить своему другу значеніе такихъ проявленій благосклонности. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Елизавета спокойно бесѣдовала съ лѣкаремъ относительно договора, подписаннаго ею съ Саксонскимъ дворомъ, и включавшаго ее непосредственно въ австро-англійскую коалицію. Тщетно онъ возмущался, называлъ Бестужевыхъ мошенниками, грозилъ отставкой.

Въ довершеніи всего, любезныя слова, столь щедро расточавшіяся Елизаветой, выпадали также и на долю Тираули, и благодаря тому, что Мардефельдъ, поощряемый Фридрихомъ, поддерживалъ ровное отношеніе къ французу

---

[1]) Ла Шетарди къ Амело, 2 апрѣля 1744 г.

и англичанину [1]), послѣдній лучше пользовался своими преимуществами. Договоръ съ Саксоніей, подписанный 24 января (4 февраля) 1744 г., возобновлявшій только обязательства, принятыя въ 1733 г., самъ по себѣ не представлялъ большого значенія, а Фридрихъ сначала не придалъ ему совсѣмъ никакого. Онъ измѣнилъ свое мнѣніе, видя какую выгоду предполагаетъ изъ него извлечь англичанинъ и на вопросъ Подевильса, слѣдуетъ ли поздравить министровъ Елизаветы и Августа III по поводу офиціальнаго извѣщенія о договорѣ, сдѣланнаго ими въ апрѣлѣ 1744 г. отвѣчалъ, раздавивъ перо на бумагѣ: „Поздравьте сомошенниковъ“ [2]).

Ла Шетарди приходилось теперь роптать на стѣсненія, созданныя для него версальскимъ дворомъ. Какъ! Ему отказывали же въ портретѣ короля, все еще ожидавшемся Елизаветой, и упрекали въ расходахъ, производимыхъ имъ въ Россіи, когда король прусскій совѣтовалъ своему посланнику „бросать деньги за окошко“. И это была сущая правда! Расчетливый Фридрихъ дошелъ до ежегодной прибавки въ 2,000 талеровъ къ вознагражденію Мардефельда; заявлялъ, что не желаетъ считать денегъ, истраченныхъ на „подкупы“. Съ каждой депешей онъ все яснѣе раскрывалъ свои планы. Лѣто не минуетъ безъ того, чтобы онъ не обнажилъ шпаги. По всѣмъ вѣроятіямъ это произойдетъ въ августѣ. Если къ тому времени удастся „свергнуть“ Бестужева, король льстилъ себя надеждой получить отъ государыни хотя часть калмыковъ. Ему не требовалось много! Съ него достаточно было „связать какимъ-нибудь образомъ имя Россіи со своей арміей“ [3]).

---

[1]) Фридрихъ Мардефельду, 26 ноября 1743 г. Берлинскій Архивъ. Мѣсто пропущенное въ „Poiitische Correspondenz“.

[2]) На поляхъ письма Подевильса, отъ 30 апрѣля 1744 г. Берлинскій Архивъ. Не изданный текстъ.

[3]) „Poiitische Corresondenz“.

Но уже сѣтованія де ла Шетарди оставались голосомъ, вопіющимъ въ пустынѣ. Имъ не внималъ больше Амело. Руководство внѣшней политикой отъ него ускользнуло, перейдя въ это время къ графу д'Аржансонъ, маршалу де Ноайль и дю Тейлю, которымъ трудно было дѣйствовать всѣмъ за одно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, втроемъ не постигавшимъ, что такое творилось въ Россіи. Только все сильнѣе и мучительнѣе въ нихъ укоренялось убѣжденіе, что французская политика тамъ терпѣла пораженіе, такую возрастающую несвязность обнаруживали депеши маркиза. Дѣйствительно, послѣдній заполнялъ всю свою переписку пустословіемъ, не смѣя, не имѣя возможности сообщить дѣйствительную причину своихъ заботъ, надеждъ и опасеній. Онъ не помышлялъ больше ни о переговорахъ, ни о борьбѣ съ Тираули, ни объ успѣхѣ у Елизаветы. Довольствовался швыряніемъ золота пригоршнями въ карманы ненасытнаго Лестока, потому что въ поединкѣ, затѣянномъ съ Бестужевымъ, лѣкарь обратился въ его единственную поддержку. Исходъ этой борьбы, гдѣ была имъ поставлена на карту удачу собственная и Франціи, зависѣлъ отъ придворной интриги, всѣ нити которой находились въ рукахъ у Лестока, утверждавшаго по-прежнему, что доведетъ дѣло до благополучнаго конца.

А между тѣмъ такой интриги, на минуту народившейся, даже не существовало! Зорко приглядываясь, чутко прислушиваясь, лѣкарь уже нѣсколько времени какъ обнаружилъ подземную работу, угрожавшую его другу, о чемъ тотъ и не догадывался. Онъ взвѣсилъ по достоинству вѣроятія успѣха, остававшіяся на сторонѣ затѣяннаго предпріятія, и счелъ умѣстнымъ не искушать болѣе судьбу. Послѣ чего, осторожно и благоразумно отстранился, прекративъ всѣ усилія и заметя всѣ слѣды. И, положивъ въ карманъ послѣдніе французскіе рубли, подумывалъ лишь объ одномъ, гдѣ бы въ иномъ

мѣстѣ заработать менѣе опасныя подачки. Одна только, принцесса Цербтская, привлеченная имъ ранѣе къ участію въ интригѣ, чрезъ посредство Мардефельда, еще волновалась и осаждала Елизавету упреками и мольбами, только докучавшими государынѣ и побуждавшими ее положить скорѣе имъ конецъ.

А подкопъ подвигался впередъ. Въ іюнѣ, при содѣйствіи нетерпѣнія императрицы, работа была доведена до конца, и мина взорвалась.

VII.

Катастрофа.

Уже во время пребыванія де ла Шетарди во Франціи, Бестужевъ старался проникнуть въ тайну его переписки съ Лестокомъ и довольно наивно рѣшилъ обратиться къ Фридриху съ просьбой перехватывать и дешифрировать проходившія черезъ Берлинъ письма. Король не задумываясь отвѣчалъ отказомъ, обнаруживавшимъ его искусство въ отговоркахъ и колкихъ словечкахъ. Ла Шетарди и Лестокъ вели переписку съ согласія императрицы? Если да, иностранному государю нельзя было въ нее вмѣшиваться; если же нѣтъ, вице-канцлеръ имѣлъ право принять свои мѣры [1]). Потомъ Бестужевъ сумѣлъ устроиться, розыскавъ среди чиновниковъ своихъ канцелярій довольно искуснаго дешифровщика-еврея, нѣмецкаго происхожденія, по фамиліи Гольдбахъ. И каждую недѣлю, въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, канцлеръ сообщалъ Елизаветѣ выдержки изъ переписки маркиза, искусно подобранныя и сопоставленныя; длинныя страницы въ русскомъ переводѣ, часто неправильномъ и искажавшемъ оригиналъ, рядомъ съ подлинными выписками по-французски,

---

[1]) „Politische Corresp.“ т. II, стр. 332.

обыкновенно привлекавшими вниманіе государыни. И, блѣднѣя отъ гнѣва, она читала такимъ образомъ, что „Нечего разсчитывать на благодарность и вниманіе такой разсѣянной государыни“, и что „ тщеславіе, легкомысліе, прискорбное поведеніе, слабость и избалованность не позволяютъ вступать ни въ какіе серьезные переговоры“.

По правдѣ говоря, подобныя выдержки Гольдбахъ и его начальникъ могли бы сдѣлать у любого изъ остальныхъ иностранныхъ пословъ. Развѣ Вичъ не писалъ въ апрѣлѣ 1743 г.: „Her Imperial Majesty's attachement to her pleasures and her neglect of all foreign concern make affairs move very slow?“ [1]). А Мардефельдъ, какъ мы видѣли при случаѣ выражался еще сильнѣе. Но ссылаясь на свое подданство прусскому королю, Гольдбахъ отказывался дешифрировать переписку Мардефельда, а не интересоваться донесеніями англійскихъ пословъ у Бестужева были основательныя причины. Елизавета съ своей стороны могла бы заподозрить точность представлявшихся ей расшифрованныхъ выдержекъ [2]). Но со времени прибытія Тираули маркизъ ей надоѣлъ. Даже самая легенда, гласившая, что ему обязана государыня короной, раздражала Елизавету, не нуждавшуюся больше въ маркизѣ для приданія блеска своей окрѣпшей власти.

Нѣсколько лѣтъ спустя она откровенно созналась въ этомъ чувствѣ въ разговорѣ, когда Иванъ Шуваловъ неудачно напомнилъ о роли французскаго дипломата въ государственномъ перворотѣ. „Что онъ болтаетъ?“—перебила его съ неудовольствіемъ императрица. „Я уважала ла Шетарди, пока онъ былъ

---

[1]) Изъ за пристрастія ея императорскаго величества и нерадѣнія о всѣхъ иностранныхъ дѣлахъ, они двигаются очень медленно.

[2]) Выдержки эти приведены въ Воронцовскомъ Архивѣ. См. сравненіе съ подлинниками и весьма справедливыя замѣчанія у Бильбасова.

честнымъ человѣкомъ, но теперь въ отношенія меня онъ превратился въ „шельму", а я обязана царствомъ только Богу, своему рожденію и любви своихъ подданныхъ [1])". Ла Шетарди изображалъ собою прошлое,—прошлое, о которомъ не было пріятно вспоминать, въ особенности во время бесѣдъ съ Тираули. На балу, данномъ въ первыхъ числахъ іюня, протанцовавъ менуэтъ, Елизавета перешла черезъ всю залу, чтобы подойти къ любезному и блестящему англичанину. Не успѣлъ она обмѣняться съ нимъ и двумя словами, какъ съ умильнымъ и побѣдоноснымъ видомъ, къ нимъ подоспѣлъ маркизъ, стремясь принять участіе въ разговорѣ. Елизавета отскочила, какъ стрѣла, удалилась въ свои аппартаменты и болѣе не показывалась. И на слѣдующій день Бестужевъ нашелъ ее болѣе расположенной, чѣмъ когда-либо къ выслушиванію своихъ намековъ. Де ла Шетарди ей уже достаточно надоѣлъ, а принцесса Цербтская сдѣлалась невыносимой. Но какимъ образомъ освободиться отъ докучливыхъ людей? Вице-канлеръ повторялъ ей десятки разъ: „Маркизъ ничего не значитъ; онъ не имѣетъ никакого званія, положенія, никакихъ правъ. Частный человѣкъ, принятый съ очаровательнымъ радушіемъ и злоупотребившій имъ, позволивъ себѣ дерзкія рѣчи о государынѣ, оказавшей ему гостепріимство, и завязавъ преступныя интриги съ принцессой Цербтской. Такая неблагодарность и дерзость не могли быть терпимы, и удаленіе назойливаго иностранца являлось необходимостью. Елизавета все еще колебалась. Воспоминаніе о часахъ, пережитыхъ въ Троицѣ, совершенно изгладилось изъ ея сердца, чему она собиралась дать доказательства. Но поссориться съ Франціей, только что бросивъ вызовъ Австріи, оскорбить одинъ за другимъ

---

[1]) Бернэ Улефельду 30 сентября 1750 г. Вѣнскій архивъ, по французски, по сообщенію молодого Бестужева, присутствовавшаго при сценѣ.

два первыхъ двора Европы было дѣло важное. Тираули снова сумѣлъ во-время успокоить императрицу. Съ своей красивой осанкой и гордой рѣчью, высоко превозносившей имя Англіи, развѣ не служилъ онъ достаточнымъ залогомъ уваженія? Елизавета лишній разъ предоставила Бестужеву полную свободу дѣйствій и, слѣдуя неизмѣнной привычкѣ въ смутные дни, покинула Москву, отправившись,—чтобы дать свершиться опалѣ ла Шетарди,—въ тотъ самый монастырь, который видѣлъ ее въ обществѣ обаятельнаго француза.

Изъ предосторожности она захватила съ собой Лестока [1]), Брюммера и всѣхъ ихъ русскихъ друзей: Трубецкаго, Румянцева съ женой, значившейся въ спискѣ лицъ, получавшихъ пособіе отъ ла Шетарди; приказала также великому князю и обѣимъ принцессамъ, матери и дочери, безотлагательно себя нагнать. Произошло это 28-го мая 1744 г. Черезъ три дня великій князь возвѣстилъ о своемъ отъѣздѣ маркизу, предупредивъ, что проѣдетъ мимо его дома въ девять часовъ вечера. Въ назначенный часъ онъ появился, сопровождая коляску, гдѣ сидѣли обѣ принцессы. Ла Шетарди бросился на улицу, и, когда, обмѣнявшись вполголоса нѣсколькими словами, вернулся домой, то секретарь поразился его сосредоточеннымъ и задумчивымъ видомъ [2]). Получилъ ли онъ предостереженіе о грозившей ему опасности? Можетъ быть, какой-нибудь смутный намекъ. Одинъ Воронцовъ пользовался довѣренностью государыни, но продолжая выказывать ла Шетарди величайшую дружбу, онъ послѣдовалъ примѣру Лестока и втихомолку перешелъ на сторону Бестужева. Но въ это время у всѣхъ уже появилось предчувствіе неминуемой катастрофы;

---

[1]) Ср. Сборникъ. Тираули ошибочно указываетъ, что Лестокъ оставался въ Москвѣ. См. „С.-Петербургскую газету“ 1744 г., № 49 и „Записки Екатерины II“.

[2]) Дневникъ секретаря Морамбера.

принцесса Цербтская должна была сознавать, что ея положенію и судьбѣ ея дочери грозила опасность, и нѣтъ сомнѣнія, что между болѣе или менѣе добровольными и сознательными соучастниками интриги, близившейся къ печальной развязкѣ, происходили совѣщанія объ общей бѣдѣ и возможности ее предотвратить.

Для ла Шетарди такой возможности не существовало. Въ Троицѣ, послѣ бурнаго объясненія съ Елизаветой, принцессѣ Цербтской удалось, если не оправдать свое поведеніе, то вполнѣ выгородить дочь. Въ Москвѣ еще пять дней протекли безъ особыхъ происшествій, но 6-го іюня [1]), между пятью и шестью часами утра, маркизъ былъ внезапно разбуженъ; онъ увидалъ столпившихся въ комнатѣ сановниковъ, офицеровъ и солдатъ и поблѣднѣлъ, замѣтивъ во главѣ ихъ грознаго Ушакова. Секретарь вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, Курбатовъ, держалъ въ рукахъ большой красный мѣшокъ, откуда торжественно вынулъ нѣсколько бумагъ. Прежде всего тутъ было заявленіе, перечислявшее многочисленные проступки иностраннаго дипломата: попытки подкупа должностныхъ лицъ, гражданскихъ и духовныхъ, преслѣдовавшія цѣль сверженія министерства; оскорбительныя отзывы о священной особѣ государыни и т. д. Затѣмъ слѣдовали выдержки изъ перехваченныхъ депешъ, устанавливавшія виновность, и, наконецъ, приказъ, подписанный императрицей, предлагавшій виновному въ двадцать четыре часа выбыть за предѣлы столицы. Приводя примѣръ „принца де Селимаръ“, заявленіе указывало на милосердіе, проявленное государыней, не пожелавшей подвергнуть дерзкаго болѣе суровой карѣ.

Повидимому, подъ первымъ впечатлѣніемъ, маркизъ оцѣнилъ такое милосердіе. Появленіе Ушакова и многочисленные

---

[1]) Вандаль. Людовикъ XV и Елизавета.

примѣры прошлаго, могли дѣйствительно заставить его опасаться худшаго. Также ему не пришло въ голову, несмотря на всѣ утвержденія, ссылаться на званіе посланника, съ такимъ безразсудствомъ отъ себя отклоненное. До самаго конца онъ пожелалъ оставаться вѣрнымъ принятой на себя роли и дошелъ даже до нѣкотораго оправданія, постигшей его непріятности, говоря: „У меня имѣются ввѣрительныя грамоты, но я слишкомъ долго былъ посланникомъ, чтобы не знать, что въ данную минуту онѣ потеряли значеніе". Онъ сдѣлалъ лишь слабую попытку опровергнуть взведенныя на него обвиненія, оспаривая вѣрность приведенныхъ выписокъ.

— У васъ навѣрное сохранились черновики,—возразили ему,—можно установить соотвѣтствіе. Впрочемъ, вотъ и подлинники.

И ему показали нѣкоторыя изъ его послѣднихъ депешъ.

Прикрывъ рукой, инстинктивнымъ жестомъ, обличительную бумагу, онъ больше не настаивалъ [1]). По пути къ границѣ, который ему пришлось совершить въ сопровожденіи шести гренадеръ и подпоручика, его ожидали еще обычные сюрпризы изгнанниковъ всѣхъ категорій. Въ Новгородѣ приказъ вернуть портретъ императрицы. Читатель помнитъ табакерку, украшенную этимъ портретомъ, и какимъ образомъ она была подарена. Маркизъ, въ довершеніе всего допустилъ непростительную ошибку, оказавъ сопротивленіе и потребовавъ, для того, чтобы отдать это драгоцѣнное изображеніе, указъ, написанный царской рукой. Отвѣтъ Бестужева, присланный съ курьеромъ: „Маркизъ де ла Шетарди не достоинъ болѣе получать личныя распоряженія Ея Величества. Въ случаѣ неповиновенія, съ нимъ надлежитъ обращаться, какъ съ обыкновеннымъ преступникомъ". Новое сопротивленіе бывшаго по-

---

[1]) Офиціальное донесеніе, представленное Ушаковымъ и его коллегами. Воронцовскій архивъ.

сланника и попытки все болѣе безразсудныя, избѣжать неизбѣжнаго. Онъ рѣшился даже написать принцессѣ Цербтской, хотя имѣлъ уже возможность оцѣнить по достоинству ея вліяніе! Несчастный продолжалъ тѣшить себя мечтами. Можетъ быть, императрицѣ неизвѣстна была участь, его постигшая. Въ своемъ заблужденіи, изгнанникъ доходилъ даже до такого безсмысленнаго предположенія. Требуя подаренный ею портретъ, Бестужевъ, пожалуй, разставлялъ ловушку, и хотѣлъ заставить повѣрить государыню, что ея бывшій спутникъ по богомолью, пренебрегалъ и собственной волей возвращалъ прекраснѣйшій подарокъ, отъ нея полученный [1]). Новый приказъ вице-канцлера: отобрать портретъ добровольно или силою. Маркизъ вдругъ совсѣмъ потерялъ голову. Тѣмъ временемъ онъ рѣшился передать портретъ офицеру сопровождавшаго его конвоя, и теперь убѣждался, что не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Письма и депеши, отсылаемыя имъ съ этой минуты по направленію Москвы и Версаля—сплошной безумный бредъ. Бестужевъ дѣйствовалъ, очевидно, безъ вѣдома императрицы и, чтобы скрыть отъ государыни слѣды своего преступленія, старался безъ сомнѣнія погубить свою жертву. Но ему придется узнать, какъ умѣетъ французъ защищать свою жизнь и честь. У бывшаго посланника уже имѣлось пять паръ пистолетовъ. Тайкомъ онъ пріобрѣлъ еще двѣнадцать ружей, „съ запасомъ пороха, дроби и пуль", и, вооруживъ шестерыхъ сопровождавшихъ его слугъ, готовился выдержать правильную осаду [2]).

Такимъ поведеніемъ онъ облегчалъ только своему двору выраженіе неодобренія, требовавшееся обстоятельствами. Въ Версалѣ раздался единодушный крикъ негодованія: маркизъ

---

[1]) Письмо къ принцессѣ Цербтской, 26-го іюня 1794 г.
[2]) Д'Аржансону, Мемель, 24-е іюля 1744 г.

положительно сошелъ съума; совершивъ столько ошибокъ, онъ ихъ еще усиливалъ цѣлымъ рядомъ сумасбродствъ! Письмо короля, составленное въ суровыхъ выраженіяхъ, предписывало ему поторопиться возвращеніемъ, и, прибывъ во Францію, не являться въ столицу, а представить свои оправданія если они имѣются. Въ то же время ввѣрительныя грамоты и новыя инструкціи, данныя д'Алльону, довершили опалу. Грамоты были адресованы „Императрицѣ Елизаветѣ", а инструкціи осуждали безпощадно поведеніе бывшаго посланника.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, всѣ точно сговорились, чтобы обрушиться на побѣжденнаго противника торжествовавшаго Бестужева. Морицъ Саксонскій былъ его гостемъ въ Москвѣ [1]). Можетъ быть, онъ остался недоволенъ его услугами своему личному честолюбію. Теперь онъ счелъ нужнымъ написать д'Алльону, чтобы отстранить отъ себя всякую тѣнь справедливаго неудовольствія, оставленнаго по себѣ маркизомъ въ Россіи „*Le vous avourai mai me*", добавлялъ славный воинъ съ своимъ знаменитымъ правописаніемъ, „*que je tes embarassés quelque fois de me trouver ches luy*" [2]).

Однако, безспорно виновный маркизъ имѣлъ соучастниковъ. Онъ могъ ихъ указать въ самомъ Версалѣ, что не трудно ему было дать почувствовать въ своихъ „оправданіяхъ". Однако, онъ продолжалъ въ нихъ говорить нелѣпости, утверждая, что переписка его не могла быть расшифрована и настоялъ на заключеніи въ Бастилію своего перваго секретаря Дюпрэ. Тотъ, дѣйствительно, могъ внушать подозрѣнія, женившись въ Россіи на дочери отца француза, отъ матери калмычки [3]),

---

[1]) См. *Царство женщинъ*".

[2]) Признаюсь даже, что меня иногда смущала необходимость бывать у него, Conftray, 17-е августа, 1744 г.

[3]) Воронцовскій архивъ.

однако, за отсутствіемъ уликъ, ему пришлось вернуть свободу. Де ла Шетарди удалось лучше объяснить свою неудачу и оправдать свое поведеніе, ссылаясь на слабость и непослѣдовательность поведенія Елизаветы. И онъ находилъ смягчающія обстоятельства, еще болѣе убѣдительныя, въ особенностяхъ своей миссіи и иллюзіяхъ, раздѣляемыхъ по этому поводу свыше.

Иллюзіи эти оставались прочными, по крайней мѣрѣ, у бывшаго посланника. Во время допроса, какому подвергся Лестокъ послѣ катастрофы, положившей конецъ его карьерѣ, мы встрѣчаемъ упоминаніе о табакеркѣ, присланной лѣкарю, послѣ описанныхъ мною событій, для передачи Елизаветѣ. Конечно, Лестокъ воздержался отъ исполненія порученія. Вернувшись въ свое помѣстье въ Лимузенѣ, де ла Шетарди, держалъ себя такъ, какъ-будто немилость, его постигшая, была чисто внѣшнею, и событія, повидимому, доказали, что онъ правъ, потому что черезъ восемь мѣсяцевъ онъ снова поступилъ на военную службу. Но ему жалъ было своей прежней карьеры, и въ 1749 г., вдохновленный, какъ всегда, несбыточной надеждой, онъ рѣшилъ обратиться съ просьбой о ходатайствѣ по этому поводу къ Фридриху II. Получивъ отказъ, маркизъ нашелъ себѣ другихъ покровителей и добился назначенія посланникомъ въ Туринъ, гдѣ снова подалъ своему двору основанія раскаиваться. Черезчуръ интимно сблизившись съ графиней де-Сенъ-Жерменъ, возлюбленной короля сардинскаго, запутавшись въ долгахъ, онъ доказалъ окончательно, что не годится для подобныхъ назначеній. Послѣ того, вернувшись къ военной службѣ, онъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и умеръ въ 1758 г. въ крѣпости Ганау, которой командовалъ.

Теперь мнѣ предстоитъ разсказать, какимъ образомъ д'Альбонъ справился съ тяжелымъ наслѣдіемъ, ему препорученнымъ. Приступая къ этому разсказу, я склоняюсь къ мнѣ-

нію, что такой выборъ былъ наиболѣе неудачнымъ изъ всего, на чемъ могъ остановиться Версальскій дворъ,—это былъ выборъ, какъ бы нарочно созданный, чтобы довершить разрывъ между обоими государствами, для предотвращенія чего нужны были бы совсѣмъ иные способы и совсѣмъ другой человѣкъ, для ихъ примѣненія. А, можетъ быть, такое крушеніе,—если считать его за таковое,—было неизбѣжно, потому что дипломатіи Фридриха пришлось въ скоромъ времени раздѣлить горечь дипломатіи Людовика XV, не совершивъ ни ея ошибокъ, ни заблужденій. Франція безспорно неудачно провела свою игру, но у нея были очень плохія карты въ рукахъ и очень искусные партнеры, одни въ смѣшиваньи, другіе въ подтасовкѣ картъ. Однако, она имѣла возможность выйти—думаю, что къ такому заключенію придутъ мои читатели—если безъ выгоды, то съ честью. Но тутъ обнаружилась ея несостоятельность.

ГЛАВА II.

Разрывъ съ Франціей и Пруссіей.—Союзъ съ Австріей.

I. Вмѣшательство Австріи.—Графъ Розенбергъ въ Петербургѣ.—Ботта принесенъ въ жертву.—Письмо Маріи Терезіи къ Елизаветѣ.—Проектъ союза.—Денежныя затрудненія.—Бестужевъ требуетъ субсидій и ожидаетъ награды.—Нищета Розенберга.—Игра императрицы.—Мардефельдъ предлагаетъ деньги и беретъ верхъ.— II. Дипломатія прусская и дипломатія французская.—Фридрихъ требуетъ вооруженнаго вмѣшательства Россіи.—Предложеніе русскаго посредничества.—Смерть Римскаго императора заставляетъ отъ него отказаться.—Ничтожество д'Алльона.—Его хвастовство.—Д'Аржансонъ, введенный въ заблужденіе относительно намѣреній Россіи.—„Поддразнивающее" письмо, посланное Елизаветѣ.—Вольтеръ, секретарь Людовика XV.—Неудача.—Предложенія д'Алльона Бестужеву.—„Милльоны на словахъ".—Отказъ русскаго канцлера.—Фридриху приходится разсчитывать только на собственныя силы.—Мардефельдъ торгуется съ Бестужевымъ и Воронцовымъ.—Опасность выступленія въ походъ русскихъ предотвращена.—Фонтенуа.—Кредитъ Австріи и Англіи отъ того пошатнулся.—Пользу извлекаетъ одна Пруссія.—Попытка д'Алльона начать переговоры о союзѣ.—Окончательная неудача.—Двойственная политика Бестужева. — Ссора двухъ представителей Англіи въ Петербургѣ.—Фридрихъ переходитъ въ наступленіе.—Гогенфридбергъ. Гановерское соглашеніе. Отъѣздъ Розенберга.—Саксонія въ отчаяньи взываетъ къ Россіи.—Рѣшеніе, принятое въ Петербургѣ притти ей на помощь.—Слишкомъ поздно.—Дрезденскій миръ.—Торжество Фрид-

риха.—Франція въ немъ не участвуетъ.—III. Русско-австрійскій договоръ. Новый посланникъ Маріи Терезіи въ Петербургѣ.—Баронъ Претлакъ.—Энергичная дипломатическая компанія.—Новыя опасенія Фридриха.—Дипломатія прусская и дипломатія англійская. — Мардефельдъ обманутый Хиндфордомъ. — Тайна короля Георга.—Подписаніе договора.—Воронцовъ во Франціи.—Сердечный пріемъ.—Разочарованіе.—Подвиги д'Алльона.—Пораженіе франко-русской партіи въ Петербургѣ.—Отъѣздъ Мардефельда.—Русскій канцлеръ ведетъ переговоры о субсидіи съ морскими державами.—Русская армія на пути къ Рейну.—IV. Ахенскій миръ.—Русскіе не сдѣлали ни одного выстрѣла.—Они исключены изъ переговоровъ.—Возвращеніе въ Россію.—Вновь возбужденная подозрительность Фридриха.—Шведскій вопросъ. Русская опасность.—Коалиція, образованная прусскимъ королемъ для ея преодолѣнія.—Фридрихъ не страшится болѣе Россіи и отзываетъ своего посланника.—V. Разрывъ.—Фридрихъ и Елизавета.—Личная враждебность императрицы.—Ея причины.—Упроченіе австрійскаго союза.—Его послѣдствія.

I.

Вмѣшательство Австріи.

Дѣла приняли весьма плохой оборотъ, даже для Пруссіи. Тщетно Фридрихъ старался замести слѣды своего соучастія въ попыткѣ, потерпѣвшей неудачу. Онъ проявилъ слишкомъ много страстности въ ея поддержаніи. Еще въ маѣ онъ писалъ Мардефельду, что отъ этого зависѣла участь его дома и всей Пруссіи.—Такимъ образомъ поощряемому и побуждаемому Мардефельду поневолѣ пришлось отчасти раскрыть свои карты. Теперь принцесса Цербтская, видя, что гибель грозитъ будущему ея дочери, не задумываясь свалила на него вину своего неумѣстнаго поведенія, чему вполнѣ способствовали внѣшнія обстоятельства. Посланникъ Фридриха недостаточно противостоялъ соблазну, всегда при-

тягательнаго для него общества де ла Шетарди и его стола. Наканунѣ катастрофы онъ еще ужиналъ съ маркизомъ. Естественнымъ образомъ и Мардефельдъ старался опровергнуть взваленную на него отвѣтственность. Причиной всего была неловкость его французскаго коллеги и непослѣдовательность принцессы. Ла Шетарди совершилъ непростительную оплошность, допустивъ раскрытіе тайны своего шифра. Не будь этого несчастнаго обстоятельства, генералъ Румянцевъ сдѣлался бы великимъ канцлеромъ, а Бестужевъ сталъ бы ниже, чѣмъ когда-либо, и дѣло было бы несомнѣнно выиграно. Что касается принцессы, она послѣдовала даннымъ ей совѣтамъ лишь въ послѣднюю минуту. Тогда „она изъявила свою готовность на все", но слишкомъ поздно. „Она особа весьма любезная, но женщина, и этимъ все сказано [1])".

Фридрихъ безъ колебанія осудилъ поведеніе Елизаветы и своего министра относительно французскаго дипломата: „какъ вопросъ не ставь, это нарушеніе международнаго права [2])". Однако онъ льстилъ себя надеждой, что лично его послѣдствія событій не коснутся. Но маркизъ не успѣлъ еще покинуть Россію, какъ въ Берлинѣ разразился новый непредвидѣнный ударъ. Неожиданно графъ Розенбергъ, представитель королевы венгерской, возвѣстилъ о своемъ отъѣздѣ. Онъ получилъ приказаніе отлучиться на нѣсколько недѣль и отправиться въ С.-Петербургъ, чтобы поздравить Елизавету съ восшествіемъ на престолъ. У короля не оставалось никакихъ сомнѣній въ томъ, что это обозначало. Марія Терезія до сихъ поръ рѣшительно отказывалась удовлетворить требованія Императрицы относительно Ботты,

---

[1]) Королю, 4 августа, 1744 г. Берлинскій архивъ.

[2]) Мардефельду, 7-е іюля 1744 г. Берлинскій архивъ. Неизданный текстъ.

ссора разгоралась, и королева венгерская заявила о своемъ намѣреніи дать повышеніе въ арміи бывшему посланнику, а Елизавета отвѣчала угрозой повѣсить его изображеніе [1]). Очевидно путешествіе Розенберга обозначало поворотъ, вызванный немилостью де ла Шетарди. Австрія предполагала ею воспользоваться, чтобы пріобрѣсти вліяніе въ С.-Петербургѣ, хотя бы цѣной униженія. И дѣйствительно, ознакомившись съ цѣлью своей миссіи и причинами ее вызвавшими, Розенбергъ писалъ Улефельду, министру иностранныхъ дѣлъ Маріи Терезіи: „Какая ужасная досада для нашихъ враговъ!“ 5 августа 1744 г. онъ былъ уже въ Ригѣ и 4-го сентября извѣщалъ изъ Москвы, что не будучи вполнѣ увѣреннымъ въ пріемѣ, какой ему окажетъ Елизавета изъ-за дѣла Ботты, онъ видитъ, что дѣла его двора въ Россіи „принимаютъ блестящій оборотъ“, тогда какъ прусскія „приближаются къ точкѣ, грозящей неминуемымъ разрывомъ“. Бестужевъ обнаруживалъ полную готовность, какъ можно скорѣе и къ обоюдному удовольствію покончить съ „проклятымъ дѣломъ“ и даже льстилъ себя надеждой склонить государыню къ какому-нибудь рѣзкому поступку относительно прусскаго короля. Тираули и Герсдорфъ, саксонскій посланникъ, доказывали канцлеру выгоду немедленнаго нападенія на восточную Пруссію, благодаря отсутствію тамъ войскъ, и Бестужеву такая мысль, повидимому, нравилась. Онъ ссылался лишь на необходимость дождаться возвращенія императрицы, находившейся въ данную минуту въ Кіевѣ. Но второй представитель польскаго короля, Флеммингъ, нагналъ государыню въ Украйнѣ и оттуда сообщалъ о ея полномъ благорасположеніи. Она лично увѣряла его, что окажетъ поддержку его государю, а на Фридриха „бу-

---

[1]) Мардефельдъ королю 5-е ноября 1743 г. Берлинскій архивъ

детъ надѣта надлежащая узда". [1]) Успѣхъ зависѣлъ только отъ денежнаго вопроса. Бестужевъ заявлялъ, что русская казна истощена окончательно, но высказывалъ надежду, что морскія державы согласятся „оказать услугу самимъ себѣ, выплативъ Россіи два милліона таллеровъ, взамѣнъ чего будетъ выставленъ сорокотысячный отрядъ регулярныхъ войскъ".

Въ ноябрѣ „проклятое дѣло" было улажено, при чемъ Марія Терезія,—какъ предполагалъ Фридрихъ—не остановилась передъ униженіемъ: она дошла до предложенія заключить Ботту въ крѣпость Гратцъ и держать его тамъ сколько заблагоразсудится императрицѣ, спустилась до извиненій довольно униженныхъ и даже болѣе того: Розенбергъ получилъ для передачи Елизаветѣ письмо, вѣроятно, дорого стоившее гордости писавшей его; высказавъ въ немъ открытое порицаніе поведенію своего бывшаго посланника, выразивъ свое огорченіе, ей тѣмъ причиненное и сдѣлавъ призывъ къ объединенію обѣихъ странъ противъ общихъ враговъ, Марія Терезія начертала слѣдующіе строки: „Ваше Величество, одаренныя великой проницательностью, вы воздадите, безъ сомнѣнія, должную справедливость чистотѣ моихъ намѣреній относительно васъ и чувствомъ признательности, какія я сохраню до самой смерти къ покойной вашей матушкѣ, императрицѣ Екатеринѣ, взявшей меня подъ свое попеченіе съ нѣжнаго моего дѣтства, обезпечивъ мнѣ торжественные договоры 1725 года и престолонаслѣдіе моихъ предковъ. Да будетъ угодно Богу обязать меня

---

[1]) Розенбергъ Улефельду, 5 августа, 4 сент., 5-е и 19 октября 1744 г. вѣнскій архивъ. Ср. Воронцовскій архивъ.

такой же признательностью къ Вашему Величеству, исполненіемъ вашихъ славныхъ намѣреній“ [1]).

Показавъ письмо Бестужеву, Розенбергъ благоразумно спряталъ его въ карманъ, приберегая его офиціальное сообщеніе до тѣхъ поръ, пока уладятся всѣ шереховатости между обоими дворами. Тѣмъ не менѣе, канцлеръ плакалъ отъ радости, называя посланника „Моисеемъ избавителемъ“. Елизавета, предупрежденная, раздѣлила удовольствіе своего министра и къ выработкѣ наступательнаго союза противъ Пруссіи было приступлено въ томъ же мѣсяцѣ.

Радость эта была, однако, не безъ нѣкоторой задней мысли, по крайней мѣрѣ, въ душѣ русскаго министра. Хотя разчитывая исключительно на морскія державы для устраненія финансовыхъ затрудненій своего двора, Бестужевъ былъ убѣжденъ, что, по крайней мѣрѣ, относительно него, покаяніе Маріи Терезіи будетъ сопровождаться какими-нибудь проявленіями щедрости. Каково же было его изумленіе, когда, пользуясь вскорѣ установившейся близостью, Розенбергъ повѣдалъ ему о собственной нищетѣ! Не только не подумали о томъ, чтобы дать ему возможность удовлетворить справедливымъ ожиданіямъ министра, но даже его лично не снабдили средствами, необходимыми для покрытія расходовъ его пребыванія въ Москвѣ. По возвращеніи туда императрицы, безденежье это еще усилилось. Удостоенный чести играть съ государыней, несчастный посланникъ обливался потомъ, опасаясь проиграть сумму, какую не въ состояніи будетъ заплатить, и на другой день послѣ одной изъ такихъ партій онъ писалъ: „Я выигралъ вчера 400 р. у императрицы; вотъ почти все мое достояніе“. Немного позднѣе, не только не имѣя возможности предложить нѣсколько

---

[1]) Вѣнскій архивъ. Копія безъ числа.

тысячъ таллеровъ канцлеру, онъ еще оказался вынужденнымъ прибѣгнуть къ помощи его же кошелька и въ концѣ ноября 1774 года сдѣлался его должникомъ на три тысячи рублей[1]).

А въ то же время Фридрихъ, сознавая опасность, не щадилъ средствъ для ея предотвращенія. Конечно, онъ уже не думалъ болѣе о сверженіи Бестужева, но даже пока о его подкупѣ. Елизавета только что назначила Бестужева великимъ канцлеромъ, увѣнчавъ, такимъ образомъ, его торжество. Но она дала ему коллегу въ лицѣ Воронцова. Слѣдовательно, именно въ эту сторону предстояло направить энергичное усиліе, и Мардефельдъ, увѣрявшій, что содѣйствіе вице-канцлера могло быть получено и принести большую пользу для противодѣйствія политикѣ его коллеги, получилъ разрѣшеніе выдать ему до 50,000 рублей[2]). Съ другой стороны сейчасъ же послѣ отъѣзда де ла Шетарди и, несмотря на прибытіе Розенберга, прусскій посланникъ увѣрялъ своего государя, что русская армія не двинется въ походъ въ этомъ году, какія бы къ тому не прилагались старанія, такъ какъ русская казна пуста и никто не выражаетъ намѣренія ее пополнить. Вслѣдствіе того, не смущаясь неудачей, постигшей его планъ въ этомъ отношеніи и по обыкновенію беря дерзостью, Фридрихъ двинулъ свои войска черезъ Саксонію въ Богемію и занялъ Прагу. Правда, ему пришлось уступить передъ саксонской арміей подъ начальствомъ принца Саксенъ-Вейсенфельда, но онъ надѣялся вскорѣ за то разсчитаться, если не вступится Россія.

Предположеніе же это къ концу года становилось все

---

[1]) Улефельду. Москва, 28 и 30 ноября 1744 г. Вѣнскій архивъ, по-французски.

[2]) Воронцовскій архивъ.

менѣе вѣроятнымъ. Розенбергъ въ свою очередь испытывалъ трудность веденія переговоровъ при дворѣ, гдѣ нельзя было сдѣлать ни шагу, не построивъ золотого моста. „Невозможно себѣ представить, какъ здѣсь относятся къ дѣламъ“, писалъ онъ. „Это превосходитъ всякое воображеніе, и никто на свѣтѣ не въ силахъ дать о томъ понятіе“. Про себя онъ говорилъ, что совершенно „ошеломленъ“. И пришелъ къ странной мысли—прибѣгнуть къ займу у герцога Лихтенштейнскаго двухъ милліоновъ талеровъ, безъ чего немыслимо было сдвинуть съ мѣста ни одного человѣка изъ сотенъ тысячъ солдатъ, имѣвшихся въ распоряженіи Елизаветы. Принца можно бы вознаградить „частью Гельдрена или Клэвской области“ [1]). Не довольствуясь требованіемъ такой неизбѣжной субсидіи, Бестужевъ заявилъ еще о настоятельной необходимости подкупить крупной суммой Воронцова, чтобы извлечь изъ него надлежащую пользу, Странная бесѣда произошла по этому поводу между посланникомъ и канцлеромъ.

— Вы меня недавно увѣряли, что Воронцовъ отказался принять отъ Мардефельда 50,000 руб., и императрица, узнавъ о такой посылкѣ пакета, выразила крайнее негодованіе.

— Повидимому она перемѣнила мнѣніе.

Такимъ образомъ туго подвигавшееся дѣло не было проиграно ни для Пруссіи, ни для Франціи. И, дѣйствительно, Фридрихъ, цѣломудренно отстранившійся при извѣстіи о неудачѣ французской дипломатіи въ Россіи, теперь снова проявлялъ стремленіе сблизиться съ послѣдней. Но что дѣлалъ д‘Алльонъ на посту, столь необдуманно ему порученномъ? Одно время версальскій дворъ пришелъ къ сознанію

---

[1]) Улефельду, 28 ноября 1744 г. Вѣнскій архивъ, по-французски.

непригодности своего выбора. Въ ноябрѣ 1744 г. переходъ иностранныхъ дѣлъ въ исключительное вѣдѣніе д'Аржансона, повидимому, возвѣстилъ политику болѣе энергичную и лучше руководимую. Кромѣ того, новый русскій посланникъ во Франціи, Гроссъ, заявилъ отъ имени Елизаветы, что ей не доставитъ ни малѣйшаго удовольствія возвращеніе д'Алльона [1]), и письмо Людовика XV къ императрицѣ возвѣстило о скоромъ пріѣздѣ новаго посланника, какимъ предназначался графъ де Сенъ-Северинъ, проживавшій въ Варшавѣ. Къ несчастью, дипломатъ заболѣлъ въ дорогѣ, а д'Алльонъ тѣмъ временемъ поторопился прибытіемъ въ С.-Петербургъ, гдѣ безъ особаго труда постарался внушить мысль, что отъ замѣны не произойдетъ никакой потери. По его словамъ, дѣла короля находились въ отличномъ положеніи, несмотря на Розенберга, и онъ, д'Алльонъ, сумѣетъ ихъ поддержать. Въ Версалѣ поддались такимъ убѣжденіямъ, и гордость Людовика XV тутъ была не причемъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ [2]).

Итакъ, что же дѣлалъ французскій уполномоченный? Можно только отвѣтить: ничего. Онъ отправлялъ изъ Петербурга депеши, полныя похвальбы и безсовѣстныхъ обѣщаній, но подчиняя въ данное время успѣхъ своей миссіи результату упорныхъ усилій Мардефельда, оставлялъ въ дѣйствительности прусскаго посланника одного безъ всякой поддержки въ ужасной борьбѣ, ставившей на карту будущность всей Европы.

---

[1]) Воронцовскій Архивъ.

[2]) Вандаль. „Людовикъ XV и Елизавета".

II.

Французская дипломатія и прусская дипломатія.

Новый борецъ принялъ участіе въ этой борьбѣ и грозилъ еще большей опасностью франко-прусскому лагерю. Генеральные Штаты прислали своего представителя въ Россію, безъ сомнѣнія, чтобы начать переговоры по поводу субсидіи. То былъ де-Дье дипломатъ съ блестящей репутаціей. Тѣмъ не менѣе Мардефельдъ, пользуясь поддержкой Воронцова, повидимому, чувствовалъ подъ ногами твердую почву, настолько, что въ декабрѣ 1744 года Фридрихъ счелъ возможнымъ, не заботясь уже о предотвращеніи вмѣшательства Россіи въ пользу Австріи, обратиться къ помощи Елизаветы противъ этой державы, обѣщанной ему въ недавно заключенномъ договорѣ. [1]) Въ январѣ 1745 году близость между Мардефельдомъ и Воронцовымъ еще усилилась, и вице-канцлеръ сообщилъ прусскому посланнику, что императрица намѣревается предложить свое вмѣшательство враждующимъ державамъ. Фридриху не оставалось желать ничего лучшаго, тѣмъ болѣе, что Воронцовъ заявилъ одновременно своему другу, что существовало твердое намѣреніе обезпечить за

[1]) Императрицѣ 19 декабря 1744 г. Берлинскій Архивъ. Неизданный текстъ.

Пруссіей владѣніе областями, пріобрѣтенными по Бреславскому договору, и король написалъ на поляхъ депеши своего агента: „Превосходно, но необходимо, чтобы Мардефельдъ настоялъ на возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ мнѣ въ верхней Силезіи, и далъ бы понять, что королева венгерская, напавшая на меня въ предѣлахъ моего государства, должна меня за то вознаградить [1]). Онъ становился требовательнымъ. Жслаемое „вознагражденіе“ обнимало въ его мысляхъ верхнюю Силезію, клинья Моравіи, такъ называемыя верхнія горы Силезіи, и нѣсколько городовъ вокругъ графства Граца. Но зато Мардефельду разрѣшалось предложить двѣсти тысячъ талеровъ Бестужеву. Если канцлеръ сочтетъ требованія черезмѣрными, подарокъ долженъ сократиться въ соотвѣтствіи.

Между такими приказаніями, сообщеніями Воронцовъ и обязательствомъ вручить „реквизиторске письмо“, которымъ Фридрихъ предполагалъ обезпечить себѣ вооруженное вмѣшательство Елизаветы, прусскій посланникъ очутился въ затруднительномъ положеніи. Онъ счелъ за лучшее выказать угадливость и добавилъ къ письму просьбу, касавшуюся именно вмѣшательства, какое по словамъ Воронцова предполагала предложить русская императрица. Одно подготовитъ путь другому. Результатъ обманулъ его ожиданія. Елизавета отвѣчала согласіемъ на вмѣшательство, но отказомъ въ помощи. Она рѣшила не оказывать ее ни одной изъ воюющихъ сторонъ. Новый англійскій посланникъ, Хинддфордъ, тѣмъ ни менѣе почувствовалъ себя удивленнымъ и оскорбленнымъ, такъ какъ Бестужевъ его неоднократно увѣрялъ, что вмѣшательство будетъ отвергнуто и двѣнад-

---

[1]) Мардефельдъ королю 23 января 1745 г. Берлинскій Архивъ. Нота Фридриха не напечатана.

цать тысячъ человѣкъ, обѣщанные Англіи поступятъ въ ея распоряженіе по первому требованію. „У насъ не было иного способа уклониться отъ реквизиціи прусскаго короля“, увѣрялъ теперь канцлеръ [1]). Но Фридрихъ съ своей стороны тоже выразилъ сильное неудовольствіе. Истративъ столько денегъ на подкупъ русскихъ министровъ, онъ ожидалъ отъ нихъ по крайней мѣрѣ „проявленія кичливости“ въ свою пользу. И что они толкуютъ о вмѣшательствѣ „по его просьбѣ!“ Онъ не думалъ ни очемъ подобномъ! [2]) Новое и еще большее смущеніе Мардефельда. Бѣдный посланникъ видѣлъ, что посупокъ его заслужилъ неодобреніе. Къ счастью онъ оказался въ состояніи сообщить въ это время своему государю извѣстіе, способное утѣшить его гнѣвъ: русскій дворъ предупредилъ саксонскій, что не потерпитъ съ его стороны наступательныхъ дѣйствій противъ Пруссіи. Это чего-нибудь да стоило. И дѣйствительно, Фридрихъ объявилъ себя пока удовлетвореннымъ. 4 марта 1745 года написавъ въ Петербургъ, принимая окончательно вмѣшательство императрицы, онъ поручилъ Мардефельду передать свою горячую благодарность русскимъ министрамъ, а Бестужеву въ особенности [3]).

Такимъ образомъ конфликтъ, державшій Европу въ напряженномъ состояніи, повидимому вступалъ въ новую фазу, направляясь къ мирному разрѣшенію. Однако уже произошло событіе, предназначенное разрушить эти надежды: смерть Римскаго Императора (20 января 1745 г.), открывшая новое поле честолюбію Маріи Терезіи. Шансы, имѣвшіеся недавно, на согласіе Австріи принять посредни-

---

[1]) „Сборникъ“.

[2]) „Pol. Corresp.“.

[3]) „Pol. Corresp.“. Мѣсто относящееся къ русскимъ министрамъ не напечатано.

чество отъ того безконечно уменьшились, а вскорѣ неожиданное вмѣшательство Порты, предложившей въ свою очередь взять на себя роль посреднической державы, заставила с.-петербургскій кабинетъ добровольно отказаться отъ предпріятія, гдѣ приходилось сталкиваться съ такими конкурентами.

Д'Алльонъ оставался въ сторонѣ отъ переговоровъ, начатыхъ по этому поводу. Не удостаиваемый никакого вниманія, подвергнутый карантину, онъ ничего подобнаго не выдавалъ въ своихъ депешахъ и сумѣлъ внушить настолько ложное представленіе относительно дѣйствительныхъ намѣреній Россіи, что побудилъ д'Аржансона къ самой безполезной и компрометирующей демонстраціи. То было знаменитое, „поддразнивающее" письмо, навлекшее столько упрековъ на министра, отправленное Людовикомъ XV Елизаветѣ въ апрѣлѣ 1745 г. Въ письмѣ выражалось согласіе на посредничество, уже выброшенное изъ головы какъ императрицей, такъ и всѣми другими, и никогда ею не предлагавшееся. Въ то же время министръ надѣялся тронуть сердце царицы. Съ этой цѣлью составленіе посланія было поручено Вольтеру, проявившему въ немъ свои таланты льстеца. „Чѣмъ счастливѣе для меня война", говорилъ онъ устами короля Франціи, „тѣмъ сильнѣе заклинаю Ваше Величество ее окончить. Государынѣ, наиболѣе мною уважаемой, народы будутъ обязаны величайшимъ благодѣяніемъ". Такъ какъ секретарь, избранный Людовикомъ XV, былъ не изъ числа людей, забывающихъ о самомъ себѣ, то къ посланію оказался приложеннымъ экземпляръ „Генріады" съ посвященіемъ, гдѣ сравненіе двухъ Елизаветъ, русской и англійской, дало поводъ къ лестнымъ выводамъ[1]).

---

[1]) Нота д'Аржансона къ Ледрену, 15 апр. 1745 г. Иностр. дѣла. Россія. Voltaire. Oeuvres. Broglie Marie Thérèse impératrice. Zevort, Ze Marquis d'Argencon.

д'Аржансонъ добавилъ еще къ тому бюро фіолетоваго дерева съ часами стоимостью въ семь тысячъ ливровъ. И все, вмѣстѣ взятое, по настойчивымъ увѣреніямъ д'Алльона должно было совершить чудеса въ Петербургѣ. Результатъ извѣстенъ. Безъ всякихъ оговорокъ Бестужевъ объявилъ французскому завѣдующему дѣлами, что рѣчь идетъ теперь уже не о прекращеніи войны, но объ энергичномъ ея продолженіи, и далъ ясно понять, что Россія намѣревается принять въ ней участіе, но только не въ пользу Франціи. И, дѣйствительно, Розенбергъ одновременно извѣстилъ свой дворъ, что императрица и ея министры теперь весьма благопріятно относятся къ возобновленію договора 1726 г.[1])

Д'Аржансонъ горько сожалѣлъ о письмѣ и красивомъ бюро и выражалъ увѣренность, что русскій канцлеръ, которому д'Алльонъ предлагалъ до пятидесяти тысячъ червонцевъ, былъ подкупленъ болѣе крупной суммой, обѣщанной Англіей. Моимъ читателямъ понятно въ чемъ тутъ дѣло. Въ Лондонѣ не тратились такихъ бѣшеныхъ денегъ. Въ январѣ 1745 г. по свѣдѣніямъ Мардефельда, д'Алльонъ выразилъ готовность вручить еще бо́льшую сумму, — до двухъ сотъ тысячъ рублей (милліонъ ливровъ по тогдашнему курсу)—Бестужеву или Воронцову, и Фридрихъ выражалъ по этому поводу живѣйшую радость, высказывая убѣжденіе, что у канцлера „слишкомъ большой аппетитъ", чтобы отказаться отъ столь лакомаго кусочка [2]). Только, прибѣгая по прежнему къ помощи Гольдбаха, Бестужевъ зналъ, чего стоили деньги д'Алльона. Ему легко было предлагать милліоны на словахъ; но въ то же время француз-

---

[1]) Улефельду, 18 мая 1745 г. Вѣнскій архивъ, по-французски.

[2]) Отмѣтка на поляхъ рукой короля на депешѣ Мардефельда отъ 23-го января 1745 г. Берлинскій архивъ. Не напечатанная.

овѣренный въ дѣлахъ тщетно просилъ объ уплатѣ своего собственнаго вознагражденія. И въ то время, какъ Фридрихъ заявилъ своему посланнику, что не спрашиваетъ у него отчета въ расходахъ, какихъ бы размѣровъ они не достигли, д'Аржансонъ упрекалъ своего посла за отнесеніе на счетъ короля личныхъ издержекъ[1]). Пропасть, раздѣлявшая обоихъ дипломатовъ, достаточно ясно обрисовывается этимъ обстоятельствомъ.

Вскорѣ разочаровавшійся Фридрихъ также рѣшилъ положиться лишь на свои собственныя силы. Утѣшая себя въ началѣ надеждой склонить на свою сторону Россію или лестной мыслью о возможности пренебречь ея угрозами [1]), онъ измѣнилъ мнѣніе въ мартѣ, при извѣстіи о договорѣ, подготовлявшемся между дворами саксонскимъ, лондонскимъ и вѣнскимъ, для нападенія на Силезію. Объявивъ, что русскіе министры „чудовища криводушія", онъ тѣмъ не менѣе настаивалъ, чтобы Мардефельдъ сообщилъ имъ о размѣрахъ денежнаго вознагражденія, какимъ онъ готовъ былъ пожертвовать въ ихъ пользу, и заказалъ карету для Елизаветы. Карета, сдѣланная въ Парижѣ, оказалась великолѣпной, и послѣ долгихъ переговоровъ, во время которыхъ тщетно Мардефельдъ пытался извлечь какую-нибудь пользу изъ д'Алльона, ему удалось придти къ соглашенію съ Бестужевымъ и Воронцовымъ, назначивъ по пятидесяти тысячъ таллеровъ для каждаго. Послѣ чего, уплативъ еще пособіе за три мѣсяца Лестоку и Брюммеру, онъ извѣстилъ своего государя, что всякая опасность выступленія въ походъ русской арміи устранена. Его увѣренность въ этомъ отношеніи еще усиливалась свѣдѣніями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ. Уже давно онъ находился въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ русскимъ генера-

---

[1]) Д'Алльонъ Аржансону, 16 (27) ноября 1745 г. Иностр. дѣла
[2]) „Pol. Corresp.".

ломъ Кейтомъ, мечтавшимъ перейти на службу къ Фридриху. А Кейтъ ручался что русскія войска не тронутся съ мѣста. Получивъ приказаніе привести на военное положеніе корпусъ, находившійся подъ его командованіемъ, ему пришлось потребовать припасовъ, снаряженія и даже людей. Ряды войскъ были далеко не полны. По его требованію, ему прислали „восемьдесятъ негодяевъ, выпущенныхъ изъ тюрьмы", а на дальнѣйшія настоянія разсмѣялись въ лицо. Въ Ригѣ фельдмаршалъ Леси удивился его наивности: „Какъ можете вы допустить, что походъ состоится? Всѣ отдаваемыя приказанія существуютъ только на бумагѣ, и такъ же надо ихъ исполнять". Чтобы убѣдиться окончательно, Мардефельдъ обращался къ другимъ высшимъ начальствующимъ лицамъ военнаго круга и даже къ простымъ полковникамъ.

Всѣ твердили ему одно и то же: „Русская армія не двинется въ походъ, потому что не въ состояніи двинуться".

Но не обманывали ли короля друзья? На сомнѣніе, выраженное по этому поводу Фридрихомъ, прусскій дипломатъ отвѣчалъ довольно горячо: „Смѣю положительно увѣрить ваше высочество, что мнѣ извѣстно, до какихъ предѣловъ простирается русская честность; слѣдовательно, у меня не было еще ни одного близкаго друга въ Россіи, не будетъ и впредь [1])". И король, окончательно убѣжденный, сообразно тому, принималъ мѣры, возвѣстивъ въ маѣ 1745 г., что будетъ устраивать свои дѣла въ Германіи такимъ образомъ, какъ будто Россіи вовсе не существуетъ. „Если счастье окажется за насъ, мы двинемся въ Саксонію, и будь, что будетъ, а тогда, чтобы воспрепятствовать помощи Россіи, Лейпцигскій банкъ снабдитъ меня средствами... Саксонцы и австрійцы вступили вчера въ Силезію, и мы исполнимъ свой долгъ, ихъ оттуда вы-

[1]) Мардефельдъ королю, 4-го апрѣля 1745 г. Берлинскій архивъ.

гнавъ. Какъ только дѣло будетъ покончено, мы обрушимся съ уже подготовленной арміей на Саксонію, и Мардефельдъ тогда можетъ сказать: „Не такъ ли я говорилъ?“ [2]).

И Мардефельдъ ликовалъ, разсыпаясь въ успокоеніяхъ передъ своимъ государемъ. Бестужевъ, сразу подкупленный со всѣхъ сторонъ, правда, пытался склонить Елизавету къ участію въ Варшавскомъ договорѣ [3]), подписанномъ 8-го января 1745 г. между Австріей, Саксоніей, Англіей и Голландіей, но на совѣщаніи министровъ Воронцовъ тому воспротивился и одержалъ верхъ. Дѣйствительно, тщетно, Хиндфордъ истощалъ свое краснорѣчіе и всевозможныя ухищренія. То, ссылаясь на условіе, заключавшееся въ англо-русскомъ договорѣ, что двѣнадцать тысячъ человѣкъ, обѣщанные Россіей, могутъ быть замѣщены 500,000 рублей, онъ дѣлалъ видъ, что собирается потребовать денегъ, „чтобы испугать“, то предлагалъ принять на жалованье Англіи тридцать, сорокъ тысячъ русскихъ войскъ.

Принято, съ оговоркой, что войска эти послужатъ только противъ Франціи [1]).

Бестужевъ съ легкимъ сердцемъ пренебрегалъ деньгами д'Алльона, но не Мардефельда, и, кромѣ того, Елизавета еще не освоилась съ мыслью получать субсидіи.

Иногда канцлеръ, правда, находилъ, что Фридрихъ требуетъ слишкомъ многаго за свои деньги. Ссылаясь на опасность, грозившую ему, благодаря Варшавскому договору, ко-

---

[1]) На поляхъ депеши Марфельда, отъ 12-го мая 1745 г. Ненапечатанный текстъ.

[2]) Мардефельдъ называетъ его Гродненскимъ договоромъ, такъ какъ переговоры начались на польскомъ сеймѣ, происходившемъ въ Гродно въ октябрѣ 1744 г. Депеши 18-го и 22-го мая 1745 г. Берлинскій архивъ.

[3]) „Сборникъ“.

роль настойчиво возобновлялъ свои настоянія относительно вспомогательнаго отряда или дипломатическаго посредничества въ Дрезденѣ, и на донесеніе Мардефельда, что Бестужевъ старается затянуть дѣло, возмущался: „Я заключаю изъ вашего сообщенія, что канцлеръ подкупленъ Англіей; вице-канцлеръ васъ обманываетъ, и на этотъ дворъ положительно нельзя разсчитывать [2])“. Но самое важное заключалось въ томъ, чтобы не имѣть русскихъ противъ себя, если не удастся склонить ихъ на свою сторону, а за это Мардефельдъ попрежнему ручался: „Ни одинъ человѣкъ не двинется впередъ, ради кого бы то ни было“. Въ концѣ мая онъ могъ даже извѣстить, что Елизавета сдѣлала серьезное предупрежденіе Саксоніи ничего не предпринимать противъ Пруссіи, и въ то же время сообщалъ, что, „сильно возбужденная противъ Вѣнскаго двора“, царица выразила большое удовольствіе по поводу побѣды, одержанной французами.

То была битва подъ Фонтенуа.

Дню этому, повидимому, было суждено возстановить въ Россіи, какъ и вездѣ, положеніе Франціи. Имъ поколебленъ былъ еще неустановившійся престижъ Австріи и пошатнувшійся на время престижъ Англіи. Однако, только одна Пруссія извлекла изъ этого широкую выгоду въ С.-Петербургѣ, благодаря способу, какимъ попрежнему тамъ представлялись французскіе интересы. Каждый день англійскій посланникъ и русскій министръ приносили другъ другу взаимныя поздравленія, видя что д‘Алльонъ не покидаетъ своего поста [1]). Роль завѣдующаго дѣлами продолжала оставаться ничтожной. Услыхавъ о предложеніи 50,000 таллеровъ, Бестужевъ и Воронцовъ сначала выразили горячее желаніе войти въ согла-

---

[1]) На поляхъ депеши Мардефельда, отъ 1-го мая 1745 г. Берлинскій архивъ. Не изданный текстъ.

[2]) „Сборникъ“.

шеніе съ человѣкомъ, располагающимъ такими убѣдительными доводами, но вскорѣ захотѣли получить также и авансъ изъ обѣщанныхъ суммъ. Встрѣтивъ отказъ со стороны д'Алльона, они сразу измѣнили свое отношеніе къ нему, „покрывшись шипами и колючками". Д'Алльонъ вѣчно на нихъ натыкался, въ томъ сознавался, но утѣшалъ себя, съ удивительной философіей, послѣ всякой неудачи. „Мы уже настолько черны при этомъ дворѣ", писалъ онъ, „что лишній мазокъ кисти развѣ слегка только сгуститъ краски" [2]). Долго, до конца марта, 1745 г., пришлось д'Алльону дожидаться первой аудіенціи при дворѣ, и Елизавета выказала при этомъ особенно дурное настроеніе духа. Но что же! Д'Алльонъ отказался поцѣловать руку, къ которой Тираули недавно прикоснулся губами лишь преклонивъ колѣна [3]). И, выразивъ порицаніе поведенію де ла Шетарди, версальскій дворъ надумалъ теперь внушить своему представителю выдавать себя за друга и защитника бывшаго посланника! Одинъ изъ историковъ былъ правъ, говоря, что такая неловкость его убивала. А въ то же время д'Алльону было поручено вступить въ переговоры съ русскими министрами по поводу союза. Не трудно себѣ представить ожидавшій его пріемъ. Напрасно увѣрялъ онъ Бестужева и Воронцова, что 50,000 талеровъ будутъ выплачены сейчасъ же вслѣдъ за обмѣномъ подписями.

— Благодаримъ покорно! Щедроты императрицы насъ обезпечиваютъ отъ нужды.

У бѣдняги открылись глаза: „Я предлагаю деньги, а англичане ихъ даютъ", писалъ онъ. Дѣйствительно, въ томъ-то и было все дѣло! Благодаря настойчивости, ему удалось все-

---

[1]) Д'Аржансону, 23 января 1745 г. Иностр. дѣла.

[2]) Отъ него же тому же, 28 марта 1745 г. Иностранныя дѣла. Ф. Вандаль, Людовикъ XV и Елизавета. Авторъ напрасно довѣрился донесенію Фласеана.

таки начать переговоры съ канцлеромъ и его коллегой. Но это привело лишь къ горькому разочарованію: ни тотъ, ни другой не желали ничего слышать о политическомъ союзѣ. Императрица приняла уже на себя другія обязательства.

— Обѣщайте, по крайней мѣрѣ, сохранять нейтралитетъ во время теперешней войны.

— Невозможно; этого не допускаютъ наши соглашенія съ Англіей и Саксоніей.

— Но въ такомъ случаѣ что же вы имѣли въ виду, начавъ сначала переговоры со мной?

— Обстоятельства измѣнились.

Происходило это въ іюнѣ 1745 г. [1]), и по этому поводу толковали о договорѣ, будто бы заключенномъ между Россіей и Австріей въ маѣ мѣсяцѣ [2]). Это ошибка. Договоръ былъ подписанъ лишь годъ спустя. Слѣдовательно, побудить въ данное время Елизавету къ вмѣшательству противъ Фридриха могъ только или старый договоръ съ Австріей, заключенный въ 1726 г., или обязательства, недавно принятыя относительно Саксоніи. Елизавета отказывалась признать первый, а вторыя допускали различныя толкованія. Австрія, Англія и Саксонія добивались участія царицы въ Варшавскомъ договорѣ, но Мардефельду удавалось довольно искусно парализовать ихъ усилія, а англійской дипломатіи мѣшала ссора, возгорѣвшаяся между Тираули и его преемникомъ Хиндфордомъ. Выхлопотавъ свое отозваніе, Тираули передумалъ, соблазненный желаніемъ принять участіе въ заключеніи предстоящаго договора и воспользоваться сопряженными съ этимъ денежными наградами и почестями, а можетъ быть и иными причинами, тайна которыхъ осталась между нимъ и Елизаветой. Хиндфорду это не нравилось, и казалось, что въ С.-Петербургѣ однимъ англій-

---

[1]) Д'Алльонъ д'Аржансону, 4 (15) іюня 1745 г. Иностр. дѣла.

[2]) Людовикъ XV и Елизавета.

скимъ посланникомъ больше чѣмъ слѣдуетъ, а Бестужевъ, руководимый Мардефельдомъ, пользуясь недоразумѣніемъ, затягивалъ переговоры и поддерживалъ равновѣсіе между ведшими игру сторонами. Онъ отправилъ въ Дрезденъ предостереженіе не нападать на Пруссію и не разсчитывать на вооруженное содѣйствіе Россіи, и тотъ же курьеръ, проѣзжая черезъ Берлинъ, завезъ туда ноту, заявлявшую, что, по мнѣнію с.-петербургскаго двора, дрезденскій дворъ не нарушитъ нейтралитета выполненіемъ своихъ обязательствъ относительно королевы венгерской [1]). Фридрихъ кричалъ о коварствѣ, но Мардефельдъ прекрасно понималъ всю игру и продолжалъ успокаивать своего государя. Король могъ вступить въ Саксонію, если ему заблагоразсудится, Россія безъ сомнѣнія не подумаетъ мѣшаться въ это дѣло [2]). И Фридрихъ буквально послѣдовалъ совѣту дипломата. 4-го іюня 1745 г. онъ разбилъ саксонскія войска при Гогенфридбергѣ, а 4-го сентября,—выразивъ одобреніе Мардефельду, пытавшемуся тѣмъ временемъ добиться отъ д'Алльона дѣйствительной поддержки, чтобы предотвратить всякое вмѣшательство со стороны Россіи,—предупредилъ его по секрету, что впредь это излишній трудъ. Ему удалось силой оружія, заключить договоръ съ Англіей, куда войдетъ и Саксонія.

То было знаменитое Ганноверское соглашеніе.

Однако, Саксонія оказывала еще сопротивленіе до конца года; но русскія войска попрежнему не трогались съ мѣста, и Розенбергъ заявлялъ съ горечью, что въ результатѣ всѣхъ своихъ усилій добился лишь двухъ важныхъ вещей: „Ему удалось сорвать маску съ русскихъ министровъ и обнаружить ихъ несостоятельность и недобросовѣстность". Онъ добавлялъ:

---

[1]) Подевильсъ королю, 3 іюня 1745 г. Фридрихъ Мардефельду, 8 іюня 1745 г. Берлинскій архивъ. Неизданные тексты.

[2]) Королю, 22 іюня 1745 г.

„Если бы королева была менѣе красива и менѣе украшена прекрасными качествами, тогда она не возбуждала бы здѣсь такой зависти, и можетъ быть дѣло сложилось бы болѣе основательно. Но интересы уступаютъ мѣсто и приносятся въ жертву этой зависти... и я изображаю изъ себя прекрасную Елену, изъ-за которой ведется война [1])“. Послѣ чего, подъ предлогомъ принятія своей государыней титула императрицы, онъ выхлопоталъ свои бумаги, снова возложивъ бремя дѣлъ Гогенгольца.

По поводу поведенія Россіи среди столь напряженнаго положенія, утверждали также, что, обѣщавъ содѣйствіе Августу III, противъ Фридриха, Елизавета, „по женскому капризу“, отказалась отъ исполненія плана, выработаннаго въ Вѣнѣ, относительно нападенія на Пруссію, при посредствѣ Саксоніи [2]). Я нигдѣ не нашелъ слѣдовъ такого соглашенія, и свѣдѣнія, сообщавшіяся Мардефельдомъ до и во время войны, повидимому, исключаютъ его возможность. „Ни одинъ человѣкъ не переступитъ границъ государства“, писалъ онъ въ іюнѣ, „несмотря на похвальбу этимъ, и императрица недавно смѣялась отъ души во второй разъ надъ тѣмъ, что фельдмаршалъ Леси просилъ озаботиться заготовкой продовольствія въ Курляндіи“. И въ августѣ: „Императрица сама повторяла неоднократно, послѣ битвы при Фридбергѣ, въ присутствіи графа Лестока, Брюммера и многихъ другихъ лицъ, что польскому королю, оказавшемуся зачинщикомъ, нечего болѣе разсчитывать на ея содѣйствіе... Я знаю, что дѣло идетъ о моей жизни, и Бестужевъ, подкупленный польскимъ королемъ, дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы ему услужить; но мое убѣжденное мнѣніе, что никакого похода не будетъ [3])“.

---

[1]) Улефельду, 24 іюля и 11 сентября 1745 г. Вѣнскій архивъ.

[2]) Le due de Broglie Marie Therèse imperatrice.

[3]) Королю, 5 іюня и 14 августа 1745 г. Берлинскій архивъ.

Въ августѣ, по требованію, предъявленному Саксоніей, русскій канцлеръ возбудилъ на совѣтѣ министровъ вопросъ о необходимости послать просимую помощь; Воронцовъ высказалъ противуположное мнѣніе, Елизавета повидимому осталась этимъ недовольна и дала вице-канцлеру разрѣшеніе отправиться въ заграничное путешествіе, что походило на немилость [1]). Но Кейтъ снова поспѣшилъ успокоить Мардефельда. Ему слали приказъ за приказомъ выступать въ походъ, но не дѣлали при этомъ ничего, чтобы дать ему возможность повиноваться, такъ что онъ пришелъ къ убѣжденію, что все было простой „похвальбой“ [2]). Когда Розенбергъ возвѣстилъ о своемъ отъѣздѣ, Елизавета заволновалась.

— Что это значитъ?—спросила она у Бестужева.

— А какъ же! Ваше величество покинули Австрію въ тяжелую минуту, и ея представителю нечего здѣсь больше дѣлать. Посланники Даніи, Голландіи и Англіи, безъ сомнѣнія, послѣдуютъ вскорѣ ея примѣру.

Смущенная, испуганная императрица распорядилась созывомъ одного за другимъ двухъ чрезвычайныхъ совѣщаній. Воронцовъ въ нихъ болѣе не принималъ участія; Ганноверскій договоръ былъ названъ здѣсь вѣроломствомъ; перехваченная депеша отъ д'Аржансона къ д'Алльону произвела на членовъ собранія впечатлѣніе, что дѣло произошло при соучастіи Франціи. Единогласно было постановлено выслать помощь [3]). Но второй совѣтъ состоялся 4-го октября. Было слишкомъ поздно двинуть войска. Рѣшено было сосредоточить ихъ въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, чтобы они были готовы къ выступленію весной. Подписавъ, такимъ образомъ, вынесенныя рѣшенія, по словамъ легенды, Елизавета упала на колѣни

---

[1]) Соловьевъ, „Ист. Россіи“.

[2]) Мардефельдъ королю, 4 сентября 1745 г. Берлинскій архивъ.

[3]) Хиндфордъ Харингтону, 3 августа 1745 г. „Сборникъ“.

передъ иконой, призывая Бога въ свидѣтели, что дѣйствовала по чистой совѣсти. Послѣ чего боязливо спросила Леси: „Какъ ваше мнѣніе?“

— Я только солдатъ...

— Но еще?

— Прусскому королю слѣдуетъ надѣть узду.

— Да, да! Это прусскій Шахъ-Надиръ [1]).

На этотъ разъ Фридрихъ почувствовалъ серьезно надвигавшуюся опасность. Тщетно Мардефельдъ упорствовалъ въ своемъ скептическомъ оптимизмѣ: „Собака, которая лаетъ,—не кусается; сердце мнѣ говоритъ, что здѣшнія войска не забудутся настолько, чтобы заслужить встрепку отъ войскъ вашего высочества“. Съ каждой недѣлей, въ теченіе ноября мѣсяца, король, раздѣлявшій взгляды своего посланника, измѣнялъ мнѣніе и тонъ. Только что онъ поздравлялъ Мардефельда съ тѣмъ, какъ тотъ подхватилъ нѣкоторыя неудобныя слова Бестужева; увѣрялъ, что въ Берлинѣ такъ же поступаютъ съ графомъ Чернышевымъ и объявилъ, что можетъ обойтись впредь и безъ Франціи, къ которой собирался лишній разъ обернуться спиной. Теперь пошла другая пѣсня. Движимый какъ будто какимъ-то темнымъ предчувствіемъ, великій мужъ страшился мысли о возможномъ столкновеніи съ русскими войсками, хотя и разсказывали ему о нихъ, что они не помышляютъ о нападеніи на него и неспособны помѣряться съ нимъ силами. Поддержка Франціи ему казалась даже необходимой, чтобы защитить себя отъ опасности, грозившей со стороны Россіи, и, не довольствуясь попытками черезъ посредство Мардефельда побудить къ вмѣшателству д'Алльона [1]), онъ написалъ Людовику XV, выражая въ письмѣ съ непередаваемымъ

---

[1]) Соловьевъ, „Сборникъ“.

[2]) Мардефельду 9-е и 16-е ноября 1745 г. Неизданные тексты.

апломбомъ ту мысль, что принесъ себя въ жертву ради интересовъ Франціи, и поэтому льститъ себя надеждой, что всехристіаннѣйшій король не покинетъ среди критическихъ обстоятельствъ послѣдняго союзника, оставшагося у него въ Германіи [2]). Тѣмъ временемъ прибыла принцесса Цербтская съ порученіями Елизаветы, изъ которыхъ наиболѣе важное касалось отозванія Мардефельда—„интригана и безпокойнаго человѣка",—и Фридрихъ поручилъ своему посланнику предложить 100,000 талеровъ Бестужеву „въ видѣ послѣдней попытки". Черезъ посредство своего посла въ Лондонѣ, Андріе, король старался также воздѣйствовать на Хиндфорда, въ то же время предупреждая Мардефельда, что его мнѣніе, будто англійскій посланникъ изподтишка работаетъ надъ ускореніемъ выступленія въ походъ русской арміи, не лишено правдоподобія.

Но безпокойство и дипломатическая дѣятельность не мѣшали удивительному борцу довѣряться въ то же время и своему счастью и генію. Продолжая войну въ самый разгаръ зимы, онъ вторгся въ Лужицію и Саксонію, разбилъ саксонцевъ при Крессельдорфѣ 15 декабря и въ томъ же мѣсяцѣ объявилъ Мардефельду, что можно приберечь 100,000 таллеровъ, предназначенныхъ для русскаго канцлера за нѣсколько недѣль до того. Занятіе Дрездена предоставило возможность побѣдителю продиктовать условія мира и войти въ соглашеніе съ Саксоніей и Австріей на основаніи Ганноверскаго договора [1]).

Итакъ, годъ закончился торжествомъ Фридриха. Но Франція не принимала никакого участія въ этой побѣдѣ. Въ послѣднюю минуту, въ декабрѣ, д'Алльонъ, побуждаемый

---

[1]) 15 ноября 1745 г. „Pol. Corresp.".

[2]) Мардефельду, 23-е и 26-е декабря 1745 г. Берлинскі Архивъ. Тексты ненапечатанные.

Мардефельдомъ, возобновилъ свое предложеніе денегъ Бестужеву. Какъ и прежде, канцлеръ на нихъ нисколько не польстился, все по той же причинѣ. Ему извѣстно было, что у всѣхъ петербургскихъ и парижскихъ банкировъ былъ закрытъ кредитъ для французскаго посланника, и онъ читалъ депеши, гдѣ д'Аржансонъ писалъ своему агенту: „Вамъ ничего не удается; ваши разговоры съ русскими министрами пустая забава; ...вы не сумѣли подготовить себѣ никакой лазейки... ведете всѣ дѣла черезъ канцлера, который съ каждымъ днемъ все больше предается Австріи и Англіи" [2]). Читалъ также депеши, гдѣ д'Алльонъ называлъ его „безчестнымъ человѣкомъ, продающимъ за деньги свое вліяніе англичанамъ и австрійцамъ, не лишая себя свободы брать и съ остальныхъ" [3]). И на поляхъ одной изъ депешъ, сообщаемыхъ Елизаветѣ, сдѣлалъ слѣдующую помѣтку: „По-моему скромному мнѣнію, слѣдуетъ предоставить ему еще на нѣкоторое время возможность изливать свой ядъ".

Судьба Франціи предназначала ее къ тому, чтобы въ союзѣ съ Фридрихомъ на ея долю достались лишь неудачи, теперь уже близившіяся.

---

[2]) 3-е августа и 12 декабря 1746 г. Иностр. дѣла.

[3]) Д'Алльонъ д'Аржансону, 4-е января 1746 г. Иностр. дѣла.

III.

Австро-русскій договоръ.

Курьеровъ, привезшихъ вѣсть о взятіи Дрездена и мирѣ, продиктованномъ Фридрихомъ своимъ противникамъ, опередилъ въ Петербургѣ новый австрійскій посланникъ. Генералъ баронъ де Претлакъ прибылъ сюда офиціально, чтобы возвѣстить Елизаветѣ о восшествіи на престолъ римскаго императора, но въ дѣйствительности, чтобы снова начать переговоры, прерванные его предшественникомъ, имѣвшіе цѣлью возобновленіе договора 1726 г. То былъ человѣкъ совсѣмъ иного склада, чѣмъ Розенбергъ. Съ военной выправкой, непринужденными манерами, проницательнымъ умомъ, онъ сумѣлъ одновременно понравиться и императрицѣ и ея министру и располагалъ также другими способами къ скорѣйшему достиженію успѣха. Согласившись заключить договоръ съ Фридрихомъ, Марія-Терезія подчинилась печальной необходимости, въ которой большую роль сыграло отсутствіе помощи, какую она расчитывала получить отъ Россіи. Теперь она предлагала субсидію въ два милліона флориновъ, поручивъ своему посланнику добавить къ этому въ личное пользованіе канцлера подобающую сумму. Первое предложеніе не особенно прельстило Бестужева. Два милліона подлежали выплатѣ лишь

послѣ того, какъ къ новой императрицѣ вернется обладаніе Силезіей.

— Прекрасный вы нашли выходъ! — возразилъ канцлеръ.—Намъ необходимы средства, чтобы двинуть въ походъ свои войска, и я предлагаю тридцать тысячъ человѣкъ морскимъ державамъ за чистыя денежки.

— И вы думаете,—отвѣчалъ Претлакъ,—что послѣ опыта послѣднихъ мѣсяцевъ въ Лондонѣ или Гагѣ отнесутся съ довѣріемъ къ дѣйствительности вашихъ вооруженій?

Увы! У Бестужева были вѣскія причины въ томъ сомнѣваться. Англія не торопилась отвѣтомъ на его предложенія. Она предоставляла Россіи побесѣдовать наединѣ съ Австріей, и такимъ образомъ поневолѣ приходилось входить въ соглашеніе съ Претлакомъ. Отвѣтивъ отказомъ, петербургскій дворъ рисковалъ очутиться въ одиночествѣ.

Вслѣдствіе того Фридрихъ снова почувствовалъ надвигавшуюся опасность; тѣмъ болѣе, что по извѣстіямъ, полученнымъ изъ Франціи, у него зарождалось подозрѣніе, какъ бы держава не вздумала отплатить ему за прежнія измѣны примиреніемъ съ Австріей. „Если бы это случилось“, писалъ онъ Мардефельду, „королева венгерская могла бы двинуть въ походъ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, что съ двадцатью тысячами саксонцевъ и сорока тысячью русскихъ составило бы стодвадцатитысячную армію, чему я не въ состояніи противопоставить болѣе ста тысячъ, самое большое — ста двѣнадцати тысячъ человѣкъ“. И снова повторялъ своему посланнику приказаніе подкупить Бестужева, если есть какая-нибудь возможность, доходя на этотъ разъ до громадной цифры въ двѣсти тысячъ таллеровъ [1]). Но въ то же время Претлакъ пріобрѣлъ въ Петербургѣ для переговоровъ неожи-

[1]) 19-е апрѣля 1746 г.; Pol. Corresp.

даннаго и неоцѣненнаго союзника въ лицѣ Хиндфорда. Послѣ дрезденскаго мира и согласно Ганноверскому договору, англійскій дипломатъ долженъ былъ дѣйствовать заодно со своимъ прусскимъ коллегой, и офиціально онъ строго придерживался этого обязательства, расточая посланнику Фридриха проявленія довѣрія и обѣщанія поддержки и тѣмъ похваляясь въ свой перепискѣ съ Харрингтономъ. „Мардефельдъ мой духовникъ", писалъ онъ. Но онъ велъ еще другую переписку съ барономъ Штейнбергомъ, министромъ короля Георга въ Ганноверѣ. А у государя этого была также своя „тайна", заключавшаяся въ непримиримой ненависти къ Фридриху, и Хиндфордъ всецѣло раздѣлялъ такое чувство [1]).

Такимъ образомъ прусскій дипломатъ испытывалъ въ свою очередь послѣдствія двуличности, отъ которой раньше самъ заставлялъ страдать де ла Шетарди. Терпя все ухудшавшееся отношеніе неблагодарнаго Бестужева, принужденный представиться страдающимъ подагрой, чтобы его отозванія не требовали съ большой настойчивостью, онъ долженъ былъ отказаться отъ всякаго непосредственнаго участія въ текущихъ переговорахъ, предоставивъ его своему коварному сотруднику, передававшему всѣ тайны Бестужеву и Претлаку и сообща съ ними работавшему надъ ускореніемъ заключенія австро-русскго договора.

Тѣмъ временемъ, рѣшивъ въ январѣ 1746 г. замѣстить невозможнаго д'Альона посланникомъ, способнымъ исправить его промахи, въ мартѣ д'Аржансонъ перемѣнилъ свое мнѣніе, разсыпаясь въ любезностяхъ, весьма неожиданно смѣнившихъ недавніе упреки, сообщилъ завѣдующему дѣлами,

---

[1]) См. эту переписку у Borkovsky, Die englische Friedensvermittelung im J. 1745.

что мысль о его перемѣщеніи оставлена. Д'Алльону приходилось только „стойко держаться въ ожиданіи лучшихъ временъ, которыя не замедлятъ наступить". Причиной такой перемѣны былъ Гроссъ, у котораго старались разузнать, какъ отнесется Елизавета къ вопросу о замѣненіи его посланникомъ въ силу обоюдности, давшій отвѣтъ, какого слѣдовало ожидать [1]).

Зато безъ всякихъ замедленій, 22-го мая (2-го іюня) 1746 г., состоялось подписаніе австро-русскаго договора. Сведенный къ оборонительному союзу, съ условіемъ взаимопомощи лишь съ этой цѣлью въ видѣ тридцатитысячнаго отряда, договоръ формально исключалъ изъ *„casus foederis"* настоящую войну между Австріей и Франціей. То былъ, очевидно, лишь первый шагъ по пути, рано или поздно неминуемому для Россіи въ обществѣ теперешнихъ или будущихъ враговъ французской монархіи.

Бестужевъ получилъ шесть тысячъ червонцевъ за свое содѣйствіе.

Въ Версалѣ долго оставались въ невѣдѣніи совершившагося, и въ самомъ Петербургѣ д'Алльонъ оказался не лучше освѣдомленнымъ. Извѣщеніе представителей иностранныхъ державъ послѣдовало только въ началѣ августа, при чемъ Франція была подвергнута исключенію. Такимъ образомъ ничего не подозрѣвавшій д'Аржансонъ попалъ въ смѣшное положеніе, оказавъ торжественно-сердечный пріемъ русскому вице-канцлеру, какъ разъ въ это время прибывшему въ Парижъ. Пока въ Петербургѣ подготовлялось будущее столкновеніе французскихъ и русскихъ войскъ на Рейнѣ, ко-

---

[1]) Д'Аржансонъ д'Алльону 3 и 23 марта 1746 г. Иностр. дѣла.

[2]) Претлакъ Улефельду, 7 іюня и 30 августа 1746 г. Вѣнскій архивъ. По-французски.

роль, королева, маршалъ саксонскій осыпали любезностями путешественника, съ таинственнымъ видомъ толковавшаго о милостяхъ къ нему Елизаветы, несогласіяхъ съ Бестужевымъ и своихъ симпатіяхъ къ Франціи. Его окружали предупредительностью, награждали подарками, и такъ какъ онъ возвращался въ Россію, то д'Аржансонъ съ простодушной довѣрчивостью ожидалъ „непредвидѣннаго событія", неминуемаго по его прибытіи. Два извѣстія пришли вмѣсто одного желательнаго, возвѣщая, во-первыхъ—о событіи 22-го мая, получившемъ гласность, и во вторыхъ—о женитьбѣ единственнаго сына Бестужева на племянницѣ Разумовскаго. Этотъ бракъ упрочивалъ положеніе канцлера.

Мы читаемъ у знаменитаго историка: „На этотъ разъ версальскій дворъ не задумываясь рѣшилъ отозваніе д'Алльона[1])". Ахъ, если бы это была правда! Но увы! самъ д'Алльонъ, добровольно, „годъ спустя", догадался исходатайствовать себѣ не отозваніе, но отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ. А до тѣхъ поръ своеобразнымъ удальствомъ старался отомстить за пренебреженіе къ Франціи. Обѣдая у русскаго канцлера въ обществѣ Хиндфорда, онъ отказался выпить за здоровье короля Англіи. Послѣ чего англійскій консулъ Вольфъ провозгласилъ тостъ за здоровье короля Франціи, а Хиндфордъ всталъ, заявляя, что ему болѣе знакомо чувство уваженія къ коронованнымъ особамъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Д'Алльонъ все-таки остался сидѣть.

— Я никогда не пилъ за здоровье другихъ государей раньше своего короля,—объявилъ онъ.

— Потрудитесь все-таки подняться, разъ всталъ я!— загремѣлъ Хиндфордъ, а Бестужевъ, опьянѣвшій отъ гнѣва и вина, поднявъ стаканъ, воскликнулъ:

---

[1]) Вандаль, *Людовикъ и Елизавета.*

— А я пью за успѣхъ англійскаго оружія! [2])

Безспорно, французской дипломатіи слѣдовало бы искать лучшихъ способовъ отплаты, хотя я не присоединяюсь къ мнѣнію упомянутаго историка, ставившаго ей въ упрекъ, что она не постаралась воспользоваться могущественной диверсіей, ей въ это время предложенной [3]). Рѣчь идетъ о предполагавшемся союзѣ, пожеланіе котораго было выражено Портой по почину знаменитаго Бонневаля и вслѣдствіе настояній королевскаго посланника въ Константинополѣ. Фактъ самъ по себѣ правильный, но это дипломатическое событіе произошло не *послѣ* австро-русскаго союза, какъ указывалъ историкъ, но *до* него, что совершенно мѣняетъ его значеніе. Отмѣченная мною ошибка во времени договора привела къ другому заблужденію. Предложеніе союза относится къ 1745 г. Въ это время угроза вмѣшательства Россіи въ австро-французскій конфликтъ еще никоимъ образомъ не была очевидной. У Маріи-Терезіи даже не было представителей въ Петербургѣ послѣ отъѣзда Розенберга. Заключить въ эту минуту союзъ съ Портой значило бы пойти прямо вразрѣзъ съ усиліями, какія, предполагалось, тратились французской дипломатіей, сообща съ прусской дипломатіей, и дѣйствительно прилагались послѣдней для достиженія, по крайней мѣрѣ, нейтралитета могущественной сѣверной державы. Въ Берлинѣ понимали это настолько хорошо, что безъ колебаній отклонили подобное предложеніе И помимо заботы не прокладывать пути австро-русскому союзу, съ которымъ еще не приходилось бороться, но который лишь слѣдовало предупредить, существовало еще другое соображеніе для такого рѣшенія. Чего стоилъ турецкій союзъ? Въ 1745 г. онъ не стоилъ ничего,

---

[2]) Хиндфордъ Харрингтону, Петерб. 11-е февр. 1746 г.

[3]) Вандаль, то же соч.

потому что въ распоряженіи Порты, воевавшей съ Персіей, не оставалось ни одного солдата, какого она могла бы предоставить европейскимъ державамъ. Война эта закончилась только въ октябрѣ 1746 г., и тогда русская и австрійская дипломатія съ обоюднаго соглашенія побѣдоносно выступили въ Константинополѣ, исключивъ всякую мысль о соперничествѣ [1]).

Трудно сказать, что могла бы сдѣлать французская дипломатія, чтобы смягчить въ С.-Петербургѣ и за предѣлами его послѣдствія неудачи, какой не сумѣла избѣжать, да пожалуй и неизбѣжной. Она могла бы не выставлять себя на посмѣшище, какъ уже сдѣлала съ пріемомъ Воронцова въ Парижѣ. Къ сожалѣнію, то же, не жалѣя себя, продѣлала она и въ Петербургѣ.

Торжество австрійской политики создавало тамъ невыносимую атмосферу для представителя Людовика XV. Прежніе сторонники Франціи были удалены, какъ Брюммеръ, или запуганы. „Пріятно смотрѣть", писалъ Претлакъ, „какъ Лестокъ и остальные, у кого не чиста совѣсть, дрожатъ отъ страха, какъ бы не насталъ ихъ чередъ... Великая княгиня настолько испугана неожиданнымъ паденіемъ названныхъ лицъ, главнымъ образомъ Брюммера, что цѣлыми днями плачетъ и такъ далеко зашла въ своемъ огорченіи, что третьяго дня ей пришлось пустить кровь. „Чтобы обезпечить за Маріей-Терезіей увѣренность, что русская армія окажется въ будущемъ году въ ея распоряженіи, по словамъ посланника недоставало лишь нѣсколькихъ любезностей, въ родѣ присылки портрета императора и императрицы, что позволяло бы Елизаветѣ подарить свой портретъ, „потому что ей нравится, когда находятъ ее красивой и прилагаютъ старанія къ тому, чтобы въ

---

[1]) Соловьевъ.

этомъ убѣдиться". Нѣсколько бутылокъ токайскаго слѣдовало приложить къ этому подарку, чтобы „увлажнить лесть" [1]). И наконецъ самъ Мардефельдъ, такъ долго колебавшій побѣду, исчезъ съ поля битвы. Когда подъ далвеніемъ новыхъ и настоятельныхъ требованій Фридриха, желавшаго еще разъ попытаться „принять участіе въ складчинѣ", онъ намѣревался въ сотый разъ подкупить продажнаго Бестужева, канцлеръ отвѣчалъ на его предложенія рѣшительнымъ и окончательнымъ отказомъ. Слѣдуя желанію, выраженному королемъ прусскимъ, Елизавета согласилась отозвать Чернышева изъ Берлина, но потребовала, чтобы отвѣтомъ на эту мѣру послужилъ немедленный отъѣздъ Мардефельда. Она запретила своимъ министрамъ впредь вести какіе-либо переговоры съ этимъ посланникомъ. Приходилось покориться. Въ сентябрѣ 1746 г. представителемъ прусскихъ интересовъ въ Петербургѣ оставался одинъ только секретарь посольства Варендорфъ, съ ежегоднымъ вознагражденіемъ въ двѣсти таллеровъ. Въ то же время, слѣдуя теченію и личнымъ склонностямъ Хиндфорда, лондонскій кабинетъ разрѣшилъ своему посланнику начать съ Бестужевымъ новые переговоры относительно предоставленія Англіи и ея союзникамъ русскаго тридцатитысячнаго отряда.

Заключеніе договора откладывалось до 1747 г. только благодаря ожесточеннымъ спорамъ о размѣрѣ субсидій, а также благодаря личнымъ требованіямъ канцлера, желавшаго получить десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. На уклончивый отвѣтъ, полученный изъ Лондона, онъ бросилъ на полъ проектъ договора, грозя отозваніемъ немногочисленныхъ войскъ, уже находившихся въ Курляндіи. „Это не называется вести переговоры", писалъ тогда Керстерфіельдъ, „но зна-

---

[1]) Улефельду, 5 ноября 1746 г. Вѣнскій Архивъ, по-французски.

читъ имѣть дѣло съ ростовщиками и вымогателями, не знающими на благоразумія, ни мѣры". Наконецъ соглашеніе состоялось 12-го іюня 1747 г. Россія удовлетворилась стами тысячами фунтовъ стерлинговъ въ годъ.

Бестужевъ требовалъ триста семьдесятъ пять тысячъ за каждую тысячу солдатъ подъ ружьемъ, но морскія державы взяли на себя содержаніе вспомогательнаго отряда.

Узнавъ объ этомъ, д'Алльонъ на минуту понялъ, что играетъ глупую роль и обратился за разрѣшеніемъ послѣдовать примѣру удалившагося Мардефельда, но сейчасъ же передумавъ, заявилъ, что нашелъ безошибочное средство все-таки предоставить торжество интересамъ короля. Пошатнувшееся за послѣднее время вліяніе Лестока, по его увѣренію, снова упрочилось, благодаря браку, явившемуся результатомъ соображеній высшей политики. Хиндфордъ разразился смѣхомъ, читая съ Бестужевымъ перехваченную депешу повѣреннаго въ дѣлахъ. Онъ въ свою очередь сообщилъ графу Штембергу нѣкоторыя подробности, относительно этой свободы, „потѣшавшей дворъ и весь городъ". Поддерживавшій долгіе годы скандальную связь съ дѣвицей Менгденъ, сестрой бывшей фаворитки Анны Леопольдовны, Лестокъ вынужденъ былъ на ней женитьбы, и положеніе его оттого не выиграло ни въ смыслѣ прочности, ни въ смыслѣ вліятельности.

Невѣроятная вещь! д'Аржансонъ, повидимому, серьезно отнесся къ этой мистификаціи злополучнаго д'Алльона и только въ октябрѣ 1747 г. его преемникъ въ руководительствѣ иностранной политикой, маркизъ де Пьюзіе нашелъ, что Франція достаточно потерпѣла униженій на берегахъ Невы. Д'Алльону было предложено передать свои обязанности французскому консулу де Сенъ-Соверъ, и дипломатическія отношенія между обоими государствами прервались на долгіе годы.

Такимъ образомъ подготовлялось событіе, относительно

ЕЛИСАВЕТЪ I
Императрица и Самодержица Всероссійская
Elisabeth I
Russorum Imperatrix

котораго я не раздѣляю мнѣнія одного изъ своихъ предшественнниковъ, что оно было „невиданнымъ, почти невѣроятнымъ и безпримѣрнымъ со времени великихъ нашествій мусульманскихъ или татарскихъ“[1]), а именно: появленіе на берегахъ Рейна русской арміи, предназначенной остановить побѣдоносный натискъ побѣдителей при Року, стяжавшихъ лавры подъ Бергъ-онъ-Зоомъ. Развѣ Франція и Западная Европа не пережили подобнаго же опыта, гораздо болѣе ранняго, при видѣ арміи Леси въ 1734 г. на тѣхъ же поляхъ битвъ? Но, безспорно, къ такому зрѣлищу еще не успѣли привыкнуть.

[1]) Герцогъ Брольи. Maurice de Saxe et le marquis b'Argenson.

IV.

Ахенскій миръ.

Для Фридриха, какъ для Людовика XV, дипломатическая игра была безповоротно проиграна въ Петербургѣ. Однако, съ 1745 г. положеніе обоихъ дворовъ тамъ было далеко неодинаковымъ. Посредствомъ Ганноверскаго соглашенія король Пруссіи обезопасилъ себя отъ морскихъ державъ и союзниковъ, находившихся у нихъ на жалованіи. Такимъ образомъ, шумно возвѣщенное теперь выступленіе въ походъ русскихъ войскъ, повидимому, его не касалось. Такую видимость онъ превратилъ въ дѣйствительность, основательно упрочившись на почвѣ, пріобрѣтенной въ Лондонѣ и снова завоевавъ положеніе въ Петербургѣ присылкой другого посланника, графа Финкештейна. Правда, іюньскій договоръ 1747 г. сопровождался въ ноябрѣ и декабрѣ дополнительными условіями, увеличивавшими русскій вспомогательный отрядъ съ тридцати до сорока пяти тысячъ человѣкъ и заключавшими секретную статью, дѣлавшую миссію Финкештейна довольно рискованной. Статья эта именно гласила, что всѣ принятыя соглашенія, всѣ предполагаемыя выступленія предназначались исключительно противъ короля Пруссіи. „Помимо этого“, сообщалъ Претлакъ,

„канцлеръ заявилъ письменнымъ образомъ, по приказу императрицы, что въ случаѣ, если корпусу придется дѣйствовать противъ короля Пруссіи, она не только его усилитъ, но сейчасъ же еще прикажетъ снарядить къ будущей веснѣ шестнадцать военныхъ кораблей и шесть фрегатовъ для совмѣстнаго дѣйствія съ флотиліей галеръ у береговъ Помераніи“[1]).

Существованіе такого секретнаго условія до сихъ поръ подвергалось сомнѣнію, настолько оно повидимому расходилось съ положеніемъ, недавно принятымъ Англіей. Однако, слѣдуетъ вспомнить, что англійская политика колебалась въ то время между двумя противоположными теченіями, изъ которыхъ одно было рѣшительно враждебно Пруссіи. Съ другой стороны, вступая въ договоръ съ морскими державами, Бестужеву приходилось считаться съ личными чувствами своей государыни. Какъ мы видѣли, она рѣшилась принять участіе въ войнѣ и допустить для своей родины унизительную роль государства на жалованіи иностранныхъ державъ только движимая ненавистью къ прусскому „Шахъ-Надиру“. Онъ былъ дѣйствительнымъ и единственнымъ врагомъ въ ея глазахъ, недостойнымъ оправданія посягателемъ на Австрію и Саксонію, вѣчнымъ нарушителемъ мира, вѣроломнымъ предателемъ, заслуживающимъ наказанія, обузданія и изгнанія съ Европы разъ навсегда. Въ январѣ 1748 г. императрица покинула Петербургъ и удалилась на нѣсколько дней въ деревню, несмотря на жестокіе морозы, чтобы уклониться отъ праздника прусскаго Чернаго Орла[2]).

---

1) Улефельду, 30 ноября и 26 декабря 1747 г. Вѣнскій Архивъ, по-французски.

2) „Сборникъ“.

Такимъ образомъ, секретная статья и заявленіе русскаго канцлера были уступкой, сдѣланной этимъ чувствамъ. Фридриху было о томъ извѣстно, но, хорошо освѣдомленный о дѣйствительномъ значеніи этихъ документовъ, онъ не обнаруживалъ никакого смущенія. „Пока не нарушится миръ и согласіе между мной и Англіей“, писалъ онъ Финкенштейну, „мнѣ нечего опасаться Россіи“. И дѣйствительно, новый прусскій посланникъ почти слово въ слово повторялъ рѣчи Мардефельда, посылая своему государю успокоительныя донесенія. Бестужевъ относился къ нему довольно плохо, а императрица еще хуже; но онъ избѣгалъ особенно частаго общенія съ государыней и просилъ разрѣшенія должнымъ образомъ осаживить „грубости“ канцлера, неимѣвшія никакихъ послѣдствій, такъ какъ, безспорно, королю не приходилось бояться выступленія русскихъ войскъ. И Фридрихъ отвѣчалъ: „Позволяю вамъ отъ чистаго сердца не давать спуска всякій разъ, когда вы то найдете нужнымъ“[1]).

Первыя недѣли апрѣля 1748 г. оправдывали такое высокомѣрное и довѣрчивое отношеніе. Направлявшіяся къ Рейну въ то время, когда въ Ахенѣ уже происходилъ обмѣнъ подписями подъ предварительнымъ мирнымъ соглашеніемъ, русскія войска старательно обходили прусскую территорію. Передъ ними открывался другой путь, уже проложенный со временъ Петра Великаго для прохода всѣхъ сѣверо-восточныхъ европейскихъ армій. Развѣ Польша не была доступна для каждаго встрѣчнаго, превратившись въ нейтральное государство по взаимному соглашенію, въ ожиданіи часа близкаго раздѣла? Со своей стороны Фридрихъ держался осторожно, еще разъ измѣнивъ Франціи и

[1]) Pol. corresp.

предоставивъ ей одной бороться съ общими врагами. Съ этой цѣлью онъ прибѣгнулъ къ этому самому „секретному пункту“, существованіе котораго ничего не обнаруживало и слѣдъ котораго настолько впослѣдствіи затерялся въ архивахъ, что короля даже подозрѣвали въ его вымышленіи[2]). Фридриху о немъ было извѣстно, и, принявъ въ Лондонѣ и Петербургѣ мѣры предосторожности противъ его примѣненія, теперь, чтобы оправдаться въ своемъ новомъ вѣроломствѣ, онъ ссылался на его угрозу, которой искусно избѣгнулъ.

Кромѣ того, если вооруженное вмѣшательство Россіи имѣло какое-нибудь вліяніе на исходъ борьбы, то это какъ извѣстно, произошло косвеннымъ и далеко не рѣшающимъ образомъ. Подъ начальствомъ стараго Репнина, русской арміи не пришлось сдѣлать ни одного выстрѣла, и враждебныя дѣйствія кончились раньше, чѣмъ она прошла половину пути, предстоявшаго, чтобы принять въ нихъ участіе. Переговоры въ Ахенѣ продолжались до октября 1748 г. И съ той и съ другой стороны пришли къ заключенію, что, не послуживъ ни къ чему, эта наступающая армія являлась лишней обузой. Она не была включена въ перемиріе и, весьма медленно подвигавшаяся сначала, прибавила скорость лишь теперь, когда ее перестали ожидать. Подписавшіе предварительное мирное соглашеніе даже пришли къ рѣшенію исключить Россію изъ дальнѣйшихъ переговоровъ. Тщетно ссылался русскій посланникъ въ Лондонѣ на текстъ прежняго договора съ морскими державами и настаивалъ, чтобы его дворъ принялъ, по крайней мѣрѣ, участіе въ заключеніи окончательнаго мира, во избѣжаніе недоразумѣній. „Если допускать участіе наемныхъ державъ“, презрительно

---

[1]) Герцогъ Брольи. „Le paix d'Aix la Chapelle“. Авторъ говоритъ, что нигдѣ не нашелъ слѣдовъ такого секретнаго условія.

возразилъ французскій уполномоченный, графъ де Сенъ-Северинъ, тотъ самый, что чуть не сдѣлался посланникомъ въ Россіи, „то мы никогда не кончимъ“. А такъ какъ съ окончаніемъ торопились, то съ С.-Севериномъ согласились [1]), настоятельно потребовавъ отъ Репнина, чтобы онъ увелъ назадъ свои войска, чѣмъ обусловливалась эвакуація Нидерландовъ, занятыхъ французскими войсками. Россія можетъ принять участіе въ договорѣ впослѣдствіи. Тѣмъ временемъ русскій главнокомандующій умеръ, одному изъ его помощниковъ, графу Ливену, пришлось уступить желаніямъ союзниковъ, и вторая европейская кампанія русской арміи окончилась такъ же безславно, какъ первая.

Но на этотъ разъ у Фридриха зародились серьезныя опасенія. Ему весьма улыбалось движеніе „медвѣжатниковъ“ на западъ и столкновеніе ихъ по пути съ французами. Теперь же ему казалось, что они готовы „сѣсть ему на шею“. Недавно онъ отозвалъ Финкенштейна изъ Петербурга, надѣясь лучше использовать его таланты на другомъ посту, и замѣнилъ его „новичкомъ“, барономъ Гольцомъ. Сейчасъ онъ жалѣлъ о своемъ рѣшеніи. Безпокойство это еще усилила нота, представленная русскимъ правительствомъ въ Стокгольмѣ, выражавшая неодобреніе императрицы предстоящей конституціонной реформѣ. Дни шведскаго короля были сочтены, и нѣкоторые изъ его подданныхъ какъ будто мечтали о возстановленіи самодержавія. Братъ наслѣдной принцессы, кромѣ того недавно входившій въ переговоры о союзѣ съ мятежной страной „шляпъ“ и „колпаковъ“ [2]), Фридрихъ боялся быть вовлеченнымъ въ назрѣвшій такимъ образомъ конфликтъ. Онъ преувеличи-

---

1) Флассанъ. „Histoire de le diplomatie“.
2) Флассанъ, Histoire de la diplomatie.

валъ, впрочемъ, опасность настолько, что ввелъ въ заблужденіе нѣкоторыхъ историковъ[1]). Такова была, какъ мы видѣли, его обычная метода. Если судить по тревожнымъ депешамъ, какими онъ предостерегалъ своихъ агентовъ въ Петербургѣ и Копенгагенѣ, по отчаяннымъ письмамъ, какія онъ писалъ сестрѣ[2]), Бестужевъ вошелъ въ соглашеніе съ дворами лондонскимъ и вѣнскимъ, чтобы измѣнить порядокъ престолонаслѣдія, установленный въ Стокгольмѣ, и возвести на престолъ принца Фридриха Гессенскаго. Это значило поднимать много шума изъ-за ничего. Въ мартѣ 1749 г. въ *промеморіи*, представленной посланнику Маріи Терезіи, русскій канцлеръ дѣйствительно выразилъ убѣжденіе, что въ Швеціи подготовляется перемѣна образа правленія, и требовалъ, въ виду такой возможности, поддержки Австріи, согласно пункту 3 договора 1746 г. Претлака уже не было въ С.-Петербургѣ, а его преемникъ, графъ Бернесъ, весьма хитрый пьемонтецъ[3]), отвѣтилъ, что договоръ къ данному случаю не относится. Бестужевъ сильно разсердился, отказался отъ принятія отвѣта и повелъ рѣчь о примиреніи съ Франціей. Изъ Вѣны спросили Претлака, находившагося въ Франкфуртѣ. По его мнѣнію, дѣла не слѣдовало принимать трагически. „Гнѣвъ канцлера“, писалъ онъ Улефельду, „въ сущности не болѣе какъ плохое сочетаніе глупости и гримасъ... и когда онъ узнаетъ, что ни одинъ изъ остальныхъ дворовъ не дастъ болѣе удовлетворительнаго отвѣта, ему не трудно будетъ представить над-

---

[1]) Вандаль.

[2]) „Pol. Corresp.“. Malström, Sveriges Politica Historia.

[3]) Бильбасовъ. *Исторія Екатерины II*, русское изд. напрасно обратило его въ родственника Берни, съ которымъ у него не было ничего общаго.

лежащіе доводы своей императрицѣ... если только онъ не лишится вполнѣ недалекаго ума, даннаго ему природой“ [1]).

Хиндфордъ также назвалъ подобное требованіе „праздной болтовней“ [2]), и Бернесъ вскорѣ имѣлъ удовольствіе видѣть, что канцлеръ въ этомъ отношеніи значительно успокоился. Ужасный человѣкъ еще не отказался отъ мысли найти предлогъ для ссоры съ Швеціей, но теперь намѣревался достичь своей цѣли окольными путями, главнымъ образомъ намѣтивъ Пруссію. Россія, по его словамъ, была готова на всѣ жертвы для поддержанія мира на сѣверѣ; тѣмъ не менѣе, въ случаѣ, если ей придется взяться за оружіе, планъ ея заключался въ слѣдующемъ: демонстраціи, обращенныя въ сторону Швеціи, отвлекутъ вниманіе отъ главнаго движенія, имѣющаго задачей обрушиться на короля прусскаго всѣми силами государства. Враждебныя дѣйствія начнутся зимой, что поможетъ захватить Фридриха врасплохъ, воспользовавшись санями для доставки войскъ, между тѣмъ какъ пятидесятитысячная армія двинется прямо на Берлинъ. Швеція неминуемо должна вмѣшаться; но не подвергнувшись нападенію, она будетъ имѣть видъ зачинщицы, что дастъ Россіи возможность сослаться передъ Австріей на „casus foederis“. „А прусскій король былъ бы такимъ образомъ скоро приведенъ въ желательныя границы“.

Бернесъ снова вылилъ ведро холодной воды на такіе послѣдки воинственнаго пыла. „Замыселъ безспорно великій, но слѣдуетъ принять въ соображеніе, что Англія уже дала понять, что желаетъ избѣгнуть всякихъ обязательствъ, а у Франціи окажется достаточно способовъ и силъ, чтобы, какъ говорится, „удержать корову за хвостъ“. Онъ не распро-

---

[1]) 4-го іюля 1749 г. Вѣнскій Архивъ, по-французски.

[2]) Бернесъ, Москва, 29-го іюля 1749 г.

странялся далѣе, хорошо зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и будучи убѣжденъ, что Бестужевъ служитъ здѣсь только „попугаемъ Апраксина“. Снѣдаемый честолюбіемъ, „пожалуй столь же неумѣстнымъ, какъ несоразмѣрнымъ“, генералъ этотъ „сочинялъ проекты, выполненіе которыхъ поставило бы его самого въ тупикъ“ [1]).

Все же мѣсяцъ спустя канцлеръ снова возобновилъ попытку. Подъ нежелательнымъ вліяніемъ Воронцова Елизавета не поддавалась соблазну великаго проекта. Однако Бестужевъ нашелъ способъ заставить ее измѣнить свое мнѣніе. Легче всего ее было убѣдить личными соображеніями, гдѣ первое мѣсто принадлежало заботамъ объ ея безопасности. Такъ вотъ посланникъ Россіи въ Стокгольмѣ, Панинъ, раскрылъ заговоръ въ пользу императора Іоанна. Если это извѣстіе дойдетъ до императрицы черезъ посредство Австріи и удастся внушить ея величеству мысль, что король Пруссіи принималъ участіе въ этомъ преступномъ замыслѣ, Елизавета непремѣнно склонится къ заключенію союза съ Маріей Терезіей. Но сообщеніе должно получиться изъ разныхъ источниковъ, чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе, и съ этой цѣлью представителямъ Россіи и Австріи при главнѣйшихъ дворахъ Европы должны быть посланы соотвѣтствующія инструкціи, чтобы они могли сообразовать свои донесенія. Къ этой удивительной интригѣ Бестужевъ присоединилъ комбинацію, дающую полное представленіе объ его геніи. Елизавета, убѣжденная такимъ образомъ, что обязана своимъ спасеніемъ Императрицѣ-матери, склонится къ выдачѣ Австріи, „въ видѣ залога полной взаимности“, самаго принца Іоанна, которому, можетъ

---

[1]) Бернесъ Улефельду, Москва 8 декабря 1749 года. Вѣнскій Архивъ, по-французски.

быть, не всегда суждено оставаться опаснымъ соперникомъ, Если дѣйствительно у великаго князя не будетъ наслѣдниковъ, „что морально слѣдовало предполагать“, названный принцъ неминуемо будетъ призванъ на престолъ Россіи и „будетъ питать тѣмъ большую привязанность къ августѣйшему дому (Австріи), что окажется всѣмъ ему обязаннымъ“ [1]).

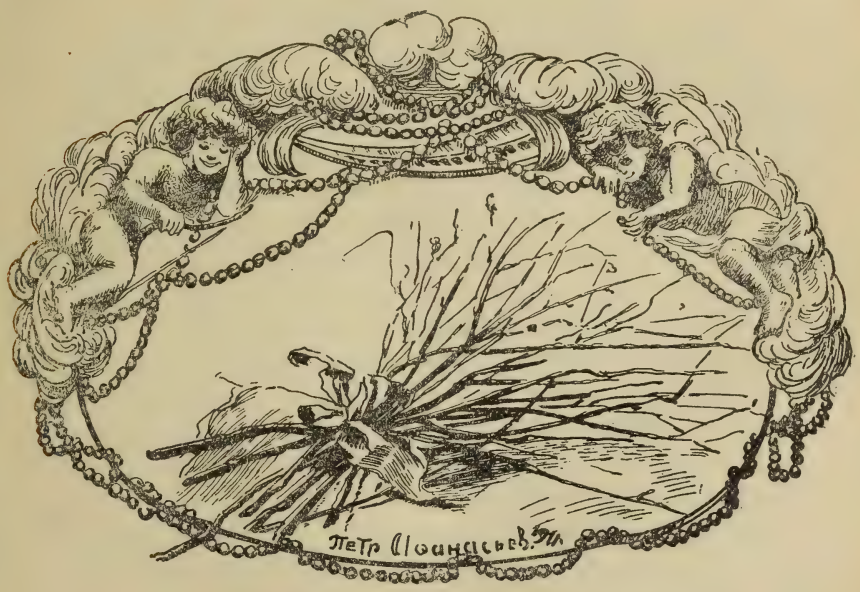
Бернесъ очевидно не придалъ серьезнаго значенія такимъ хитросплетеніямъ, гдѣ обнаружилось недоброжелательство Бестужева къ великокняжеской четѣ. Однако, по настояніямъ канцлера, ему пришлось написать въ указанномъ смыслѣ нѣкоторымъ изъ своихъ коллегъ, именно графу Пуэбла, австрійскому посланнику въ Копенгагенѣ. Но Фридрихъ уже находился внѣ опасности. Искусно разукрасивъ дѣло въ Версалѣ, Стокгольмѣ и Копенгагенѣ, онъ сумѣлъ возбудить подозрѣнія этихъ дворовъ противъ Россіи и противъ Англіи и оказался во главѣ настоящей коалиціи, громогласно заявлялъ объ услугѣ, оказанной ему Франціей энергичнымъ протестомъ въ Лондонѣ, обнималъ Валори при свидѣтеляхъ и проявлялъ къ Россіи, оставшейся въ одиночествѣ, недовѣрчивое отношеніе.

Въ мартѣ 1750 г. онъ отозвалъ Гольца, считая, что Варендорфъ справится въ Петербургѣ съ несложными дѣлами. Русскій посланникъ Гроссъ, несмотря на это, оставался въ Берлинѣ; тогда король пересталъ замѣчать его присутствіе до того, что забывалъ посылать ему офиціальныя приглашенія на придворныя празднества. Въ ноябрѣ невѣжливость подобнаго рода, болѣе подчеркнутая, чѣмъ остальныя, рѣшила отозваніе посланника. Въ „Исторіи моего времени“ Фридрихъ отрицалъ преднамѣренность сво-

---

[1]) ернесъ Улефельду, Москва 13 декабря 1749 года. Вѣнскій Архивъ, по-французски.

ихъ дѣйствій. Гросса тщетно всюду разыскивали, чтобы пригласить на ужинъ; слѣдовательно, отъ участія въ послѣднемъ онъ былъ, устраненъ неумышленно. Прекрасная память Фридриха настолько ему измѣнила въ данномъ случаѣ, что онъ относитъ событіе къ празднествамъ по поводу бракосочетанія принца Генриха, происходившимъ два года спустя послѣ отъѣзда русскаго дипломата. Король забылъ также упомянуть, что австрійскій посланникъ Бубна раздѣлилъ непріятность Гросса по поводу ужина, что, повидимому, опровергаетъ предположеніе о невольной ошибкѣ [1]).



---

[1]) Замѣтка относительно *„Исторіи моего времени“* барона Бюлера въ „Русскомъ Архивѣ“ 1887 г. Ср. Соловьева *„Исторія Россіи“* и *„Воронцовскій Архивъ“*.

V.

Разрывъ.

Офиціально указаннымъ с.-петербургскимъ кабинетомъ, поводомъ отозванія своего представителя послужилъ отказъ Фридриха вернуть въ Россію русскихъ подданныхъ, служившихъ въ его войскахъ. Вопросъ этотъ давно уже породилъ обмѣнъ дипломатическими нотами между обоими дворами, но очевидно не могъ служить ни причиной, ни даже предлогомъ къ разрыву. Однако, Варендорфъ въ свою очередь покинулъ Петербургъ, даже не простившись, и разрывъ совершился, поставивъ на этотъ разъ Пруссію въ одинаковое положеніе съ Франціей. То было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ принятой Россіей политической системы, куда Елизавета внесла свой темпераментъ, вспыльчивый, раздражительный и непримиримый.

Существуетъ предположеніе, что для того, чтобы возбудить личную враждебность государыни къ Фридриху, Бестужевъ воспользовался остротами, постоянно вырывавшимися, какъ извѣстно, у Фридриха, не щадившаго ни одной коронованной головы. Однако слѣдуетъ замѣтить, что относительно царицы ученикъ Вольтера обнаруживалъ извѣстную сдержанность, по крайней мѣрѣ на бумагѣ. Въ поэтиче-

скомъ сборникѣ, изданномъ въ 1750 г. для тѣснаго кружка друзей, онъ лишь вскользь упоминаетъ имя Елизаветы, изощряясь въ остротахъ надъ всѣми остальными государями Европы. Даже задорное мѣсто „Палладіона". (*Сочиненія*), также напечатаннаго въ 1750 г., относится скорѣе къ политикѣ Россіи, чѣмъ къ особѣ государыни. Въ иныхъ мѣстахъ царственный писатель довольно рѣзко отзывается о русскомъ народѣ и министрахъ, имъ управляющихъ (*Сочиненія*), нападаетъ на Бестужева и чернитъ его, но постоянно щадитъ Елизавету. Выказывалъ ли онъ такую же сдержанность на словахъ? Сомнительно. А по странной случайности—была ли то случайность?—большинство иностранныхъ посланниковъ, отправлявшихся въ Россію, Розенбергъ и Бернесъ изъ Австріи, Хиндфордъ, Гюи-Дикенсъ, Намбури Уильясъ изъ Англіи, фонъ Шессъ изъ Даніи, предварительон несли службу въ Берлинѣ. Очевидно, они не хранили въ тайнѣ то, что имъ приходилось слышать. Въ 1750 г. пара гайдуковъ, покинувъ службу у Фридриха, перешли на службу къ Елизаветѣ и, безъ сомнѣнія, тоже не мало кое-чего порасказали. Бестужевъ съ своей стороны, вѣроятно, также, не упустилъ случая обратить вниманіе набожной государыни на безвѣріе короля и плохіе супружескіе нравы, жертвой которыхъ была королева Елизавета. Какъ извѣстно, подруга Разумовскаго выказывала въ этомъ отношеніи большую строгость. Кстати канцлеръ воспользовался дѣломъ о русскихъ солдатахъ, посланныхъ Анной I отцу Фридриха и удержанныхъ сыномъ, хотя онъ не такъ дорожилъ пополненіемъ своей арміи великанами. Теперь въ Россіи признано, что, поженившись въ Пруссіи, люди эти не чувствовали ни малѣйшаго желанія вернуться къ себѣ на родину [1]). Но Бестужевъ указалъ,

---

[1]) Russische Revue. 1880 г.

что имъ невозможно отправлять свои религіозныя обязанности. Безпокойство Елизаветы въ этомъ отношеніи было легко возбудить, однако Фридрихъ съ нимъ не пожелалъ считаться.

Съ очевиднымъ отсутствіемъ прозорливости и явной непослѣдовательностью, долго не жалѣя никакихъ средствъ, чтобы склонить на свою сторону Россію, затѣмъ, чтобы обезопасить себя противъ посягательствъ съ ея стороны,—угроза которыхъ была ему скорѣе призрачной, чѣмъ дѣйствительной,—онъ кончилъ въ 1750 г. тѣмъ, что всецѣло довѣрился неустойчивому оплоту четверной коалиціи, достоинства которой безспорно преувеличивалъ въ разговорахъ съ Валори, провозглашая ее чудомъ совершенства. Возвращеніе Мардефельда въ Берлинъ и участіе его въ рѣшеніяхъ короля, безъ сомнѣнія, также имѣло свое вліяніе на такую перемѣну настроенія. Дипломатъ этотъ, обладавшій весьма здравымъ сужденіемъ и высокой честностью, раздѣлялъ съ большинствомъ современниковъ ложное представленіе объ устройствѣ и экономической и военной мощи только что покинутой имъ страны. Онъ довѣрялся внѣшности, отмѣчалъ продажность должностныхъ лицъ, безпорядки администраціи военной и гражданской, неспособность высшаго начальства и выводилъ отсюда полное отсутствіе средствъ, въ особенности къ наступленію. Такимъ образомъ онъ пріучалъ своего государя къ все болѣе презрительному отношенію къ испытанію, ставшему для него роковымъ.

Между тѣмъ, когда часъ этого испытанія пробилъ, отъ коалиціи, предназначавшейся для его предотвращенія, не оставалось даже и слѣда. Уже подготовлялся полный переворотъ европейскаго политическаго строя, гдѣ, возобновляя съ одной стороны недавно прерванное дѣло, съ другой разрушая работу нѣсколькихъ столѣтій, сближая Францію съ С.-Петербургомъ и примиряя Австрію съ Версалемъ, будущее готови-

лось придать международнымъ отношеніямъ совершенно иной видъ.

Тѣмъ временемъ, несмотря на нѣкоторыя недоразумѣнія и шероховатости, австро-русскій союзъ упрочивался. Изучаемая нами здѣсь фаза исторіи не представляетъ большого интереса, поэтому я коснусь ее вкратцѣ. Въ ноябрѣ 1750 г. съ успѣхомъ проведя переговоры о присоединеніи Англіи къ австро-русскому договору 1746 г., Бернесъ уже почилъ на лаврахъ, когда замѣтилъ какъ-будто тревожные признаки: Воронцовъ снова завладѣвалъ довѣріемъ императрицы, тогда какъ Бестужевъ, лишенный близости, какой пользовался вице-канцлеръ, былъ уже устраненъ отъ участія въ нѣкоторыхъ празднествахъ, на которыя государыня сама разсылала приглашенія. Въ раздраженіи онъ, повидимому, искалъ утѣшенія отъ своей опалы снова вернувшись къ воинственнымъ намѣреніямъ относительно Швеціи. Однако въ то же время Фридрихъ какъ-будто намѣревался отвѣтить на нихъ новой дипломатической компаніей, хотя и косвенной, но грозившей дойти до Петербурга въ видѣ крайне опасныхъ намековъ. Въ Вѣнѣ сочли, что слѣдуетъ предотвратить надвигавшуюся опасность возвращеніемъ въ Россію Претлака, и искусный дипломатъ вскорѣ могъ похвастать побѣдой настолько полной, „что, если бы даже король прусскій нашелъ возможность проповѣдывать здѣсь Евангеліе, такъ и то бы ему не повѣрили“. Дѣйствительно, въ маѣ 1751 г. с.-петербургскій дворъ выразилъ совю полную удовлетворенность оборотомъ, какой принимали дѣла въ Швеціи послѣ смерти короля и намѣреніями, выраженными его преемникомъ. Но въ сентябрѣ Претлакъ былъ обезпокоенъ письмомъ, показаннымъ ему канцлеромъ. Оно было написано послѣднему нѣкіимъ графомъ де Гьюмонъ, бывшимъ посланникомъ Франціи въ Генуѣ, и испрашивало для автора разрѣшенія прибыть въ Россію, гдѣ онъ стремился „увидать дворъ столь блестящій и преклониться

передъ добродѣтелями государыни, пользующейся повсюду столь высокой репутаціей". Не менѣе того горѣлъ онъ желаніемъ познакомиться съ министромъ, „заслуги и достоинства котораго еще усиливали такую похвалу [1])". Почти одновременно прибыло въ Петербургъ посланіе отъ самого Людовика XV, извѣщавшаго Елизавету о рожденіи герцога Бургундскаго и заявлявшаго по этому поводу „о чувствахъ дружбы, питаемыхъ къ „Ея Императорскому Величеству"—стоялъ титулъ—королемъ и никогда его не покидавшимъ" [2]). Совпаденіе было знаменательнымъ и безъ сомнѣнія не случайнымъ. Очевидно, оно означало собой первый шагъ въ рядѣ послѣдовательныхъ попытокъ, завершившихся сближеніемъ обоихъ дворовъ. Но первый опытъ не удался. Была совершена двойная ошибка: адресованіе письма Гьюмона Бестужеву и неудачный выборъ автора письма. Посовѣтовавшись со своимъ другомъ, Претлакомъ, канцлеръ поручилъ одному изъ своихъ секретарей написать Гьюмону слѣдующій, далеко не поощрительный отвѣтъ: „Его Сіятельство поручилъ мнѣ отвѣтить, что свободный въѣздъ въ государство не возбраняется ни для одного честнаго человѣка...Повидимому, г. Гьюмонъ напрасно трудился писать вышеозначенное письмо, чтобы получить разрѣшеніе нашей августѣйшей государыни и императрицы, титулъ, о которомъ г. Гьюмонъ не слѣдовало забывать, принимая во вниманіе, что король, его монархъ, и всѣ остальные дворы никогда не отказываютъ въ немъ великой государынѣ [3]).

Въ началѣ 1752 г. Претлакъ нашелъ, что дѣла находятся въ состояніи вполнѣ удовлетворительномъ, и сталъ хлопотать о своемъ отозваніи, „потому что, пять зимъ, проведенныхъ въ

---

[1]) Боннъ, 18-е іюля 1751 г. Вѣнскій Архивъ, копія.

[2]) Версаль, 13-е сентября 1751 г. иностр. дѣлъ.

[3]) 31-е августа, 11-е сентября Вѣнскій Архивъ.

Россіи, составляютъ эпоху не только для здоровья, но и для всей остальной жизни честнаго человѣка". Его остановили подозрительные переговоры между Бестужевымъ и преемникомъ Хиндфорда, Гью-Дикенсомъ. Бестужевъ вернулся къ старой мысли, отдать русскія войска на жалованье тому, кто пожелаетъ его платить, и получивъ отказъ изъ Вѣны, обратился въ Лондонъ. Предварительный вопросъ герцога Нейкастельскаго: „Для какой цѣли эти войска?" и признаніе Гью-Дикенса, подъ настойчивымъ допросомъ Претлака: „Англійскій дворъ желалъ узнать, согласится ли Россія въ случаѣ необходимости двинуть въ имперію войска, чтобы поддержать и облегчить избраніе Римскаго короля". Восклицаніе Претлака: „Да они съума сошли, въ Лондонѣ!" На что Гью-Дикенсъ, „довольно разсудительный для англичанина", склонился на убѣжденіе, что о томъ не слѣдуетъ говорить ни слова канцлеру [1]).

Въ ноябрѣ 1752 г. новая тревога, по поводу уже знакомаго дѣла о двѣнадцати тысячахъ червонцевъ, растраченныхъ Бестужевымъ изъ суммъ, находившихся подъ его отвѣтственностью, и необходимости выручить канцлера изъ затруднительнаго положенія. А это затруднительное положеніе совпадало съ угрозами Фридриха, произнесенными на сеймѣ въ Гродно. Вѣнскій дворъ уже предвидѣлъ, что близится минута, когда придется сослаться противъ него на „casus foederis". Дѣйствительно, посланникъ короля прусскаго громогласно заявлялъ о вторженіи въ курфюршество короля саксонскаго. Увѣривъ канцлера, что его денежныя затрудненія будутъ устранены, Претлакъ вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ въ Вѣну курьера съ извѣстіемъ, что „casus foederis" будетъ признанъ, если только остальные союзники Саксоніи исполнятъ свой долгъ въ

---

[1]) Претлакъ Улефельду, Петерб. 23-е апрѣля 1762 г.

этомъ отношеніи. Правда, Гью-Дикенсъ получилъ инструкціи, предписывавшія ему не поддерживать намѣреній вѣнскаго двора въ Петербургѣ. Но то было возраженіемъ особой политики Пельхамовъ—и англійскій посланникъ не скрывалъ своего неодобренія такой политики, находя ее идущей въ разрѣзъ съ природными интересами своей родины и выражая готовность не ступать ни шагу, не посовѣтовавшись съ австрійскимъ коллегой [1]).

Въ теченіи 1753 года, при содѣйствіи посланника Маріи Терезіи въ Лондонѣ, графа Коллоредо, вопросъ о субсидіяхъ, настойчиво требуемыхъ русскимъ канцлеромъ, принялъ другой оборотъ. Въ іюлѣ, между тѣмъ, какъ с.-петербургскій дворъ сдѣлалъ Англіи заявленіе, по которому нападеніе Фридриха на Ганноверъ будетъ принято ею за побужденіе къ вооруженному вмѣшательству, Георгъ II со своимъ ганноверскимъ министромъ Мюнхгаузеномъ и Картрэ выразили готовность воспользоваться предложеніями Бестужева съ совершенно иной цѣлью, чѣмъ избраніе Римскаго короля. А Фридрихъ сейчасъ же вернулся къ своей прежней игрѣ, такъ хорошо ему удавшейся въ дѣлѣ со Швеціей, а также къ своимъ обычнымъ крайностямъ, преувеличенной тревогѣ и невозмутимому спокойствію, требуя отъ версальскаго двора новыхъ заявленій, способныхъ устрашить Англію, и вслѣдъ за тѣмъ высказывая полное равнодушіе къ переговорамъ, происходившимъ между Лондономъ и Петербургомъ. Они не могли ни къ чему привести, такъ какъ существовало слишкомъ большое разногласіе относительно размѣра субсидій. Да и привести въ движеніе Францію всегда успѣется.

---

[1]) Претлакъ Улефельду. Петерб. 30-е ноябяр 1752 г. Вѣнскій Архивъ по французски.

Обычная прозорливость генія не дала почувствовать королю, что Франція уже пришла въ движеніе, только въ направленіи совершенно обратномъ тому, какое онъ предполагалъ ей указать.

ГЛАВА III.

Коалиція противъ Фридриха.

I. Періодъ нащупываній.—Первый шагъ къ сближенію съ Франціей сдѣлала Россіей.—Дипломатъ-любитель. — Мишель.—Русскій путешественникъ во Франціи.—Графъ де Санти.—Авантюристъ.—Баронъ де Лётрюмъ. — Политическая перемѣна въ Версалѣ. — Секретная дипломатія.—Миссія кавалера Дугласа.—Англо-русскій договоръ.—Возвращеніе Дугласа во Францію.—Другой французскій соглядатай въ Россіи.—Мейсонье де Валькруассанъ.—II. Вестминстерскій договоръ.—Сближеніе Фридриха съ Англіей ускорено англо-русскимъ союзомъ.—Иллюзіи Фридриха о послѣдствіяхъ этого событія.—Впечатлѣніе, произведенное въ С.-Петербургѣ.—Русскій дворъ заявляетъ свой договоръ съ Англіей уничтоженнымъ.—Отраженіе въ Версалѣ.—Переговоры, начатые съ Австріей.—Россія выражаетъ желаніе принять въ нихъ участіе.—Австро-русскій союзъ.—Возбуждается вопросъ о присоединеніи къ нему Франціи.—Безплодныя усилія Англіи тому воспрепятствовать.—III. Дугласъ и Бехтѣевъ.—Возвращеніе французскаго соглядатая въ С.-Петербургъ.—Кавалеръ д'Эонъ.—Милостивый пріемъ.—Затруднительное тѣмъ не менѣе положеніе Дугласа вслѣдствіе отсутствія офиціальнаго характера.—Онъ проситъ разрѣшенія быть акредитованнымъ въ качествѣ полномочнаго посланника.—На это соглашаются взамѣнъ назначенія посла во Францію.—Прибытіе Бехтѣева въ Парижъ.—Принцъ де Конти старается войти въ его довѣріе.—Затрудненія этикета.—Бехтѣевъ въ Кампьенѣ.—Пробужденіе короля.—Опредѣленіе русскимъ посланникомъ французскаго характера.—

Бехтѣевъ подчиненъ своимъ дворомъ австрійскому посланнику.— Переговоры сосредоточиваются вслѣдствіе того между Версалемъ и Вѣной.—Бехтѣева держатъ въ сторонѣ.—Его досуги въ Парижѣ.—Закупки для Елизаветы.—Русскіе путешественники въ Версалѣ.—M-me де Помпадуръ.—Возвращеніе Бехтѣева въ Россію.— Назначеніе посланниковъ.—Князь Голицынъ и маркизъ де л'Опиталь.—Начало враждебныхъ дѣйствій.—IV. Присоединеніе Россіи къ Версальскому договору.—Почему Франція не вела непосредственныхъ переговоровъ съ Россіей.—Дѣйствительный характеръ этихъ переговоровъ. — Ими руководитъ Австрія. — Воинственныя стремленія.—Проектъ мобилизаціи.—Отказъ Елизаветы. — Затрудненія, испытываемыя Дугласомъ.—Происки Бестужева.—Вопросъ Турціи.—Условіе, принятое Дугласомъ.—Отказъ Версальскаго двора въ его утвержденіи.—Елизавета дѣлаетъ уступку.—Подписаніе договора.—Коалиція образовалась.—Присоединеніе Швеціи.—Второй Версальскій договоръ.—Война.

I.

Періодъ нащупываній.

Историки до сихъ поръ не пришли къ соглашенію въ вопросѣ, кто, Россія или Франція, сдѣлалъ первый шагъ на пути сближенія, происшедшаго между обоими государствами наканунѣ Семилѣтней войны. Словопренія начались между дипломатами съ 1757 г. Трудно ихъ разрѣшить, если считаться съ неудачными и несерьезными попытками, вродѣ тѣхъ, съ какими связали свои имена Воронцовъ, посѣтившій Франціи, и Гюимонъ, намѣревавшійся пробыть въ Россіи. Въ смыслѣ дѣйствительно дипломатической инициативы, первенство, повидимому, принадлежитъ Россіи, и не трудно себѣ представить, что дѣло было именно такъ. До 1755 г. французская политика, закрѣпощенная Фридрихомъ, была лишена совбоды движеній. Примиреніе между Версалемъ и С.-Петербургомъ вовсе не улыбалось королю прусскому, тѣмъ болѣе, что ему при-

шлось бы примкнуть къ нему въ качествѣ третьяго лица,— условіе, сдѣлавшееся съ 1750 г. неосуществимымъ. Послѣ того, какъ будетъ видно, единственной и постоянной заботой Фридриха было противодѣйствіе всякому покушенію на примиреніе. Впрочемъ, руководимая Бестужевымъ русская политика не обнаруживала къ тому ни малѣйшаго стремленія. Но съ 1751 г. Елизавета стала проявлять личную политику, или вѣрнѣе, проявилъ ее новый фаворитъ Иванъ Шуваловъ, стремившійся по разнороднымъ побужденіямъ общаго и частнаго характера, къ противодѣйствію политикѣ канцлера. Вотъ чѣмъ былъ вызванъ цѣлый рядъ поступковъ, относительно происхожденія которыхъ могло возникнуть недоумѣніе, благодаря личности дѣятеля, въ началѣ къ нимъ прикосновеннаго. Какъ извѣстно, то былъ простой негоціантъ, торговецъ „галантереями", совершавшій по своимъ дѣламъ довольно частыя путешествія между Петербургомъ и Парижемъ. Онъ былъ французомъ, и звали его Мишель. Но родившійся въ Россіи, куда отецъ его, руанскій сукнодѣлъ, былъ вывезенъ Петромъ Великимъ въ 1717 г., и близкій съ Шуваловыми и Воронцовыми, онъ пристроился къ дипломатіи, какъ русскій агентъ и орудіе партіи, олицетворявшейся при сѣверномъ дворѣ фаворитомъ, вице-канцлеромъ и ихъ родственниками.

Въ сентябрѣ 1752 г., онъ прибылъ во Францію съ рекомендаціей де Шампо, французскаго резидента въ Гамбургѣ, которому открылъ относительно этого двора новыя и заманчивыя перспективы. Онъ изображалъ его въ дѣйствительности весьма склоннымъ къ примиренію, лишь удерживаемымъ въ этомъ стремленіи Бестужевымъ и скованнымъ его интригами. Такъ канцлеръ не побоялся извратить смыслъ и выраженія письма, написаннаго Людовикомъ XV Елизаветѣ по случаю рожденія герцога Бургундскаго, включивъ въ посланіе слова, нелестныя для государыни. Но царицу предостерегъ Иванъ Шуваловъ,

чье возрастающее вліяніе создавало въ Россіи новое и благопріятное положеніе для французскихъ интересовъ.

Случайно, или вѣрнѣе, естественнымъ путемъ теченія, стремившагося установиться въ этомъ направленіи съ той и съ другой стороны, одновременно были получены въ Петербургѣ подобныя же намеки изъ другихъ источниковъ. Въ ноябрѣ 1752 г. посѣтивъ Францію, графъ де Санти, церемоніймейстеръ двора Елизаветы, счелъ нужнымъ сообщить Воронцову свои впечатлѣнія наблюдательнаго и любознательнаго путешественника. Они клонились къ доказательству того, что по крайней мѣрѣ, часть французскаго общества, именно, въ мірѣ финансовомъ и промышленномъ, сожалѣла о разрывѣ, продолжавшемся между обоими государствами. Въ бесѣдѣ съ путешественникомъ, одинъ банкиръ неожиданно спросилъ у него, согласится ли Россія принять посланника короля [1]).

Мишеля выслушали въ Версалѣ разсѣянно. Фридрихъ сторожилъ зорко. Годъ спустя, повторивъ попытку, негоціантъ, однако, высказался уже болѣе опредѣленно. Испросивъ аудіенцію у де Сенъ-Контеста, министра иностранныхъ дѣлъ, онъ заявилъ, что уполномоченъ передать, что со стороны Елизаветы не имѣется никакихъ препятствій къ возобновленію дипломатическихъ сношеній съ Франціей [2]). Предложеніе было снова оставлено безъ вниманія, не отбивъ, однако, тѣмъ охоту у его авторовъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, во время путешествія юнаго графа де Жизоръ по Германіи, Воронцовъ далъ ему знать, что пріѣздъ его въ Россію былъ бы встрѣченъ съ удовольствіемъ. Новая неудача: у путешественника не было

---

[1]) Воронцовскій „Архивъ."

[2]) О фактѣ упоминается въ инструкціяхъ, даннюхъ въ 1756 г. маркизу д'Опиталь, хотя безъ указанія имени Мишеля. Оно явствуетъ изъ письма кардинала де Берни отъ 30-го іюля 1757 г., содержащаго историческую передачу этихъ событій.

разрѣшенія заѣзжать такъ далеко. Возобновленіе попытки въ томъ же направленіи при посредствѣ нѣкоего барона Лётрюмъ. До насъ дошли объ этомъ порученіи два противорѣчивые разсказа. По утвержденію перваго, баронъ Лётрюмъ бывшій капитанъ на службѣ Фридриха II, впослѣдствіи подполковникъ русской арміи, прибылъ въ Берлинъ въ февралѣ 1754 г., получивъ, по его словамъ, секретныя и важныя порученія для Германіи и Франціи, а именно, имѣя передать, что „утомленная деспотизмомъ Австріи", Елизавета готова искать дружбы короля Пруссіи и всехристіаннѣйшаго короля. Согласившись его принять, Фридрихъ узналъ, что у него не было никакихъ полномочій, да кромѣ того, онъ сошелъ съума послѣ своего переселенія въ Россію. Послѣ чего спровадилъ его, обмѣнявшись безсодержательными словами и, какъ подобаетъ вѣрному другу и союзнику, поспѣшилъ предупредить де Сенъ-Контеста, чтобы тотъ держался на сторожѣ отъ авантюриста. Наконецъ, при возвращеніи Лётрюма изъ Франціи, Фридрихъ, отказался его видѣть [1]).

Такова версія Фридриха. По другой, принадлежащей самому Лётрюму, въ запискѣ, вѣроятно на имя Воронцова [2]), агентомъ котораго онъ повидимому, состоялъ, подполковникъ совсѣмъ не видался съ прусскимъ королемъ при первомъ проѣздѣ черезъ Берлинъ, когда онъ направлялся во Францію. Но о путешественникѣ было доложено королю, и прибытіе его въ Парижъ предупредили неблагопріятные отзывы о его личности и порученіи, потерпѣвшемъ вслѣдствіе того неудачу. Возвращаясь затѣмъ въ Россію, къ осени, онъ снова предполагалъ инкогнито миновать владѣнія Фридриха, когда узнанному на потсдамской почтовой станціи, ему пришлось отпра-

---

[1]) „Pol Corresp."

[2]) Записка Лётрюма, помѣченная 19-е сентября 1754 г. Воронцовскій Архивъ.

виться въ Санъ-Суси. Тщетно отказывался онъ тутъ отъ всякой прикосновенности къ государственнымъ тайнамъ. Королю это не помѣшало выразить ему свое неудовольствіе, причиненное разрывомъ сношеній съ Россіей, и желаніе возобновить ихъ если бы можно было расчитывать на малѣйшую взаимную готовность.

Не трудно сдѣлать выборъ между этими противорѣчіями. Отдавая отчетъ въ своей миссіи вице-канцлеру, у Лётрюма очевидно не было такой возможности, да и надобности, какъ у Фридриха, для искаженія фактовъ; а съ другой стороны, легко понять, что король, сначала позаботившійся подготовить провалъ миссіи въ Парижѣ, затѣмъ долженъ былъ постараться ввести въ заблужденіе относительно пользы, какую думалъ изъ нея извлечь въ Берлинѣ.

Какъ бы то ни было, неудача Лётрюма извѣстна достовѣрно. Еще „часъ не пробилъ" для Версаля, говоря языкомъ Фридриха.

Онъ наступилъ въ началѣ 1755 г. Де Сенъ-Котеста замѣнилъ Руллье, человѣкъ съ умомъ болѣе проницательнымъ, и обстоятельства содѣйствовали принятію новымъ министромъ новыхъ рѣшеній. Положеніе осложнялось: надвигался опять конфликтъ съ Англіей, и новый англійскій посланникъ Хамбёри Вилльямсъ спѣшно выбылъ въ С.-Петербургъ, чтобы закончить тамъ переговоры о субсидіи, такъ страстно желаемой Бестужевымъ. Въ то же время и Фридрихъ возобновилъ движеніе, уже однажды, въ столь перемѣнчивыхъ фазахъ его союза съ Франціей, сблизившее его съ Англіей.

Какъ извѣстно, въ данную минуту французская дипломатія подчинялась двумъ различнымъ импульсамъ, изъ которыхъ одинъ находился въ зависимости отъ тайной дипломатіи, изобрѣтенной Людовикомъ XV, съ цѣлью столько же придти на помощь слабостямъ своихъ министровъ, какъ неустойчи-

вости собственнаго характера, въ сношеніяхъ съ ними. Параллельное дѣйствіе обоихъ элементовъ, должно было неизбѣжно приводить къ недоразумѣніямъ и несогласіямъ, которымъ, однако, придавали преувеличенное значеніе. Въ дѣйствительности, никогда не дѣйствуя сообща, но почти всегда независимо другъ отъ друга, обѣ дипломатіи, офиціальная и тайная, часто работали дружно, подъ давленіемъ необходимостей, одинаково вліявшихъ на ту и на другую. Правда, тайная дипломатія опередила. Въ апрѣлѣ 1755 г. кавалеръ Дугласъ, сторонникъ Стюартовъ, нашедшій пріютъ во Франціи, былъ рекомендованъ королю принцемъ де Конти для исполненія въ Россіи секретной миссіи. Не точно, что Руллье зналъ и подготовилъ первое путешествіе этого агента. Моимъ предшественникамъ, допускавшимъ такое утвержденіе, неизвѣстны были документы, относящіеся къ этому эпизоду, а именно, переписка Дугласа, погребенная въ укромномъ уголкѣ архива, на набережной д'Орсэ, и ускользнувшая отъ ихъ изслѣдованій [1]). Также не посчастливилось имъ напасть тамъ же на дѣло, относящееся къ другой миссіи, одновременно предпринятой министромъ почти съ тождественной цѣлью. Дугласъ вошелъ въ сношенія съ Руллье только послѣ возвращенія изъ Россіи, но, во время своего перваго путешествія, онъ встрѣтилъ тамъ соперника, въ лицѣ знаменитаго Валькруассана, похожденія котораго я собираюсь описать.

Благодаря указаніямъ Бутарика, цѣль и главныя перипетіи первой поѣздки Дугласа уже знакомы намъ со своими живописными подробностями: инструкціей, спрятанной въ табакеркѣ съ двойнымъ дномъ и секретной азбукой, на аллегорическомъ языкѣ, толковавшемъ о закупкѣ мѣховъ. Кавалеръ писалъ: „Горностай въ ходу", что означало преобладаніе пар-

---

[1]) Вандаль, Людовикъ XV и Елизавета.

тіи антифранцузской или національной. „Рысь въ цѣнѣ“, означало устойчивость австрійскаго вліянія. Въ этомъ отношеніи мнѣ остается лишь дополнить и возстановить разныя мелочи [1]).

Миссія эта была только развѣдочной. Дугласъ долженъ былъ совершить путешествіе простымъ туристомъ, разузнать о положеніи страны и двора, сообщить о томъ точныя свѣдѣнія. Онъ въ такомъ совершенствѣ выполнилъ назначеніе, что ввелъ въ заблужденіе своихъ біографовъ, а чтобы лучше сбить съ толка любопытныхъ современниковъ, принялъ имя Мишеля, чѣмъ разрѣшается недоумѣніе одного изъ моихъ предшественниковъ по поводу путешествія, совершеннаго въ это время настоящимъ Мишелемъ, съ секретнымъ порученіемъ Елизаветы [2]). Впрочемъ, ни тому, ни другому не пришлось такимъ образомъ проявить своего усердія.

9-го іюля 1755 г. Дугласъ писалъ изъ Страсбурга: „Всѣ дорожныя приготовленія закончены. Безстрашно и беззаботно пускаюсь въ путь, первый открывшійся моей склонности къ странствованіямъ. Мое пристрастіе и любознательность къ литературнымъ и естественно-историческимъ изысканіямъ, доставили мнѣ знакомство и даже дружбу одного изъ вашихъ академическихъ сотрудниковъ, знаменитаго Шефелина, и мнѣ кажется, что благодаря его предупрежденіямъ, я прослыву повсюду за самаго завзятаго библіомана, минералога и любознательнаго путешественника своей націи“. Въ концѣ мѣсяца онъ былъ въ Лейпцигѣ, и не завязалъ въ Дрезденѣ любовной интриги,—въ чемъ его подозрѣвали,—потому что городъ этотъ не значился въ его маршрутѣ, но возбудилъ тревогу въ своихъ версальскихъ довѣрителяхъ, увлекшись ухаживаніемъ за

---

[1]) Routaric Corresp. secrète de Louis XV. „Duc de Rroglie“ le Secret du Roi, Вандаль.

[2]) Вандаль.

красивой путешественницей, старавшейся заманить его въ Берлинъ. Однако онъ устоялъ противъ искушенія, и въ концѣ сентября, послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ Данцигѣ, началъ, наконецъ, помѣчая городомъ Ригой, свою иносказательную переписку. Ему пришлось сообщить неблагопріятныя вѣсти. „Чернобурая лисица (Вилльямсъ) была въ чрезвычайной цѣнѣ; соболь (Бестужевъ) по прежнему въ ходу, а рысь (Австрія), хотя и шла исключительно на дорожныя шубы, все-таки находилась въ спросѣ".

Картина эта соотвѣтствовала неутѣшительной дѣйствительности. Пока Дугласъ черезчуръ естественно разыгрывалъ въ Германіи роль странствующаго туриста, Вилльямсъ не терялъ ни минуту, чтобы какъ можно лучше провести свою роль, и, раньше, чѣмъ кавалеръ достигъ С.Петербурга, Россія обязалась въ силу договора 30 сентября 1755 г. предоставить въ распоряженіе Англіи семидесятитысячную армію. Новый австрійскій посланникъ, Эстергази, дѣятельно способствовалъ ускоренію такого соглашенія, не столько своей личной ловкостью, какъ благодаря тайному сотруднику, предоставленному ему вѣнскимъ дворомъ по совѣту Претлака, и сообразно тому вознагражденному. То былъ саксонскій резидентъ, Функъ. Бестужевъ получилъ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, а Олсуфьевъ полторы тысячи червонцевъ, съ обѣщаніемъ пособія [1]).

Въ довершеніе всего, достигнувъ цѣли своего путешествія въ первыхъ числахъ октября 1755 г., кавалеръ замѣтилъ, что плохо постарался обезпечить себѣ здѣсь пріемъ, какого ожидалъ. Рекомендательное письмо, данное ему къ шведскому посланнику Поссу, не принесло никакой пользы. По требо-

---

[1]) Функъ Претлаку, 1-е апрѣля 1755 г. Вѣнскій Архивъ, по французски.

ванію обычая, иностранецъ могъ быть представленъ ко двору только посланникомъ своей національности. Кромѣ того, Поссъ не понималъ, что изображалъ изъ себя путешественникъ. На запросъ, посланный по его поводу въ Стокгольмъ, маркизъ д'Аврэнкуръ, посланникъ Франціи въ этой столицѣ, выразилъ убѣжденіе, что „это авантюристъ, подосланный, чтобы внушить мысль, будто король ведетъ какіе-то переговоры съ Россіей, безъ вѣдома Швеціи [1])".

Итакъ, Дугласъ не попалъ ко двору, но благодаря Мишелю, имѣлъ свиданіе съ Воронцовымъ. То была подходящая минута, чтобы сбросить маску. Къ несчастью опять не было принято никакихъ мѣръ, чтобы за ней что-нибудь оказалось. Вице-канцлеръ напрасно добивался документа, уполномачивавшаго шотландца говорить отъ имени Франціи, и тщетно кавалеръ ссылался на свою близость съ принцемъ де Конти; ему пришлось удовлетвориться нѣсколькими любезностями по адресу принца и самого короля, сопровождавшимися увѣреніемъ, высказаннымъ Воронцовымъ, „что ему доставило бы величайшее удовольствіе пользоваться еще уваженіемъ того и другого" [2]).

Этого было недостаточно, и у Дугласа нашлось достаточно благоразумія, чтобы сообразить, что при какихъ условіяхъ продолжительное пребываніе въ Петербургѣ могло лишь испортить дѣло. Поэтому уже въ концѣ мѣсяца, онъ очутился въ Нарвѣ, на обратномъ пути, однако условившись предварительно съ Мишелемъ и самимъ Воронцовымъ, что безотлагательно вернется въ Россію, запасшись всѣмъ необходимымъ для до-

---

[1]) Переписка Дугласа въ этомъ отношеніи подтверждается депешей Эстергази Кауницу, Петербургъ. 13-е ноября 1755 г. Вѣнскій архивъ, понѣ мецки.

[2]) Автобіографическая замѣтка Дугласа, безъ числа. Иностр. дѣла, Россія, мумуары и документы.

стиженія успѣха. Во Франкфуртѣ онъ получилъ письмо завѣдующаго секретной перепиской, Терсье, довольно рѣзко осуждавшаго неудачу возложеннаго на него порученія. Дугласъ горячо защищался. „Лишенный всякой человѣческой помощи, онъ, наоборотъ, имѣлъ успѣхъ выше своихъ ожиданій и честолюбія человѣка наилучше аккредитованнаго и наиболѣе даровитаго. Занавѣсъ поднимается и сцена освѣтится". Дѣйствительно, обстоятельныя посланія Мишеля, сопровождавшіяся двумя письмами самого Воронцова къ непризнанному агенту, доказывали, что онъ не совсѣмъ даромъ потерялъ труды и время. Вице-канцлеръ еще не рѣшался, какъ утверждали, заговорить языкомъ Мишеля, изображая Елизавету вполнѣ склонной къ примиренію, при условіи, чтобы оно было полнымъ и послужило къ заключенію объявленнаго союза. Въ этомъ отношеніи смѣшивали результаты двухъ послѣдовательныхъ путешествій Дугласа. Но выражая желаніе въ скоромъ времени снова увидаться съ таинственнымъ путешественникомъ, Воронцовъ сказалъ достаточно, чтобы разсѣять въ Версалѣ всѣ сомнѣнія, относительно своихъ намѣреній, вѣроятно совпадавшихъ съ настроеніемъ государыни. Но если съ другой стороны, въ самомъ Петербургѣ могло еще оставаться недовѣрчивое отношеніе къ существованію взаимности въ данномъ направленіи, вторая французская миссія, о которой я уже упоминалъ, прибыла въ это самое время, чтобы его разогнать.

Окруженная до сихъ поръ тайной, которую мнѣ легко удалось проникнуть, миссія эта, помимо прямого интереса ею возбуждаемаго, еще снимаетъ съ политики Людовика XV одинъ изъ наиболѣе важныхъ упрековъ, ставившихся ей въ вину. Славный историкъ „Тайны короля", таланту и авторитету котораго не можетъ пойти въ ущербъ такая случайная ошибка, старался поэтому поводу ярко обрисовать антагонизмъ, возгорѣвшійся

будто бы въ эту минуту между двумя представителями тайной дипломатіи, Дугласомъ въ С.-Петербургѣ и графомъ де Брольи въ Варшавѣ,—однимъ, подготовлявшимъ сближеніе съ Россіей, другимъ, обязаннымъ возбудить польское общество противъ этой державы [1]).

Исторія похожденій кавалера Мейсонье де Валькруассанъ достаточно выясняетъ ошибку. Документы къ ней относящіеся, составляютъ на набережной д'Орсэ часть того же дѣла, гдѣ заключалась до сихъ поръ неизвѣстная переписка Дугласа. Нѣсколько недѣль спустя, послѣ отъѣзда изъ Петербурга сторонника Стюартовъ, въ декабрѣ 1755 г., другой французскій путешественникъ былъ задержанъ въ Ригѣ. Довольно трудно было разузнать, что онъ изъ себя представлялъ. Миссія его была двойная, даже тройная. Состоя при французскомъ посольствѣ въ Польшѣ, онъ уже бывалъ въ Петербургѣ по различнымъ дѣламъ. Въ данное время ему было поручено, какъ агенту де Рулье и французскаго резидента въ Варшавѣ, Дюрана, слѣдить за вооруженіями Россіи, въ виду вспомогательнаго отряда, предполагавшагося ею на жалованье Англіи. Но у него имѣлось еще особое порученіе отъ графа де Брольи, и заключалось оно въ томъ, чтобы разузнать отношеніе с.-петербургскаго двора къ возможности сближенія между Россіей и Франціей [2]). Такимъ образомъ въ Варшавѣ, какъ и въ Версалѣ, тайная дипломатія руководилась одинаковыми заботами, и воображаемаго несогласія между ея планами и поступками не существовало. Даже болѣе того, самъ Рулье повидимому, интересовался второй цѣлью миссіи, довѣренной этому агенту. Дѣйствительно, переписка Мейсонье де Валь-

---

[1]) Duc de Broglie, le Jeeret du Boi.

[2]) Переписка де Валькруассана весьма темная; но этотъ попросъ выясняется изъ письма Терсье къ Дугласу, отъ 12 іюня 1756 г.

круассанъ съ министромъ, потому что путешественникъ, задержанный въ Ригѣ, былъ не кто иной, какъ онъ, касается почти исключительно этого вопроса. Третій французъ, кавалеръ де Люси, иначе Чуди, уже намъ знакомый, величавшій также себя графомъ де Пютеланжъ [1]), находился въ приморскомъ городѣ, по пути во Францію, куда отправлялся также, можетъ быть, съ какими-нибудь порученіями своего новаго патрона, Ивана Шувалова. Такъ какъ ему предстояло проѣзжать черезъ Варшаву, то Мейсонье пришла въ голову неудачная мысль, довѣрить ему письма, для передачи въ этомъ городѣ. Они сейчасъ же были пересланы Шувалову, приказавшему задержать иностранца [2]). Доставленный въ Петербургъ плѣнникъ, постарался скрыть наиболѣе компрометтирующую часть своей миссіи, превращавшую его въ военнаго шпіона. На допросахъ, учиненныхъ ему по приказанію императрицы братьями Шуваловыми, Иваномъ и Петромъ, онъ ссылался исключительно на политическую цѣль, не заключавшую въ себѣ ничего оскорбительнаго, принимая во вниманіе настоящее настроеніе сѣвернаго двора. Разукрасивъ ее въ виду необходимости, онъ добился довольно благосклоннаго къ себѣ отношенія, удостоился даже приглашенія къ столу фаворита и нѣкоторыхъ интересныхъ признаній. Такъ, Шуваловъ говорилъ ему о досадѣ, причиняемой Елизаветѣ французскими газетами, неблагопріятно отзывавшимися о ея правительствѣ и странѣ. Печать всѣхъ странъ начинала уже играть роль, куда рѣдко умѣла вкладывать умѣренность, благоразуміе и умѣстность. „Не понимаю, говорила государыня, какое удовольствіе находитъ Франція меня оскорблять. Развѣ не должна

---

[1]) См. относительно него: Memoire sur la Russie d'Aubigny. Иностр. дѣла, Мемуары и документы, *Мемуары Дугласа.*

[2]) Вандаль, Людовикъ XIV и Елизавета. Бестужевъ не былъ замѣшанъ въ происшествіи.

я оказывать помощь своимъ союзникамъ? Не отъ нея ли зависѣло къ нимъ присоединиться?“ И все это съ горечью въ голосѣ, по увѣренію фаворита. Мейсонье, очевидно, получилъ въ Варшавѣ отъ графа де Брольи то порученіе, что Дугласъ въ Версалѣ отъ принца де Конти, потому что онъ, не задумываясь, отвѣчалъ, что императрица властна прекратить немедленно всякія недоразумѣнія между обоими дворами, а Шуваловъ могъ стяжать себѣ „неувядаемую славу“, приложивъ первый усилія къ достиженію такого результата. Послѣ чего, подкупивъ одного изъ своихъ охранителей, поспѣшилъ отправить въ Версаль отчетъ о своихъ разговорахъ, адресуя его не Терсье, но Руилье [1]).

Въ Петербургѣ не сомнѣвались, что имѣли дѣло со вторымъ вѣстникомъ мира, однако, по распоряженію Елизаветы, его держали подъ стражей, чтобы Бестужеву о томъ ничего не сдѣлалось извѣстнымъ. Лишь въ концѣ года, когда кавалеру де Люси пришла въ голову неудачная мысль, продолжать свое путешествіе во Францію, гдѣ въ награду за предательство, его ожидало заключеніе въ Бастиліи, состоялся обмѣнъ плѣнниками между дворами, отношенія которыхъ тѣмъ временемъ перешли на дружескую почву [2]). Дугласъ, дѣйствительно, вернулся въ Россію, и произошли событія, предназначенныя на этотъ разъ облегчить успѣхъ его миссіи.

---

[1]) 18-го и 24-го марта 1756 г.

[2]) Воронцовскій Архивъ.

II.

Вестминстерскій договоръ.

Весной 1755 г. озабоченный угрозой англо-французскаго конфликта и не увѣренный еще въ благопріятномъ отношеніи къ себѣ въ Лондонѣ, Фридрихъ посовѣтовалъ версальскому двору двинуть войска по направленію Ганновера. Отвѣтъ переданный французскимъ посланникомъ въ Берлинѣ де ла Тушемъ: „Эта забота касается васъ". Гнѣвъ короля, повтореніе громкихъ словъ: „У меня шестьдесятъ тысячъ русскихъ въ тылу, въ Курляндіи" [1]); затѣмъ усиленіе дипломатической дѣятельности въ Лондонѣ. Переговоры затянулись до октября, несмотря на нетерпѣніе Фридриха, имѣвшаго особыя причины торопиться. Встревоженный слухами, разнесшимися объ этихъ переговорахъ по Европѣ, Версальскій дворъ намѣревался послать въ Берлинъ герцога де Ниверна, поручивъ ему ознакомиться съ намѣреніями короля, и до прибытія этого посланника Фридриху хотѣлось самому точно знать, чего слѣдуетъ ему ожидать отъ Сенъ-Джемскаго кабинета. Но у послѣдняго были понятныя при-

---

[1]) Донесеніе де ла Туша 3 апрѣля 1755 г. Schaefer „Der Siebenjährige Krieg". Waddington „Louis XV et le renversement des aillances".

чины особенно не спѣшить. Тамъ ожидали извѣстій изъ С.-Петербурга. Когда Вилльямсъ исполнилъ свое порученіе, Фридрихъ оказался во власти своего англійскаго дяди. По мысли послѣдняго договоръ, подписанный въ Петербургѣ, былъ направленъ главнымъ образомъ противъ Франціи и предназначался для защиты Ганновера отъ французскаго вторженія. Но Елизавета придала ему совершенно другой смыслъ. Не зная о переговорахъ, происходившихъ въ Лондонѣ между дядей и племянникомъ, не питавшими другъ къ другу, какъ ей было извѣстно, особенно нѣжныхъ чувствъ, она дала свою подпись лишь въ надеждѣ усмирить Фридриха. Когда въ концѣ ноября 1755 г. прусскому королю удалось ознакомиться съ содержаніемъ договора, положеніе, отсюда для него проистекавшее, обрисовалось ему совершенно ясно: необходимо было во что бы то ни стало притти къ соглашенію съ Англіей, иначе русскіе, дѣйствительно, могли оказаться у него въ тылу. Черезъ нѣсколько недѣль состоялось наконецъ соглашеніе изъ трехъ пунктовъ, изъ которыхъ послѣдній и единственный важный обязывалъ короля англійскаго и прусскаго соединить свои силы, чтобы оказать отпоръ иностраннымъ силамъ, каковы бы онѣ не были, вступившимъ на нѣмецкую территорію.

Въ этомъ соглашеніи, помѣченномъ 16 январемъ 1756 г. и получившимъ названіе Вестминстерскаго договора, Фридрихъ обрѣлъ не всѣ выгоды, на какія расчитывалъ, но прежде всего имѣлъ возможность мистифицировать бѣднаго герцога де Нивернэ, въ это время прибывшаго, убѣждая его, что „оказалъ существенную услугу Франціи“, пріобрѣтя средство удержать или не дать ходу шестидесяти тысячамъ русскихъ и столькимъ же австрійцамъ, и въ то же время вступая съ посланникомъ въ техническіе споры о возможности вторженія въ Англію. Съ самымъ серьезнымъ видомъ онъ об-

суждалъ вѣроятія успѣха и указывалъ на необходимыя мѣропріятія [1]). Кромѣ того,—и на этотъ разъ вполнѣ искренно, по моему мнѣнію [2]),—онъ полагалъ своимъ соглашеніемъ съ лондонскимъ дворомъ прекратить всякіе разговоры о войнѣ или по крайней мѣрѣ предотвратить всеобщую вспышку. Долгое время онъ питалъ странныя иллюзіи о значеніи этого договора. Поздравляя себя, что сумѣлъ однимъ росчеркомъ пера „предоставить Англіи и Франціи состязаться въ войнѣ мышей и лягушекъ", „затормозить Австрію, унизить Саксонію и привести въ отчаянье Бестужева", онъ желалъ оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ версальскимъ дворомъ. Посылая въ декабрѣ 1755 г. въ Константинополь своего адъютанта де Вареинъ съ секретнымъ порученіемъ, онъ направилъ его къ маркизу де Варженнъ, а въ мартѣ 1756 г. совѣтовалъ своему посланнику въ Лондонѣ, Митчелю, дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы Англія примирила его съ Россіей! Это казалось ему естественнымъ послѣдствіемъ Вестминстерскаго договора [3]).

Нѣмецкіе историки признаютъ, что взглядъ его при этихъ

---

[1]) Ниверно къ Рулье, 31 января 1756 г. Иностранныя дѣла. Пруссія.

[2]) Противъ Lehmann'a („Friedrich der grosse und der Ursprung des siebenjährigen Krieges" 1894 г. Delbrück „Der Ursprung des siebenjahrigen Krieges"; Luckwaldt „Die Westminsterconvention". Я склоняюсь въ этомъ отношеніи къ воззрѣнію Volz'a „Kriegsführung und Politik König Friedrich des grossen in den ersten Jahren des siebenjährigen Krieges"); Naudé „Friedrich der Grosse vor dem Ausbruch des siebenjährigen Krieges"; Koer „König Friedrich der Grosse"; Valory „Memoires".

[3]) „Polit. Corresp.".

трагическихъ обстоятельствахъ, отличался удивительной близорукостью и непредусмотрительностью.

Извѣстіе о Вестминстерскомъ заговорѣ дошло до С.-Петербурга въ февралѣ 1756 г., черезъ два дня послѣ ратификаціи англо-русскаго договора, и разразилось словно ударъ грома. Напрасно Вилльямсъ пытался сослаться на Хильдернесса, объявлявшаго обязательства, принятыя съ той и съ другой стороны вполнѣ согласными, даже допуская у Фридриха, какое-либо злостное намѣреніе. Осыпанному упреками Елизаветы, горячо обвиняемому всѣми своими коллегами, Бестужеву пришлось отвѣтить „Совершенно секретной декларацiей", гдѣ русскій дворъ сообщалъ лондонскому, что русскія войска не могутъ быть употреблены ни въ Нидерландахъ, ни еще менѣе того въ Ганноверѣ, но исключительно противъ прусскаго короля. Въ рескриптѣ, одновременно отправленномъ князю Голицыну, русскому посланнику въ Лондонѣ, канцлеръ, правда, старался смягчить значеніе этого документа. Въ пространныхъ словахъ установивъ несовмѣстимость англо-прусскаго договора съ недавними обязательствами, принятыми Англіей относительно Россіи и даже съ тѣми, что связывали Россію съ Австріей, онъ выражалъ, что сенъджемскій дворъ вернется къ болѣе вѣрному пониманію своихъ обязанностей [1]). Но коллегія иностранныхъ дѣлъ оказалась менѣе сговорчивой. Призванная высказать свое мнѣніе, она вы-

---

[1]) „Воронцовскій Архивъ". Также относительно этого эпизода. Brückner, Russische Actenstücke zur Geschichte d. Jahres 1756 г. Holdernesse à Wiliams, 26 déc. 1755, Record Office; Wiliams à Holdernesse, 19 fév. 1756. (Русская декларація приложеніе къ этой депешѣ), Эстергази Маріи Терезіи, 25 февр. 1756 г. тотъ жъ Кауницу 17 февраля и 23-го марта 1756 г. M. Waddington ошибочно прдполагалъ, что ратификація англо-русскаго договора оостоялось послѣ полученія извѣстія объ англо-прусскомъ договорѣ.

разилась совершенно опредѣленно. По словамъ легенды, въ первомъ порывѣ гнѣва Елизавета разорвала на куски подписанный ею договоръ, раздраженно бросивъ на землю клочки пергамента. А коллегія заявила, что соглашеніе морально уничтожено Вестминстерскимъ договоромъ. Тщетно Бестужевъ убѣждалъ, что принимая субсидіи не указывали враговъ, для преодолѣнія которыхъ онѣ должны были служить. Субсидіи были особенно дороги его сердцу: „Не будемъ ихъ требовать, но если ихъ уплатятъ, примемъ „равнодушно“ [1]). Совѣтъ былъ сочтенъ непріемлемымъ. Англійское правительство съ своей стороны отнеслось весьма высокомѣрно къ затѣваемой съ нимъ ссорѣ. Хольдернессъ вернулъ декларацію, поручивъ Вильямсу передать, что договоръ утвержденный Императрицей „не нуждается въ коментаріяхъ“ [2]). Съ той и съ другой стороны назрѣвалъ развывъ.

Впечатлѣніе, произведенное тѣми же событіями въ Версалѣ извѣстно. Въ мартѣ 1756 г. до Бестужева дошли слухи о переговорахъ, начатыхъ между Франціей и Австріей, и никто болѣе въ настоящее время не видитъ въ этомъ послѣдствій личнаго неудовольствія г-жи де Помпадуръ или любовныхъ свиданій, происходившихъ въ загородномъ замкѣ.

Въ бесѣдѣ съ Эстергази русскій канцлеръ сейчасъ же выразилъ надежду, что будетъ признано неудобство „einseitig zu Werk gehen“ [3]). Но посланникъ Маріи Терезіи не былъ въ курсѣ дѣла. Посвященымъ въ него онъ оказался только нѣсколько недѣль спустя получивъ инструкціи, дѣлающія честь вѣнскому кабинету своей предусмотрительностью, пря-

---

[1]) Воронцовскій „Архивъ“.

[2]) Хольдернессъ Вилльямсу, 30-го марта 1756 г.

[3]) Эстергази Кауницу, 16 марта 1756 г. Вѣнскій архивъ. По нѣмецки.

мотой и твердостью. Планъ предполагаемой коалиціи противъ Фридриха начертанъ въ нихъ съ поразительной ясностью. Австрія, дѣйствительно, вела съ Франціей переговоры о союзѣ оборонительномъ; но, предполагая объявить войну прусскому королю, предлагала Россіи съ этой цѣлью наступательный союзъ. Оружіе не будетъ положено раньше, чѣмъ Марія Терезія вступитъ въ дѣйствительное обладаніе Силезіей и графствомъ Глацъ, а Елизавета можетъ одновременно совершить покореніе Восточной Пруссіи, которую впослѣдствіи вернетъ Польшѣ взамѣнъ исправленія границъ Украйны.

Вопросъ объ иніацативѣ, проявленной по этому случаю Австріей также послужилъ предметомъ спора, происхожденіе котораго мнѣ, кажется, удалось понять. Эстергази, просившій секретную аудіенцію у царицы, чтобы сообщить свои инструкціи, не могъ получить ее до 5 апрѣля 1756 г. Но уже за нѣсколько дней до того онъ имѣлъ возможность извѣстить свой дворъ, что на совѣщаніяхъ Елизаветы принято рѣшеніе не упускать представлявшагося случая водворить короля Пруссіи въ его прежнія границы, и, если только отношенія къ Франціи тому будутъ благопріятствовать, двинуть на Фридриха восьмидесятитысячную армію. Въ то же время Бестужевъ предупредилъ посланника Маріи Терезіи, что на дняхъ ему будутъ сдѣланы предложенія въ соотвѣтствующемъ смыслѣ. Мы имѣемъ протоколъ министерскаго совѣщанія отъ 14 (25) Марта 1756 г., гдѣ, дѣйствительно, были приняты подобныя рѣшенія, и тамъ не указано, чтобы обсужденіе ихъ происходило вслѣдствіе австрійскаго предложенія. Совѣщаніе толкуетъ не о томъ, чтобы принять предложеніе этой державы, а о томъ, чтобы его сдѣлать. Однако оно ссылается на инструкціи, недавно присланныя Эстергази, какъ указывающія на несомнѣнную склонность присоединиться къ тѣмъ же намѣреніямъ.

Вотъ объясненіе. Послѣ аудіенціи, данной Елизаветой австрійскому посланнику, вопросъ выяснился окончательно. При первыхъ словахъ, произнесенныхъ Эстергази, императрица объявила, что сама только что собиралась („im Begriff") сдѣлать его двору предложеніе союза, именно въ томъ видѣ, какъ онъ былъ желателенъ въ Вѣнѣ. Она предполагала начать войну съ королемъ прусскимъ еще въ этомъ году и даже въ томъ случаѣ, если Франція откажетъ въ своемъ участіи. Вслѣдъ за тѣмъ, 10 апрѣля, состоялось новое совѣщаніе министровъ. По его окончаніи Бестужевъ сообщилъ Эстергази, что съ русской стороны не органичатся покореніемъ Восточной Пруссіи, съ тѣмъ, чтобы все тамъ предать огню и опустошенію („zu sengen und zu brennen"), но черезъ Польшу двинутъ значительную армію на берега Одера [1]). На третье совѣщаніе, состоявшееся одинадцать дней спустя, былъ допущенъ австрійскій посланникъ, и тутъ произошло событіе, введшее въ заблужденіе нѣкоторыхъ историковъ. Въ намѣренія вѣнскаго двора входило, чтобы Фридрихъ оказался зачинщикомъ въ предполагавшейся съ нимъ борьбѣ, такъ, чтобы Франція принуждена была принять въ ней участіе. Эстергази поэтому потребовалъ наистрожайшей тайны относительно сдѣланныхъ имъ предложеній и такъ на этомъ настаивалъ, что принявъ эти предложенія за основаніе предстоящаго договора, Елизавета и ея министры согласились офиціально о томъ не упоминать и сдѣлать видъ, что иниціатива принадлежитъ Россіи.

Это привело нѣкоторыхъ изъ моихъ предшественниковъ къ заключенію, что такова была дѣйствительно исходная точка соглашенія, чреватаго послѣдствіями, и что первое ду-

---

1) Эстергази Маріи Терезіи, 22 апрѣля 1756 г. Вѣнскій Архивъ, по-нѣмецки.

новеніе разразившейся бури, залившей на семь лѣтъ Европу пламенемъ и кровью, зародилось въ Россіи [1]).

Между тѣмъ былъ возбужденъ также вопросъ о предстоящемъ присоединеніи с.-петербургскаго двора къ договору, предполагавшемуся между дворами вѣнскимъ и версальскимъ, и начиная съ этого времени, Россія стала проявлять воинственный пылъ, вскорѣ показавшійся въ Вѣнѣ чрезмѣрнымъ или по крайне мѣрѣ преждевременнымъ. Маріи Терезіи въ виду намѣченныхъ ею наступательныхъ дѣйствій необходимо было дать возможность развиться изъ договора, заключеннаго съ Франціей въ маѣ 1756 г., послѣдствіямъ естественнымъ и неизбѣжнымъ, но не вынужденнымъ. Помощи одной Россіи для того было недостаточно; тѣмъ болѣе, что отъ нея ожидались требованія субсидій. Марія Терезія и Кауницъ порѣшили, что она ихъ получитъ, выплатитъ же ихъ Франція; но для этого необходимы были новые переговоры. Поэтому императрицѣ и ея министру пришлось прилагать усилія къ тому, чтобы въ Петрербургѣ излишней торопливостью не испортили дѣла [2]). Только въ августѣ 1756 г., послѣ того какъ посланникъ Фридриха, Клинггреффенъ представилъ Маріи Терезіи угрожающій ультиматумъ, между тѣмъ какъ изъ Компьена Штарембергъ прислалъ извѣщеніе о счастливомъ исходѣ начатыхъ имъ переговоровъ [3]), Кауницъ поручилъ Эстергази потребовать

---

[1]) Arneth; cp. Ranke, Der Ursprung des siebenjährigen Krieges; Koser, Koenig Friedrich der Grosse; Lehmann, Friedrich der Grosse und der Ursprung d. siebenjährigen Krieges.

[2]) Кауницъ Эстергази, Вѣна, 22 мая 1756 г. Вѣнскій Архивъ. Cp. Scholemburg, Einige neue Actenstücke über die Ver., anlassung d. siebenjährien Krieges.

[3]) Stahremberg. Кауницу, 20 августа 1756 г. Вѣнскій Архивъ.

вооруженнаго вмѣшательства Россіи, разрѣшивъ ему гарантировать субсидію въ два милліона флориновъ [1]). До сихъ поръ одинъ только С.-Петербургскій дворъ, усиленно возбуждаемый Саксоніей, торопился обнажить оружіе, при чемъ самъ Бестужевъ, повидимому, совершенно измѣнилъ свое мнѣніе, обѣщая „пустить въ плясъ русскаго медвѣдя“ и „надѣлать хлопотъ королю Пруссіи“ [2]).

Правда, такому новому настроенію духа русскаго канцлера не суждено было долго продолжаться. Австрійская система, какой онъ досихъ поръ придерживался, не представляло болѣе прежнихъ преимущесгвъ, потерявъ съ утратой англійскихъ гиней былое значеніе и очарованіе. Въ Іюлѣ 1756 г. Бестужевъ уже испытывалъ сожалѣніе выразившееся въ просьбѣ пособія, обращенной къ Вилльямсу, между тѣмъ какъ великая княгиня, примирившаяся теперь съ канцлеромъ, ходатайствовала о займѣ у англійскаго посланника десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Заемъ состоялся, но выплата пособія была обусловлена возможностью добиться при помощи канцлера, надежнаго возврата русской политики на прежній путь [3]).

Это значило требовать невозможнаго. Поставленный въ непріятное положеніе, пораженный въ своей дипломатической непогрѣшимости страннымъ недоразумѣніемъ, заставившимъ его предложить подписи государыни договоръ прямо противуположный ея завѣдомымъ намѣреньямъ; оплеванный политическими противниками; покинутый

---

1) Кауницъ Эстергази, 22 августа 1756 г. Вѣнскій Архивъ.

2) Hermann, Sächsisch-polnische Beziehung während d. siebenjährigen Krieges.

3) Вилльямсъ Хольдернессу, 9-го Іюля 1756 г. строго-секретно; Хольдернессъ Вилльямсу, 6-го Августа 1756 г. строго-секретно Recard-office.

друзьями; лишенный незамѣнимаго сотрудника съ отъѣздомъ Функа, отозванія котораго добился Вилльясъ, министръ очевидно терялъ почву подъ ногами въ новомъ вѣяньи, увлекавшемъ его родину. Онъ сохранялъ желаніе и надежду заставить ее обратиться вспять со временемъ, но пока отдавался теченію, стараясь сохранить внѣшность, а также изобрѣсти источники временныхъ доходовъ. Получивъ отказъ отъ Вилльямса, онъ принялся усердствовать передъ Эстергази, дѣлая ему намеки, что содѣйствіе русской арміи стоило безспорно двѣнадцати тысячъ червонцевъ, какіе слѣдовало бы раздѣлить между обоими канцлерами. Великій канцлеръ при этомъ даже останется въ проигрышѣ, вынужденный пожертвовать сотней тысячъ англійскихъ денегъ!

Такимъ образомъ, сложившіяся обстоятельства подготовили для Дугласа возвращеніе въ Россію, какъ нельзя болѣе благопріятное.

III.

Дугласъ и Бехтѣевъ. Версальскій договоръ.

Кавалеръ снова появился въ Петербургѣ въ концѣ апрѣля 1756 г., слѣдовательно, въ ту минуту, когда подъ вліяніемъ вѣнскаго двора тамъ были приняты рѣшенія, вполнѣ согласовавшіяся съ цѣлями, имѣвшимися имъ въ виду. Вопреки увѣреніямъ, выдававшимся до сихъ поръ за достовѣрность, онъ и на этотъ разъ не привезъ съ собой пресловутаго д'Эона, по словамъ фантастическихъ разсказовъ, игравшаго съ перваго путешествія французскаго соглядатая романическую и важную роль. И даже не Гайярдэ принадлежитъ заслуга изобрѣтенія этой басни, слѣды которой уже встрѣчаются въ мемуарахъ г-жи де Кампанъ и, еще ранѣе, въ сочиненіи („Англійскій шпіонъ"), относящемся къ 1785 г. Моя любовь къ легендамъ не доходитъ до признанія завѣдомо ложныхъ, и я охотно отказываюсь отъ всякаго сказочнаго элемента, введеннаго такимъ образомъ въ эту главу исторіи, достаточно щедро имъ разукрашенную, не прибѣгая ни къ какому вымыслу. Никогда д'Эонъ не принадлежалъ къ числу фрейлинъ Елизаветы, не состоялъ въ качествѣ лектрисы при государынѣ, ничего не читавшей. Никогда не носилъ онъ женскаго платья въ

Россіи и прибылъ туда въ первый разъ только въ августѣ 1756 г., на четыре мѣсяца позднѣе Дугласа. Офиціально онъ исполнялъ тогда обязанность простого курьера, правда доставившаго важныя депеши, возбуждавшія вопросъ о присоединеніи Россіи къ Версальскому договору, обратившемуся въ центръ будущей коолиціи. Впрочемъ было рѣшено, что онъ останется въ Петербургѣ въ качествы секретаря Дугласа и агента при немъ тайной дипломатіи.

Личность Эона, какъ читатель видитъ, была довольно незначительной; но проѣзжая черезъ Германію, онъ сумѣлъ настолько себя разукрасить таинствеными рѣчами, что отголоски создавшейся, благодаря этому, иллюзіи, сохранились до нашихъ дней. Дѣйствительный глава, такимъ образомъ, раздвоенной миссіи, какъ-будто стушевался передъ своимъ подчиненнымъ, и скромная личность Дугласа,—мелкая звѣзда на горизонтѣ новаго франко-русскаго соглашенія,—почти померкла въ лучезарномъ сіяніи блестящей кометы. Впрочемъ, д'Эону удалось ослѣпить самого Дугласа, прибывъ въ Петербургъ, и совершивъ переѣздъ, о трагическихъ перепитіяхъ котораго во время бури, застигшей его на Балтійскомъ морѣ, мы приводимъ его подлинный разсказъ.

„Нашъ бѣдный капитанъ, котораго англичане навѣрно не выберутъ въ замѣстители адмирала Бинга, совершенно растерялся. Искалъ компасъ, вѣроятно завалившійся гдѣ-нибудь между пушками, и не зная, куда онъ дѣвался, удовольствовался тѣмъ, что неожиданнымъ образомъ заперъ насъ всѣхъ у себя въ каютѣ, приказалъ убрать паруса, ругался на матросовъ, топалъ ногами, точно датская лошадь, находившаяся на нашемъ кораблѣ и предназначавшейся для великаго князя, и сливая свой ужасный голосъ, съ голосами семнадцати датскихъ собакъ и англійскаго барана, тоже перевозившихся на нашемъ суднѣ, для великаго князя; кричалъ изо всѣхъ силъ:

„O mingotte!“ У ногъ моихъ были пассажиры, англичане, нѣмцы и другіе, , чувствовавшіе себя настолько плохо, точно взяли подрядъ по снабженію продовольствіемъ морскихъ рыбъ... Впрочемъ, я прибылъ совершенно свѣжимъ и настолько мало утомленнымъ, какъ будто совершилъ путешествіе въ Сенъ-Клу... Кавалеръ Дугласъ, увидя меня сходящимъ съ корабля со шпагой на боку, шляпой подъ мышкой, въ бѣлыхъ чулкахъ, съ тщательно напудренной головой, вообразилъ, что видитъ передъ собой парижскаго щеголя, выходящаго изъ шлюпки у Понъ-Рояль, чтобы совершить прогулку по Тюлери [1]).

Шотландецъ, безъ сомнѣнія, остался въ восторгѣ отъ такого мужественнаго и представительнаго сотрудника, но въ ожиданіи его не потерялъ даромъ времени. Онъ опять явился только простымъ путешественникомъ, снабженнымъ, однако, на этотъ разъ письмомъ отъ Рулье, аккредитовавшемъ его передъ Воронцовымъ. Кромѣ того, онъ вручилъ вице-канцлеру меморію, содержавшую личное сообщеніе Людовика XV Елизаветѣ. Довольно неумѣстно, какъ-будто возвращаясь къ программѣ де ла Шетарди, печальной памяти, король начиналъ письмо увѣщеваніемъ царицы, удалить министра, „открыто, на виду всей Европы, жертвовавшаго славой государыни и истинными интересами своей родины“. Но непосредственно за такимъ неудачнымъ вступленіемъ, слѣдовало предложеніе возобновить дипломатическія отношенія обоихъ государствъ. Отвѣтъ, послѣдовавшій 18-го мая 1756 г., былъ именно таковъ, какъ слѣдовало ожидать. Не обмолвившись ни однимъ словомъ о Бестужевѣ, онъ выражалъ живѣйшее удовольствіе по поводу высказанныхъ королемъ намѣреній и увѣреніе въ

---

[1]) Д'Эонъ къ Майи, Петерб., 7-го августа 1756 г. Иностр. дѣла Россія.

искренней готовности пойти имъ навстрѣчу въ стремленіи къ возстановленію полной гармоніи и тѣсной дружбы между обоими дворами. Изъявленіе подобныхъ чувствъ ожидалось императрицей съ большимъ нетерпѣніемъ, и, охотно соглашаясь на взаимное назначеніе офиціальныхъ министровъ для возобновленія дипломатическихъ отношеній, она предполагала пока отправить въ Версаль агента, возложивъ на него временно обязанности, порученныя Дугласу въ Петербургѣ [1]).

Такое начало казалось многообѣщающимъ, однако личное положеніе Дугласа по прежнему оставалось довольно неудобнымъ. Освѣдомленные о предстоявшемъ сближеніи, оба Шуваловы, Иванъ и Петръ, отнеслись къ французскому соглядатаю съ величайшей предупредительностью. Болѣе или менѣе посвященные въ цѣль его миссіи, оба Разумовскіе, Нарышкины, Голицыны, Чернышевы, Шереметевы, баронъ Строгановъ, генералъ Бутурлинъ, представители элегантнаго общества или близкаго кружка Елизаветы, даже самъ Михаилъ Бестужевъ,—по прежнему, въ ссорѣ съ братомъ,—разсыпались въ любезностяхъ передъ таинственнымъ путешественникомъ. Но тайна все-таки оставалась, внося неловкость въ создавшіяся, такимъ образомъ, отношенія. Никто не зналъ, за кого считать этого посланца, а онъ самъ недоумѣвалъ, за кого себя выдавать. Воронцову онъ шутливо представился „подъ пышнымъ титуломъ его поставщика винъ“ и въ качествѣ довѣреннаго лица принца де Конти. Это не создавало ему ни положенія, ни значенія при дворѣ, гдѣ каждому принадлежало свое, строго опредѣленное. Елизавета желала, чтобы Бестужевъ не зналъ о цѣли миссіи Эона. „Пока все не будетъ улажено“. Этимъ онъ лишался всякой офиціальной роли.

---

[1]) Дугласъ къ Терсье, 12-го (23) мая 1756 г. Ср. Воронцовскій Архивъ. Ноты Воронцова, напечатанные въ этомъ сборникѣ вполнѣ подтверждаютъ донесенія Дугласа.

Наконецъ, онъ былъ англійскимъ подданнымъ и поэтому зависѣлъ отъ британскаго правосудія. А Вилльямсъ не скрывалъ намѣренія заявить по этому поводу свои права и ожидалъ лишь приказаній, уже испрошенныхъ изъ Лондона.

Читателямъ „Мемуаровъ" де ла Мессельеръ, опасность надвигавшаяся въ это время на бѣднаго „комиссіонера", представлялась въ преувеличенномъ видѣ, и, мнѣ кажется, что, если бы ему, дѣйствительно, грозила насильственная смерть [1]), отзвуки этого, безъ сомнѣнія, дошли бы до насъ въ его перепискѣ. Однако, въ ней мы встрѣчаемъ лишь подробныя описанія затрудненій и недоразумѣній, менѣе трагическаго свойства, возникавшихъ на каждомъ шагу, и настоянія принять мѣры къ ихъ прекращенію. Странное дѣло, Эонъ, повидимому, не подозрѣвалъ причины, однако, вполнѣ очевидной, мѣшавшей версальскому двору удовлетворить его требованія. И сейчасъ во Франціи не желали явнымъ образомъ сдѣлать первые шаги къ сближенію. Только въ концѣ іюля 1756 г. были отосланы съ курьеромъ офиціальныя ввѣрительныя грамоты, возводившія анонимнаго дипломата въ званіе полномочнаго министра. И въ это самое время, русскій агентъ, возвѣщенный Елизаветой, прибылъ въ Парижъ.

Звали его Федоромъ Дмитріевичемъ Бехтѣевымъ, и принадлежалъ онъ къ числу приближенныхъ Воронцова. Довольно долгое время прожилъ за-границей и считался человѣкомъ ловкимъ и осторожнымъ. Свое благоразуміе онъ доказалъ, представивъ передъ отъѣздомъ вице-канцлеру подробные вопросные пункты и потребовавъ точныхъ отвѣтовъ на всѣ предложенные вопросы.

— Какъ долженъ я объявить, кѣмъ я присланъ?

— Мной, вице-канцлеромъ, съ согласія императрицы.

---

[1]) Вандаль, *Людовикъ XV и Елизавета.*

— Какой видъ слѣдуетъ придавать соглашеніямъ, если мнѣ удастся начать переговоры о нихъ?

— Переговоры надо вести отъ моего имени, по приказу императрцы и отъ имени Рулье, по приказу короля.

— Какія объясненія дать относительно нашего договора съ Англіей?

— Вы скажете, что обстоятельства влекутъ за собой перемѣны, но императрица самая вѣрная изъ союзницъ.

— А относительно договора Пруссіи съ Англіей?

— Вы засвидѣтельствуете, что онъ вызвалъ крайнее изумленіе въ С.-Петербургѣ, и мы ожидаемъ объясненій изъ Лондона.

— А отностельно сближенія, предстоящаго между Франціей и Россіей?

— Вы ознакомитесь съ точными намѣреніями [1]).

Инструкціи Бехтѣева предписывали ему, кромѣ того, заявить о готовности Россіи пожертвовать англійскими субсидіями, въ надеждѣ, поданной Австріей, что Франція „сумѣетъ лучше войти въ общіе интересы". Русскій посредникъ долженъ былъ настаивать на необходимости полнаго и быстраго соглашенія, однако, не опредѣляя его характера. Если отъ него настойчиво потребуютъ высказаться, онъ долженъ предоставить это Штарембергу, съ которымъ будетъ дѣйствовать вполнѣ заодно, придерживаясь его мнѣнія и даже признавая свою видимую зависимость отъ него [2]).

Передъ нимъ открывался путь уже совершенно гладкій. Версальскій договоръ удивительнымъ образомъ, сблизилъ разстояніе между Парижемъ и С.-Петербургомъ. Однако, на первыхъ шагахъ русскому дипломату пришлось столкнуться съ

---

[1]) Воронцовскій архивъ.

[2]) Соловьевъ. *Исторія Россіи.*

тѣми же неудобствами, что испыталъ на себѣ Дугласъ. Прежде всего, только что онъ успѣлъ пріѣхать, къ нему явился Митчель, съ порученіемъ отъ Конти. Принцъ желалъ видѣть посланика до его свиданія съ Рулье и предостерегалъ противъ этого министра: „Ради Бога, пусть Бехтѣевъ постарается скрыть отъ него цѣль своего пріѣзда. Иначе m-me де Помпадуръ будетъ сейчасъ же предупреждена и разстроитъ все дѣло". Но вслѣдъ за нимъ прибылъ Терсье, приглашая бѣднаго Бехтѣева послѣдовать за собой въ Компьенъ, гдѣ его ожидалъ министръ. Послѣдній выходъ показался дипломату наиболѣе благоразумнымъ. Но тутъ его ожидало новое затрудненіе. Получивъ письмо, присланное ему Воронцовымъ, самъ министръ никакъ не могъ разобрать на немъ подписи.

— Воронцовъ,—прочиталъ посланникъ.

— Ахъ, да! Развѣ онъ вѣдаетъ иностранныя дѣла?

Бехтѣевъ былъ пораженъ. Кромѣ того, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ такъ плохо освѣдомленнымъ сановникомъ, онъ замѣтилъ, что министру какъ-будто неизвѣстно первое путешествіе Дугласа, тогда какъ принцъ Конти похвалялся, что рѣшилъ его самостоятельно. Глава секретной дипломатіи гооврилъ также о проектѣ союза съ Россіей, подготовленномъ его усиліями, и заявлялъ о своемъ согласіи лично прибыть въ Петербургъ, для его осуществленія. Предложеніе было весьма заманчивое, къ сожалѣнію, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Митчелемъ, принять его мѣшала рѣшительно выраженная враждебность къ австрійскому союзу, а въ этомъ отношеніи, инструкціи Бехтѣева не допускали уступокъ.

Новое препятствіе: повидавъ министра, онъ долженъ былъ также представиться королю. Но въ качествѣ чего предстанетъ онъ передъ его величествомъ? Бехтѣевъ привезъ съ собой ввѣрительныя грамоты, подобныя тѣмъ, что получилъ

Дугласъ. Но на нихъ не было помѣчено число, и воспользоваться ими онъ могъ лишь послѣ того, какъ французскій посланникъ предъявитъ свои. Съ той и съ другой стороны дѣло подвигалось впередъ очень медленно, и въ смыслѣ формальностей дипломаты всѣхъ странъ и во всѣ времена, оставались до извѣстной степени данниками Китая.

— Вы будете представлены, какъ путешествующій русскій подполковникъ, — сказалъ Рулье смущенному посланнику.

— Но я не подполковникъ!

Наконецъ, было рѣшено, что, вернувшись изъ Компьена, онъ будетъ допущенъ, какъ простой дворянинъ, присутствовать при утреннемъ туалетѣ короля. Итакъ, Людовикъ XV оказалъ ему честь, закончивъ въ его присутствіи умываніе рукъ; затѣмъ принялъ рубашку изъ рукъ дофина, совершилъ у аналоя краткую молитву, послѣ чего всѣ присутствующіе опустились на колѣни, когда его величество вышелъ изъ комнаты, направляясь въ церковь, причемъ, проходя мимо русскаго дворянина, по указанію герцога де Флери, оберъ-камергера, удостоилъ вниманіемъ иностранца, спросивъ его о здоровьи императрицы. Поклонившись до земли, Бехтѣевъ не успѣлъ подняться, чтобы отвѣтить, какъ король былъ уже далеко. Зато рядомъ оказался принцъ де Конти. Тщетно прождавъ посѣщенія Бехтѣева въ Парижѣ, онъ отыскалъ его здѣсь и завязалъ съ нимъ бесѣду, длившуюся цѣлый часъ. Результатъ ея не удовлетворилъ ни одного изъ собесѣдниковъ. Бехтѣевъ остался при убѣжденіи, что принцъ замышляетъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ сближеніе между Россіей и Франціей. Онъ безпрестанно наводилъ разговоръ на Польшу, и, повидимому, былъ поглощенъ всецѣло заботой овладѣть на-

слѣдіемъ Августа III. Даже предполагавшееся имъ путешествіе въ Петербургъ не имѣло другой цѣли [1]).

Поэтому русскій дипломатъ рѣшилъ вести переговоры только съ Рулье или съ офціальными сотрудниками министра; но послѣдніе вскорѣ вызвали въ немъ снова удивленіе и разочарованіе. Довѣряясь свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ему въ Петербургѣ, Бехтѣевъ представлялъ себѣ французовъ народомъ легкомысленнымъ, слѣдовательно, уступчивымъ и податливымъ всякому вліянію. И вотъ ему пришлось столкнуться съ людими,—по его увѣреніямъ, по крайней мѣрѣ—въ послѣдовательности и твердости своихъ интересовъ не уступющими никому.

Этотъ опытъ и замѣчаніе достойны вниманія. Мнѣ кажется, о нихъ много разъ приходится вспоминать впослѣдствіи.

Кромѣ того, даже послѣ предъявленія ввѣрительныхъ грамотъ, Бехтѣевъ замѣтилъ, что его отстраняли отъ главныхъ переговоровъ, продолжавшихся за его спиной, между Версалемъ и Вѣной. Это было совершенно естественно, принимая во вниманіе положеніе, созданное самимъ с.-петербургскимъ дворомъ, для своего представителя, относительно Бестужева. Канцлеръ зналъ объ его отъѣздѣ, и даже по внѣшности принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ путешествію, но оставался въ совершенномъ невѣденіи его дѣйствительной цѣли. Бехтѣевъ для соблюденія формальности посылалъ ему офиціальныя донесенія, наполняя ихъ туманными рѣчами, отправляя въ то же время Воронцову другія донесенія, передававшіяся прямо Елизаветѣ, съ собственноручными замѣтками вице-канцлера. Бѣдный Бехтѣевъ совершенно запутался въ такихъ осложненіяхъ и вскорѣ отказался отъ всякой по-

---

[1]) Воронцовскій Архивъ. Переписка Бехтѣева.

пытки играть въ нихъ какую-либо серьезную роль, наталкиваясь на все сильнѣе проявлявшееся стремленіе не удѣлять ему никакой окончательно.

Во всякомъ случаѣ, продливъ свое пребываніе въ Парижѣ до 1757 г., онъ имѣлъ удовольствіе сообщать своему двору о все болѣе равнодушномъ пріемѣ, ожидавшемъ русскихъ путешественниковъ и путешественницъ въ Версалѣ, куда ужъ давно не заглядывалъ никто изъ его соотечественниковъ, и гдѣ теперь они появлялись постоянно. Русскія княгини, въ видѣ особой милости, допускались въ спальню королевы, въ домашнихъ платьяхъ, тогда какъ самымъ высокопоставленнымъ француженкамъ доступъ туда разрѣшался только въ придворныхъ туалетахъ. Сама m-me Помпадуръ, несмотря на предостереженія принца де Конти, выказывала большую любезность относительно этихъ посѣтителей и посѣтительницъ, и въ маѣ 1757 г., пожелала устроить въ ихъ честь празднество въ своемъ домѣ, въ Парижѣ.

Бехтѣевъ, тѣмъ не менѣе, былъ очень занятъ, хотя дипломатія ему оставляла много свободнаго времени. Онъ получалъ мало нотъ и не подписывалъ никакихъ протоколовъ, но былъ поглощенъ всякаго рода покупками, совершавшимися имъ для государыни. Ходилъ по магазинамъ, закупая перчатки, ленты, парфюмерію, туалетную воду, помаду, румяна и бѣлила. Наблюдалъ за выполненіемъ большого туалетнаго зеркала, высотой въ шесть футовъ, въ рамѣ работы Жермэна, предполагавшагося стоимостью въ три тысячи ливровъ и обошедшагося въ пять тысячъ рублей. Собиралъ подробныя свѣдѣнія о стиркѣ чулокъ въ холодной водѣ и фасонахъ, не дающихъ полнѣть ногѣ. Когда, пріобрѣтя въ заключеніе всего неопрокидывающуюся двухмѣстную карету, онъ отбылъ, наконецъ, въ Россію, его отъѣздъ замѣтили только парижскіе купцы [1]).

[1]) Воронцовскій Архивъ. Эта переписка помѣщена въ III и VI томѣ сборника безъ хронологической послѣдовательности.

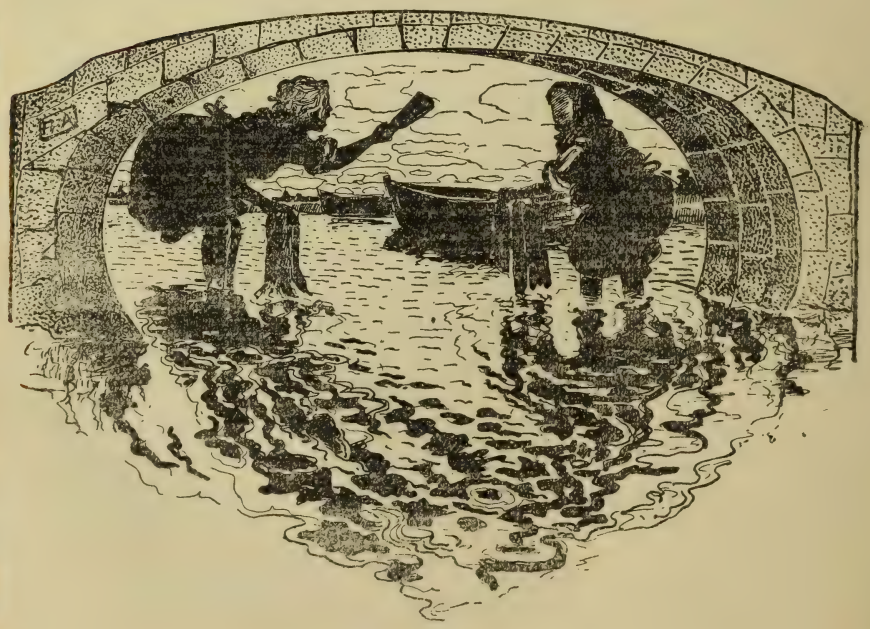
Вниманіе дипломатическаго міра было устремлено въ другую сторону. По пути, пройденному Бехтѣевымъ и его предшественниками, Дугласомъ и Митчелемъ, въ видѣ странствующихъ рыцарей, по ихъ стопамъ подготовлялось пышное шествіе посланниковъ. Князь Голицынъ въ С.-Петербургѣ и маркизъ л'Опиталь, въ Версалѣ получили приказы объ отъѣздѣ. А вмѣстѣ съ тѣмъ и другой странникъ, вѣчно торопливый и привыкшій къ большимъ переходамъ, двинулся въ путь, не заботясь соразмѣрять свои движенія съ медленнымъ механизмомъ дипломатическихъ расчетовъ. Очнувшись отъ своихъ странныхъ иллюзій, сознавъ, наконецъ, грозныя опасности, лицомъ къ лицу съ которыми поставила его политика, столь же дерзновенная, какъ недальновидная, Фридрихъ рѣшилъ, по обыкновенію, взять смѣлостью, первымъ ринувшись въ неминуемую борьбу. Въ августѣ 1756 г., внезапно вторгнувшись въ Саксонію, предавъ грабежу дрезденскіе архивы, онъ разъискивалъ доказательства противъ своихъ предполагаемыхъ враговъ и набиралъ въ рядахъ саксонской арміи, вынужденной сдаться, рекрутовъ въ побѣдоносные уже полки, какіе намѣревался двинуть имъ навстрѣчу.

То было начало великой войны, замышлявшейся и одинаково страстно желанной С.-Петербургомъ и Вѣной, а также осуществленіе плана, составленнаго Кауницомъ съ безконечно вѣрной оцѣнкой характера и генія короля, котораго предстояло побѣдить. Безсознательно великій полководецъ игралъ въ руку великаго государственнаго мужа. Онъ предоставлялъ ему возможность воздѣйствовать на Францію и вовлечь ее въ борьбу, для нея совершенно безцѣльную[1]). Безъ сомнѣнія, руководясь принципомъ, что на войнѣ наступленіе предпочти-

---

[1]) См. въ этомъ смыслѣ Lehmann, Naudé „Freidrichs des Grossen Angriffspläne gegen Oesterreich".

тельнѣе обороны, Фридриху при настоящемъ положеніи вещей не оставалось ничего другого. Но онъ позволилъ довести себя до этого съ закрытыми глазами, въ припадкѣ сомнамбулизма, свойственнаго искателямъ приключеній, избалованныхъ судьбой, подобно ему. Конечно, онъ не видалъ, какъ образовывались и смыкались звенья могущественной коалиціи, вскорѣ сжавшей его отовсюду въ своихъ смертоносныхъ тискахъ. И такимъ образомъ между самимъ Версалемъ и С.-Петербургомъ происходила непреодолимая спайка подъ вліяніемъ ударовъ, имъ наносившихся, неминуемо оставлявшихъ тамъ болѣзненный отзвукъ.



IV.

Присоединеніе Россіи къ Версальскому договору.

Присоединеніе Россіи къ Версальскому договору.

Политикѣ Людовика XV ставили въ упрекъ — чего только не ставили ей въ упрекъ! — что она не воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы заключить съ Россіей прямой и опредѣленный договоръ, позволившій бы обѣимъ державамъ не становиться въ зависимость отъ Австріи и, можетъ быть, прикончить уже начатую войну, предложивъ Фридриху свое вмѣшательство. Воспользовались нѣкоторыми словами, слышанными Дугласомъ изъ устъ Елизаветы, и дали имъ произвольное толкованіе въ предположеніи, что императрица желала вовлечь Версальскій дворъ на этотъ путь, и встрѣтила отказъ [1]). Я беру на себя смѣлость утверждать, что ни о чемъ подобномъ она не помышляла. Безъ опасенія впасть въ преувеличеніе, рѣшаюсь утверждать, что въ эту минуту Людовикъ XV и его совѣтчики никакъ не упустили бы случая сдѣлать подобное предложеніе въ С.-Петербургѣ, если бы питали надежду, что оно будетъ принято. Они безусловно не желали войны на континентѣ, а Елизавета хотѣла ее и хотѣла настойчиво.

---

[1]) Вандаль.

Даже такую готовность примириться съ Франціей она высказывала только потому, что Австрія ставила это сближеніе условіемъ выполненія воинственныхъ намѣреній, замышлявшихся противъ прусскаго короля. Говоря Дугласу, что „не желаетъ ни третьихъ лицъ, ни посредниковъ въ союзѣ съ королемъ", царица просто выражала чувство обиды, проистекавшей изъ того, что текущіе переговоры, сосредоточившись между Версалемъ и Вѣной, повидимому ускользали отъ ея контроля. Какъ мы видѣли, она согласилась на такую комбинацію, подчинивъ Бехтѣева Штарембергу, а теперь досадовала на это, благодаря непослѣдовательности, присущей слабому полу даже на тронѣ. Еще въ 1756 г. Воронцовъ увѣрялъ Эстергази, что ни Бехтѣевъ, ни Митчель, продолжавшій путешествовать между Петербургомъ и Парижемъ, доставляя депеши, не посвящены въ „великую тайну" [1]). И въ переговорахъ, касавшихся этой великой тайны, и въ тѣхъ, что происходили благодаря непосредственности установившимся отношеніямъ между Франціей и Россіей, рѣчь шла только объ одномъ: о войнѣ сообща, противъ Фридриха. Присоединеніе Россіи къ Версальскому договору составляло единственную цѣль всѣхъ стремленій. По крайней мѣрѣ, въ С.-Петербургѣ не помышляли ни о чемъ иномъ [2]). Одно время возникъ вопросъ о мирномъ вмѣшательствѣ, но не соединенныхъ Россіи и Франціи, а только одной Россіи. Однако, личныя чувства Елизаветы и намѣренія ея министровъ были тутъ не при чемъ. Въ сентябрѣ 1756 г. Вилльямъ предложилъ государынѣ выступить посредницей между Пруссіей и

---

[1]) Эстергази Кауницу, Петерб. 20 іюля 1756 г.

[2]) Царскій рескриптъ Бехтѣеву отъ 30 сентября 1756 г. Московскій Архивъ.

Австріей. Елизавета отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ[1]) и фактически, съ дипломатической точки зрѣнія, осталась въ зависимости отъ Вѣнскаго двора.

вопросъ о мирномъ вмѣшатерьствѣ, но не въ соединен-

Уколы, иногда наносившіеся благодаря тому ея самолюбію, были самыми ничтожными изъ неудобствъ, сопряженныхъ съ такимъ неестественнымъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что самъ Дугласъ часто бывалъ лишенъ непосредственной освѣдомленности относительно намѣреній своихъ принципаловъ и въ дѣйствительности отданъ подъ опеку Эстергази. Когда переговоры приблизились къ концу, они привели Версальскій дворъ къ довольно непріятному заключенію. Вступая въ союзъ съ Россіей для войны, Франція рѣшила пожертвовать Польшей. Развѣ не должна она была допустить, что, устремляясь навстрѣчу Фридриху, русскимъ войскамъ предстоитъ пройти по территоріи республики? Она согласилась даже высказаться за такой путь. Но вовсе не намѣревалась допустить подобное же злоупотребленіе относительно Турціи, чьи интересы, кромѣ того, могли быть затронуты гораздо болѣе существеннымъ образомъ въ предстоящей борьбѣ. Дугласу слѣдовало бы сдѣлать о томъ предупрежденіе, но онъ получилъ его только въ депешѣ Рулье отъ 27 сентября 1756 г., предписывавшей ему строго соблюдать, чтобы Порта была формально исключена изъ „casus foederis“, предстоящаго къ соглашенію между Россіей и Франціей. Однако депеша эта пришла слишкомъ поздно. Подъ вліяніемъ Эстергази Дугласъ уже согласился въ этомъ отношеніи на мировую сдѣлку. Онъ опасался, выказавъ

---

[1]) Вилльямсъ Митчелю, Петерб. 18 сентября 1756 г. „Pol. Corresp.“, Эстергази Кауницу, 27-го сентября 1756 г. Вѣнскій Архивъ.

меньшую уступчивость, дать перевѣсъ ухищреніямъ Бестужева, снова набравшагося самоувѣренности, почувствовавъ около себя ментора, необходимаго ему, чтобы согласовать свои поступки съ намѣреніями и, получивъ четыре тысячи червонцевъ отъ Эстергази, предполагавшаго заработать вдвое, предложивъ свои услуги Вильямсу. Этимъ менторомъ былъ самъ англійскій посланникъ, теперь лучше узнавшій, какимъ образомъ можно извлечь пользу изъ канцлера [1]). Съ другой стороны, Дугласу приходилось остерегаться новаго взрыва гнѣва со стороны Елизаветы, все сильнѣе выражавшей обиду на отношеніе къ ней союзныхъ дворовъ. Эстергази въ то же время подготовлялъ новое соглашеніе, имѣвшее цѣлью установить условія совмѣстныхъ дѣйствій противъ Пруссіи. Спорнымъ вопросомъ являлись субсидіи. Царица попрежнему съ отвращеніемъ отталкивала мысль о ихъ полученіи; съ другой стороны давала понять, что за ихъ отсутствіемъ нельзя расчитывать на дѣйствительное содѣйствіе съ ея стороны. Чтобы преодолѣть свои сомнѣнія, она желала быть посвященной въ подобные же переговоры, какими одновременно Вѣнскій дворъ стремился обезпечить себѣ денежную помощь Франціи, принимая также роль „державы на жалованьѣ". Царица видѣла въ этомъ не одинъ только вопросъ самолюбія. Помимо увѣренности оказаться въ хорошемъ обществѣ, она желала убѣдиться, что субсидіи будутъ уплачены. Эстергази получалъ теперь значительныя суммы на болѣе или менѣе секретныя надобности, по сотнѣ тысячъ червонцевъ сразу. Времена Розенберга отошли далеко. И Елизавета хорошо догадывалась объ источникѣ такого богатства, но желала вполнѣ въ томъ увѣриться, такъ какъ

[1]) Эстергази Кауницу, Петербургъ, 22 октября 1756 г. Вѣнскій Архивъ, по-нѣмецки. Вилльямсъ Митчелю, Петербургъ 28 сентября 1756 г. „Polit. Corresp.".

Бестужевъ безпрестанно указывалъ ей на плачевное состояніе финансовъ. А дворы вѣнскій и версальскій оставляли ее въ этомъ отношеніи въ полномъ невѣдѣніи, на что она постоянно жаловалась, выказывая гораздо больше равнодушія къ перспективамъ территоріальнаго расширенія, какими прельщалъ ее представитель Маріи Терезіи. Воронцовъ называлъ ихъ мечтами, а Бестужевъ замѣчалъ наставительно, что „слѣдуетъ убить медвѣдя раньше, чѣмъ дѣлить его шкуру“.

Всѣ эти соображенія одновременно оказывали свое вліяніе на Дугласа, которому русскій канцлеръ объявилъ, что въ случаѣ отлученія Турціи изъ „casus foederis“ предстоящій договоръ останется для Россіи „чистымъ листомъ“, а Эстергази напомнилъ, что согласно инструкціямъ онъ долженъ придерживаться мнѣнія своего австрійскаго коллеги. И кавалеръ поддался убѣжденіямъ. Подписавъ 11-е января 1757 г. договоръ о присоединеніи Россіи къ австро-французскому соглашенію, онъ хотя добился упоминанія объ исключеніи, относившемся къ Турціи, но согласился сдѣлать къ нему строго секретное добавленіе, какимъ въ случаѣ войны между Россіей и Портой, Франція обѣщала новой союзницѣ помощь, если не войсками, то деньгами.

Въ Версалѣ разразились криками недогованія; со строгой отповѣдью отъ Терсье французскій уполномоченный получилъ заявленіе, что его подпись будетъ опротестована и никогда не послѣдуетъ согласія на ратификацію договора съ такимъ добавленіемъ. Онъ отвѣчалъ на сыпавшіеся на него упреки жалобами, повидимому болѣе основательными. „Вожакъ слѣпого завелъ его въ болото, разсмѣялся ему въ лицо и предоставилъ выбираться собственными силами. Мнѣ приходилось раньше читать, что въ нашемъ ремеслѣ встрѣчаются подобные фокусы, но не слѣдовало его сшивать бѣ-

лыми нитками и запрещать мнѣ полгода спустя послѣ подписанія моихъ полномочій принимать условіе, единственно способное подвинуть этотъ дворъ къ сближенію съ нами“ [1]).

Однако онъ преувеличивалъ послѣдствія происшествія. У Россіи были другія побужденія для сближенія съ Франціей, и будущее дало тому доказательство. Рулье не задумываясь написалъ въ Константинополь, что условіе было принято нечаяннымъ образомъ и будетъ считаться недѣйствительнымъ. Людовикъ XV лично обратился къ Елизаветѣ съ просьбой объ его уничтоженіи, и польщенная царица уступила. Бестужевъ и Воронцовъ разорвали въ присутствіи Дугласа бумагу, вызвавшую такіе горячіе споры, состоялся обмѣнъ ратификацій договора безъ упоминанія болѣе о войнѣ съ Портой, и Дугласъ могъ написать Терсье: „Вы не можете болѣе упрекать меня въ раболѣпіи передъ распутницей безнравственной, безстыдной, непристойной“ [2]). Но тѣмъ временемъ Эстергази воспользовался согласіемъ, вырваннымъ у французскаго посланника, чтобы провести военную конвенцію за ежегодную субсидію въ два милліона флориновъ, хотя Бестужевъ просилъ четыре. Надежда разсорить Францію съ Портой помогла разсѣять сомнѣнія Елизаветы и сократить требованія ея министровъ. Итакъ, Австрія и Россія обязывались выставить каждая восьмидесятитысячную армію на время войны, предполагавшейся съ прусскимъ королемъ. Россія, кромѣ того, должна была снарядить флотъ изъ пятнадцати или двадцати линейныхъ кораблей и по крайней мѣрѣ сорока галеръ. Конвенція была помѣчена 22-мъ января 1757 г. Два мѣсяца спустя (21 марта) договоръ, подписанный въ Стокгольмѣ Франціей сообща съ Австріей, включилъ

[1]) Къ Терсье, Петерб. 8 марта 1757 г. Иностр. дѣла, ср. Воронцовскій Архивъ.

[2]) Петерб. 29 марта 1757 г. Иностр. дѣла.

въ коалицію Швецію, а вскорѣ второй договоръ заключенный въ Версалѣ (1 мая 1757 г.), довелъ до ста пяти тысячъ человѣкъ численность французскихъ войскъ, предназначенныхъ къ дѣйствію въ Германіи.

Теперь желѣзное кольцо, въ какое Марія Терезія и ея министръ намѣревались заключить Фридриха, совершенно сомкнулось. Но грозный противникъ, съ которымъ они надѣялись такъ легко справиться, уже обнаружилъ превосходство своего генія. Пока маркизъ де л'Опиталь совершалъ путешествіе въ С.-Петербургъ, чтобы поторопить тамъ выступленіе въ походъ русской арміи, а первые французскіе батальоны медленно подвигались по направленію къ Ганноверу, покоритель Саксоніи, пользуясь преимуществомъ своего положенія, вторгнулся въ Богемію и разбилъ австрійцевъ подъ стѣнами Праги (6 мая 1757 г.). Война такимъ образомъ разгоравшаяся, но сулившая союзникамъ только новыя неудобства, совсѣмъ не соотвѣтствовала тому, о чемъ мечтали въ Вѣнѣ и Петербургѣ. Безъ сомнѣнія, чтобы Фридрихъ не изнемогъ въ концѣ концовъ подъ ея бременемъ, необходимо было чудо и долженъ былъ наступить день, когда, сознавъ свое неблагоразуміе, онъ это понялъ и, видя свое отчаянное положеніе, готовъ былъ просить милости у побѣдителей. Но тутъ произошло ожидавшееся чудо и его спасло. Ужасную борьбу завязали люди искусные, люди умные, люди благоразумные съ безумцемъ, и безумецъ этотъ одержалъ верхъ, благодаря „Его Августѣйшему Величеству Случаю", къ которому любилъ взывать. Случаю помогло поразительное искусство, удивительная храбрость, и—англійское золото, безъ чего такое состязаніе между маленькой страной и континентальной Европой было бы немыслимо. Но если бы дочь Петра прожила нѣсколькими днями долѣе, династія Гогенцоллерновъ оттого бы умерла, или во всякомъ случаѣ оказалась бы неспособной разсчитывать на свою теперешнюю судьбу.

П. А.

ГЛАВА IV.

Покореніе Пруссіи.

I. Посольство маркиза л'Опиталь.—Пышный дипломатъ.—Два двора въ С.-Петербургѣ.—Будущая Сѣверная Семирамида.—Недоразумѣнія и столкновенія.—Тайная дипломатія.—„Конфиденціальное письмо" Людовика XV. Елизавета не отвѣчаетъ.—Планы герцога де Конти—Постигшая ихъ неудача.—Пассивная роль де л'Опиталя.—Отсутствіе единодушія между союзниками.—Превосходство Фридриха.—II. Первое сраженіе между русскими и пруссаками.—Восточная Пруссія — Оборона страны. — Генералъ Левальдъ и его армія—Увѣренность Фридриха.—Попытка мирныхъ переговоровъ.—Вторженіе русскихъ. — Нравственное и матеріальное состояніе обѣихъ армій. — Прусское шпіонство. — Противники сошлись. — Битва при Гроссъ-Егерсдорфѣ.—Побѣда русскихъ.—Дорога въ Кёнигсбергъ открыта.—Отступленіе Апраксина.—Его причины.—Обморокъ и болѣзнь Елизаветы.—Преданіе суду Апраксина.—Послѣдствія отступленія.—Росбахъ.—III. Паденіе Бестужева.—Интриги канцлера.—Понятовскій.—Бестужевъ и Екатерина.—Арестъ канцлера.—Екатерина и Елизавета.—Ссора и примиреніе.—Паденіе Бестужева—французская побѣда.—Взаимное влеченіе между обоими государствами.—Предположеніе замѣны англійской торговли французскою.—Неуспѣхъ.—IV. Кёнигсбергъ и Цорндорфъ.—Русская армія подъ начальствомъ Фермора. — Возвращеніе въ Пруссію. — Взятіе Кёнигберга.—Занятіе области.—Командованіе прусской арміей, вѣренное Дона.—Онъ допускаетъ русскихъ приблизиться и угрожать Бранденбургу.—Осада Кюстрина.—Фридрихъ прибываетъ къ нему на

помощь.—Битва при Цорндорфѣ.—Сомнительная побѣда.—Отрицательный результатъ кампаніи.—Фридрихъ чувствуетъ себя обезсиленнымъ передъ Россіей.—V. Версаль и С.-Петербургъ.—Все болѣе дружелюбное настроеніе Елизаветы.—Благопріятное улаженіе курляндскаго вопроса.—Отъѣздъ Понятовскаго.—Предложеніе, сдѣланное Франціи принять участіе въ австро-русскомъ договорѣ.—Недовѣріе Берни.—Подозрительность, возбужденная покореніемъ Пруссіи.—Коалиція близка къ распаду.—Новыя побужденія къ сближенію.—Пуассонье въ Петербургѣ.—Врачъ - дипломатъ.—Елизавета соглашается вступить въ секретную переписку съ Людовикомъ XV.—Министерскій кризисъ въ Версалѣ.—Упадокъ духа и миролюбивыя стремленія Берни.—Они согласуются съ склонностями австрійскихъ министровъ.—Женское сопротивленіе.—Марія Терезія, Елизавета и m-me де Помпадуръ.—Торжество сторонниковъ войны.—Герцогъ Шуазель.

I.

Посольство маркиза де л'Опиталь.

Новый французскій посланникъ Поль Галлючіо, маркизъ де л'Опиталь, маркизъ де Шатонефъ, генералъ-лейтенантъ королевскихъ войскъ, генералъ кавалеріи и бывшій посланникъ въ Неаполѣ (отъ 1740 г. до 1751 г.), употребилъ полгода на совершеніе своего путешествія, столько же истративъ на приготовленіе къ нему. Такая медленность въ нѣкоторомъ родѣ входила въ программу. Бехтѣевъ настаивалъ на большей поспѣшности, но Рулье ему отвѣчалъ: „Посланникъ короля не можетъ торопиться какъ повѣса". Расходы по снаряженію этого пышнаго представителя простирались до четырехсотъ тысячъ ливровъ, и на путевыя издержки онъ получилъ полтораста тысячъ. Везя за собой свиту изъ восьмидесяти человѣкъ, онъ блисталъ поразительной роскошью, какъ-будто предназначенной скрыть неудовлетворительность

его дипломатическихъ способностей, и предосторожность, весьма дорого обошедшаяся, принимая во вниманіе обстоятельства, пожалуй оказалась небезполезной. Въ качествѣ штабъ-офицера маркизъ повсюду казался удачно выбраннымъ для миссіи, отчасти военной. Но онъ страдалъ частыми приступами довольно жестокой подагры, иногда дѣлавшей его совершенно безпомощнымъ. Обладая прекрасными манерами, опытомъ и даже умомъ, онъ, однако, достигъ уже той поры жизни, когда эти надежныя и блестящія качества нуждались въ отдыхѣ. Остановивъ на немъ свой выборъ, въ Версалѣ руководились заботой дать Франціи достойнаго представителя при дворѣ, считавшемся однимъ изъ наиболѣе блестящихъ въ Европѣ. Но теперь въ С.-Петербургѣ было два двора: дворъ Елизаветы и дворъ великой княгини, такъ называемый „молодой" дворъ. Доступъ къ первому показался л'Опиталю сопряженнымъ съ большими трудностями. Императрица появлялась теперь лишь въ кружкѣ близкихъ лицъ, откуда иностранцы были исключены и который съ каждымъ годомъ все суживался. Второй сразу оттолкнулъ его отъ себя. Будущая великая Екатерина произвела на него впечатлѣніе молодой безпутницы въ поискахъ за преключеніями, подвергаться которымъ въ ея обществѣ было весьма рискованно. „Поведеніе великой княгини настолько дурно", писалъ онъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего пріѣзда, „что императрица предоставила ей полную свободу, чѣмъ доказала, что совсѣмъ перестала ею интересоваться". Что касается великаго князя, маркизъ безъ колебаній раздѣлилъ относительно него мнѣніе Вилльямса: „Онъ то, что французы называютъ безумцемъ... Если онъ будетъ продолжать теперешній образъ жизни, то не будучи пророкомъ, легко предсказать, что ему осталось не много лѣтъ жизни. Потеря не будетъ „тяжела" [1]).

[1]) Графу де Брогли, 13 августа 1757 г. Иностр. дѣла. Россія.

Въ своемъ трудѣ, о которомъ читатели, надѣюсь, сохранили воспоминаніе [1]), я уже пытался обрисовать характеръ молодого двора, а также его роль среди событій, къ описанію которыхъ я намѣреваюсь сейчасъ приступить. Ограничившись теперь дополненіемъ очерка, мнѣ легче окажется сосредоточить интересъ послѣдующихъ страницъ на томъ, что составляетъ ихъ главную суть: на борьбѣ Россіи съ Пруссіей.

Все взвѣсивъ, принужденный сдѣлать выборъ между этими двумя элементами жизни, политической и общественной, обнаруживавшими стремленіе превратиться въ величины соперничающія и враждебныя, посланникъ легко отдался естественному влеченію своего зрѣлаго возраста и миролюбиваго характера. Онъ положительно рѣшилъ держаться „главнаго ствола“ и окончательно къ нему присоединиться. Главнымъ стволомъ была Елизавета, и въ Версалѣ нашли, что л'Опиталь поступилъ наиболѣе благоразумнымъ образомъ. Эстергази предлагалъ своему коллегѣ принять участіе въ переговорахъ, касавшихся голштинскихъ интересовъ великаго князя, но получилъ отвѣтъ, что представителю короля не подобаетъ въ нихъ вмѣшиваться. Его аккредитовали только при императрицѣ и прислали въ Петербургъ, чтобы заняться тутъ важными вопросами, относительно которыхъ подготовлялось соглашеніе между обоими дворами. Такого мнѣнія держался маркизъ, но при осуществленіи своихъ полномочій, даже такимъ образомъ ограниченныхъ, онъ не замедлилъ испытать удивленіе и разочарованіе. Прежде всего, когда онъ присмотрѣлся поближе, желаемое соглашеніе ему показалось весьма далекимъ отъ дѣйствительной общности мыслей и чувствъ. Затѣмъ обнаружилось существенное недоразумѣніе. Стремясь къ союзу съ Франціей, въ дополненіе къ союзу съ Австріей, Россія,

---

[1]) *Романъ Императрицы.*

какъ читатели помнятъ, разсчитывала на денежную помощь, какую версальскій дворъ долженъ былъ оказать общему дѣлу. И теперь, безъ сомнѣнія, подъ впечатлѣніемъ блестящей роскоши, окружавшей маркиза, Елизавета и ея министры давали весьма широкое толкованіе этой подразумѣваемой оговоркѣ. Намеки относительно займа были уже сдѣланы черезъ посредство Дугласа или Бехтѣева. Рѣчь шла о двадцати пяти милліонахъ ливровъ. Въ письмѣ, написанномъ въ 1760 г. герцогу Шуазелю, д'Эонъ ставилъ себя въ заслугу, что доказалъ предшественникамъ министра несвоевременность такой денежной жертвы, на которую они готовы были согласиться. Двадцать пять милліоновъ никогда не будутъ возвращены,— утверждалъ онъ. Мнѣ кажется, что искушеніе не могло быть особенно сильнымъ, и депеша Рулье къ л'Опиталю, отъ 31-го іюля 1757 г., содержавшая довольно сухой отказъ, по моему мнѣнію, служитъ подтвержденіемъ такого предположенія. Но въ С.-Петербургѣ получилось сильное разочарованіе, а вскорѣ за нимъ послѣдовало не менѣе тягостное недоразумѣніе.

Какъ разъ въ то время, какъ новый посланникъ появился въ сѣверной столицѣ, великая княгиня должна была разрѣшиться отъ бремени. Для ожидаемаго ребенка подыскивали воспреемниковъ и съ этой цѣлью устремили свои взоры на Версаль. По сообщенію Воронцова, такая мысль была внушена самимъ л'Опиталемъ [1]). Новый отказъ, мотивированный религіозными сомнѣніями. На этотъ разъ въ Петербургѣ разсердились. Развѣ у великаго князя не была крестной матерью императрица австрійская, также вѣрная католичка? Берни, не принявшій этого въ соображеніе, попытался перемѣнить свое рѣшеніе, но было уже поздно, и де л'Опиталю пришлось

---

[1]) Воронцовскій Архивъ.

опасаться прискорбныхъ послѣдствій для будущаго едва установившихся отношеній.

Его тревога еще усилилась бы, если бы ему была извѣстна вся истина и то на какой опасный слѣдъ уже вступили, пойдя окольными путями. Пока л'Опиталь медленно и торжественно двигался по дорогѣ въ С.-Петербургъ, Людовикъ XV поддался внушенной ему мысли написать Елизаветѣ „конфиденціальное письмо", имѣвшее цѣлью создать между нимъ и государыней сношенія болѣе непосредственныя и близкія. Мысль эта принадлежала Руиллье, но одобривъ ее, король рѣшилъ исполненіе ея изъять и отъ своего министра и отъ посланника. Такимъ образомъ, по большей части, онъ самъ занимался тайной дипломатіей. Л'Опиталю, слѣдовательно, ничего не было извѣстно о письмѣ, и Дугласу, остававшемуся пока въ Петербургѣ, было поручено передать это посланіе, гдѣ, помимо того, что желалъ сообщить Рулье, заключалось предложеніе установить между государемъ и государыней секретную переписку съ особымъ шифромъ. Руководившій завязкой интриги въ качествѣ главы тайной политики, принцъ де Конти еще усложнилъ ее присоединеніемъ сюда своихъ личныхъ видовъ. Получивъ отказъ отъ Бехтѣева, онъ уже подумывалъ обратиться прямо къ Воронцову по поводу своихъ притязаній, измѣнившихъ въ настоящее время цѣль и харктеръ. Августъ III, повидимому, не собирался умирать, принцъ перенесъ свои стремленія къ замысламъ ближе осуществимымъ, и вмѣстѣ съ письмомъ короля къ Елизаветѣ, Дугласъ получилъ секретное порученіе, предписывавшее ему разузнать отъ вице-канцлера относительно возможности получить для его высочества: во-первыхъ,—обладаніе герцогствомъ Курляндскимъ, во-вторыхъ,—командованіе арміей, предназначенной для дѣйствій противъ Фридриха.

Неудовлетворительный результатъ такой двойной попытки

также послужилъ источникомъ новыхъ обвиненій противъ политики Людовика XV. Мнѣ кажутся они отчасти непосредственно и завѣдомо основанными на данныхъ безусловно ложныхъ. Обвинители сочинили по этому поводу цѣлый романъ. Вернувшись въ Парижъ съ актомъ присоединенія Россіи къ Версальскому договору, д'Эонъ привезъ принцу де Конти вполнѣ благопріятный отвѣтъ. Къ несчастью, принцъ поссорился съ m-me де Помпадуръ и, слѣдовательно, лишился вмѣстѣ съ руководствомъ тайной дипломатіей даже довѣрія и дружбы короля. Итакъ, послѣдній отказалъ въ своемъ согласіи, и Франція упустила честь и выгоду возвести принца царской крови на престолъ по сосѣдству съ Россіей и видѣть его во главѣ русской арміи, подъ такимъ начальствомъ, можетъ быть, давшей бы предстоящей войнѣ совершенно иной оборотъ[1]). Все это сплошной вымыселъ, и память Людовика XV и m-me де Помпадуръ въ достаточной степени обременены передъ исторіей, чтобы я могъ отказаться отъ обязанности снять съ нихъ такую добавочную тягость. Достаточно знакомства съ общимъ духомъ политики Елизаветы, чтобы сдѣлать подобный разсказъ сомнительнымъ, но помимо того, намъ извѣста по поводу этого событія нота Воронцова, вполнѣ ясная и убѣдительная. Вице-канцлеръ въ ней утверждаетъ, что далъ Дугласу относительно де Конти только уклончивый отвѣтъ[2]), и я, безъ опасенія быть опровергнутымъ какимъ-либо свидѣтельствомъ, берусь удостовѣрить съ своей стороны, что если Воронцовъ рѣшился когда-нибудь представить Елизаветѣ двойную просьбу принца, то лишь для того, чтобы посмѣяться вмѣстѣ съ ней. Ни одинъ историкъ, отчасти знакомый съ направленіемъ ея мыслей и съ ея характеромъ,

---

[1]) Вандаль, Людовикъ XV и Елизавета.

[2]) Воронцовскій Архивъ.

никогда не будетъ въ состояніи вообразить себѣ дочь Петра Великаго хотя на минуту помышляющей предоставить французскому принцу наслѣдіе Меньшикова и Бирона и командованіе русской арміей. Но, кромѣ того, имѣется еще одно рѣшительное доказательство. Предложенія принца де Конти слѣдовали лишь въ видѣ добавленія къ предложенію самого короля относительно установленія тайной переписки съ императрицей. Елизавета, безъ сомнѣнія, могла бы пойти навстрѣчу желанію короля, обойдя молчаніемъ просьбу его кузена. Но, оскорбленная въ это время отношеніемъ Франціи къ ея собственному желанію, „она пренебрегла даже предложеніемъ короля". Фактъ достовѣрный, безспорный. Несмотря на настоянія Терсье и самого Воронцова, королю долго пришлось ожидать отвѣта на свое конфиденціальное письмо—цѣлыхъ два года—до 1759 г. Мнѣ предстоитъ еще къ этому вернуться.

Маркизъ де л'Опиталь оставался въ невѣдѣньи двойной попытки и двойной неудачи. Однако, отраженіе ихъ отозвалось и на немъ; слѣдуя желанію своего двора, ему пришлось замкнуться въ исключительно декоративной части своей роли, единственной не испытывавшей никакихъ треній. Онъ потребовалъ добавочныхъ суммъ для приданія ей еще большаго блеска и ходатайство его было щедро удовлетворено. Хотя, добившись увеличенія своего вознагражденія, съ двухсотъ тысячъ ливровъ достигшаго двухсотъ пятидесяти тысячъ,— „подъ секретомъ, чтобы не создавать завистниковъ",—онъ требовалъ еще пятьдесятъ тысячъ экю секретныхъ фондовъ „не для подкупа, но для вознагражденія", однако нѣтъ никакихъ указаній, чтобы онъ пользовался, или для достиженія какой-либо политической цѣли. Вскорѣ онъ пришелъ къ заключенію, что положительно незачѣмъ здѣсь тратить ни деньги, ни усилія. Его оцѣнка Россіи постепенно совпадаетъ съ мнѣ-

ніемъ Мардефельда. „Это,—писалъ онъ,—держава необъятная на географической картѣ, но неспособная по своему политическому устройству поддерживать систему Петра Великаго". Отсюда онъ пришелъ къ выводу, что двору его слѣдовало удовлетвориться „содержаніемъ здѣсь посланника спокойнаго и великолѣпнаго, ограничивъ расходы личностью посланника". И, очевидно, никто не подходилъ къ такой роли лучше ея теперешняго замѣстителя.

Въ Версалѣ по этому поводу нисколько не безпокоились. Рѣшивъ заняться лично дипломатіей въ дополненіе къ своему посланнику, Людовикъ XV мечталъ объ успѣхахъ такого плана, потворствовавшаго его маніи. А министровъ его отвлекали другія заботы. Въ это время пушки гремѣли по всей Европѣ, и рѣчь принадлежала уже не дипломатамъ. Они вмѣстѣ со своими переговорами отошли теперь на второй планъ. Но для военныхъ дѣйствій противъ Фридриха, поглощавшихъ теперь всеобщее вниманіе, развѣ союзныя державы не должны были притти къ единодушному соглашенію? Развѣ не должны были онѣ постараться слить свои усилія и развѣ маркизъ де л'Опиталь не имѣлъ порученія вызвать въ Петербургѣ и упрочить такое необходимое единодушіе? Онъ объ этомъ больше не заботился, да никто серьезно и не думалъ о томъ, чтобы использовать его таланты въ этомъ отношеніи. Произведя смотръ въ Ригѣ, по дорогѣ въ Петербургъ, нѣсколькимъ полкамъ подъ начальствомъ Апраксина, онъ счелъ, что добросовѣстно покончилъ съ этой частью своей задачи, и въ Версалѣ, повидимому, раздѣляли его мнѣніе. По правдѣ говоря, состояніе военной организаціи въ Россіи плохо поддавалось комбинаціямъ подобнаго рода. Съ открытія военныхъ дѣйствій вѣнскій дворъ прислалъ въ С.-Петербургъ генерала со спеціальнымъ назначеніемъ и прикомандировалъ еще другого къ русскому генеральному штабу. Впослѣдствіи появились так-

же французскіе военные атташе. Подобно своимъ австрійскимъ коллегамъ, они иногда проявляли блестящія познанія, но также не блистали ими на совѣтахъ, ограничивая свою опытность и искусство строгой критикой,—безусловно заслуженной,—организаціи, изъ которой слѣдовало бы извлечь пользу для плана совмѣстныхъ дѣйствій. Здѣсь царилъ полный безпорядокъ и неустройство, и такой безпорядокъ и неустройство, повидимому, сообщались всей коалиціи. Планъ совмѣстныхъ дѣйствій, если бы онъ былъ энергично выработанъ и выполненъ, привелъ бы къ вѣрной, немедленной гибели Фридриха, его быстрому, неминуемому пораженію. Однако, онъ существовалъ лишь въ видѣ теоретическаго desideratum, составляемаго при началѣ всякой кампаніи. И за отсутствіемъ подобнаго плана, между тѣмъ какъ великій полководецъ прилагалъ всѣ усилія своего генія, чтобы послѣдовательно сосредоточивать всѣ силы противъ каждаго изъ своихъ враговъ, послѣдніе упорно сражались въ разсѣянномъ порядкѣ, какъ нельзя лучше соотвѣтствовавшемъ тактикѣ ихъ противника. Но Фридрихъ съ своей стороны упорствовалъ въ пренебрежительномъ отношеніи къ Россіи. Ему дорого пришлось заплатить за такое заблужденіе.

II.

Первое сраженіе между русскими и пруссаками. Гроссъ-Егерсдорфъ.

Придавая лишь второстепенное значеніе нападенію, грозившему ему со стороны Россіи, Фридрихъ руководствовался различными соображеніями, отчасти вполнѣ основательными. Нападеніе, повидимому, намѣтило цѣлью восточную часть его государства. А въ причудливомъ очертаніи еще непрочно сложившагося королевства эта окрайна образовывала какъ бы отдаленную провинцію, въ родѣ островка, окруженнаго польскими владѣніями и отрѣзаннаго ими отъ остальной монархіи. Она составляла отдѣльную область съ Кенигсбергомъ въ роли столицы—„Прусское королевство", по современному выраженію. Очевидно, не здѣсь предстояло разыграться рѣшительной борьбѣ. Поля битвъ Силезіи, Богеміи и Саксоніи представляли иное стратегическое значеніе. Съ другой стороны, Фридрихъ считалъ оборону этой области достаточно обезпеченной. Даже послѣ отозванія оттуда лучшихъ частей войскъ, грозный военный механизмъ, имѣвшійся въ его распоряженіи, еще располагалъ тамъ, при генералѣ Гансѣ Левальдѣ,—губернаторѣ и генералиссимусѣ, ветеранѣ прошлыхъ войнъ,—весьма внушительной силой: нѣсколькими прекрасными офицерами, какъ Манштейнъ, Мантейфель и Дона, неустрашимый начальникъ

авангарда; искусными командирами кавалеріи, какъ Платенъ, Платтенбергъ и Рюшъ,—трансильванецъ, обладавшій способностью передавать своимъ чернымъ гусарамъ пылъ своей венгерской или румынской крови; тридцатитысячной арміей и многочисленной кавалеріей,—излюбленнымъ родомъ войска короля. На отличныхъ коняхъ, хорошо вооруженная, дисциплинированная, полная воодушевленія, конница эта казалась способной самостоятельно преградить дорогу казакамъ и калмыкамъ Елизаветы. Поэтому, подписывая 23 іюня 1756 г. подробную инструкцію для главнокомандующаго, Фридрихъ не задумываясь предвидѣлъ въ ней благополучный исходъ дѣла и выводилъ оттуда послѣдствія. Разбитый, какъ слѣдовало ожидать, русскій генералъ пришлетъ трубача, чтобы подобрать убитыхъ и справиться о плѣнныхъ. Тогда, покончивъ съ обязанностями полководца, Левальдъ превратится въ дипломата, чтобы выговорить условія выгоднаго мира. Условія эти измѣнялись въ зависимости отъ того, будетъ ли разбита первой русская или австрійская армія. Но король въ обоихъ случаяхъ оставался весьма нетребовательнымъ. Онъ удовлетворялся небольшимъ расширеніемъ владѣній, даже не ложившимся бременемъ на Россію. На то была Польша. Она не будетъ побѣжденной, не принимая участія въ войнѣ, но на нее падетъ расплата. Фридрихъ объявлялъ себя удовлетвореннымъ Эльбингомъ, Торномъ и нѣсколькими сосѣдними старостсвами [1]).

Такая увѣренность въ успѣхѣ не помѣшала, впрочемъ, королю два мѣсяца спустя рѣшиться въ С.-Петербургѣ черезъ посредство Вилльямса на извѣстную намъ попытку, имѣвшую въ виду добиться посредничества Елизаветы, что немедленно положило бы конецъ ожидаемымъ подвигамъ Ле-

---

[1]) Pol. Corresp.

вальда. Къ несчастью, шаги англійскаго посланника совпали съ дѣломъ внутренняго порядка, поставившимъ на ноги секретную канцелярію и набрасывавшимъ тѣнь на личныя намѣренія Фридриха. То былъ случай съ тобольскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Зубаревымъ, пробиравшимся въ Пруссію съ порученіями отъ раскольниковъ, поселившихся въ Польшѣ. Задержанный въ деревнѣ въ Малороссіи, онъ сообщилъ довольно невѣроятный разсказъ о своемъ прошломъ будто бы пребываніи въ Берлинѣ. Онъ утверждалъ. что вступилъ тамъ въ непосредственныя сношенія съ самимъ королемъ и получилъ отъ него приказъ передать раскольникамъ, что онъ намѣревается въ скоромъ времени вступиться за Іоанна III и послать въ Архангельскъ флотъ для освобожденія свергнутаго императора. Нетрудно представить себѣ впечатлѣніе, произведенное такими бреднями на воображеніе царицы, и какъ оно отразилось на попыткѣ Вилльямся. Фридрихъ, однако, еще не потерялъ надежды. Въ октябрѣ 1756 г. онъ старался опять склонить на свою сторону Воронцова; въ декабрѣ обратился къ великой княгинѣ и расчитывалъ, что обезпечилъ себѣ ея содѣйствіе. Если она не могла пріостановить движенія русскихъ, по крайней мѣрѣ будетъ сообщать ему свѣдѣнія относительно ихъ плановъ и дѣйствій. Иногда движеніе это начинало внушать королю серьезное безпокойство. Благодаря своему темпераменту, онъ переходилъ такимъ образомъ попеременно къ одинаковымъ крайностямъ тревоги и увѣренности, съ чѣмъ намъ придется сталкиваться на протяженіи всей этой войны. Весной 1757 г. Левальдъ въ свою очередь получилъ успокоительныя вѣсти изъ Петербурга: императрица находилась въ агоніи. И Фридрихъ сейчасъ же написалъ сестрѣ, маркграфинѣ Байрейтской: „Это важнѣе всего остального. Я не боюсь ни Франціи, ни Регенсбургскаго сейма“. Въ то же время онъ отправилъ въ

Лужицію вспомогательный корпусъ Помераніи и даже намѣревался дать иное назначеніе отряду Левальда [1]).

Послѣ побѣды надъ австрійцами подъ стѣнами Праги въ маѣ 1756 г., хотя извѣстія изъ С.-Петербурга оказались ложными, онъ все-таки высказывалъ убѣжденіе, что русскіе не двинутся въ походъ. Въ іюнѣ, разочаровавшись въ этомъ отношеніи, онъ ограничился присылкой Левальду новой инструкціи съ указаніемъ способовъ неминуемаго пораженія дерзкихъ. Дѣло было очень просто, и планъ кампаніи, наброшенный въ данномъ случаѣ великимъ полководцемъ, удивительно напоминалъ проектъ опереточнаго генерала. Русскіе, повидимому, двигались тремя отрядами. Левальду слѣдовало обрушиться на одинъ изъ нихъ и, разбивъ его, тѣмъ вызвать отступленіе остальныхъ. Бѣглецы, по всѣмъ вѣроятіямъ, укроются въ Польшѣ, гдѣ генералу придется продолжать ихъ преслѣдованіе [2]). Фридрихъ уже замышлялъ будущій раздѣлъ, располагая несчастной Польшей по своеу усмотрѣнію.

Совершенно инымъ характеромъ отличались приказанія одновременно сообщенныя для руководства главнокомандующему русскими войсками. Страхъ передъ противникомъ, съ которымъ предстояло сражаться, сквозилъ тамъ на каждомъ шагу. Секретная инструкція, дополнительно врученная Апраксину И. И. Шуваловымъ совѣтывала, кромѣ того, никогда не рисковать вступать въ битву, развѣ только при очевидномъ превосходствѣ силъ или въ виду неизбѣжной необходимости [3]). Генералъ, получившій такое предостереженіе противъ избытка храбрости, не обнаруживалъ никакого стрем-

---

[1]) Pol. Corresp.

[2]) То же.

[3]) „Русскій Архивъ“ 1867 г.

мленія къ ея проявленію, и, отъ офицера до солдата, всѣ его соратники выказывали такое же отсутствіе воинственнаго пыла. Болотовъ, участвовавшій въ этой кампаніи, простодушно разсказываетъ о паникѣ, сопровождавшей первыя столкновенія русской арміи съ войсками Левальда. Даже старымъ солдатамъ не удавалось сохранять бодрый видъ, и, ободряя товарищей, Болотовъ—по собственному признанію—дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Неудачный исходъ стычки между передовымъ отрядомъ казаковъ и гусарами еще усилилъ общее впечатлѣніе ужаса и отчаянія.

Легко объяснить столь различное настроеніе въ обоихъ лагеряхъ. Левальдъ командовалъ войсками прекрасно обученными, удивительно подготовленными и привыкшими побѣждать. Кромѣ того, свѣдѣнья, полученныя имъ о состояніи арміи Апраксина, повидимому, оправдали самонадѣянныя предположенія Фридриха. Русская армія кишѣла прусскими шпіонами, и одинъ изъ нихъ изложилъ свои впечатлѣнія въ дошедшихъ до насъ запискахъ[2]). Онъ изображаетъ здѣсь Апраксина занятымъ исключительно заботой о блестящемъ штабѣ и роскошной обстановкѣ, а Болотовъ подтверждаетъ такое свидѣтельство, распространяя его на всю армію. Солдаты были одѣты какъ будто на парадъ, а не на войну. На всѣхъ шлепахъ красовались перья, на всѣхъ фуражкахъ ленты, но почти не было сапогъ, способныхъ выдержать походъ. Прусскій шпіонъ, кромѣ того, отмѣчалъ у русскаго главнокомандующаго отсутствіе всякаго техническаго знанья

---

[1]) „Записки".

[2]) „*Письмо путешественника о русской арміи*", Рига 1758 г. Помѣщено въ сочиненіи Hasencamp, Ostpreussen unter dem Doppelaar", находится въ русскомъ переводѣ у Соловьева въ „*Ист. Россіи*" и въ Воронцовскомъ „Архивѣ". Авторомъ былъ, кажется нѣкій капитанъ Ламберъ.

и опыта. Апраксинъ дѣйствовалъ только въ дѣлѣ противъ турокъ, подъ Очаковымъ, и разсчитывалъ исключительно на храбрость своихъ солдатъ и на знанія начальника штаба генерала Веймарна, искуснаго въ теоріи, но также безъ военной практики. Въ рядахъ высшаго начальства преобладалъ нѣмецкій элементъ. Мантейфель, Бюловъ являлись даже представителями прусской аристократіи. Нетрудно себѣ вообразить, чего стоили подобные перебѣжчики. Фридрихъ, конечно, не преминулъ бы воспользоваться услугами своихъ подданныхъ, способныхъ внести цѣнную лепту въ ряды его замѣчательныхъ войскъ. Среди русскихъ графъ Румянцевъ отличался своими знаніями и пыломъ, но прусскій наблюдатель находилъ его слишкомъ молодымъ и черезчуръ увлекающимся. Генералъ-аншефъ Лопухинъ заботился лишь о томъ, чтобы хорошенько поѣсть да выпить. Генералъ-майоръ Панинъ былъ свѣдующимъ только въ построеніяхъ на парадахъ. Въ томъ же родѣ и всѣ прочіе. Въ рядахъ арміи одни гренадеры казались способными оказать нѣкоторое сопротивленіе. Высокимъ и крѣпкимъ, имъ однако не хватало подвижности и ловкости. Все остальное состояло ниже худшихъ нѣмецкихъ милицій. Считалось, что артиллерія можетъ выставить до двухсотъ пушекъ, но лошади у нея были плохи, а ея командиръ, генералъ-лейтенантъ Толстой, самъ сознавался, что никогда не участвовалъ ни въ одной битвѣ. Въ кавалеріи изъ шести полковъ кирасиръ у трехъ не было кирасъ; люди плохо обученные сидѣли на плохихъ лошадяхъ; разстройство рядовъ и многочисленныя паденія сопровождали всякое передвиженіе. Въ остальныхъ частяхъ этого рода оружія многіе офицеры черезчуръ вѣрно подтверждали пословицу: „Глупъ какъ драгунскій офицеръ“; гусары, сносно обученные и обмундированные, были совершенно незнакомы съ развѣдочной и патрульной службой. Храбрые и

прекрасные наѣздники—калмыки были вооружены только луками да стрѣлами. Командиръ казаковъ Краснощековъ считался колдуномъ и славился только своимъ искусствомъ стрѣлять изъ лука. Его люди могли бы образовать хорошій авангардъ, но, ненавидя всякую ночную службу, не могли принести серьезной пользы. За арміей слѣдовалъ громаднѣйшей обозъ, лишавшей ее возможности совершать быстрыя передвиженія.

Отголосокъ такой суровой оцѣнки Фридрихъ и Левальдъ могли бы найти въ донесеніи, однако оптимистическомъ, отправленномъ маркизомъ л'Опиталь послѣ смотра въ Ригѣ. Мы находимъ тамъ слѣдующія строки: „Русская армія превосходна по составу людей. Они не дезертируютъ и не боятся смерти. Но въ арміи не хватаетъ офицеровъ... и ей знакома лишь азбука тактики, такъ что является опасеніе, какъ бы она не была разбита, столкнувшись съ такъ хорошо обученными и привыкшими къ войнѣ войсками короля прусскаго".

Одинъ только д'Эонъ, также пожелавшій взглянуть на солдатъ Апраксина, далъ иной отзывъ. Онъ видѣлъ „высокихъ крѣпкихъ людей съ великолѣпными усами" и остался при убѣжденіи, что „при хорошемъ начальствѣ эти молодцы пустятъ по вѣтру немало прусскихъ шляпъ". У русскаго генералиссимуса онъ встрѣтился съ военнымъ врачомъ, „высокимъ и толстымъ человѣкомъ, способнымъ поглотить за завтракомъ пятьсотъ устрицъ", и вынесъ заключеніе, что при такомъ искусномъ врачѣ будущіе противники Фридриха могутъ обойтись безъ госпиталей. Однако онъ дѣлалъ оговорку относительно начальствующихъ лицъ.

Русскіе военные писатели теперь по большей части оспариваютъ тактическое достоинство, единогласно приписанное русской арміи критиками той эпохи. Нисколько

не подражая туркамъ въ боевыхъ построеніяхъ, какъ утверждалъ одинъ изъ отечественныхъ писателей [1]), она, напротивъ, слѣдовала самымъ искуснымъ методамъ, принятымъ въ ту эпоху и даже въ извѣстныхъ отношеніяхъ опередила ихъ. [2]). Я совершенно не берусь судить, кто правъ въ этомъ разногласіи. Однако нѣкоторыя указанія по этому поводу вытекаютъ изъ фактовъ, которые я постараюсь представить во всей ихъ простотѣ. Я долженъ также обойти молчаніемъ вопросъ, не менѣе спорный, относительно поступковъ неповиновенія и варварства, совершенныхъ солдатами Апраксина по вступленіи на прусскую территорію. „Война всегда останется варварствомъ", недавно выразился одинъ глава государства. Болотовъ говоритъ въ негодующихъ выраженіяхъ въ своихъ запискахъ о прусскихъ крестьянахъ, повѣшенныхъ безъ суда, объ отрубаніи имъ пальцевъ на правой рукѣ въ случаѣ поимки съ оружіемъ въ рукахъ. Казаки и калмыки, находившіеся въ числѣ завоевателей восточной Пруссіи, очевидно не были образцами человѣколюбія. Герой русскихъ преданій, уже сравниваемый въ 1741 г. англійскимъ посланникомъ Финчемъ съ знаменитымъ „Black-Beard the pirate", Краснощековъ, безъ сомнѣнія, не отличался кротостью и умѣренностью, находясь на войнѣ. Уже перешедшій въ это время семидесятилѣтній возрастъ, покрытый ранами съ головы до ногъ, закаленный и дикій,—правда ли, что онъ имѣлъ привычку разможжать головы своимъ плѣнникамъ, „чтобы поддерживать силу руки", и принципъ „уничтожать дичь, убивая птенцовъ", т.-е. жен-

---

[1]) Богдановичъ, *Русская армія въ вѣкъ Екатерины II.*

[2]) Масловскій, *Русская армія во время Семилѣтней войны.* Замѣтки о перепискѣ Панина „Русскій Архивъ" 1888 г. *„Русская армія въ походахъ при Петрѣ I и Елизаветѣ"* 1883 г.
Въ томъ же смыслѣ: Сухотинъ, *„Фридрихъ Великій".*

щинъ и дѣтей? [1]) Я не берусь это ни утверждать, ни отрицать. Преданіе приписывало этому атаману много подвиговъ, имъ безусловно не совершенныхъ, какъ взятіе Берлина и плѣненіе „пруссачки"—жены или дочери Фридриха. Въ этомъ отношеніи я предоставлю также слово фактамъ. Однако негодованіе Болотова не можетъ служить уличающимъ свидѣтельствомъ. Гораздо позднѣе мы видѣли въ дѣйствіи арміи, среди которой излишества подобнаго рода не возбуждали ни криковъ жалости, ни великодушнаго гнѣва.

Наиболѣе усердные защитники арміи, призванной въ 1757 г. сражаться съ Фридрихомъ, все-таки признали въ ея организаціи основной недостатокъ. Интендантство ее обслуживавшее, находилось въ совершенно неудовлетворенномъ состояніи, и, подтверждая такую оцѣнку, разсказъ Болотова довершитъ въ глазахъ читателей объясненіе—единственная цѣль, имѣвшаяся мною въ виду на этихъ страницахъ—нравственнаго состоянія обоихъ враждебныхъ лагерей, когда настало имъ время вступить въ бой. Собираясь выпустить первую пулю въ битвѣ при Гроссъ-Егерсдорфѣ, авторъ записокъ замѣтилъ... что на его ружьѣ не было курка!

Несмотря на частыя паники, въ особенности сначала, и на то, что наиболѣе храбрыхъ охватывала дрожь при видѣ непріятеля, армія эта не состояла изъ трусовъ, чему вскорѣ дала доказательства. Обученная, вооруженная, одѣтая на европейскій ладъ, подъ начальствомъ по большей части нѣмецкихъ офицеровъ, пополненная старыми солдатами Миниха, она и по внѣшнему виду мало отличалась отъ западныхъ образцовъ. Въ высокихъ сапогахъ и мѣховыхъ шапкахъ, солдаты Александра III и современной арміи дальше отошли отъ общаго типа. Взгляните въ весьма интересной книгѣ

[1]) *„Сборникъ XCI"*. Англійская депеша.

Рамбо („Русскіе и пруссаки") на гравюры изображающія военные силуэты въ лагеряхъ Апраксина или Салтыкова; только уральскіе казаки напоминаютъ варварскій Востокъ. Рядомъ съ ними гренадеры, драгуны, мушкетеры словно одѣты въ форму Людовика XV. Но духъ въ нихъ былъ иной, что они также доказали, обнаруживъ передъ взорами Европы слабость, но одновременно и силу, способность спутать всѣ оцѣнки и разстроить всѣ расчеты. Пока, призванныя сразиться съ врагомъ, до сихъ поръ, какъ имъ было извѣстно, побѣдоносно поражавшимъ всѣхъ своихъ противниковъ, окруженнымъ въ ихъ глазахъ таинственнымъ ореоломъ; неудовлетворительно организованныя, подъ плохимъ начальствомъ, смущеннымъ множествомъ случаевъ, подобныхъ тому, что обнаружилъ Болотовъ,—имъ необходимо было сознать свою силу, подвергнувъ ее испытанію. Случай не замедлилъ имъ таковое представить.

Убѣдившись наконецъ, что восточной области его владѣній грозитъ нападеніе, Фридрихъ оказался въ состояніи сосредоточить тамъ только двадцать восемь тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ восемь тысячъ гарнизонныхъ войскъ. Ужасное пораженіе, понесенное имъ при Колинѣ (18-го іюня 1857 г.), побѣда французовъ при Гастенбекѣ (26-го іюля 1757 г.) и выступленіе въ походъ шведовъ ограничили его силы. Въ русской арміи, перешедшей Прегель 27-го и 28-го августа, двигаясь по направленію къ Кенигсбергу, наличный составъ исчислялся на бумагѣ почти въ пять разъ сильнѣе, но въ дѣйствительности равнялся приблизительно семидесяти одной тысячи [1]). Разница силъ была громадная, но по извѣстному намъ складу мыслей Фридриха вовсе не до-

---

[1]) Leer, Aperçu des guerres soutenues par la Russie depuis Pierre le Grand.

статочная, чтобы заставить его усомниться въ побѣдѣ. Однако, Левальдъ не пытался привести въ исполненіе планъ, предначертанный королемъ. Удовольствовавшись прикрытіемъ Кѐнигсберга, онъ выбралъ сильную позицію передъ Велау, между Тильзитомъ съ сѣвера и Эйлау и Фридландомъ съ юга,—имена, краснорѣчиво всѣмъ напоминающія это историческое поле, отмѣченное путемъ другого нашествія. Генералъ Фридриха расположился тутъ при сліяніи Прегеля съ Алле, на перекресткѣ дорогъ, ведущихъ изъ Тильзита и Ковно въ столицу области. Когда приблизился Апраксинъ съ очевиднымъ намѣреніемъ завладѣть позиціей или ее обойти, обѣ арміи оставались нѣсколько дней неподвижными и невидимыми другъ передъ другомъ, раздѣленныя лѣсами Норкитена съ прусской стороны и Гроссъ-Егерсдорфа съ русской. Селеніе, носящее такое названіе находится посерединѣ небольшой равнины, окруженной поясомъ лѣсовъ и словно судьбой предназначенной для сраженія. Мѣстность довольно ровная, но болотистая, неудобная для передвиженія кавалеріи и артиллеріи, также черезчуръ тѣсная, чтобы русская армія могла здѣсь долго продержаться со своимъ громаднымъ обозомъ.

29-го августа, плохо чувствуя себя въ углу, образованномъ Прегелемъ и Оксиномъ, куда неблагоразумно зашелъ, страдая отъ отсутствія фуража, Апраксинъ рѣшилъ двинуться впередъ на Алленбургъ. Такимъ образомъ онъ надѣялся зайти непріятелю въ тылъ. Итакъ, 30-го августа русскія войска пробирались по лѣснымъ дорогамъ Гроссъ-Егерсдорфа, настоящимъ тѣснинамъ, гдѣ становилось невозможнымъ всякое правильное построеніе. Проведя ночь подъ ружьемъ, они намѣревались продолжать свой путь, когда передъ передовыми колоннами раздались сигналы прусской арміи, уже выступившей изъ Норкиттенскаго лѣса и вы-

строившейся въ боевомъ порядкѣ. Оправдывая довѣріе короля, хорошо освѣдомленный развѣдчиками, Левальдъ принялъ мѣры, чтобы врасплохъ застигнуть своего противника, совершавшаго опасный маневръ [1]).

„Тогда, Боже мой“, разсказываетъ Болотовъ, „какая паника поднялась въ нашей арміи и обозѣ! Какіе крики, вопли, карьеромъ несущіеся кони, какой безпорядокъ! Сюда, сюда артиллерію!.. Кавалерію! Скорѣе пришлите намъ кавалерію!.. Къ чорту обозъ! Назадъ!“ Легко вообразить себѣ дѣйствіе, произведенное на безпорядочную толпу атакой прусскаго генерала и залпами его артиллеріи. Въ нѣсколько минутъ полки Нарвскій и 2-й гренадерскій потеряли половину своихъ людей. Генералъ Зыбинъ убитъ. Смертельно раненый генералъ Лопухихъ былъ захваченъ въ плѣнъ пруссаками. Русскіе ряды дрогнули и отступили въ лѣсъ. То было полное пораженіе, ожидаемое, предвидѣнное Фридрихомъ.

Но нѣтъ! Тутъ произошло событіе, какими изобилуетъ будущая исторія войнъ, выдержанныхъ народомъ Петра Ве-

---

[1]) Основываясь на разсказѣ Масловскаго, Рамбо („Русскіе и пруссаки“) досказываетъ, что русскій генералъ принялъ предосторожности противъ такого неожиданнаго нападенія, поспѣшивъ съ движеніемъ, назначеннымъ на 30 число, такъ что „почти весь наличный составъ его силъ уже вышелъ изъ лѣса“. Но на слѣдующей страницѣ онъ говоритъ: „Когда прусскіе сигналы и первые выстрѣлы застигли русскую армію врасплохъ, русскіе въ безпорядкѣ запутались между повозками и подводами. Не было почти никакой возможности „...пробраться сквозь густой, непроницаемый лѣсъ... Армія Апраксина попала въ засаду“. Такъ же непроницаема передача Масловскаго въ „Исторіи Семилѣтней войны“, вызывающая недоумѣніе, но во второмъ трудѣ, мною указанномъ выше, сводя воедино факты, славный военный историкъ ихъ представляетъ почти въ томъ же видѣ, какъ я, руководствуясь вмѣстѣ взятыми свидѣтельствами русскими и нѣмецкими.

ликаго. Сквозь лѣса и болота, считавшіяся непроходимыми свѣжій русскій полкъ, третій Новгородскій, спѣшить на поле битвы, гдѣ остальные близки къ изнеможенію. Откуда взялся онъ? Неизвѣстно. Его привелъ молодой Румянцевъ, повинуясь, по словамъ преданія, голосу собственнаго вдохновенія. Какимъ образомъ вскорѣ къ нему присоединилось еще четыре полка, тоже находившихся въ тылу? Непонятно. Единственно что достовѣрно извѣстно:—Апраксинъ не отдавалъ такого приказанія. Растерявшійся, обезумѣвшій, онъ совсѣмъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій. Потомъ маршалу Кейту разсказывали, что подъ русскимъ главнокомандующимъ во время битвы была ранена лошадь: „Да, безъ сомнѣнія, шпорами", проворчалъ старый воинъ [1]). Взялъ ли Румянцевъ на себя иниціативу и отвѣтственность за такое движеніе, какъ предполагаютъ нѣкоторые, или, по догадкамъ другихъ, при звукахъ перестрѣлки и крикахъ отчаянья, испускаемыхъ товарищами, люди его полка и сосѣднихъ полковъ самостоятельно ринулись исполнять завѣтъ Петра Великаго: „Помогайте другъ другу", только послѣдствія не подлежатъ сомнѣнію. Сразу позабывъ о своемъ испугѣ, люди бросились въ бой въ безпорядкѣ, но съ неожиданной стремительностью и яростью, и подъ ихъ неудержимымъ натискомъ Левальду пришлось испытать на себѣ раньше Наполеона грозную силу, способную возникнуть даже среди смятенія и безпорядка, когда человѣческія массы повинуются чувству болѣе могучему, чѣмъ военное искусство и болѣе сильному, чѣмъ страхъ смерти. Съ разстроенными рядами, изнемогая подъ численностью непріятеля, Левальдъ долженъ былъ приказать отступленіе. Онъ нанесъ врагу жестокій уронъ, вдвое превышавшій, даже по

---

[1]) De Catt, Journal.

русскимъ донесеніямъ, потери, понесенныя имъ; но, очистивъ поле битвы, открылъ дорогу на Кёнигсбергъ [1]).

Конечно въ первой битвѣ между русскими и пруссаками побѣда была одержана численностью и эпической храбростью надъ наукой и дисциплинированнымъ мужествомъ; тѣмъ не менѣе расчеты Фридриха были тѣмъ нарушены. Черезъ побѣжденную Пруссію Апраксинъ могъ теперь протянуть руку шведамъ въ Помераніи и вскорѣ появиться съ ними подъ стѣнами Берлина.

Какъ извѣстно, онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ. Новое изумленіе ожидало Европу, уже готовившуюся провозгласить торжество коалиціи. Выразивъ намѣреніе двинуться впередъ, Апраксинъ остановился въ Тильзитѣ, какъ будто принялся тамъ укрѣпляться, затѣмъ черезъ нѣсколько недѣль отступилъ окончательно и перешелъ обратно черезъ Нѣманъ. Много было споровъ, да и теперь они продолжаются, относительно побужденій такого невѣроятнаго отступленія. Въ томъ обвиняли продажность русскаго главнокомандующаго, прусскія симпатіи великаго князя, интриги великой княгини, Бестужева, и опять и снова тайную дипломатію Людовика XV и его польскія симпатіи [2]).

Прежде всего я долженъ опровергнуть послѣднее обвиненіе. Подозрѣвали вмѣшательство графа де-Брольи, выступившаго въ Варшавѣ на защиту подданныхъ Августа III, жестоко страдавшихъ отъ войны. Дѣйствительно, база военныхъ дѣйствій Апраксина находилась на Вислѣ и берего-

---

[1]) Масловскій, *Русская армія во время Семилѣтней войны*; Schaefer, Geschichte des siebenjährigen Krieges. Leer, Aperçu des guerres... Послѣдній писатель опредѣляетъ въ 4,560 и 2,500 человѣкъ взаимныя потери русскихъ и пруссаковъ, кромѣ того, Левальдъ оставилъ въ русскихъ рукахъ 29 пушекъ.

[2]) Вандаль, Людовикъ XV и Елизавета.

вому населенію, полякамъ, приходилось терпѣть всякаго рода неудобства, всевозможныя реквизиціи и незаконные поборы. Безъ сомнѣнія отовсюду раздавались жалобы, справедливость которыхъ впослѣдствіи признали сами русскія военныя власти [1]); вполнѣ естественно, что вслѣдствіе историческихъ отношеній, установившихся между Польшей и Франціей, представитель Людовика XV охотно выступилъ ходатаемъ по столь основательнымъ сѣтованіямъ. Но невѣроятно, по-моему недопустимо, чтобы его желаніе или власть могли остановить натискъ побѣдоноснаго Апраксина и погубить успѣхъ его оружія наканунѣ рѣшительнаго сраженія между арміями французской и прусской. Попытка подобнаго рода была бы настоящей измѣной и не имѣла никакой надежды на удачный исходъ. Но переписка графа де-Брольи достаточно доказываетъ, что подобная мысль не приходила ему въ голову. Безусловно, онъ ходатайствовалъ въ пользу своихъ польскихъ друзей, но въ то же время въ письмахъ къ маркизу де л'Опиталь настаивалъ на необходимости замѣнить Апраксина генераломъ болѣе рѣшительнымъ и энергичнымъ. Даже болѣе того, послѣ Гроссъ-Егерсдорфа онъ указывалъ на опасность, грозившую Польшѣ не отъ движенія впередъ русскихъ войскъ, но, наоборотъ, отъ ихъ отступленія на территорію республики. И когда отступленіе было рѣшено, онъ горячо осуждалъ его [2]).

Долгое время не приходя ни къ какому заключенію по поводу этого щекотливаго вопроса, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія фактовъ я, кажется, нашелъ безспорную связь между рѣшеніемъ, принятымъ русскимъ генераломъ, и бо-

---

[1]) Воронцовскій Архивъ.

[2]) Иностр. дѣла. Россія, письма отъ 18 іюня, 25 іюля, 29 и 30 сентября, 21 октября 1757 г.

лѣзнью, постигшей Елизавету въ первыхъ числахъ сентября. 8 сентября, въ праздникъ Рождества Богородицы, возвращаясь одна изъ приходской церкви въ Царскомъ Селѣ, Елизавета почувствовала себя дурно и упала въ обморокъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ храма. Толпа, окружившая ее не смѣя прикоснуться, рѣшила, что она скончалась. Какая-то женщина прикрыла лицо государыни платкомъ. Когда подоспѣли дамы изъ ея свиты, онѣ тщетно испытывали всѣ знакомыя имъ средства, чтобы вернуть императрицу къ жизни. Главный царскій лѣкарь Кондоиди былъ боленъ, и за его отсутствіемъ не знали, къ кому обратиться за медицинской помощью. Наконецъ прибылъ французъ-хирургъ, Фюзадье и произвелъ кровопусканіе, не давшее однако немедленнаго результата. Принесли кушетку и ширмы и еще въ продолженіе двухъ часовъ на мѣстѣ употребляли разныя средства, остававшіяся однако безплодными, для приведенія въ чувство царственной больной. Перенесенная затѣмъ во дворецъ, императрица все еще не приходила въ себя. Очнувшись наконецъ отъ обморока, она не могла говорить, прикусивъ себѣ языкъ. Нѣсколько дней пробыла Елизавета между жизнью и смертью [1]) и трагическій исходъ, казался возможнымъ, если не безспорнымъ. Слѣдовательно, предстояла перемѣна царствованія, сулившая переворотъ всей системы русской политики. Готовилось восшествіе на престолъ государя, душою и тѣломъ завѣдомо преданнаго Фридриху. Предвидѣлось также торжество Бестужева, новое тяготѣніе котораго было извѣстно. И именно въ то время, когда извѣстіе о катастрофѣ могло дойти до лагеря Апраксина, былъ отданъ приказъ объ отступленіи русской арміи. По этому поводу смѣшивали два различныхъ числа и движенія: от-

---

[1]) *Записка Екатерины.* Бильбасовъ, *Исторія Екатерины II.*

ступленіе къ Тильзиту, рѣшенное на военномъ совѣтѣ 27 августа (7 сентября), и рѣшеніе очистить Пруссію, принятое позднѣе, въ ночь съ 14 (25) на 15 (26) октября. Первое могло быть вызвано отсутствіемъ провіанта, и не исключало намѣренія продолжать путь на Кёнигсбергъ, но когда продовольственные запасы будутъ пополнены; послѣднему трудно найти объясненіе. Чтобы его подыскать, ссылались на безпорядокъ, царившій въ интендантствѣ арміи, гдѣ не хватало лошадей для обоза, гдѣ не знали куда дѣваться съ пятнадцатью тысячами раненыхъ и больныхъ. Но вѣдь то была обычная картина всякой русской арміи въ походѣ!

Конечно, русскій генералъ плохо обезпечилъ снабженіе своей арміи продовольствіемъ, и его поведеніе въ побѣжденной странѣ создавало въ этомъ отношеніи затрудненія, слѣдующимъ образомъ описанныя австрійскимъ военнымъ атташе: „Генералъ усердно обѣщалъ населенію Пруссіи свое покровительство. Жители начали стекаться со всѣхъ сторонъ, принося присягу вѣрности и послушно доставляя все, что отъ нихъ требовали. Но едва они успѣли проявить такое довѣріе, какъ имъ пришлось страдать отъ жестокаго обращенія; ихъ убивали, села жгли, насильничали, вламывались въ церкви, разрывали могилы, и, наконецъ, такими несказанными ужасами превратили въ пустыню страну, такъ прекрасно обработанную и столь плодородную, что всякой другой арміи тамъ хватило бы продовольствія надолго [1])“. Еще разъ этимъ можно объяснить отступленіе къ Тильзиту, но не бѣгство за Нѣманъ. Кромѣ того, картина, нарисованная австрійскимъ офицеромъ, безъ сомнѣнія не лишена нѣкотораго преувеличенія, и трудно отнестись съ

[1]) Ноябрь 1757 г. Иностранныя дѣла. Россія.

полнымъ довѣріемъ къ его разсказу, какъ казаки подбирали раненыхъ, и разрѣзая на куски, съѣдали. Вопреки русскимъ военнымъ историкамъ, сообразовавшимся въ этомъ отношеніи съ требованіями офиціальной исторіи, я остаюсь при своемъ предположеніи, считавшимся повсюду, въ то время, какъ произошло событіе, за достовѣрность. Въ С.-Петербургѣ Эстергази былъ пораженъ совпаденіемъ, мною подмѣченнымъ, и не задумываясь вывелъ изъ него то же заключеніе [1]). Его, повидимому, раздѣляло слѣдствіе, назначенное впослѣдствіи русскимъ главнокомандующимъ, и сама Екатерина въ своихъ „Запискахъ" съ нимъ соглашается, только снимая съ себя личную отвѣтственность. У Апраксина было много друзей при дворѣ, поспѣшившихъ выступить на его защиту. Однако ихъ усилія оказались тщетными, и немилость побѣдителя при Гроссъ Егерсдорфѣ была рѣшена въ концѣ ноября, когда дали себя почувствовать результаты его пагубнаго рѣшенія, совершенно измѣнивъ положеніе его побѣжденнаго противника.

Въ сентябрѣ, послѣ пораженія Левальдта и капитуляція Кумберланда при Клостеръ-Цевенѣ (8 сентября 1757 г.) Фридрихъ имѣлъ основаніе думать, что все погибло. Въ октябрѣ, поручивъ Левальду прогнать шведовъ изъ Померапіи, онъ собралъ вокругъ себя нѣсколько изъ своихъ полковъ и двинулся навстрѣчу французской арміи подъ начальствомъ Субиза, которой Бехтѣевъ, основываясь на парижскихъ толкахъ, придавалъ еще меньше значенія, чѣмъ маркизъ де л'Опиталь русской арміи послѣ смотра въ Ригѣ. Ее прозвали, сообщалъ онъ „арміей нѣжнаго обязательства" въ виду побужденій сантиментальнаго характера, руковод-

---

[1]) Кауницу, Петербургъ. 27 сентября 1757 г. Вѣнскій архивъ, по-нѣмецки.

ствовавшихъ, какъ предполагали, выборомъ ея главнокомандующаго; корпусъ же ввѣренный д'Эстрэ назывался „арміей изумленія“ потому что всѣ изумлялись, какъ могъ быть поставленъ во главѣ ея такой начальникъ; корпусъ герцога Ришелье, предназначенный для дѣйствій въ предѣлахъ имперіи, получилъ прозвище „арміи бочаровъ“ [1]) Сраженіе между королемъ прусскимъ и такими забавными воинами произошло 5-го ноября.

То былъ Росбахъ.

Нѣсколько недѣль спустя Апраксинъ, лишенный командованія, былъ арестованъ въ Ригѣ и подвергнутъ допросу, отложенному до августа 1758 г. благодаря заступничеству его друзей. Наконецъ начатое слѣдствіе прекратилось при первомъ допросѣ по случаю удара. унесшаго почти сейчасъ же обвиняемаго въ могилу. Но этотъ недоконченный процессъ привелъ къ другимъ послѣдствіямъ, которыя съ точекъ зрѣнія интересовъ, затронутыхъ въ противопрусской коалиціи, могли считаться почти возмѣщеніемъ невзгодъ, понесенныхъ во время кампаніи. Я подразумѣваю паденіе Бестужева.

---

[1]) Воронцовскій „Архивъ“.

III.

Паденіе Бестужева.

Тому содѣйствовали другія причины. Вслѣдъ за Росбахомъ, маркизъ де л'Опиталь придумалъ новый способъ вознагражденія за общія несчастья, придя къ соглашенію съ графомъ де Брольи относительно отозванія Понятовскаго, обреченнаго на столь странную судьбу, служившаго раньше безсознательно въ Варшавѣ интересамъ великаго Фридриха и теперь отдавшагося съ преданностью настолько же слѣпой на служеніе великой княгинѣ и ея политическихъ друзей. Опять напрасно обвиняли графа де Брольи въ томъ, что онъ поступилъ въ данномъ случаѣ самовластно. [1]) Племянникъ Чарторыйскихъ представитель русской партіи, главой которой они были въ Польшѣ, Понятовскій находился въ числѣ естественныхъ враговъ политики, поддерживаемой въ Варшавѣ посланникомъ короля Франціи, по раньше, чѣмъ что либо предпринять противъ него, графъ де Брольи озаботился получить оффиціальное приказаніе Берни, которое очень можетъ быть самъ постарался вызвать. [2]) Распоряженіе это было сдѣлано ранѣе

---

[1]) Вандаль.

[2]) Иностр. дѣла „Россія" добавленіе.

припадка, случившагося съ Елизаветой въ сентябрѣ 1757 г. когда Версальскій дворъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы быть пріятнымъ Елизаветѣ, нетерпѣливо переносившей, по свидѣтельству маркиза де л'Опиталь интриги поляка и его любовныя отношенія къ великой княгинѣ. съ каждымъ днемъ получавшія все болѣе скандальную огласку. Послѣ припадка Берни придумалъ и отдался весь одной заботѣ: вернуть благосклонность великой княгини, а также и великаго канцлера, повидимому близкаго къ возврату прежняго вліянія. Отсюда отмѣна прежнихъ приказаній [3]), что могло ввести въ заблужденіе относительно этого эпизода. Понятовскій представился больнымъ, чтобы замедлить свой отъѣздъ, маркизъ де л'Опиталь имѣлъ возможность отмѣнить принятыя мѣры, и Елизавета съ удивленіемъ узнала, что несносный интриганъ, уже давно извѣстный Франціи, остался въ Петербургѣ съ одобренія своихъ наиболѣе рьяныхъ обвинителей. Въ такой перемѣнѣ государыня не задумываясь увидала новую интригу, затѣянную великой княгиней и великимъ канцлеромъ,—вызовъ со стороны молодого двора, Возбужденные надеждой близкаго обладанія властью, Екатерина и ея сторонники дошли до забвенія всякой осторожности, всякаго благоразумія. Уже давнишнее раздраженіе императрицы противъ министра неискуснаго и вѣроломнаго усилилось до такой степени, что должно было вылиться ааружу.

Во время бесѣды, какую Эстергази имѣлъ съ государыней, онъ былъ пораженъ враждебностью, которую она не старалась скрыть.

— Положительно не знаю, что съ нимъ дѣлать!—сказала она.

А Эстергази отвѣчалъ шутливо:

---

[3]) 25-го января 9-го и 18-го февр. 1758 г. Иностр. дѣла.

— Пусть ваше величество предоставить мнѣ о томъ заботу. Я охотно устрою ему пенсію. Мы отъ этого останемся въ выигрышѣ.

Разговоръ происходилъ на балу, въ отдаленной гостиной, куда уединилась все еще недомогавшая Елизавета. Здѣсь же присутствовалъ маркизъ де л'Опиталь. Бестужевъ бродилъ около дверей съ безпокойнымъ видомъ, чутко прислушиваясь. Великій князь бросалъ въ ту же сторону взоры, горѣвшіе гнѣвомъ. Въ воздухѣ чувствовалась гроза. Уже нѣсколько разъ австрійскому посланнику казалось, что царица надумала освободить изъ заключенія несчастнаго Іоанна и измѣнить въ его пользу свои намѣренья относительно престолонаслѣдія. Можетъ быть, дѣйствительно, дважды призывая къ себѣ узника она руководствовалась не простымъ чувствомъ любопытства. Даже Воронцовъ, встревоженный, предложилъ великому князю присоединиться къ теткѣ.

— Не желаю быть въ обществѣ паяца!

Великій князь указалъ на л'Опиталя. И продолжалъ: „Я не въ состояніи дольше жить при этомъ дворѣ. Непремѣнно попрошу у императрицы позволенія вернуться къ себѣ на родину, гдѣ съ большимъ удовольствіемъ буду жить простымъ поручикомъ“ [1])...

Безъ сомнѣнія Елизавета замышляла нѣчто важное, но здоровье опять помѣшало ей выполнить свое намѣренье. Въ ноябрѣ съ ней случился новый припадокъ, и она замѣтила что болѣзнь создала вокругъ нея пустоту. Она звала такого-то или такую-то и получала неизмѣнный отвѣтъ, что тотъ, кого она желала видѣть, находился у великаго князя или у великой княгини. Всѣ обратили свои взоры въ сторону восходя-

---

[1]) Эстергази Кауницу, Петербургъ, 33 ноября 1757 г. Вѣнскій Архивъ, по нѣмецки.

наго свѣтила. Нѣсколько поправившись въ январѣ 1758 г., она выразила еще болѣе горячее желаніе, чѣмъ раньше, продолжать войну съ Фридрихомъ и, на просьбу вѣнскаго двора выслать тридцатитысячный вспомогательный корпусъ, подписала указъ, повелѣвавшій ему выступить въ походъ. Въ то же время Александръ Шуваловъ выѣхалъ въ Нарву, чтобы допросить Апраксина относительно тайной переписки, которую, какъ подозрѣвали, онъ велъ съ великой княгиней. Нѣсколько недѣль спустя былъ арестованъ Бестужевъ и на Екатеринѣ, казалось, неминуемо должна была отразиться его опала. Оба они считались виновниками отступленія русской арміи.

Судьба молодого двора была рѣшена. По крайней мѣрѣ, такъ можно было предположить. Но велико-княжеская чета имѣла время набраться уроковъ гибкости въ средѣ, гдѣ ея требовалось такъ много. Великій князь въ томъ подалъ примѣръ своей супругѣ, и маркизъ де л'Опиталь былъ не мало удивленъ, увидавъ его у себя съ сіяющимъ видомъ.

— Какъ жаль, г-нъ посланникъ, что другъ мой де ла Шетарди уже умеръ! Ему было бы такъ пріятно услыхать такую вѣсть!

Екатерина вначалѣ какъ-будто держалась вызывающе относительно Елизаветы, но черезъ нѣсколько дней, сознавъ собственное безсиліе, также склонила голову и смирилась до просьбы о посредничествѣ французскаго посланника. Къ де л'Опиталю поочередно являлись, то французскій негоціантъ Рэмбергъ, довѣренное лицо великой княгини по денежнымъ дѣламъ, то Штампке, министръ великаго князя и другіе посланцы, умоляя его воспользоваться своимъ вліяніемъ, чтобы смягчить гнѣвъ императрицы. Въ противоположность тому, что утверждали [1]), и что было бы непростительной ошибкой,

[1]) Депеши маркиза де л'Опиталь отъ 24-го и 29-го мая 1758 г. Иностр. дѣло. Ср. *Романъ Императрицы.*

онъ никоимъ образомъ не отказалъ въ своихъ услугахъ, и его усиліями состоялось знаменитое свиданіе 13-го (24-го) апрѣля, когда сначала высокомѣрное, но затѣмъ весьма приниженное поведеніе Екатерины передъ Елизаветой вовсе не обнаружило непреклонность души черезчуръ великодушно приписываемой нѣкоторыми біографами молодой женщинѣ. Будущая Семирамида Сѣвера проявила на этотъ разъ меньше гордости, чѣмъ непослѣдовательности, вернувшись послѣ свиданія къ самонадѣяннымъ рѣшеніямъ, потомъ снова обратившись къ услугамъ Шуваловыхъ, даже лакея-француза своего мужа, Брессана. И тутъ де л'Опиталь благоразумно разсудилъ, что не слѣдуетъ „совать пальца между деревомъ и корой". Онъ любилъ метафоры. Впрочемъ, новое свиданіе обѣихъ женщинъ довершило въ теченіе мая мѣсяца, по крайней мѣрѣ по внѣшности, полное примиреніе между ними [1]), и Франція, собственно говоря, не преслѣдовала никакого существеннаго интереса въ этой ссорѣ, возгорѣвшейся благодаря французской побѣды.

Потому что ею можно назвать паденіе Бестужева. Вслѣдъ за военными ошибками иные промахи помѣшали Франціи и Россіи пожать ея плоды. Въ это время между обоими государствами установилось сильное взаимное влеченіе, возбудившее вопросъ основной важности для ихъ отношеній въ будущемъ: именно, о вытѣсненіи англійской торговли французскою на русскомъ рынкѣ. Къ сожалѣнію, заинтересованные въ томъ французы проявили тутъ отрицательныя качества: чрезмѣрную осмотрительность и боязливую осторожность, по сіе время сковывающія ихъ духъ предпріимчивости къ выгодѣ ихъ конкурентовъ. Французскому консулу въ С.-Петербургѣ пришлось

---

1) Депеши марк. де л'Опиталя отъ 24 марта, 14 и 23 мая 1758 г.

слѣдующимъ образомъ объявить своему парижскому корреспонденту о неудачѣ начатыхъ переговоровъ:

„Новыя пробы, безъ которыхъ откупщики не считаютъ возможнымъ заключить договоръ, (рѣчь шла о торговлѣ табакомъ), послужили непреодолимымъ препятствіемъ, благодаря чему уничтожился договоръ, подписанный графомъ Петромъ Шуваловымъ гг. Рэмберъ и Митчель... Онъ (Шуваловъ) крайне разсерженъ и имѣетъ на то право, въ виду того, что мы ему измѣнили, послѣ того, какъ склонили, благодаря заступничеству нашего посланника... нарушить договоръ, заключенный имъ съ англійскимъ домомъ... Его отвѣтъ гласитъ:—Не говорите мнѣ больше про французовъ, они ничего не понимаютъ въ дѣлахъ". А другой разъ онъ выразился, опредѣляя англичанъ и французовъ: „Первые купцы, а вторые—лавочники" [1]).

Такимъ образомъ побѣдоносная на морѣ Англія и здѣсь извлекала пользу изъ слабостей своей соперницы, между тѣмъ, какъ пораженная событіемъ при Росбахѣ, и расположенная сначала видѣть въ томъ случайную неудачу, вскорѣ поправимую, Европа тщетно ожидала новыхъ извѣстій, возстановившихъ бы честь французскаго оружія. Въ С.-Петербургѣ разочарованіе было очень сильное, и на указанномъ мною нарождавшемся влеченіи оно неминуемо должно было отразиться, тѣмъ болѣе, что въ разгаръ той же зимы, столь бѣдственной для коалиціи, кампанія, на время прерванная, повидимому, перенесла на Россію всю тяжесть, всю славу войны, гдѣ вскорѣ она одна оказалась въ силахъ поколебать удачу Фридриха.

---

[1]) 1-го января 1758 г. Иностр. дѣла, Россія.

IV.

Кенигсбергъ и Цориндорфъ.

Съ января мѣсяца 1758 г. подъ начальствомъ новаго главнокомандующаго, графа Фермора, русская армія вернулась на путь, покинутый Апраксинымъ. Снова занявъ Тильзитъ, она нашла дорогу въ Кенигсбергъ, передъ собой открытой. Фридрихъ не считалъ нужнымъ возобновлять опытъ Гросъ-Егерсдорфа и Левальдъ былъ далеко. Въ началѣ, занятый очищеніемъ Помераніи, побѣжденный генералъ былъ затѣмъ отозванъ въ центръ Германіи. 10-го января въ русскій лагерь явилась депутація почетныхъ жителей Кенигсберга, выражая согласіе сдать городъ безъ сопротивленія, „при условіи сохраненія его льготъ, правъ и преимуществъ". Другими словами потребовали многаго, предложивъ весьма малое. Левальдъ снялъ гарнизонъ, опустошилъ кассы, уничтожилъ склады. Тѣмъ не менѣе капитуляція была принята и соблюдена тщательнымъ образомъ. Ферморъ былъ человѣкомъ нѣмецкой культуры, и въ его штабѣ, какъ намъ извѣстно, было не мало нѣмецкихъ офицеровъ. Русскіе историки единогласно выносятъ довольно суровый приговоръ его снисходительности. „Фридрихъ", замѣчаютъ они, „иначе дѣйствовалъ въ Саксоніи". Правда; но для попранія, подобно ему, наиболѣе священныхъ

нравъ справедливости и человѣколюбія не у всѣхъ были одинаковыя основанія. Однимъ изъ нихъ является на войнѣ храбрость, почти всегда увѣнчанная успѣхомъ. Умѣренность русскихъ позволила имъ довольно мирно занимать покоренную область въ продолженіи всего времени враждебныхъ дѣйствій.

На слѣдующій день русскія войска вступили въ столицу при звукахъ трубъ и колокольномъ звонѣ Ферморъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ „Прусскаго королевства", и нѣсколько лѣтъ двуглавый орелъ парилъ надъ областью, нѣкогда отнятой у Польши. Увы! другимъ оружіемъ, подъ другими знаменами славянскій элементъ вернулъ себѣ свои прежнія владѣнія. Увы, еще разъ!—Потому что слѣдуетъ отдавать должное даже врагамъ. На землѣ, воздѣланной и обработанной трудолюбивыми потомками тевтонскихъ меченосцевъ, въ Кенигсбергѣ, откуда вскорѣ зазвучали по всему міру слова Канта, элементъ этотъ теперь печально зарекомендовалъ себя. Герои занятія древняго университетскаго города русскими войсками были спутниками гуляки и буяна, красавца Орлова, обратившаго покоренную Пруссію и ея столицу въ арену первыхъ своихъ похожденій раньше, чѣмъ указалъ Екатеринѣ путь къ трону. По немъ остались тамъ плохія воспоминанія. Но таковы обычное воздаяніе и всегдашняя отплата исторіи. Отъ одиннадцатаго до шестнадцатаго вѣка страна эта знавала другое слвянское населеніе, и зависѣла отъ самой Германіи, не отъ личавшейся еще ни трудолюбіемъ, ни ученостью, что она продоставила Польшѣ Ягеллоновъ завершеніе начатой ею давно работы — блестяще выполненнаго въ иныхъ мѣстахъ піонерами прибрежныхъ равнинъ Вислы, основателями промышленныхъ городовъ у подножія Карпатъ, создателями славянскаго университета въ Краковѣ, опередившаго не только Кенигсбергъ, но и Лейпцигъ и Гейдельбергъ (1364 г.). Дѣло

это было разрушено огнемъ и мечомъ, и воинствующая Германія участвовала въ разрушеніи. Теперь война хлатила ей должнымъ возмездіемъ.

Дѣло русскихъ завоевателей не могло служить продолженіемъ польскаго почина. Однако, и за предѣлами Россіи, оно нашло себѣ странныхъ защитниковъ. Нѣмецкій историкъ завоеванія открылъ въ немъ нѣкоторыя черты, благодаря предвзятому неумѣстному доброжелательству, показавшіяся достохвальными въ глазахъ французскаго комментатора. „Многіе изъ русскихъ офицеровъ, замѣчаетъ онъ, принадлежали къ семьямъ болѣе богатымъ съ культурой болѣе утонченной, чѣмъ имѣвшаяся въ побѣжденной странѣ... Они лучше говорили по-французски, любили хорошо сшитое платье, изысканныя кушанья, отборныя вина, изящную и роскошную сервировку стола... Русскіе распространили своей побѣдой употребленіе чая, до тѣхъ поръ почти неизвѣстнаго, кофе, составлявшаго большую рѣдкость, и пунша, поразившаго и восхитившаго [1])... Русскій губернаторъ приглашалъ нѣмецкихъ дамъ на свои вечера. Офицеры плѣнили ихъ прелестью своей бесѣды, своей граціей въ танцахъ... Не мало романовъ завязалось между устроителями и приглашенными... „Такимъ образомъ“, заключаетъ авторъ этого перечислонія, „произошла неожиданная вещь: „русскіе цивилизовали нѣмцевъ и восточную Пруссію [1])“.

Мнѣ кажутся всякія комментаріи съ моей стороны излишними. Авторъ „Критики чистаго разума“ въ то время уже родился; въ самомъ Кенигсбергѣ онъ печаталъ свои первые опыты, и читатели, вѣроятно, согласятся со мной, относительно впечатлѣнія, безъ сомнѣнія произведеннаго на его умъ такими новыми попытками цивилизаціи.

Русское завоеваніе совершилось относительно миролюби-

---

[1]) Rambaud. Russes et Prussiens.

вымъ и гуманнымъ способомъ. Жителямъ была обезпечена свобода религіи и торговли и открытъ путь поступленія на русскую государственную службу. Русское правительство основалось здѣсь, повидимому, прочно. Повсюду двуглавый орелъ замѣнилъ одноглаваго. Вскорѣ въ Кенигсбергѣ возникла русская церковь. Тамъ принялись строить монастырь. Тамъ чеканили монету и въ нѣкоторыхъ коллекціяхъ сохранились экземпляры серебряной монеты, съ изображеніемъ Елизаветы, и надписью: „Elisabeth rex Russiae“ [1]).

Населеніе по большей части, повидимому, недурно чувствовало собя при новомъ правительствѣ, и въ 1760 г., въ Петербургъ прибыла депутація отъ мѣстныхъ жителей, чтобы принести благодарность новому „Королю Пруссіи“ за милостивое къ себѣ отношеніе. Но Фридрихъ не могъ раздѣлять подобныя чувства, тѣмъ болѣе, что эта побѣда была очевидно только ступенью по пути нашествія. Правда, Ферморъ не обнаруживалъ большой поспѣшности въ дальнѣйшемъ стремленіи впередъ. Однако, весной 1758 г., побуждаемый настойчивыми приказаніями, сыпавшимися изъ Петербурга, онъ двинулъ, наконецъ, войска по Бранденбургской дорогѣ. Упоенный своими недавними успѣхами, къ которымъ побѣдитель при Росбахѣ присоединилъ въ декабрѣ 1757 г. битву при Лиссѣ, столь гибельную для австрійцевъ, король сначала не придалъ этому большого значенія. Произведя нѣсколько разнообразныхъ оцѣнокъ битвы при Гроссъ-Егерсдорфѣ, теперь онъ склонялся къ тому, чтобы приписать неудачный исходъ неспособности стараго Левальда. Молодой генералъ сумѣетъ лучше справиться съ „медвѣжатниками“. Поэтому онъ поручилъ гра-

---

1) Существованіе такой монеты напрасно оспаривалось нѣкоторыми нѣмецкими писателями; образцы ея еще имѣются въ нѣсколькихъ коллекціяхъ.

фу Дона командованіе корпусомъ, предназначеннымъ остановить нашествіе, и писалъ Кейту, бывшему генералъ-аншефу русской арміи, перешедшему теперь на прусскую службу: „Надѣюсь, что мы вскорѣ отдѣлаемся, и дешевой цѣной... Это жалкія войска [1])“.

Дѣйствительно, они попрежнему казались жалкими для большинства наблюдателей. Назначенные слѣдить за ихъ дѣйствіями, два французскіе офицера, изъ нихъ одинъ, по происхожденію курляндецъ, Менажэ и Виттингофъ, слѣдующимъ образомъ отзывались о нихъ: „Истина принуждаетъ насъ сознаться, что придется приписать простому случаю удачу, какая можетъ выпасть на долю этой арміи... Отсутствіе дисциплины увеличивается съ каждымъ днемъ; грабежъ становится открытымъ, главнокомандующій прячется... Уѣзжая изъ лагеря, онъ самъ не знаетъ, куда направится. Часто недостатокъ воды и перемѣна мѣста, заставляютъ армію дѣлать по три, четыре версты лишнихъ... Полный составъ обоза прибываетъ обыкновенно только на третій день. Изъ дивизіи князя Голицына за двѣ недѣли дезертировало сто человѣкъ... Кромѣ того, много народа уносятъ болѣзни, благодаря недостатку продовольствія, и ночамъ, проведеннымъ за молкой зерна... Полки, составъ которыхъ долженъ равняться тысячѣ четыремстамъ человѣкамъ, едва ли насчитываютъ половину [2])“.

Очевидецъ, повидимому, не внушающій подозрѣній, по причинѣ своего нѣмецкаго происхожденія, пасторъ Теге, авторъ мемуаровъ, теперь довольно рѣдкихъ въ подлинникѣ [3]), опровергаетъ эти наблюденія, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается дисциплины, по его словамъ, очень строгой, даже среди

---

[1]) Pol. Corresp.

[2]) Донесеніе изъ Познани 9-го іюля 1758 г. Иностр. дѣла.

[3]) Русскій переводъ появился въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г.

калмыковъ. Надо, однако, принять во вниманіе, что, хотя нѣмецъ и лютеранинъ, онъ состоялъ при русской арміи, и увѣреніямъ его противорѣчитъ собственный разсказъ о приключеніи, когда онъ сдѣлался жертвой казаковъ, начисто его ограбившихъ.

Ферморъ сначала оправдывалъ самые неблагопріятные о себѣ отзывы медленностью своихъ движеній. Но въ іюлѣ, по прежнему побуждаемый изъ С.-Петербурга, онъ, наконецъ, подошелъ къ Кюстрину, ключу Бранденбурга. Фридрихъ не воображалъ, что онъ можетъ зайти такъ далеко. Почему Даунъ не попытался его остановить? Вѣдь король отдалъ ему по этому поводу приказанія и даже, какъ раньше Левальда, снабдилъ подробными инструкціями, вплоть до готоваго плана битвы. „Вы можете разбить ихъ (русскихъ) со стороны Штеренберга", писалъ Фридрихъ. „Затѣмъ вы обратитесь противъ шведовъ". И упрекалъ своего новаго военоначальника въ преувеличеніи цифры наличнаго состава, находившагося подъ командой Фермора. Подъ начальствомъ русскаго генерала не могло находиться болѣе тридцати пяти тысячъ человѣкъ.

Урокъ Гроссъ-Егерсдорфа былъ позабытъ.

Однако, въ запоздалыхъ упрекахъ было мало толка, и Фридрихъ рѣшилъ взяться за дѣло самъ. Въ случаѣ сдачи Кюстрина, Берлину грозила судьба Кенигсберга. Форсированнымъ маршемъ король двинулся для соединенія съ Дона, приказавъ гарнизону крѣпости держаться до своего прибытія, „подъ угрозой смерти и величайшаго наказанія, если кто-нибудь заикнется о сдачѣ" [1]). 22-го августа соединеніе состоялось, но уже Кюстринъ былъ объятъ пламенемъ. Изъ Франкфурта разгнѣванный Фридрихъ наблюдалъ за пожаромъ и обличалъ передъ Европой варварство его виновниковъ. По его словамъ,

---

[1]) Pol. Corresp.

они творили ужасы, „которыхъ чувствительное сердце не могло переносить безъ жестокой горечи". Тутъ были и изнасилованныя женщины, и принцесса, избитая плетьми и уведенная въ лѣса... „Если бы они насиловали только женщинъ!" восклицала, въ свою очередь, негодующая супруга Бейтенскаго бургомистра, сдѣлавшагося жертвой самаго гнуснаго посягательства [1]). Мы были бы готовы раздѣлить такую чувствительность и негодованіе, если бы не разсказъ, сообщенный однимъ изъ спутниковъ короля, о бѣднягѣ калмыкѣ, захваченномъ прусскими развѣдчиками. Этотъ разсказъ доказываетъ, по крайней мѣрѣ, взаимность жестокостей, рисуя намъ обращеніе съ плѣнникомъ самаго варварскаго изъ рейтеровъ. „Видя, что у него на груди виситъ образокъ, генералъ хотѣлъ до него дотронуться палкой. Плѣнникъ, думая, что у него собираются отнять его святыню, закрылъ его обѣими руками. Тогда генералъ, разсвирѣпѣлъ, принялся бить его палкой по рукамъ съ такой яростью, что онѣ вспухли и почернѣли. Но калмыкъ не отнималъ рукъ, оберегая своего святого и печально смотрѣлъ на генерала, такъ его истязавшаго. Тогда тотъ началъ ему наносить удары по лицу и всего залилъ кровью [2])".

Война всегда остается варварствомъ.

Пожаръ требовалъ отмщенія, и городу необходима была быстрая помощь. Но Фридрихъ уже понялъ, что дѣло, въ которомъ онъ хотѣлъ помочь Дона, было не такое легкое, какъ ему представлялось издали. Отдавая приказанія къ неизбѣжной битвѣ, онъ составилъ духовное завѣщаніе [3]). Это было въ его привычкахъ, но только передъ нѣкоторыми битвами, когда, какъ при Лиссѣ, онъ въ отчаяніи ставилъ на карту свою

---

[1]) De Gatt, „Journal".
[2]) De Gatt, Mes entretiens avec Frèderic.
[3]) „Pol. Corresp.".

судьбу. Впослѣдствіи великій полководецъ до безконечности мѣнялъ цифры въ исчисленіи силъ, выдвинутыхъ съ той и съ другой стороны, а такъ какъ русскіе источники представляютъ такія же колебанія, то намъ приходится ограничиться одними предположеніями. Приблизительно правдоподобными цифрами кажутся тридцать двѣ тысячи человѣкъ съ одной стороны и пятьдесятъ тысячъ съ другой, не считая нерегулярныхъ войскъ. Ферморъ значительно и безразсудно ослабилъ свои силы, отправивъ Румянцева съ десятитысячнымъ отрядомъ по направленію къ сѣверу, гдѣ ему было поручено осаждать Кольбергъ, когда еще для этого предстояло взять Кюстринъ и побѣдить Фридриха! Однако, артиллерія изъ приблизительно двухсотъ сорока орудій противъ ста обезпечивала за русскими подавляющее превосходство. Но съ пруссаками находился ихъ король. Для него было игрой заставить Фермора снять осаду, перейдя Одеръ у него на глазахъ. Разрушивъ баттареи, наиболѣе близкія къ Кюстрину, русскій генералиссимусъ отступилъ на сѣверо-востокъ и выбралъ въ Цорндорфѣ сильную позицію, защищенную съ фронта, съ юга, Митцелемъ, маленькой рѣчкой, но съ очень крутыми берегами, которые Ферморъ укрѣпилъ мощной артиллеріей. Но вмѣсто того, чтобы устремиться сюда, Фридрихъ рѣшилъ сдѣлать обходное движеніе, которое однимъ переходомъ должно было привести его въ тылъ непріятеля, такъ, что вся оборона противника обратилась бы противъ него самого и всякое отступленіе было бы отрѣзано. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Румянцевъ оказался бы отдѣленнымъ отъ главной арміи и не въ состояніи къ ней присоединиться, хотя, впослѣдствіи, его упрекали въ С.-Петербургѣ въ томъ, что онъ не подоспѣлъ на помощь [1]). Это было 24-го августа и, отдавъ приказанія относительно нападенія, назначен-

---

[1]) Екатерина, *Записка*.

наго на слѣдующій день, при описанныхъ выше условіяхъ, король провелъ вечеръ съ де Гаттомъ, въ бесѣдѣ о Малербѣ и Расинѣ. Забавлялся передѣлкой нѣкоторыхъ строфъ Расина и Руссо, разставаясь съ собесѣдникомъ, предложилъ ему винограда:

„Кто знаетъ, кому придется ѣсть его завтра?“ [1]).

На слѣдующій день Ферморъ оказался въ положеніи, какое легко себѣ представить. Его арміи пришлось перемѣнять фронтъ и перемѣщать батареи передъ лицомъ врага, готоваго уже вступить въ бой. „Ни одно ядро не пропадетъ даромъ!“ весело воскликнулъ Фридрихъ, приказавъ открыть огонь по безпорядочной толпѣ, гдѣ неповоротливыя колонны смѣшивались между собой, скучились въ непроходимой сумятицѣ. Суматоха еще усилилась подъ градомъ прусскихъ пуль, между тѣмъ, какъ торопя Зейдлица окончаніемъ такимъ ббразомъ начатаго дѣла разрушенія, король велъ со своимъ блестящимъ начальникомъ кавалеріи слѣдующій эпическій разговоръ.

— Передайте генералу, что онъ мнѣ головой отвѣтитъ послѣ битвы.

— Передайте королю, что послѣ битвы моя голова въ его распоряженіи.

Кавалерія подоспѣла въ моментъ, выбранный славнымъ воиномъ, и дѣйствія ея стремительной атаки легко себѣ представить. Среди общаго перепостроенія, которое пришлось выполнить русскимъ полкомъ, ряды разстроились во всѣхъ нихъ безъ исключенія. Передвигаясь изъ одного конца лагеря въ другой, нѣкоторые изъ нихъ напали на запасъ водки и вокругъ боченковъ съ выбитыми днами столпились тысячами пьяныхъ. Начальство исчезло. Ферморъ, кажется, бѣ-

---

[1]) De Gatt, Journal.

жалъ съ поля битвы при первой аттакѣ, заявивъ австрійскому генералу де-Сенъ-Андрэ: „Если понадобится, я доберусь до Шведта“. Тамъ находился Румянцевъ со своимъ отрядомъ.

Одержалъ ли наконецъ Фридрихъ побѣду, не удавшуюся Левальду? Одно время король былъ въ томъ увѣренъ, но скоро ему пришлось убѣдиться въ своей ошибкѣ. До побѣды было еще далеко. Главнаго дѣйствія имъ ожидаемаго и учитаннаго, дѣйствія „нравственнаго“, безъ котораго уронъ, нанесенный врагу ничего не значитъ, не получилось. Предоставленная самой себѣ, отданная такъ сказать во власть нападающихъ, русская армія продолжала сражаться. Обойденная, наткнувшаяся на неопреодолимое препятствіе, она не обнаруживала никакого смущенія. Не говоря о нижнихъ чинахъ, большинство офицеровъ не отдавало себѣ отчета въ происшедшемъ. Ихъ аттаковали съ сѣверной стороны, вмѣсто того, чтобы аттаковать съ южной: ну такъ что-же? По мѣткому выраженію русскаго писателя [1]). „Фронтъ битвы былъ для нихъ тамъ, откуда надвигался непріятель“. И съ равнодушіемъ тупымъ и величественнымъ въ то же время, поражавшимъ и устрашавшимъ впослѣдствіи и другихъ, кромѣ Фридриха, они не помышляли ни о бѣгствѣ, ни о сдачѣ. „Толпами, небольшими“ кучками, разсказываетъ Болотовъ, „разстрѣлявъ послѣдніе патроны, они оставались твердыми, какъ скалы, защищаясь до послѣдней капли крови“... Многіе, пронизанные насквозь, продолжали держаться на ногахъ и биться... Другіе, потерявъ руку и ногу, уже валяясь въ пыли, старались вытянуться и убить непріятеля уцѣлѣвшей рукой [2]). Де Гатъ свидѣтельствуетъ то-же самое: „Русскіе лежали рядами, цѣловали свои пушки, когда ихъ рубили въ куски,

---

[1]) Leer.

[2]) „Записки“.

и отъ нихъ не отходили". Самъ Фридрихъ это подтверждаетъ: „Они не умѣютъ хорошо передвигаться, но держатся крѣпко, тогда какъ мои ногодяи съ лѣваго крыла меня покинули, бѣжавъ какъ старыя бабы" [1]).

Это былъ уже прототипъ Эйлау, Смоленска, Бородина. И съ наступленіемъ вечера, хотя король и послалъ въ Берлинъ сообщеніе о побѣдѣ, онъ не достигъ своей цѣли, потому что опустошенная русская армія не была ни уничтожена, ни вынуждена сдаться, даже не заключена въ пространствѣ, гдѣ король предполагалъ ее замкнуть. Разстройство прусскаго лѣваго крыла предоставило ей достаточно простора, но до захода солнца она не думала имъ воспользоваться для отступленія. Только ночью, вернувшись на свой постъ, Ферморъ рѣшилъ очистить поле битвы, такъ горячо оспариваемое. Но возвѣстивъ о капитуляціи: „Ферморъ сдается; онъ сдался, но я еще въ томъ не увѣренъ", Фридрихъ долженъ былъ посбавить спеси и утѣшаться слагая стихи:

Какой побѣдитель не обязанъ только
своему оружію
Торжествомъ и счастьемъ?

Русскіе потеряли восемнадцать тысячъ убитыми и ранеными, восемьдесять пять пушекъ и около трехъ тысячъ плѣнными, въ томъ числѣ пять генераловъ. Они отступили еще дальше, отброшенные къ Ландсбергу, и окончательно удаленные отъ Кюстрина [2]). Однако, оставивъ на полѣ битвы

---

[1]) De Gatt.

[2]) См. также относительно этого дня донесеніе, посланное (изъ Ландсберга 2 сентября 1758 г.) Воронцову принцемъ Карломъ Саксонскимъ, присутствовавшимъ при сраженіи, но ничѣмъ особеннымъ себя здѣсь не проявившимъ. Его разсказъ полонъ горькой критики по адресу Фермора. „Воронцовскій Архивъ".

десять тысячъ человѣкъ и отдавъ непріятелю полторы тысячи плѣнныхъ, побѣдитель не могъ похвастать, что измѣнилъ въ свою пользу соотношеніе наличныхъ силъ. Отступивъ къ другой позиціи, лучше защищенной отъ неожиданностей, чѣмъ первая, соединившись со свѣжими войсками Румянцева, Ферморъ могъ принять черезъ нѣсколько дней настолько угрожающее положеніе, что новое сраженіе казалось неизбѣжнымъ. Приготовляясь къ нему, Фридрихъ такъ мало надѣялся на побѣду, что отвѣчалъ крестьянкѣ, обратившейся къ нему съ просьбой о мѣстѣ для сына: „Голубушка, какъ обѣщать вамъ мѣсто, когда я не увѣренъ, что удержусь на своемъ?“

У Фермора не хватало иниціативы, и бои продолжались только въ донесеніяхъ, въ статьяхъ, печатаемыхъ въ газетахъ и въ благодарственныхъ молебнахъ, служившихся по церквамъ. Увы! помѣщая первое сообщеніе о побѣдѣ, присланное королемъ „*Berlinische Nachrichten*“, рѣшили прибавить къ нему въ номерѣ отъ 29 августа, извѣстіе о капитуляціи Луисбурга, отдававшей въ руки англичанъ ключъ къ Канадѣ! Признавъ сначала „неудачный случай“ въ первомъ донесеніи отправленномъ въ Петербургъ, Ферморъ затѣмъ передумалъ. Онъ приказалъ также у себя служить благодарственные молебны, и само русское правительство потребовало, хотя безуспѣшно, помѣщенія въ офиціальной лондонской газетѣ разъяснительной замѣтки, даже наказанія журналиста, высмѣявшаго противника Фридриха. Въ Парижѣ битва была провозглашена „побѣдой союзниковъ“ и вошли въ моду ленты „*à la Zorndorf*“ [1]). Такое разногласіе не мыслимо теперь. Фридрихъ былъ побѣдителемъ при Цорндорфѣ, какъ Наполеонъ долженъ былъ имъ выйти при Бо-

---

[1]) Goncourt „La femme au dix huitième siècle“.

родинѣ, дѣйствіемъ тѣхъ же причинъ, въ тѣхъ же границахъ и съ одинаковыми результатами. На обоихъ поляхъ битвы геній, расчетъ, дисциплина, превосходство вооруженія и организаціи дали все, что въ силахъ дать и до извѣстной степени возмѣстить численность, не приведя къ рѣшительному перевѣсу — такъ какъ численность, элементъ вещественный, подкрѣплялся съ другой стороны элементомъ нравственнымъ, стоимости неисчислимой. Ферморъ не взялъ Кюстрина, какъ предполагалъ и не очистилъ себѣ путь на Берлинъ. Но Фридрихъ не уничтожилъ русской арміи, загнавъ ее въ Варту, какъ намѣревался. Несообразительность русскаго главнокомандующаго сказалась еще въ томъ, что отославъ Румянцева въ ту минуту, когда тотъ былъ болѣе всего необходимъ, онъ не сталъ ожидать его возвращенія, но, поддавшись искусснымъ маневрамъ Фридриха, самъ двинулся къ нему навстрѣчу на сѣверъ [1]). И кампанія окончилась тѣмъ, что обѣ арміи разошлись въ разныя стороны: одна направляясь къ Силезіи, другая къ Помераніи, гдѣ одинъ изъ нѣмецкихъ военноначальниковъ Фермора, генералъ Пальменбахъ долженъ былъ принять участіе въ осадѣ, столь несвоевременно порученной Румянцеву. Плохо защищенный, съ гарнизономъ, состоявшимъ всего изъ двухъ батальоновъ милиціи и нѣсколькихъ инвалидовъ, Кольбергъ казался легкой добычей. Однако въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ о него разбивались безплодныя усилія осаждающихъ.

Фридрихъ на это расчитывалъ, и все-таки послѣ личнаго испытанія достоинства русскихъ войскъ мысли его остава-

---

[1]) Schaefer „Geschichte des siebenjährigen Krieges“; Schottenmüller „Die Schacht von Zorndorf“; Масловскій *„Русская армія во время семилѣтней войны“*; Лееръ *„Обозрѣніе войнъ“*; „Pol. Corresp“, „Воронцовскій Архивъ“; Соловьевъ *„Исторія Россіи“*.

лись мрачными. Еще въ сентябрѣ онъ писалъ брату: „Всѣ наши арміи находятся сейчасъ въ критическомъ положеніи, а слѣдовательно и ваша. Я это знаю, чувствую, но принужденъ здѣсь держаться, пока не заставлю этихъ дикихъ звѣрей отступить до Ландсберга“. Въ то же время, черезъ посредство Кейта, котораго Англія сохраняла въ Петербургѣ подъ предлогомъ, что не находилась непосредственно во враждебныхъ отношеніяхъ къ Елизаветѣ, онъ пытался снова начать переговоры о соглашеніи, и когда вдова Манштейна представила ему рукописныя мемуары генерала, поручилъ Герцбергу выпустить тамъ мѣста, оскорбительныя для Россіи [1]). Въ октябрѣ, соединившись съ принцемъ Генрихомъ Саксонскимъ уже съ ослабленными силами, онъ понесъ при Гохкирхенѣ (14 окт. 1758 г.) полное пораженіе. Только его искусство и малодушіе побѣдителя помѣшали катастрофѣ имѣть непоправимыя послѣдствія. Даунъ даже вынужденъ былъ очистить Силезію, между тѣмъ, какъ нѣсколько эскадроновъ прусскихъ гусаръ подъ командой Платена, произведя панику среди осаждающихъ Кольбергъ, заставили ихъ обратиться въ бѣгство.

Такимъ образомъ годъ закончился безъ рѣшительнаго перевѣса какого-либо изъ лагерей, однако, приведя къ значительному ослабленію Фридриха, въ особенности сравнительно съ его русскими противниками. А Елизавета высказывала все болѣе твердую рѣшимость продолжать начатую войну, „хотя бы ей пришлось пожертвовать для того послѣднимъ человѣкомъ и послѣднимъ рублемъ“, какъ объявила она Эстергази [2]). А между тѣмъ, за предѣлами Петер-

---

[1]) „Pol. Corresp.“.

[2]) Эстергази Маріи Терезіи, Петерб., 13 сент. 1758 г. Вѣнскій Архивъ, по-нѣмецки.

бурга уже поднимался споръ объ условіяхъ войны и даже смыслѣ ея продолженія. Въ Версалѣ непрерывный рядъ неудачъ вызывалъ чувство усталости и отчаянія. „Повѣрьте мнѣ, безъ мира мы погибнемъ и погибнемъ обезславленными“, писалъ Берни Стэнвиллю въ маѣ 1758 г. [1]). Въ то же время побѣда Пруссіи вызывала опасенія, легко объяснимыя. Однако на поведеніе Россіи жаловаться не приходилось.

[1]) Bernls, Memoires.

V.

Версаль и С.-Петербургъ.

Елизавета, напротивъ, теперь относилась съ большой предупредительностью къ своей новой союзницѣ. Только что она разрѣшила весьма пріятнымъ для нея образомъ курляндскій вопросъ. Послѣ изгнанія Бирона, герцогство это управлялось совѣтомъ, получавшимъ приказанія отъ русскаго резидента, хотя въ принципѣ сохраняло характеръ польскаго ленника. Для поддержанія своего авторитета Россія предъявила долгъ, достигавшій по счетамъ, довольно произвольнымъ, болѣе двухъ съ половиной милліоновъ рублей [1]). Но весной 1758 г. Августъ III отправилъ въ Петербургъ своего сына Карла, имѣвшаго счастье понравиться императрицѣ и добившагося при тайной поддержкѣ маркиза де л'Опиталь признанія своей кандидатуры на полученіе наслѣдія бывшаго регента. Польскій сенатъ также выразилъ свое согласіе послѣ сорваннаго сеймя и, направляясь въ русскую армію, кандидатъ обезпечилъ свои шансы какъ въ Варшавѣ, такъ и въ Петербургѣ, несмотря на усилія, направленныя противъ него

---

[1]) Stuhr. „Forschungen... über Hauptpukte der Geschichte des siebenjährigen Krieges.

дочерью Бирона, перешедшей въ православіе, принадлежавшей къ числу приближенныхъ Елизаветы и получавшей отъ самого французскаго посланника вѣроломныя поощренія [1]). Добрякъ л'Опиталь принадлежалъ къ числу дипломатовъ обращающихъ даже двуличность въ предметѣ роскоши за неумѣніемъ ею пользоваться кстати.

Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ въ Америкѣ или въ Германіи судьба оказывалась все болѣе неблагопріятной для французскаго оружія, царица удвоивала предупредительность относительно де л'Опиталя. Послѣ пораженія графа де Клермонъ при Крефельдѣ (23-го іюня 1758 г.) она ему сказала: „Я раздѣляю ваше волненіе, но оружіе капризно... Скоро вы за себя отомстите". Трижды въ теченіе вечера, при удивленныхъ взорахъ присутствовавшихъ, она подходила къ нему, дружески брала его подъ руку и повторяла слова утѣшенія: „Дорогой посланникъ, прошу васъ такъ не огорчаться. Подождемъ болѣе подробныхъ извѣстій. Сначала всегда преувеличиваютъ [2])".

Правда, Воронцовъ получилъ въ то же время отъ „дорогого посланника" пятьдесятъ тысячъ рублей, какъ бы взаймы.

Въ августѣ 1758 г. безразсудной выходкой, подробности которой я описывалъ въ другомъ мѣстѣ [3]), придавшей еще больше огласки его отношеніямъ къ великой княгинѣ, Понятовскій сдѣлалъ свое требованіе въ Петербургѣ невозможнымъ, увѣнчавъ желаніе французской партіи, добившейся его отозванія. Но сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ на маркиза де л'Опиталь было произведено сильное давленіе, можетъ быть, подготовлявшееся любезностями Елизаветы. Рѣчь шла о при-

---

[1]) Эстергази Кауницу, Петерб., 1 ноября 1758 г., Вѣнскій Архивъ по-нѣм.; ср. Соловьева „*Ист. Россіи*"; Шуйскій „*Исторія Польши*".

[2]) Л'Опиталь Берни, 19 іюля 1758 г. *Иностр. дѣла.*

[3]) *Романъ Императрицы.*

соединеніи Франціи къ австро-русскому договору, отъ 22-го января 1757 г. Договоръ этотъ внушалъ Берни сильное подозрѣніе не только по причинѣ того, что въ немъ заключалось. Онъ не обусловливалъ открыто для Россіи никакихъ выгодъ, никакого вознагражденія по окончаніи войны, за жертвы, ею принесенныя. Слѣдовательно, надежды, ею питаемыя, были слишкомъ заносчивы. Не подтверждалось ли такое предположеніе тѣмъ, какъ она расположилась въ восточной Пруссіи и хозяйничала здѣсь, какъ-будто уже считая ее своей собственностью? Очевидно, она желала расширенія своей территоріи или на счетъ Германіи, или на счетъ Польши, и оба случая казались Берни непріемлемыми [1]). Такимъ образомъ, пока на поляхъ битвъ „капризное оружіе" дѣлало исходъ борьбы все болѣе сомнительнымъ, въ канцеляріяхъ назрѣвала грозная задача, въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ тяготѣвшая надъ рѣшеніями союзниковъ, сковывая ихъ энергію и внося еще болѣе нестройности въ ихъ усилія.

Однако, въ концѣ года, въ Петербургѣ и въ Версалѣ двойное дипломатическое событіе, довольно незначительное само по себѣ, но получившее, благодаря совпаденію фактовъ, крупное значеніе, повидимому, сулило болѣе прочную связь союзу разногласныхъ желаній и ослабѣвшихъ энергій. Въ С.-Петербургъ въ концѣ октября прибылъ новый французскій врачъ, Пуассонье, уже давно вызываемый л'Опиталемъ, чтобы изслѣдовать состояніе здоровья Елизаветы и принять нужныя мѣры. Императрицѣ, еще сильнѣе увлекавшейся французской комедіей, пришлось отказаться отъ надежды видѣть у себя Клеронъ, ле Кена и Преваля, но не вслѣдствіе,—какъ утверждали,—неблагоразумнаго отказа, какимъ версальскій дворъ

---

[1]) Л'Опиталю, 11-го августа 1758 года. Иностр. дѣла. Ср. Вандаль.

отвѣтилъ на желаніе государыни, а потому, что сами артисты не согласились ѣхать въ Россію [1]). За это ей предоставили Пуассонье. Но такъ какъ знаменитый врачъ находился въ арміи, то цѣлый годъ ушелъ на его розыски по лагерямъ и также на обсужденіе способовъ сохранить въ тайнѣ его прибытіе въ Петербургъ, согласно желанію императрицы. По примѣру Людовика XV, Елизавета пристрастилась къ таинственности. Пуассонье сначала встрѣтилъ препятствія для вступленія въ отправленіе своихъ обязанностей, такъ какъ главный лѣкарь государыни, Кондоиди, отказывался совѣщаться съ человѣкомъ, не имѣвшимъ даже чина статскаго совѣтника. „Все здѣсь основано на внѣшности и суетности", писалъ де л'Опиталь. Но по устраненіи этого затрудненія, новоприбывшій оказался человѣкомъ вліятельнымъ даже съ дипломатической точки зрѣнія. Онъ очень быстро овладѣлъ довѣріемъ императрицы, и, пользуясь его услугами для передачи во Францію различныхъ намековъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ медициной, Елизавета спохватилась, что давно не прибѣгала къ способу болѣе простому и прямому, чтобы сообщать туда выраженіе своихъ чувствъ или желаній. Какъ я уже указывалъ, она оставила безъ отвѣта королевское конфидеціальное письмо, полученное въ февралѣ 1757 г. Двѣ таблицы шифра, привезенныя д'Эономъ въ художественно переплетенномъ экземплярѣ „Духа законовъ", лежали безъ употребленія, такъ что въ октябрѣ 1758 г. Терсье обратился къ Воронцову съ просьбой объ ихъ уничтоженіи, вмѣстѣ съ перепиской, по этому поводу происходившей. Искусство Пуассонье избавило Людовика XV отъ такого униженія, и въ февралѣ 1759 г. король, наконецъ, имѣлъ удовольствіе получить собственноручное письмо Елиза-

---

[1]) Воронцовскій архивъ.

веты, положившей начало такъ давно желаннымъ непосредственнымъ сношеніямъ [1]).

Надо сознаться, что тутъ его ожидало разочарованіе. Дочь Петра Великаго обнаружила здѣсь только, какъ и всюду, полное ничтожество, поглотившее теперь, за исключеніемъ немногихъ проблесковъ находчивости и рѣдкихъ порывовъ энергіи, вслѣдъ за немощью тѣлесною, ея духовное существо, всегда слабое и суетное. Съ 1759 г. до 1760 г. знаменитая переписка влачила свое существованіе, наполняясь банальностями и пустяками, пока не прекратилась совсѣмъ, за отсутствіемъ содержанія и интереса. Но самое ея существованіе доказывало наличность съ той и съ другой стороны единодушнаго желанія, установить для общаго дѣла тѣсное согласіе, обезпечивъ его противъ возможныхъ недоразумѣній среди приближенныхъ обоихъ государей.

Тѣмъ временемъ во Франціи Берни оказался положительно неспособнымъ вынести бремя положенія, отвѣтственности котораго не взвѣсилъ, и министерскій кризисъ, повидимому, возложилъ его тяжесть на плечи болѣе устойчивыя. Получившій въ августѣ 1758 г. титулъ герцога де Шуазель, графъ Стэнвилль покинулъ Вѣну въ ноябрѣ, чтобы принять на себя руководство иностраными дѣлами. Причины и политическое значеніе такой перемѣны извѣстны. Опасенія и миролюбивое настроеніе Берни находили отзвукъ даже въ Вѣнѣ среди приближенныхъ императрицы, сдерживаемыя только прежнимъ непреклоннымъ воинственнымъ пыломъ Маріи Терезіи, какъ въ Версалѣ надеждой на блестящее отомщеніе, не оставлявшей мадамъ де Помпадуръ, какъ въ С.-Петербургѣ непоколеби-

---

[1]) Воронцовскій Архивъ. Эстергази извѣстны были въ это время если не содержаніе переписки, то по крайней мѣрѣ ея существованіе и постигшее ее запозданіе. Кауницу. Петербургъ 15-го іюня 1759 г. Вѣнскій архивъ, по-нѣмецки.

мой волей Елизаветы. Какъ сказано, обезсиленная неожиданнымъ сопротивленіемъ Фридриха, вооруженная коалиція противъ него поддерживалась теперь только мужествомъ или прихотью трехъ женщинъ, столь различныхъ по характеру и достоинству. Новый герцогъ Шуазель былъ ставленникомъ m-me де Помпадуръ. Воинственное настроеніе фаворитки взяло верхъ, вознеся его къ власти и возвѣщало войну до изнеможенія. Правда, съ этой стороны будущее готовило снова разочарованія противникамъ короля прусскаго и неожиданную удачу побѣдителю при Цорндорфѣ. Но со стороны Россіи новые, страшные удары грозили его судьбѣ, уже потрясенной на порогѣ Бранденбургскаго пути, вскорѣ очищеннаго передъ непріятелемъ.

ГЛАВА V.

Фридрихъ въ отчаянномъ положеніи.— Смерть Елизаветы.

I. Кюнередорфъ.—Политика у герцога Шуазеля.—Честолюбивые замыслы. Планъ высадки въ Англіи.—Отказъ Россіи принять въ ней участіе.—Его причины.—Возвратъ горцога Шуазеля къ миролюбивому образу мыслей.—Планъ умиротворенія.—Встрѣчное предложеніе Воронцова.—Русскія притязанія.—Вопросъ восточной Пруссіи и Украйны.—Возобновленіе враждебныхъ дѣйствій.—Новый русскій главнокомандующій.—Салтыковъ.—Планъ кампаніи, выработанный между С.-Петербургомъ и Вѣной.—Отсутствіе единодушія между Салтыковымъ и Дауномъ.—Движеніе русскихъ на Франкфуртъ.—Командованье, ввѣренное Фридрихомъ Веделлю.—Диктаторъ.—Пораженіе Веделля при Кайѣ.—Фридрихъ спѣшитъ ему на помощь.—Битва при Кюнередорфѣ.—Бѣдствія Фридриха.—Берлинъ въ опасности.—Отчаяніе короля.—Намѣреніе самоубійства.—«Чудо Бранденбургскаго дома».—Отступленіе русскихъ и австрійцевъ.—Его причины.—II. Дипломатическая кампанія.—Новая попытка герцога де Шуазель внушить Россіи миролюбивое настроеніе.—Дипломатія офиціальная и дипломатія тайная.—Характеръ и предѣлы ихъ враждебности.—Польскій вопросъ.—Французская политика въ Польшѣ.—Турецкій вопросъ.—Франція отказывается отъ договора съ Россіей.—Соглашеніе Россіи съ Австріей.—Договоръ 23 марта 1760 г.—Франція его одобряетъ, но отказывается къ нему присоединиться.—Одураченный маркизъ де л'Опиталь.—Назначеніе новаго посланника.—Баронъ де Бретейль.—Его инструкціи, офиціальныя и секретныя. Военныя событія мѣ-

шаютъ ему ими воспользоваться.—Ш. Взятіе Берлина.—Отважный набѣгъ.—Генералъ Тотлебенъ.—Русскіе и австрійцы.—Осада города.—Сдача.—Контрибуціи, грабежи и разрушенія.—Разграбленіе Шарлоттенбурга.—Прибытіе Фридриха.—Отступленіе побѣдителей.—Салтыковъ, замѣщенный Бутурлинымъ.—Осада Кольберга, вторично предпринятая русскими.—Паника среди осаждающихъ.—Снятіе осады.—Фридрихъ, тѣмъ не менѣе, доведенъ до крайности.—Новыя попытки особаго соглашенія съ Россіей.—IV. Переговоры въ пользу мира.—Старанія герцога Шуазеля ихъ связать съ предполагавшимся непосредственнымъ договоромъ съ Россіей.—Желаніе придать этому договору исключительно торговый характеръ.—Де Бретейль превышаетъ свои полномочія и предлагаетъ союзъ политическій.—Признаніе, сдѣланное во Франціи относительно польскаго вопроса.—Воронцовъ на него не соглашается.—Покинутая Версалемъ, Польша находитъ защитниковъ въ С.-Петербургѣ.—Двойная русская политика.—Умѣренная и миролюбивая программа канцлера. Честолюбивая и воинственная программа Шувалова.—Послѣдній беретъ верхъ.—Польша все-таки будетъ поглощена.—Иниціатива Людовика XV по предложенію мира въ Лондонѣ.—Отказъ Россіи и Австріи принять посредничество короля.—Русскій проектъ благопріятствуетъ Австріи и сторонникамъ войны.—Французскій контръ-проектъ.—Переговоры, предоставленные Россіи.—Открытіе переговоровъ въ Лондонѣ.—Россія ихъ нарушаетъ.—Бѣдѣствія Фридриха.—Измѣна Тотлебена обнаружена.—Царственный шпіонъ.—Взятіе Кольберга.—Фридрихъ, покинутый Англіей.—Онъ собирается просить мира.—V. Смерть Елизаветы.—Послѣдніе годы государыни.—Болѣзнь и кончина.—Восшествіе на престолъ Петра III.—Послѣдствія того.—Отложеніе Россіи.—Пруссія спасена. Союзники Россіи вынуждены принять невыгодный миръ.—Исторія Европы измѣнилась.—Заключеніе.

I.

Кюнередорфъ.

Преемникъ Берни пожелалъ прежде всего, какъ извѣстно, дать почувствовать даже на поляхъ битвы присутствіе новаго главы, сообщить военнымъ дѣйствіямъ новое напра-

вленіе, наносить удары въ иныхъ мѣстахъ, разить сильно дѣйствовать внушительно. Въ январѣ 1759 г. меморія, полученная л'Опиталемъ поручала ему склонить Россію оказать поддержку высадкѣ въ Шотландіи[1]). Да, между тѣмъ какъ подъ начальствомъ маршала де Брольи и маршала де Контадъ обѣ французскія арміи снова перейдутъ въ наступленіе въ Германіи, а русскіе войска для которыхъ подыскивали въ это время въ Петербургѣ новаго главнокомандующаго для замѣны неспособнаго Фермора, двинутся по уже намѣченному, пути въ Брестѣ и Тулонѣ выйдутъ въ море двѣ сильныя французскія эскадры, сопровождая флотилію плоскодонныхъ судовъ, предназначенную осуществить планъ, о которомъ Фрпдрихъ раньше велъ переговоры съ герцогомъ Ниверпэ, и высадить на берегъ Англіи армію принца Субиза. Для поддержанія этого предпріятія русскій корпусъ, отдѣленный отъ главной арміи, долженъ спуститься по Одеру до Штеттина, тамъ сѣсть на шведскія суда, посадить въ Готтенбургѣ подкрѣпленіе изъ днѣнадцати тысячъ человѣкъ и присоединиться къ Субизу въ Шотландіи на пути къ Эдинбургу и Лондону.

Ознакомившись съ этимъ планомъ, который Вольтеръ со своимъ невозмутимымъ здравымъ смысломъ называлъ заимствованнымъ изъ „Тысячи и одной ночи", Воронцовъ не отвѣчалъ отказомъ. Онъ былъ человѣкомъ очень податливымъ, да, кромѣ того, его прельщало уже испытанная легкость займа французскихъ денегъ. Онъ выставилъ лишь нѣсколько возраженій, не пришедшихъ въ голову Шуазелю и оказавшихся при разсмотрѣніи весьма вѣскими. Ни Одера, ни Штеттина, ни вспомогательнаго отряда для движенія въ этомъ направленіи не имѣлось въ распоряженіи Россіи.

---

[1]) 19-го января 1750 г. Иност. дѣла. Ср. Vandal. Легкая ошибка въ числахъ ускользнула отъ славнаго историка.

Чтобы занять только среднее теченіе рѣки, русскій штабъ считалъ необходимымъ соединеніе съ австрійской арміей Лаудона, дѣйствовавшей въ Силезіи. Исходъ осады Кольберга не могъ служить поощреніемъ для Штеттина, значительно лучше укрѣпленнаго. Ослабленная понесенными потерями и гарнизонами, содержавшимися въ восточной Пруссіи, русская армія, готовая двинуться въ походъ, насчитывала не болѣе пятидесяти пяти тысячъ человѣкъ—количество едва достаточное, чтобы,—по пріобрѣтенному опыту,—помѣряться силами съ тридцатью или тридцатью пятью тысячами, имѣвшимися въ распоряженіи Фридриха. Наконецъ и прежде всего, ни Россія, ни Швеція не находились въ объявленной войнѣ съ Англіей, и обѣ находили для себя выгоднымъ поддерживать такую фикцію. Соглашеніемъ отъ 8 марта 1759 г. въ которомъ были приглашены принять участіе Франція и Данія, они, именно, рѣшили закрыть доступъ въ Балтійское море для всѣхъ иностранныхъ военныхъ судовъ, гарантируя свободу торговли всѣмъ портамъ, не находящимся въ состояніи блокады, отказываясь отъ права снаряжать крейсеры и подтверждая такимъ образомъ впервые принципы, на основаніи которыхъ образовалась впослѣдствіи лига нейтралитета, осуществленная въ 1780 г. Екатериной [1]),

Предоставленная собственнымъ силамъ Франція не была въ состояніи выполнить смѣлые замыслы своего министра. Напрасно прождавъ появленія флота и войскъ, грозившихъ высадкой въ ея владѣніяхъ, Англія сама отправилась навстрѣчу имъ къ французскимъ берегамъ. Въ теченіе лѣта 1759 г., несмотря на блестящій успѣхъ маршала де Брольи при Бергенѣ и смѣлый набѣгъ Контада на Везеръ, бомбардировка Гавра, уничтоженіе французской Средиземной эс-

---

[1]) См. „*Романъ Императрицы*“.

кадры быстро охладили воинственный пылъ Шуазеля. Въ началѣ іюля курьеръ герцога доставилъ въ С.-Петербургъ предложеніе въ совершенно иномъ духѣ, чѣмъ то, что онъ мечталъ осуществить полгода тому назадъ. Теперь рѣчь шла о вооруженномъ посредничествѣ, какимъ Россія принудила бы Австрію и Пруссію заключить миръ на основаніи „statu quo ante". Для Франціи, по объясненію Шуазеля, не представлялось никакого интереса продолжать войну съ Пруссіей, и у нея не существовало иныхъ препятствій для соглашенія съ этой державой, какъ обязательства относительно Россіи и Австріи. Когда враждебныя дѣйствія на континентѣ прекратятся между главными воюющими сторонами, услуги С.-Петербургскаго двора могутъ быть использованы для примиренія съ Англіей. Такой планъ долженъ быть представленъ русскому канцлеру какъ личное измышленіе французскаго министра [1]).

Получивъ о томъ сообщеніе, л'Опиталь былъ лишенъ возможности сдѣлать изъ него употребленіе даже подъ такимъ конфедэнціальнымъ видомъ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ самъ Шуазель не считалъ возможнымъ на этомъ настаивать. Дѣйствительно, Воронцовъ сдѣлалъ со своей стороны посланнику предложеніе, совершенно исключавшее первое. Читатели помнятъ обмѣнъ мнѣній, происходившій съ 1756 г. между с.-петербургскимъ и вѣнскимъ дворами по поводу ратификаціи границъ, желательной для Россіи со стороны Польши взамѣнъ предоставленія республикѣ части или въ полномъ объемѣ всѣхъ предстоящихъ завоеваній въ восточной Пруссіи. Такая мысль была не нова. Уже въ 1744 г. Бестужевъ велъ переговоры съ Тираули о подобной же комбинаціи. Восточная Пруссія, отнятая у Фрид-

---

[1]) Шуазель л'Опиталю, 8 іюля 1759 г., Иностр. дѣла.

рика и уступленная Польшѣ, тамъ указывалась какъ средство добиться отъ республики окончательной уступки Пскова и Смоленска съ принадлежавшими къ нимъ округами, а также побудить Елизавету къ войнѣ. Набожность императрицы не устоитъ передъ искушеніемъ расширить такимъ образомъ предѣлы господства Православной церкви [1]). Искушеніе однако оказалось не достаточно сильнымъ; теперь вопросъ возбуждался въ иномъ видѣ: война началась, и Пруссія была завоевана. Воронцовъ хотѣлъ разузнать отъ посланника Людовика XV о намѣреніяхъ Франціи. Какъ отнесется она при заключеніи мира „къ возможному размежеванію границъ съ Польшей?“ [2]).

Отвѣтить на этотъ вопросъ предложеніемъ Шуазеля, уговорами принять „statu quo ante“,—слѣдовательно согласиться на отказъ отъ всякой мысли о расширеніи территоріальныхъ владѣній людямъ, уже помышлявшимъ объ обмѣнѣ занятой имъ области, было невозможно. Не имѣя надобности совѣщаться по этому поводу съ д'Эономъ и поддаться черезъ его посредство вліянію тайной дипломатіи — въ этомъ отношеніи слишкомъ много довѣрія оказано утвержденіямъ кавалера, преобладающимъ качествомъ котораго не была скромность [3]) —посланникъ счелъ нужнымъ увѣдомить объ томъ своего принципала. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ получить отъ него приказанія, произошло событіе, лишившее миролюбивые планы Франціи скромной надежды, имѣвшейся у нихъ на успѣхъ, и придавшее громадную вѣскость противуположнымъ притязаніямъ Россіи.

Въ началѣ 1759 г. силы, коализованныя противъ Фрид-

---

1) Тирайли Картерэ, 8 октября 1744 г. *„Сборникъ“*.

2) Л'Опиталь Шуазелю, 7 августа 1759 г. Иностр. дѣла.

3) Вандаль, Людовикъ XV и Елизавета.

риха, сосредоточили вокругъ его границъ, уже отчасти нарушенныхъ, приблизительно до 440,000 человѣкъ—125,000 французовъ на Рейнѣ и Майнѣ; 45,000 имперцевъ въ Франконіи; 155,000 австрійцевъ подъ начальствомъ Дауна въ Богеміи; 50,000 русскихъ на Вислѣ; 16,000 шведовъ близъ Штральзунда, — противъ которыхъ король могъ выставить никакъ не болѣе 220,000 человѣкъ, изъ нихъ 70,000 сражавшихся только съ французами [1]). Но до этой минуты русская армія удивляла Европу, успокоивала Фридриха, безпокоила Шуазеля и приводила въ отчаянье саму Елизавету своимъ пассивнымъ поведеніемъ. До мая вопросъ о главнокомандующемъ, оспариваемый между Ферморомъ и Бутурлинымъ—„идіотомъ", какъ называлъ его Эстергази, самъ по себѣ составлялъ препятствіе ко всякому поступательному движенію. Остановившійся наконецъ на третьемъ генералѣ выборъ царицы казался еще болѣе неудачнымъ. Избранника звали Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ. Уже старый, долго державшійся въ сторонѣ въ виду своихъ завѣдомыхъ симпатій къ Брауншвейгскому дому, составившій себѣ карьеру командованіемъ ополченіемъ въ Малороссіи, наконецъ признанный такимъ же „пруссакомъ", какъ самъ великій князь, онъ казался совершенно несоотвѣтствующимъ своему новому назначенію. Когда въ первыхъ числахъ іюня онъ прибылъ въ армію, маленькій, непредставительный, въ бѣломъ мундирѣ своихъ ополченцевъ, поднялся всеобщій крикъ. Солдаты прозвали его „курочкой" и открыто обвиняли въ трусости.

Для этой кампаніи, идя навстрѣчу желаніямъ, выраженнымъ вѣнскимъ дворомъ, „Совѣщаніе" выработало въ С.-Петербургѣ планъ, соотвѣтствовавшій стремленіямъ Маріи-Терезіи. Главная часть русскихъ войскъ должна была дви-

---

[1]) Лееръ.

нуться по направленію Силезіи, чтобы соединиться тамъ съ Дауномъ, между тѣмъ какъ тридцати или сорокатысячный отрядъ будетъ дѣйствовать въ Помераніи и осаждать Кольбергъ. Болѣе того, послѣ соединенія обѣихъ армій, русскій главнокомандующій долженъ будетъ сообразоваться съ мнѣніями своего австрійскаго коллеги [1]). Въ Петербургѣ во всякомъ случаѣ предполагали, что, покинувъ свою стоянку въ Богеміи, Даунъ двинется навстрѣчу русской арміи. Но тутъ не были приняты въ расчетъ однако достаточно извѣстныя привычки фельдмаршала. Воспользовавшись неопредѣленностью вопроса о командованіи, замедлявшей возвѣщенное совмѣстное дѣйствіе союзныхъ войскъ, онъ также не двигался съ мѣста и только въ концѣ іюня, послѣ настоятельныхъ приказаній, полученныхъ изъ Вѣны и извѣстія, что русскіе сосредоточиваются въ окрестностяхъ Познани, онъ направился къ Квейсу въ Силезіи и занялъ позицію при Маркилиссѣ. Но Салтыковъ не могъ добиться отъ него ни шага далѣе. Уступая мольбамъ русскаго главнокомандующаго, Даунъ только согласился прислать ему Лаудона съ восемнадцатитысячнымъ отрядомъ, между тѣмъ какъ генералъ Гадикъ съ другимъ отрядомъ долженъ былъ напасть на принца Генриха въ Саксоніи.

Впрочемъ, самъ Фридрихъ принялъ въ это время тактику, совершенно несогласовавшуюся съ обычной стремительностью его движеній. „Я навѣсилъ на себя въ этомъ году двадцатифунтовый грузъ“, — писалъ онъ брату. „Но“, добавлялъ онъ, „на Даунѣ виситъ полтора пуда. Духъ Святой вдохновляетъ его очень медленно“ [2]). Медленность казалась

---

[1]) Arneth, Авторъ приводитъ письмо Елизаветѣ къ генералъ-майору Шпрингеру отъ 5 (16) іюня 1759 г.

[2]) „Pol. Corresp“.

ему на этотъ разъ лучшимъ средствомъ противъ численнаго превосходства австрійцевъ. Что касается русскихъ, король разсчитывалъ на Дауна, чтобы застигнуть врасплохъ ихъ сосредоточенныя силы и уничтожить отдѣльные отряды. Тридцать тысячъ подъ командой этого генерала должны были справиться съ такой задачей. Такимъ образомъ Салтыковъ очутился въ Силезіи между Дауномъ, не намѣревавшимся двинуться къ нему на соединеніе, и Дона, своимъ движеніемъ грозившимъ отрѣзать его отъ восточной Пруссіи' гдѣ находилась теперь база его дѣйствій, Вслѣдствіе этого, вмѣсто того, чтобы двинуться на югъ къ Глогау, какъ указывалъ ему австрійскій генералиссимусъ, русскій генералиссимусъ направился на западъ, въ сторону Франкфурта, гдѣ онъ чувствовалъ лучше обезпеченной свою линію сообщенія, и на Одерѣ назначалъ мѣсто встрѣчи австрійцамъ, разъ соединеніе на границѣ Силезіи представлялось невозможнымъ.

Опять Дона слѣдовало воспрепятствовать такому движенію, по крайней мѣрѣ, таково было мнѣніе Фридриха. Но вторично генералъ его оказался не въ силахъ исполнить возложенную на него задачу. Хотя еще не вполнѣ сосредоточившіеся русскіе всюду представляли величину внушительную. Послѣ суроваго разноса несчастнаго Дона, король замѣнилъ его 24-го іюля генераломъ Веделлемъ, „превосходнымъ Веделлемъ, всегда хорошо исполняющимъ все, что ему поручено и даже часто сверхъ моихъ ожиданій“ [1]). Этому „храбрецу“ и „другу“, онъ далъ права римскаго диктатора, приказывая ему двинуться прямо на врага, нападать на него при каждомъ представившемся случаѣ и разбивать, что совсѣмъ нетрудно. Однако, нѣсколько дней

---

[1]) De Gatt. „Journal“

спустя, 24-го іюля, Фридрихъ спохватился. Ему пришли въ голову нѣкоторыя случайности, когда это могло оказаться труднымъ, и онъ снова писалъ Веделлю: „Если русскіе занимаютъ такую позицію, что нельзя ихъ атаковать, такъ оставьте ихъ лучше въ покоѣ“ [1]).

Но было слишкомъ поздно. Повинуясь приказу, Веделль уже сдѣлалъ попытку застичь русскихъ врасплохъ, при ихъ движеніи на Цюллишау, однако былъ окруженъ, отрѣзанъ отъ Одера и Франкфурта и разбитъ при Кайѣ (или Пальцигѣ), потерявъ отъ шести до восьми тысячъ человѣкъ [2]). На этотъ разъ дорога къ Одеру, Франкфурту, Берлину широко открылась передъ побѣдителями.

„Можно ли себя вести такимъ дурацкимъ образомъ!“—воскликнулъ Фридрихъ, получивъ извѣстіе о сраженіи. Веделль пересталъ быть храбрецомъ и другомъ, а превратился въ худшаго изъ глупцовъ. Однако, слѣдовало придти ему на помощь. „Я его спасу, или погибну“, писалъ король брату, „но“ добавлялъ онъ, сравнивая пораженіе, понесенное французами при Минденѣ (1-го августа), „мои медвѣжатники не французы и артиллерія Салтыкова во сто разъ выше, чѣмъ у Контада“.

6-го августа Фридрихъ соединился съ разбитымъ диктаторомъ и 9-го подъ его начальствомъ сосредоточилось приблизительно сорокъ восемь тысячъ человѣкъ, съ ста четырнадцатью орудіями тяжелой артиллеріи, помимо полковыхъ пушекъ,—величайшая армія, когда-либо бывшая въ его распоряженіи, достаточная, слѣдовало бы ожидать, при такомъ вождѣ, чтобы помѣриться силами съ сорока одной тысячью регулярныхъ войскъ и двумястами крупныхъ орудій, находившихся подъ командой Салтыкова, даже если добавить сюда восемнадцать

---

1) „Pol. Corresp.“. „Preussische Urkundebücher“.

2) Schaef'er, Geschichte des siebenjährigen Krieges“; Масловскій.

тысячъ Лаудона, казаковъ и калмыковъ [1]), тѣмъ болѣе, что русскіе и австрійцы еще не соединились и даже не столковались относительно соединенія. Ихъ раздѣлялъ Одеръ, и тѣ и другіе отказывались переправиться черезъ рѣку; Салтыковъ, попрежнему требуя прибытія Дауна къ Франкфурту, чтобы вмѣстѣ съ нимъ двинуться на Берлинъ и оттуда продиктовать условія мира, а австрійскій генералиссимусъ, полный одной заботы, какъ бы привлечь русскаго главнокомандующаго въ Силезію, для ея покоренія. Инструкцій, подчинявшихъ его Дауну, въ случаѣ соединенія обѣихъ армій, Салтыковъ совершенно не желалъ признавать, такъ какъ соединеніе не состоялось, а Лаудонъ ссылался на то же обстоятельство, отказываясь отъ повиновенія Салтыкову. Отъ генераловъ несогласія распространялись и на солдатъ, вызывая раздоры, проникшіе даже за стѣны Франкфурта, куда русскіе, уже занявшіе городъ, не хотѣли впускать австрійцевъ [2]).

Фридриху извѣстны были всѣ эти подробности, и все-таки въ душѣ онъ не чувствовалъ прежней непоколебимой увѣренности и высокомѣрнаго презрѣнія, какое раньше вызывали въ немъ „сѣверные варвары". Битвы при Цюрндорфѣ и при Кайѣ оставили на немъ глубокое впечатлѣніе. „Грѣшникъ въ чистилищѣ находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ я сейчасъ", писалъ онъ принцу Генриху; „мы нищіе, у насъ осталась только честь; сдѣлаю все возможное, чтобы ее спасти [3]). Кромѣ того, онъ опасался еще движенія Гадика на Берлинъ. Рѣшительная побѣда надъ русскими была единственной надеждой на спасеніе. Поэтому слѣдовало попытать счастья, и

---

1) Лееръ „loc. cit.".

2) Донесеніе Лаудона Дауну. 8-го авг. 1750 г. „Hist. Zeitschrift".

3) 10 августа 1759 г. „Pol. Corresp.".

Фридрихъ на это рискнулъ. 10-го августа, перейдя Одеръ ночью, чтобы напасть на Салтыкова, онъ положилъ конецъ ссорѣ между русскимъ и австрійскимъ генералами. Подъ страхомъ обвиненія въ измѣнѣ, Лаудонъ долженъ былъ послѣдовать его примѣру.

Какъ и при Цорндорфѣ, король разсчиталъ обойти русскія позиціи и уничтожить армію Салтыкова раньше, чѣмъ Лаудонъ успѣетъ придти ей на помощь. Австрійскій генералъ также перешелъ Одеръ; донесенія, полученныя въ прусскомъ лагерѣ, сообщали, что онъ расположился близъ предмѣстья Франкфурта, въ мѣстности, называемой до сихъ поръ „Laudonsgrund", гдѣ болотистое пространство отдѣляло его отъ праваго крыла русской арміи, занимавшей по сосѣдству съ городомъ укрѣпленныя высоты близъ селенія Кюнерсдорфъ. Но армія Фридриха была уже не та, какой командовалъ онъ при Росбахѣ или при Лиссѣ. Лишенная лучшаго своего состава двадцатью кровопролитными битвами, пополненная наскоро обученными новобранцами, она не обладала ни прежней стойкостью, ни гибкостью, ни даже настолько хорошо организованной развѣдочной службой, какъ раньше. Обходное движеніе удалось, но, исполненное вяло, предоставило русскимъ гораздо больше времени, чѣмъ при Цорндорфѣ, чтобы совершить перемѣну фронта съ сѣвера на югъ. Позиція Лаудона была связана съ русскими позиціями плотиной, наскоро устроенной. Битва началась только въ одиннадцать часовъ утра, и Салтыковъ достаточно подготовился, чтобы выдержать натискъ прусской атаки.

И все-таки еще разъ Фридрихъ могъ вначалѣ поздравить себя съ полной побѣдой. Рѣшивъ своимъ вѣрнымъ глазомѣромъ обрушиться на лѣвое (восточное) крыло непріятеля, подъ командой Голицына, наиболѣе слабое, наихудше расположенное и наиболѣе отдаленное отъ австрійцевъ, онъ не за-

медлилъ обратить его въ бѣгство. Въ два часа Фридрихъ былъ хозяиномъ Мюльберга, одной изъ трехъ высотъ, гдѣ укрѣпился окопами Салтыковъ. Въ три часа онъ отнялъ у врага больше половины мѣстности, занятой имъ утромъ, и, какъ при Цюрндорфѣ, послалъ сообщеніе о побѣдѣ въ Берлинъ. Получивъ въ эту минуту съ курьеромъ отъ принца Генриха подробности битвы при Минденѣ, онъ съ гордостью отвѣчалъ брату: „Мы въ этомъ отношеніи не отстаемъ отъ васъ". И въ это же время, сойдя съ коня и ставъ на колѣни передъ фронтомъ, въ позѣ мольбы и отчаянья, Салтыковъ, со слезами на глазахъ, молился Богу, въ чьей только власти было спасеніе его отъ неминуемой гибели [1]).

Писатели болѣе компетентные, чѣмъ я, отзывались съ большой похвалой о русскомъ генералиссимусѣ, находя, что во время этой битвы и въ теченіе всей кампаніи онъ показалъ себя достойнымъ помѣриться силами съ побѣдителемъ при Росбахѣ и при Лиссѣ. Не смѣя имъ противорѣчить и снова предоставляя читателямъ трудъ вывести собственное заключеніе изъ фактовъ, мной представленныхъ, я только замѣчу, что оба полководца, очевидно, пользовались различными средствами, и на почвѣ набожности ученикъ Вольтера былъ побѣжденъ заранѣе. Остается провѣрить, слѣдуетъ ли приписать молитвамъ Салтыкова и божественному по нимъ вмѣшательству дальнѣйшія событія этого дня.

Къ тремъ часамъ пополудни побѣда была на сторонѣ Фридриха. Долженъ ли былъ король ограничиться такимъ полууспѣхомъ? Таково было мнѣніе всѣхъ его генераловъ, за исключеніемъ Веделля. Побѣжденный при Кайѣ мечталъ о полномъ отомщеніи, и безъ труда его мнѣніе одержало верхъ надъ всѣмъ остальнымъ. Вѣдь самому Фридриху необходимо было, если не

Болотовъ „Записки".

отомщеніе, то рѣшительная побѣда, одна изъ тѣхъ, что прекращаютъ дальнѣйшія наступательныя дѣйствія непріятеля и знаменуютъ собой окончаніе войны. Ему необходимо было уничтожить русскую армію, освободить Франкфуртъ, обезпечить Бранденбургу безопасность и возможность отразить нападеніе Гадика и Дауна. „Итакъ, впередъ!“ воскликнулъ король. Къ нему вернулась увѣренность, а вмѣстѣ съ нею ошибка въ расчетѣ, уже бывшая для него роковой. И на этотъ разъ онъ надѣялся на деморализацію, внесенную въ русскую армію бѣгствомъ одной изъ ея частей.

Однако, ни центръ, ни правое крыло русской арміи не дрогнули, а Лаудонъ еще только готовился принять участіе въ битвѣ. Въ центрѣ, за стѣнами кладбища, обращеннаго въ крѣпость, тяжелая русская артиллерія оставалась въ неприкосновенности, защищая сплоченные ряды солдатъ, не обнаружившихъ никакого смятенія и встрѣтившихъ невозмутимою стойкостью обрушившееся на нихъ яростное нападеніе самонадѣяннаго врага. Нѣмецкіе историки единогласно приписываютъ Лаудона и его австрійцамъ честь этой второй фазы сраженія. Безъ сомнѣнія, искусство и храбрость одного изъ лучшихъ генераловъ, Дауна, оказались не безполезными. Но по удостовѣренію самого Фридриха, никакому искусному маневру не суждено было играть больше роли въ битвѣ и рѣшить ея исходъ. Человѣческія волны налетали на живую скалу и безсильно о нее разбивались. Такое впечатлѣніе рисуютъ намъ наиболѣе убѣдительныя свидѣтельства. Трижды велъ король въ атаку свою пѣхоту, трижды она отступала, опустошенная русскими батареями. Желая воспользоваться собственной артиллеріей, Фридрихъ замѣтилъ, что песчаный грунтъ не позволяетъ продвинуть ее впередъ. Онъ приказалъ Зейдлицу произвести атаку.

— Мы будемъ убиты!—замѣтилъ хрбрый, но предусмотрительный воинъ.

Получивъ повторное приказаніе, онъ повиновался и палъ во главѣ первыхъ эскадроновъ. Къ пяти часамъ кавалерія была выведена изъ строя, а пѣхота отказывалась итти въ атаку, не повинуясь голосу самаго Фридриха. И тутъ подоспѣли австрійцы. Устремивъ на уже дрогнувшіе ряды прусаковъ четырнадцать свѣжихъ эскадроновъ, Лаудонъ безъ труда ихъ опрокинулъ и обратилъ въ бѣгство. Теперь съ этой стороны сразу началось отступленіе, общее, полное. Подъ Фридрихомъ были убиты двѣ лошади, вся одежда его была изорвана пулями, и онъ также покинулъ поле битвы, умчавшись во весь опоръ своего коня. Лежавшій у него въ карманѣ золотой футляръ, задержалъ пулю, которая иначе оказалась бы смертельной. Жертвуя собой во главѣ сорока Цитенскихъ гусаръ, ротмистръ Притвицъ прикрывалъ отступленіе государя [1]).

Среди жертвъ битвы находился съ прусской стороны Эвальдъ фонъ Клейстъ, поэтъ „Весны", павшій въ атакѣ австрійскаго батальона.

Пораженіе было ужасное. Изъ сорока восьми тысячъ, находившихся наканунѣ подъ его начальствомъ, у Фридриха не осталось и трехъ. Очевидно, Салтыковъ и Лаудонъ будутъ продолжать наступленіе, соединятся съ Гадикомъ и Дауномъ, займутъ Бранденбургъ, Силезію, овладѣютъ Берлиномъ и Бреславлемъ, заставятъ короля просить пощады, и чтобы этому воспрепятствовать не осталось у него никакихъ силъ, никакой надежды. То былъ конецъ, развязка неравной борьбы, гдѣ онъ неминуемо долженъ былъ погибнуть, теперь, повидимому, столь неизбѣжная и рисовавшаяся передъ героемъ съ такой очевидной, мучительной ясностью, что его стальная душа готова была сломиться подъ уда-

---

1) Schaef'er „loc. cit.". Stichle „Die Schlacht bei Künersdorf" 1859 г.; Лееръ „loc. cit"; Соловьевъ „loc. cit".

ромъ. Онъ снова взялся за перо и написалъ брату слѣдующія слова:

„Я этого не переживу; послѣдствія дѣла хуже, чѣмъ само дѣло. У меня нѣтъ больше никакихъ силъ... Мнѣ кажется, что все погибло... Я не переживу гибели своей родины. Прощай, навѣки“.

Повидимому, дѣйствительно, четыре-пять дней послѣ пораженія Фридрихъ носился съ мыслью о самоубійствѣ. 13 и 14 августа онъ передалъ командованіе генералъ-лейтенанту Финку, сказавшись больнымъ, и одинъ изъ его секретарей писалъ министру Финкенштейну: „Его Высочество находится въ удрученномъ состояніи, безконечно огорчающемъ всѣхъ, кто имѣетъ честь при немъ находиться... Положеніе вещей считаютъ почти безнадежнымъ и сообразно тому поступаютъ...“

Однако ни руусскіе, ни австрійцы не торопились перейти въ ожидавшееся наступленіе, и уже 16 августа Финкенштейнъ имѣлъ удовольствіе получить записку, гдѣ возродился Фридрихъ лучшихъ дней,—человѣкъ, которому можно отказать въ любви, потому что въ немъ было мало привлекательнаго, но не въ удивленіи, такъ какъ онъ являетъ собой одинъ изъ самыхъ разительныхъ умственныхъ и нравственныхъ феноменовъ, знакомыхъ міру. Король овладѣлъ собой и писалъ: „Если русскіе перейдутъ Одеръ и только вздумаютъ направиться къ Берлину, мы дадимъ имъ сраженіе, скорѣе для того, чтобы умереть подъ стѣнами своей родины, чѣмъ въ надеждѣ ихъ побѣдить... Я рѣшилъ погибнуть на вашей защитѣ“. Это не была еще воскресшая увѣренность въ успѣхъ, но уже возродившееся мужество и окрѣпшая воля. Фридрихъ продолжалъ создавать всю опасность своего положенія, дѣйствительно, почти отчаяннаго. Немногочисленныя войска уцѣлѣвшія отъ ужаснаго разгрома собирались вокругъ него.

Занявъ съ ними позицію при Мадлицѣ, къ сѣверу отъ Фюрстенвальдъ, чтобы преградить путь къ Берлину завоевателямъ, онъ говорилъ: „Я буду биться, сражаясь за родину; но смотрите на это рѣшеніе, какъ на послѣднее напряженіе моихъ силъ... Клянусь вамъ, что нельзя рисковать болѣе меня. Вскорѣ я соберу до тридцати тысячъ человѣкъ. Этого было бы достаточно, если бы лучшіе наши офицеры были на лицо, если бы негодяи хотѣли исполнить свой долгъ. Но чтобы ничего отъ васъ не скрывать, долженъ вамъ сказать, что опасаюсь своихъ войскъ больше, чѣмъ непріятеля. Онъ оставляетъ мнѣ досугъ совсѣмъ некстати... Я имъ воспользовался, чтобы не нарушить вѣрности родинѣ, и, если канальи меня покинуть, я за ними не послѣдую [1])".

„Негодяи", „сволочи", „старыя"... „канальи", готовые покинуть своего вождя и болѣе опасные для него, чѣмъ непріятель—вотъ что могъ выставить Фридрихъ противъ солдатъ Салтыкова, умиравшихъ, цѣлуя свое оружіе, и вотъ въ чемъ секретъ его пораженій. Но доказавъ, чего стоили солдаты, находившіеся подъ его начальствомъ, Салтыковъ доказалъ, чего стоилъ ихъ полководецъ,

Прошло еще нѣсколько дней и конечно весьма не кстати, противъ всякаго ожиданія, противъ всякаго вѣроятія ни русскіе, ни австрійцы не появлялись тамъ, гдѣ ихъ ожидали. Наконецъ 30 сентября Фридрихъ возвѣстилъ принцу Генриху „чудо Бранденбургскаго дома" [2]). Вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ двинуться впередъ и завершить побѣду, побѣдители разошлись и отступили, одни, направляясь въ сторону Саксоніи, а другіе въ сторону Силезіи. Берлинъ былъ спасенъ и Фридрихъ могъ вздохнуть свободно.

---

1) „Pol. Corresp.".
2) Ibid.

Такое поведеніе имѣетъ свое объясненіе. Когда на слѣдующій день послѣ Кюнередорфа Лаудонъ прибылъ въ русскую штабъ-квартиру, чтобы обсудить преслѣдованіе побѣжденнаго врага, то засталъ лишь людей бражничавшихъ, празднуя свою побѣду и рѣшившихъ успокоиться на лаврахъ. Въ арміи Салтыкова было 13,477 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, и русскій генералссимусъ не желалъ ничего слышать о новомъ сраженіи, гдѣ ему и арміи предстояло бы рисковать такъ дорого доставшейся славой. Теперь чередъ за австрійцами. Отлично!—отвѣчалъ Лауданъ, скоро подойдетъ Даунъ. Дѣйствительно, при извѣстіи о пораженіи Фридриха, австрійскій генералиссимусъ поспѣшилъ прибыть, но одинъ, оставивъ войска позади. Чтобы ихъ привести, необходимо было время и оно же нужно было, чтобы обдумать предстоящія дѣйствія и обсудить ихъ условія.

Единственное дѣло не терпѣвшее отлагательствъ было очень просто: броситься въ догонку Фридриху и, если онъ ускользнетъ, итти на Берлинъ. Въ распоряженіи короля было всего нѣсколько тысячъ человѣкъ. Онъ такъ говорилъ и это была дѣйствительная правда. Съ оставшейся наличностью русскихъ и австрійцевъ можно было съ увѣренностью не расчитывать на серьезное сопротивленіе. Но слѣдовало не терять времени: чего Даунъ не зналъ. Слѣдовало дѣйствовать быстро: чего Салтыковъ не хотѣлъ. Съ первыхъ словъ начатыхъ переговоровъ обнаружилось ничтожество высшаго начальства съ той и другой стороны. Даунъ предлагалъ: итти вмѣстѣ на Берлинъ, двинуться сообща на Силезію. остаться подъ Франкфуртомъ, отправивъ небольшой отрядъ по направленію прусской столицы. Салтыковъ возражалъ: итти въ Силезію значило для русскихъ служить исключительно интересамъ Австріи! И кто же пойдетъ на Берлинъ, разъ съ Дауномъ не было войскъ? Опять русскіе, съ гор-

сточкой австрійскихъ союзниковъ? Это дѣло не подходящее! Русскіе не желаютъ болѣе жертвовать собой для союзниковъ. Они достаточно сдѣлали для общихъ интересовъ и для славы.

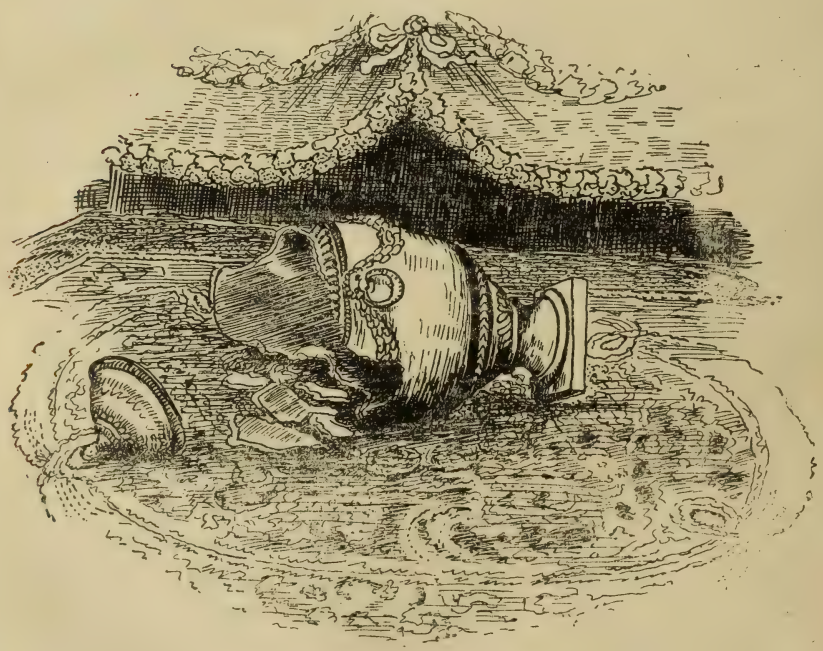
Свиданіе генералиссимусовъ въ Гюбенѣ, 22 августа, не привело къ соглашенію. Между тѣмъ къ Фридриху уже подошло подкрѣпленіе, надежда достичь Берлина безъ боя исчезла, и для начала совмѣстныхъ дѣйствій въ Силезіи Даунъ считалъ теперь нужнымъ дождаться взятія Дрездена, осажденнаго австрійцами. Черезъ нѣсколько дней послѣ свиданія, узнавъ, что король Пруссіи ослабилъ свои силы, отправивъ отрядъ неизвѣстно куда, Салтыковъ словно почувствовалъ раскаяніе въ своемъ малодушіи и безпечности. Теперь онъ самъ предложилъ Дауну сдѣлать попытку въ этомъ направленіи. Австрійскій генералъ отвѣчалъ, что готовъ съ удовольствіемъ;—только для перехода изъ штабъ-квартиры въ Прибелѣ до предполагаемаго поля дѣйствій ему понадобится двадцать одинъ день! Русскій генералиссимусъ счелъ это за насмѣшку и какъ-будто въ отместку, передвинувшись къ югу, въ сторону Либероде, позволилъ Фридриху соединиться съ принцемъ Генрихомъ.

„Люди эти поступаютъ точно пьяные“, объявилъ король [1]). Даже взятіе Дрездена, происшедшее 4 сентября, опередивъ ихъ ожиданіе, не подвинуло союзниковъ рѣшиться на что бы то ни было, Даунъ, по-прежнему, находя причины въ оправданіе своего бездѣйствія, а Салтыковъ охотно покоряясь участи, не дававшей ему стяжать новые лавры. Такимъ образомъ кампанія увѣнчала Россію славой, не давъ ей однако никакого рѣшательнаго преимущества и измѣнившееся сна-

---

[1]) „Pol. Corresp.“. Масловскій „*Австрорусскій союзъ*“ въ 1759 г.

чала, повидимому, въ корень положеніе воюющихъ сторонъ, къ концу года оказалось почти безъ перемѣнъ, направивъ естественнымъ образомъ наиболѣе потерпѣвшихъ изъ нихъ на путь дипломатіи, гдѣ онѣ уже пытались укрыть свое разочарованіе и утомленіе.



II.

Дипломатическая компанія.

Первымъ выступилъ герцогъ де Шуазель, И прежде всего, при первомъ извѣстіи о битвѣ при Кюнерсдорфѣ онъ поспѣшилъ отвѣтить на запросъ Воронцова относительно территоріальнаго расширенія Россіи за счетъ Польши. Отвѣтъ былъ отрицательный или, по крайней мѣрѣ, уклончивый? Такъ предполагали [1]). Мнѣ не вѣрилось этому, даже не видавъ еще депеши министра. Вотъ мѣсто, касающееся этого щекотливаго вопроса: „Его высочество весьма охотно постарается сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы доставить Ея Величеству полное удовлетвореніе относительно размежеванія границъ русской Имперіи въ Польшѣ“ [2]). Было это, какъ я уже сказалъ, сейчасъ же вслѣдъ за Кюнерсдорфомъ. Вся Европа взволновалась вѣстью о пораженіи Фридриха. Россія своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ казалось поправила печальныя дѣла коалиціи и получила возможность предписывать условія мира. Мѣсяцъ спустя дѣло уже обстояли иначе. Вмѣстѣ съ престижемъ Россіи рушилась надежда принудить Фридриха къ сдачѣ, и сейчасъ же Шуазель

---

[1]) Vandal. „Loc. cit“

[2]) Де л'Опиталю, 9 сент. 1759 г. Иностр. дѣла.

вспомнилъ о предложеніи, какое онъ самъ сдѣлалъ, или, по крайней мѣрѣ, собрался сдѣлать, въ С.-Петербургѣ по поводу мира и необходимости отказаться для достиженія его отъ всякой мысли о завоеваніяхъ. Почему маркизъ де л'Опиталь до сихъ подъ не озаботился узнать, какъ отнесутся къ подобному предложенію? О чемъ онъ думалъ? Министръ забылъ о причинахъ, побуждавшихъ его подчиненнаго хранить, въ этомъ отношеніи молчаніе, до сихъ поръ казавшихся ему самому очень вѣскими. Въ такихъ случаяхъ всегда остаются виноватыми подчиненные. Шуазель сдѣлалъ посланнику строгій выговоръ: „за отсутствіемъ желанія или умѣнія исполнять данныя порученія, ему слѣдовало ходатайствовать о своемъ отозваніи“ [1]).

Де л'Опиталь тѣмъ менѣе заслужилъ подобные упреки, что уже самъ хлопоталъ о предложенномъ ему теперь отъѣздѣ, какъ только оборотъ военныхъ дѣйствій представилъ къ этому возможность. Однако результатъ получился неудовлетворительный. Воронцовъ отвѣтилъ сначала просьбой подождать до окончанія войны, затѣмъ выдвинулъ вопросъ о расширеніи владѣній. [2])

Этотъ вопросъ и роль, сыгранная Франціей въ переговорахъ, возникнувшихъ по этому поводу, привели къ выводамъ по моему мнѣнію настольо ошибочнымъ, истекавшихъ

---

2 октября 1759 г. Иностр. дѣла. Но эта депеша, не іюльская, инструкція которой въ ней только подтверждалась, не встрѣтились по пути въ С,-Петербургъ, какъ утверждаетъ Вандаль (Ioc. cit. 360), съ курьерами, везшими изъ Россіи и изъ Германіи извѣстіе о битвѣ при Кюнерсдорфѣ. Въ іюлѣ это было бы слишкомъ рано, потому что битва произошла только въ августѣ, а въ октябрѣ слишкомъ поздно такъ какъ Людовикъ XV поздравлялъ 15 сентября Елизавету по этому поводу.

[2]) Л'Опиталь Щуазелю, 3 и 27 октября 1752 г. Иностр. дѣла.

изъ взглядовъ настолько ложныхъ, что я долженъ посвятить нѣсколько строкъ краткому возраженію.

Подъ впечатлѣніемъ запоздалаго открытія тайнобрачнаго нароста французской дипломатіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, извѣстнаго теперь поъ названіемъ „Тайны короля“ не представлявшаго ни чего особеннаго ни для той эпохи, ни для Франціи, несмотря на то, что обстоятельства придали ему въ это время и въ рѣшеніяхъ Людовика XV исключительную полноту, нѣкоторые историки поддались искушенію непомѣрнаго преувеличенія различія взглядовъ и политическихъ направленій, проистекавшихъ изъ такой двойственности. Въ данномъ случаѣ такое раздѣленіе истолковывалось даже рѣшительнымъ противоборствомъ между герцогомъ де Шуазель и государемъ, при чемъ первый настаивалъ на необходимости поощренія русскихъ интересовъ, солидарныхъ теперь съ французскими, второй же, наоборотъ, упорствовалъ въ борьбѣ съ ними, щадя своихъ польскихъ друзей и содѣйствуя тому же въ возраженіяхъ, органомъ которыхъ служила тайная дипломатія. Естественнымъ образомъ воля короля одержала верхъ и планъ обмѣна, для котораго Россія просила поддержки союзниковъ, былъ поэтому оставленъ и Франція принесена въ жертву Польшѣ. [1])

Подобныя утвержденія приводятъ меня въ совершенное недоумѣніе. Пусть читатели не забываютъ, что рѣчь шла объ уступкѣ Республикѣ Восточной Пруссіи въ обмѣнъ на часть Украйны, т.-е. объ осуществленіи самой завѣтной мечты

1) Vandal. Ср. Бильбасова *„Имп. Екатерины“*. Мнѣ трудно оспаривать данное обстоятельство и нѣкоторыя другія у Бильбасова, такъ какъ русскій историкъ поддался убѣжденію, что въ 1757 г. если не раньше, герцогъ Шуазель передалъ свой портфель другому министру иностранныхъ дѣлъ, а именно графу де Брольи.

какую могли питать современные польскіе патріоты. Присоединить къ раздробленному уже наслѣдію Пястовъ и Ягелоновъ этотъ уголокъ польской земли, колыбель ихъ могущества; посредствомъ отказа отъ владѣній, уже само собой ускользавшихъ изъ рукъ Польши, сдѣлать доступнымъ этому краю, дѣйствительное пользованіе моремъ, получивъ сто лье морского берега отъ Эльбинга до Мемеля; вернуть ему естественное направленіе развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ нанести смертельный ударъ разрастающемуся и угрожающему могуществу бывшаго вассала—вѣдь это было спасеніе, политическая будущность, предохраненная отъ черезчуръ явныхъ опасностей, обезпеченное экономическое будущее, перспектива открывающаяся на несоизмѣримыя судьбы! И воспрепятствовать этому стремилось преувеличенное полонофильство Людовика XV и его тайныхъ совѣтниковъ!

Такимъ образомъ получается абсурдъ. Подобный выводъ объясняется ложной точкой отправленія, безусловно ошибочнымъ пониманіемъ традиціонной роли французской политики на берегахъ Вислы. Вмѣшательствомъ во внутреннія несогласія страны и содѣйствіемъ поддержанію анархіи герцогъ де Шуазель не ввелъ новой системы, какъ предполагали нѣкоторые. Такая система примѣнялась уже давно, что, кажется, мнѣ удалось установить въ полемикѣ, когда со мною согласился въ этомъ отношеніи наиболѣе компетентный и любезный изъ оппонентовъ [1]). Подобная политика шла ли на пользу Польшѣ? Никто не станетъ этого утверждать! Она приносила пользу Франціи, какъ, впрочемъ, и подобало; она обезпечивала ей лишнюю поддержку на подобіе Турціи, Венгріи, Швеціи, въ ея вѣковой борьбѣ съ Герма-

[1]) См. въ „Revue d'histoire diplomatique". Изслѣдованіе по этому вопросу по поводу книги герцога де Брольи и отвѣтъ автора.

ніей. Слѣдовало ли отказаться отъ линіи разноцентренной обороны, протянувшейся такимъ образомъ отъ Константинополя до Стокгольма, благодаря новому сочетанію европейскихъ союзовъ, созданному версальскимъ договоромъ? Никто во Франціи этого не допускалъ.

Всеобщее мнѣніе было, что союзы не вѣчны, и что податливую Польшу полезно сохранить про всякой случай. Однако Людовику XV, по волѣ случайныхъ обстоятельствъ, принадлежитъ заслуга пониманія болѣе яснаго и опредѣленнаго, чѣмъ имѣвшееся у его офиціальныхъ совѣтниковъ. Обстоятельства эти были слѣдующія: присутствіе около короля принца по имени Луи Франсуа де Конти и присутствіе въ канцеляріи департамента внѣшнихъ сношеній чиновника, котораго звали Терсье. Принцъ былъ полонъ честолюбивыхъ замысловъ, мечталъ сдѣлаться гдѣ-нибудь королемъ или правящимъ герцогомъ, а чиновникъ отличался скромностью, и съ превосходнымъ знаніемъ политическаго положенія Европы соединялъ большой здравый смыслъ. Одному удалось привлечь вниманіе своего кузена къ Польшѣ, гдѣ представлялась возможность получить корону, и къ проблемѣ давнишнихъ отношеній этой страны къ странамъ сосѣднимъ Франціи; второй сумѣлъ объяснить королю невозможность соглашенія вещей несовмѣстимыхъ: дружбы съ Республикой и союзъ съ Россіей; обязательствъ принятыхъ въ Стокгольмѣ или Константинополѣ съ предполагаемыми на берегахъ Невы по вопросамъ прямо противоположнымъ. Но видѣть въ русскомъ союзѣ возможное и достаточное возмѣщеніе политическихъ связей, къ нарушенію которыхъ онъ долженъ былъ привести, никому еще не приходило въ голову. Странѣ пережившей послѣ Петра Великаго почти непрерывный рядъ революціонныхъ переворотовъ, повидимому, грозили новыя и близкія внутреннія смуты. Никто въ Европѣ

не считалъ ее способной долго удержаться на теперешней высотѣ великой державы. Никто не имѣлъ понятія о ея дѣйствительныхъ силахъ и скрытой мощи.

Кандидатура принца де Конти, наслѣдіе Августа III не могла быть проведена открытымъ путемъ; послѣ Версальскаго договора, противорѣча до извѣстной степени проистекавшему отсюда новому направленію, благоразумныя воззрѣнія Терсье по прежнему требовали тайны; по своему характеру человѣка робкаго, по привычкамъ частной жизни, посвященной тайнымъ удовольствіямъ, Людовикъ XV чувствовалъ склонность къ игрѣ въ прятки и бесѣдамъ наединѣ: такимъ образомъ она поддерживалась и развивалась. Занимаясь польскими интересами? Вовсе нѣтъ! Преслѣдуя французскіе интересы въ Польшѣ. Посланникъ Франціи въ Варшавѣ, такой представитель тайной дипломатіи, какъ графъ де Брольи, душа великодушная и умъ химерическій, могъ иногда терять изъ вида эту главную задачу, подъ вліяніемъ окружающей среды, заразившись мыслями, чувствами, страстями и ослѣпленіемъ кучки мѣстныхъ пылкихъ патріотовъ, впрочемъ только подготовлявшихъ несчастье своей родины. Но, объявляя вмѣстѣ съ ними войну Россіи, онъ воображалъ, что служитъ Франціи. И русскія притязанія показались опасными Людовику XV и даже герцогу Шуазелю, когда видѣніе Кюнерсдорфа перестало туманить взоръ министра, съ точки зрѣнія исключительно французской, не имѣвшей въ виду ничьихъ больше интересовъ: опасными прежде всего, потому что преслѣдовали цѣль водворить въ Германіи, нарушая уже пошатнувшееся равновѣсіе, или Россію, непомѣрно усилившуюся, или Польшу окрѣпшую и способную оказаться не столь податливой; въ особенности потому что весьма пріятныя Австріи, онѣ должны были вовсе не понравиться Турціи. Послѣ Вестминстерскаго договора „ниспро-

верженіе союзовъ“ стало, безъ сомнѣнія, для Франціи необходимостью, но тутъ она подвергалась явнымъ опасностямъ. Она отказывалась отъ дружбы государя, безспорно союзника весьма не привлекательнаго, признававшаго однако Рейнъ естественной границей своей сосѣдки[1]). Для того что бы сблизиться съ кѣмъ? Съ „вѣковыхъ временъ“ какъ говорилось до сихъ поръ, съ коварной Россіей“ какъ по прежнему утверждалъ д'Аржансонъ[2]). Самой большой опасностью грозилъ-бы разрывъ такъ же вѣковыхъ сношеній съ Турціей. А если бы состоялся обмѣнъ, предположенный Россіей, то Турція перемѣнивъ сосѣда получила бы могущественнаго и задорнаго, вмѣсто слабой и миролюбивой Польши. Если Франція отнесется благопріятно или окажетъ содѣйствіе такому плану, что останется въ Константинополѣ отъ традицій, поддерживавшихся Вилльневомъ, Бонневалемъ, Кастелланомъ?

Герцогъ Шуазель не могъ не понимать этого. Онъ не сознавалъ этого такъ ясно, какъ Людовикъ XV или Терсье, во первыхъ, потому что кругозоръ его вообще довольно широкій и разносторонній становился обыкновенно весьма смутнымъ и частностяхъ,--у него было дальнозоркое зрѣніе,— и затѣмъ, вслѣдствіе того, что ему приходилось болѣе непосредственно сталкиваться съ затрудненіями власти. Король былъ сторонникомъ идеальной политики и придерживался принциповъ; министръ руководилъ практической политикой и изыскивалъ способы. Если, оказавъ въ сентябрѣ 1759 г. благопріятный пріемъ предложенію Воронцова, герцогъ затѣмъ передумалъ, то исключительно вслѣдствіе указанныхъ мною причинъ, а именно потому, что въ сентябрѣ онъ

---

1) Фридрихъ „Histoire de mon temps“ въ „Publicationen aus den preussischen Staatsarchiven“ (Max Posner).

2) „Journal“.

имѣлъ дѣло съ побѣдителями при Кюнерсдорфѣ, а въ октябрѣ лавры, увѣнчавшіе Салтыкова, уже поблекли — и никакое невидимое вмѣшательство тайной дипломатіи, ни малѣйшаго слѣда которой, впрочемъ, не обнаружено, не сыграло тутъ никакой роли.

Такимъ образомъ возникшее разногласіе между обоими элементами версальской политики касалось, слѣдовательно, главнымъ образомъ вопроса о „способѣ", о возможномъ совмѣстительствѣ старинныхъ связей Франціи съ Турціей, Польшей, Швеціей, съ дружескимъ сближеніемъ съ Россіей. Герцогъ Шуазель считалъ его осуществимымъ, а Людовикъ XV находилъ невозможнымъ, благодаря чему неизбѣжно должно было возникнуть извѣстное противорѣчіе въ инструкціяхъ, посылавшихся изъ Версаля въ Петербургъ и въ Варшаву. Но такое несогласіе никогда не имѣло большого значенія и сами факты позаботились его сгладить, а затѣмъ изгнать вовсе, поставивъ передъ той и другой стороной единственное логическое рѣшеніе съ неизбѣжными послѣдствіями.

Что явствуетъ изъ дальнѣйшаго изложенія фактовъ?

Даже въ концѣ 1759 г. герцогъ Шуазель не думалъ прямо противорѣчить притязаніямъ Россіи. Онъ только спохватился, упустивъ это сначала изъ виду, что они не имѣли непосредственнаго отношенія къ Франціи, объявившей войну Пруссіи только вслѣдствіе союза съ Австріей [1]). Воронцовъ понялъ, что версальскій дворъ уклоняется, щадя своихъ старинныхъ союзниковъ, но долженъ былъ покориться. Въ мартѣ 1760 г. онъ представилъ Эстергази проектъ соглашенія, гдѣ вопросъ разрѣшался въ смыслѣ раньше указанномъ. Война будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Марія Терезія вернетъ себѣ обладаніе Силезіей и графствомъ Глацъ,

---

[1]) Шуазель л'Опиталю, 14 декабря 1759 г. Иностр. дѣла.

а за Елизаветой будетъ обезпечена Восточная Пруссія, с оговоркой обмѣна, предполагавшагося съ Польшей. Послѣдній пунктъ составлялъ предметъ особаго разъясненія, добавленнаго къ договору, и договаривающіяся стороны въ немъ выражали надежду, что въ виду такого обезпеченія интересовъ Польши, ни Франція, ни прочія державы не найдутъ возраженій противъ подобной сдѣлки. Эстергази не имѣлъ полномочій для подписанія договора, но Кауницъ далъ ему инструкціи, вполнѣ соотвѣтствовавшія русскимъ намѣреніямъ, и Воронцовъ объявилъ, что въ виду отсутствія немедленнаго рѣшенія, русскія войска пріостановятъ свое движеніе. Приближалась весна, каждый потерянный день грозилъ погубить исходъ кампаніи. Австрійскій дипломатъ уступилъ, обмѣнъ подписями состоялся 23 марта 1760 г. [1]).

Событіе это причинило Вѣнѣ нѣкоторое безпокойство. Тамъ было принято обязательство, не заключать договоровъ съ Россіей безъ вѣдома Франціи, и на это разсчитывалъ Шуазель, прикрываясь Австріей. Въ Версалѣ довольно долго оставались въ невѣдѣніи происшедшаго. Подъ предлогомъ безразличія, высказаннаго Шуазелемъ, Воронцовъ хранилъ молчаніе передъ маркизомъ де л'Опиталь. Новый договоръ содержалъ еще, кромѣ того, „строго секретную" статью, сообщеніе которой Франціи представляло гораздо больше затрудненій. Она относилась къ Турціи и положительнымъ образомъ включала войну, возможную съ ней, въ число событій, дающихъ право Россіи потребовать помощи своей союзницы. Русскій канцлеръ основательно находилъ, что необходимо исподволь и осторожно подготовить Версальскій дворъ къ сообщенію такого условія и считалъ умѣстнымъ, не затрогивая его въ на-

---

[1]) Кауницъ Эстергази, 24 февраля 1760 г., Эстергази Кауницу, 2 апрѣля 1760 г. Вѣнскій архивъ, по нѣмецки.

стоящее время, коснуться только менѣе щекотливаго польскаго вопроса, не для того, чтобы заявить о томъ, что уже подписано, но чтобы еще разъ услыхать мнѣніе по этому поводу. Послѣ обмѣна подписями, ни словомъ не упоминая о договорѣ, онъ бесѣдовалъ съ французскимъ посланникомъ, словно открывая ему душу: „Россія совершенно не имѣетъ намѣренія сохранить Пруссію. Наоборотъ, уже давно она стремится расширить свои границы со стороны Украйны. Поэтому, если король и императрица-мать выразятъ свои согласія, она уступитъ во всемъ объемѣ или часть своихъ завоеваній Польшѣ". Канцлеръ предвидѣлъ возраженіе какое могла сдѣлать Франція. Очевидно,—обратите вниманіе на эту очевидность,—Франціи не улыбалось усиленіе польскаго могущества. Но опасность,—замѣтьте также эту ораторскую предусмотрительность,—была только кажущейся, такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, поляки не выйдутъ изъ теперешняго состоянія анархіи [1]).

Вотъ какую рѣчь велъ къ предполагаемымъ защитникамъ Республики. О! Если бы, дѣйствительно, дѣло шло о Польшѣ или ея интересахъ въ этомъ вопросѣ!

Маркизъ де л'Опиталь недоумѣвалъ, какъ ему отнестись къ подобнымъ изліяніямъ, но вскорѣ депеша герцога Шуазеля отъ 3-го апрѣля его совершенно успокоила. Спрошенный Штарембергомъ о мнѣніи по поводу русскихъ предложеній о ея территоріальномъ расширеніи, министръ сослался на раньше данный отвѣтъ. Вопросъ подлежитъ обсужденію между Россіей и Австріей. Когда оба эти двора придутъ къ извѣстному соглашенію, король посмотритъ, окажется ли для него удобнымъ присоединиться къ ихъ предложеніямъ. Въ принципѣ Его Величеству не могъ нравится захватъ Восточ-

[1]) Л'Опиталь Шуазелю, 24 марта 1760 г. Иностр. дѣла. Я передаю очевидный смыслъ документа.

ной Пруссіи Россіей, такъ какъ подобное усиленіе отдавало въ руки этой державы господство надъ Балтійскимъ моремъ и обезпечивало ей рѣшительное преобладаніе надъ Польшей. Во всякомъ случаѣ, если вѣнскому двору придется пойти на уступки въ этомъ отношеніи, король желалъ только, чтобы никто не могъ сказать, что „Франція оказала вліяніе на такое соглашеніе", чтобы „избѣжать упрековъ старыхъ союзниковъ".

Этотъ отвѣтъ, сообщенный вѣнскому двору, успокоилъ Марію Терезію относительно послѣдствій того, что произошло въ Петербургѣ. И сейчасъ же, въ совѣтахъ императрицы-матери, было принято рѣшеніе не дѣлать болѣе изъ этого тайны. Такимъ образомъ герцогъ де Шуазель былъ поставленъ въ извѣстность и не обнаружилъ ни удивленія, ни досады. Ему только что пришлось отказаться отъ надежды, одно время питаемой, заключить самостоятельный миръ съ Англіей. Войну надо было продолжать; для обезпеченія шансовъ на побѣду, необходима была Россія, поэтому, если ея содѣйствіе покупалось назначенной ею цѣной, Австрія безъ колебаній должна была утвердить договоръ 23 марта „при чемъ Франція, по прежнему, оставалась въ сторонѣ". Французскій министръ офиціально сообщилъ это Штарембергу [1]).

Слѣдовательно, Франція желала сохранить только внѣшность. Въ С.-Петербургѣ л'Опиталю было это тѣмъ легче, что до самаго мая мѣсяца, несмотря на слухи, разнесшіеся уже по всѣмъ канцеляріямъ, Воронцовъ продолжалъ скрывать отъ него истину.—Нѣтъ, по правдѣ, съ Австріей не заключено никакого договора, пока Эстергази, освѣдомленный объ отвѣтѣ Шуазеля, не счелъ нужнымъ прекратить такую игру.

Онъ предупредилъ своего коллегу, узнавшаго впрочемъ,

---

1) Arneth loc. cit.

одновременно изъ депешъ, полученныхъ изъ Франціи, то, что было уже извѣстно всей Европѣ. Русскій канцлеръ извинился забывчивостью и бѣдному посланнику пришлось удовлетвориться такимъ слабымъ объясненіемъ. Но вскорѣ австрійскій посланникъ добавилъ уже лишнее: Франція, по его словамъ, одобряла договоръ и не ставила никакихъ затрудненій для присоединенія къ нему. Тутъ Шуазель разсердился. Это было уже хуже, чѣмъ нескромность. Это было оскорбленіе чувствъ короля и истины. Королю „необходимо было раньше тщательно ознакомиться съ актами (договоромъ и дополнительнымъ разъясненіемъ) и посмотрѣть, согласуются ли они съ принятымъ имъ ранѣе обязательствомъ“ [1]). Министръ сказалъ это Штарембергу, поручилъ передать въ Вѣну и потребовалъ суроваго порицанія Эстергази, а также опроверженія съ его стороны.

Съ польской точки зрѣнія поведеніе Людовика XV и его министра должно было бы оказаться совершенно инымъ. Изъ ихъ недовѣрчиваго отношенія въ Вѣнѣ и Петербургѣ только вывели заключеніе, что обоимъ не по душѣ приходилась мысль объ измѣненіи карты Европейскаго сѣверо-востока въ пользу республики. И оба двора принялись обсуждать новый планъ, имѣвшій въ виду сдѣлать Восточную Пруссію предметомъ обмѣна ,уже не съ Польшей, но съ Даніей чтобы положить конецъ распрямъ, существовавшимъ между этой державой и герцогствомъ Голштинскимъ. Вотъ какую службу сослужили возраженія французской дипломатіи въ этомъ щекотливомъ вопросѣ интересамъ своихъ варшавскихъ друзей! Но, повторяю еще разъ, дѣло было вовсе не въ Польшѣ! На жизненномъ пиру злополучная гостья присут-

---

[1]) Л,Опиталю, 22 іюля 1760 г. Иностр. дѣла.

ствовала только въ роли несчастнаго Полонія шекспировской драмы „not to eat, but to be eaten".

Нѣтъ никакихъ слѣдовъ вмѣшательства Людовика XV въ эти словопренія, если не считать порицанія черезчуръ болтливому Эстергази. Въ то же время, видя съ какой легкостью де л'Опиталь далъ себя одурачить, въ Версалѣ рѣшили назначить ему помощника, который впослѣдствіи заступитъ его мѣсто. Представитель Россіи во Франціи, Михаилъ Бестужевъ, только что скончался послѣ долгой болѣзни, державшей его вдали отъ всякаго участія въ дѣлахъ. Его замѣстителемъ предполагался графъ Чернышевъ. Такимъ образомъ, съ той и другой стороны свѣжіе люди вступали въ новый дипломатическій фазисъ.

Назначенный въ С.-Петербургъ при такихъ условіяхъ Людовикъ-Августъ ле Тоннелье, баронъ де Бретейль, почти новичекъ въ карьерѣ, гдѣ его сразу выдвигали на столь видное мѣсто, послѣ скромныхъ первыхъ шаговъ въ Кельнѣ, долженъ былъ служить двоякимъ цѣлямъ. Шуаяель его облекъ своимъ довѣріемъ, а Людовикъ XV довѣрилъ ему свою тайну. Этому содѣйствовали Терсье и графъ де Брольи.

Секретная инструкція, вскорѣ составленная для новаго посланника, послужила предметомъ подробнаго разбора и краснорѣчивой обвинительной рѣчи, къ которымъ я долженъ направить своихъ читателей [1]), добавивъ къ тому лишь нѣсколько замѣчаній. По этому поводу старались обнаружить и доказать существованіе въ мысляхъ короля особаго предубѣжденія, прямо враждебнаго намѣреньямъ, вдохновлявшимъ одновременно министра при составленіи офиціальной инструкціи для того же посланника. Офиціальная инструкція предписывала, какъ и слѣдовало ожидать, новому посланнику

---

[1]) Vandal „loc cit".

употреблять всѣ старанія, чтобы извлечь всю возможную пользу изъ союза, заключеннаго съ Россіей, какъ въ вопросахъ войны, такъ и въ вопросахъ мира; секретная инструкція, наоборотъ, ему поручала препятствовать развитію русскаго могущества, „если бъ даже пришлось, въ случаѣ, если позволятъ обстоятельства, умѣрить успѣхъ ея оружія".

Какъ! Вслѣдъ за Россбахомъ и Кюнерсдорфомъ, наканунѣ, можетъ быть, какого-либо новаго пораженія, которое лишитъ всякой надежды на заключеніе почетнаго мира, Франція, по крайней мѣрѣ, король Франціи, король легкомысленный и почти вѣроломный, изыскивалъ средства преградить путь къ побѣдѣ единственной арміи, до сихъ поръ наносившей Фридриху пораженія и сулившей его противникамъ возвратъ удачи. Развѣ здѣсь не бросается въ глаза безуміе тайной дипломатіи и не становится очевиднымъ указанное противоборство между ней и офиціальной дипломатіей?

Я представляю доводъ во всей его силѣ. Однако, когда я уже собирался признать его справедливость, меня остановили слѣдующія строки, находившіяся въ „секретной" инструкціи, врученной де Бретейлю:

„Министерскія инструкціи объясняютъ съ полной ясностью, чего слѣдуетъ опасаться отъ усиленія русскаго могущества и насколько важно предупредить послѣдствія его" [1]).

Дѣйствительно, объемистый документъ, составленный по указаніямъ герцога де Шуазель, распространяется по этому поводу на многихъ страницахъ и, слѣдовательно, именно въ томъ отношеніи, гдѣ предполагалось между ними противорѣчіе, дипломатія офиціальная и тайная, наоборотъ, кажутся вполнѣ единодушными и тѣсно согласованными, расходясь развѣ только въ степени важности, приписываемой этой

---

[1]) Иностр. дѣла, *Россія*.

части обоюдныхъ программъ и въ выборѣ способовъ для ея осуществленія. Герцогъ Шуазель не доходитъ до указыванія необходимости противодѣйствовать военнымъ успѣхамъ Россіи, одинаково подозрительной для той и другой стороны. Но терпѣніе! Онъ къ этому придетъ. Развѣ мы не были свидѣтелями, какъ уже не въ канцеляріяхъ, но на полѣ битвы, предъ лицомъ врага, разгоралась и раздражалась зависть русскихъ и австрійцевъ передъ перспективой слишкомъ очевиднаго преимущества, пріобрѣтеннаго бы кѣмъ-либо изъ союзниковъ, благодаря совмѣстной побѣдѣ. И развѣ такое отсутствіе единодушія между союзниками, такое соперничество, сковывавшее ихъ усилія, не составляетъ исторію всей этой войны? Такова исторія всѣхъ коалицій. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда Россія новымъ успѣхомъ утвердила превосходство своего оружія, баронъ де Бретейль, обращаясь не къ Людовику XV тайнымъ путемъ, но къ герцогу Шуазелю офиціальнымъ, указывалъ на необходимость „не увеличивать бѣдствія прусскаго короля", отчего заключеніе мира могло бы оказаться болѣе затруднительнымъ [1]). И со стороны министра не послѣдовало возраженій!

Это еще не все. Какимъ образомъ офиціальная дипломатія рисовала себѣ въ это время будущее предстоящихъ отношеній между Франціей и Россіей? По легко объяснимымъ причинамъ Людовикъ XV и его тайные совѣтники не желали прямого политическаго союза. А герцогъ Шуазель? Онъ поручилъ де Бретейлю ограничиться предложеніемъ торговаго союза. А вѣдь это одно и то же.

Болѣе того. За отсутствіемъ пріобрѣтеннаго опыта и проявленныхъ талантовъ, какимъ достоинствомъ новый по-

---

[1]) Шуазелю, 28 октября 1760 г. Иностран. дѣла.

сланникъ заставилъ на себѣ остановить выборъ министра? Ему было двадцать семь лѣтъ, онъ обладалъ пріятной наружностью, представительностью, всѣмъ нужнымъ, чтобы понравиться. Кому? Елизаветѣ? Вовсе нѣтъ. Бѣдная Елизавета уже не принималась болѣе въ расчетъ въ этомъ отношеніи. Такъ, по крайней мѣрѣ, думали въ Версалѣ. Всѣ взоры были тамъ устремлены на восходящее свѣтило. И, какъ извѣстно, имѣя въ виду Екатерину, возникъ романическій и замысловатый планъ, намѣтившій въ Бретейлѣ „the right man in the right place". Опять-таки чей планъ? Герцога Шуазеля. Терсье, завѣдующій секретной перепиской, былъ тутъ не при чемъ, даже не предвидѣлъ въ томъ ничего хорошаго. „Развѣ можно внушить любовь по желанію?—писалъ онъ.—У де Бретейля есть жена, которую онъ, повидимому, любитъ" [1]). Такимъ образомъ, волей министра, подъ покровомъ офиціальной дипломатіи, новый посланникъ предназначался собственно для молодого двора. А въ Версалѣ были извѣстны отношенія, существовавшія между обоими дворами. Извѣстны были также его связи съ Пруссіей. И при такихъ условіяхъ желаніе повергнуть представителя Франціи къ стопамъ великой княгини развѣ не выражало такъ же извѣстнымъ образомъ враждебныхъ чувствъ къ Россіи? Развѣ это не означало присылку въ С.-Петербургъ второго Понятовскаго, присутствіе котораго Елизавета переносила бы съ такимъ же нетерпѣніемъ? Тутъ назрѣвала серьезная опасность недоразумѣній и столкновеній и создавала ее офиціальная дипломатія.

Ожиданія не оправдались, такъ какъ де Бретейль, догадывавшійся ли или нѣтъ о нуждахъ, возлагавшихся на его

---

[1]) Графу Брольи 2 сент. 1759 г. Иностр. дѣла. См. Le secre Roi.

личную привлекательность, ни одной минуты не думалъ извлечь изъ нея пользу указаннымъ образомъ. Онъ привезъ съ собой въ С.-Петербургъ жену и, согласно статьѣ офиціальной инструкціи, гдѣ герцогъ явно противорѣчилъ не тайной дипломатіи, а самому себѣ, долженъ былъ хлопотать о возвращеніи туда самого Понятовскаго. Я отказываюсь понять, какого благопріятнаго результата ожидалъ министръ отъ этой встрѣчи. Болѣе логично, секретная инструкція высказывалась за неумѣстность вызова Понятовскаго изъ Варшавы. И помимо уже указанныхъ оттѣнковъ, вотъ, по моему мнѣнію, единственное разногласіе, существовавшее въ данное время между обѣими программами. И даже въ этомъ отношеніи вскорѣ Людовикъ XV почти согласился со своимъ министромъ, поручая посланнику сообразоваться съ желаніемъ Елизаветы [1]).

Однако, преемнику де л'Опиталя не суждено было оправдать довѣрія, возлагавшагося на его таланты. По прибытіи въ С.-Петербургъ, въ іюнѣ 1760 г., онъ оказался отодвинутымъ на второй планъ, сначала присутствіемъ прежняго посланника, замѣшкавшагося на берегахъ Невы и теперь, повидимому, находившаго удовольствіе въ продленіи тамъ своего пребыванія, затѣмъ ходомъ событій на театрѣ войны. Опять наступилъ чередъ не переговоровъ, а сраженій, и военныя дѣйствія, возбуждавшія опасенія Версаля, какъ бы путемъ ихъ Россія не пріобрѣла слишкомъ большого преимущества надъ своими союзниками, повидимому, дѣйствительно готовили ей блестящее торжество.

---

[1]) Beutarie „Correspondance sekrete de Louis XV".

III.

Взятіе Берлина.

Въ ноябрѣ 1759 г. по февраль 1760 г. черезъ посредство генерала Вейлиха, получившаго порученіе начать съ Россіей переговоры относительно обмѣна плѣнныхъ, затѣмъ, черезъ посредство Пешлона, бывшаго полковника на службѣ Голштиніи, Фридрихъ возобновлялъ въ С.-Петербургѣ попытки добиться примиренія. Положеніе, по прежнему, казалось ему крайне опаснымъ. „Съ моей стороны почти что глупо продолжать еще существовать",—говорилъ онъ де Гатту [1]). Получивъ отказъ, хотя самъ великій князь, по его предположеніямъ, выступалъ за него ходатаемъ, онъ предался самымъ мрачнымъ предчувствіямъ и сообщалъ ихъ принцу Генриху:—„Я дрожу, думая о приближеніи кампаніи" [2]).

Начало ея, однако, не оправдало его опасеній. Переговоры, начатые между Россіей и Австріей, на долгое время пріостановили всѣ къ ней приготовленія, а между тѣмъ, вопросъ о главнокомандующемъ, снова возбужденный въ С.-Петербургѣ, грозилъ самъ по себѣ обречь на бездѣйствіе

---

[1]) De Gott „Journal".
[2]) „Pol Corresp".

армію Салтыкова. Обезславленный, казавшійся подозрительнымъ послѣ предыдущей кампаніи, генералъ этотъ долженъ былъ раздѣлить свою власть съ Ферморомъ, внушавшимъ не больше довѣрія. Въ дѣйствителности, настоящій центръ командованія находился въ С.-Петербургѣ, органомъ его было „Совѣщаніе“ министровъ и малѣйшія передвиженія рѣшались путемъ указовъ, обсуждавшихся и составлявшихся за много сотъ верстъ отъ театра войны.

Бывали приказы неисполнимые, какъ легко себѣ представить, даже совершенно нелѣпые и безразсудные. Однако, въ сентябрѣ былъ отданъ приказъ, нанесшій Фридриху новый ужасный ударъ. По иниціативѣ французскаго военнаго аташе, графа де Монталамберъ, и австрійскаго аташе, по происхожденію англичанина, Плюнке, между Вѣной и С.-Петербургомъ былъ выработанъ планъ совмѣстнаго движенія на Берлинъ, безъ вѣдома Салтыкова и даже самого Дауна. Когда пришлось приступить къ его осуществленію, Салтыковъ оказался больнымъ, Ферморъ ничего не желалъ о томъ слышать, и Даунъ также отказался отъ содѣйствія. Но въ С.-Петербургѣ продолжали упорно настаивать. „Совѣщаніе“ принимало угрожающій тонъ. Тогда Ферморъ и Даунъ рѣшили замѣнить предполагавшееся крупное дѣло отважнымъ набѣгомъ. Захвативъ съ собою всего двѣ тысячи гренадеръ, два драгунскихъ полка, небольшое количество казаковъ и двадцать пушекъ, русскій генералъ Тотлебенъ долженъ былъ быстро двинуться къ прусской столицѣ. Русскій корпусъ подъ начальствомъ Чернышева и австрійскій подъ начальствомъ Ласси должны были служить поддержкой, слѣдуя за нимъ и другъ за другомъ на разстояніи одного или двухъ дней пути. Въ Берлинѣ находился только гарнизонъ изъ трехъ батальоновъ и почти не было укрѣпленій, Фридриху

пришлось совершенно очистить доступъ къ городу, слѣдовательно, предпріятіе казалось осуществимымъ.

Однако, спрошенный Салтыковъ счелъ его опаснымъ и безцѣльнымъ, и надо сознаться, что впослѣдствіи его мнѣніе заслужило одобреніе судьи наиболѣе авторитетнаго. „Если бы движеніе русскихъ было согласовано съ шведской арміей,— говоритъ Наполеонъ [1]),—оно рѣшило бы исходъ войны; выполненное въ томъ видѣ, какъ было предпринято, оно было только опасно". Несмотря на такой приговоръ, вопросъ мнѣ кажется все-таки спорнымъ. Предоставляю читателямъ судить самимъ.

Пройдя по саксонской Лузаціи, проникнувъ въ Бранденбургъ черезъ Гюбенъ и Бюковъ, Тотлебенъ подошелъ къ Берлину 4 октября. Комендантъ города, генералъ-лейтенантъ фонъ Рошовъ, считалъ всякое сопротивленіе безполезнымъ. Но старый Левальтъ, побѣжденный при Гросъ-Егорсдорфѣ, и Зейдлицѣ, еще не оправившійся отъ ранъ, полученныхъ при Кюнерсдорфѣ, настояли на противоположномъ мнѣніи. Послѣ неудачнаго штурма, Тотлебенъ, артиллерія котораго оставалась въ бездѣйствіи, „потерпѣвъ поврежденіе въ дорогѣ", по словами его донесенія потребовало подкрѣпленій, между тѣмъ какъ принцъ Вюртембергскій, въ свою очередь, призванный на помощь осажденными, поспѣшно собралъ до четырнадцати тысячъ человѣкъ и приготовлялся дать сраженіе осаждающимъ. Но Ласси и Чернышевъ уже подоспѣли съ восемнадцатью тысячами человѣкъ. Въ ночь съ 8-го на 9-е октября прусская армія отступила. Берлину, оставшемуся во власти союзниковъ, предстояло пережить всѣ ужасы войны, когда въ ту же ночь, не сговорившись ни съ Ласси, ни съ Чернышевымъ, даже поступая прямо въ разрѣзъ съ ихъ прика-

---

[1]) Précis des guerres de Frèderie II.

заніями, Тотлебенъ вошелъ въ переговоры съ представителями города и подписалъ договоръ, который позднѣе, на основаніи очевидности, былъ признанъ дѣломъ измѣны.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ этотъ генералъ былъ подкупленъ Фридрихомъ, чему впослѣдствіи были найдены доказательства, и поддерживалъ съ нимъ тайную переписку.

Берлинъ отдѣлался контрибуціей въ полтора милліона талеровъ и двѣсти тысячъ талеровъ „Duser-Geld", довольно неравномѣрно распредѣленныхъ, по словамъ австрійцевъ. „Мы играемъ роль зрителей и, такъ сказать, рабовъ Тотлебена",—писалъ Ласси. Опустошивъ склады и арсеналы города, взорвавъ два орудійныхъ завода, пушечный заводъ и шесть пороховыхъ погребовъ на Шпре, побѣдители не тронули Потсдамскихъ дворцовъ, но русскіе, австрійцы, саксонцы наперерывъ громили самымъ варварскимъ образомъ Шонхаузенъ и Шарлоттенбургъ, гдѣ была уничтожена драгоцѣнная коллекція древностей, пріобрѣтенная Фридрихомъ изъ наслѣдства кардинала Полиньякъ. Между Берлиномъ и Шпандау шелъ сплошной грабежъ и, чтобы доказать свое усердіе, Тотлебенъ пригрозилъ плетьми нѣсколькимъ журналистамъ, виновнымъ въ томъ, что плохо отзывались объ Россіи во время войны. Однако, онъ удовольствовался примѣрнымъ наказаніемъ на площади и газетчики, уже обнаженные отъ одеждъ, отдѣлались только испугомъ. Негоціанту, Готуковскому, по происхожденію поляку, удалось, добившись уменьшенія контрибуціи, первоначально назначенной въ четыре милльона талеровъ, спасти королевскія фабрики, именно мануфактуру суконъ, выполнявшую поставку на всю армію, и 11 октября столица была очищена. Фридрихъ спѣшилъ изъ глубины Силезіи и при извѣстіи о его приближеніи, русскіе, австрійцы, саксонцы, „разсѣялись, какъ дождь", по выраженію Болотова. Первые отступили за Одеръ, чтобы присоеди-

ниться къ главной арміи, послѣдніе направились въ сторону Саксоніи, чтобы соединиться съ Дауномъ, а шведы уже двигавшіеся къ Берлину, пріостановились въ Помераніи [1]).

Очевидно, набѣгъ, хотя увѣнчавшійся успѣхомъ, не имѣлъ вліянія на исходъ войны. Ключи столицы, занятой въ продолженіе трехъ дней, хранятся до сихъ поръ въ Казанскомъ соборѣ и вотъ почти все, что осталось Россіи отъ ея блестящей, но кратковременной побѣды. Однако, вслѣдъ за восточной Пруссіей, захваченъ былъ самъ Бранденбургъ и для Фридриха было плохимъ утѣшеніемъ, что враги его разсѣялись, какъ дымъ, опустошивъ, разгромивъ и разграбивъ его пепелище, ту „родину", дорогу куда онъ еще недавно намѣревался преградить съ опасностью жизни. Теперь доступъ туда былъ открытъ какъ на мельницу и Потсдамскій мельникъ напрасно сталъ бы искать судей въ Берлинѣ. Можетъ быть, замыселъ набѣга былъ опасенъ, исполненный, однако, безъ помѣхи, онъ тѣмъ не менѣе поразилъ короля Пруссіи въ самое сердце. Фридрихъ продолжалъ еще отражать удары, а враги его по прежнему облегчали ему сопротивленіе. Въ русской штабъ-квартирѣ Салтыковъ и Ферморъ были въ это самое время замѣщены старымъ, невѣжественнымъ, глупымъ Александромъ Борисовичемъ Бутурлинымъ. По свидѣтельству Болотова, армія нѣкоторое время отказывалась вѣрить такому назначенію. Неспособный, по единодушному мнѣнію, командовать двумя полками, ежедневно напивавшійся въ обществѣ челяди, новый генералиссимусъ давно уже служилъ посмѣшищемъ всего Петербурга. Подъ Кольбергомъ, вторично осажденнымъ съ поло-

---

[1]) Schaefer „Geschichte des siebenjährigen Krieges" Болотовъ, *Записки*. Монталамберъ, донесеніе отъ 10 октября 1760 г. Иностр. дѣла; Тотлебенъ, донесеніе, Воронцовскій Архивъ.

вины августа восьмитысячнымъ отрядомъ сухопутныхъ войскъ подъ начальствомъ генерала Олитца и русской эскадрой, состоявшей изъ двадцати шести линейныхъ кораблей, пяти фрегатовъ и сотни мелкихъ судовъ, къ которой присоединилась еще шведская эскадра, неспособность начальствующихъ лицъ снова приготовила королю Пруссіи счастливую неожиданность. 18 сентября появленія генерала Вернера, посланнаго Фридрихомъ всего съ трехтысячнымъ отрядомъ, лишній разъ оказалось достаточнымъ, чтобы произвести среди осаждающихъ безумную панику. Сейчасъ же разнесся слухъ, что самъ король идетъ слѣдомъ съ двадцатью тысячами человѣкъ и атака гусаръ обратила русскихъ въ бѣгство. Въ безпорядкѣ бросившись на корабли, они сняли осаду съ города [1]).

„Безъ сомнѣнія скажутъ, что мы умѣемъ только жечь города, но не брать ихъ",—писалъ И. И. Шуваловъ, обсуждая событіе [2]).

Читатель обратилъ вниманіе на непонятную неустойчивость нравственныхъ феноменовъ, непоколебимую твердость или полнѣйшее малодушіе, обнаруживаемыя русскими войсками, проявлявшими столь различное поведеніе, въ зависимости отъ обстоятельствъ. Вѣчный примѣръ тому представляетъ игра стихійныхъ силъ. Постоянство, устойчивость могутъ появиться только какъ слѣдствія искусственнаго приспособленія. За отсутствіемъ высшей организаціи и искуснаго руководства всякая толпа по существу измѣнчива, легко возбудима и способна дѣйствовать самымъ различнымъ образомъ подъ впечатлѣніемъ причинъ, казалось бы, совершенно незначительныхъ. Вообще, повидимому, войскамъ Ели-

---

[1]) Schaefer.

[2]) Воронцову, 25 сент. (6 окт.) 1760 г. „Русскій Архивъ". 1870 г.

заветы необходимо было понести пораженіе, чтобы начать побѣждать самимъ. Плохо организованные, подъ плохимъ начальствомъ, онѣ дѣйствовали только рефлекторными движеніями, путемъ обратнаго толчка.

И все-таки, двадцать разъ разбиваемый, желѣзный кругъ стягивался вокругъ Фридриха, не допуская самообмана относительно рокового исхода борьбы. Ему грозила подъ конецъ неизбѣжная гибель. Поэтому, какъ только наступленіе зимы дало ему нѣкоторую отсрочку, въ декабрѣ онъ поспѣшилъ возобновить попытки особаго соглашенія съ Россіей. Секретный агентъ, Баденгауптъ, братъ врача-нѣмца, поселившагося въ С.-Петербургѣ, на этотъ разъ долженъ былъ постараться подкупить обоихъ Шуваловыхъ. Фавориту король предлагалъ громадную сумму,—милльонъ талеровъ,—за одно только обѣщаніе продержать въ бездѣйствіи русскую армію въ теченіе ближайшей кампаніи. Но попытка потерпѣла неудачу. И. И. Шуваловъ показалъ себя „французомъ до мозга костей“ [1]). Но уже готовая, въ свою очередь, склониться подъ ударами Англіи, Франція также вступила болѣе серьезнымъ образомъ на путь мирныхъ переговоровъ.

---

[1]) Pol Corresp.

IV.

Переговоры относительно мира.

Съ конца августа мѣсяца 1760 г., работая въ этомъ смыслѣ въ Лондонѣ, Шуазель рѣшилъ предпринять въ Петербургѣ однородную дипломатическую попытку, принявъ за точку отправленія уже сдѣланное предложеніе о прямомъ договорѣ съ Россіей. Правда, какъ я уже указывалъ, договорѣ исключительно торговомъ, однако, способномъ, по мысли посланника, принять развитіе довольно необычайное. „Мнѣ кажется,—писалъ онъ де Бретейлю,—что петербургскій дворъ вполнѣ охотно согласится заключить миръ, сохранивъ за собой Пруссію, въ надеждѣ подписать непосредственно съ Франціей договоръ о субсидіяхъ“ [1]). Какимъ образомъ твердо взятое рѣшеніе, какъ будетъ видно, исключить изъ предположеннаго соглашенія всякій политическій элементъ, должно было согласоваться съ мыслью о субсидіяхъ, я не берусь объяснить, такъ какъ герцогъ не высказался болѣе подробно по этому поводу. Но вопросъ былъ поставленъ именно въ такомъ видѣ и поставленъ одной Франціей. Въ противность существующимъ предположеніямъ [2]) я нигдѣ не нашелъ

---

[1]) 24 августа 1760 г. Иностран. дѣла.

[2]) Vandal.

слѣдовъ предложенія непосредственнаго союза, одновременно или ранѣе сдѣланнаго Россіей Франціи.

Де Бретейль самъ недоумѣвалъ какое толкованіе дать намѣреньямъ своего принципала. Не надо забывать, что онъ былъ одновременно хранителемъ королевской тайны и въ качествѣ таковаго долженъ бы стремиться, слѣдовало ожидать, не къ расширенію начертанной ему программы, а къ ея сокращенію. Принятаго имъ рѣшенія само по себѣ достаточно, чтобы разрушить легенду объ отношеніяхъ будто бы существовавшихъ между двумя дипломатіями, представителемъ которыхъ онъ являлся въ С.-Петербургѣ. Вступивъ въ переговоры съ Воронцовымъ, онъ взялъ на себя инициативу замѣнить проектъ торговаго договора, смыслъ котораго, очевидно, оставался ему непонятнымъ, предложеніемъ союза „болѣе серьезнаго" и слѣдующимъ образомъ объяснялъ свои побужденія въ письмѣ къ Шуазелю: „Я былъ далекъ отъ мысли о прямомъ союзѣ съ русской имперіей, пока думалъ, что намъ удастся заключить самостоятельный миръ съ Англіей безъ помощи Россіи; но теперь, когда я вижу безполезность испанцевъ, успѣхи англичанъ въ Канадѣ, опасность, которой подвергается Пондишери и невозможность овладѣть курфюршествомъ Ганноверскимъ, „я убѣжденъ болѣе, чѣмъ кто-либо, что мы не должны ничѣмъ пренебрегать, чтобы закрѣпить свои связи съ этой имперіей" и, въ особенности, склонить ее раздѣлить трудности нашихъ недоразумѣній съ англіей. Здѣсь можетъ представиться опасность въ осуществленіи нашихъ связей съ Россіей относительно Оттоманской Порты и нѣкоторыя неудобства со стороны недовѣрія Сѣверныхъ державъ, но или мы ихъ предупредимъ или впослѣдствіи они отпадутъ сами по себѣ [1]).

---

[1]) Бретейль Шуазелю, 20 и 26 ноября 1760 г. Иностр. дѣла.

Такимъ образомъ агентъ тайной дипломатіи, наставляя главу дипломатіи офиціальной, приглашалъ его отказаться отъ своего недовѣрія къ Россіи и пожертвовать для этой державы не только Польшей и Швеціей, но даже Турціей. Въ то же время онъ, не задумываясь, воспользовался своими офиціальными инструкціями, чтобы объявить Воронцову, что Франція не окажетъ никакого противодѣйствія тому, чтобы Россія окончательно присоединила къ себѣ Восточную Пруссію.

Правда, де Бретейль заслужилъ неодобреніе и порицаніе не только Людовика XV, но самого герцога Шуазеля. И все-таки первое препятствіе къ предполагаемому союзу и принесенію въ жертву Польши, повидимому,, съ нимъ нераздѣльному, возникло не со стороны Версаля, и вся исторія этого эпизода, какъ онъ изображался до сихъ поръ, предложенія Россіи, отказъ Франціи относится этимъ фактомъ къ области легендъ. Предложеніе было сдѣлано Франціей и съ восторгомъ принято Воронцовымъ. „Вы довершаете мои желанія!"—сказалъ онъ посланнику, взявъ его за руки. Однако, сейчасъ же, вслѣдъ за тѣмъ, онъ сдѣлалъ оговорку, чтобы Франція имѣла возможность выплатить субсидію Россіи, необходимо раньше заключить миръ, — это далъ понять де Бретейль,—а для заключенія мира слѣдовало отказаться отъ пріобрѣтенія Восточной Пруссіи. „Это желаніе Шувалова" и канцлеръ лично не придавалъ ему особеннаго значенія. Затѣмъ, не довѣряя Бретейлю и его слишкомъ смѣлымъ предложеніямъ, Воронцовъ рѣшилъ объясниться по этому поводу прямо съ герцогомъ Шуазелемъ. У насъ имѣется его письмо отъ 9 декабря 1760 г., и на него до сихъ поръ указывали, какъ на возвѣстившее Людовику XV тайнымъ путемъ добровольное желаніе императрицы заключить новый договоръ съ Франціей, „болѣе пространный и точный, чѣмъ

предыдущіе“ [1]). Оно адресовано Шуазелю, но не Терсье, служитъ отвѣтомъ на предложенія, сдѣланныя Бретейлемъ, и, уклончиво отзываясь объ вопросѣ насчетъ Украйны, неопредѣленно относится къ вопросу о прямомъ союзѣ. Нѣсколько дней спустя, попрежнему избѣгая де Бретейля, въ конфиденціальной бесѣдѣ съ де л'Опиталемъ, готовившемся покинуть С.-Петербургъ, попросивъ его даже соблюсти тайну отъ своего коллеги, канцлеръ сообщилъ бывшему посланнику о меморіи, врученной имъ императрицѣ по поводу мира. Ссылаясь на изнеможеніе союзныхъ державъ, неизвѣстность грядущихъ событій, въ случаѣ продолженія войны, канцлеръ указывалъ тамъ на необходимость отказаться отъ присоединенія Восточной Пруссіи. „Россія предоставитъ союзникамъ найти другой способъ ея удовлетворенія: прусскому королю будутъ возвращены его владѣнія; Швеція будетъ вознаграждена деньгами и небольшой прирѣзкой въ Помераніи и, во время переговоровъ, надо постараться включить сюда Данію. Проѣзжая черезъ Вѣну, де л'Опиталь, по соглашенію съ герцогомъ Шуазелемъ, можетъ сдѣлать тамъ предложенія въ указанномъ смыслѣ“ [2]).

Что это означало? Да просто то, что въ С.-Петербургѣ существовали такъ же двѣ политики и двѣ дипломатіи. У ложа почти умиравшей уже государыни, двѣ соперничавшія власти оспаривали другъ у друга руководство дѣлами: одна, болѣе непосредственно вдохновляемая Елизаветой, или скорѣе передававшая ей свое воинственное настроеніе, настаивала на войнѣ и на завоеваніяхъ; другая, сильнѣе чувствовавшая на своихъ плечахъ бремя и отвѣтственность борьбы,

---

[1]) Vandal.

[2]) Л'Опиталь Шуазелю, Петербургъ, 11 декабря 1760 г. Иностр. дѣла.

конца которой не предвидѣлось, стремилась отъ нихъ освободиться путемъ соглашенія, повидимому, наилегче осуществимаго. Какъ и въ Версалѣ, здѣсь шло единоборство между правительствомъ тайнымъ и офиціальнымъ. И правительство офиціальное, болѣе миролюбивое, отказывалось отъ Восточной Пруссіи въ виду иного удовлетворенія.

Что опять-таки обозначала такая уступка? Она являлась слѣдствіемъ намѣреній, недавно выраженныхъ въ Версалѣ. Тамъ высказано было нежеланіе обмѣна Восточной Пруссіи, клонившагося въ пользу Польши, но, повидимому, допускалась мысль о размежеваніи границъ между Польшей и Россіей, т.-е. чтобы, не получивъ ничего, Польша за свой счетъ содѣйствовала бы расширенію владѣній, желательному Россіи, и доставила бы удовлетвореніе, на которое эта держава считала себя въ правѣ разсчитывать. Очевидно со стороны Фридриха не могло встрѣтиться возраженій противъ такого рѣшенія вопроса, и, при условіи, что вся расплата ляжетъ только на Польшу, заключеніе мира не представлялось затруднительнымъ.

Еще разъ Франція, какъ видно, согласилась на такое предложеніе и во всѣхъ отношеніяхъ присоединялась къ намѣреніямъ русскаго канцлера. Письмо Воронцова къ герцогу Шуазелю и депеша де Бретейля и де л'Опиталя, сообщавшія о его новыхъ планахъ (потому что л'Опиталь не сталъ ихъ скрывать отъ своего замѣстителя), встрѣтились по пути съ агентомъ Версальскаго кабинета, отправлявшимся въ С.-Петербургъ. Звали его де Фавье, и онъ не былъ посвященъ въ тайну. Онъ везъ добавочныя инструкціи де Бретейлю, ему предписывавшія стойко возражать противъ вопроса о Восточной Пруссіи, но быть весьма сговорчивымъ, если рѣчь зайдетъ объ Украйнѣ; кромѣ того, ему было поручено передать императрицѣ заявленіе короля, касавшееся мира.

Движимый заботой о своихъ подданныхъ, Людовикъ XV увѣдомлялъ своихъ союзниковъ о желаніи „изыскать, при ихъ одобреніи и содѣйствіи, способы къ возстановленію мира, одинаково для всѣхъ желательнаго". Съ этой цѣлью онъ предлагалъ созывъ двухъ отдѣльныхъ конгрессовъ; одного для переговоровъ, предстоящихъ между Франціей и Англіей, другого для обсужденія примиренія Пруссіи съ ея многочисленными противниками. Въ принципѣ такое предложеніе пришлось вполнѣ по душѣ Воронцову, и, добавивъ значительный привѣсокъ къ личнымъ стремленіямъ канцлера, готово было перетянуть чашу вѣсовъ на свою сторону. Однако, король умалчивалъ объ условіяхъ предстоящаго мира, и такое молчаніе казалось подозрительнымъ. Кромѣ того, представляя предложеніе и приложивъ всѣ усилія къ тому, чтобы оно было принято, де Бретейль долженъ былъ оговорить одно важное условіе: Людовикъ XV желалъ, чтобы къ нему обратились съ просьбой принять на себя первые шаги умиротворенія, чтобы имѣть возможность придать имъ быстроту, требовавшуюся обстоятельствами; успѣхъ предпріятія и желаніе короля зависѣли, главнымъ образомъ, отъ этого условія.

Поэтому съ него и началъ де Бретейль переговоры съ Воронцовымъ. Прибѣгнувъ къ хитрости, онъ сдѣлалъ видъ, будто бы желательно, чтобы императрица приняла на себя иниціативу, столь важную для короля. Воронцовъ этого, казалось, испугался. Относительно Англіи, пожалуй; посланникъ его величества короля Британіи уже давалъ понять, что посредничество Елизаветы было бы встрѣчено благопріятнымъ образомъ. Но развѣ для Россіи мыслимо подобное обращеніе къ Пруссіи? Императрица никогда на это не согласится! Бретейль представился сильно смущеннымъ, потомъ, точно съ усиліемъ, рѣшился: ну, что-жъ! Если импе-

ратрицѣ неугодно какъ-будто унижаться, прося мира, то король приметъ эту жертву на себя. Но русскій канцлеръ уже отгадалъ игру посланника и отвѣчалъ возраженіемъ. Никакія хитрости ни къ чему не приводили. Приходилось говорить открыто и дѣйствовать прямо. Не безъ нѣкотораго смущенія, еще не привыкнувъ къ такого рода дипломатическимъ аргументамъ, де Бретейль перемѣнилъ тонъ. Предстояло исполнить желаніе короля, который не останется въ долгу за оказанную услугу. Канцлеръ получилъ отъ Его Величества значительную сумму, какъ бы взаймы. Она будетъ считаться пополненной, и благодарность государя не ограничится такою любезностью. Воронцовъ пробормоталъ нѣсколько словъ, не звучавшихъ отказомъ, и обѣщалъ сдѣлать все возможное.

Но онъ не былъ хозяиномъ положенія, что вскорѣ и обнаружилось. Елизавета и ея недуги, Шуваловъ и его воинственное настроеніе, „совѣтаніе" и его обычная непослѣдовательность,—вотъ о какія препятствія суждено было разбиться благимъ намѣреніямъ канцлера. Съ 13-го января 1761 г., день сообщенія сдѣланнаго Бретейлемъ, по 13-е февраля н. ст. тянулись споры и интриги, завершившись „планомъ переговоровъ", представленнымъ посланнику. Существовало убѣжденіе, что онъ былъ для Франціи выгоднѣе, чѣмъ французскій проэктъ [1]). Это любопытный примѣръ заблужденій, вызванныхъ ложнымъ воззрѣніемъ, до сихъ поръ преобладавшимъ въ сужденіяхъ относительно этой главы международной исторіи. Ознакомившись съ пресловутымъ „планомъ", Бретейль, не задумываясь, предложилъ триста тысячъ ливровъ Воронцову, чтобы тотъ уговорилъ Елизавету отъ него отказаться. И въ Версалѣ не нашли, что деньги были

1) Vandal.

истрачена зря. Прежде всего, Франція, какъ мы видѣли, не предъявляла проекта въ буквальномъ смыслѣ, противовѣсомъ которому могъ бы служить русскій проектъ. Послѣдній, дѣйствительно, придерживался нѣкоторыхъ предположеній, ранѣе случайно высказанныхъ герцогомъ де Шуазель, но, главнымъ образомъ, онъ благопріятствовалъ Австріи. Принимая принципъ двухъ конгрессовъ, онъ намѣчалъ заранѣе условія мира, подлежащія на нихъ обсужденію: I. Для Австріи обладаніе тѣмъ, чѣмъ она уже захватила и могла еще захватить въ Силезіи; II. Для короля Польскаго „приличное удовлетвореніе въ видѣ присоединенія прусскихъ округовъ, клиномъ врѣзавшихся въ Лузацію; III. Для Швеціи прирѣзка части Помераніи; IV. Для Россіи, наконецъ, если миръ неизбѣжно связанъ съ отказомъ съ ея стороны отъ обладанія Восточной Пруссіей, хотя ею имѣлось въ виду уступить эту область Польшѣ, чтобы положить конецъ стариннымъ распрямъ,—удовлетвореніе, приличное ея достоинству и соотвѣтствующее ея чести".

Хотя Россія не ставила въ зависимость свой предполагаемый отказъ ни отъ возстановленія морского мира, ни отъ поддержки, ожидаемой отъ Франціи для своихъ проэктовъ захвата Украйны, какъ то же утверждали [1])—спрошенный по этому поводу Бретейль категорически потребовалъ и настоялъ на томъ, чтобы обѣ эти статьи не были упомянуты [2])—однако, русскій проектъ, съ точки зрѣнія Франціи, грѣшилъ въ самомъ основаніи. Онъ умалчивалъ о главномъ условіи, на которое Бретейль, побужденный инструкціями, такъ упиралъ въ бесѣдѣ съ Воронцовымъ. Очевидно,

---

[1]) Ibid.

[2]) Бретейль Шуазелю, 4 февраля 1761 г. Иностр. дѣла. Текстъ русскаго плана находится тамъ же.

Россія его не принимала, и за отсутствіемъ соглашенія по этому поводу въ С.-Петербургѣ и Версалѣ могли составлять сколько угодно проэктовъ; всѣмъ имъ грозила одна участь: остаться воздушными замками, безъ практическаго примѣненія. Вотъ почему въ Версалѣ ему придавали такое значеніе, вотъ почему въ С.-Петербургѣ на него не хотѣли соглашаться. Здѣсь одержали побѣду сторонники войны, и Шуваловъ взялъ верхъ надъ Воронцовымъ.

Бретейль не былъ введенъ въ заблужденіе. „Отвѣтъ Россіи даже при пожертвованіи Пруссіи не выполняетъ ни одного намѣренія короля,—писалъ онъ—я въ отчаяніи... Я все сдѣлалъ, чтобы побвдить слабость канцлера; неустанно боролся до послѣдней“ минуты. Чтобы добиться большаго, посланникъ повсюду обращался съ предложеніемъ денежныхъ наградъ, доходившихъ до восьмисотъ тысячъ ливровъ. Но Шуваловъ все таки оказался несокрушимымъ!) въ Версалѣ, не задумываясь, дали событію такоеже толкованіе. „Король, писалъ Шуазель, какъ нельзя болѣе изумленъ отвѣтомъ, полученнымъ на свое заявленіе. Послѣдній доказываетъ что со стороны этой державы совершенно нельзя разсчитывать на добросовѣстность“ [1]).

Существовало такъ же убѣжденіе, что, вначалѣ одобривъ русскій отвѣтъ, французскій министръ отступилъ на попятный, отнесся къ нему отрицательно, опять таки подъ вліяніемъ тайной дипломатіи и личныхъ воззрѣній Людовика XV [2]). Это только лишняя ошибка по тому же поводу. Къ такому заключенію пришли, основываясь на депешахъ министра отъ 10 марта 1761 г. Въ дѣйствительности, приводимый текстъ этой депеши относится ко 2-му

---

[1]) Бретейль Шуазелю, 6? (17?) февраля 1761 г. Иностр. дѣла.

[2]) Шуазель Бретейлю, 18 марта 1761 г, Иностр. дѣла.

марта и написаны раньше, чѣмъ въ Версалѣ стали извѣстны русскія предложенія. Получивъ извѣщеніе 13 февраля, Бретейль не могъ сообщить ихъ сейчасъ же во Францію. Такимъ образомъ, упреждая событія, герцогъ Шуазель выражалъ свое одобреніе не проекту, окончательно принятому с.-петербургскимъ дворомъ, потому, что посланникъ надѣялся провести. Впрочемъ, когда же французскій министръ измѣнилъ свое мнѣніе? Неблагопріатный отзывъ его о пресловутомъ планѣ въ приведенныхъ мною выше выраженіяхъ данъ 18 марта. Такъ какъ подобная, черезчуръ быстрая перемѣна невѣроятна, то отступленіе на попятный относилось къ маю мѣсяцу [1]). Это чистѣйшій вымыселъ. Вопросъ былъ поставленъ, разсмотрѣнъ и окончательно разъясненъ между февралемъ и мартомъ мѣсяцемъ. И это не только въ Версалѣ и С.-Петербургѣ, но также въ Вѣнѣ, гдѣ одновременно возникли пренія при тѣхъ же условіяхъ, при чемъ главнымъ предметомъ обсужденія служила иниціатива, желательная Людовику XV. Результатъ получился совершенно одинаковый. Подъ давленіемъ Маріи-Терезіи воинственное настроеніе восторжествовало на берегахъ Дуная, какъ на берегахъ Невы мысль предоставить королю одному вести переговоры о мирѣ показалась непріемлимой, пототму что переговоры подъ его руководствомъ грозили привести къ быстрому концу и положить предѣлъ войнѣ.

Въ одномъ только отношеніи въ случаѣ обнаружились несогласія между дипломатіей офиціальной и тайной. Согласившись въ интересахъ мира отказаться отъ Восточной Пруссіи, Россія сначала, какъ я указывалъ, выразила намѣренья поставить это условіе въ зависимость отъ поддержки, ожидаемой ея видомъ на Польскую Украйну. Связанный

---

1) Vandal.

секретными инструкціями и имѣя основаніе считать ихъ соотвѣтствующими въ этомъ отношеніи взглядамъ самого Шуазеля, Бретейль отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ признаніе такой статьи, обнаруживъ нѣкоторое неудовольствіе по поводу русскихъ притязаній, Франція, безъ сомнѣнія, не предполагала оказывать имъ безусловно непримиримое противодѣйствіе. Она даже выражала готовность ихъ поддержать и соглашалась поддерживать Польшей, если такой цѣной покупался миръ. Послѣднія инструкціи Шуазеля, доставленныя Бретейлю Фавье, гласили именно въ этомъ смыслѣ, доказывая, что у министра не существуетъ въ данномъ отношеній ни сомнѣній, ни затрудненій. Онѣ подтверждали, что король съ удовольствіемъ окажетъ содѣйствіе желаніямъ Императрицы въ томъ, чтобы Польская Республика выразила свое согласіе на предполагаемое Ея Величествомъ размежеваніе границъ [1]). Слѣдовательно, дѣло было рѣшено. Однако Шуазель добавлялъ оговорку, также формальную, что вопросъ не долженъ возбуждаться открыто во время переговоровъ относительно мира. Онъ составитъ впослѣдствіи предметъ особаго соглашенія. Опять-таки слѣдовало соблюсти внѣшность и сохранить видимость передъ лицомъ Европы; поэтому де Бретейль самымъ энергичнымъ образомъ воспротивился упоминанію означенной статьи въ планѣ умиротворенія и настоялъ на своемъ. Въ окончательной редакціи документа она пропущена. Россія просто отказывалась отъ Восточной Пруссіи, сейчасъ же дала недвусмысленное доказательство искренности своего рѣшенія, отправивъ Бутурлину приказаніе болѣе не щадить области [2]) и выговорила себѣ лишь слѣдуемое удовлетвореніе, не

---

[1]) 18 декабря 1760 г. Иностр. дѣла.

[2]) Соловьевъ, *Исторія Россіи.*

опредѣляя его характера. Польшѣ все-таки грозило поглощеніе, но на ея судьбу цѣломудренно набрасывался покровъ, у нея еще оставалась надежда избѣгнуть гибели.

Хотя весьма скромное, все же это было утѣшеніемъ для Республики и ея защитниковъ, и я готовъ бы видѣть въ томъ воздѣйствіе тайной дипломатіи. Но опять меня оставливаютъ послѣдствія этого событія. Извѣстіе о соглашеніи, достигнутомъ Бретейлемъ еще не успѣло дойти до Версаля, какъ посланникъ получилъ отъ герцога Шуазеля увѣдомленіе въ превденной выше депешѣ отъ 2 марта, что оно болѣе не нужно. Министръ выражалъ согласіе принять въ существующемъ видѣ первую русскую редакцію, пожертвовать Польшей передъ лицомъ всего мира. Какъ поступилъ де Бретейль? Обратился ли онъ къ королю за разъясненіемъ приказаній министра, къ дипломатіи тайной за разъясненіемъ офиціальной? Ничего подобнаго. Онъ рѣшилъ, что если существовало несогласіе между двумя лабораторіями, гдѣ перерабатывалась внѣшняя политика его родины, то послѣдняя министерская нота его благополучно разрѣшила, и, быстро перемѣнивъ фронтъ, возобновилъ переговоры съ Воронцовымъ. Онъ отлично понималъ соображенія, руководившія его принципаломъ и слѣдующимъ образомъ съ нимъ объяснился. „Самое сильное желаніе Россіи расширить свои владѣнія въ сторону Украйны за счетъ Польши и можно и должно извлечь изъ этого пользу.. Поляки останутся не особенно довольны, и Турки, пожалуй, разсердятся, но, безъ сомнѣнія, эти соображенія отходятъ на задній планъ передъ возможностью обезпечить или, по крайней мѣрѣ, облегчить себѣ возвращеніе нашихъ американскихъ владѣній [1]).

---

[1]) Шуазелю, 10 апрѣля 1761 г. Иностр, дѣла.

Правда, Людовикъ XV не преминулъ опровергнуть такой торгъ и даже, побѣдивъ свою лѣть, самъ взялся за перо. Въ королевскомъ письмѣ отъ 8 іюня 1761 г. де Бретейль былъ осыпанъ довольно горячими упреками и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ странное, но рѣшительное приказаніе, приложить всѣ усилія къ тому, чтобы вернуть герцога Шуазеля къ принципамъ болѣе благопріятнымъ для Польши, чѣмъ тѣ, что, можетъ быть, у него имѣются. Намѣренье безспорно похвальное, только слишкомъ поздно выраженное. Дѣйствительно въ полномъ согласіи какого стремились достичь съ Россіей министръ и посланникъ короля за счетъ несчастной Польши, уже зазвучала нота диссонанса и на этотъ разъ она исходила отъ Россіи. Воронцовъ былъ человѣкъ продажный, но обладавшій своеобразной честностью. Такое явленіе не рѣдкость въ извѣстныхъ странахъ, на извѣстныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Русскій канцлеръ олицетворялъ у себя на родинѣ сопротивленіе всегда существовавшее и преодолѣвшее болѣе опасныя искушенія, чрезмѣрному злоупотребленію силой и слишкомъ явнымъ нарушеніемъ права. Мысль возложить на Польшу возмѣщеніе всѣхъ убытковъ—за войну, въ которой она не принимала участія, такая беззастѣнчиво коварная комбинація принадлежала не ему. Онъ это говорилъ. Ооъ согласился ее поддерживать, не имѣя возможности поступить иначе, но не настаивалъ на ней. Онъ хотѣлъ мира, даже безъ возмѣщенія военныхъ издержекъ. Въ ноябрѣ 1760 г. онъ высказалъ свои взгляды по этому поводу и открыто изложилъ свое мнѣніе въ меморіи, представленной въ коллегію иностранныхъ дѣлъ[1]). Въ томъ же духѣ объяснился онъ съ де Бретейлемъ, отказываясь возобновить пренія, уже за-

[1]) Воронцовскій „*Архивъ*“.

конченныя, хотя временно. Вѣдь герцогъ Шуазель недавно призналъ неудобство примѣшивать столь щекотливый вопросъ къ переговорамъ, представлявшимъ сами по себѣ достаточно трудностей? Какое неудачное внушеніе побуждало перемѣнять рѣшеніе наиболѣе благоразумное? Если впослѣдствіи необходимость заставитъ—канцлеръ подразумѣвалъ Шувалова—возобновить обсужденіе этого вопроса и если отъ этого будетъ зависѣть заключеніе мира, всегда успѣется о немъ вспомнить [1]).

Посланнику пришлось передать такой отвѣтъ своему принципалу, который, очевидно, не могъ оказаться болѣе русскимъ, чѣмъ канцлеръ Елизаветы, въ особенности, когда тотъ лишь усвоилъ себѣ мысли и рѣчь своего французскаго коллеги. Послѣднему оставалось только вернуться къ прежнему послѣ временнаго уклоненія, и депеша его отъ 13 мая 1761 г., вызванная именно такими соображеніями, истолковывалась какъ новое доказательство торжества, одержаннаго дипломатіей тайной надъ офиціальной [2]). Виновникомъ же торжества былъ Воронцовъ—и депеша эта, простой отзвукъ словъ, слышанныхъ де Бретейлемъ мѣсяцъ тому назадъ изъ устъ русскаго канцлера доказывала, въ дѣйствительности двойное французское пораженіе. Черезъ посредство того и другого изъ своихъ двухъ господствующихъ направленій русская политика взяла верхъ; она настояла на своихъ желаніяхъ — естественное слѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ на полѣ битвы. Польша, несчастная Польша, нашла себѣ серьезныхъ защитниковъ только въ С.-Петербургѣ!

Въ теченіе марта мѣсяца новое предложеніе Франціи касавшееся предстоящихъ мирныхъ переговоровъ, увѣнчало

---

[1]) Бретейль Шуазелю, 10 апрѣля 1761 г. Иностр. дѣла.

[2]) Vandal.

это торжество. Герцогъ Шуазель предложилъ теперь сдѣлать въ Лондонѣ общее заявленіе отъ имени всѣхъ союзныхъ державъ черезъ посредство представителя Россіи, князя Голицына. Въ С.-Петербургѣ не могли желать большаго. Но еще разъ въ совѣтахъ Елизаветы взяли верхъ сторонники войны и, какъ слѣдовало ожидать, воспользовались одержанной побѣдой, принявъ на себя руководство, переговорами только для того, чтобы подготовить для нихъ неудачу—и новая перемѣна фронта герцога Шуазеля по поводу польскаго вопроса была тутъ непричемъ, Какъ утверждали, она сразу оборвала переговоры, „начатые въ Лондонѣ“ [1]). Когда и чѣмъ выразилась такая перемѣна фронта? Депешей 13 мая, подсказанной, внушенной герцогу Шуазелю. Внушенной кѣмъ? Самимъ Людовикомъ XV. Но я уже указывалъ, что представляла изъ себя эта депеша и въ это время „переговоры велись уже въ Лондонѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ!“ Только Россія принимала мѣры, чтобы они не привели ни къ чему, То, „чтобы польстить Франціи такой податливостью“, какъ Воронцовъ говорилъ Эстергази [2]), она соглашалась въ принципѣ на два самостоятельные конгресса и на установленіе перемирія въ теченіе переговоровъ, и вдругъ „по зрѣломъ обсужденіи“ заявляла о невозможности прекратить военныя дѣйствія и о необходимости созыва генеральнаго конгресса. Англія также ей содѣйствовала, выставивъ непріемлемыя требованія, и переговоры въ сентябрѣ 1761 г. прекратились.

Между С.-Петербургомъ и Версалемъ оставались только перегеворы, начатые Бретейлемъ по поводу непосредственнаго договора. Совершенно неправильно утвержденіе, что

[1]) Vandal,

[2]) Эстергази Кауницу, 9 февр. 1761 г. Вѣнскій Архивъ.

здѣсь произошло странное недоразумѣніе[1]), Воронцовъ будто бы толковалъ о союзѣ политическомъ, а Бретейль дѣлалъ видъ, что подразумѣваетъ союзъ торговый. Депеши посланника отъ 2-го августа 1761 г., на которую ссылались по этому поводу, „не существуетъ“ въ собраніи документовъ, гдѣ какъ предполагали, она хранится, и до этого между С.-Петербургомъ и Версалемъ происходилъ обмѣнъ проэктами, контръ-проектами относительно соглашенія исключительно торговаго. Шуазель не признавалъ иного, онъ безъ колебаній поручилъ Бретейлю точно придерживаться буквы своихъ инструкцій, и французскому посланнику, какъ русскому канцлеру поневолѣ приходилось придерживаться указанныхъ границъ. Но къ соглашенію притти не удалось и въ концѣ августа Воронцовъ, сознавая невозможность осуществленія такого уродливаго сочетанія, торговаго договора сдобреннаго субсидіями, весьма ему улыбавшимися, для чего однако ни онъ, ни Шуазель не могли подыскать подходящаго выраженія, неожиданно рѣшилъ перенести вопросъ на почву, куда раньше перевелъ его Бретейль собственной властью. Дѣйствительно, посланникъ вначалѣ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ въ чемъ дѣло, но канцлеръ не допустилъ никакихъ двусмысленностей: „я говорю вамъ о настоящемъ союзѣ“. Возраженіе было ясно, и никакія недоразумѣнія болѣе немыслимы. Единственное, что оставалось Бретейлю, это прибѣгнуть къ обычному въ дипломатіи способу проволочки, которымъ недавно пользовался самъ Воронцовъ. Посланникъ воспользовался имъ теперь въ свою очередь[2]), а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ вѣсти изъ Лондона вывели его изъ затрудненія. Всѣ эти переговоры основывались на предпо-

---

[1]) Vandal.

[2]) Шуазелю, 24-го августа 1761 г. Иностр. дѣла.

лагавшемся вскорѣ заключеніи мира и зависѣли главнымъ образомъ отъ попытки одновременно предпринятой въ этомъ же направленіи на берегахъ Темзы. Послѣдняя не увѣнчалась успѣхомъ, Франціи пришлось отказаться отъ предложенія, а Россіи отъ полученія субсидій и, предлогъ соглашенія исчезъ самъ собой. Шуазель высказался въ такомъ смыслѣ, Воронцовъ не сталъ настаивать, и проэктъ канулъ въ вѣчность,

Слѣдствіемъ напряженныхъ дипломатическихъ усилій, гдѣ ему принадлежало лишь второе мѣсто оказался только годъ, потерянный для военныхъ дѣйствій. Тайную дипломатію обвиняли даже въ томъ, что она содѣйствовала такому досадному результату, помѣшавъ русскимъ овладѣть Данцигомъ — снова на польской территоріи — представлявшими прекрасную точку оплота и снабженія продовольствіемъ. Новый примѣръ французскихъ интересовъ, принесенныхъ въ жертву Польшѣ [3]). Новое заблужденіе! Въ январѣ 1761 г. взволнованная извѣстіемъ о покушеніи на этотъ городъ, замышлявшемся въ С.-Петербургѣ, тайная дипломатія дѣйствительно, приняла мѣры, чтобы тому воспрепятствовать. Что сказали бы поляки, увидавъ, что въ руки ихъ могущественныхъ сосѣдей перешелъ единственный портъ оставшійся у нихъ на Балтійскомъ морѣ! Нетрудно понять, что въ этомъ обстоятельствѣ мало роли играли чувства, какія могли бы выразить по такому поводу злополучные подданные. Августъ III, по присутствіи русскихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они уже нанесли уронъ французской эскадрѣ—читатели помнятъ о несчастномъ приключеніи Лещинскаго—грозило другимъ интересамъ. Поэтому Бретейль получилъ секретнымъ путемъ настоятельное предписаніе воспрепятствать всѣми спо-

---

[3]) Vandal.

собами такому намѣренью. Ему не пришлось имъ воспользоваться. Опять тайная дипломатія запоздала. „7-го декабря“ 1760 г. въ отвѣтъ на самостоятельное заявленіе посланника и его коллеги, не посвященнаго въ тайну Воронцовъ, призналъ неудобства предполагавшагося плана и сообщилъ что русскому главнокомандующуму будутъ посл аны пика занія объ его отмѣнѣ [1]).

Впрочемъ, вопросъ еще остается открытымъ. Оказалась ли бы попытка болѣе удачной, чѣмъ подъ Кольбергомъ, осада котораго тянулась уже два года. Однако, несмотря на то, что дипломатія его противниковъ безпрерывно работала такимъ образомъ въ его пользу, Фридрихъ чувствовалъ однако, что силы его приходятъ къ концу и скоро придется признать себя побѣжденнымъ. Въ мартѣ 1761 г. ему удалось заключенъ съ Портой дружественный и торговый союзъ, но вначалѣ обезпокоенная этимъ Россія увидѣла въ томъ лишній предлогъ къ энергичному возобновленію враждебныхъ дѣйствій. Въ іюлѣ Данія какъ-будто собралась принять сторону Пруссіи, благодаря продолжавшимся недоразумѣніямъ ъ великимъ княземъ, но русскому послу въ Копенгагенѣ было приказано объявить о своемъ отозваніи, „если не будетъ проявлено больше благоразумія“, и благоразуміе было проявлено [2]). Наконецъ, въ октябрѣ королю Пруссіи былъ нанесенъ, можетъ быть, самый чувствительный ударъ, какой онъ могъ получить изъ Лондона. Выходъ Питтіа изъ министерства лишилъ его лучшей поддержки. Преемникъ Питтіа Бютъ, началъ съ того, что отмѣнилъ субсидіи, которыя Англія выплачивала своему союзнику, а вскорѣ обратился съ

---

1) Фалье Шуазелю, 7-го декабря 1760 г. Иностр. дѣла.

2) Солов ъ евъ.

тайными предложеніями къ Маріи Терезіи [1]). Обнаруженіе измѣны Тотлебена въ іюнѣ мѣсяцѣ также было большой непріятностью для Фридриха. У короля въ это время было много шпіоновъ въ Россіи и одинъ изъ нихъ въ особенности неоцѣненный. Великій князь даже не скрывалъ ремесла какимъ занимался, побужденный преклоненіемъ передъ прусскимъ героемъ. „Король Пруссіи великій волшебникъ,—говорилъ онъ въ многочисленномъ обществѣ. Ему всегда заранѣе извѣстны наши планы кампаніи. Не правда ли Волковъ?“ [2]) Государственный секретарь служилъ ему развѣдчикомъ и посредникомъ въ измѣннической перепискѣ съ Фридрихомъ. Тѣмъ не менѣе Тотлебенъ, находившійся на самомъ театрѣ войны, часто получавшій важныя командировки, пользовавшійся довѣріемъ начальствующихъ лицъ, былъ, пожалуй, еще болѣе полезнымъ пособникомъ. Черезъ посредство еврея, Сабатка, онъ аккуратно доставлялъ въ прусскій лагерь донесенія о дѣйствіяхъ русской арміи, планахъ, передвиженіяхъ. Въ іюлѣ Сабатка попался, и Тотлебенъ былъ арестованъ. Страшная вещь, сама по себѣ предостерегающая насъ, когда рѣчь идетъ объ Россіи, отъ извѣстныхъ обобщеній, которымъ не поддается ея нравственный укладъ; подробность, доказывающая намъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ особеннымъ міромъ; послѣ того, какъ его преступленіе было установлено, доказано, даже сознанно измѣнникъ, приговоренный къ смерти при Елизаветѣ военнымъ совѣтомъ, былъ при Екатеринѣ помилованъ и получилъ прежнее назначеніе въ арміи! [3])

---

[1]) Lesky „A History of England“.

[2]) Мерси Аржанто Кауницу, Петерб. 3 мая 1762 г. Вѣнскій Архивъ, ср. Arneth, Бильбасовъ.

[3]) См. подробности измѣны и процесса: Schaefer Schöning „Der s ebenjährige hrieg“, Воронцовскія Архивъ.

Въ концѣ года новое несчастіе ожидало Фридриха. Кольбергъ окончательно попалъ во власть русскихъ, находившихся этотъ разъ подъ начальствомъ неустрашимаго Румянцева, на ряду съ которымъ отличался Суворовъ, будущій князь Италійскій. Это была небольшая крѣпость, но энергія, съ какой защищалъ ее Фридрихъ, доказываетъ значеніе, какое онъ придавалъ обладанію ею. Дѣйствительно, русское вторженіе такимъ образомъ сливалось со шведскимъ, тиски сжимались и грозили болѣе возможной, почти вѣрной гибелью. Предотвратить ее могло только чудо. Фридрихъ это понималъ и, не въ силахъ болѣе отражать сыпавшіеся на него удары, возлагалъ всю надежду только на „Его Августѣйшее Величество случай“. И упованіе его оправдалось.

V.

Смерть Елизаветы.

Въ продолженіе всей кампаніи 1761 г., не пытаясь уже болѣе, какъ раньше воспрепятствовать соединенію русскихъ и австрійцевъ, происходившему на его глазахъ въ Силезіи, принужденный окопаться въ укрѣпленномъ лагерѣ Бунцеловицъ, король держался только благодаря крайней глупости своихъ противниковъ.

Окруживъ его, русскіе, по прежнему подъ начальствомъ безтолковаго Бутурлина, по прежнему ссорившіеся съ австрійцами, дѣйствительно, вдругъ смалодушничали и отступили. Однако Лаудонъ, получивъ отъ Бутурлина двадцатитысячный отрядъ подъ командой Чернышева, взялъ Швейницъ, первокласную крѣпость „почти невѣроятнымъ образомъ", какъ сказалъ Фридрихъ. И чувствуя, что почва ускользаетъ у него изъ подъ ногъ, великій полководецъ вернулся къ надеждѣ на помощь, обѣщанную турками, за которую уже раньше хватался, стараясь удержать пошатнувшееся счастье, „Если эта надежда обманетъ, писалъ онъ Финкенштейну въ январѣ 1762 г., придется подумать о томъ, какъ бы сохранить при помощи переговоровъ, для моего племянника то, что удастся спасти изъ жалкихъ остат-

ковъ отъ алчности нашихъ враговъ... Будьте увѣрены, что если бы у меня оставался хотя бы проблескъ надежды, что рискуя величайшей опасностью, возможно возстановить государство въ его прежнемъ видѣ, я бы не обращался къ вамъ съ такой рѣчью [1]).

Это было окончательное признаніе неминуемаго пораженія; крикъ отчаянья, предсмертный хрипъ затравленнаго животнаго, близкаго къ изнеможенію.

Но тутъ вмѣшался случай или вступилось Провидѣніе. Съ начала предыдущаго года здоровье Елизаветы внушало ея приближеннымъ все болѣе тревожныя опасенія. Продолженіе войны, требуемое ея гордостью, но осуждаемое благочестіемъ; постоянныя заботы о дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, мучившія ее съ тѣхъ поръ, какъ не было больше Бестужева, разсѣивавшаго ихъ своей невозмутимой увѣренностью; завѣдомая неспособность Воронцова и остальныхъ министровъ; выходки и скандальныя приключенія великой княгини; сумасбродства и преступныя поползновенія великаго князя, интриги, постоянно нарождавшіяся вокругъ государыни и домогавшіяся ея наслѣдія; отчаянное сожалѣніе объ увядшей красотѣ; безумный страхъ смерти; все вмѣстѣ взятое подтачивало здоровье, уже разстроенное злоупотребленіями всякаго рода. Часто повторяющіеся истерическіе припадки, не закрывающіяся больше на ногахъ раны, все труднѣе поддающіяся прекращенію кровотеченія возвѣщали неизбѣжный конецъ. Строгій образъ жизни, конечно, могъ бы его отсрочить, но ведя жизнь изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ болѣе уединенную, Елизавета все еще не хотѣла отказаться отъ удовольствій. Въ теченіе зимы 1760-1761 г. она только одинъ разъ показалась въ обществѣ, въ день праздника Андрея Первозваннаго; запер-

---

[1]) „Pol. Corresp".

шись остальное время у себя въ комнатѣ, принимая тамъ министровъ черезъ долгіе промежутки и выслушивая ихъ донесенія не покидая постели; открывая, за исключеніемъ этого, свои аппартаменты лишь для немногихъ приближенныхъ, болтливыхъ кумушекъ, тенора Компаньи, буффа и мимика ея итальянской труппы, общества котораго по этому искали посланники съ Эстергази во главѣ, ей однако случалось проводить долгіе часы въ разсматриваніи матерій въ примѣркѣ и обдумываніи уборовъ. Иногда довольная болѣе шедшимъ къ лицу нарядомъ, она заявляла о своемъ намѣреніи выѣхать на балъ или въ театръ; затѣмъ надѣвъ платье, зачесавъ волосы побѣдоносной прической, какъ во дни прекраснаго прошлаго, исчерпавъ всѣ ухищренія искусства надъ увядшими прелестями, бросивъ послѣдній взглядъ въ зеркало, она отмѣняла празднество или зрѣлище, раздѣвалась и на долгіе дни погружалась въ прежнее безразличіе и одиночество. Но усиліе сдѣланное, чтобы ихъ стряхнуть съ себя, приводило ее въ окончательное изнеможеніе. Не обѣдая въ обществѣ, допуская присутствіе за своимъ столомъ лишь немногихъ близкихъ лицъ, она ѣла мало и пила только квасъ или нѣсколько глотковъ венгерскаго вина; но въ промежуткахъ между обѣдомъ и ужиномъ, чтобы прогнать охватывавшія ее утомленіе и оцѣпененіе, она пріучилась поглощать громадное количество крѣпкихъ напитковъ. Наконецъ, даже теперь, у ея ложа, покинутаго сномъ, испытанному охранителю ея бдѣній „спальнику“ съ наивной душой приходилось проявлять прежнюю скромность [1]).

---

[1]) Русскій дворъ въ 1761 г. „Русская Старина“. По современнымъ мемуарамъ, воспроизведеннымъ весьма не полно, Мерси Аржанто Императору. 14 ноября 1761 г. Вѣнскій Архивъ, по французски; л'Ониталь Шуазелю, 11 декабря 1759 г. иностр. дѣла, Бретейль Шдазелю, 24 дек. 1761 г. „ibid“.

17 ноября съ ней случился первый острый припадокъ: оправившись отъ него и чувствуя себя лучше, она пожелала заняться дѣлами. Но дѣла представляли однѣ непріятности. Извѣстія изъ арміи получались не такія, какъ ее было бы желательно. Фридрихъ еще не сдавался, а Бутурлинъ дѣлалъ только глупости. Внутри страны неустройство и безпорядокъ усиливались. Самъ фаворитъ въ томъ признавался: „Приказанія остаются безъ исполненія, верховная власть безъ вниманія, правосудіе безъ защиты, вотъ до чего мы дошли“ говорилъ онъ Воронцову [1]). Ни ему, ни остальнымъ сотрудникамъ государыни не удавалось исполнить одной изъ послѣднихъ ея фантазій, желаніи больной: давно ей хотѣлось покинуть свой старый деревянный дворецъ, гдѣ она находилась въ вѣчнотъ страхѣ пожаровъ, столько разъ ею пережитыхъ. Безпомощная, часто прикованная къ постели она воображала себя постигнутой несчастьемъ, окруженной пламенемъ, можетъ быть обреченной сгорѣть заживо. А между тѣмъ постройка зимняго дворца не двигалась впередъ. Чтобы докончить только частные апартаменты Императрицы, архитекторъ Растрелли требовалъ 380,000 рублей,, а взять ихъ было неоткуда. Въ іюнѣ 1761 г. наконецъ собрались выдать ему крупную ассигновку, когда пожаромъ были уничтожены па малой Невѣ громадные склады пеньки и льна, причинивъ собственникамъ убытки болѣе чѣмъ на милліонъ рублей и грозя имъ раззореніемъ. Елизавета отказалась отъ дворца и приказала выдать потерпѣвшимъ деньги, предназначавшіяся Рострели. Но въ ноябрѣ, справившись по этому поводу она узнала, что неотложныя нужды заставили отсрочить даже эту выплату, Война поглощала всѣ намѣченныя суммю.

12 (23) декабря Императрица почувствовала себя совсѣмъ

---

[1]) Воронцовскій Архивъ.

плохо. Чтобы прекратить упорный кашель, сопровождавшійся кровохарканьемъ, ея врачи, Моисей, Шиллингъ и Крузе назначили кровопусканье и испугались обнаруженнаго имъ воспалительнаго состоянія. Черезъ пять дней когда наступило неожиданное улучшеніе, Олсуфьевъ представилъ въ Сенатъ именной указъ, повелѣвавшій освобожденіе большого количества узниковъ и предписывавшій изысканіе мѣръ, позволившихъ бы отмѣнить весьма обременительный налогъ на соль.

То было послѣднее проявленіе политической дѣятельности Елизаветы.

22 декабря (2 января) 1762 г. послѣ новаго кровотечеченія, еще болѣе сильнаго, чѣмъ предыдущія, врачи объявили Императрицу въ опасности. На слѣдующій день она исповѣдывалась и причастилась. 24 декабря (4 января) ее соборовали и прочитали надъ ней отходную, при чемъ она повторяла слова молитвы. Агонія продолжалась всю ночь и до вечера слѣдующаго дня [1]). Усопшей только что исполнилось пятьдесятъ два года.

Остальное извѣстно, воцареніе Петра III, курьеры, немедленно отправленные новымъ императоромъ съ приказомъ пріостановить враждебны и дѣйствія, возвѣстить Фридриху дружественныхъ намѣреньяхъ государя, затѣмъ вскорѣ договоръ, заключенный съ Прусскимъ королемъ, отступничество въ разгаръ кампаніи, коалиція, лишившаяся главной своей поддержки. Фридрихъ и Пруссія были спасены, Франціи и Австріи пришлось заключить невыгодный миръ, и вскорѣ овладѣвшая престоломъ Россіи насильственнымъ захватомъ нѣмецкая принцесса, полупрусачка, избранница Фридриха, вмѣстѣ съ нимъ встала во главѣ другой травли.

---

[1]) Соловьевъ.

Такъ суждено было случаемъ или провидѣніемъ, и если-бы даже начатая борьба завершилась совсѣмъ другимъ исходомъ, народъ Петра Великаго не извлекъ бы изъ того видимой пользы. Уже принеся въ жертву зависти союзниковъ или собственнымъ сомнѣніямъ планы завоеваній или расширенія владѣній, одно время прельщавшіе, оговоривъ себѣ лишѣ гадательное удовлѣтвореніе неопредѣленное и трудно осуществимое, онъ сражался только ради чести и удовольствія; собственно говоря, всегда сражался только ради чести и удовольствія принимать участія въ великой европейской коалиціи. Но для опальныхъ участниковъ борьбы иная развязка безъ сомнѣнія представляла бы громадное значеніе. Проживи Елизавета нѣсколькими мѣсяцами долѣе и великій полководецъ, великій политикъ, побѣдоносный геній котораго служитъ предметомъ преклоненія потомства, вѣроятно, оставилъ бы по себѣ воспоминанія только какъ объ удивительномъ талантѣ, служившемъ честолюбію безумному, непредусмотрительному, преступному — виновному въ томъ, что привелъ къ гибели государство, остатки котораго уже разсчитывалъ подѣлить со своими побѣдителями. Еще бы нѣсколько мѣсяцевъ, и шпага Апраксина, Салтыкова, Румянцева, храбрость русскихъ солдатъ, стойкость Елизаветы измѣнили бы теченіе европейской исторіи, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько мѣсяцевъ.

Это побуждаетъ меня окинуть взоромъ общую сложность событій и перипетій, мною описанныхъ въ этой главѣ и четырехъ предыдущихъ. Наряду съ исторіей внѣшней, внутренняя исторія царствованія, конецъ котораго я описалъ, приметъ, надѣюсь, въ глазахъ читателей, выразительныя и характерныя черты, какія я старался подмѣтить и передать.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Связанная дѣйствіемъ обстоятельствъ, совершенно случайныхъ, съ австрійскимъ союзомъ, внѣшняя политика Елизаветы, придерживаясь принятой ею программы Петра Великаго, не прекращала постояннаго вмѣшательства въ дѣла Западной Европы, составлявшаго съ 1757 г. для страны непосильное бремя, не приносившее ей, однако, никакой пользы. Борясь съ предпріимчивостью Бестужева, затѣмъ съ воинственнымъ духомъ Шувалова, здравый смыслъ и отъ природы миролюбивыя наклонности Елизаветы вначалѣ обезпечили ея государству довольно продолжительный періодъ мира. Но программа ее опутывала, сковывала, и, наконецъ, повергла въ лихорадочный приступъ честолюбія и воинственности.

Какъ извѣстно, съ ней было сопряжено двойное движеніе извнѣ внутрь и изнутри снаружи. Открывъ свои двери вторженію иностранныхъ элементовъ, Россія, рѣка съ внезапно вздувшимися водами, благодаря такому притоку, сама собой вышла изъ береговъ и разлилась по Европѣ. Поспѣшная ассимиляція и неудержимое изліяніе, такая двойная фаза народной жизни, одновременно происходившая, требовала огромной затраты силы, слѣдовательно (принимая во вниманіе скудность существующихъ), ихъ почти исключитель-

наго примѣненія для цѣлей, такимъ образомъ преслѣдуемыхъ, и указывало на настоятельную, неотложную необходимость ихъ усилить развитіемъ, одинаково быстрымъ во всѣхъ смыслахъ. Такимъ образомъ, тутъ была цѣлая программа цивилизаторскаго почина, прогресса экономическаго, умственнаго, общественнаго. Но несоотвѣтствіе между усиліями, требовавшимися немедленно, и наличностью имѣвшихся средствъ, исключало всякую возможность уравновѣсить обѣ стороны такого удивительнаго сочетанія, а также придать внутренней работѣ, разсматриваемой какъ орудіе внѣшняго воздѣйствія, правильное движеніе и естественный распорядокъ. При выполненіи временныя средства роковымъ образомъ замѣняли реформы, фантазіи—обдуманныя рѣшенія; поспѣшное подражаніе западной цивилизаціи заступало мѣсто правильно и благоразумно распространенной культуры. Отъ чего зависѣлъ цѣлый рядъ непормальностей и неправильностей, уже очевидныхъ въ дѣлѣ Преобразователя и еще яснѣе выступившихъ при его наслѣдникахъ.

При Елизаветѣ видимую намѣченную цѣль, преслѣдуемую всѣми способами, составляло сначала внутри государства въ мирное время, а затѣмъ за предѣлами его, представительство, иллюзія, во всѣхъ видахъ поддерживавшаяся, могущества и величія; употребляемыми средствами были жертвы все болѣе тяжелыя, все болѣе непосильныя, бременемъ ложившіяся на матеріальную и духовную жизнь страны, даже на ея достоинство и честь: земледѣліе, подорванное бѣгствомъ крестьянъ, изнемогавшихъ подъ игомъ и отъ него укрывавшихся; нарождающаяся промышленность, скованная фискальными требованіями, препятствовавшими ея преуспѣянію умственное развитіе, задержанное преобладаніемъ милитаризма; иностранныя субсидіи, непризнаваемыя, отвергнутыя съ законной гордостью, затѣмъ принятыя, даже выпраши-

ваемыя, съ забвеніемъ всякаго стыда; наконецъ, самовластіе, съ одной стороны разрывающее узы рабства, крѣпче стягивающіяся съ другой; народъ лакеевъ, подъ плетью державшій народъ рабовъ; прислужничество въ высшихъ слояхъ, каторга въ низшихъ; всяческое бѣдствіе и всяческій позоръ.

А въ результатѣ? Причудливое, двуликое обличіе, долгое время представляемое современной Россіей взорамъ остального міра: ликъ радостный и ликъ скорбный, внушительная декорація, служившая фасадомъ лачугѣ; армія, вооруженная, обученная на европейскій ладъ, завоевавшая Германію, а дома—населеніе въ лохмотьяхъ, напоминающее звѣрей; блестящій дворъ, дворцы, казармы—и отсутствіе госпиталей и школъ; чеканка серебряной монеты въ Кенигсбергѣ, покоренной странѣ—и фальшивыя мѣдныя деньги, изготовлявшіяся въ С.-Петербургѣ для мѣстныхъ нуждъ; одинаковыя крайности роскоши и нищеты; повсюду сосѣдство цивилизаціи и варварства—и геній Ломоносова, едва мерцающій среди царства мрака.

И все-таки, несмотря на всѣ заблужденія, отклоненія, безразсудно и преступно навязанныя живымъ силамъ великаго народа, въ погонѣ за притязаніями и замыслами, по большей части неосуществимыми, благодаря богатству и упругости задатковъ, такимъ образомъ не пощаженныхъ, царствованіе Елизаветы знаменовало собой прогрессъ даже во внутренней жизни государства. Оно сохранило державѣ, созданной Петромъ Великимъ непривлекательную внѣшность механизма, пышнаго и угрожающаго, съ пружинами, натянутыми для дѣйствія извнѣ, для вещественныхъ побѣдъ, тогда какъ развитіе страны умственное, духовное, экономическое, отразилось и подавлялось, благодаря такой неразумной исключительности и такому несоразмѣрному усилію. Однако, предоставивъ сначала временную отсрочку такимъ образомъ

переутоляемымъ силамъ, оно дало имъ возможность направиться къ цѣлямъ болѣе полезнымъ, уже не упускавшимся болѣе изъ вида, испробовать себя въ дѣлахъ, болѣе плодотворныхъ, болѣе не покидавшихся.

За отсутствіемъ знанія или искусства такой эволюціи содѣйствовалъ характеръ государыни, ея нравъ, болѣе кроткій, вкусы, болѣе утонченные, придавшіе нравамъ, чувствамъ, мыслямъ ея народа новый отпечатокъ. Въ мрачную исторію Россіи дочь Петра Великаго внесла лучъ солнца: улыбку женщины, и въ теченіе долгихъ лѣтъ испытаній, его впереди ожидавшихъ, народъ, „обреченный на муку", чувствовалъ ея одобряющую, успокоительную ласку.

Съ другой стороны, несмотря на неподходящіе союзы и досадныя потворства, содѣйствовавшія ея возвышенію, несмотря на договоръ съ Западной Европой, внушенный принятой программой, представительница рода, у котораго уже полтора вѣка тому назадъ Россія искала поддержки и охраны своей неприкосновенности, Елизавета не нарушила другого договора, заключеннаго въ 1613 г., на защиту бѣдствовавшей родины. Минуя всѣ соблазны и опасности все болѣе тѣснаго общенія съ европейской цивилизаціей и политикой, она поддержала, до извѣстной степени, заботу о независимости, составляющую первое условіе всякаго народнаго существованія и почитанія завѣтовъ, образующихъ его душу. Единственная Романова послѣ Петра Великаго, она оказалась достойной въ этомъ вѣкѣ съ честью носить свое имя.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Исторія внутренняя.

Глава I. Восшествіе на престолъ 25
Глава II. Женщина и императрица 71
Глава III. Приближенные государыни.—Дѣятели государственные и военные 147
Глава IV. Политическая эволюція. 209
Глава V. Общественное движеніе 279

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Исторія внѣшняя.

Глава I. Конецъ Шведской войны.—Романъ маркиза де ла Шетарди. 367
Глава II. Разрывъ съ Франціей и Пруссіей.—Австрійскій союзъ. 508
Глава III. Коалиція противъ Фридриха 517
Глава IV. Покореніе Пруссіи 561
Глава V. Фридрихъ въ отчаянномъ положеніи.—Смерть Елизаветы , ... 617

К. Валишевскій.

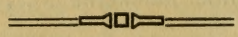
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ 9 ТОМАХЪ.

Т. I. **Вокругъ трона** (Екатерина Великая). Ц. **3** р.

Т. II. **Царство женщинъ** (Екатерина I, Анна, Елизавета) Ц. **3** р.

Т. III. **Петръ Великій** Ц. **3** р. **50** к.

Т. IV. **Дочь Петра** (Императрица Елизавета). Ц. **3** р. **50** к.



ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

Томы V и VI.

Все изданіе отпечатано въ цвѣтныхъ рамкахъ, украшено многочисленными портретами и рисунками.

150.1

12-50
16973/6

25-
1

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 048868290